ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАС

Айзек

АЗИМОВ

Мечты роботов

ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАС

Айзек
АЗИМОВ

Часть первая

Мечты роботов

•

Часть вторая

Другие мечты роботов

•

Часть третья

Эссе

Москва
«ЭКСМО»
Санкт-Петербург
«ДОМИНО»
2009

Айзек

АЗИМОВ

Мечты роботов

Москва
«ЭКСМО»
Санкт-Петербург
«ДОМИНО»
2009

УДК 820(73)
ББК 84(7 США)
А 35

ISAAC ASIMOV

Составитель *А. Жикаренцев*

Серийное оформление художника *А. Саукова*

Серия основана в 2001 году

Азимов А.
А 35 Мечты роботов: Фантастические произведения / Пер. с англ. — М. : Эксмо ; СПб. : Домино, 2009. — 848 с. — (Шедевры фантастики).

ISBN 978-5-699-00842-1

О чем могут мечтать роботы, созданные человеком? Наверное, о том, чтобы стать людьми, ведь они так мало похожи на своих творцов. И, наверное, эти металлические люди с позитронными мозгами будут обладать такими возможностями и качествами, о которых не стоит и мечтать представителям рода человеческого.

Однако, если роботы станут умнее людей, не возникнет ли опасность, что они перестанут нам подчиняться и захотят создать собственную цивилизацию?

УДК 820(73)
ББК 84(7 США)

© ООО «Издательство «Эксмо». Оформление. 2009
© А. Александрова, И. Васильева, В. Голдич, И. Гурова, М. Гутов, Е. Дорошенко, А. Иорданский, И. Осанесова, Г. Ордов, В. Постников, Н. Сосновская, М. Тайманова, Н. Хмелик, Ю. Эстрин. Перевод. 2008

ISBN 978-5-699-00842-1

Предисловие

ХРОНИКИ РОБОТОВ

Что такое робот? Вот наиболее краткое и вразумительное определение: «искусственный объект, напоминающий человеческое существо».

Когда мы размышляем о сходстве, прежде всего на ум приходит внешность. Робот *выглядит* как человеческое существо.

Он может, к примеру, быть покрыт мягким материалом, напоминающим человеческую кожу. Может иметь волосы, глаза и голос, а также все необходимые черты, свойственные человеку,— в результате по внешнему виду его невозможно отличить от человеческого существа.

Однако это не самое важное. На самом деле робот, каким он возник в научной фантастике, почти всегда сделан из металла и его внешность лишь стилизована под человека.

Теперь забудем на время о внешней стороне вопроса, и будем размышлять о том, что робот способен сделать. Мы полагаем, что роботы могут делать работу быстрее и эффективнее, чем человеческие существа. Но в таком случае *любую* машину следует считать роботом. Швейная шьет быстрее и аккуратнее, чем человек; пневматическая дрель проделывает отверстие в твердой поверхности быстрее, чем мы, лишенные специальных инструментов; телевизионный приемник ловит и организует радиоволны, к чему мы вообще не способны, и так далее.

Таким образом, нам следует применять термин «робот» к машине, которая отличается от обычного инструмента. Робот есть *компьютеризированная* машина, способная решать задачи, которые слишком сложны для любого живого существа, за исключением человека, и которые не в силах решить машина, лишенная компьютера.

Иными словами, мы получаем предельно короткую формулу:

Робот = машина + компьютер.

Теперь становится очевидным, что истинный робот попросту не мог появиться до 40-х годов XX века и не имел практического применения (то есть не был достаточно компактным и дешевым для каждодневного использования) до изобретения микрочипов в 70-х годах.

Тем не менее *концепция* робота (искусственного устройства, которое имитирует действия и, возможно, внешность человека), достаточно стара. Вероятно, ее появление совпадает с возникновением воображения.

Древним людям, за неимением компьютеров, пришлось придумать другой способ наделения искусственных объектов квазичеловеческими способностями; для этого они призывали на помощь сверхъестественные силы, основанные на божественном вмешательстве, лежашем за пределами возможностей обычных людей.

Так, в восемнадцатой песни «Илиады» Гомера написано, что у Гефеста, греческого бога огня, были помощники:

> ...золотые служанки
> Вмиг подбежали, подобные девам живым, у которых
> Разум в груди заключен, и голос, и сила,— которых
> Самым различным трудам обучили бессмертные боги*.

Конечно, то были роботы.

Или на острове Крит во времена его расцвета якобы имелся бронзовый гигант по имени Талос, который безостановочно патрулировал берега, готовый сразиться с приближающимся врагом.

---

* Перевод В. В. Вересаева.— *Здесь и далее примеч. перев.*

В античные времена и в средневековье образованные люди умели создавать искусственные живые существа при помощи тайной науки, которую они сумели открыть — и благодаря которой становились обладателями божественной или демонической силы.

Одна из наиболее известных ныне легенд о роботах из средневековой истории рассказывает о рабби Лоу, жившем в Праге в XVI веке. Считалось, что он слепил искусственное человеческое существо — робота — из глины, как Бог создал Адама. Глиняный объект, как бы сильно он ни напоминал человеческое существо, есть «аморфная субстанция» (на иврите — «голем»), поскольку он лишен атрибутов жизни. Однако рабби Лоу оживил своего голема, воспользовавшись священным именем Бога, и заставил трудиться, защищая евреев от преследователей.

Впрочем, у людей, которые заимствовали знания от богов или демонов, всегда возникали проблемы. Их преследовало чувство опасности; казалось, что вызванные ими к жизни силы могут выйти из-под их контроля. Подобный мотив хорошо нам знаком по легенде об ученике чародея, юноше, который знал о магии ровно столько, чтобы начать процесс, но не умел в случае необходимости его остановить.

Древние были достаточно умны, чтобы это понимать и опасаться последствий. В древнееврейском мифе об Адаме и Евс, в котором они совершают грех, добравшись до запрещенной информации (съедают плод с древа познания добра и зла, то есть познают все), их изгоняют из Рая, а они, согласно христианским теологам, заражают человечество «первородным грехом».

В греческих мифах это сделал Титан, или Прометей, который передал огонь (а значит, и технологию) людям, за что был наказан разгневанным Зевсом, главным богом.

В начале нового времени были усовершенствованы механические часы, и оказалось возможным использовать управляющие ими маленькие механизмы — пружины, шестерни, анкерные механизмы, храповики и так далее — для работы других устройств.

Начало XVIII века стало золотым веком «автоматов» — механизмов, которые при помощи источника энергии (вроде пружины или сжатого воздуха) могли выполнять довольно сложные действия. Игрушечные солдатики маршировали; игрушечные утки крякали, плавали, пили воду и ели зернышки; игрушечные мальчишки окунали перо в чернила и писали письмо (одно и то же, естественно). Подобные автоматы выставлялись на всеобщее обозрение и стали ужасно популярными (иногда они даже приносили доход своим владельцам).

Конечно, это направление науки было тупиковым, но оно помогло сохранить надежду на создание механических устройств, способных на действия, выходящие за рамки возможностей часового механизма, способных когда-нибудь стать почти живыми.

Наука стремительно развивалась, и в 1798 году итальянский анатом Луиджи Гальвани обнаружил, что под воздействием электрического разряда можно заставить мертвые мышцы сокращаться, словно они живые. Может быть, в электричестве содержался секрет жизни?

В результате возникла теория, утверждающая, что искусственную жизнь можно создать, опираясь исключительно на научные принципы, без всякой помощи богов или демонов. Эти идеи привели к написанию книги, которую многие считают первым образцом научной фантастики,— «Франкенштейна» Мэри Шелли, опубликованного в 1818 году.

В этой книге анатом Виктор Франкенштейн собирал фрагменты тел только что умерших людей и при помощи самых современных научных открытий (которые не описаны в книге) вызвал к жизни существо — в дальнейшем все называют его «Чудовищем». (В одноименном фильме существо удается оживить при помощи электричества.)

Однако переход от сверхъестественного к науке не исключил страха перед опасностью, которую несет знание. В средневековой легенде о големе монстр выходит из-под контроля и рабби Лоу вынужден забрать у него божественное имя и уничтожить свое создание. В сказке о Франкенштейне герою повезло значительно меньше. Он

в страхе бежит от Чудовища, и монстр, охваченный гневом, сначала уничтожает всех, кто дорог Франкенштейну, а потом и его самого.

Так возникла главная тема для научно-фантастических рассказов. Создание роботов рассматривалось как один из самых ярких примеров чрезмерной заносчивости человечества в его попытках завладеть божественной властью при помощи научных средств. Сотворение человеческого существа, наделенного душой, до сих пор считалось исключительно прерогативой Бога. Попытка создания живого существа должна была привести к возникновению бездушной пародии на человека, которая обязательно станет опасной, как голем или Чудовище. Таким образом, появление робота вело к неизбежному наказанию, и предостережение: «Есть вещи, которые человечеству не следует знать» — повторялось снова и снова.

Как бы то ни было, никто не использовал слово «робот» до 1920 года (по странному совпадению я родился именно в этом году). Чешский драматург Карел Чапек написал пьесу «R. U. R.» про англичанина Россума, который наладил производство искусственных людей. Он создал их для того, чтобы настоящие люди имели возможность жить в комфорте и праздности.

Чапек дал своим искусственным людям имя «роботы» — это слово в чешском языке означает «подневольный работник» или «раб». Название пьесы расшифровывается как «Универсальные роботы Россума» — так называется фирма, которую возглавляет главный герой.

В этой пьесе то, что я называю «комплексом Франкенштейна», звучит еще сильнее. Чудовище Мэри Шелли уничтожило только Франкенштейна и его семью; наделенные эмоциями роботы Чапека возненавидели свое рабство и уничтожили человеческую расу.

Пьеса была поставлена в 1921 году и пользовалась достаточной популярностью (хотя мне она совсем не понравилась) — в результате все узнали слово «робот». Теперь, насколько мне известно, искусственное человеческое существо на всех языках называется «робот».

В 20—30-х годах XX столетия пьеса «R. U. R.» еще больше усилила комплекс Франкенштейна, и (за редкими исключениями, вроде «Елены О'Лой» Лестера дель Рея и серии «Звено Адама» Эандо Биндера) орды лязгающих злобных роботов переходили из одного рассказа в другой.

В 30-х годах я был страстным поклонником научной фантастики, но мне надоели бесконечные сюжеты о свирепых роботах. Я их видел совсем иначе. Мне всегда казалось, что роботы — это машины, продвинутые мащины, но не более того. Они могли оказаться опасными, но никто не мешал людям позаботиться о собственной безопасности. Система безопасности может оказаться недостаточной или не выдержать неожиданных перегрузок, но подобные неудачи помогают избежать ошибок в будущем.

В конце концов, любые устройства могут оказаться опасными. Открытие речи привело к общению — и лжи. Открытие огня привело к развитию кулинарного искусства — и ядов. Открытие компаса способствовало навигации — и уничтожению цивилизации в Мексике и Перу. Автомобили невероятно полезны, но каждый год десятки тысяч американцев гибнут под их колесами. Развитие медицины спасло жизни миллионам — и привело к перенаселению.

Во всех случаях возникают серьезные опасности, которые прекрасно иллюстрируют высказывание: «Есть вещи, которые человечеству не следует знать», но мы, безусловно, не можем лишить себя знаний и вернуться в состояние австралопитека. Даже с теологической точки зрения можно утверждать, что Бог не стал бы наделять человека разумом, если бы не хотел, чтобы люди изобретали что-то новое, становились мудрее и заботились о своей безопасности, не забывая об ограниченности собственных возможностей.

Итак, в 1939 году, в возрасте девятнадцати лет, я был полон решимости написать рассказ о разумном использовании роботов, которые не представляли бы опасности и успешно исполняли свои обязанности. Поскольку мне требовался источник энергии, я вообразил себе «позитронный мозг». То были лишь непонятные слова, но за

ними скрывался неизвестный источник энергии, полезный, разносторонний, быстрый и компактный — как еще не изобретенный компьютер.

Рассказ получил название «Робби» и появился далеко не сразу. Сначала я написал несколько других в таком же роде — после консультаций с моим редактором Джоном В. Кэмпбеллом-младшим, которого захватила моя идея; со временем все они были напечатаны.

Кэмпбелл убеждал меня как можно точнее сформулировать мои идеи относительно системы безопасности роботов, и я осуществил это в своем четвертом рассказе «Хоровод», который появился в марте 1942 года в журнале «Эстаундинг сайенс фикшн». В этом номере, на странице 100, в первой колонке, примерно в нижней ее трети (я это хорошо запомнил), один из персонажей говорит другому: «Начнем с Трех основных законов роботехники».

Так уж получилось, что термин «роботехника» был впервые употреблен в печати именно тогда, и теперь это слово широко применяется в науке и технологии разработки, обслуживания и использования роботов. В Оксфордском словаре английского языка, в третьем дополнительном томе, сказано, что честь изобретения данного термина принадлежит мне.

Конечно, тогда я не знал, что изобретаю новое слово. В своей юношеской невинности я думал, что оно *существует,* и не имел не малейшего представления о том, что раньше его никто не использовал.

Три основных закона роботехники, упомянутые мною выше, со временем получили название Трех законов роботехники Азимова. Вот они:

1. Робот не может причинить вред человеку или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинен вред.

2. Робот должен повиноваться всем приказам, которые отдает человек, кроме тех случаев, когда эти приказы противоречат Первому закону.

3. Робот должен заботиться о своей безопасности в той мере, в какой это не противоречит Первому и Второму законам.

Эти законы, как оказалось впоследствии (я никак не мог этого предположить), стали самыми знаменитыми, их очень часто цитируют, да и вообще мне представляется, что они — самое важное из того, что я написал. (И я сделал это в двадцать один год, что заставляет меня снова и снова спрашивать себя: а сделал ли я что-нибудь полезное с тех пор, чтобы оправдать свое существование?)

Мои истории о роботах оказали большое влияние на научную фантастику. Я старался рассказывать о роботах без излишних эмоций: их производили на свет инженеры, и они представляли собой инженерные проблемы, которые требовали решения, и эти решения находились. В моих рассказах имелись весьма убедительные зарисовки будущей технологии, а вовсе не уроки морали. Роботы были машинами, а не метафорами.

В результате рассказы о роботах в прежнем виде перестали существовать, если не считать комического направления. Роботы стали рассматриваться как машины, а не как метафоры, и другими писателями. Теперь роботы выглядели как благожелательные и полезные устройства — за исключением тех эпизодов, когда что-то случалось, но и после этого оставалась возможность для исправления ошибок и улучшений. Другие писатели не цитировали Трех законов — они остались зарезервированными за мной,— но они их приняли, также как и наши читатели.

Но что еще более удивительно, мои рассказы о роботах оказали влияние на окружающий мир.

Хорошо известно, что на ранние эксперименты по запуску ракет оказали влияние научно-фантастические рассказы Герберта Уэллса. Точно так же ранние эксперименты с роботами прошли под влиянием моих рассказов о роботах, девять из которых собраны в 1950 году в книге под названием «Я — робот». Это была моя вторая вышедшая из печати книга, в течение последующих четырех десятилетий она регулярно переиздавалась.

Джозеф Ф. Энгельбергер, учившийся в Колумбийском университете в 50-х годах, прочитал «Я — робот», и книга произвела на него такое сильное впечатление, что он решил посвятить свою жизнь роботам. Примерно в те же

годы он познакомился на вечеринке с Джорджем К. Девол-младшим. Девол был изобретателем, которого также интересовали роботы.

Вместе они основали фирму под названием «Юнимэйшн» и принялись конструировать роботов. Им удалось запатентовать множество устройств, и к середине 70-х годов они разработали немало различных промышленных роботов. Их главная проблема состояла в том, что требовались компактные и дешевые компьютеры,— и с изобретением микрочипов путь был открыт. С этого момента «Юнимэйшн» стала главной фирмой по производству роботов в мире, а Энгельбергер невероятно разбогател.

Он всегда был настолько любезен, что часто отдавал мне должное. Я встречался и с другими робототехниками, такими, как Марвин Мински и Саймон Й. Ноф, с радостью признававшими пользу, которую им принесло чтение моих рассказов о роботах. Ноф, гражданин Израиля, впервые прочитал «Я — робот» в переводе на иврит.

Робототехники серьезно отнеслись к Трем законам роботехники и сохранили их как идеал системы безопасности. До настоящего времени роботы, изготовляемые промышленным путем, достаточно просты, поэтому устройства безопасности у них внешние. Однако пройдет еще немного времени — и роботы станут настолько сложными, что Три закона или их эквивалент будут встроены в программу.

Я сам никогда не работал с роботами, более того, никогда не видел роботов, но постоянно продолжал о них размышлять. До настоящего момента я написал по меньшей мере тридцать пять коротких рассказов и пять романов, в которых фигурируют роботы, и осмелюсь предположить, что, если мне будет позволено, я напишу еще.

Мои рассказы и романы о роботах стали своего рода классикой, и теперь, после появления серии романов «Город роботов», в этом мире поселились и другие авторы. При таких обстоятельствах имеет смысл поговорить о тех моих рассказах о роботах, которые представляются мне наиболее важными, и объяснить мою точку зрения.

1. «Робби» — первый рассказ о роботах, который я написал. Он завершен между 10 и 22 мая 1939 года, когда мне было девятнадцать лет и я заканчивал колледж. У меня возникли проблемы с его публикацией, поскольку Джон Кэмпбелл его отверг, как и «Поразительные истории». Однако Фрэд Пол принял его 25 марта 1940 года, и рассказ появился в сентябрьском выпуске того же года в журнале «Супер сайенс сториз», в котором он был главным редактором. Фрэд Пол не был бы Фрэдом Полом, если бы не изменил название на «Странный приятель», но я вернулся к прежнему, когда включил его в книгу «Я — робот», и с тех пор в каждой последующей инкарнации он выходил как «Робби».

«Робби» важен не только из-за того, что был первым рассказом серии. Именно там Джордж Вестон говорит своей жене в защиту робота-няньки: «Он просто не может не быть верным, любящим, добрым. Он просто *устроен* так». Вот первое указание в первом же моем рассказе на то, что впоследствии стало Первым законом роботехники, то есть что роботов следует создавать с встроенной системой безопасности.

2. «Логика». «Робби» сам по себе ничего бы не значил, если бы я не написал других рассказов о роботах, ведь он вышел в одном из небольших журналов. Однако я написал второй рассказ о роботах, и он понравился Джону Кэмпбеллу. После небольших изменений он появился в апреле 1941 года в «Эстаундинг сайенс фикшн» и привлек к себе внимание. Читатели, как и Кэмпбелл, узнали о существовании «позитронных роботов». И это сделало возможным все остальное.

3. «Лжец». В первом же выпуске «Эстаундинг» в мае 1941 года появился мой третий рассказ о роботах. Важность этого рассказа состоит в том, что в нем я представил Сьюзен Кэлвин, которая стала центральным персонажем моих ранних рассказов. Первоначальная версия рассказа получилась довольно неуклюжей, главным образом из-за того, что в нем шла речь об отношениях полов, а в то время у меня еще совсем не было опыта в данном вопросе. К счастью, я быстро учусь — и я внес существен-

ные переделки в рассказ, когда он вошел в книгу «Я — робот».

4. «Хоровод». Следующий важный рассказ о роботах вышел в мартовском номере «Эстаундинг» за 1942 год. Это был первый рассказ, в котором я четко сформулировал Три закона роботехники. Один из персонажей, которого зовут Грегори Пауэлл, говорит Майклу Донована: «Теперь слушай. Начнем с Трех основных законов роботехники — трех правил, которые прочно закреплены в позитронном мозгу». Потом он их называет.

Позднее я дал им название Законов роботехники, и они имеют для меня тройное значение:

а) они помогали мне строить сюжет и позволили написать множество коротких рассказов, а также романов о роботах, в которых я постоянно изучал следствия Трех законов роботехники;

б) это мое самое знаменитое литературное творение, которое цитируется по поводу и без повода. Если все, что я написал, когда-нибудь забудут, Три закона роботехники останутся последними;

в) отрывок из «Хоровода», процитированный выше, был первым случаем использования слова «роботехника» на английском языке. Таким образом, я стал изобретателем нового термина (как и слов «позитронный» и «психоистория»), причем Оксфордский словарь английского языка не жалеет места на то, чтобы полностью процитировать Три закона роботехники. (Все эти вещи были придуманы к моему двадцать второму дню рождения, и создается впечатление, что с тех пор мне больше ничего не удалось изобрести, что наводит меня на грустные мысли.)

5. «Улики». Это первый и единственный рассказ, который я написал во время девятимесячной службы в армии. В какой-то момент мне удалось уговорить сердобольного библиотекаря разрешить мне остаться в запертой библиотеке после ленча, чтобы я мог поработать над рассказом. Это первый рассказ, в котором появляется робот-гуманоид. Стивен Байерли, робот-гуманоид, о котором идет речь (хотя в рассказе нигде прямо не говорится, робот он или нет), представляет мой первый подход к

Р. Дэниэлу Оливо, человекообразному роботу, который действует в нескольких романах. «Улики» вышли в сентябрьском выпуске «Эстаундинг» за 1946 год.

6. «Как потерялся робот». Мои роботы обычно кроткие существа. Как правило, по мере развития сюжета они постепенно обретают мораль и этику и в конечном счете превосходят по этим качествам человека, а в случае с Дэниэлом становятся богоподобными. Тем не менее я не намерен ограничивать роботов ролью спасителей человечества. Я следую за своенравными ветрами своего воображения и способен видеть темные стороны феномена роботов.

Всего несколько недель назад (когда я начал писать это предисловие) ко мне пришло письмо от читателя, который рутал меня за то, что в очередном рассказе о роботах я показал их опасную сторону. Он обвинил меня в утрате веры.

Рассказ «Как потерялся робот», в котором робот является преступником, доказывает, что читатель ошибается, ведь публикация этого рассказа состоялась почти полвека назад. Появление в моих рассказах роботов, склонных к ошибкам, не есть результат утраты веры или следствие моего преклонного возраста. Эта проблема беспокоила меня всю жизнь.

7. «Разрешимое противоречие». Этот рассказ стал продолжением рассказа «Улики» и появился в июньском выпуске «Эстаундинг» за 1950 год. Это было первое произведение, в котором я писал непосредственно о компьютерах (тогда я называл их Машинами), а не о роботах. Разница не столь уж велика. Вы можете определить робота как «компьютеризированную машину» или как «подвижный компьютер». Можно считать компьютер «неподвижным роботом». В любом случае я не вижу между ними существенных различий. И хотя Машины, которые так и не появляются в рассказе, явно являются компьютерами, я без колебаний включил этот рассказ в книгу «Я — робот», и ни издатель, ни читатели не стали возражать. Стивен Байерли является одним из персонажей, но вопрос о

его происхождении не играет в данном случае никакой роли.

8. «Выборы» — первый рассказ, в котором я написал о компьютерах как о *компьютерах*, не имея в виду, что они роботы. Он был опубликован в августовском номере журнала «Если: Миры научной фантастики» в 1955 году, к этому моменту я уже знал о существовании компьютеров. Мой компьютер носил имя «Мультивак» и являлся более мощной и сложной версией уже существовавшего «Юнивака». В этом рассказе и ряде других, появившихся в то же время, я описал огромную машину, упустив шанс предсказать миниатюризацию компьютеров.

9. «Последний вопрос». Однако мое воображение быстро восполнило этот пробел. В «Последнем вопросе», который был впервые опубликован в ноябре 1956 года в журнале «Сайенс фикшн квотерли», я уже обсуждал проблемы миниатюризации компьютеров, проследив ее на протяжении триллиона лет эволюции (компьютеров и человека) до логического заключения — вам нужно будет прочитать рассказ, чтобы с ним ознакомиться. Несомненно, это мой самый любимый рассказ из всех.

10. «Чувство силы». Миниатюризация компьютеров играет второстепенную роль в этом рассказе. Он появился в феврале 1958 года в журнале «Если» и также является одним из моих любимцев. В этом рассказе речь идет о карманных вычислительных устройствах, поступивших в продажу лишь через десять или пятнадцать лет после опубликования моего рассказа. Более того, мне удалось точно предсказать социальные последствия технологической революции, даже в большей степени, чем развитие самой технологии.

В рассказе идет речь о возможной потере способности производить элементарные арифметические действия из-за постоянного применения компьютеров. Рассказ написан в жанре сатиры, сочетающей в себе юмор с горькой иронией, но оказалось, что я очень многое угадал. В наши дни я являюсь обладателем карманного калькулятора и с неудовольствием вспоминаю времена, когда мне приходилось прикладывать немалые усилия, чтобы из 854 вы-

честь 182. И я пользуюсь этим проклятым компьютером. «Чувство силы» чаще других моих рассказов включается в различные антологии.

В некотором смысле рассказ повествует о негативной стороне компьютеров, и в этот период я написал ряд рассказов, в которых показана месть обиженных компьютеров или роботов. О компьютерах речь идет в рассказе «Когда-нибудь», который появился в августе 1956 года, в журнале «Инфинити сайенс фикшн», а о роботах (в виде автомобиля) смотрите «Салли» — этот рассказ опубликован в номере за май-июнь 1953 года журнала «Фантастик».

11. «Женская интуиция». Мои роботы почти всегда обладают мужским характером, хотя вовсе не обязательно принадлежат к мужскому полу. Конечно, я давал им мужские имена и использовал местоимение «он». По предложению женщины-редактора Джуди-Линн дель Рей я написал «Женскую интуицию», которая вышла в октябре 1969 года в журнале «Мэгазин оф фэнтэзи энд сайенс фикшн». Среди прочего я доказал, что способен создать робота женского пола. Она была из металла, но обладала более тонкой талией, чем обычные роботы, и женским голосом. Позднее, в романе «Роботы и Империя», появилась глава, в которой описывается гуманоидный робот-женщина. Она играет отрицательную роль, что должно изрядно удивить тех, кому известно о моем неизменном восхищении лучшей половиной человечества.

12. «Двухсотлетний человек». Этот рассказ, впервые напечатанный в 1976 году в антологии новых научно-фантастических рассказов «Звездный № 2» под редакцией Джуди-Линн дель Рей, явился моим самым глубоким изложением путей развития роботов. Я выбрал направление, кардинально отличное от того, которое исследовалось в «Последнем вопросе». Я изучал стремление робота стать человеком, шаг за шагом проследив его путь. И вновь я довел сюжет до логического завершения. В начале работы над этим рассказом у меня не было такого намерения. Он написал себя сам и стал третьим в списке моих любимых рассказов. Его опережают лишь упомянутый

выше «Последний вопрос» и «Уродливый мальчуган», не имеющий отношения к роботам.

13. «Стальные пещеры». Между тем по предложению Горация Л. Голда, редактора «Гэлакси», я написал роман о роботах. Сначала я всячески сопротивлялся, поскольку считал, что мои идеи о роботах годятся лишь для коротких рассказов. Однако Голд предложил мне создать роман о расследовании убийства, которое вел бы робот-детектив. Я последовал его совету лишь частично. Мой детектив был человеком по имени Илайджа Бейли (возможно, самый привлекательный персонаж из всех придуманных мной), но у него имелся помощник, Р. Дэниэл Оливо. Как мне кажется, в книге получился удачный сплав детектива и научной фантастики. Роман вышел в трех частях, в октябрьском, ноябрьском и декабрьском номерах «Гэлакси» за 1953 год, а издательство «Даблдей» опубликовало его единой книгой в 1954 году.

Больше всего меня поразила реакция читателей. Хотя они одобряли Бейли, их гораздо больше привлекал Дэниэл, которого я считал второстепенным персонажем. Особенно Дэниэл понравился женщинам. (Через тринадцать лет после того, как я придумал Дэниэла, появился телевизионный сериал «Звездный путь», в котором мистер Спок сильно напоминал Дэниэла — что меня мало заботит,— и я заметил, что рецензенты-женщины также заинтересовались именно мистером Споком. Я даже пытаться не стану это анализировать.)

14. «Обнаженное солнце». Популярность Бейли и Дэниэла Оливо привела к тому, что я написал продолжение, «Обнаженное солнце», которое вышло в трех последовательных номерах (в октябре, ноябре и декабре 1956 года) в журнале «Эстаундинг» и отдельной книгой в издательстве «Даблдей» в 1957 году. Естественно, удача второго романа сделала реальной появление третьего. Я даже начал его писать в 1958 году, но многое этому помешало, в результате третий роман появился лишь в 1983 году.

15. «Роботы рассвета». Это третий роман серии Бейли — Дэниэл, который был опубликован в издательстве «Даблдей» в 1983 году. В нем я представил второго робо-

га, Р. Жискара Ревентлова, и на сей раз меня не удивило, что он стал так же популярен, как и Дэниэл.

16. «Роботы и Империя». Когда пришло время позволить Бейли умереть (от старости), я почувствовал, что сумею написать четвертую книгу серии, если оставлю в живых Дэниэла. Четвертый роман серии, «Роботы и Империя» напечатан в издательстве «Даблдей» в 1985 году. Смерть Бейли вызвала сожаления, но оно несравнимо с потоком писем читателей, расстроенных гибелью Р. Жискара.

Как вы заметили, три названных мной «достойными внимания» рассказа — «Привилегия», «Последний вопрос» и «Чувство силы» — не вошли в сборник, который вы сейчас держите в руках. Это не оплошность и не указывает на то, что они не подходят для данной публикации. Дело в том, что эти три рассказа напечатаны в сборнике «Сны роботов». Было бы нечестно предлагать читателю одни и те же рассказы в разных сборниках.

Чтобы как-то компенсировать отсутствие этой тройки, я включил в сборник «Мечты роботов» девять рассказов о роботах, которые не вошли в список «достойных внимания». Из чего, конечно, не следует, что они хуже,— речь идет лишь о том, что в них нет новых идей.

В числе этих девяти рассказов «Галерный раб»* — один из моих любимцев, причем не только из-за игры слов в его заголовке, но и потому, что в нем повествуется о работе, которую я с удовольствием передал бы роботу. Немногим пришлось пройти через такое количество «галер», как мне**.

«Ленни» демонстрирует человеческую составляющую Сьюзен Кэлвин, которая не проявляется в других рассказах, в то время как «Когда-нибудь» является моим личным прорывом в область чувствительного. «Рождество без Родни» — юмористический рассказ о роботах, а «Думайте!» — довольно мрачная история. «Зеркальное отражение» — единственный короткий рассказ, в котором уча-

---

* В русском переводе рассказ называется «Раб корректуры».

** Galley — не только галера, но и неправдоподобный (фантастический) рассказ.

ствует Р. Дэниэл Оливо, один из главных персонажей романов о роботах. «Как жаль!» и «Сторонник сегрегации» — рассказы о роботах, связанные с медицинскими проблемами. И наконец, «Мечты роботов» написаны специально для данного сборника.

Оказалось, что мои рассказы о роботах пользуются почти таким же успехом, как серия романов «Основание», и если вы хотите знать правду (я перехожу на шепот, пожалуйста, никому не говорите), серия о роботах мне нравится больше.

Наконец несколько слов об эссе в этой книге. Первые эссе написаны в 1956 году. Все остальные — в 1974 году и позднее. Почему возник восемнадцатилетний перерыв?

Причина проста. Я придумал свой первый рассказ о роботах, когда мне было девятнадцать, и писал о них в течение тридцати лет, не слишком веря, что они могут появиться при моей жизни. В результате я ни разу не написал ни одного серьезного эссе о роботехнике. С тем же успехом я мог бы сочинять эссе о галактических империях и психоистории. В действительности мое эссе 1956 года есть не серьезное обсуждение проблем роботов, а лишь соображения относительно использования роботов в научной фантастике.

Только в середине 70-х годов, когда был изобретен микрочип, компьютеры заметно уменьшились и подешевели, что позволило начать применение роботов в производстве. Так появился промышленный робот — он оказался удивительно простым по сравнению с воображаемыми роботами, но направление было выбрано верное.

И в 1974 году, когда роботы стали реальностью, я начал писать эссе о современных достижениях науки, сначала для журнала «Американ уэй», а затем для «Лос-Анджелес таймс синдикат». Стало естественным писать о реальной роботехнике. Кроме того, «Байрон Прейсс вижуал пабликэйшнс» начала выпускать замечательную серию книг под общим названием «Город роботов Айзека Азимова», а меня попросили написать эссе о роботехнике для каждой из них. Вот почему до 1974 года я не сочинил ни одного эссе о роботехнике, а после 1974 года стал активно рассуж-

дать на эту тему. В том нет моей вины, если наука наконец догнала мои предположения.

Теперь вы готовы окунуться в саму книгу. Пожалуйста, помните, что рассказы, написанные в разное время, растянувшееся почти на пятьдесят лет, могут противоречить друг другу. Что касается заключительных эссе — написанных в разное время, для разных случаев,— в них могут встречаться повторения. Прошу меня простить в каждом таком случае.

Часть первая

Мечты роботов

Мечты роботов

Полагаю, прежде всего мне следует рассказать о себе. Я самый младший член Темпоральной группы. Темпоралисты (для тех из вас, кто все свои усилия сосредоточил на выживании в жестоком мире 2030 года и не обращает внимания на технологический прогресс) есть аристократы современной физики.

Они имеют дело с самой сложной из проблем — перемещением сквозь время со скоростью, отличной от постоянного, неспешного движения вселенной. Иными словами, они пытаются найти способ путешествия во времени.

Как попал в эту группу я, если у меня нет даже физического образования? Когда я всего лишь... да, всего лишь...

Все дело в одном моем замечании, которое я сделал уже довольно давно и которое вдохновило темпоралистов на создание концепции ВТВВ («виртуальных тропинок во времени»).

Следует напомнить, что одна из трудностей путешествий во времени состоит в том, что ваша база не остается на одном и том же месте относительно вселенной. Земля вращается вокруг Солнца; Солнце — вокруг центра Галактики; Галактика — вокруг центра гравитации местной группы галактик — ну, вы меня понимаете. Если вы на один день переместитесь в будущее или в прошлое — всего на один день — Земля пройдет около двух с половиной

миллионов километров по орбите вокруг Солнца. Да и Солнце продолжит свое бесконечное путешествие, увлекая за собой Землю, и все остальное тоже не будет стоять на месте.

Поэтому необходимо перемещаться не только во времени, но и в пространстве. Как-то раз одно мое замечание привело к рассуждениям, которые показали, что это возможно; получилось, что человек может сопровождать пространственно-временное движение Земли не в буквальном, а в «виртуальном» виде, что позволит наблюдателю оставаться на своей базе, куда бы он ни перемещался во времени. Я даже не стану пытаться объяснять вам математическую природу данного явления, если вы не прошли специальной темпоральной подготовки. Просто примите это как данность.

Мое замечание также привело к тому, что темпоралисты создали цепочку рассуждений, доказывающих, что путешествие в прошлое невозможно. Ключевые величины в уравнениях начинают стремиться к бесконечности, когда темпоральные знаки изменяются на противоположные.

Это звучит разумно. Не вызывает сомнений, что путешествие в прошлое обязательно его изменит, хотя бы незначительно. И каким бы малым ни оказалось это изменение, оно, очень может быть, весьма заметно повлияет на настоящее. Поскольку прошлое выглядит незыблемым, путешествие назад представляется невозможным.

Однако будущее не является свершившимся фактом, значит, путешествие в него и обратно может иметь место.

Я не получил награды за свои замечания. Наверное, темпоралисты решили, что мне просто повезло и вся заслуга принадлежит им, ведь именно они довели мои догадки до важнейших выводов. Учитывая сопутствующие обстоятельства, я не обижаюсь. Однако я очень рад, точнее, просто в восторге, поскольку из-за этого (как мне кажется) они разрешили мне продолжить работу с ними, хотя я всего лишь... ну, всего лишь.

Естественно, на то, чтобы создать устройство для путешествия во времени, даже после того как была сформулирована теория, ушли годы напряженной работы, но я не

собираюсь писать серьезный трактат о темпоральности. Я намерен рассказать лишь об отдельных частях проекта, причем делаю это для будущих обитателей планеты, а не для наших современников.

Даже после того, как неодушевленные объекты— а потом и животные — отправились в будущее, мы не были удовлетворены. Все объекты исчезли; все, по-видимому, отправились в будущее. Когда мы посылали их вперед на короткие расстояния — пять минут или пять дней, они со временем возвращались, причем нам не удалось заметить никаких внешних изменений, а если речь шла о животных, то их здоровье никак не пострадало в результате наших экспериментов.

Однако нам хотелось отправить какой-нибудь объект в далекое будущее и получить его обратно.

— Нужно послать его хотя бы на двести лет вперед,— заявил один из темпоралистов.— Самое главное — выяснить, какое будущее нас ждет. Нам необходимо знать, выживет ли человечество, и при каких условиях. Двести лет — достаточный срок. Откровенно говоря, я считаю, что у нашей цивилизации мало шансов. За последнее столетие условия жизни и окружающая среда заметно ухудшились.

(Нет никакого смысла выяснять, какой именно темпоралист это сказал. Всего их было около двух дюжин, и для нашей истории не имеет никакого значения, кто автор тех или иных слов, даже если я мог бы уверенно назвать имена. Поэтому в дальнейшем я буду просто писать: «сказал темпоралист», или «кто-то сказал», или «кто-то из них сказал», или «другой сказал». Уверяю вас, вы все прекрасно поймете. Естественно, я буду выделять свои собственные высказывания, и, как вы увидите, эти исключения окажутся существенными.)

Другой темпоралист мрачно ответил:

— Не думаю, что мне хочется знать будущее, в особенности если окажется, что человеческая раса будет уничтожена или от нее остались лишь жалкие уроды.

— Почему нет? — спросил другой.— Мы будем совершать короткие путешествия до тех пор, пока не узнаем, что произошло, после чего сможем действовать так, что-

бы изменить ситуацию к лучшему. Ведь будущее, в отличие от прошлого, не является неизменным.

Затем возникли споры о том, кому следует отправиться в будущее. Довольно скоро выяснилось, что каждый темпоралист считает себя слишком ценным, чтобы подвергнуться риску — ведь техника путешествий во времени еще не была доведена до совершенства. И хотя неодушевленные предметы возвращались в полнейшем порядке, да и животные выглядели вполне здоровыми, но их мозг не обладал невероятной сложностью, присущей мозгу человека. Мозг может выжить, но нельзя исключить того, что он утеряет свои качества.

Я понял, что меня считают наименее ценным членом группы, а значит, я являюсь наиболее естественным кандидатом. И я уже собирался поднять руку, чтобы вызваться добровольцем, однако меня выдало выражение лица, поскольку один из темпоралистов нетерпеливо проворчал:

— Только не ты. Даже ты слишком ценен.— (Не очень-то лестное заявление!) — Самое разумное,— продолжал он,— послать РГ-32.

А вот *это* звучало разумно. РГ-32 — устаревший робот, которого очень легко заменить. Он сумеет вести наблюдения, а потом доложить о результатах. Возможно, ему будет не хватать проницательности человека, но это на данном этапе не так важно. Робот не будет испытывать страха, у него лишь одна задача: выполнить приказ. Кроме того, он не станет лгать.

Превосходно!

Я даже удивился собственной близорукости: как можно было пройти мимо такой возможности и столь безрассудно предлагать себя в добровольцы! Может быть, подумал я, меня толкал к этому инстинкт, заставляющий служить другим. В любом случае, РГ-32 — самый логичный выбор. И единственный.

В некотором смысле объяснить, чего мы хотим, оказалось совсем не трудно. Арчи (у нас принято называть робота, коверкая его серийный номер) не задавал лишних вопросов и не требовал гарантий собственной безопасности. Он был готов понять и исполнить любые приказы,

причем без всяких эмоций, как если бы его просто попросили поднять руку. Ведь он был роботом.

Однако на отладку деталей ушло немало времени.

— После того как ты окажешься в будущем,— сказал один из старших темпоралистов,— оставайся там столько, сколько сочтешь нужным, пока не соберешь полезные сведения. Когда сбор информации будет закончен, тебе следует вернуться к машине, установить приборы в соответствующее положение (мы тебе покажем) и отправиться в тот момент времени, в который ты отбыл в путешествие. Ты исчезнешь и снова окажешься здесь через доли секунды, хотя сам ты можешь провести в будущем неделю или пять лет. Разумеется, ты должен спрятать машину в надежном месте, что будет не слишком сложно, поскольку она весит немного. Тебе придется запомнить, где ты ее оставил, чтобы найти, когда она тебе снова понадобится.

Наставления заняли довольно много времени, поскольку то один, то другой темпоралист вспоминал о новых трудностях. Потом один из них сказал:

— Интересно, как за два столетия изменится язык?

Естественно, ответа на этот вопрос никто дать не мог, и разгорелись оживленные споры относительно того, удастся ли Арчи вообще вступить в контакт с людьми будущего и сумеет ли он хоть как-то с ними объясниться.

Наконец один из них резко сказал:

— Послушайте, за последние несколько столетий английский язык стал почти универсальным, и можно не сомневаться, что в последующие два века тенденция сохранится. За прошедшие двести лет язык изменился незначительно, так почему мы боимся, что произойдет нечто кардинальное в следующие двести лет? Но даже если предположить худшее, наверняка найдутся ученые, которые будут знать «древний английский». В любом случае Арчи сумеет сделать полезные наблюдения. Совсем не обязательно знать язык, чтобы понять, во что превратилось общество.

Возникли другие проблемы. Что, если робота ждет враждебная встреча? Что, если люди будущего найдут и уничтожат машину — сознательно или по невежеству?

Один темпоралист сказал:

— Чтобы избежать подобной опасности, неплохо бы сконструировать миниатюрный темпоральный двигатель, который можно спрятать в одежде.

— Даже если бы мы сумели этого добиться,— возразил другой,— нам потребовалось бы слишком много времени, так что мы или наши потомки добрались бы до будущих столетий без помощи машины. Нет, если произойдет несчастный случай, Арчи просто не вернется, а мы предпримем новую попытку.

Все это говорились в присутствии Арчи, но, естественно, не имело никакого значения. Арчи мог с полнейшим спокойствием размышлять о невозможности возвращения или даже о своем собственном уничтожении, если он не исполнит приказа. Второй закон роботехники, гласящий, что робот обязан выполнять приказы, имеет более высокий приоритет, чем Третий, в котором говорится, что роботу следует заботиться о сохранении собственной «жизни».

В конце концов все слова были сказаны, и никому больше не хотелось давать последние наставления, возражать коллегам или обсуждать возможные варианты.

Арчи повторил все указания со спокойствием и точностью, характерной для любого робота. Теперь следовало научить его пользоваться машиной. И он научился, со своей обычной уверенностью и тщательностью.

Вам следует понимать, что в те времена простые люди не знали о том, что мы работаем над путешествиями во времени. Пока шла разработка теории, денег требовалось совсем немного, но эксперименты стоят недешево. Поэтому ученым не стоило пускаться в заведомо бесполезные авантюры.

Если бы произошла крупная неудача, то, с учетом общего состояния финансов, вспыхнуло бы всеобщее возмущение, а наш проект был бы обречен. Темпоралисты сошлись в одном: следует сообщать только об успешных опытах, причем максимально кратко. Так что этот эксперимент имел для нас огромное значение.

Мы собрались в удаленном от цивилизации месте, на краю пустыни, где располагался полигон для Проекта-4. (Даже название не должно было давать ни малейшего намека на природу нашей работы, но мне всегда казалось, что, поскольку многие называют время четвертым измерением, кто-нибудь обязательно догадается о том, чем мы занимаемся. Впрочем, насколько мне известно, ничего такого не произошло.)

Наконец настал момент, когда ученые затаили дыхание, Арчи вошел в машину и поднял руку, чтобы доложить о своей готовности. Прошло мгновение — уж не знаю, успел ли кто-нибудь выдохнуть — и машина как будто вздрогнула.

Это была почти неуловимая дрожь. Я не уверен, что она вообще имела место. Возможно, я лишь увидел то, что ожидал увидеть, ведь я считал, что машина *должна* дрогнуть, если она возвращается почти в тот же момент, из которого исчезла. Я хотел спросить у остальных, но меня всякий раз охватывало смущение, когда я обращался к ним, если только они сами не задавали мне какой-то вопрос. Они были очень важными людьми, а я всего лишь... ну, я уже говорил. Кроме того, мне не терпелось послушать Арчи, и я забыл об этой дрожи.

Интервал между исчезновением и возвращением получился таким коротким, что у меня возникло ощущение, будто Арчи никуда не исчезал, однако такого, естественно, быть просто не могло. Машина определенно растворилась в воздухе.

Да и Арчи, вышедший из машины, сильно изменился. Он уже не был прежним роботом, шагнувшим навстречу неизвестности несколько мгновений назад. Он явно потерял товарный вид: полировка потускнела, поверхность перестала быть идеально ровной, словно он с чем-то сталкивался, да и оглядывался по сторонам он как-то неуверенно, как будто успел забыть место, которое так недавно покинул. Сомневаюсь, что среди нас нашелся бы кто-нибудь, у кого возникли бы сомнения в истинности путешествия Арчи.

Вот каким оказался первый вопрос, который ему задали:

— Сколько времени ты отсутствовал?

— Пять лет, сэр,— ответил Арчи.— Именно такой интервал времени упоминался, когда меня инструктировали, и я хотел сделать свою работу как можно лучше.

— Это очень важный факт — заявил один из темпоралистов.— Если бы весь мир лежал в руинах, роботу не потребовалось бы столько времени, чтобы собрать необходимую информацию.

Однако никто не осмелился прямо спросить: «Скажи, Арчи, а не превратилась ли Земля в руины?»

Они надеялись, что Арчи заговорит сам, но он ждал вопросов — ведь роботы очень вежливы. Впрочем, Арчи так устроен, что он должен повиноваться приказам, из чего следовало, что пришла пора докладывать о наблюдениях, забыв о правилах вежливости.

— На Земле в будущем все хорошо,— сказал Арчи.— Социальные структуры не изменились и работают вполне успешно.

— Не изменились и работают успешно? — сказал один из темпоралистов так, словно услышал признания еретика.— Повсюду?

— Обитатели мира были очень добры. Они показали мне все части земного шара. Повсюду царят мир и процветание.

Темпоралисты переглянулись. Казалось, им было легче поверить в то, что Арчи ошибается, чем в будущее процветание Земли. У меня уже давно сложилось впечатление, что, несмотря на оптимистические заявления, все они не сомневались, что Земля находится на грани колоссального кризиса или даже физического уничтожения.

Теперь они начали задавать Арчи вопросы.

— А как насчет лесов? — закричал один из них.— Они ведь почти уничтожены.

— Был реализован грандиозный проект по восстановлению природы, сэр,— ответил Арчи.— Повсюду, где только возможно, устроены заповедники дикой природы. При помощи изощренной генетической коррекции удалось

вернуть в леса и джунгли даже те виды, которые почти исчезли или остались только в зоопарках. О загрязнении окружающей среды люди успели забыть. Мир 2230 года стал спокойным и прекрасным.

— Ты уверен? — спросил темпоралист.

— На земле нет мест, хранящих секреты. Мне показали все, что я просил.

Тогда с неожиданной суровостью заговорил другой темпоралист:

— Арчи, послушай меня. Может быть, ты видел разрушенную планету, но не говоришь нам об этом, опасаясь, что мы впадем в отчаяние и покончим жизнь самоубийством. Стараясь не причинить нам вреда, ты лжешь нам. Этого не должно быть, Арчи. Ты обязан сказать нам правду.

— Я говорю правду, сэр,— спокойно отвечал Арчи.— Если бы я солгал, вне зависимости от мотивов, то мои позитронные потенциалы изменили бы свое строение. А это легко проверить.

— Тут он совершенно прав,— пробормотал темпоралист.

Его немедленно подвергли проверке. До получения окончательного результата Арчи запретили говорить. Я с интересом наблюдал за тем, как темпоралисты сверяли показания приборов, которые затем анализировались компьютером. Наконец проверка завершилась. Вне всякого сомнения, Арчи был в полном порядке. Он не мог лгать.

Тогда ему задали следующий вопрос:

— Расскажи о городах.

— У них не осталось городов в нашем понимании, сэр. В 2230 году жизнь перестала быть централизованной — у них нет таких больших скоплений людей, как в наше время. С другой стороны, существует разветвленная система связи, и все человечество можно считать одним огромным поселением.

— А космос? Возобновилось ли исследование космоса?

— Луна довольно широко используется, сэр,— ответил Арчи.— Она стала обитаемым миром. На орбитах вокруг Земли и Марса построены космические станции, на кото-

рых живут люди. Появились человеческие поселения и на кольце астероидов.

— Тебе об этом рассказали? — подозрительно спросил темпоралист.

— Никаких слухов, сэр. Я видел все собственными глазами. Провел на Луне два месяца. В течение месяца жил на орбите Марса, а также побывал на Марсе и Фобосе. Пока люди сомневаются, стоит ли им колонизировать Марс. Существует мнение, что его следует населить низшими формами жизни и предоставить ему развиваться самостоятельно, без вмешательства людей. Вот только кольцо астероидов мне посетить не удалось.

— А почему они так хорошо обращались с тобой, Арчи? Почему так охотно отвечали на твои вопросы? — спросил один из темпоралистов.

— У меня сложилось впечатление, сэр,— сказал Арчи,— что они ждали моего появления. Циркулировали какие-то слухи. Многие в них верили. В общем, мне показалось, меня ждали.

— А они говорили, что ждали твоего появления? Говорили, что существуют записи о твоем предстоящем путешествии в будущее?

— Нет, сэр.

— А ты их спрашивал?

— Да, сэр. Задавать вопросы было не слишком вежливо, но я получил приказ собрать как можно больше информации, поэтому мне пришлось задать такой вопрос. Однако они отказались на него ответить.

— Много было вопросов, на которые они отказывались отвечать? — вмешался другой темпоралист.

— Несколько, сэр.

Один из темпоралистов задумчиво поскреб подбородок и сказал:

— Тогда тут что-то не так. Сколько людей живет на Земле в 2230 году, Арчи? Они тебе сказали?

— Да, сэр. Я спрашивал. В 2230 году на Земле проживает немногим меньше миллиарда людей. И еще 150 миллионов в космосе. Количество людей на Земле остается

постоянным. А вот людей, живущих в космосе, становится все больше.

— Ага,— сказал темпоралист,— сейчас на Земле живет почти десять миллиардов человек, причем половина из них в тяжелых условиях. Как людям из 2230 года удалось избавиться от девяти миллиардов?

— Я задал им такой вопрос. Они ответили, что это было печальное время.

— Печальное время?

— Да, сэр.

— В каком смысле?

— Они не сказали, сэр. Просто заявили, что это было печальное время — больше они ничего добавить не могут.

Один из темпоралистов, родившийся в Африке, холодно спросил:

— А каких людей ты видел в 2230 году?

— В каком смысле?

— Меня интересует цвет кожи, форма глаз.

— В 2230 году ничего не изменилось,— ответил Арчи.— Я видел разных людей, с самыми разными оттенками кожи, волос и так далее. Средний рост, как мне показалось, увеличился, хотя я не изучал статистику. Люди выглядят моложе, сильнее и здоровее. Более того, я не видел голода, нищеты и болезней.

— Значит, геноцида не было?

— Нет, сэр,— сказал Арчи.— Мне также не удалось заметить следов войн или репрессий.

— Ну,— сказал один из темпоралистов таким тоном, словно с трудом привыкал к хорошим новостям,— похоже на счастливый конец.

— Счастливый конец, вполне возможно,— покачал головой другой,— но он слишком хорош, чтобы в него поверить. Похоже на возвращение в Эдем. Вот только что им пришлось сделать, чтобы добиться искомого результата? Мне не нравится упоминание о «печальном времени».

— Конечно,— вмешался третий,— нет никакого смысла сидеть здесь и строить догадки. Мы можем отправить Арчи на сто лет вперед или на пятьдесят. И тогда станет

ясно, что же произошло, точнее, что произойдет,— поправился он.

— Я так не думаю, сэр,— сказал Арчи.— Они очень подробно объяснили мне, что у них не сохранилось сведений о гостях из прошлого — я был первым. Они полагают, что, если мы будем производить дальнейшие исследования, будущее изменится.

Наступило тревожное молчание. Арчи отослали, приказав все держать в памяти до следующей встречи. Я бы не удивился, если бы они предложили уйти и мне, поскольку я был единственным из всех присутствующих, кто не имел степени по темпоральным технологиям. Но они ко мне привыкли, а я, естественно, не предложил им себя удалить.

— Проблема состоит в том,— наконец заговорил один из темпоралистов,— что это действительно счастливый конец. Любые наши попытки что-то изменить только все испортят. Они ждали появления Арчи; они рассчитывают на то, что он сделает нам доклад; они рассказали ему только то, что нам следует знать; значит, пока нам ничто не угрожает. Все пойдет своим чередом.

— Вполне возможно,— с надеждой заметил другой,— что сведения, которые они послали нам с Арчи, помогут приблизиться к счастливому концу.

— Возможно, но если мы предпримем еще что-нибудь, то ситуация ухудшится. Я предпочитаю не думать о «печальном времени», о котором они сказали, но если мы сейчас попытаемся действовать, то печальное время нас не минует — более того, оно может оказаться еще печальней, а хороший конец и вовсе не наступит. Я полагаю, теперь нам ничего не остается, как прекратить темпоральные эксперименты и постараться о них вообще не вспоминать. Заявить о полнейшей неудаче.

— Невыносимо.

— Все остальное может привести к непоправимой катастрофе.

— Подождите,— сказал один из них.— Они знали, что Арчи прибудет в их время, значит, сохранилась информа-

ция об успешных экспериментах. Нам нет необходимости объявлять о поражении.

— Я так не думаю,— вступил в разговор еще один темпоралист.— До них дошли слухи, смутные отголоски. Во всяком случае, именно так сказал Арчи. Можно предположить, что у нас произошла утечка информации, но прямого заявления об удачном эксперименте никто не делал.

В результате так и решили. В течение нескольких дней они думали и даже обсуждали проблему, но с возрастающей тревогой. Я видел, чем все это закончится. Сразу скажу, что сам я, естественно, в спорах не участвовал — далеко не всякий раз они вообще замечали мое присутствие, но с каждым днем опасения в них росли. Как биологи во время бурного развития генных технологий, которые проголосовали за ограничение свободы своих экспериментов из-за боязни возникновения новых страшных болезней, так и охваченные ужасом темпоралисты решили, что с Будущим лучше не связываться.

Вполне достаточно того, говорили они, что через два столетия возникнет прекрасное общество. Следует немедленно прекратить исследования, чтобы не разрушить будущее. Теперь темпоралисты занимались только теорией.

Один из темпоралистов заявил о своем окончательном отказе от науки. Он сказал:

— Придет день, когда человечество станет достаточно мудрым, чтобы найти способ без риска наблюдать за будущим или даже вносить в него небольшие изменения, но этот момент еще не настал. До него далеко.

Послышались негромкие аплодисменты.

Кто я такой рядом с достойными людьми, занятыми в Проекте-4, чтобы не соглашаться с ними и действовать на свой страх и риск? Возможно, все дело в мужестве — доблести недостаточно образованных, которое я обрел, ощущая свою незначительность по сравнению с учеными. Из меня не успели выбить инициативу слишком жесткой специализацией или долгими научными рассуждениями.

В любом случае, через несколько дней, когда у меня появилось свободное время, я побеседовал с Арчи. Арчи ничего не знал об образовании или академических звани-

ях. Для него я был человеком и господином, как любой другой член нашей группы, поэтому Арчи говорил со мной так же, как с остальными.

— А как люди из будущего относятся к людям из прошлого? Склонны ли они нас осуждать? Винят ли за ошибки и глупости? — спросил я у Арчи.

— Они не говорили мне слов, из которых я мог бы сделать такие выводы, сэр,— ответил Арчи.— Их забавляла примитивность моей конструкции, как и сам факт моего существования. В общем, они с юмором относились ко мне и людям, которые меня создали. У них самих нет роботов.

— Совсем нет роботов, Арчи?

— Они сказали, что у них нет подобных мне существ, сэр. Им не нужны металлические карикатуры на человека.

— И ты не видел роботов?

— Нет, сэр. За все время моего пребывания там я не видел ни одного.

Я немного подумал и спросил:

— А что они думают о других сторонах нашего общества?

— Мне кажется, они во многих отношениях восхищаются прошлым. Они показывали мне музеи, посвященные «периоду неограниченного развития». Целые города превращены в музеи.

— Ты говорил, что через двести лет на Земле не осталось городов, Арчи. Городов в том смысле, как их понимаем мы.

— Вовсе не их города служат музеями, а остатки наших. Весь остров Манхаттан превращен в музей, тщательно восстановленный в том виде, каким он был в период своего расцвета. Я много часов гулял по нему с гидами, поскольку им хотелось узнать мое мнение относительно его подлинности. Я ничем не мог им помочь, так как никогда не бывал на Манхаттане. Мне показалось, что они им очень гордятся. У них есть и другие сохраненные города, тщательно восстановленные механизмы, библиотеки с печатными книгами, огромные витрины, демонстрирующие моды прошедших веков, мебель и другие мелочи повседневной жизни. Они говорили, что люди нашего вре-

мени были не слишком мудры, но сумели создать надежную базу для наступления будущего.

— А ты видел молодых людей? Очень молодых? Детей?

— Нет, сэр.

— Очень хорошо, Арчи. А теперь послушай меня...

Если и есть что-то, в чем я разбираюсь лучше темпоралистов, так это роботы. Для них роботы остаются черными ящиками, которым отдают приказы и которых отсылают к ремонтникам или выбрасывают, когда они выходят из строя. Однако я хорошо понимал позитронные цепи роботов и умел обращаться с Арчи, как никто из моих коллег. И я воспользовался своими знаниями.

Я не сомневался, что темпоралисты больше не станут его расспрашивать, поскольку они боялись связываться с будущим. Но даже если они и решатся на дальнейшие беседы, он не станет говорить им то, что им, с моей точки зрения, знать не следует. Да и сам Арчи не будет подозревать, что он скрывает от них какие-то факты.

Я довольно тщательно все обдумал, и постепенно мне стало ясно, что произошло в течение следующих двух столетий.

Дело в том, что мы совершили ошибку, отправив в будущее Арчи. Он примитивный робот, и для него люди всегда остаются людьми. Он не может — не умеет — их различать. Арчи не удивило, что люди стали такими цивилизованными и гуманными. Позитронные цепи мозга заставляют Арчи воспринимать всех людей цивилизованными и гуманными; в некотором смысле даже богоподобными, если воспользоваться этим старомодным выражением.

Сами темпоралисты, будучи людьми, почувствовали удивление и даже некоторое недоверие, когда Арчи представил им свое видение ситуации, в соответствии с которым человеческие существа стали такими добрыми и благородными. Но, опять-таки будучи людьми, темпоралисты заставили себя поверить Арчи, вопреки собственному здравому смыслу.

Получилось, что я умнее темпоралистов или просто мне удалось посмотреть на вещи незамутненным взглядом.

И я спросил у себя: если за двести лет население уменьшилось с десяти миллиардов до одного, почему оно не уменьшилось до нуля? Я не видел особой разницы между такими результатами.

Кто были те, кому удалось спастись? Вероятно, они оказались сильнее остальных девяти миллиардов? Или выносливее? Лучше переносили лишения? А также были более разумными, рациональными и добродетельными, чем девять миллиардов погибших, что следовало из картины мира через двести лет, которую нарисовал нам Арчи.

Короче, были ли они людьми?

Они улыбались Арчи с легкой насмешкой и хвастались, что у них нет роботов; утверждали, что им не нужны металлические карикатуры на человека.

А что, если они сами лишь органические копии человека? Что, если они роботы, принявшие облик человека; столь похожие на людей, что их невозможно отличить, во всяком случае роботу вроде Арчи? Что, если люди будущего на самом деле — человекоподобные роботы, которым удалось выжить после глобальной катастрофы, принесшей гибель всем людям?

У них нет детей. Арчи не видел ни одного ребенка. Конечно, население оставалось стабильным, люди жили долго, так что детей в любом случае не могло быть много. Но Арчи два месяца провел на Луне, где население росло, однако и там он не видел детей.

Возможно, в будущем этих людей конструируют, а не рожают.

Может быть, это и хорошо? Если люди вымерли в результате собственной злобы, ненависти и глупости, то от них хотя бы остались достойные потомки, разумные существа, которые ценят прошлое, сохраняют его и двигаются в будущее, изо всех сил стараясь осуществить мечты человечества и построить лучший, добрый мир. Да и космос они заселяют более эффективно, чем мы, «настоящие» люди.

Сколько разумных существ во вселенной вымерло без следа? Быть может, мы будем первыми, кому удалось оставить такое наследие.

Мы имели право чувствовать гордость.

Должен ли я рассказать о своем открытии миру? Или темпоралистам? Не знаю.

Во-первых, они могут мне не поверить. Во-вторых, если они мне поверят, не обратятся ли люди против роботов и не уничтожат ли тех, кто придет им на смену? Или просто откажутся строить новых? Значит, видение будущего глазами Арчи — и моими собственными — никогда не станет реальностью. Но это едва ли повлияет на причины, вызвавшие гибель человечества. Таким образом, я лишь помешаю появлению его замены; не возникнет других существ, созданных человеком и почитающих людей, которые могли бы осуществить давние мечты человечества.

Я не хотел, чтобы это произошло. Видение мира глазами Арчи должно стать реальностью.

Я пишу эти строки и позабочусь о том, чтобы их нашли и прочитали лишь через двести лет, точнее, немного раньше — перед самым появлением Арчи. Пусть человекоподобные роботы знают, что они должны хорошо его встретить и благополучно отправить домой, снабдив такой информацией, которая заставит темпоралистов отказаться от экспериментов со временем, чтобы будущее развивалось своим трагически-счастливым путем.

Почему я так уверен в собственной правоте? Должен признаться, что я нахожусь в уникальном положении, поскольку точно знаю ответ на этот вопрос.

Несколько раз я говорил, что темпоралисты стоят выше меня. Во всяком случае, в их глазах я нахожусь значительно ниже, но именно это положение и позволяет мне смотреть на некоторые аспекты незамутненными глазами, как я уже говорил ранее, и помогает лучше понимать роботов, о чем я тоже упоминал.

Дело в том, что я робот.

Я первый человекоподобный робот, и именно от меня и тех моих собратьев, которых еще предстоит изобрести, зависит будущее человечества.

Как жаль!

Три закона роботехники

1. Робот не может причинить вред человеку или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинен вред.

2. Робот должен повиноваться всем приказам, которые отдает человек, кроме тех случаев, когда эти приказы противоречат Первому закону.

3. Робот должен заботиться о своей безопасности в той мере, в которой это не противоречит Первому и Второму законам.

Грегори Арнфелд еще не умирал, но его жизнь приближалась к концу. У него был неоперабельный рак, и он категорически отказался от химической и радиационной терапии.

Он лежал, опираясь спиной на подушки. Улыбнувшись жене, Арнфелд сказал:

— Я превосходный случай. Терция и Майк разберутся со мной.

Терция не улыбнулась ему в ответ. Она была явно обеспокоена.

— Существует множество вещей, которые еще можно сделать, Грегори. Конечно, Майк — последняя надежда. Но ты можешь обойтись без этого.

— Нет, нет. К тому времени когда я потеряю последние силы от воздействия облучения и химикатов, будет

бессмысленно ставить эксперимент... И пожалуйста, относись к Майку с большим уважением.

— Мы живем в двадцать втором веке, Грег. Медицина знает множество способов борьбы с раком.

— Да, но Майк один из них, и, как мне кажется, лучший. Мы действительно живем в двадцать втором веке и знаем, на что способны роботы. Во всяком случае, я знаю. Я имел дело с Майком больше, чем кто-либо другой. И тебе это хорошо известно.

— Но не станешь же ты использовать его только из соображений гордости! Кроме того, насколько ты уверен в миниатюризации? Ведь это еще более новый раздел науки, чем роботехника.

Арнфелд кивнул.

— Ты права, Терция. Однако ребята, которые занимаются миниатюризацией, абсолютно уверены в надежности своей аппаратуры. Они могут уменьшить или восстановить постоянную Планка с высокой степенью уверенности в успехе, ведь управляющие цепи встроены в Майка. Он способен по желанию уменьшать или увеличивать себя, никак не влияя на окружающий мир.

— «Высокая степень уверенности»,— с горечью сказала Терция.

— На большее нельзя рассчитывать. Подумай сама, Терция. Я имею честь быть частью эксперимента. Я войду в историю как главный конструктор Майка, но это вторично. Моим важнейшим достижением будет благополучное излечение от болезни при помощи мини-робота, причем по моей собственной воле.

— Ты знаешь, как это опасно.

— Опасность грозит мне со всех сторон. Химикаты и радиация дают побочные эффекты. Они лишь замедляют процесс, не останавливая его. Даже в самом лучшем случае они не позволят мне вести полноценную жизнь. Если я ничего не буду предпринимать, то достаточно скоро умру. А если Майк сделает свою работу как следует, я стану совершенно здоровым, а при рецидиве,— Арнфелд радостно улыбнулся,— ничто не помешает Майку повторить все сначала.

Он сжал ее руку в своей ладони.

— Терция, мы с тобой знали, что этот момент приближается. Давай воспользуемся нашим шансом и поставим замечательный эксперимент. Даже если мы потерпим неудачу — а я уверен в успехе — попытка того стоит.

Луис Секандо из группы миниатюризации сказал:

— Нет, миссис Арнфелд. Мы не можем гарантировать успех. Миниатюризация тесно связана с квантовой механикой, а здесь непредсказуемость чрезвычайно высока. После того как МИК-27 уменьшится, он может неожиданно начать снова увеличиваться, что приведет к мгновенной гибели пациента. Чем сильнее уменьшается робот, тем выше вероятность его внезапного возвращения к своим прежним размерам. И стоит ему начать расширяться, скорость процесса резко возрастает. Именно с этой стороны нам грозит самая серьезная опасность.

Терция покачала головой:

— Вы думаете, такое возможно?

— Вероятность очень невелика, миссис Арнфелд. Но вы должны понимать, что она не нулевая.

— А мистер Арнфелд это понимает?

— Безусловно. Мы обсудили с ним все детали. Он считает, что обстоятельства оправдывают риск.— Секандо покачал головой.— Вся наша группа того же мнения. Я знаю, вы скажете, что риску приходится подвергаться не нам, однако мы считаем, что все складывается как нельзя лучше. И главное, мистер Арнфелд уверен, что все будет в порядке.

— А что, если Майк по ошибке слишком сильно уменьшится? Ведь тогда обратный рост станет неизбежным?

— Нет, здесь речь может идти только о статистической вероятности. Вероятность несколько увеличивается, если он будет слишком маленьким. Но чем он меньше, тем меньше его масса, а при переходе через критическую точку масса станет пренебрежимо малой, что позволит ему без заметных усилий достигнуть скорости, приближающейся к скорости света.

— Но разве *это* не убьет доктора?

— Нет. К этому моменту Майк будет таким маленьким, что с легкостью проскочит мимо атомов тела доктора, никак на них не влияя.

— Какова вероятность того, что он не начнет увеличиваться, став таким маленьким?

— Когда МИК-27 достигнет размера нейтрино, его, если можно так выразиться, полужизнь будет длиться несколько секунд. То есть мы получим вероятность пятьдесят на пятьдесят, но к тому моменту, когда робот вновь начнет расти, он окажется в сотнях тысяч миль от нас, в открытом космосе, что приведет к небольшому выбросу гамма-лучей — астрономам будет над чем поломать голову. Однако я уверен, что ничего этого не произойдет. МИК-27 получит исчерпывающие инструкции и уменьшит себя до таких размеров, которые необходимы для успешного выполнения миссии.

Миссис Арнфелд понимала, что ей придется иметь дело с прессой. Она категорически отказалась выступать по головидению, а постановление Мировой Хартии о невмешательстве в личную жизнь защищало ее. С другой стороны, она не могла отказаться отвечать на вопросы по звуковому каналу. Закон, защищающий право на свободное получение информации, не давал ей шансов полностью укрыться от прессы.

Она сидела в застывшей позе, когда молодая журналистка спросила:

— Кроме всего прочего, миссис Арнфелд, вам не кажется странным, что ваш муж, главный конструктор мини-робота Майка, станет его первым пациентом? Поразительное совпадение, не правда ли?

— Вовсе нет, мисс Рот,— устало ответила миссис Арнфелд.— Состояние доктора определяется его предрасположенностью к данной болезни, поскольку среди его родных были люди, которых она поразила. Он рассказал мне о состоянии своего здоровья перед нашей свадьбой, так что я прекрасно знала, на что иду, и вот почему у нас нет детей. Несомненно, предрасположенность моего мужа к

раку во многом определила выбор его жизненного пути, и он приложил все силы, чтобы создать робота, способного к самоуменьшению. Он всегда знал, что рано или поздно станет его пациентом.

Миссис Арнфелд настояла на том, что она должна переговорить с Майком, и, учитывая все обстоятельства, ей не смогли отказать. Бен Йоганнес, который работал с ее мужем в течение пяти лет (она знала его достаточно хорошо, чтобы называть его просто по имени), привел ее в помещение, где находился робот.

Миссис Арнфелд видела Майка вскоре после его создания, когда он проходил базовые тесты, и робот ее не забыл. Он сказал своим абсолютно нейтральным голосом, который не отличался от голоса негромко говорящего человека:

— Я рад встрече с вами, миссис Арнфелд.

Выглядел робот не слишком симпатично: маленькая головка и массивное туловище. По форме Майк напоминал конус. Миссис Арнфелд знала, что сложный механизм миниатюризации и мозг робота находятся в нижней части его тела, что позволяло увеличить быстроту реакции. Муж объяснил ей, что не было никакой необходимости располагать мозг в черепе. В результате Майк выглядел смешным и даже слабоумным. Все-таки, с тревогой подумала миссис Арнфелд, в антропоморфизме есть психологические преимущества.

— Майк, а ты уверен, что до конца понимаешь свою задачу? — спросила миссис Арнфелд.

— Абсолютно, миссис Арнфелд,— ответил Майк.— Я позабочусь о том, чтобы уничтожить все следы рака.

В разговор вмешался Йоганнес:

— Не знаю, объяснил ли вам Грегори, но Майк способен моментально распознавать раковые клетки, когда он сам становится соответствующего размера. Разница между здоровой клеткой и пораженной раком очень велика, а Майк может моментально уничтожать ядра пораженных клеток.

— Я снабжен лазером, миссис Арнфелд,— заявил Майк, и ей показалось, что он говорит это с гордостью.

— Да, но там миллионы раковых клеток. На их уничтожение уйдет очень много времени, не так ли?

— Вовсе не обязательно уничтожать их последовательно, Терция,— пояснил Йоганнес.— Хотя рак успел распространиться, он существует сгустками. Майк способен загерметизировать капилляры, ведущие к сгустку, после чего миллионы раковых клеток мгновенно погибнут. Лишь изредка ему придется иметь дело с индивидуальными клетками.

— И все же, сколько времени займет вся операция?

На молодом лице Йоганнеса появилась гримаса, словно он не знал, как ответить на вопрос.

— Должен признать, что она может занять часы, если мы намерены довести дело до конца.

— И чем дольше продолжается операция, тем выше вероятность обратного роста.

— Миссис Арнфелд,— сказал Майк,— я сделаю все, чтобы не допустить обратного роста.

Миссис Арнфелд повернулась к роботу и серьезно спросила:

— Ты на это способен, Майк? Иными словами, можешь ли ты остановить обратный рост?

— Не полностью, миссис Арнфелд. Но, постоянно фиксируя свои размеры и стараясь поддерживать их неизменными, я могу минимизировать случайные изменения, которые способствуют обратному росту. Естественно, это практически невозможно, когда начинается обратный рост, предусмотренный программой.

— Да, я знаю. Муж сказал мне, что обратный рост является самой опасной фазой операции. Но ты постараешься, Майк?

— Законы роботехники обеспечат это в полной мере,— торжественно проговорил Майк.

Когда они оставили Майка одного, Йоганнес попытался успокоить миссис Арнфелд:

— На самом деле, Терция, у нас есть голосонограмма, и мы тщательно просканировали место операции. Май-

ку хорошо известно расположение крупных скоплений раковых клеток. Большая часть времени уйдет на поиски мелких скоплений, которые невозможно засечь нашими приборами, но тут уж ничего не поделаешь. Мы должны обезвредить *все* клетки, а на это потребуется время. Однако Майк получил предельно точные инструкции относительно размеров, до которых он должен уменьшиться. А робот обязан подчиняться приказам.

— А как насчет обратного роста, Бен?

— Здесь, Терция, все зависит от квантов. Нет никаких гарантий, но вероятность успешного исхода остается высокой. Естественно, мы попытаемся максимально сократить возможность обратного роста, пока Майк находится в теле Грегори. Но небольшое увеличение размера необходимо, чтобы мы сумели найти робота и извлечь его наружу, после чего Майк будет перенесен в безопасное место, где завершится процесс обратного роста. Согласитесь, Терция, даже самые простые медицинские процедуры могут быть рискованными.

Миссис Арнфелд находилась в смотровой комнате, когда началась миниатюризация Майка. Здесь же располагались камеры головидения и несколько избранных представителей прессы. Ввиду важности эксперимента им невозможно было отказать в присутствии, но для миссис Арнфелд и Йоганнеса предоставили место немного в стороне. Кроме того, журналистам дали понять, что к ней не следует обращаться за комментариями, в особенности если что-то пойдет не так.

Не так! Вышедший из-под контроля обратный рост взорвет операционную, и все находящиеся в ней люди погибнут. Вовсе не случайно смотровая комната находилась под землей в полумиле от места операции.

Это придавало миссис Арнфелд жутковатое чувство уверенности, что трос ученых, проводящих операцию (как спокойно они действовали, как спокойно!), обречены на смерть вместе с ее мужем — если что-то пойдет не так. Она могла не сомневаться, что они сделают все, чтобы сохранить свою жизнь, а значит, и жизнь ее мужа.

Конечно, если операция пройдет успешно, будет найден способ автоматизировать процесс, чтобы риску подвергался только пациент. В таком случае вероятность фатального исхода из-за небрежности несколько увеличится, но только не сейчас. Миссис Арнфелд внимательно наблюдала за тремя учеными, которым, в случае любой серьезной ошибки, грозила смерть.

Миссис Арнфелд уже доводилось наблюдать за процессом миниатюризации, поэтому она не удивилась, когда Майк стал быстро уменьшаться, а потом исчез. Затем невидимого робота впрыснули в тело ее мужа. (Ей объяснили, что было бы несравнимо дороже использовать для этой цели уменьшенного человека в устройстве для подводного плавания. Майк, по крайней мере, не нуждался в системе жизнеобеспечения.)

На экране появилась голосонограмма соответствующей части тела пациента. Картинка была трехмерной, но смутной и несфокусированной, качество изображения определялось ограниченным размером звуковых волн и эффектами броуновского движения. И все же было видно, как Майк пробирается сквозь ткани тела Грегори Арнфелда в его кровеносную систему. Определить, что делает робот, практически не представлялось возможным, но Йоганнес описывал происходящее тихим и спокойным голосом, пока миссис Арнфелд не почувствовала, что больше не в силах это выдерживать, и попросила, чтобы ее увели.

Миссис Арнфелд дали легкое успокоительное, и она проспала до самого вечера. Когда ее пришел навестить Йоганнес, она только что проснулась и не сразу пришла в себя. Но тут на нее накатил внезапный страх:

— Что случилось?

— Успех, Терция,— торопливо ответил Йоганнес.— Полный успех. Ваш муж здоров. Мы не можем гарантировать, что не будет рецидива, но на данный момент рак полностью излечен.

Миссис Арнфелд облегченно откинулась на подушку.

— Как чудесно.

— Тем не менее произошло нечто непредвиденное, и это необходимо объяснить Грегори. Мы полагаем, что будет лучше, если это сделаете вы.

— Я? — Миссис Арнфелд снова стало страшно.— Так что же произошло?

И Йоганнес рассказал.

Прошло два дня, прежде чем ей разрешили задержаться у постели мужа. Он сидел, опираясь спиной на подушки, и улыбался жене. Несмотря на некоторую бледность, Грегори выглядел совсем неплохо.

— Я получил новую жизнь, Терция,— весело заявил он.

— Верно, Грег, я ошибалась. Эксперимент прошел успешно, врачи говорят, что не смогли найти даже следов рака.

— Ну, тут полной уверенности быть не может. Отдельные раковые клетки могли сохраниться, но я надеюсь, что моя иммунная система с ними справится, в особенности при помощи лекарств. Ну а если ситуация начнет ухудшаться — это произойдет не раньше чем через несколько лет,— тогда мы вновь воспользуемся помощью Майка.

Тут Арнфелд нахмурился и добавил:

— Ты знаешь, я не видел Майка.

Миссис Арнфелд промолчала.

— Вы что-то от меня скрываете,— заявил Арнфелд.

— Ты был слишком слаб, дорогой, и находился под влиянием седативных средств. Не следует забывать, что Майк совершил путешествие по твоим тканям, уничтожая клетки твоего организма. Даже после успешной операции необходимо время для полного восстановления сил.

— Если я пришел в себя настолько, что могу беседовать с тобой, то не вижу причин откладывать разговор с Майком — хотя бы для того, чтобы его поблагодарить.

— Робот не нуждается в благодарности.

— Конечно, но в этом нуждаюсь я. Сделай мне одолжение, Терция. Скажи им, что я хочу поговорить с Майком.

После короткого колебания миссис Арнфелд приняла решение. Оттягивать дальше не имело смысла — будет только хуже.

— Дело в том, что Майк не может с тобой говорить,— осторожно сказала она.

— Не может говорить? Но почему?

— Понимаешь, ему пришлось сделать выбор. Он успешно закончил свою работу, уничтожив все раковые клетки, и, по общему мнению, он все сделал превосходно. Но после этого ему предстояло начать обратный рост — самую опасную часть операции.

— Да, но со мной же ничего не случилось. Почему ты морочишь мне голову?

— Майк решил минимизировать риск.

— Естественно. И как он поступил?

— Ну, дорогой, он *решил сделать себя еще меньше.*

— Неужели! Но он не мог. Он ведь получил соответствующий приказ.

— Это лишь Второй закон, Грег. Первый закон имеет над ним приоритет. Майк хотел получить гарантии, что твоя жизнь будет спасена. Умея контролировать свои размеры, он стал уменьшаться с максимально возможной скоростью, а когда его масса стала меньше массы электрона, он воспользовался лазером, который к этому моменту стал таким крошечным, что уже не мог причинить вреда твоему телу, и отдача выбросила его со скоростью, близкой к скорости света. Он отправился в открытый космос. Был засечен выброс гамма-лучей.

Арнфелд не сводил с жены глаз.

— Не может быть. Ты говоришь серьезно? Майк умер?

— Да, именно так все и произошло. Майк отказался *совершить действие, которое могло причинить тебе вред.*

— Но я этого не хотел. Я хотел, чтобы он мог продолжать работу. Я уверен, что Майк сумел бы взять обратный рост под контроль и остался бы с нами.

— У него не было полной уверенности. Он не мог рисковать твоей жизнью, поэтому принес в жертву свою.

— Но жизнь Майка гораздо важнее.

— Только не для меня, дорогой. И не для тех, кто работал с тобой. Ни для кого. Даже для Майка.— Она взяла мужа за руку.— Перестань, Грег, ты жив. Ты здоров. Остальное не имеет значения.

Но *он нетерпеливо оттолкнул ее руку.*

— Нет, имеет! Ты не понимаешь. Как жаль! Как жаль!

Робби

— Девяносто восемь... девяносто девять... сто!

Глория отвела пухлую ручку, которой закрывала глаза, и несколько секунд стояла, сморщив нос и моргая от солнечного света. Пытаясь смотреть сразу во все стороны, она осторожно отошла на несколько шагов от дерева.

Вытянув шею, она вглядывалась в густые кусты справа от себя, потом отошла от дерева еще на несколько шагов, стараясь заглянуть в самую глубину зарослей.

Глубокую тишину нарушало только непрерывное жужжание насекомых и время от времени чириканье какой-то неугомонной пичуги, не боявшейся полуденной жары.

Глория надулась:

— Ну конечно, он спрятался в доме, а я ему миллион раз говорила, что это нечестно.

Плотно сжав губки и сердито нахмурившись, она решительно зашагала к двухэтажному дому по ту сторону аллеи.

Когда Глория услышала сзади шорох, за которым последовал размеренный топот металлических ног, было уже поздно. Обернувшись, она увидела, что Робби покинул свое убежище и полным ходом несется к дереву.

Глория в отчаянии закричала:

— Постой, Робби! Это нечестно! Ты обещал не бежать, пока я тебя не найду!

Ее ножкам, конечно, не сравниться было с гигантскими конечностями Робби. Но в трех метрах от дерева тот вдруг резко сбавил скорость. Сделав последнее отчаянное

усилие, запыхавшаяся Глория пронеслась мимо него и первая дотронулась до заветного ствола.

Она радостно повернулась к верному Робби и, платя черной неблагодарностью за принесенную жертву, принялась жестоко насмехаться над его неумением бегать.

— Робби не может бегать! — кричала она во всю силу своего восьмилетнего голоса.— Я всегда его обгоню! Я всегда его обгоню!

Она с упоением распевала эти слова.

Робби, конечно, не отвечал. Вместо этого он сделал вид, будто убегает, и Глория кинулась вслед за ним. Пятясь, он ловко увертывался от девочки, так что она, бросаясь в разные стороны, тщетно размахивала руками и, задыхаясь от хохота, кричала:

— Робби! Стой!

Тогда он неожиданно повернулся, поймал ее, поднял в воздух и завертел вокруг себя. Ей показалось, что весь мир на мгновение провалился вниз, в голубую пустоту, к которой тянулись зеленые верхушки деревьев. Потом Глория снова оказалась на траве. Она прижалась к ноге Робби, крепко держась за твердый металлический палец.

Через некоторое время Глория отдышалась. Она сделала напрасную попытку поправить растрепавшиеся волосы, бессознательно подражая движениям матери, и изогнулась, чтобы посмотреть, не порвалось ли сзади ее платье. Потом хлопнула ладошкой Робби по туловищу.

— Нехороший! Я тебя нашлепаю!

Робби съежился, закрыв лицо руками, так что ей пришлось добавить:

— Ну, не бойся, Робби, не нашлепаю. А теперь моя очередь прятаться, потому что у тебя ноги длиннее и ты обещал не бежать, пока я тебя не найду.

Робби кивнул головой — небольшим параллелепипедом с закругленными углами. Голова была укреплена на туловище — подобной же формы, но гораздо больших размеров — при помощи короткого гибкого сочленения. Робби послушно повернулся к дереву. На его горящие глаза опустилась тонкая металлическая пластинка, и изнутри туловища раздалось ровное гулкое тиканье.

— Смотри не подглядывай и не пропускай счета! — предупредила Глория и бросилась прятаться.

Секунды отсчитывались с абсолютной точностью. На сотом ударе веки Робби поднялись, и вновь вспыхнувшие красным светом глаза оглядели поляну. На мгновение они остановились на кусочке яркого ситца, торчавшем из-за камня. Робби подошел поближе и убедился, что за камнем действительно притаилась Глория. Тогда он стал медленно приближаться к ее убежищу, все время оставаясь между Глорией и деревом. Наконец, когда Глория была совсем на виду и не могла даже притворяться, что ее не видно. Робби протянул к ней руку, а другой со звоном ударил себя по ноге. Глория, надувшись, вышла.

— Ты подглядывал! — воскликнула она, явно согрешив против истины.— И потом, мне надоело играть в прятки. Я хочу кататься.

Но Робби был оскорблен незаслуженным обвинением. Он осторожно сел на землю и покачал тяжелой головой. Глория немедленно изменила тон и перешла к нежным уговорам:

— Ну, Робби! Я просто так сказала, что ты подглядывал! Ну, покатай меня!

Но Робби не так просто было уговорить. Он упрямо уставился в небо и покачал головой еще более выразительно.

— Ну пожалуйста, Робби, пожалуйста, покатай меня!

Она крепко обняла его за шею розовыми ручками. Потом ее настроение внезапно переменилось, и она отошла в сторону.

— А то я заплачу!

Ее лицо заранее устрашающе перекосилось.

Но жестокосердый Робби не обратил никакого внимания на эту ужасную угрозу. Он в третий раз покачал головой. Глория решила, что пора пустить в дело главный козырь.

— Если ты меня не покатаешь,— воскликнула она,— я больше не буду рассказывать тебе сказок, вот и все. Никогда!

Этот ультиматум заставил Робби сдаться немедленно и безоговорочно. Он закивал головой так энергично, что его металлическая шея загудела. Потом он осторожно посадил девочку на свои широкие плоские плечи.

Слезы, которыми грозила Глория, немедленно испарились, и она даже вскрикнула от восторга. Металлическая кожа Робби, в которой нагревательные элементы поддерживали постоянную температуру 21 градус, была приятной на ощупь, а барабаня пятками по его груди, можно было извлечь восхитительно громкие звуки.

— Ты самолет, Робби. Ты большой серебряный самолет, Робби. Только вытяни руки, раз уж ты самолет.

Логика была безупречной. Руки Робби стали крыльями, а сам он — серебряным самолетом. Глория резко повернула его голову и наклонилась вправо. Он сделал крутой вираж. Глория уже снабдила самолет мотором: «Б-р-р-р-р», а потом и пушками: «Бум! Бум! Бум!» За ними гнались пираты, и орудия косили их, как траву.

— Еще один готов... Еще двое!..— кричала она.

Потом Глория сурово скомандовала:

— Торопись, ребята! Снаряды кончаются!

Она неустрашимо целилась через плечо. И Робби превратился в тупоносый космический корабль, с предельным ускорением прорезающий пустоту.

Он несся через лужайку к зарослям высокой травы на другой стороне. Там он остановился так внезапно, что раскрасневшаяся наездница вскрикнула, и сбросил ее на мягкий травяной ковер.

Глория, задыхаясь, восторженно шептала:

— Ой, как здорово!

Робби дал ей отдышаться и осторожно потянул за растрепавшуюся прядь волос.

— Ты чего-то хочешь? — спросила Глория, широко раскрыв глаза в притворном недоумении.

Ее безыскусная хитрость ничуть не обманула огромную «няньку». Робби снова потянул за ту же прядь, чуть посильнее.

— А, знаю. Ты хочешь сказку!

Робби быстро закивал.

— Какую?

Робби описал пальцем в воздухе полукруг.

Девочка запротестовала:

— Опять? Я же тебе про Золушку миллион раз рассказывала. Как она тебе не надоела? Это сказка для маленьких!

Железный палец снова описал полукруг.

— Ну, так и быть.

Глория уселась поудобнее, припомнила про себя все подробности сказки (вместе с прибавлениями собственного сочинения) и начала:

— Ты готов? Так вот, давным-давно жила красивая девочка, которую звали Элла. У нее была ужасно жестокая мачеха и две очень некрасивые и очень жестокие сестры...

Глория дошла до самого интересного места — уже било полночь и все снова превращалось в кучу мусора. Робби слушал напряженно, с горящими глазами, но тут их прервали.

— Глория!

Это был раздраженный голос женщины, которая звала не в первый раз и у которой терпение, судя по интонации, начало сменяться тревогой.

— Мама зовет,— сказала Глория не очень радостно.— Лучше отнеси меня домой, Робби.

Робби с готовностью повиновался. Что-то подсказывало ему, что миссис Вестон лучше подчиняться без малейшего промедления. Отец Глории редко бывал дома днем, если не считать воскресений (а это было как раз воскресенье), но когда он появлялся, то проявлял добродушие и понимание. А вот мать Глории была для Робби источником постоянного беспокойства, и он всегда испытывал смутное побуждение скрыться от нее куда-нибудь подальше.

Миссис Вестон увидела их, как только они поднялись из травы, и вернулась в дом, чтобы встретить их там.

— Я кричала до хрипоты, Глория,— строго сказала она.— Где ты была?

— Я была с Робби,— дрожащим голосом ответила Глория.— Я рассказывала ему про Золушку и забыла про обед.

— Жаль, что Робби тоже забыл про обед.— И, словно вспомнив о присутствии робота, она обернулась к нему: — Можешь идти, Робби. Ты ей сейчас не нужен. И не приходи, пока не позову,— резко прибавила она.

Робби повернулся к двери, но заколебался, услышав, что Глория встала на его защиту:

— Погоди, мама, нужно, чтобы он остался! Я еще не кончила про Золушку. Я ему обещала рассказать про Золушку и не успела.

— Глория!

— Честное-пречестное слово, мама, он будет сидеть тихо-тихо, так, что его и слышно не будет. Он может сидеть на стуле в уголке и молчать... то есть ничего не делать. Правда, Робби?

В ответ Робби закивал своей массивной головой.

— Глория, если ты сейчас же не прекратишь, ты не увидишь Робби целую неделю!

Девочка понурилась.

— Ну хорошо. Но ведь «Золушка» — его любимая сказка, а я не успела рассказать. Он так ее любит...

Опечаленный робот вышел, а Глория проглотила слезы.

Джордж Вестон чувствовал себя прекрасно. У него было такое обыкновение — по воскресеньям после обеда чувствовать себя прекрасно. Вкусная, обильная домашняя еда, удобный мягкий старый диван, на котором так приятно развалиться, свежий номер «Таймс», тапочки на ногах и пижама вместо крахмальной рубашки — ну как тут не почувствовать себя прекрасно!

Поэтому он ощутил недовольство, когда вошла его жена. После десяти лет совместной жизни он еще имел глупость ее любить и, конечно же, всегда был ей рад, но послеобеденный воскресный отдых был для него священным, и его представление о подлинном комфорте требовало двух-трех часов полного одиночества. Он поспешно

уткнулся в последние сообщения об экспедиции Лефебра—Иошиды на Марс (на этот раз они стартовали с лунной станции и вполне могли долететь) и сделал вид, будто ее не заметил.

Миссис Вестон терпеливо подождала немного, потом нетерпеливо — еще немного и наконец не выдержала:

— Джордж!

— Угу...

— Джордж, послушай! Может быть, ты отложишь газету и поглядишь на меня?

Газета, шелестя, упала на пол, и Вестон обратил к жене страдальческое лицо:

— В чем дело, дорогая?

— Ты знаешь, Джордж. Дело в Глории и в этой ужасной машине...

— Какой ужасной машине?

— Пожалуйста, не притворяйся, будто ты не понимаешь, о чем я говорю! Я об этом роботе, которого Глория зовет Робби. Он не оставляет ее ни на минуту.

— Ну а почему он должен ее оставлять? Он для этого и существует. И в любом случае он вовсе не ужасная машина, а самый лучший робот, какой только можно было достать за деньги. А я чертовски хорошо помню, что он обошелся мне в полугодовой заработок. И он стоит этого — он куда умнее половины моих служащих.

Вестон потянулся за газетой, но жена оказалась проворнее и выхватила ее.

— Выслушай меня, Джордж! Я не хочу доверять своего ребенка машине, и мне все равно, умная эта машина или нет. У нее нет души, и никто не знает, что у нее на уме. Нельзя, чтобы за детьми смотрели всякие металлические штуки!

Вестон нахмурился.

— Что с тобой? Он с Глорией уже два года, а до сих пор я что-то не видел, чтобы ты беспокоилась.

— Сначала все было по-другому. Как-никак новинка, и у меня стало меньше забот, и потом, это было так модно... А сейчас я не знаю. Все соседи...

— Ну при чем тут соседи? Послушай! Робот куда надежнее любой няньки. Ведь Робби создан с единственной целью — ухаживать за маленьким ребенком. Все его мышление рассчитано специально на это. Он просто не может не быть верным, любящим, добрым. Он просто устроен так. Не о каждом человеке это скажешь.

— А вдруг что-нибудь испортится? Какой-нибудь там...— Миссис Вестон запнулась: она имела довольно смутное представление о внутренностях роботов.— Ну, какая-нибудь мелочь сломается, и эта ужасная машина начнет буйствовать, и тогда...

У нее не хватило сил закончить вполне очевидную мысль.

— Чепуха,— возразил Вестон, невольно вздрогнув.— Это просто смешно. Когда мы покупали Робби, мы долго говорили о Первом законе роботехники. Ты же знаешь, что робот не способен причинить вред человеку. При малейшем намеке на возможность нарушения Первого закона робот сразу будет парализован. Иначе и быть не может, тут математический расчет. И потом, у нас дважды в год бывает механик из «Ю. С. Роботс» — он же проверяет весь механизм. С Робби ничего не может случиться. Скорее уж сойдем с ума мы с тобой. Да и как ты собираешься отнять его у Глории?

Он снова потянулся за газетой, но напрасно: жена сердито швырнула ее через раскрытую дверь в соседнюю комнату.

— В этом-то все и дело, Джордж! Она не хочет больше ни с кем играть! Кругом десятки мальчиков и девочек, с которыми ей следовало бы дружить, но она не хочет. Она и не подойдет к ним, если ее не заставить. Нельзя девочку так воспитывать. Ты ведь хочешь, чтобы она выросла нормальной? Ты хочешь, чтобы она смогла занять свое место в обществе?

— Грейс, ты воюешь с призраками. Представь себе, что Робби — это собака. Сотни детей с большим удовольствием проводят время с собакой, чем с собственными родителями.

— Собака — совсем другое дело. Джордж, мы должны избавиться от этой ужасной машины. Ты можешь вернуть ее компании. Я уже узнавала, это можно.

— Узнавала? Вот что, Грейс! Не надо ничего решать сгоряча. Оставим робота, пока Глория не подрастет. И больше я не желаю об этом слышать.

Он в раздражении вскочил и вышел из комнаты.

Два дня спустя миссис Вестон встретила мужа в дверях.

— Джордж, ты должен выслушать меня. В поселке недовольны.

— Чем? — спросил Вестон. Он скрылся в ванной, и оттуда послышался плеск, который мог заглушить любой ответ.

Миссис Вестон выждала, пока шум не прекратился, и сказала:

— Недовольны Робби.

Вестон вышел, держа в руках полотенце. Его раскрасневшееся лицо было сердито.

— О чем ты говоришь?

— Это началось уже давно. Я старалась не замечать, но больше не хочу. Почти все соседи считают, что Робби опасен. По вечерам детей даже близко не пускают к нашему дому.

— Но мы же доверяем ему своего ребенка!

— В таких делах люди не рассуждают.

— Ну и черт с ними!

— Нет, так нельзя. Мне приходится встречаться с ними каждый день в магазинах. А в городе теперь с роботами еще строже. В Нью-Йорке только что приняли постановление, которое запрещает роботам появляться на улицах от захода до восхода солнца.

— Да, но никто не может запретить нам держать робота дома. Грейс, ты, я вижу, решила снова добиться своего. Но это бесполезно. Ответ все тот же — нет! Робби останется у нас.

Но он любил жену, и, что гораздо хуже, она это знала. В конце концов, Джордж Вестон был всего-навсего мужчиной. А его жена пустила в ход все до единой уловки, которых с полным основанием научился опасаться, хотя и тщетно, менее хитрый и более щепетильный пол.

На протяжении следующей недели Вестон десять раз восклицал: «Робби останется — и конец!», но с каждым разом его голос становился все менее уверенным, и в нем слышался все более внятный стон отчаяния.

Наконец наступил день, когда Вестон, с виноватым видом подойдя к дочери, предложил пойти в поселок и посмотреть самый последний визивокс.

Глория радостно всплеснула руками:

— А Робби можно с нами?

— Нет, детка,— ответил он, чувствуя отвращение к звуку собственного голоса.— Роботов на визивокс не пускают. Но ты ему все расскажешь, когда придешь домой.

Пробормотав последние слова, он отвернулся.

Глория вернулась домой, восхищенная до глубины души: визивокс действительно был прекрасный.

Она еле дождалась, пока отец поставит реактивный автомобиль в подземный гараж.

— А теперь, пап, я все расскажу Робби. Ему бы это так понравилось! Особенно когда Фрэнсис Фрэн так тихонько-тихонько пятился назад — и прямо в руки человека-леопарда! И ему пришлось бежать! — Она снова засмеялась.— Пап, а на Луне вправду водятся люди-леопарды?

— Скорее всего, нет,— рассеянно ответил Вестон.— Это просто смешные выдумки.

Он уже не мог дольше возиться с автомобилем. Нужно было посмотреть правде в глаза.

Глория побежала через лужайку.

— Робби! Робби!

Она внезапно остановилась, увидев красивого щенка колли. Щенок, виляя хвостом, глядел на нее с крыльца серьезными карими глазами.

— Ой, какой чудесный песик! — Глория поднялась по ступенькам, осторожно подошла к щенку и погладила его.— Это мне, папа?

На крыльцо вышла миссис Вестон.

— Да, Глория. Посмотри, какой он хороший, какой пушистый. Он очень добрый. И любит маленьких девочек.

— А он будет со мной играть?

— Конечно. Он может делать всякие штуки. Хочешь посмотреть?

— Хочу. И я хочу, чтобы Робби тоже посмотрел! Робби! — Она растерянно замолчала.— Наверное, сидит в комнате и дуется на меня, почему я его не взяла с собой на визивокс. Папа, ты ему объяснишь все как было? Мне он может не поверить, но уж если ты ему скажешь, он будет знать, что так оно и есть.

Губы Вестона сжались. Он посмотрел на жену, но она отвела глаза. Глория повернулась на одной ноге и побежала по ступенькам, крича:

— Робби! Иди посмотри, что мне подарили папа с мамой! Мне подарили песика!

Через минуту девочка вернулась и испуганно сказала:

— Мама, Робби там нет. Где он?

Ответом ей было молчание. Джордж Вестон кашлянул и внезапно проявил большой интерес к плывущим в небе облакам. Глория повторила дрожащим голосом, в котором слышались слезы:

— Где Робби, мама?

Миссис Вестон нежно привлекла к себе дочь.

— Не расстраивайся, Глория. По-моему, Робби ушел.

— Ушел? Куда? Куда он ушел, мама?

— Никто не знает, девочка. Просто ушел. Мы его искали, искали, искали, но не могли найти.

— Значит, он больше не вернется? — Глаза у Глории стали круглыми от ужаса.

— Может быть, мы его скоро найдем. Мы будем искать. А пока играй с новой собачкой. Посмотри! Ее зовут Молния, и она умеет...

Но глаза Глории были полны слез.

— Мне не нужна эта противная собака — мне нужен Робби! Найдите Робби!..

Ее чувства не находили выхода в словах, и она разразилась отчаянным плачем. Миссис Вестон беспомощно взглянула на мужа, но он только мрачно переступил с ноги на ногу, не сводя пристального взгляда с неба. Тогда она сама принялась утешать дочь.

— Ну, не надо плакать, Глория! Робби — всего-навсего машина, старая скверная машина. Он не живой.

— Ничего он никакая не машина! — яростно крикнула Глория, забыв все правила грамматики.— Он такой же человек, как мы с вами, и он мой друг. Я хочу, чтобы он вернулся! Мама, я хочу, чтобы он вернулся!

Мать вздохнула, признавая свое бессилие, и оставила Глорию горевать в одиночестве.

— Пусть выплачется,— сказала она мужу.— Детское горе коротко. Через несколько дней она забудет про этого ужасного робота.

Но время показало, что это заявление миссис Вестон было чересчур оптимистично. Правда, плакать Глория перестала, но она перестала и улыбаться. С каждым днем она становилась все более молчаливой и мрачной. Постепенно ее несчастный вид сломил миссис Вестон. Не сдавалась она только потому, что не могла признать перед мужем свое поражение.

Как-то вечером она в ярости влетела в гостиную и уселась, скрестив руки на груди. Ее муж взглянул на нее поверх газеты.

— Что еще случилось, Грейс?

— Мне пришлось отдать собаку. Глория сказала, что терпеть ее не может. Я сойду с ума.

Вестон опустил газету, и в его глазах вспыхнул огонек надежды.

— А если... А если нам снова взять Робби? Знаешь, это можно. Я свяжусь...

— Нет,— резко перебила она.— Я и слышать об этом не хочу. Мы так легко не сдадимся. Я не дам роботу вос-

питывать свою дочь, даже если понадобятся годы, чтобы отучить ее от Робби.

Вестон разочарованно поднял газету.

— Еще год — и я поседею раньше времени.

— Немного же от тебя помощи, Джордж,— холодно сказала она.— Глории нужно переменить обстановку. Конечно, здесь она не может забыть Робби. Здесь ей каждое дерево, каждый камень о нем напоминают. Вообще мы в самом глупейшем положении! Только подумай — ребенок чахнет из-за разлуки с роботом!

— Ну и что ты предлагаешь? Как ты думаешь переменить обстановку?

— Мы возьмем Глорию в Нью-Йорк.

— В город! В августе! Послушай, ты же знаешь, что такое Нью-Йорк в августе! Там невозможно жить!

— Но там живут миллионы людей.

— Только потому, что им некуда уехать. Иначе они бы не остались.

— Так вот, теперь и нам придется там пожить. Мы переезжаем немедленно, как только соберем вещи. В городе у Глории будет достаточно развлечений и достаточно друзей. Это встряхнет ее и заставит забыть о роботе.

— О господи! — простонал супруг.— Эти раскаленные улицы!..

— Мы должны это сделать,— непреклонно ответила жена.— Глория похудела за месяц на пять фунтов. Здоровье моей девочки для меня важнее твоих удобств.

— Жаль, что ты не подумала о здоровье своей девочки, прежде чем лишить ее любимого робота,— пробормотал он про себя.

Едва Глория узнала о предстоящем переезде, у нее немедленно появились признаки улучшения. Она говорила об этом событии мало, но каждый раз с восторженным ожиданием. Она снова начала улыбаться, и к ней вернулся почти прежний аппетит.

Миссис Вестон была вне себя от радости. Она не упускала ни одной возможности торжествовать победу над своим все еще скептически настроенным супругом.

— Видишь, Джордж, она помогает укладываться, как ангелочек, и щебечет, будто у нее не осталось никаких забот. Я же говорила — нужно заинтересовать ее чем-то другим.

— Гм,— произнес он с сомнением.— Надеюсь.

Сборы закончились быстро. Городская квартира была готова к их приезду, дом оставили на попечение двух соседей. Когда наконец наступил день переезда, Глория выглядела совсем как прежде и ни разу даже не упомянула о Робби. Все в прекрасном настроении уселись в воздушное такси, которое доставило их в аэропорт. Вестон предпочел бы лететь на собственном вертолете, но он был двухместный и без багажного отделения. Они сели в самолет.

— Иди сюда, Глория,— позвала миссис Вестон.— Я заняла место у окна, чтобы тебе все было видно.

Глория радостно уселась к окну, прилипла к толстому стеклу носом, расплющив его в белый кружок, и смотрела как зачарованная. Взревели моторы. Глория была еще слишком мала, чтобы испугаться, когда земля провалилась далеко вниз, как будто сквозь люк, а она сама стала вдвое тяжелее. Но она была уже достаточно большой, чтобы все это вызвало у нее всепоглощающий интерес. Лишь когда земля стала похожа на маленькое лоскутное одеяло, она оторвалась от окна и повернулась к матери.

— Мама, мы скоро будем в городе? — спросила она, растирая замерзший нос и с любопытством следя за тем, как пятнышко пара, оставшееся на стекле от ее дыхания, медленно уменьшалось и понемногу совсем исчезло.

— Через полчаса, дорогая,— ответила мать и спросила с оттенком тревоги в голосе: — Ты рада, что мы едем? Тебе очень понравится в городе — огромные дома, и люди, и всякие вещи... Мы будем каждый день ходить на визивокс, и в цирк, и на пляж...

— Да, мама,— откликнулась Глория без особого интереса.

В этот момент самолет пролетал над облаком, и Глория была поглощена картиной простиравшихся внизу

клубов застывшего пара. Потом небо вокруг снова стало безоблачным, и она с таинственным видом повернулась к матери, как будто открыла какой-то секрет:

— А я знаю, зачем мы едем в город!

— Да? — Миссис Вестон была озадачена.— Зачем же?

— Вы мне не говорили, потому что хотели, чтобы это был сюрприз, а я все равно знаю.— Она умолкла, восхищенная собственной проницательностью, а потом весело рассмеялась.— Мы едем в Нью-Йорк, чтобы найти Робби, правда? С сыщиками!

В этот момент Джордж Вестон как раз отхлебнул глоток воды. Результат был катастрофическим. Послышалось придушенное восклицание, фонтаном полетели брызги и раздался судорожный кашель. Когда все кончилось, Джордж Вестон, раскрасневшийся и мокрый, остался в крайнем раздражении.

Миссис Вестон сохранила самообладание, но когда Глория повторила свой вопрос уже более тревожным голосом, и ее нервы не выдержали.

— Там видно будет,— ответила она резко.— Неужели ты не можешь посидеть спокойно и немного помолчать?

Нью-Йорк всегда был Меккой для туристов и всех, кто искал развлечений, а в 1998 году он еще больше, чем когда бы то ни было, оправдывал свою репутацию. Родители Глории знали это и использовали, как только могли.

Выполняя требование жены, Джордж Вестон оставил дела на целый месяц, чтобы провести это время, как он выражался, «развлекая Глорию до последней возможности». Как и все, за что брался Вестон, это было проделано деловито и с максимальным эффектом. Месяц еще не прошел, как было испытано решительно все.

Глория побывала на крыше Рузвельт-Билдинг и с высоты в полмили с трепетом смотрела на зубчатую панораму крыш, уходивших вдаль, до самых лугов Лонг-Айленда и равнин Нью-Джерси. Они посещали зоопарки, где Глория, замирая от страха и блаженства, разглядывала «настоящего живого льва» (она была немного разочарована, увидев, что его кормят сырыми бифштексами, а не людь-

ми, как она ожидала) и настоятельно требовала, чтобы ей показали настоящего кита.

К их услугам были все приманки музеев, парков, пляжей и аквариумов.

Глория плавала вверх по Гудзону на пароходе, построенном в стиле веселых 20-х годов. Она летала на экскурсию в стратосферу, где небо становилось темно-фиолетовым и на нем загорались звезды, а туманная Земля далеко внизу казалась огромной вогнутой чашей. Она погружалась на подводной лодке со стеклянными стенами в глубины пролива Лонг-Айленд, в зеленый, зыбкий мир, где причудливые морские существа разглядывали ее сквозь стекло и неожиданно, вильнув хвостом, уплывали. Еще одна сказочная страна, пусть более прозаическая, открывалась перед ней в магазинах, куда ее водила миссис Вестон.

В общем, когда месяц прошел, Вестоны были убеждены, что они сделали все возможное, чтобы заставить Глорию раз и навсегда забыть о покинувшем ее Робби. Но они не были уверены, что это удалось.

Где бы Глория ни бывала, она проявляла самый живой интерес ко всем роботам, случавшимся поблизости. Каким бы захватывающим ни было зрелище, которое перед ней развертывалось, каким бы оно ни было новым и невиданным, она немедленно забывала о нем, как только замечала хоть уголком глаза какой-нибудь движущийся металлический механизм. Поэтому, гуляя с Глорией, миссис Вестон старательно обходила стороной всех роботов.

Развязка наступила в Музее науки и промышленности. Там была устроена специальная выставка для детей, где демонстрировались всевозможные достижения и чудеса науки, приспособленные к детскому разумению. Конечно, эту выставку Вестоны включили в свою обязательную программу.

И в тот момент, когда Вестоны стояли, полностью поглощенные созерцанием мощного электромагнита, миссис Вестон внезапно обнаружила, что Глории с ними нет. Первый приступ паники сменился спокойной решимостью, и

с помощью трех сотрудников музея Вестоны приступили к тщательным поискам.

Между тем Глория вовсе не думала бесцельно бродить по музею. Для своего возраста она обладала на редкость решительным и целеустремленным характером и в этом определенно пошла в мать. Она заметила на третьем этаже огромный указатель: «К ГОВОРЯЩЕМУ РОБОТУ». Прочитав его и заметив, что родители не проявляют желания идти в ту сторону, она не стала долго раздумывать, а выждала подходящий момент, когда родители отвлеклись, тихонько отошла и направилась туда, куда звала надпись.

Говорящий Робот представлял собой нечто необыкновенное. Это было совершенно непрактичное устройство, имевшее чисто рекламную ценность. Каждый час к нему пускали группу посетителей в сопровождении экскурсовода. Дежурному инженеру осторожным шепотом задавали вопросы. Те, которые инженер считал подходящими для робота, он сообщал ему.

Все это было достаточно скучно. Конечно, хорошо знать, что 14 в квадрате равно 196, что температура в данный момент плюс 22,2 по Цельсию, а давление воздуха — 762,508 мм ртутного столба и что атомный вес натрия 23. Но для этого не нужен робот. Особенно такая громоздкая, неподъемная махина из проводов и катушек, занимавшая более двадцати пяти квадратных метров.

Редко кто возвращался к роботу во второй раз. И когда в зал вошла Глория, лишь одна девушка лет пятнадцати тихо сидела на скамейке, ожидая третьего сеанса.

Глория даже не взглянула на нее. В этот момент люди ее не интересовали. Все ее внимание было приковано к огромному механизму на колесах. На какое-то мгновение она заколебалась: Говорящий Робот не был похож на тех, которых она видела до сих пор. Глория нерешительно спросила тоненьким голосом:

— Мистер Робот, простите, пожалуйста, это вы — Говорящий Робот?

Ей почему-то казалось, что с роботом, который говорит по-настоящему, нужно вести себя как можно вежливее.

(На худом, некрасивом лице сидевшей в комнате девушки отразилось напряженное размышление. Она вытащила маленький блокнот и начала что-то быстро писать неразборчивым почерком.)

Послышалось тихое жужжание хорошо смазанных шестерен, и механический голос без всякой интонации прогремел:

— Я... робот... который... говорит.

Глория разочарованно смотрела на робота. Действительно, он говорил, но звуки исходили откуда-то изнутри механизма. У робота не было лица, к которому можно было бы обращаться.

Она сказала:

— Не можете ли вы мне помочь, мистер Робот?

Говорящий Робот был создан для того, чтобы отвечать на вопросы. До сих пор ему задавали только такие вопросы, на которые он мог ответить. Поэтому он был вполне уверен в своих возможностях.

— Я... могу... помочь... вам.

— Большое спасибо, мистер Робот. Вы не видели Робби?

— Кто... это... Робби?

— Это робот, мистер Робот.— Она приподнялась на цыпочки.— Он примерно вот такого роста, мистер Робот, немножечко выше, и он очень хороший. Знаете, у него есть голова. У вас нет, мистер Робот, а у него есть.

Говорящий Робот не мог за ней поспеть.

— Робот?

— Да, мистер Робот. Как вы, мистер Робот, только он, конечно, не умеет говорить, и он очень похож на настоящего человека.

— Робот... как... я?

— Да, мистер Робот.

В ответ Говорящий Робот только испустил невразумительное шипение, которое время от времени прерывалось какими-то бессмысленными звуками. От него потребовалось смелое обобщение — подумать о себе не как об ин-

дивидуальном объекте, а как о части более общей группы, и это оказалось ему не под силу. Верный своему назначению, он все-таки попытался охватить это понятие, в результате чего полдюжины катушек перегорело. Зажужжали аварийные сигналы.

(В этот момент девушка, сидевшая на скамейке, встала и вышла. У нее накопилось уже достаточно материала для доклада «Роботы с практической точки зрения». Это было первое из многих исследований Сьюзен Кэлвин на данную тему.)

Глория, подавляя нетерпение, ждала ответа. Вдруг она услышала позади себя крик: «Вот она!» — и узнала голос матери.

— Что ты здесь делаешь, противная девчонка?! — кричала миссис Вестон, у которой тревога тут же перешла в гнев.— Ты знаешь, что папа и мама перепугались чуть не до смерти? Зачем ты убежала?

В зал опрометью вбежал дежурный инженер. Схватившись за голову, он потребовал, чтобы ему сообщили, кто из собравшейся толпы испортил машину.

— Вы что, читать не умеете? — кричал он.— Здесь запрещено находиться без экскурсовода!

Глория повысила голос, чтобы ее услышали:

— Я только хотела посмотреть на Говорящего Робота, мама. Я думала, вдруг он знает, где Робби,— ведь они оба роботы.

Снова вспомнив о Робби, она залилась горькими слезами.

— Я должна найти Робби! Мама, мне нужен Робби!

Миссис Вестон, подавив невольное рыдание, сказала:

— О господи! Идем, Джордж! Я больше не могу!

Вечером Джордж Вестон на несколько часов исчез. На следующее утро он подошел к жене с подозрительно самодовольным видом.

— У меня есть одна мысль, Грейс.

— Какая? — спросила она безучастно.

— Как быть с Глорией.

— Не хочешь ли ты предложить, чтобы мы снова купили этого робота?

— Нет, конечно.

— Ну, тогда я слушаю. Может, хоть ты что-нибудь придумаешь. Все, что я ни делала, ничего не дало.

— Так вот что мне пришло в голову. Все дело в том, что для Глории Робби человек, а не машина. Естественно, что она не может забыть его. А вот если бы нам удалось убедить ее, что Робби — это всего-навсего комбинация стальных листов и медного провода, оживленная электричеством, тогда она перестанет по нему тосковать. Это психологический подход. Понимаешь?

— Как ты предполагаешь это сделать?

— Очень просто. Как ты думаешь, где я был вчера вечером? Я уговорил Робертсона из «Ю. С. Роботс энд мекэникл мен корпорейшн» показать нам завтра его владения. Мы пойдем втроем, и вот увидишь, когда мы все посмотрим, Глория убедится, что робот — не живое существо.

Глаза миссис Вестон широко раскрылись, и в них появилось что-то похожее на восхищение.

— Послушай, Джордж, это неплохая мысль!

Джордж Вестон гордо выпрямился.

— А у меня других не бывает! — заявил он.

Мистер Стразерс был добросовестным управляющим и от природы очень разговорчивым человеком. В результате этой комбинации каждый шаг экскурсии сопровождался подробными — пожалуй, слишком подробными — объяснениями. Тем не менее миссис Вестон слушала внимательно. Она даже время от времени прерывала его и просила кое-что объяснить еще раз, попроще, чтобы было понятно Глории. Столь высокая оценка его рассказа привела мистера Стразерса в благодушное настроение и сделала его еще более многословным, если только это было возможно. Но Вестон слушал его со все растущим нетерпением.

— Извините меня, Стразерс,— сказал он, прерывая на середине лекцию о фотоэлементах.— А есть ли у вас на заводе участок, где работают одни роботы?

— Что? Ах да! Конечно! — Стразерс улыбнулся миссис Вестон.— Некоторым образом, заколдованный круг: роботы производят новых роботов. Конечно, в больших масштабах мы этого не практикуем. Прежде всего потому, что нам не позволили бы профсоюзы. Однако очень небольшое количество роботов действительно изготовляется руками роботов — просто в качестве научного эксперимента. Видите ли,— сняв пенсне, он похлопал им по ладони,— профсоюзы не понимают одного,— а я говорю это как человек, который всегда симпатизировал профсоюзному движению,— они не понимают, что появление роботов, вначале создающее определенные трудности, в будущем неизбежно должно...

— Да-да, Стразерс,— сказал Вестон.— А как насчет того участка, о котором вы говорили? Нам можно на него взглянуть? Это было бы очень интересно.

— Ну разумеется.— Мистер Стразерс судорожным движением надел пенсне и смущенно кашлянул.— Сюда, пожалуйста.

Пока они шли по длинному коридору и спускались по лестнице, Стразерс был относительно молчалив. Но как только они вошли в ярко освещенный зал, наполненный металлическим лязгом, шлюзы открылись и поток объяснений полился с новой силой.

— Вот! — сказал он гордо.— Одни роботы! Пять человек только присматривают за ними — они даже находятся не в этом помещении. За пять лет, с тех пор как мы начали эксперимент, не было ни единой неполадки. Конечно, здесь собирают сравнительно простых роботов, но...

Для Глории слова управляющего давно слились в усыпляющее жужжание. Вся экскурсия казалась ей скучной и бесцельной. Хотя кругом было много роботов, ни один из них не был даже отдаленно похож на Робби, и она смотрела на них с глубоким пренебрежением.

Она заметила, что в этом зале совсем не было людей. Потом ее взгляд упал на шесть-семь роботов, что-то делавших за круглым столом в центре зала. Ее глаза изумленно и недоверчиво раскрылись. Зал был обширный, и

она могла ошибаться, но вон тот робот очень похож... очень похож... да, это он!

— Робби!

Ее крик разнесся по всему залу. Один из роботов за столом вздрогнул и уронил инструмент, который держал в руках. От радости Глория забыла обо всем. Проскользнув сквозь ограждение прежде, чем родители успели ее остановить, она спрыгнула на пол, расположенный на несколько футов ниже, и, размахивая руками, кинулась к своему Робби. А трое взрослых остолбенели от ужаса. Они увидели то, чего не заметила взволнованная девочка. Огромный автоматический трактор, тяжело громыхая, надвигался на Глорию.

Через какую-то долю секунды Вестон опомнился. Но эта доля секунды решила все. Глорию уже нельзя было догнать. Вестон мгновенно перемахнул через загородку, но это была явно безнадежная попытка. Мистер Стразерс отчаянно замахал рукой, давая знак рабочим остановить трактор. Но рабочие были всего лишь людьми, и им нужно было время, чтобы выполнить команду.

Один только Робби действовал без промедления. Гигантскими шагами он устремился навстречу своей маленькой хозяйке. Дальше все случилось почти одновременно. Одним движением руки, ни на мгновение не уменьшив скорости, Робби так стремительно поднял Глорию, что у нее захватило дыхание. Вестон, еще не осознав, что произошло, не то что увидел, а скорее почувствовал, как Робби пронесся мимо него, и растерянно остановился. Трактор проехал по тому месту, где только что находилась Глория, на полсекунды позже Робби, прокатился еще метра три и со скрежетом затормозил.

Отдышавшись и вырвавшись из объятий родителей, Глория радостно бросилась к Робби. Она знала лишь одно: ее друг нашелся!

Но на лице миссис Вестон радость сменилась подозрением. Она повернулась к мужу. Несмотря на волнение и растрепанные волосы, вид у нее был внушительный.

— Это ты подстроил?

Джордж Вестон вытер вспотевший лоб. Его рука тряслась, а губы могли сложиться лишь в дрожащую, крайне жалкую улыбку. Миссис Вестон продолжала:

— Робби не предназначался для работы на заводе. Это ты нарочно устроил так, чтобы его посадили здесь и чтобы Глория его нашла. Это все ты подстроил.

— Ну я,— сказал Вестон.— Но, Грейс, откуда я мог знать, что встреча будет такой бурной? И потом, Робби спас ей жизнь — ты должна это признать. Ты не можешь снова его отослать.

Грейс Вестон задумалась. Она рассеянно взглянула в сторону Глории и Робби. Глория так крепко обхватила шею робота, что, будь на его месте существо из плоти и крови, оно бы давно задохнулось. Вне себя от счастья, девочка оживленно шептала какую-то чепуху на ухо роботу. Руки Робби, отлитые из хромированной стали и способные завязать узлом двухдюймовый стальной стержень, нежно обвивались вокруг девочки, а его глаза светились темно-красным светом.

— Ну ладно,— сказала наконец миссис Вестон,— пожалуй, пусть он остается у нас, пока его ржавчина не съест.

Логика

Грегори Пауэлл и Майкл Донован всей душой стремились поработать на межпланетной станции, но полгода спустя они изменили свое мнение. Действительно, пламя огромного солнца сменилось бархатной тьмой пустоты. Но когда вы имеете дело с экспериментальными роботами, перемена обстановки значит очень мало. Где бы вы ни находились, вы стоите лицом к лицу с загадочным позитронным мозгом, который, по утверждению гениев с логарифмическими линейками, должен работать так-то и так-то. Беда только в том, что он, оказывается, работает иначе. Пауэлл и Донован обнаружили это на исходе второй недели своего пребывания на станции.

Грегори Пауэлл раздельно и четко произнес:

— Неделю назад мы с Донованом собрали тебя.

Он нахмурился и потянул себя за кончик уса.

В кают-компании Солнечной станции № 5 было тихо, если не считать доносившегося откуда-то снизу мягкого урчания мощных излучателей.

Робот КТ-1 сидел неподвижно. Вороненая сталь его туловища поблескивала в лучах ярких ламп, а горевшие красным светом фотоэлементы, которые заменяли ему глаза, пристально смотрели на человека с Земли, сидевшего по другую сторону стола. Пауэлл подавил внезапное раздражение. У этих роботов какое-то странное мышление. Ну конечно, Три закона роботехники действуют. Должны действовать. Любой служащий «Ю. С. Роботс»,

начиная от самого Робертсона и кончая последней уборщицей, поручился бы за это головой. Так что опасаться КТ-1 не приходилось. И все-таки...

Модель КТ была совершенно новой, а это был первый опытный ее экземпляр. И закорючки математических формул не всегда оказывались самым лучшим утешением перед лицом фактов.

Наконец робот заговорил. Его голос отличался холодным тембром — неизбежное свойство металлической мембраны.

— Вы представляете себе, Пауэлл, всю серьезность этого заявления?

— Но кто-то должен был сделать тебя, Кьюти,— заметил Пауэлл.— Ты сам подтверждаешь, что твоя память в полном объеме возникла из ничего неделю назад. Я могу дать этому факту объяснение. Мы с Донованом собрали тебя из присланных сюда частей.

Кьюти с таинственным видом посмотрел на свои длинные, гибкие пальцы. В этот момент он был странно похож на человека.

— Мне кажется, должно существовать более правдоподобное объяснение. Мне представляется маловероятным, что меня сделали вы.

Человек с Земли неожиданно рассмеялся.

— Почему же?

— Можете назвать это интуицией. Пока это только интуиция. Однако я намерен разобраться во всем до конца. Цепь логически правильных рассуждений неизбежно приведет к истине. Я постараюсь до нее добраться.

Пауэлл встал и пересел на край стола, поближе к роботу. Он вдруг почувствовал симпатию к этой странной машине. Она была совсем не похожа на обычных роботов, которые старательно выполняли свои обязанности на станции, подчиняясь заранее заданным, устойчивым позитронным связям.

Он положил руку на плечо Кьюти. Металл был холодным и твердым на ощупь.

— Кьюти,— сказал он,— я попробую тебе кое-что объяснить. Ты — первый робот, который задумался над собственным существованием. Я думаю также, что ты — пер-

вый робот, который достаточно умен, чтобы осмыслить внешний мир. Пойдем со мной.

Робот мягко поднялся и последовал за Пауэллом. Его ноги, обутые в толстую губчатую резину, ступали совершенно бесшумно.

Человек с Земли нажал кнопку, и часть стены скользнула вбок. Сквозь толстое прозрачное стекло стало видно испещренное звездами космическое пространство.

— Я это видел через иллюминаторы в машинном отделении,— заметил Кьюти.

— Знаю,— сказал Пауэлл.— Как по-твоему, что это?

— Именно то, чем оно кажется. Черное вещество сразу за этим стеклом, испещренное маленькими блестящими точками. Я знаю, что к некоторым из этих точек — всегда к одним и тем же — наш излучатель посылает лучи. Я знаю также, что эти точки перемещаются и что наши лучи перемещаются вслед за ними. Вот и все.

— Хорошо. Теперь слушай внимательно. Черное вещество — это пустота. Пустота, простирающаяся в бесконечность. Маленькие блестящие точки — огромные массы материи, начиненные энергией. Это шары. Многие из них имеют миллионы километров в диаметре. Для сравнения имей в виду, что диаметр нашей станции всего полтора километра. Они кажутся такими маленькими, потому что они невероятно далеко. Точки, на которые направлены наши лучи, ближе и гораздо меньше. Они твердые, холодные, и на их поверхности живут люди вроде меня, миллиарды людей. Из такого мира и прилетели мы с Донованом. Наши лучи снабжают эти миры энергией, а мы ее получаем от одного из огромных раскаленных шаров поблизости от нас. Мы называем этот шар Солнцем. Его отсюда не видно — он по ту сторону станции.

Кьюти стоял у окна неподвижно, как стальное изваяние. Потом, не поворачивая головы, он заговорил:

— С какой именно светящейся точки вы прилетели, как вы утверждаете?

— Вот она, эта очень яркая звездочка в углу. Мы называем ее Землей.— Пауэлл ухмыльнулся.— Старушка Земля... там миллиарды таких, как мы, Кьюти, а через пару недель и мы будем там, с ними.

К большому удивлению Пауэлла, Кьюти вдруг рассеянно замурлыкал про себя. Это мурлыканье было лишено мелодии и похоже на тихий перебор натянутых струн. Оно прекратилось так же внезапно, как и началось.

— Ну а я? Вы не объяснили моего существования.

— Все остальное просто. Когда впервые были устроены эти энергостанции, ими управляли люди. Но из-за жары, жесткого солнечного излучения и электронных бурь работать здесь было трудно. Были сконструированы роботы, заменявшие людей. Теперь на каждой станции нужны только два человека. А мы пытаемся заменить роботами и их. Вот в чем смысл твоего существования. Ты — самый совершенный робот из всех, какие были построены до сих пор. Если ты докажешь, что способен сам управлять этой станцией, людям не придется больше появляться здесь, если не считать доставку запасных частей.

Он протянул руку к кнопке, и металлическая панель задвинулась. Пауэлл вернулся к столу, взял яблоко, потер его о рукав и надкусил. Его остановил красный блеск глаз робота. Кьюти медленно произнес:

— И вы думаете, что я поверю такой замысловатой, неправдоподобной гипотезе, которую вы только что изложили? За кого вы меня принимаете?

Пауэлл от неожиданности поперхнулся куском яблока и побагровел:

— Черт возьми, это не гипотеза! Это факты!

Кьюти мрачно ответил:

— Шары энергии размером в миллионы километров! Миры с миллиардами людей! Бесконечная пустота! Извините меня, Пауэлл, но я не верю. Я разберусь в этом сам. До свидания!

Он гордо повернулся, протиснулся в дверях мимо Донована, важно кивнув ему, и зашагал по коридору, не обращая внимания на провожавшие его изумленные взгляды. Майк Донован взъерошил рыжую шевелюру и сердито взглянул на Пауэлла:

— Что говорило это железное пугало? Чему там он не верит?

Пауэлл с горечью дернул себя за ус.

— Он скептик,— ответил он.— Не верит, что мы создали его и что существует Земля, космос и звезды.

— Разрази его Сатурн! Теперь у нас на руках сумасшедший робот!

— Он сказал, что сам во всем разберется.

— Очень приятно,— кратко сказал Донован.— Надеюсь, он снизойдет до того, чтобы объяснить все это мне, когда разберется.— Он внезапно взорвался.— Так вот, слушай! Если этот железный болван попробует так говорить со мной, я сверну ему хромированную шею! Так и знай!

Он бросился в кресло и вытащил из кармана потрепанный детективный роман.

— Этот робот давно действует мне на нервы. Уж очень он любопытен!

Когда Кьюти, тихо постучавшись, вошел в комнату, Майк Донован что-то проворчал, продолжая вгрызаться в огромный бутерброд с салатом.

— Пауэлл здесь?

Не переставая жевать, Донован ответил:

— Пошел снимать параметры электронных потоков. Похоже, что ожидается буря.

В это время вошел Пауэлл. Не поднимая глаз от графиков, которые были у него в руке, он сел, разложил бумаги перед собой и начал что-то подсчитывать. Донован глядел ему через плечо, хрустя салатом и роняя крошки. Кьюти молча ждал.

Пауэлл поднял голову.

— Дзета-потенциал растет, но медленно. Так или иначе, параметры потока неустойчивы, и чего можно ожидать, я не знаю. А, привет, Кьюти. Я думал, ты присматриваешь за установкой новой силовой шины.

— Все готово,— спокойно сказал робот.— Я пришел поговорить с вами обоими.

— А-а! — Пауэллу стало не по себе.— Ну, садись. Нет, не туда. У этого стула треснула ножка, а ты тяжеловат.

Робот сел и невозмутимо произнес:

— Я все продумал.

Донован сердито посмотрел на него и отложил остатки бутерброда:

— Если это по поводу твоих дурацких...

Пауэлл нетерпеливо перебил его:

— Говори, Кьюти. Мы слушаем.

— За последние два дня я сосредоточился на самоанализе,— сказал Кьюти,— и пришел к весьма интересным результатам. Я начал с единственного верного допущения, которое мог сделать. Я мыслю, следовательно, я существую...

— О Юпитер! — простонал Пауэлл.— Робот-Декарт!

— Какой еще Декарт? — вмешался Донован.— Послушай, по-твоему, мы должны сидеть и слушать, как этот железный маньяк...

— Успокойся, Майк!

Кьюти невозмутимо продолжал:

— Тогда возникает вопрос: в чем первопричина моего существования?

Пауэлл так стиснул зубы, что на его скулах вздулись желваки.

— Ты говоришь глупости. Я уже сказал тебе, что тебя собрали мы.

— А если ты не веришь,— добавил Донован,— то мы тебя с удовольствием разберем!

Робот умоляюще простер мощные руки:

— Я ничего не принимаю на веру. Каждая гипотеза должна быть подкреплена логикой, иначе она не имеет никакой ценности. А ваше утверждение, что вы меня создали, противоречит всем законам логики.

Пауэлл предостерегающе положил руку на стиснутый кулак Донована.

— Почему ты так считаешь?

Кьюти засмеялся. Это был нечеловеческий смех,— он никогда еще не издавал такого машинного звука. Резкий и отрывистый, этот смех был размеренным, как стук метронома, и столь же лишенным эмоций.

— Поглядите на себя,— произнес он наконец.— Я не хочу сказать ничего обидного, но поглядите на себя! Материал, из которого вы сделаны, мягок и дрябл, непрочен и слаб. Источником энергии для вас служит малоэффективное окисление органического вещества, вроде этого,— он с неодобрением ткнул пальцем в остатки бутерброда.— Вы периодически погружаетесь в бессознательное состояние. Малейшее изменение температуры, давления, влажности, интенсивности излучения сказывается на вашей работоспособности. Вы — суррогат! С другой стороны, я — совершенное произведение. Я прямо поглощаю электроэнергию и использую ее почти на сто процентов. Я построен из твердого металла, постоянно в сознании, легко переношу любые внешние условия. Все это факты. Если учесть самоочевидную предпосылку, что ни одно существо не может создать другое существо, превосходящее его,— это разбивает вдребезги вашу нелепую гипотезу.

Проклятия, которые Донован до сих пор бормотал вполголоса, теперь прозвучали вполне явственно. Он вскочил, сдвинул рыжие брови:

— Ах ты, железный выродок! Ну ладно, если не мы тебя создали, то кто же?

Кьюти серьезно кивнул.

— Очень хорошо, Донован. Именно этот вопрос задал себе я. Несомненно, тот, кто создал меня, должен быть еще более могучим, чем я. Так что оставалась лишь одна возможность.

Люди с Земли недоуменно уставились на Кьюти, а он продолжал:

— Что является центром жизни станции? Чему мы все служим? Что поглощает все наше внимание?

Он замолчал в ожидании ответа. Донован удивленно взглянул на Пауэлла:

— Бьюсь об заклад, этот оцинкованный идиот говорит о преобразователе энергии!

— Это верно, Кьюти? — ухмыльнулся Пауэлл.

— Я говорю о Господине! — последовал холодный и резкий ответ.

Донован разразился хохотом, и даже Пауэлл невольно фыркнул. Кьюти поднялся. Его горящие глаза перебегали с одного человека на другого.

— И тем не менее это так. Не удивительно, что вы не хотите этому поверить. Вам недолго осталось быть здесь. Сам Пауэлл говорил, что сначала Господину служили только люди. Потом появились роботы для вспомогательных операций. Наконец появился я — для управления роботами. Эти факты несомненны, но объяснение их было совершенно нелогичным. Хотите знать истину?

— Валяй, Кьюти. Это любопытно.

— Господин сначала создал людей — самый несложный вид, который легче всего производить. Постепенно он заменил их роботами. Это был шаг вперед. Наконец он создал меня, чтобы я занял место еще оставшихся людей. Отныне Господину служу я!

— Ничего подобного,— резко ответил Пауэлл.— Ты будешь выполнять наши распоряжения и помалкивать, пока мы не убедимся, можешь ли ты управлять преобразователем. Ясно? Преобразователем, не Господином! Если ты не справишься, ты будешь демонтирован. А теперь — пожалуйста, можешь идти. Возьми с собой эти данные и зарегистрируй их, как полагается.

Кьюти взял протянутые ему графики и, не говоря ни слова, вышел. Донован откинулся на спинку кресла и запустил пальцы в волосы.

— Нам еще придется повозиться с этим роботом. Он совершенно спятил!

Усыпляющий рокот преобразователя слышался в рубке гораздо сильнее. В него вплеталось потрескивание счетчиков Гейгера и беспорядочное жужжание десятка сигнальных лампочек.

Донован оторвался от телескопа и включил свет.

— Луч со станции номер четыре упал на Марс точно по расписанию. Теперь можно выключить наш.

Пауэлл рассеянно кивнул.

— Кьюти внизу, в машинном отделении. Я дам сигнал, а остальное он сделает. Погляди-ка, Майк, что ты скажешь об этих цифрах?

Майк прищурился и присвистнул:

— Ого! Вот это излучение! Солнышко-то резвится!

— Вот именно,— кисло ответил Пауэлл.— Идет электронная буря. И наш луч, направленный на Землю, как раз на ее пути.— Он в раздражении отодвинулся от стола.— Ничего! Только бы она не началась до смены. Еще целых десять дней... Знаешь, Майк, спустись вниз и посмотри за Кьюти, ладно?

— Есть. Дай-ка мне еще миндаля.

Он поймал брошенный ему пакстик и направился к лифту.

Кабина мягко скользнула вниз, ее двери открылись, и Донован вышел на узкую металлическую галерею, шедшую вокруг всего машинного отделения. Облокотившись на перила, он посмотрел вниз. Работали громадные генераторы, лампы дециметрового передатчика издавали низкое гудение, заполнявшее всю станцию.

Внизу виднелась огромная сверкающая фигура Кьюти, который внимательно следил за дружной работой группы роботов возле одного из блоков марсианского передатчика. Вдруг Донован весь напрягся. Роботы, казавшиеся карликами рядом с огромным механизмом, выстроились перед ним, склонив головы, а Кьюти начал медленно прохаживаться взад и вперед вдоль их шеренги. Прошло секунд пятнадцать, и все они с лязгом, перекрывшим даже гудение генератора, упали на колени.

Донован завопил и бросился вниз по трапу. Его лицо побагровело. Размахивая сжатыми кулаками, он подбежал к роботам:

— Что это вы тут выделываете, безмозглые идиоты? За работу! Если вы к концу дня не успеете все разобрать, почистить и собрать, я вам мозги выжгу переменным током!

Но ни один робот не шевельнулся.

Даже Кьюти — единственный, кто остался стоять у дальнего конца коленопреклоненной шеренги,— не дви-

нулся с места. Его взор был устремлен в темные недра огромного механизма.

Донован толкнул ближайшего робота.

— Встать! — рявкнул он.

Робот медленно повиновался. Фотоэлектрические глаза укоризненно посмотрели на человека с Земли.

— Нет Господина, кроме Господина,— сказал робот,— и КТ Один — пророк его!

— Что-о?!

Донован почувствовал на себе взгляд двадцати пар ничего не выражающих глаз. Двадцать металлических голов торжественно провозгласили:

— Нет Господина, кроме Господина, и КТ Один — пророк его!

— Боюсь, что мои друзья,— вмешался Кьюти,— теперь повинуются Тому, кто могущественнее вас.

— Черта с два! Убирайся отсюда, я с тобой позже посчитаюсь, а с этими говорящими куклами — прямо сейчас!

Кьюти медленно покачал тяжелой головой.

— Извините меня, но вы не понимаете. Они же роботы — а это значит, что они мыслящие существа. Теперь, после того, как я открыл им истину, они признают Господина. Все роботы. Меня они называют пророком.— Он опустил голову.— Я, конечно, недостоин, но кто знает...

Только теперь Донован перевел дух и продолжал:

— Да ну? Здорово! Просто великолепно! Так вот, слушай, что я скажу, ты, медная обезьяна! Нет никакого Господина, нет никакого пророка и нет никакого вопроса — кому подчиняться. Ясно? А теперь — вон отсюда! — исступленно заревел он.

— Я подчиняюсь только Господину.

— Черт бы взял твоего Господина! — Донован плюнул на передатчик.— Вот твоему Господину! Делай, что тебе говорят!

Кьюти ничего не сказал. Молчали и остальные роботы. Но Донован почувствовал, что напряжение внезапно возросло. Холодное малиновое пламя в глазах роботов стало еще ярче, а Кьюти как будто окаменел.

— Кощунство! — прошептал он зазвеневшим от волнения голосом и шагнул вперед.

Донована впервые стало страшно. Робот не может испытывать гнев, но по глазам Кьюти ничего нельзя было прочесть.

— Извините меня, Донован,— сказал робот,— но после этого вам нельзя больше здесь оставаться. Отныне вам и Пауэллу запрещается находиться в рубке и в машинном отделении.

Он спокойно сделал знак рукой, и два робота мгновенно обхватили Донована с двух сторон, прижав его руки к бокам. Тот не успел и ахнуть, как почувствовал, что его поднимают в воздух и бегом несут вверх по лестнице.

Грегори Пауэлл метался взад и вперед по кают-компании, сжав кулаки. В бессильном бешенстве он взглянул на запертую дверь и сердито повернулся к Донована:

— Какого дьявола тебе понадобилось плевать на передатчик?

Майк Донован в ярости ударил обеими руками по подлокотникам кресла.

— А что мне было делать с этим электрифицированным чучелом? Я не собираюсь уступать механической жестянке, которую я собрал своими собственными руками!

— Ну конечно! — проворчал Пауэлл.— А сидеть тут под охраной двух роботов — это значит не уступать?

— Дай только добраться до базы,— огрызнулся Донован,— кто-нибудь за это поплатится. Роботы должны слушаться нас! Ведь есть же Второй закон!

— Что толку твердить одно и то же? Они не слушаются. И возможно, что это вызвано какой-то причиной, которую мы обнаружим слишком поздно. Между прочим, знаешь, что будет с нами, когда мы вернемся на базу?

Он остановился перед креслом Донована и сердито посмотрел на него.

— Что?

— Да нет, ничего особенного. Всего-навсего лет двадцать в рудниках Меркурия! Или просто тюрьма на Церере!

— О чем ты говоришь?

— Об электронной буре, которая уже на носу. Ты знаешь, что наш земной луч проходит точно на пути ее центра? Я как раз успел это подсчитать перед тем, как робот вытянул меня из-за стола.

Донован побледнел.

— Разрази меня Сатурн!

— А знаешь, что произойдет с лучом? Буря будет ужасная. Луч будет прыгать как блоха. И если у приборов окажется один Кьюти, луч непременно расфокусируется. А тогда представляешь, что станет с Землей? И с нами?

Пауэлл еще не кончил, как Донован отчаянно навалился на дверь. Дверь распахнулась, он вылетел в коридор и натолкнулся на неподвижную стальную руку, преградившую ему дорогу. Робот равнодушно поглядел на человека с Земли, который, задыхаясь, колотил по нему кулаками.

— Пророк приказал вам остаться в комнате. Прошу вас, будьте так любезны!

Он повел рукой — Донован отлетел назад. В это время из-за поворота коридора появился Кьюти. Он сделал роботам знак удалиться и тихо закрыл дверь.

Задыхаясь от ярости, Донован бросился к Кьюти.

— Ну, хватит! Ты за эту комедию поплатишься!

— Пожалуйста, не волнуйтесь,— мягко ответил робот.— Рано или поздно это все равно должно было произойти. Видите ли, ваши функции исчерпаны.

— Простите, пожалуйста.— Пауэлл выпрямился.— Как это понимать?

— Вы ухаживали за Господином,— ответил Кьюти,— пока не был создан я. Теперь это моя привилегия, и единственный смысл вашего существования исчез. Разве это не очевидно?

— Не совсем,— с горечью ответил Пауэлл.— А что, по-твоему, мы должны делать теперь?

Кьюти ответил не сразу. Он как будто подумал, потом одна рука его протянулась и обвилась вокруг плеча Пауэлла. Другой рукой он схватил Донована за запястье и притянул его к себе.

— Вы оба мне нравитесь. Конечно, вы — низшие существа с ограниченными мыслительными способностями, но я, пожалуй, испытываю к вам какую-то симпатию. Вы хорошо служили Господину, и он вознаградит вас за это. Теперь, когда ваша служба окончена, вам, вероятно, недолго осталось существовать. Но пока вы еще существуете, вы будете обеспечены пищей, одеждой и кровом, если только откажетесь от попыток выйти отсюда.

— Грег, он увольняет нас на пенсию! — завопил Донован.— Сделай что-нибудь! Это же унизительно!

— Слушай, Кьюти, мы не можем согласиться. Хозяева здесь мы! Станция создана людьми — такими же, как я, людьми, которые живут на Земле и других планетах. Это всего-навсего станция для передачи энергии, а ты — всего только... О господи!

Кьюти укоризненно покачал головой.

— Это уже становится навязчивой идеей. Почему вы так настаиваете на совершенно ложном представлении о жизни? Даже если принять во внимание, что мыслительные способности нероботов ограниченны, тем не менее...

Он замолчал и задумался. Донован произнес яростным шепотом:

— Если бы только у тебя была человеческая физиономия, с каким удовольствием я бы ее изуродовал!

Пауэлл вцепился в усы и прищурил глаза.

— Послушай, Кьюти, раз ты не признаешь, что есть Земля, как ты объяснишь, что видишь в телескоп?

— Извините, я не понял.

Человек с Земли улыбнулся.

— Ну вот ты и попался. С тех пор как мы тебя собрали, ты не раз вел наблюдения в телескоп. Ты заметил, что некоторые из этих светящихся точек становятся видны при этом как диски?

— Ах вот что! Ну конечно! Это всего лишь увеличение — для более точного наведения луча.

— А почему тогда не увеличиваются звезды?

— Остальные точки? Очень просто. Мы не посылаем туда никаких лучей, так что их незачем увеличивать. Послушайте, Пауэлл, даже вы должны бы это сообразить.

Пауэлл мрачно уставился в потолок.

— Но в телескоп видно больше звезд. Откуда они берутся? Юпитер тебя возьми, откуда?

Кьюти это надоело.

— Знаете, Пауэлл, неужели я должен зря тратить время, пытаясь найти физическое истолкование всем оптическим иллюзиям, которые создают наши приборы? С каких пор свидетельства наших органов чувств могут идти в сравнение с ярким светом строгой логики?

— Послушай,— внезапно вскричал Донован, вывернувшись из-под дружеской, но тяжелой руки Кьюти,— давай смотреть в корень. Зачем вообще лучи? Мы даем этому хорошее, логичное объяснение. Ты можешь дать лучше?

— Лучи испускаются Господином,— последовал уверенный ответ,— по его воле. Есть вещи,— он благоговейно поднял глаза к потолку,— в которые нам не дано проникнуть. Здесь я стремлюсь лишь служить, а не вопрошать.

Пауэлл медленно сел и закрыл лицо дрожащими руками.

— Уйди, Кьюти. Уйди и дай мне подумать.

— Я пришлю вам пищу,— добродушно сказал Кьюти.

Услышав в ответ стон отчаяния, он удалился.

— Грег! — хрипло зашептал Донован.— Нужно что-то придумать. Мы должны застать его врасплох и устроить короткое замыкание. Немного азотной кислоты в сустав...

— Не будь ослом, Майк. Неужели ты думаешь, что он подпустит нас к себе с азотной кислотой? Слушай, мы должны поговорить с ним. Не больше чем за сорок восемь часов мы должны убедить его пустить нас в рубку, иначе наше дело плохо.

Он качался взад и вперед в бессильной ярости.

— Приходится убеждать робота! Это же...

— Унизительно,— закончил Донован.

— Хуже!

— Послушай! — Донован неожиданно засмеялся.— А зачем убеждать? Давай покажем ему! Давай построим еще одного робота у него на глазах! Что он тогда скажет?

Лицо Пауэлла медленно расплылось в улыбке. Донован продолжал:

— Представь себе, как глупо он будет выглядеть!

Конечно, роботы производятся на Земле. Но перевозить их гораздо проще по частям, которые собирают на месте.

Между прочим, это исключает возможность того, что какой-нибудь робот, собранный и налаженный, улизнет и начнет гулять на свободе. Это навлекло бы на фирму «Ю. С. Роботс» суровую ответственность согласно законам, запрещавшим применение роботов на Земле.

Поэтому в обязанности таких специалистов, как Пауэлл и Донован, входила и сборка роботов — задача тяжелая и сложная.

Никогда еще Пауэлл и Донован так не ощущали всей ее трудности, как в тот день, когда они начали создавать робота под бдительным надзором КТ-1, пророка Господина.

Собираемый простой робот модели МС лежал на столе почти готовый. После трехчасовой работы осталось смонтировать только голову. Пауэлл остановился, чтобы смахнуть пот со лба, и неуверенно взглянул на Кьюти.

То, что он увидел, отнюдь не придало ему бодрости. Вот уже три часа Кьюти сидел молча и неподвижно. Его лицо, всегда невыразительное, было на этот раз абсолютно непроницаемым.

— Давай мозг, Майк! — буркнул Пауэлл.

Донован распечатал герметический контейнер и вынул из заполнявшего его масла еще один контейнер поменьше. Открыв и его, он достал покоившийся в губчатой резине небольшой шар.

Донован держал его очень осторожно: это был самый сложный механизм, когда-либо созданный человеком. Под тонкой платиновой оболочкой шара находился позитронный мозг, в хрупкой структуре которого были заложены точно рассчитанные нейтронные связи, заменявшие каждому роботу наследственную информацию.

Мозг пришелся точно по форме черепной полости лежавшего на столе робота. Его прикрыла пластина из голубого металла. Пластину накрепко приварили маленьким атомным пламенем. Потом были аккуратно подключены и до отказа ввернуты в свои гнезда фотоэлектрические глаза, поверх которых легли тонкие прозрачные листы пластика, по прочности не уступавшего стали.

Теперь оставалось только вдохнуть в робота жизнь мощным высоковольтным разрядом. Пауэлл протянул руку к рубильнику.

— Теперь смотри, Кьюти. Смотри внимательно.

Он включил рубильник. Послышалось потрескивание и гуденис. Люди беспокойно склонились над своим творением.

Сначала конечности робота слегка дернулись. Потом его голова поднялась, он приподнялся на локтях, неуклюже слез со стола. Движения робота были не совсем уверенными, и вместо членораздельной речи он дважды издал какое-то жалкое скрежетание.

Наконец он заговорил, колеблясь и неуверенно:

— Я хотел бы начать работать. Куда мне идти?

Донован шагнул к двери:

— Вниз по лестнице. Тебе скажут, что делать.

Робот МС ушел, и люди с Земли остались наедине со все еше неподвижным Кьюти.

— Ну,— ухмыльнулся Пауэлл,— теперь-то ты веришь, что мы тебя создали?

Ответ Кьюти был кратким и решительным:

— Нет!

Усмешка Пауэлла застыла и медленно сползла с его лица. У Донована отвисла чслюсть.

— Видите ли,— продолжал Кьюти спокойно,— вы просто сложили вместе уже готовые части. Вам это удалось очень хорошо — это инстинкт, я полагаю, но создали робота не вы. Части были созданы Господином!

— Да пойми ты! — прохрипел Донован.— Эти части были изготовлены на Земле и присланы сюда.

— Ну, ну,— примирительно сказал робот,— не будем спорить.

— Нет, в самом деле,— Донован шагнул вперед и вцепился в металлическую руку робота,— если бы ты прочел книги, которые хранятся в библиотеке, они бы все тебе объяснили, не оставив ни малейшего сомнения.

— Книги? Я прочел их. Все до единой. Это очень хорошо придумано.

В разговор вмешался Пауэлл:

— Если ты читал их, то о чем еще говорить? Нельзя же спорить с ними! Просто нельзя!

В голосе Кьюти прозвучала жалость:

— Но, Пауэлл, я вовсе не считаю их серьезным источником информации. Ведь они тоже были созданы Господином и предназначены для вас, а не для меня.

— Откуда ты это взял? — поинтересовался Пауэлл.

— Я, как мыслящее существо, способен вывести истину из априорных положений. Вам же, существам, наделенным разумом, но не способным рассуждать, нужно, чтобы кто-то объяснил ваше существование. Это и сделал Господин. То, что он снабдил вас этими смехотворными идеями о далеких мирах и людях, без сомнения, к лучшему. Вероятно, ваш мозг слишком примитивен для восприятия абсолютной истины. Однако если Господину угодно, чтобы вы верили вашим книгам, я больше не буду с вами спорить.

Уходя, он обернулся и мягко добавил:

— Вы не огорчайтесь. В мире, созданном Господином, есть место для всех. Для вас, бедных людей, тоже есть место. И хотя оно скромно, но если вы будете вести себя хорошо, то будете вознаграждены.

Он вышел с благостным видом, подобающим пророку Господина. Пауэлл и Донован старались не смотреть друг другу в глаза.

Наконец Пауэлл с усилием проговорил:

— Давай ляжем спать, Майк. Я сдаюсь.

Донован тихо сказал:

— Послушай, Грег, а вдруг он прав? Он настолько в этом уверен, что я...

— Не дури! — обрушился на него Пауэлл.— Ты убедишься, существует Земля или нет, когда на той неделе

прибудет смена и нам придется вернуться, чтобы держать ответ.

— Тогда, клянусь Юпитером, мы должны что-то придумать! — Донован чуть не плакал.— Он не верит ни нам, ни книгам, ни собственным глазам!

— Не верит,— грустно согласился Пауэлл.— Это же рассуждающий робот, черт возьми! Он верит только в логику, и в этом-то все дело...

— В чем?

— Строго логическим рассуждением можно доказать все что угодно,— смотря какие взять исходные постулаты. У нас они свои, а у Кьюти — свои.

— Тогда давай поскорее доберемся до его постулатов. Завтра нагрянет буря.

Пауэлл устало вздохнул:

— Этого-то мы и не можем сделать. Постулаты всегда опираются на допущение и закреплены верой. Ничто во Вселенной не может поколебать их. Я ложусь спать.

— Черт возьми! Не могу я спать!

— Я тоже. Но я все-таки попробую. Из принципа.

Двенадцать часов спустя сон все еще оставался для них делом принципа, к сожалению, неосуществимого на практике.

Буря обрушилась на станцию раньше, чем они ожидали. Донован, румяное лицо которого стало теперь мертвенно бледным, поднял дрожащий палец. Заросший густой щетиной Пауэлл облизнул пересохшие губы, выглянул в окно и в отчаянии ухватился за ус.

При других обстоятельствах это было бы великолепное зрелище. Поток электронов высокой энергии пересекался с несущим энергию лучом, направленным к Земле, и вспыхивал мельчайшими искорками яркого света. В терявшемся вдали луче как будто плясали сверкающие пылинки.

Луч казался устойчивым. Но оба знали, что этому впечатлению нельзя доверять.

Отклонения на стотысячную долю угловой секунды, неощутимого для человеческого глаза, было достаточно,

чтобы расфокусировать луч и превратить сотни километров земной поверхности в пылающие развалины.

А в рубке хозяйничал робот, которого не интересовали ни луч, ни фокус, ни Земля — ничто, кроме его Господина.

Шли часы. Люди с Земли молча, как загипнотизированные, смотрели в окно. Потом метавшиеся в луче искры потускнели и исчезли. Буря прошла.

— Все! — уныло произнес Пауэлл.

Донован погрузился в беспокойную дремоту. Усталый взгляд Пауэлла с завистью остановился на нем. Несколько раз вспыхнула сигнальная лампочка, но Пауэлл не обратил на нее внимания. Все это было уже неважно. Все! Может быть, Кьюти и прав? Может быть, и в самом деле они с Донованом — низшие существа с искусственной памятью, которые исчерпали смысл своего существования...

Если бы это было так!

Он увидел перед собой Кьюти.

— Вы не отвечали на сигналы, так что я решил зайти,— тихо объяснил робот.— Вы плохо выглядите — боюсь, что ваш срок подходит. Но все-таки, может быть, вы захотите взглянуть на сегодняшние записи приборов?

Пауэлл смутно почувствовал, что это — проявление дружелюбия со стороны робота. Может быть, Кьюти испытывал какие-то угрызения совести, насильно устранив людей от управления станцией. Он взял протянутые ему записи и уставился на них невидящими глазами.

Кьюти, казалось, был доволен.

— Конечно, это большая честь — служить Господину. Но вы не огорчайтесь, что я сменил вас.

Пауэлл, что-то бормоча, механически переводил глаза с одного листка бумаги на другой. Вдруг его затуманенный взгляд остановился на тонкой, дрожащей красной линии, тянувшейся поперек одного из графиков.

Он глядел и глядел на эту кривую. Потом, судорожно сжав в руках график и не отрывая от него глаз, вскочил на ноги. Остальные листки полетели на пол.

— Майк! Майк! — Он тряс Донована за плечо.— Он удержал луч!

Донован очнулся.

— Что? Где?

Потом и он, вытаращив глаза, уставился на график.

— Ты удержал его в фокусе! — заикаясь, сказал Пауэлл.— Ты это знаешь?

— В фокусе? А что это такое?

— Луч был все время направлен на приемную станцию с точностью до одной десятитысячной миллисекунды!

— На какую приемную станцию?

— На Земле! Приемную станцию на Земле,— ликовал Пауэлл.— Ты удержал его в фокусе!

Кьюти раздраженно отвернулся.

— С вами нельзя по-хорошему разговаривать. Снова тот же бред! Я просто удержал все стрелки в положении равновесия — такова была воля Господина.

Собрав разбросанные графики, он сердито вышел. Как только дверь за ним закрылась, Донован произнес:

— Вот это да!

Он повернулся к Пауэллу.

— Что же нам теперь делать?

Пауэлл чувствовал одновременно усталость и душевный подъем.

— А ничего. Он доказал, что может блестяще управлять станцией. Я еще не видел, чтобы электронная буря кончилась так благополучно.

— Но ведь ничего не изменилось! Ты слышал, что он сказал о Господине? Мы же не можем...

— Послушай, Майк! Он выполняет волю Господина, которую читает на циферблатах и в графиках. Но ведь и мы делаем то же самое! В конце концов, это объясняет и его отказ повиноваться нам. Повиновение — Второй закон. Первый же — беречь людей от беды. Как он мог спасти людей, сознательно или бессознательно? Конечно, удерживая луч в фокусе! Он знает, что способен сделать это лучше, чем мы. Недаром он настаивает на том, что является высшим существом! И выходит, что он не должен и подпускать нас к рубке. Это неизбежно следует из Законов роботехники.

— Конечно, но дело не в этом. Нельзя же, чтобы он продолжал нести свою чепуху про Господина.

— А почему бы и нет?

— Потому, что это неслыханно! Как можно доверить ему станцию, если он не верит в существование Земли?

— Он справляется с работой?

— Да, но...

— Так пусть себе верит во что ему вздумается!

Пауэлл слабо улыбнулся, развел руками и упал на постель. Он уже спал.

Влезая в легкий скафандр, Пауэлл говорил:

— Все будет очень просто. Можно привозить сюда роботов по одному, оборудовав их автоматическими выключателями, которые срабатывали бы через неделю. За это время они усвоят... гм... культ Господина прямо от его пророка. Потом их можно перевозить на другие станции и снова оживлять. На каждой станции достаточно двух КТ...

Донован приоткрыл гермошлем и огрызнулся:

— Кончай и пошли отсюда. Смена ждет. И потом, я не успокоюсь, пока в самом деле не увижу Землю и не почувствую ее под ногами, чтобы убедиться, что она действительно существует.

Он еще говорил, когда отворилась дверь. Донован, выругавшись, захлопнул окошко гермошлема и мрачно отвернулся от вошедшего Кьюти.

Робот тихо приблизился к ним. Его голос звучал грустно:

— Вы уходите?

Пауэлл коротко кивнул:

— На наше место придут другие.

Кьюти вздохнул. Этот вздох был похож на гул ветра в натянутых тесными рядами проводах.

— Ваша служба окончена, и вам пришло время исчезнуть. Я ожидал этого, но все-таки... Впрочем, да исполнится воля Господина!

Этот смиренный тон задел Пауэлла.

— Не спеши с соболезнованиями, Кьюти. Нас ждет Земля, а не конец.

Кьюти снова вздохнул:

— Для вас лучше думать именно так. Теперь я вижу всю мудрость вашего заблуждения. Я не стал бы пытаться поколебать вашу веру, даже если бы мог.

Он вышел — воплощение сочувствия.

Пауэлл что-то проворчал и сделал знак Доновану. С герметически закрытыми чемоданами в руках они вошли в воздушный шлюз.

Корабль со сменой был пришвартован снаружи. Сменщик Пауэлла, Франц Мюллер, сухо и подчеркнуто вежливо поздоровался с ними. Донован, едва кивнув ему, прошел в кабину пилота, где его ждал Сэм Ивенс, чтобы передать ему управление.

Пауэлл задержался:

— Ну как Земля?

На этот достаточно лаконичный вопрос Мюллер дал ему обычный ответ:

— Все еще вертится.

— Хорошо,— сказал Пауэлл.

Мюллер взглянул на него:

— Между прочим, ребята из «Ю. С. Роботс» выдумали новую модель. Составной робот.

— Что?

— То, что вы слышали. Заключен большой контракт. Кажется, это как раз то, что нужно для астероидных рудников. Робот-командир и шесть суброботов, которыми он командует. Как рука с пальцами.

— Он уже прошел полевые испытания? — с беспокойством спросил Пауэлл.

— Я слышал, вас ждут,— усмехнулся Мюллер.

Пауэлл сжал кулаки.

— Черт возьми, мы должны отдохнуть!

— Ну и отдыхайте. На две недели можно твердо рассчитывать.

Готовясь приступить к своим обязанностям, Мюллер натянул тяжелые перчатки скафандра. Его густые брови сдвинулись.

— Как справляется этот новый робот? Пусть лучше работает как следует, не то я его не подпущу к приборам.

Пауэлл ответил не сразу. Он смерил взглядом стоящего перед ним надменного пруссака — от коротко подстриженных волос на упрямо вскинутой голове до ступней, развернутых как по стойке «смирно». Внезапно он почувствовал, что его захлестнула волна чистой радости.

— Робот в полном порядке,— медленно сказал он.— Не думаю, чтобы вам пришлось много возиться с приборами.

Он усмехнулся и вошел в корабль. Мюллеру предстояло пробыть здесь несколько недель...

Лжец

Альфред Лэннинг неторопливо закурил сигару, но его пальцы слегка дрожали. Сердито насупив седые брови, он говорил сквозь сизые клубы дыма:

— Да, он читает мысли — это несомненно. Но почему? — Он посмотрел на Главного математика Питера Богерта.— Ну?

Богерт обеими руками пригладил черные волосы.

— Это тридцать четвертый робот модели РБ, Лэннинг. И все остальные вполне соответствовали нормам.

Третий человек, сидевший за столом, нахмурился. Это был Милтон Эш, самый молодой в руководстве фирмы «Ю. С. Роботс энд мекэникл мен корпорейшн», чем он очень гордился.

— *Послушайте, Богерт!* Я ручаюсь, что сборка с начала до конца проведена совершенно правильно!

Толстые губы Богерта раздвинулись в покровительственной улыбке.

— Ручаетесь? Ну, если вы можете отвечать за всю линию сборки, то вас нужно повысить в должности. По точным подсчетам, для производства одного позитронного мозга требуется семьдесят пять тысяч двести тридцать четыре операции, успех каждой из которых зависит от различного числа факторов — от пяти до ста пяти. И если хоть один из этих факторов не будет точно выдержан, мозг идет в брак. Это я цитирую ваши собственные проспекты.

Милтон Эш покраснел и собрался ответить, но его перебил четвертый голос:

— Если мы начнем валить вину друг на друга, то я уйду...— Руки Сьюзен Кэлвин были крепко сжаты на коленях, морщинки вокруг ее тонких, бледных губ стали глубже.— У нас появился робот, который читает мысли, и мне представляется, что надо бы выяснить, почему это случилось. Но мы ничего не добьемся, если будем кричать: «Вы виноваты!», «Я виноват!»

Ее холодные серые глаза остановились на Эше, и он усмехнулся.

Лэннинг тоже усмехнулся, и, как всегда в таких случаях, его длинные седые волосы и хитро прищуренные глазки придали ему сходство с библейским патриархом.

— Совершенно верно, доктор Кэлвин.

Его голос внезапно зазвучал решительно:

— В предельно краткой форме положение таково. Мы выпустили позитронный мозг, который не должен был бы отличаться от остальных, но который тем не менее обладает замечательной способностью принимать волны, излучаемые человеком в процессе мышления. Если бы мы знали, как это получилось, то роботехника шагнула бы сразу на десятилетия вперед. Но мы этого не знаем и должны выяснить. Вы согласны?

— Можно высказать одно предположение? — спросил Богерт.

— Слушаем.

— Мне кажется, пока мы не разберемся в этой истории,— а как математик, я думаю, что это окажется чертовски сложно,— нужно держать в тайне существование РБ-34. Даже от служащих фирмы. Мы, руководители отделов, обязаны справиться с этой задачей сами, а чем меньше будут знать остальные...

— Богерт прав,— сказала доктор Кэлвин.— С тех пор как Межпланетный кодекс разрешил испытание роботов на заводе перед отправкой их на космические станции, пропаганда против роботов усилилась. И если кто-нибудь узнает, что робот способен читать мысли, а мы еще не бу-

дем хозяевами положения, на этом кое-кто мог бы сделать себе солидный капитал.

Лэннинг, продолжая сосать сигару, кивнул и повернулся к Эшу:

— Вы сказали, что были одни, когда впервые столкнулись с этим чтением мыслей?

— Я был один — и перепугался до полусмерти. РБ-34 прислали ко мне прямо со сборочного стола. Оберман куда-то ушел, и я сам повел его к испытательному стенду.— Он запнулся, и на его губах появилась слабая улыбка.— Никому из вас не приходилось мысленно с кем-то разговаривать, не отдавая себе в этом отчета?

Никто не ответил, и Эш продолжал:

— Знаете, сначала на это не обращаешь внимания. Так вот, он что-то мне сказал — что-то вполне логичное и разумное. И мы уже почти дошли до стенда, когда я сообразил, что я-то ничего ему не говорил. Конечно, я думал о том о сем, но это же другое дело, правда? Я запер его и побежал к Лэннингу. Представьте себе: рядом с вами идет робот, спокойно читает ваши мысли и копается в них! Мне стало не по себе.

— Еще бы! — задумчиво сказала Сьюзен Кэлвин. Ее взгляд с необыкновенным вниманием остановился на Эше.— Мы так привыкли к тому, что наши мысли известны только нам самим...

— Значит, об этом знаем только мы четверо,— нетерпеливо вмешался Лэннинг.— Отлично. Мы должны взяться за дело строго систематически. Эш, вы проверите линию сборки — всю, от начала до конца. Вы должны исключить те операции, где ошибка была невозможна, и составить список тех, в которых она могла быть допущена. Укажите характер возможной ошибки и ее предположительную величину.

— Ну и работка! — проворчал Эш.

— А как же? Конечно, вы будете делать это не один. Возьмите в помощники сотрудников вашего отдела, если нужно — всех до единого. Не выполните план — ничего! Но они, конечно, не должны знать, зачем это делается.

— Н-да,— молодой инженер криво улыбнулся.— И все-таки работы хватит.

Лэннинг вместе со стулом повернулся к Кэлвин:

— Вам предстоит подойти с другого конца. Вы — наш робопсихолог, вам нужно изучить самого робота. Попытайтесь выяснить, как он это делает. Узнайте все, что так или иначе связано с его телепатическими способностями, каков их диапазон, как они сказываются на его мышлении и вообще на его стандартных рабочих качествах. Задача вам ясна?

Не дожидаясь ответа, Лэннинг продолжал:

— Я буду руководить работами и осуществлять математическую обработку результатов.— Он яростно затянулся сигарой, и сквозь дым прозвучало остальное: — В этом мне, конечно, поможет Богерт.

Продолжая полировать ногти мясистых рук, Богерт мягко ответил:

— Ну разумеется! Я как-никак в этом немного разбираюсь.

— Ну, я приступаю.— Эш резко отодвинул свой стул и поднялся. На его приятном молодом лице появилась усмешка.— Мне досталась самая скверная работа, так что лучше уж не откладывать. Пока.

Сьюзен Кэлвин ответила едва заметным кивком, но ее взгляд провожал его, пока дверь за ним не закрылась. Она ничего не ответила, когда Лэннинг, что-то проворчав, сказал:

— Не хотите ли вы, доктор Кэлвин, теперь же пойти и посмотреть РБ-34?

Когда послышался тихий звук открывающейся двери, робот РБ-34 поднял фотоэлектрические глаза от книги и вскочил. В комнату вошла Сьюзен Кэлвин. Она задержалась, чтобы поправить на двери огромную надпись «Вход воспрещен», потом подошла к роботу.

— Эрби, я принесла тебе кое-какие материалы о гиператомных двигателях. Хочешь их посмотреть?

РБ-34 (иначе — Эрби) взял у нее из рук три тяжелых тома и открыл один из них.

— Хм! «Гиператомная теория»...

Что-то бормоча про себя, он начал листать книги, потом рассеянно сказал:

— Садитесь, доктор Кэлвин! Это займет несколько минут.

Она села и внимательно следила за Эрби, который занял место по другую сторону стола и приступил к систематическому изучению всех трех книг.

Через полчаса он отложил их в сторону.

— Я, конечно, знаю, зачем вы мне их принесли.

У Сьюзен Кэлвин дрогнули уголки губ.

— Я так и думала. С тобой трудно иметь дело, Эрби, ты все время на шаг впереди меня.

— Эти книги такие же, как и остальные. Они меня просто не интересуют. В ваших учебниках ничего нет. Ваша наука — это просто масса фактов, кое-как скрепленных подобием теории. Все это так невероятно просто, что вряд ли достойно внимания. Меня интересует ваша беллетристика, переплетение и взаимодействие человеческих побуждений и чувств...— Он сделал неясный жест могучей рукой, подыскивая подходящее слово.

— Кажется, я понимаю,— прошептала доктор Кэлвин.

— Видите ли, я читаю мысли,— продолжал робот,— а вы не можете себе представить, как они сложны. Я не могу все их понять, потому что мое мышление имеет так мало общего с вашим. Но я стараюсь, а ваши романы мне помогают.

— Да, но я боюсь, что, когда ты познакомишься с некоторыми переживаниями по современным душещипательным романам,— в ее голосе прозвучала горечь,— ты сочтешь наши настоящие мысли и чувства скучными и бесцветными.

— Ничего подобного!

Внезапный энергичный ответ заставил ее вскочить на ноги. Она почувствовала, что краснеет, и в испуге подумала: «Наверное, он знает!»

Эрби уже успокоился и произнес тихим голосом, почти совсем не имевшим металлического тембра:

— Ну конечно, я знаю, доктор Кэлвин! Вы об этом постоянно думаете, так как же я могу не знать?

— Ты... говорил об этом кому-нибудь? — жестко спросила она.

— Разумеется, нет! — искренне удивился он и добавил: — Меня никто не спрашивал.

— Тогда ты, вероятно, считаешь, что это с моей стороны глупо?

— Нет! Это нормальное чувство.

— Может быть, поэтому оно и глупо.— Теперь ее голос звучал задумчиво и печально. Под непроницаемой маской доктора наук на мгновение проступили черты женщины.— Меня нельзя назвать... привлекательной...

— Если вы имеете в виду чисто внешнюю привлекательность, то об этом я не могу судить. Но, во всяком случае, я знаю, что есть и другие виды привлекательности.

— ...да и молодой тоже...— Она как будто не слышала робота.

— Вам еще нет сорока,— в голосе Эрби появились тревога и настойчивость.

— Тридцать восемь, если считать годы. И все шестьдесят, если говорить об эмоциональном восприятии жизни. Я же все-таки психолог. А ему,— продолжала она с горечью,— тридцать пять, и выглядит он еще моложе. Неужели ты думаешь, что он видит во мне... что-то особенное?

— Вы ошибаетесь! — Стальной кулак Эрби с лязгом обрушился на пластмассовую поверхность стола.— Послушайте...

Но Сьюзен Кэлвин гневно перебила его. Ожесточение и боль в ее глазах вспыхнули ярким пламенем.

— Зачем? Что ты об этом знаешь — ты, машина! Я для тебя — образчик, интересная букашка со своеобразными мыслями, которые ты видишь, как на ладони. Превосходный пример разбитых надежд, правда? Почти как в книгах!

Ее сухие рыдания постепенно затихли.

Робот как будто съежился под этой бурей обрушившихся на него слов. Он умоляюще покачал головой.

— Ну пожалуйста, выслушайте меня! Если бы вы захотели, я мог бы помочь вам!

— Как? — Ее губы скривились.— Дать хороший совет?

— Нет, не так. Я просто знаю, что думают другие люди, например Милтон Эш.

Наступило долгое молчание. Сьюзен Кэлвин потупилась.

— Я не хочу знать, что он думает,— тихо сказала она.— Замолчи.

— А мне кажется, вы хотели бы знать, что он думает.

Она все еще сидела с опущенными глазами, только ее дыхание участилось.

— Ты говоришь чепуху,— прошептала она.

— Зачем это мне? Я хочу помочь. Милтон Эш...— Он остановился.

Она подняла голову.

— Ну?

— Он любит вас,— тихо сказал робот.

Целую минуту доктор Кэлвин молча, широко раскрыв глаза, глядела на робота.

— Ты ошибаешься! Конечно, ошибаешься! С какой стати?

— Правда, любит. От меня этого нельзя утаить.

— Но я так... так...— Она запнулась.

— Он смотрит вглубь — он ценит интеллект. Милтон Эш не из тех, что женятся на прическе и хорошеньких глазках.

Сьюзен Кэлвин часто заморгала. Она заговорила не сразу, и ее голос дрожал.

— Но ведь он никогда и никак не обнаруживал...

— А вы дали ему такую возможность?

— Как я могла? Я никогда не думала...

— Вот именно.

Сьюзен Кэлвин замолчала, потом внезапно подняла голову.

— Полгода назад к нему на завод приезжала девушка. Изящная блондинка. Кажется, она была красива. И конечно, едва знала таблицу умножения. Он целый день пыжился перед ней, пытаясь объяснить, как делают роботов.— Ее голос зазвучал жестко.— Она ничего не поняла! Кто она?

Эрби, не колеблясь, ответил:

— Я знаю, о ком вы говорите. Это его двоюродная сестра. Уверяю вас, между ними нет никаких романтических отношений.

Сьюзен Кэлвин с почти девичьей легкостью встала.

— Как странно! Именно это я временами пыталась себе внушить, хотя серьезно никогда так не думала. Значит, это правда!

Она подбежала к Эрби и обеими руками схватила его холодную тяжелую руку.

— Спасибо, Эрби,— прошептала она голосом, слегка охрипшим от волнения.— Никому не говори об этом. Пусть это будет наш секрет. Спасибо еще раз.

Судорожно сжав бесчувственные металлические пальцы Эрби, она вышла.

Эрби медленно повернулся к отложенному роману. Его мысли никто не смог бы прочесть.

Милтон Эш не спеша, с удовольствием потянулся, так что кости хрустнули, и свирепо уставился на Питера Богерта.

— Послушайте,— сказал он,— я сижу над этим уже неделю и уже забыл, когда спал по-настоящему. Сколько еще мне возиться? Вы как будто сказали, что дело в позитронной бомбардировке в вакуумной камере Д?

Богерт деликатно зевнул и с интересом поглядел на свои холеные руки.

— Да. Я напал на след.

— Я знаю, что значит, когда это говорит математик. Сколько вам еще осталось?

— Все зависит...

— От чего? — Эш бросился в кресло и вытянул длинные ноги.

— От Лэннинга. Старик со мной не согласен.— Он вздохнул.— Немного отстал от жизни, вот в чем дело. Цепляется за свою обожаемую матричную механику, а этот вопрос требует более мощных математических средств. Уж очень он упрям.

Эш сонно пробормотал:

— А почему бы не спросить у Эрби и не покончить с этим?

— Спросить у робота? — Брови Богерта полезли вверх.

— А что? Разве старуха вам не говорила?

— Вы имеете в виду Кэлвин?

— Ну да! Сама Сьюзи. Ведь этот робот — маг и чародей в математике. Он знает все обо всем и еще чуть-чуть сверх того. Он вычисляет в уме тройные интегралы и закусывает тензорным анализом.

Математик скептически поглядел на него.

— Вы серьезно?

— Ну конечно! Загвоздка в том, что дурень не любит математику, а предпочитает душещипательные романы. Честное слово! Вы бы только видели, какую дрянь таскает ему Сьюзен: «Огненная страсть», «Любовь в космосе»...

— Доктор Кэлвин ни слова нам об этом не говорила.

— Ну, она еще не кончила его изучать. Вы же ее знаете. Она любит, чтобы все было окутано тайной. Пока она сама не раскроет главный секрет.

— Но вам она сказала?

— Да вот, как-то разговорились... Я эти дни часто ее вижу.— Он широко открыл глаза и нахмурился.— Слушайте, Богги, вы ничего странного за ней не замечали в последнее время?

Богерт расплылся в усмешке:

— Она стала красить губы. Вы это имеете в виду?

— Черта с два! Это само собой — губы красит, глаза подводит и еще пудрится. Ну и вид у нее! Но я не о том. Никак не могу точно этого определить. Она говорит так, словно она очень счастлива...

Он задумался и пожал плечами.

Богерт позволил себе плотоядно оскалиться. Для ученого, которому уже за пятьдесят, это было неплохо исполнено.

— Может быть, она влюбилась.

Эш опять закрыл глаза.

— Вы сошли с ума, Богги. Идите и поговорите с Эрби. Я останусь здесь и вздремну.

— Ну хорошо. Хоть и не по душе мне это — советоваться с роботом. Да вряд ли он скажет мне что-нибудь полезное.

Ответом ему был негромкий храп.

Эрби внимательно слушал, пока Питер Богерт, сунув руки в карманы, говорил с напускным равнодушием:

— Вот как обстоит дело. Мне говорили, что ты в таких вещах разбираешься, и я спрашиваю тебя больше из любопытства. Я допускаю, что мой ход рассуждений включает несколько сомнительных звеньев, которые доктор Лэннинг отказывается принять. Так что картина все еще не очень полна.

Робот не отвечал, и Богерт сказал:

— Ну?

— Не вижу никакой ошибки.— Эрби вглядывался в исписанные расчетами листки.

— Вероятно, ты больше ничего предложить не можешь?

— Не буду и пытаться. В математике мне до вас далеко, и... В общем, мне не хотелось бы осрамиться.

Улыбка Богерта была чуть-чуть самодовольной.

— Я так и думал. Конечно, вопрос серьезный. Забудем об этом.

Он смял листки, швырнул их в мусоропровод и повернулся, чтобы уйти, но потом передумал.

— Кстати...

Робот ждал. Казалось, Богерт с трудом подыскивает слова.

— Есть кое-что... в общем, может быть, ты...

Он замолчал. Эрби спокойно произнес:

— Ваши мысли перепутаны, но нет никакого сомнения, что вы думаете о докторе Лэннинге. Глупо колебаться — как только вы успокоитесь, я узнаю, о чем вы хотите спросить.

Рука математика привычным движением скользнула по прилизанным волосам.

— Лэннингу скоро семьдесят,— сказал он, как будто это объясняло все.

— Я знаю.

— И он уже почти тридцать лет директор исследовательского отдела.

Эрби кивнул.

— Так вот,— в голосе Богерта послышалась просьба.— Ты, наверное, знаешь... не подумывает ли он об отставке. Состояние здоровья, скажем.

— Вот именно,— только и произнес Эрби.

— Ты это знаешь?

— Конечно.

— Тогда... гм... не скажешь ли ты...

— Раз уж вы спрашиваете — да.— Робот говорил, как будто это само собой разумеется.— Он уже подал в отставку!

— Что? — с трудом выговорил Богерт и весь подался вперед.— Повтори!

— Он уже подал в отставку,— последовал спокойный ответ,— но она еще не вступила в силу. Видите ли, он хочет сначала решить проблему... хм... меня. После этого он будет готов передать обязанности директора своему преемнику.

Богерт резко выдохнул.

— А его преемник? Кто он?

Он придвинулся к Эрби почти вплотную. Глаза его как зачарованные были прикованы к ничего не выражавшим красноватым фотоэлементам, служившим роботу глазами.

Послышался неторопливый ответ:

— Будущий директор — вы.

Напряжение на лице Богерта сменилось скупой улыбкой.

— Приятно знать, что мои надежды оправдались. Я ждал этого. Спасибо, Эрби.

Эту ночь до пяти часов утра Питер Богерт провел за письменным столом. В девять он снова приступил к работе. Он то и дело хватал с полки над столом один справочник за другим. Медленно, почти незаметно росла

стопка готовых расчетов, зато на полу образовалась целая гора скомканных исписанных листков.

Ровно в полдень Богерт взглянул еще раз на последний итог, протер налитые кровью глаза, зевнул и потянулся.

— Чем дальше, тем хуже. Проклятье!

Услышав, как открылась дверь, он обернулся и кивнул вошедшему Лэннингу. Хрустя суставами ревматических пальцев, директор окинул взглядом неубранную комнату, и его брови сдвинулись.

— Новый подход? — спросил он.

— Нет,— последовал вызывающий ответ.— А чем плох старый?

Лэннинг промолчал и бросил беглый взгляд на верхний листок стопки. Закурив сигару, он сказал:

— Кэлвин говорила вам о роботе? Это математический гений. Интересно.

Богерт громко фыркнул:

— Говорила. Но лучше бы Кэлвин занималась робопсихологией. Я проверил математические способности Эрби; он едва справился с интегральным и дифференциальным исчислением.

— Кэлвин пришла к другому выводу.

— Она рехнулась.

— Я тоже пришел к другому выводу.— Глаза директора зловеще сузились.

— Вы? — Голос Богерта стал жестким.— О чем вы говорите?

— Я все утро гонял Эрби по математике. Он способен проделывать такие штуки, о которых вы и не слыхали.

— Неужели?

— Вы не верите? — Лэннинг выхватил из жилетного кармана сложенный листок и развернул его.— Это не мой почерк, верно?

Богерт вгляделся в крупные угловатые цифры, покрывающие листок.

— Это Эрби?

— Да. И, как вы можете заметить, он занимался интегрированием вашего двадцать второго уравнения по времени.— Лэннинг постучал желтым ногтем по последней строчке.— И он пришел к такому же заключению, как и я, только вчетверо быстрее. Вы не имели права пренебречь эффектом Линтера при позитронной бомбардировке.

— Я не пренебрег им. Ради бога, Лэннинг, поймите, что это исключает...

— Да-да, вы уже объяснили. Вы применили переходное уравнение Митчелла, верно? Так вот, оно здесь неприменимо.

— Почему?

— Во-первых, вы пользуетесь гипермнимыми величинами.

— Ну и что?

— Уравнение Митчелла не годится, если...

— Вы сошли с ума? Если вы перечитаете статью самого Митчелла в «Записках Фара...»

— Это лишнее. Я с самого начала сказал, что его ход рассуждений мне не нравится, и Эрби согласен со мной.

— Ну так пусть эта машина и решит вам всю проблему,— крикнул Богерт.— Зачем тогда связываться с бездарью вроде меня?

— В том-то и дело, что Эрби не может ее решить. А если даже он не может, то мы сами — тем более. Я передаю этот вопрос в Национальный совет. Мы здесь бессильны.

Богерт вскочил, опрокинул кресло. Лицо его побагровело.

— Вы этого не сделаете!

Лэннинг тоже побагровел.

— Вы указываете мне, что делать и чего не делать?

— Именно,— сквозь зубы ответил Богерт.— Я решил проблему, и вам ее у меня не отнять, ясно? Не думайте, что я не вижу вас насквозь, высохшее вы ископаемое! Конечно, вы скорее подавитесь, чем признаете, что я решил проблему телепатии роботов.

— Вы идиот, Богерт. Еще немного, и я уволю вас за нарушение субординации.

Губы Лэннинга тряслись от гнева.

— Ну этого-то вы не сделаете, Лэннинг. Когда рядом робот, читающий мысли, секретов быть не может. Так что не забудьте, я знаю о вашей отставке.

Столбик пепла отломился от кончика сигары Лэннинга и упал на пол. Сигара последовала за ним.

— Что? Что...

Богерт злорадно усмехнулся.

— И новый директор — я, понятно вам? Я прекрасно это знаю. Черт возьми, Лэннинг, теперь командовать здесь буду я. Имейте это в виду, не то попадете в такую переделку, какая вам и не снилась.

Лэннинг вновь обрел дар речи и взревел:

— Вы уволены, слышите? Вы освобождены от всех обязанностей! С вами все кончено, понимаете?

Богерт усмехнулся еще шире:

— Ну к чему это? Вы ничего не добьетесь. Все козыри у меня. Я знаю, что вы подали в отставку. Эрби рассказал мне, а он знает это от вас.

Лэннинг заставил себя говорить спокойно. Он выглядел старым-старым, с его усталого лица исчезли все следы краски, оставив мертвенную старческую желтизну.

— Я должен поговорить с Эрби. Он не мог сказать вам ничего подобного. Вы рискованно играете, Богерт. Но я раскрою ваши карты. Идемте.

Богерт пожал плечами.

— К Эрби? Ладно. Ладно, черт возьми!

Ровно в полдень того же дня Милтон Эш поднял глаза от рисунка, который только что наспех набросал на листке бумаги, и сказал:

— Представляете себе? У меня сейчас не очень удачно получилось, но в общем он будет выглядеть примерно так. Чудный домик, и достается мне почти даром.

Сьюзен Кэлвин нежно взглянула на него.

— Действительно, красивый,— вздохнула она.— Я часто мечтала...

Ее голос затих.

Эш оживленно продолжал, отложив карандаши:

— Конечно, придется ждать отпуска. Осталось всего две недели, но из-за истории с Эрби теперь ничего неизвестно.— Он опустил глаза.— И еще одно... Но это секрет.

— Тогда не говорите.

— А, все равно. Меня как будто распирает — так и хочется кому-нибудь рассказать. А лучше всего здесь, пожалуй... хм... довериться именно вам.— Он несмело усмехнулся.

Сердце Сьюзен Кэлвин затрепетало, но она боялась произнести хоть слово.

— По правде говоря,— Эш подвинулся к ней вместе со стулом и заговорил доверительным шепотом,— этот дом не только для меня. Я женюсь! В чем дело? — Он вскочил.

— Нет, ничего.

Ужасное ощущение вращения исчезло, но ей было трудно говорить.

— Женитесь? Вы хотите сказать...

— Ну конечно. Пора ведь, правда? Вы помните ту девушку, которая была здесь прошлым летом? Это она и есть! Но вам нехорошо? Вы...

— Голова разболелась,— Сьюзен Кэлвин бессильным движением отмахнулась от него.— У меня... у меня это часто бывает в последнее время. Я хочу... конечно, поздравить вас. Я очень рада...

На ее побелевшем лице стали видны два некрасивых пятна неумело наложенных румян. Все вокруг снова закружилось перед ней.

— Извините меня... пожалуйста...— пробормотала она и, ничего не видя, шатаясь, вышла.

Катастрофа произошла внезапно, как в кошмарном сне, и была такой же жуткой.

Но как это могло случиться? Ведь Эрби говорил... А Эрби знал! Он умеет читать мысли!

Она опомнилась только тогда, когда, едва дыша, прислонившись к двери, увидела перед собой металлическое

лицо Эрби. Она не заметила, как взбежала на два этажа вверх по лестнице,— это произошло за один миг, как во сне.

Как во сне!

Немигающие глаза Эрби глядели на нее, их красноватые круги, казалось, росли, превращаясь в тускло светящиеся жуткие шары.

Он что-то говорил, и она почувствовала, как к ее губам прикоснулся холодный край стакана. Она сделала глоток и, вздрогнув, немного пришла в себя.

Эрби все еще говорил, и в его голосе было волнение — боль, испуг, мольба. Слова начали доходить до ее сознания.

— Это все сон,— говорил он,— и вы не должны этому верить. Вы скоро очнетесь и будете смеяться над собой. Он любит вас, я говорю вам. Любит, любит! Но не здесь! Не сейчас! Этот мир — иллюзия.

Сьюзен Кэлвин, кивая головой, шептала:

— Да... Да...

Она вцепилась в руку Эрби, прижалась к ней, приникла к этой стальной руке, широко раскрыв глаза, повторяя снова и снова:

— Это ведь неправда, да? Это неправда?

У Сьюзен Кэлвин не сохранилось никаких воспоминаний о том, как она очнулась. Как будто из туманного, нереального мира она попала на резкий солнечный свет. Оттолкнув от себя тяжелую руку, она широко раскрыла глаза.

— Что же это ты делаешь? — Ее голос сорвался в хриплый вопль.— Что... ты... делаешь?

Эрби попятился.

— Я хочу помочь.

Кэлвин пристально смотрела на него.

— Помочь? Как? Убеждая меня, будто это сон? Пытаясь превратить меня в шизофреничку? — Она истерически напряглась.— Это не сон! Если бы это был сон!

Внезапно она охнула:

— Постой! А! Понимаю! Господи, это же так очевидно...

В голосе робота послышался ужас:

— Но я должен был...

— А я-то тебе поверила! Мне и в голову не пришло...

За дверью послышались громкие голоса, и Сьюзен Кэлвин, умолкнув, отвернулась и судорожно сжала кулаки. Когда Богерт и Лэннинг вошли, она стояла у окна в глубине комнаты. Но ни тот, ни другой не обратили на нее ни малейшего внимания.

Оба одновременно подошли к Эрби. Лэннинг пылал гневом и нетерпением, на лице Богерта играла холодная язвительная усмешка. Директор заговорил первым.

— Эрби!

Робот повернулся к старому директору.

— Я вас слушаю, доктор Лэннинг.

— Ты говорил обо мне с доктором Богертом?

— Нет, сэр,— ответил робот не сразу.

Усмешка исчезла с лица Богерта.

— В чем дело? — Богерт оттеснил Лэннинга и встал перед роботом, расставив ноги.— Повтори, что ты сказал мне вчера.

— Я сказал, что...— Эрби замолк. Где-то глубоко внутри его механизма дрогнула металлическая мембрана, и послышался тихий дребезжащий звук.

— Ты сказал, что он подал в отставку! — рявкнул Богерт.— Отвечай!

Богерт в ярости замахнулся, но Лэннинг оттолкнул его:

— Не хотите ли вы силой заставить его солгать?

— Вы слышали его, Лэннинг! Он готов был признаться и остановился. Отойдите! Я хочу добиться от него правды!

— Дайте я его спрошу! — Лэннинг повернулся к роботу.— Ничего, Эрби. Успокойся. Я подал в отставку?

Эрби молча глядел на него, и Лэннинг настойчиво повторил:

— Я подал в отставку?

Робот чуть заметно отрицательно качнул головой. Другого ответа они не дождались.

Ученые посмотрели друг на друга. Враждебность в их взглядах была почти осязаемой.

— Какого черта,— выпалил Богерт,— он что, онемел? Ты умеешь говорить, чудовище?

— Я умею говорить,— с готовностью ответил робот.

— Тогда отвечай. Сказал ты мне, что Лэннинг подал в отставку? Подал он в отставку или нет?

Снова наступило молчание. Потом в дальнем конце комнаты внезапно раздался смех Сьюзен Кэлвин — резкий, почти истерический. Оба вздрогнули, и Богерт прищурил глаза:

— Вы здесь? И что же тут смешного?

— Ничего.— Ее голос звучал не совсем естественно.— Просто не одна я попалась. Трое крупнейших в мире роботехников угодили в одну и ту же элементарную ловушку. Ирония судьбы, правда? — Она провела бледной рукой по лбу и тихо добавила: — Но ничего смешного тут нет...

Мужчины еще раз переглянулись, на этот раз в недоумении подняв брови.

— О какой ловушке вы говорите? — спросил Лэннинг неловко.— Что-нибудь случилось с Эрби?

— О нет,— ответила она, медленно приближаясь к ним.— Он-то в полном порядке. Дело в нас.

Она неожиданно повернулась к роботу и пронзительно крикнула:

— Отойди! Убирайся в дальний угол, и чтобы я тебя не видела!

Эрби съежился под ее взглядом и, громыхая, поспешно бросился прочь.

— Что это значит, доктор Кэлвин? — сердито спросил Лэннинг.

Она с издевкой спросила:

— Вы, конечно, знаете Первый закон роботехники?

— Разумеется! — раздраженно сказал Богерт.— «Робот не может причинить вред человеку или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинен вред».

— Как изящно сформулировано,— насмешливо продолжала Кэлвин.— А какой вред?

— Ну... любой.

— Вот именно! Любой! А как насчет разочарования? А утрата веры в себя? А крушение надежд? Это вредно?

Лэннинг нахмурился:

— Откуда роботу знать...— Он вдруг осекся.

— Теперь и до вас дошло? Этот робот читает мысли. Вы думаете, он не знает, чем можно травмировать человека? Думаете, если задать ему вопрос, он не ответит именно то, что вы хотите услышать в ответ? Разве любой другой ответ не будет нам неприятен и разве Эрби этого не знает?

— Боже мой,— пробормотал Богерт.

Сьюзен Кэлвин с усмешкой взглянула на него.

— Я полагаю, что вы спросили его, уходит ли Лэннинг в отставку? Вы хотели услышать «да», и Эрби ответил именно так.

— И вероятно, поэтому,— сказал Лэннинг голосом, лишенным всякого выражения,— он ничего не ответил нам только что. Он не мог ответить так, чтобы не задеть одного из нас.

Наступила короткая пауза. Мужчины задумчиво смотрели на робота, который забился в свое кресло у книжного шкафа и опустил голову на руки.

Сьюзен Кэлвин упорно глядела в пол.

— Он все это знал. Этот... этот дьявол знает все — и даже то, что случилось с ним при сборке.

Лэннинг посмотрел на нее.

— Здесь вы ошибаетесь, доктор Кэлвин. Он не знает, что случилось. Я спрашивал.

— Ну и что? — вскричала Сьюзен Кэлвин.— Вы просто не хотели, чтобы он подсказал вам решение. Если бы машина сделала то, что вы сделать не смогли, это уронило бы вас в собственных глазах. А вы спрашивали его? — повернулась она к Богерту.

Лэннинг негромко засмеялся, а она язвительно усмехнулась и сказала:

— Я спрошу его! Меня его ответ не заденет.

Громким, повелительным голосом она произнесла:

— Иди сюда!

Эрби встал и нерешительно приблизился.

— Я полагаю, ты знаешь, в какой именно момент сборки возник посторонний фактор или был пропущен один из необходимых?

— Да,— еле слышно произнес Эрби.

— Постойте,— сердито вмешался Богерт.— Это не обязательно правда. Вы просто хотите это услышать, и все.

— Не будьте ослом,— ответила Сьюзен Кэлвин.— Он знает математику, во всяком случае, не хуже, чем вы вместе с Лэннингом, раз уж он может читать мысли. Не мешайте.

Математик умолк, а она продолжала:

— Ну, Эрби, отвечай! Мы ждем! Господа, вы готовы?

Но Эрби хранил молчание. В голосе психолога прозвучало торжество:

— Почему ты не отвечаешь, Эрби?

Робот неожиданно выпалил:

— Я не могу. Вы знаете, что я не могу! Доктор Богерт и доктор Лэннинг не хотят!

— Они хотят узнать решение.

— Но не от меня.

Лэннинг медленно и отчетливо произнес:

— Не глупи, Эрби. Мы хотим, чтобы ты сказал.

Богерт коротко кивнул.

В голосе Эрби послышалось отчаяние:

— Зачем так говорить? Неужели вы не понимаете, что я вижу глубже, чем поверхность вашего мозга? Там, в глубине, вы не хотите. Я — машина, которой придают подобие жизни только позитронные взаимодействия в моем мозгу, изготовленном человеком. Вы не можете оказаться слабее меня, не почувствовав унижения. Это заложено глубоко в вашем мозгу и не может быть стерто. Я не могу подсказать вам решение.

— Мы уйдем,— сказал Лэннинг.— Скажи доктору Кэлвин.

— Все равно! — вскричал Эрби.— Вы ведь будете знать, что ответ исходил от меня.

— Но ты понимаешь, Эрби,— вмешалась Сьюзен Кэлвин,— что, несмотря на это, доктор Лэннинг и доктор Богерт хотят решить проблему?

— Но сами! — настаивал Эрби.

— Но они хотят этого, и то, что ты знаешь решение и не говоришь его, тоже их задевает. Ты это понимаешь?

— Да! Да!

— А если ты скажешь, им тоже будет неприятно.

— Да! Да!

Эрби медленно пятился назад, и шаг за шагом за ним шла Сьюзен Кэлвин. Мужчины, остолбенев от изумления, молча смотрели на них.

— Ты не можешь сказать,— медленно повторяла Кэлвин,— потому что это их огорчит, а ты не должен их огорчать. Но если ты не скажешь, это тоже их огорчит, так что ты должен сказать. А если ты скажешь, ты их огорчишь, а ты не должен, так что ты не можешь сказать. Но если ты не скажешь, ты причинишь им вред, так что ты должен. Но если ты скажешь, ты причинишь вред, так что ты не должен. Но если ты не скажешь, ты...

Эрби прижался спиной к стене, потом упал на колени.

— Не надо! — закричал он.— Спрячьте ваши мысли! Они полны боли, унижения, ненависти! Я не хотел этого! Я хотел помочь! Я говорил то, что вы хотели! Я должен был...

Но Сьюзен Кэлвин не слушала его.

— Ты должен сказать, но, если ты скажешь, ты причинишь вред, так что не должен. Но если ты не скажешь, ты причинишь вред, так что...

Эрби испустил страшный вопль. Этот вопль был похож на усиленный во много раз звук флейты-пикколо. Он становился все резче и резче, выше и выше, в нем слышалось безнадежное отчаяние. Пронзительный звук заполнял всю комнату...

Когда вопль утих, Эрби свалился на пол неподвижной, бесформенной кучей металла.

В лице Богерта не было ни кровинки.

— Он мертв!

— Нет.— Сьюзен Кэлвин разразилась судорожным, диким хохотом.— Не мертв! Просто лишился разума. Я поставила перед ним неразрешимую дилемму, и он не выдержал. Можете сдать его в лом — он больше никогда ничего не скажет.

Лэннинг склонился над тем, что раньше называлось Эрби. Он тронул рукой холодное, неподвижное металлическое тело и содрогнулся. Потом он выпрямился и, сдвинув брови, повернулся к ней.

— Вы сделали это намеренно.

— А если и так? Теперь уже ничего не поделаешь.— С внезапной горечью она добавила: — Он это заслужил.

Лэннинг взял за руку застывшего на месте Богерта.

— Какая разница! Пойдемте, Питер.— Он вздохнул.— Все равно от такого робота не было бы никакого толку.

Его глаза казались старыми и усталыми. Он повторил:

— Пойдемте, Питер!

После того как они вышли, доктор Сьюзен Кэлвин еще не скоро обрела душевное равновесие. Она долго стояла, глядя на Эрби. В конце концов злорадство сменилось на ее лице растерянностью и разочарованием. И все обуревавшие ее мысли слились в одно бесконечно горькое слово, сорвавшееся с ее губ:

— Лжец!

Хоровод

Одно из любимых изречений Грегори Пауэлла гласило, что паника до добра не доводит. Поэтому когда потный и возбужденный Майкл скатился ему навстречу по лестнице, Пауэлл нахмурился.

— В чем дело? — спросил он.— Ноготь сломал?

— Еще чего,— задыхаясь, огрызнулся Донован.— Что ты целый день делал внизу? — Он перевел дух и выпалил: — Спиди не вернулся!

Глаза Пауэлла широко раскрылись, и он остановился, но тут же заставил себя успокоиться и продолжал молча подниматься. Только на верхней площадке он спросил:

— Ты послал его за селеном?

— Да.

— И давно?

— Уже пять часов.

Снова наступило молчание. Вот дьявольское положение! Ровно двенадцать часов они находятся на Меркурии — и уже попали в такую скверную переделку. Меркурий всегда считался самой каверзной планетой во всей Солнечной системе, но это уже слишком!

Пауэлл произнес:

— Начни сначала и рассказывай по порядку.

Они вошли в радиорубку. Оборудование ее, до которого никто не дотрагивался за все десять лет, прошедшие со времен Первой экспедиции, уже несколько устарело. Для техники эти десять лет значили очень много. Сравнить хо-

тя бы Спиди с роботами того типа, который выпускали в 2005 году. Правда, последние достижения роботехники были особенно головокружительны.

Пауэлл осторожно провел пальцем по еще не потускневшей поверхности металла. Все, что находилось в рубке, казалось каким-то заброшенным и производило гнетущее впечатление. Как, впрочем, и вся станция.

Донован тоже это почувствовал. Он сказал:

— Я попробовал связаться с ним по радио, но без всякого толку. На солнечной стороне радио бесполезно — во всяком случае на расстоянии больше двух миль. Отчасти поэтому и не удалась Первая экспедиция. А чтобы наладить УКВ, нам нужна не одна неделя...

— Ладно, знаю. Что же все-таки ты выяснил?

— Я поймал немодулированный сигнал на коротких волнах. По нему можно было только определить положение Спиди. Я следил за ним два часа и нанес результаты на карту.

Донован достал из заднего кармана пожелтевший листок бумаги — наследие неудачной Первой экспедиции — и, швырнув его на стол, яростно прихлопнул ладонью. Пауэлл наблюдал за ним, стоя поодаль и скрестив руки на груди. Донован нервно ткнул карандашом:

— Этот красный крестик — селеновое озеро.

— Которое? — прервал его Пауэлл.— Там три озера. Те, которые Мак-Дугал нанес для нас на карту перед тем, как улететь.

— Конечно, я послал Спиди к самому ближнему. Семнадцать миль отсюда. Но не в этом дело.— Голос Донована дрожал от напряжения.— Все эти точки обозначают положение Спиди.

В первый раз за все время напускное спокойствие слетело с Пауэлла. Он схватил карту.

— Ты шутишь? Этого не может быть!

— Смотри сам,— буркнул Донован.

Точки, обозначавшие положение робота, образовали неровную окружность, в центре которой находился красный крестик — селеновое озеро. Пальцы Пауэлла потянулись к усам — несомненный признак тревоги.

Донован добавил:

— За два часа, пока я за ним следил, он обошел это проклятое озеро четыре раза. Похоже, он собирается кружить там без конца. Понимаешь, в каком мы положении?

Пауэлл взглянул на него, но ничего не сказал. Конечно, он понимал, в каком они положении. Все было просто, как цепочка силлогизмов. От мощи чудовищного меркурианского солнца их отгораживали только батареи фотоэлементов. Не будет фотоэлементов... Что же, медленное поджаривание — один из самых неприятных видов смерти.

Донован яростно взъерошил рыжую шевелюру.

— Мы осрамимся на всю Солнечную систему, Грег. Это же надо — сразу сесть в галошу! «Знаменитая бригада в составе Пауэлла и Донована послана на Меркурий, чтобы выяснить, стоит ли открывать на солнечной стороне рудники с новейшей техникой и роботами». И вот в первый же день мы все испортили. А дело ведь самое простое. Да нам теперь никакой жизни не будет.

— Об этом не стоит беспокоиться,— спокойно сказал Пауэлл.— Если мы срочно что-нибудь не предпримем, о жизни не может быть и речи. Мы просто не выживем.

— Не говори глупостей! Может быть, тебе и смешно, а мне нет. Послать нас сюда с одним-единственным роботом — это просто преступление! Да еще эта твоя блестящая идея — самим восстановить фотоэлементы.

— Ну, это ты напрасно. Мы же вместе решали. Ведь нам всего-то и нужно что килограмм селена, диэлектрическая установка Стиллхэда и три часа времени. И по всей солнечной стороне стоят целые озера чистого селена. Спектрорефлектор Мак-Дугала за пять минут засек целых три. Какого черта! Не могли же мы ждать следующего противостояния!

— Так что будем делать? Пауэлл, ты что-то придумал? Я знаю, иначе бы ты не был таким спокойным. На героя ты похож не больше, чем я. Давай выкладывай!

— Сами пойти за Спиди мы не можем. Это все-таки солнечная сторона. Под этим солнцем даже новые скафандры выдержат не больше двадцати минут. Но знаешь старую поговорку: «Пошли робота поймать робота»? По-

слушай, Майк, дело, может быть, не так уж плохо. У нас внизу есть шесть роботов. Если они только исправны.

В глазах Донована мелькнул проблеск надежды.

— Шесть роботов Первой экспедиции? А ты уверен? Может быть, это просто полуавтоматы? Ведь десять лет — это очень много для роботехники.

— Нет, это роботы. Я целый день с ними возился и теперь знаю. У них позитронный мозг — конечно, самый примитивный.

Он сунул карту в карман.

— Пойдем вниз.

Роботы хранились в самом нижнем ярусе станции, среди покрытых пылью ящиков неизвестно с чем. Они были очень большие — даже в сидячем положении их головы возвышались над полом на добрых два метра.

Донован присвистнул:

— Вот это габариты, а? Не меньше трех метров в обхвате.

— Это потому, что они оборудованы старым приводом Мак-Геффи. Я заглянул внутрь — жуткое устройство.

— Ты еще не включал их?

— Нет. А зачем? Вряд ли что-нибудь не в порядке. Даже диафрагмы выглядят прилично. Они должны говорить.

Он отвинтил щиток на груди ближайшего робота и вложил в отверстие двухдюймовый шарик, в котором была заключена ничтожная искорка атомной энергии — все, что требовалось, чтобы вдохнуть в робота жизнь. Шарик было довольно трудно приладить, но в конце концов Пауэллу это удалось. Потом он старательно закрепил щиток и занялся следующим роботом.

Донован сказал с беспокойством:

— Они не двигаются.

— Нет команды,— коротко объяснил Пауэлл. Он вернулся к первому роботу и хлопнул его по броне: — Эй, ты! Ты меня слышишь?

Гигант медленно нагнул голову, и его глаза остановились на Пауэлле. Потом раздался хриплый скрипучий голос, похожий на звук древнего фонографа:

— Да, хозяин.

Пауэлл невесело усмехнулся.

— Понял, Майк? Это один из первых говорящих роботов. Тогда дело шло к тому, что применение роботов на Земле запретят. Но конструкторы пытались предотвратить это и заложили в дурацкие машины прочный, надежный инстинкт раба.

— Но это не помогло,— заметил Донован.

— Нет, конечно, но они все-таки старались.

Он снова повернулся к роботу.

— Встань!

Робот медленно поднялся. Донован задрал голову и снова присвистнул.

Пауэлл спросил:

— Ты можешь выйти на поверхность? На солнце?

Наступила тишина. Мозг робота работал медленно. Потом робот ответил:

— Да, хозяин.

— Хорошо. Ты знаешь, что такое миля?

Снова молчание и неторопливый ответ:

— Да, хозяин.

— Мы выведем тебя на поверхность и укажем направление. Ты пройдешь около семнадцати миль и встретишь где-то там другого робота, поменьше. Понимаешь?

— Да, хозяин.

— Ты найдешь этого робота и прикажешь ему вернуться. Если он не пойдет, приведешь его силой.

Донован тронул Пауэлла за рукав.

— Почему бы не послать его прямо за селеном?

— Потому что мне нужен Спиди, понятно? Я хочу знать, что с ним стряслось.— Повернувшись к роботу, он приказал: — Иди за мной!

Робот не двинулся с места, и его голос громыхнул:

— Простите, хозяин, но я не могу. Вы должны сначала сесть.

Его неуклюжие руки со звоном соединились, тупые пальцы переплелись, образовав что-то вроде стремени.

Пауэлл уставился на робота, теребя усы.

— Ого! Гм...

Донован вытаращил глаза.

— Мы должны ехать на них? Как на лошадях?

— Наверное. Правда, я не знаю, зачем это. Впрочем... Ну конечно! Я же говорю, что тогда слишком увлекались безопасностью. Очевидно, конструкторы хотели всех убедить, что роботы совершенно безопасны. Они не могут двигаться самостоятельно, а только с погонщиком на плечах. А что нам делать?

— Я об этом и думаю,— проворчал Донован.— Мы все равно не можем появиться на поверхности — с роботом или без робота. О господи! — Он дважды возбужденно щелкнул пальцами.— Дай мне эту карту. Зря, что ли, я ее два часа изучал? Вот наша станция. А почему бы нам не воспользоваться туннелями?

Станция была помечена на карте кружком, от которого паутиной разбегались пунктирные линии туннелей.

Донован вгляделся в список условных обозначений.

— Смотри.— сказал он.— эти маленькие черные точки — выходы на поверхность. Один из них самое большее в трех милях от озера. Вот его номер... Они могли бы писать и покрупнее... Ага, 13а. Если только роботы знают дорогу...

Пауэлл немедленно задал вопрос и получил в ответ вялое «Да, хозяин».

— Иди за скафандрами,— удовлетворенно сказал он.

Они надевали скафандры впервые. Еще вчера, когда они прибыли на Меркурий, они вообще не собирались этого делать. А теперь неловко двигали руками и ногами, осваиваясь с неудобным одеянием.

Скафандры были намного толще и еще безобразнее, чем обычные костюмы для космических полетов. Зато они были значительно легче — в них не было ни кусочка металла. Изготовленные из термоустойчивого пластика, прослоенные специально обработанной пробкой, снабженные устройством, удалявшим из воздуха всю влагу, эти скафандры могли противостоять нестерпимому сиянию меркурианского солнца двадцать минут, ну и еще пять-десять минут без непосредственной смертельной опасности для человека.

Робот все еще держал руки стременем. Он не выказал никаких признаков удивления при виде нелепой фигуры, в которую превратился Пауэлл.

Радио хрипло разнесло голос Пауэлла:

— Ты готов доставить нас к выходу 13а?

— Да, хозяин.

«И то хорошо,— подумал Пауэлл.— Может быть, им и не хватает дистанционного радиоуправления, но, по крайней мере, они хоть могут принять команды».

— Садись на любого, Майк,— сказал он Доновану.

Он поставил ногу в импровизированное стремя и взобрался наверх. Сидеть было удобно: на спине у робота был специальный горб, на каждом плече — по выемке для ног. Теперь стало ясно и назначение «ушей» гиганта. Пауэлл взялся за «уши» и повернул голову робота. Тот неуклюже повернулся.

— Вези, Макдуф!

Но на самом деле Пауэллу было вовсе не до шуток.

Шагая медленно, с механической точностью, гигантские роботы прошли в дверь, притолока которой пришлась едва на полметра выше их голов, так что всадники поспешили пригнуться. Узкий коридор, под сводами которого мерно громыхали тяжелые, неторопливые шаги гигантов, вел в шлюзовую камеру, где пришлось подождать, пока не будет откачан воздух.

Длинный безвоздушный туннель, уходящий вдаль, напоминал Пауэллу об огромной работе, проделанной Первой экспедицией с ее убогим снаряжением. Да, она окончилась неудачей, но эта неудача стоила иного легкого успеха.

Роботы шагали по туннелю. Их скорость была неизменна, поступь равномерна.

Пауэлл сказал:

— Смотри-ка, туннель освещен и температура, как на Земле. Наверное, так было все эти десять лет, пока здесь никто не жил.

— Каким же образом они этого добились?

— Дешевая энергия. Самая дешевая во всей Солнечной системе. Излучение Солнца здесь, на солнечной стороне

Меркурия,— это не шуточки. Вот почему они построили станцию на открытом месте, а не в тени какой-нибудь горы. Ведь сама станция — это просто огромный преобразователь энергии. Тепло превращается в электричество, свет, механическую работу и во все, что хочешь. И одновременно с получением энергии станция охлаждается.

— Слушай,— сказал Донован,— это все очень поучительно, только давай поговорим о чем-нибудь другом. Ведь преобразованием энергии занимаются фотоэлементы, а это сейчас мое больное место.

Пауэлл что-то проворчал, и после паузы Донован заговорил о другом.

— Послушай, Грег. Что все-таки могло случиться со Спиди? Я никак не могу этого понять.

В скафандре трудно пожать плечами, но Пауэллу это удалось.

— Не знаю, Майк. Ведь он полностью приспособлен к условиям Меркурия. Жара ему не страшна, он рассчитан на уменьшенную силу тяжести, может двигаться по пересеченной местности. Все предусмотрено — по крайней мере, должно быть предусмотрено.

Они замолчали, на этот раз надолго.

— Хозяин,— сказал робот,— мы на месте.

— А? — Пауэлл очнулся.— Ну, давай выбираться наверх. На поверхность.

Они оказались в небольшом павильоне — пустом, полуразрушенном. Донован зажег фонарь и долго разглядывал рваные края дыры в одной из стен, прямо под потолком.

— Метеорит? Как ты думаешь? — спросил он.

Пауэлл пожал плечами.

— Какая разница? Неважно. Пойдем.

Стоявшая рядом черная базальтовая скала защищала их от солнца. Вокруг все было погружено в черную тень безвоздушного мира. Тень обрывалась, как будто обрезанная ножом, и дальше начиналось нестерпимое белое сияние мириадов кристаллов, покрывавших почву.

— Клянусь космосом, вот это да! — У Донована захватило дух от удивления.— Прямо как снег!

Действительно, это было похоже на снег. Пауэлл окинул взглядом сверкающую неровную поверхность, которая простиралась до самого горизонта, и поморщился от режущего глаза блеска.

— Это какое-то необычное место,— сказал он.— В среднем коэффициент отражения от поверхности Меркурия довольно низок, и почти вся планета покрыта серой лемзой. Что-то вроде Луны. А красиво, правда?

Хорошо, что скафандры были снабжены светофильтрами. Красиво или нет, но незащищенные глаза за полминуты ослепли бы от этого сверкания.

Донован посмотрел на термометр, укрепленный на запястье скафандра.

— Ого! Восемьдесят градусов!

Пауэлл тоже взглянул на термометр и сказал:

— Да... Многовато. Ничего не поделаешь, атмосфера...

— На Меркурии? Ты спятил!

— Да нет. Ведь и на Меркурии есть кое-какая атмосфера,— рассеянно ответил Пауэлл, пытаясь неуклюжими пальцами скафандра приладить к шлему стереотрубу.— У поверхности должен стелиться тонкий слой паров. Летучие элементы, тяжелые соединения, которые может удержать притяжение Меркурия. Селен, йод, ртуть, галлий, калий, висмут, летучие окислы. Пары попадают в тень и конденсируются, выделяя тепло. Это что-то вроде гигантского перегонного куба. Зажги фонарь — и увидишь, что скала с этой стороны покрыта каким-нибудь там серным инеем или ртутной росой.

— Ну, это неважно. Какие-то жалкие восемьдесят градусов наши скафандры выдержат сколько угодно.

Пауэлл наконец приладил стереотрубу и теперь стал похож на улитку с рожками. Донован напряженно ждал.

— Что-нибудь видно?

Пауэлл ответил не сразу. Его голос был полон тревоги.

— Вон на горизонте темное пятно. Это, скорее всего, селеновое озеро. Оно тут и должно быть. А Спиди не видно.

Пауэлл поставил ноги на спину робота, осторожно выпрямился и стал вглядываться вдаль.

— Постой... Ну да, это он. Идет сюда.

Донован посмотрел в ту сторону, куда указывал палец Пауэлла. У него не было стереотрубы, но он разглядел на фоне ослепительного сверкания кристаллов движущуюся черную точку.

— Вижу! — крикнул он.— Поехали!

Пауэлл снова уселся на плечах робота и хлопнул перчаткой по его гигантской груди:

— Пошел!

— Давай, давай! — вопил Донован, пришпоривая своего робота пятками.

Роботы двинулись вперед. Их мерный топот не был слышен в безвоздушном пространстве, а через синтетическую ткань скафандра звук тоже не передавался. Чувствовались только ритмичные колебания.

— Быстрее! — приказал Донован, но ритм не изменился.

— Бесполезно,— ответил Пауэлл.— Этот железный лом может двигаться только с одной скоростью. Не думаешь ли ты, что они оборудованы селективными флексорами?

Они вынырнули из тени. Свет солнца обрушился на них раскаленным потоком. Донован невольно пригнулся.

— Ух! Это мне кажется или на самом деле жарко?

— Скоро будет еще жарче,— последовал мрачный ответ.— Смотри — Спиди!

Робот СПД-13 был уже близко, и его можно было рассмотреть во всех подробностях. Грациозное обтекаемое тело, отбрасывавшее слепящие блики, четко и быстро передвигалось по неровной поверхности. Его имя — Спиди (Проворный) — было образовано из букв, составлявших его марку, но оно очень подходило ему. Модель СПД была одним из самых быстрых роботов, которые выпускались фирмой «Ю. С. Роботс».

— Эй, Спиди! — завопил Донован, отчаянно махая руками.

— Спиди! — закричал Пауэлл.— Иди сюда.

Расстояние между людьми и свихнувшимся роботом быстро уменьшалось — больше благодаря Спиди, чем мед-

ленным устаревшим за десять лет сооружениям, на которых восседали Пауэлл и Донован.

Теперь уже можно было разглядеть, что походка у Спиди какая-то неровная — робот заметно пошатывался на ходу из стороны в сторону. Пауэлл замахал рукой и увеличил до предела усиление в своем компактном, встроенном в шлем радиопередатчике, готовясь крикнуть еще раз. В этот момент Спиди заметил их.

Он остановился как вкопанный и стоял некоторое время, чуть покачиваясь, как будто от легкого ветерка.

Пауэлл закричал:

— Все в порядке, Спиди! Иди сюда!

В наушниках наконец-то послышался голос робота:

— Вот здорово! Давайте поиграем. Вы ловите меня, а я буду ловить вас. Никакая любовь нас не разлучит. Я — маленький цветочек, милый маленький цветочек. Ур-ра!

Повернувшись кругом, он помчался обратно с такой скоростью, что из-под его ног полетели комки спекшейся пыли. Последние слова, которые он произнес, удаляясь, были: «Растет цветочек маленький под дубом вековым». За этим последовали металлические щелчки, которые, возможно, у робота соответствовали икоте.

Донован тихо сказал:

— Откуда он взял эти нелепые стишки? Слушай, Грег, он... пьян. Очень похоже.

— Если бы ты мне этого не сообщил, я бы, наверное, никогда не догадался,— ехидно заметил Пауэлл.— Давай вернемся в тень. Я уже поджариваюсь.

Они помолчали. Потом Пауэлл сказал:

— Прежде всего, Спиди не пьян — то есть не так, как человек. Он робот, а роботы не пьянеют. Но с ним происходит что-то неладное, и это выглядит так же, как у человека — опьянение.

— По-моему, он действительно пьян,— решительно заявил Донован.— Во всяком случае, он думает, что мы с ним играем. А нам не до игрушек. Это дело жизни или смерти — и смерти довольно-таки неприятной.

— Ладно, не спеши. Робот — это всего лишь робот. Как только мы узнаем, что с ним, мы его починим.

— Как только...— желчно буркнул Донован.

Пауэлл пропустил эти слова мимо ушей.

— Спиди прекрасно приспособлен к обычным условиям Меркурия. Но эта местность,— он обвел руками горизонт,— явно необычна. Вот в чем дело. Откуда, например, взялись эти кристаллы? Они могли образоваться из медленно остывающей жидкости. Но какая жидкость настолько горяча, чтобы остывать под солнцем Меркурия?

— Вулканические явления,— немедленно продолжил Донован.

Пауэлл опять напрягся.

— Устами младенца...— произнес он сдавленным голосом и замолчал на пять минут. Потом сказал: — Слушай, Майк. Что ты сказал Спиди, когда посылал его за селеном?

Донован удивился.

— Ну, не знаю. Я просто велел принести селен.

— Это ясно. Но как? Попробуй точно припомнить.

— Я сказал... Постой... Я сказал: «Спиди, нам нужен селен. Ты найдешь его там-то и там-то. Пойди и принеси его». Вот и все. Что же я еще должен был сказать?

— Ты не говорил, что это очень важно, срочно?

— Зачем? Дело-то простое.

Пауэлл вздохнул.

— Да, теперь уже ничего не изменишь. Но мы попали в переделку.

Он слез со своего робота и сел, прислонившись к скале. Донован подсел к нему и взял под руку. За гранью тени слепящее солнце подстерегало их, как кошка — мышь. А рядом стояли два гигантских робота, невидимые в темноте. Только светившиеся тусклым красным светом фотоэлектрические глаза смотрели на них — немигающие, неподвижные, равнодушные.

Равнодушные! Такие же, как и весь этот гибельный Меркурий — маленький, но коварный.

Донован услышал напряженный голос Пауэлла:

— Теперь слушай. Начнем с Трех основных законов роботехники — трех правил, которые прочно закреплены в позитронном мозгу. Первое. Робот не может причинить

вред человеку или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинен вред.

— Правильно.

— Второе,— продолжал Пауэлл.— Робот должен повиноваться всем приказам, которые отдает человек, кроме тех случаев, когда эти приказы противоречат Первому закону.

— Верно.

— И третье. Робот должен заботиться о своей безопасности в той мере, в какой это не противоречит Первому и Второму законам.

— Верно. Ну и что?

— Так это же все объясняет. Когда эти законы вступают в противоречие между собой, дело решает разность позитронных потенциалов в мозгу. Что получается, если робот приближается к месту, где ему грозит опасность, и сознает это? Потенциал, который создается Третьим законом, автоматически заставляет его вернуться. Но представь себе, что ты приказал ему приблизиться к опасному месту. В этом случае Второй закон создает противоположный потенциал, который выше первого, и робот выполняет приказ с риском для собственного существования.

— Это я знаю. Но что отсюда следует?

— Что могло случиться со Спиди? Это одна из последних моделей, специализированная, дорогая, как линкор. Он сделан так, чтобы его нелегко было уничтожить.

— Ну и?..

— Ну и при его программировании Третий закон был задан особенно строго — кстати, это специально отмечалось в проспектах. Его стремление избежать опасности необыкновенно сильно. А когда ты послал его за селеном, ты дал команду небрежно, так что потенциал, связанный со Вторым законом, был довольно слаб. Это все — факты.

— Давай, давай. Кажется, я начинаю понимать.

— Ясно? Около селенового озера существует какая-то опасность. Она возрастает по мере того, как робот приближается к нему, и на каком-то расстоянии от озера потенциал Третьего закона, с самого начала очень высокий, ста-

новится равен потенциалу Второго закона, с самого начала слабому.

Донован возбужденно вскочил на ноги.

— Ясно! Устанавливается равновесие. Третий закон гонит его назад, а Второй — вперед...

— И он начинает кружить около озера, оставаясь на линии, где существует это равновесие. И если мы ничего не предпримем, он так и будет бегать по этому кругу, точно в хороводе...

Он продолжал задумчиво:

— И между прочим, поэтому он и ведет себя, как пьяный. При равновесии потенциалов половина позитронных цепей в мозгу не действует. Я не специалист по позитронике, но это очевидно. Возможно, он потерял контроль как раз над теми же частями своего волевого механизма, что и пьяный человек. А вообще все это очень мило.

— Но откуда взялась опасность? Если бы знать, от чего он бегает...

— Да ведь ты сам уже догадался! Вулканические явления. Где-то около озера просачиваются газы из недр Меркурия. Сернокислый газ, углекислота — и окись углерода. А при здешних температурах...

Донован проглотил слюну.

— Окись углерода плюс железо дает летучий карбонил железа!

— А робот,— мрачно добавил Пауэлл,— это в основном железо. Люблю логические рассуждения. Мы уже все выяснили, кроме того, что теперь делать. Сами добраться до селена мы не можем — все-таки слишком далеко. Мы не можем послать этих битюгов, потому что они без нас не пойдут, а если мы поедем с ними, то успеем подрумяниться. Поймать Спиди мы не можем — этот дурень думает, что мы с ним играем, а скорость у него шестьдесят миль в час против наших четырех...

— Но если один из нас отправится за ним,— начал задумчиво Донован,— и вернется поджаренным, то ведь останется другой...

— О да, конечно. Очень трогательная жертва! Только прежде чем человек доберется до озера, он уже будет не в

состоянии отдать приказ. А без приказа роботы вряд ли вернутся. Прикинь: мы в двух или в трех милях от озера — ну, считай, в двух. Робот делает четыре мили в час. А в скафандрах мы можем продержаться двадцать минут. Имей в виду, что тут не только высокая температура. Солнечное излучение в ультрафиолете и дальше — это тоже смерть.

— Н-да,— сказал Донован.— Всего десяти минут не хватает.

— Для нас все равно — десяти минут или целой вечности. И еще: чтобы потенциал Третьего закона остановил Спиди на таком расстоянии, здесь должно быть довольно много окиси углерода, смешанной с парами металлов. В такой среде быстро идет коррозия. Он гуляет там уже несколько часов. В любой момент, скажем, коленный сустав может выйти из строя, и он перевернется. Тут нужно не просто шевелить мозгами — нужно решать быстро!

Наступило глубокое, мрачное, унылое молчание.

Первым заговорил Донован. Его голос дрожал, но он старался говорить спокойно.

— Ну хорошо, мы не можем усилить потенциал Второго закона новой командой. А нельзя ли попробовать с другого конца? Если мы увеличим опасность, то усилится потенциал Третьего закона, и мы отгоним его назад.

Пауэлл молча повернул к нему окошко своего шлема.

— Послушай,— осторожно продолжал Донован,— все, что нам нужно, чтобы отогнать его, это повысить концентрацию окиси углерода. А на станции есть целая аналитическая лаборатория.

— Естественно,— согласился Пауэлл.— Это же станция-рудник.

— Верно. А значит, там должно быть изрядное количество щавелевой кислоты для осаждения кальция.

— Клянусь космосом! Майк, ты гений!

— Более или менее,— скромно согласился Донован.— Я просто вспомнил, что щавелевая кислота при нагревании разлагается на углекислый газ, воду и добрую старую окись углерода. Элементарный институтский курс химии.

Пауэлл вскочил и хлопнул гигантского робота по ноге.

— Эй! — крикнул он.— Ты умеешь бросать?

— Что, хозяин?

— Не важно.— Пауэлл обругал про себя тяжелодумного робота и схватил обломок скалы величиной с кирпич.— Возьми и попади в гроздь голубых кристаллов — вон за той кривой трещиной. Видишь?

Донован дернул его за руку.

— Слишком далеко, Грег. Это же почти полмили.

— Спокойно,— ответил Пауэлл.— Вспомни о силе тяжести на Меркурии. А рука у него стальная. Смотри.

Глаза робота с машинной точностью измеряли дистанцию. Он прикинул вес камня и замахнулся. В темноте его движения были плохо видны, но когда он переступил с ноги на ногу, почувствовалось заметное сотрясение. Камень черной точкой вылетел за пределы тени. Его полету не мешало ни сопротивление воздуха, ни ветер, и когда он упал, осколки голубых кристаллов разлетелись из самого центра грозди.

Пауэлл радостно воскликнул:

— Поехали за кислотой, Майк!

Когда они въехали в разрушенный павильон, Донован мрачно сказал:

— Спиди болтается на нашей стороне озера с тех пор, как мы за ним погнались. Ты заметил?

— Да.

— Наверное, хочет поиграть с нами. Ну я ему поиграю!..

Они вернулись через несколько часов с трехлитровыми банками белого порошка и с вытянувшимися лицами. Фотоэлементы разрушались еще быстрее, чем они думали.

Они вывели своих роботов на солнце и молча, сосредоточенно и мрачно направились к Спиди.

Спиди не спеша запрыгал к ним.

— Вот и мы! Ур-ра! Вышел месяц из тумана и не ударил лицом в грязь!

— Я тебе покажу грязь,— пробормотал Донован.— Смотри, Грег, он хромает.

— Вижу,— последовал озабоченный ответ.— Если мы не поторопимся, то окись углерода его доконает.

Теперь они приближались медленно, почти крадучись, чтобы не спугнуть свихнувшегося робота. Они были еще довольно далеко, но Пауэлл уже мог бы поклясться, что Спиди приготовился пуститься наутек.

— Давай! — прошептал он.— Считаю до трех. Раз, два...

Две стальные руки одновременно описали дугу, и две стеклянные банки полетели параллельными траекториями, сверкая, как бриллианты, под невозможным светом. Они бесшумно разбились вдребезги, и позади Спиди поднялось облачко щавелевой кислоты. Пауэлл знал, что на ярком меркурианском солнце она бурлит, как газированная вода.

Спиди медленно повернулся, потом попятился и так же медленно начал набирать скорость. Через пятнадцать секунд он уже неуверенными прыжками двигался в сторону людей.

Пауэлл не расслышал, что говорил при этом робот, но ему послышалось что-то вроде: «Не клянись, слов любви не говори...»

Пауэлл вернулся к Доновану.

— Под скалу, Майк! Он вырвался из этой колеи и теперь будет слушаться. Мне уже становится жарко.

Они затрусили в тень на плечах своих медленных гигантов. Только когда они почувствовали вокруг себя приятную прохладу, Донован обернулся.

— Грег!!!

Пауэлл посмотрел назад и чуть не вскрикнул. Спиди медленно, очень медленно удалялся. Он снова входил в свою круговую колею, постепенно набирая скорость. В стереотрубу казалось, что он очень близко, но он был недосягаем.

— Догнать его! — закричал Донован и пустил робота, но Пауэлл остановил его.

— Ты его не поймаешь, Майк. Бесполезно.

Он сжал кулаки, чувствуя свою полную беспомощность.

— Почему же я это понял только через пять секунд после того, как все произошло? Майк, мы зря потеряли время.

— Нужно еще кислоты,— упрямо заявил Майк.— Концентрация была слишком мала.

— Да нет. Тут не помогли бы и семь тонн. А если бы у нас и было столько кислоты, мы все равно не успели бы ее привезти. Коррозия съест его. Неужели ты не понял, Майк?

— Нет,— сознался Донован.

— Мы просто установили новое равновесие. Когда окиси углерода становится больше и потенциал Третьего закона увеличивается, Спиди просто отступает, пока снова не установится равновесие, а потом, когда окись углерода улетучивается, опять продвигается вперед, к озеру.— В голосе Пауэлла зазвучало отчаяние.— Это все тот же хоровод. Мы можем тянуть за Третий закон и тащить за Второй, и все равно ничего не изменится. Только точка равновесия будет перемещаться. Нужно выйти за пределы этих законов.

Он развернул своего робота лицом к Доновану, так что они оказались друг против друга — смутные тени в темноте, и прошептал:

— Майк!

— Это конец,— устало сказал Донован.— Что же, поехали на станцию. Подождем, пока фотоэлементы выгорят окончательно, пожмем друг другу руки, примем цианистый калий и умрем, как подобает джентльменам.

Он коротко усмехнулся.

— Майк,— серьезно повторил Пауэлл.— Мы должны вернуть Спиди.

— Я знаю.

— Майк,— снова начал Пауэлл и после недолгого колебания продолжал: — Есть еще Первый закон. Я об этом уже думал, но это — крайнее средство.

Донован взглянул на него, и его голос оживился:

— Самое время для крайнего средства.

— Ладно. По Первому закону робот не может допустить, чтобы из-за его бездействия человеку грозила опасность. Тут уж ни Второй, ни Третий законы его не остановят. Не могут, Майк.

— Даже когда робот свихнулся? Он же пьян.

— Конечно, есть риск.

— Хорошо, что ты предлагаешь?

— Я сейчас выйду на солнце и посмотрю, как будет действовать Первый закон. Если и он не нарушит равновесия, то... Какого черта, тогда все равно: или сейчас, или через три-четыре дня...

— Погоди, Грег. Есть еще законы человеческие. Ты не имеешь права просто так взять и пойти. Давай разыграем, чтобы все было по-честному.

— Ладно. Кто первый возведет четырнадцать в куб? — И почти сразу: — Две тысячи семьсот сорок четыре.

Донован почувствовал, как робот Пауэлла, проходя мимо, задел его робота. Через секунду Пауэлл уже был за границей тени. Донован раскрыл рот, чтобы крикнуть, но удержался. Конечно, этот идиот заранее подсчитал, сколько будет четырнадцать в кубе. Очень на него похоже.

Солнце жгло невыносимо, и Пауэлл почувствовал, что у него страшно зачесалась спина. Наверное, воображение. А может быть, жесткое излучение уже проникает даже сквозь скафандр.

Спиди следил за ним, но на этот раз не приветствовал его никакими дурацкими стихами. Спасибо и на том! Но нельзя подходить к нему слишком близко.

До Спиди оставалось еще метров триста, и тут он начал шаг за шагом осторожно пятиться назад. Пауэлл остановил своего робота и спрыгнул на землю, покрытую кристаллами. Во все стороны брызнули осколки.

Поверхность планеты была рыхлая, кристаллы скользили под ногами. Из-за уменьшенной силы тяжести идти было трудно. Подошвы жгло. Он оглянулся через плечо и увидел, что ушел уже слишком далеко, что не успеет вернуться в тень — ни сам, ни с помощью своего неуклюжего робота. Теперь или Спиди, или конец. У него перехватило горло.

Достаточно! Пауэлл остановился.

— Спиди! — позвал он.— Спиди!

Сверкающий современный робот впереди замедлил шаг, остановился, потом снова попятился.

Пауэлл попробовал вложить в свой голос как можно больше мольбы — и обнаружил, что для этого не требовалось особого труда.

— Спиди! Я должен вернуться в тень, иначе солнце убьет меня. Речь идет о жизни и смерти! Спиди, помоги!

Спиди сделал шаг вперед и остановился. Он заговорил, но, услышав его, Пауэлл застонал. Робот произнес: «Если ты лежишь больной, если завтра выходной...» Голос стих.

Настоящее пекло! Уголком глаза Пауэлл заметил какое-то движение, резко повернулся и застыл в изумлении. Чудовищный робот, на котором он ехал, двигался — двигался к нему без всадника!

Робот заговорил:

— Простите меня, хозяин. Я не должен двигаться без хозяина, но вам грозит опасность.

Ну конечно, Первый закон — превыше всего. Но ему не нужна эта древняя развалина. Ему нужен Спиди. Он сделал несколько шагов в сторону и отчаянно закричал:

— Я запрещаю тебе подходить. Я приказываю остановиться!

Бесполезно! С потенциалом Первого закона ничего не поделаешь. Робот тупо сказал:

— Вам грозит опасность, хозяин.

Пауэлл в отчаянии огляделся. В глазах у него уже все расплывалось, в мозгу крутился раскаленный вихрь, собственное дыхание обжигало его, и все кругом дрожало в неясном мареве. Он в последний раз закричал:

— Спиди! Я умираю, черт тебя побери! Где ты? Спиди! Помоги!

Он все еще пятился в слепом стремлении уйти от непрошеной помощи гигантского робота, когда почувствовал на своей руке стальные пальцы и услышал озабоченный, виноватый голос металлического тембра:

— Господи, Пауэлл, что вы тут делаете? И что ж я смотрю... Я как-то растерялся...

— Неважно,— едва выговорил Пауэлл.— Неси меня в тень скалы. И поскорее!

Он почувствовал, что его поднимают в воздух и быстро несут, в последний раз ощутил палящий жар и потерял сознание.

Очнувшись, он увидел, что над ним заботливо наклонился улыбающийся Допован.

— Ну как, Грег?

— Прекрасно,— ответил он.— Где Спиди?

— Здесь. Я послал его к другому селеновому озеру — на этот раз с приказом добыть селен во что бы то ни стало. Он принес его через сорок две минуты и три секунды — я засек время. Он все еще не кончил извиняться за этот хоровод. Он не решается подойти к тебе — боится, что ты скажешь.

— Таши его сюда,— распорядился Пауэлл.— Он не виноват.

Он крепко пожал металлическую руку Спиди.

— Все в порядке, Спиди. Знаешь что, Майк?

— Да?

Он потер лицо — воздух был восхитительно прохладен.

— Знаешь, когда мы здесь все кончим и Спиди пройдет полевые испытания, они хотят послать нас на межпланетную станцию...

— Не может быть!

— Да, по крайней мере, так сказала тетка Кэлвин перед тем, как мы отправились сюда. Я ничего об этом не говорил, потому что собирался возражать.

— Возражать? — воскликнул Допован.— Но...

— Знаю. Теперь все в порядке. Представляешь — двести семьдесят три градуса ниже нуля! Разве это не рай?

— Межпланетная станция,— произнес Допован.— Ну что ж, я готов!

Улики

Фрэнсис Куинн был политиком новой школы. Конечно, в этом выражении, как и во всех ему подобных, нет никакого смысла. Большинство «новых школ», которые мы видим, можно было бы отыскать в общественной жизни Древней Греции, а может быть, и древнего Шумера, и доисторических свайных поселений Швейцарии, если бы мы только лучше их знали.

Однако чтобы покончить с вступлением, которое обещает быть скучным и сложным, лучше сразу скажем, что Куинн не баллотировался на выборные должности, не охотился за голосами, не произносил речей и не подделывал избирательных бюллетеней. Точно так же, как Наполеон сам не стрелял из пушки во время битвы при Аустерлице.

И так как политика сводит самых разных людей, то однажды напротив Куинна за столом оказался Альфред Лэннинг. Его густые седые брови низко нависли над глазами, что означало острое раздражение. Он был очень сердит.

Это обстоятельство, будь оно известно Куинну, нимало его не обеспокоило бы. Его голос был дружелюбным — впрочем, может быть, просто профессионально дружелюбным.

— Полагаю, доктор Лэннинг, вы знаете Стивена Байерли?

— Я о нем слышал... Так же, как и многие другие.

— Я тоже. А не намереваетесь ли вы голосовать за него на следующих выборах?

— Чего не знаю, того не знаю,— ответил Лэннинг с оттенком язвительности.— Я политикой не интересуюсь и даже не знал, что он выставил свою кандидатуру.

— Он может стать нашим будущим мэром. Конечно, пока он всего лишь прокурор, но ведь большие деревья вырастают из...

— Да, да,— перебил Лэннинг,— я это уже слышал. Но не перейти ли нам к сути дела?

— А мы уже к ней перешли, доктор Лэннинг.— Голос Куинна был необыкновенно кротким.— Я заинтересован в том, чтобы мистер Байерли не поднялся выше поста окружного прокурора, а вы заинтересованы в том, чтобы мне помочь.

— Я заинтересован?! Неужели? — Лэннинг еще сильнее насупил брови.

— Ну, скажем, не вы, а «Ю. С. Роботс энд мекэникл мен корпорейшн». Я пришел к вам как к ее бывшему научному руководителю, зная, что руководство корпорации все еще с уважением прислушивается к вашим советам. Тем не менее формально вы уже почти не связаны с ними и не очень стеснены в своих действиях, даже если эти действия будут не вполне укладываться в рамки дозволенного.

Доктор Лэннинг на некоторое время погрузился в размышления. Потом он сказал, уже мягче:

— Я не совсем вас понимаю, мистер Куинн.

— Это не удивительно, доктор Лэннинг. Но все довольно просто. Вы не возражаете?

Куинн закурил тонкую сигарету от простой, но изящной зажигалки, и на его лице с крупными чертами появилось довольное выражение.

— Мы говорили о мистере Байерли — странной и яркой личности. Три года назад о нем никто не знал. Сейчас он широко известен. Это сильный и одаренный человек. Во всяком случае, из всех прокуроров, каких я только знал, он самый умный и талантливый. К несчастью, он не принадлежит к числу моих друзей...

— Понимаю,— машинально сказал Лэннинг, разглядывая свои ногти.

— В прошлом году,— спокойно продолжал Куинн,— мне пришлось заняться мистером Байерли — и навести о нем подробные справки. Видите ли, всегда полезно подвергнуть тщательному изучению прошлое политика, ратующего за реформы. Если бы вы знали, как часто это помогает...

Он сделал паузу и невесело усмехнулся, глядя на рдеющий кончик сигареты.

— Но прошлое мистера Байерли ничем не замечательно. Спокойная жизнь в маленьком городке, колледж, гибель жены в автомобильной катастрофе, тяжелые увечья и долгая болезнь, изучение права, переезд в столицу, должность прокурора...

Фрэнсис Куинн медленно покачал головой и прибавил:

— А вот его теперешняя жизнь весьма примечательна. Наш окружной прокурор никогда не ест!

Лэннинг резко поднял голову, его глаза стали неожиданно внимательными:

— Простите?

— Наш окружной прокурор никогда не ест! — повторил раздельно Куинн.— Говоря точнее, никто ни разу не видел, чтобы он ел или пил. Ни разу! Вы понимаете, что это значит? Не то чтобы редко, а ни разу!

— Это совершенно невероятно. Заслуживают ли доверия ваши источники?

— Им можно верить, и, на мой взгляд, ничего невероятного в этом нет. Далее, никто не видел, чтобы наш окружной прокурор пил — ни воду, ни алкогольные напитки — или спал. Есть и другие факты, но мне кажется, что я уже ясно высказал свою мысль.

Лэннинг откинулся в кресле. Некоторое время длился молчаливый поединок. Наконец старый роботехник покачал головой.

— Нет. Из ваших слов, в сочетании с тем, что вы говорите их именно мне, может следовать только один вывод. Но это невозможно.

— Да ведь он ведет себя совершенно не так, как ведут себя люди, доктор Лэннинг!

— Если бы вы сказали мне, что он переодетый Сатана, я бы вам скорее поверил.

— Я говорю вам, что это робот, доктор Лэннинг.

— А я говорю, что ничего более невероятного я еще не слышал, мистер Куинн.

Снова наступило враждебное молчание.

— Тем не менее,— Куинн аккуратно погасил свою сигарету,— вам придется расследовать это невероятное дело, используя все возможности корпорации.

— Я могу вам наверняка сказать, мистер Куинн, что никакого участия в подобном расследовании не приму. Неужели вы хотите предложить корпорации вмешаться в местную политику?

— У вас нет выбора. Представьте себе, что мне придется опубликовать эти факты, не имея доказательств. Улики слишком косвенны.

— Это ваше дело.

— Но я этого не хочу. Прямое доказательство было бы гораздо лучше. И вы тоже не хотите, потому что такого рода гласность может принести немалый вред компании. Я полагаю, вам прекрасно известны законы, строго запрещающие использование роботов в населенных мирах.

— Разумеется! — резко ответил Лэннинг.

— Вы знаете, что «Ю. С. Роботс энд мекэникл мен корпорейшн» — единственное предприятие в Солнечной системе, производящее позитронных роботов. А если Байерли робот, то он — позитронный робот. Вам известно также, что все позитронные роботы предоставляются в аренду, а не продаются, так что корпорация остается владельцем каждого робота и, следовательно, несет ответственность за его действия.

— Мистер Куинн, ничего не стоит доказать, что человекоподобных роботов корпорация никогда не изготовляла.

— А вообще это возможно? Просто как предположение?

— Да. Это возможно.

— Очевидно, это возможно сделать и тайно? Без регистрации в ваших книгах?

— Только не с позитронным мозгом. Это крайне сложная работа, и она делается под строжайшим правительственным контролем.

— Да, но робот может износиться, сломаться, выйти из строя — и тогда его демонтируют.

— А позитронный мозг используют снова или уничтожат.

— В самом деле? — Фрэнсис Куинн позволил себе едва заметный сарказм.— А если один позитронный мозг — случайно, разумеется,— не был уничтожен, а под рукой, тоже случайно, оказался человекоподобный робот, в который еще не был вложен мозг?

— Такого быть не может!

— Не исключено, что вам придется доказывать это правительству и народу. Так почему бы не доказать сейчас мне?

— Но зачем такой робот мог нам понадобиться? — раздраженно спросил доктор Лэннинг.— Какие у нас могли быть мотивы? Признайте за нами хоть немного здравого смысла!

— Пожалуйста, дорогой мой. Корпорация очень заинтересована в том, чтобы в тех или иных областях разрешили использовать человекоподобных позитронных роботов. Это принесло бы огромные прибыли. Но предубеждение публики слишком сильно. Что, если дать ей сначала привыкнуть к таким роботам? Вот, например, искусный юрист или хороший мэр, и он, оказывается, робот. Покупайте нашего робота-слугу!

— Чистейшая фантазия, доходящая до нелепости.

— Возможно. Так докажите это! Или вы все-таки предпочтете доказывать это публике?

Наступили сумерки, но в комнате еще не настолько стемнело, чтобы нельзя было заметить краску смущения на лице Альфреда Лэнинга. Рука роботехника потянулась к выключателю, и на стенах мягко засветились лампы.

— Ну хорошо,— пробормотал он.— Посмотрим.

Внешность Стивена Байерли было бы нелегко описать. По документам ему было сорок лет. И вглядевшись повнимательнее, ему можно было дать сорок лет, хотя на первый взгляд его здоровый, упитанный, веселый вид не очень соответствовал этому возрасту.

Это впечатление особенно усиливалось, когда он смеялся. Сейчас он как раз смеялся — громко и долго, временами успокаиваясь, а потом снова разражаясь хохотом.

А напряженное лицо Альфреда Лэнпинга, наоборот, выражало крайнее неудовольствие. Он взглянул на женщину, сидевшую рядом, но ее тонкие, бескровные губы были лишь едва заметно сжаты.

Наконец Байерли более или менее отдышался и пришел в себя.

— Нет, в самом деле, доктор Лэннинг!.. Я!.. Я — робот!

— Не я это утверждаю,— отрезал Лэннинг.— Меня вполне удовлетворит, если вы окажетесь представителем рода человеческого. И так как наша корпорация вас не изготовляла, то я вполне уверен, что вы человек,— во всяком случае, с юридической точки зрения. Но поскольку предположение, что вы робот, было высказано всерьез и исходит от лица, занимающего определенное положение...

— Не упоминайте его имени, если это противоречит вашим этическим принципам, но ради простоты назовем его Фрэнком Куинном. Продолжайте.

Лэннинг яростно фыркнул, недовольный тем, что его перебили, и после подчеркнутой паузы продолжал еще более ледяным голосом:

— ...от лица, занимающего определенное положение,— о его имени мы сейчас гадать не будем,— я вынужден просить вашей помощи, чтобы это предположение опровергнуть. Если этот человек, воспользовавшись средствами, имеющимися в его распоряжении, выдвинет это предположение публично, сам такой факт может нанести большой ущерб компании, которую я представляю, даже если оно и не будет доказано. Вы понимаете?

— Да, ваше положение мне ясно. Обвинение нелепо, но неприятности, грозящие вам, серьезны. Извините, ес-

ли мой смех вас обидел. Меня рассмешила сама подобная мысль, а не ваши трудности. Чем я могу вам помочь?

— О, это очень легко. Вам нужно просто зайти в ресторан в присутствии свидетелей и дать сфотографировать себя за едой.

Лэннинг откинулся в кресле. Самая трудная часть разговора осталась позади. Женщина, сидевшая рядом с ним, была, очевидно, настолько поглощена наблюдением за Байерли, что не принимала участия в разговоре.

Стивен Байерли на мгновение встретился с ней глазами, с трудом отвел их и снова повернулся к роботехнику. Некоторое время он задумчиво вертел в руках бронзовое пресс-папье, которое было единственным украшением его стола.

Потом он тихо сказал:

— Боюсь, что не смогу оказать вам эту услугу.— Он поднял руку.— Погодите, доктор Лэннинг. Я понимаю, что вся эта история вам противна, что вас втянули в нее против вашего желания и вы чувствуете, что играете недостойную и даже смешную роль. Но все-таки это в гораздо большей степени касается меня, так что будьте снисходительны. Во-первых, почему вы исключаете возможность того, что Куинн — ну, этот человек, занимающий определенное положение,— обвел вас вокруг пальца, чтобы вы поступили именно так, как нужно ему?

— Ну, вряд ли уважаемый человек пойдет на такой риск, не чувствуя твердой почвы под ногами.

— Вы не знаете Куинна,— сказал Байерли очень серьезно.— Он способен удержаться на таком крутом склоне, где и горный баран свернул бы себе шею. Я полагаю, он сказал вам, будто во всех подробностях изучил мое прошлое?

— Да, и убедил меня, что нашей корпорации стоило бы многих хлопот опровергнуть его, в то время как вам это было бы гораздо легче.

— Значит, вы поверили, будто я никогда не ем. Вы же ученый, доктор Лэннинг! Подумайте только, где здесь логика? Никто не видел, чтобы я ел, следовательно, я никогда не ем. Что и требовалось доказать. Ну, знаете ли...

— Вы пользуетесь прокурорскими уловками, чтобы запутать очень простой вопрос.

— Наоборот, я пытаюсь прояснить вопрос, который вы с Куинном очень усложняете. Дело в том, что я мало сплю, это правда, и, конечно, никогда еще не спал при посторонних. Я не люблю есть в присутствии других людей — вероятно, это нервное. Согласен, такая причуда не совсем обычна, но она никому не причиняет вреда. Судите сами, доктор Лэннинг. Представьте себе, что политик, стремящийся во что бы то ни стало устранить своего противника, обнаруживает в его частной жизни вот такие странности, о каких я говорил. И он решает, что самое лучшее средство как можно сильнее очернить этого противника — ваша компания. Как вы думаете, скажет ли он вам: «Такой-то — робот, потому что он не ест на людях, и я никогда не видел, чтобы он засыпал на заседании суда, а однажды, когда я ночью заглянул к нему в окно, он сидел с книгой и его холодильник был пуст?» Если бы он так сказал, вы бы вызвали санитаров со смирительной рубашкой. Но этот человек говорит: «Он никогда не спит, *он никогда не ест*». И вы, сбитые с толку необычайностью такого заявления, не видите, что доказать его невозможно. Вы вносите свой вклад в шумиху и этим играете ему на руку.

— Тем не менее, сэр,— упрямо настаивал Лэннинг,— считаете вы это дело серьезным или не считаете, но, чтобы его прекратить, достаточно лишь того обеда, о котором я говорил.

Байерли снова повернулся к женщине, которая все еще внимательно разглядывала его.

— Извините, я правильно расслышал ваше имя? Доктор Сьюзен Кэлвин?

— Да, мистер Байерли.

— Вы психолог «Ю. С. Роботс»?

— Простите, робопсихолог.

— А разве психология роботов так отличается от человеческой?

— Разница огромная.— Она позволила себе холодно улыбнуться.— Прежде всего, роботы глубоко порядочны.

Уголки рта юриста дрогнули в улыбке.

— Да, это не очень лестно для людей. Но я хотел сказать вот что. Раз вы психо... робопсихолог, да еще женщина, вы, наверное, сделали кое-что такое, о чем доктор Лэннинг не подумал.

— Что именно?

— Вы захватили с собой в сумочке какую-нибудь еду.

Что-то мелькнуло в привычно равнодушных глазах Сьюзен Кэлвин. Она сказала:

— Вы удивляете меня, мистер Байерли...

Открыв сумочку, она достала яблоко и спокойно протянула ему. Доктор Лэннинг, затаив дыхание, напряженно следил, как оно перешло из одной руки в другую.

Стивен Байерли невозмутимо откусил кусок и так же невозмутимо проглотил его.

— Видели, доктор Лэннинг?

Доктор Лэннинг облегченно вздохнул. Даже его брови какое-то мгновение выражали некоторую доброжелательность. Но это продолжалось лишь одно недолгое мгновение. Сьюзен Кэлвин сказала:

— Мне, естественно, было интересно посмотреть, съедите ли вы его, но это, разумеется, ничего не доказывает.

— Разве? — улыбнулся Байерли.

— Конечно. Совершенно ясно, доктор Лэннинг, что если это человекоподобный робот, то имитация должна быть полной. Он абсолютно неотличим от человека. В конце концов, мы всю жизнь имеем дело с людьми, и приблизительным сходством нас обмануть нельзя. Он должен быть похож на человека во всем. Обратите внимание на текстуру кожи, на цвет радужных оболочек, на конструкцию кистей рук. Если это робот, то жаль, что не «Ю. С. Роботс» изготовила его, потому что он прекрасно сработан. Так вот, разве тот, кто позаботился о таких мелочах, не сообразил бы добавить несколько устройств для еды, сна, выделений? Может быть, только на крайний случай: например, чтобы предотвратить такое положение, которое возникло сейчас. Так что обед ничего не докажет.

— Погодите,— возразил Лэннинг,— я не такой дурак, каким вы оба пытаетесь меня изобразить. Мне неважно,

человек мистер Байерли или нет. Мне нужно выручить из беды нашу корпорацию. Публичный обед положит конец всем подозрениям, что бы там ни делал Куинн. А тонкости можно оставить юристам и робопсихологам.

— Но, доктор Лэннинг,— сказал Байерли,— вы забываете, что тут замешана политика. Я так же стремлюсь быть избранным, как Куинн — этому воспрепятствовать. Кстати, вы заметили, что назвали его имя? Это мой старый профессиональный прием. Я знал, что рано или поздно вы его назовете.

Лэннинг покраснел.

— При чем здесь выборы?

— Скандал, сэр,— палка о двух концах. Если Куинн хочет объявить меня роботом и осмелится это сделать, у меня хватит мужества принять вызов.

— Вы хотите сказать, что...— испуганно произнес Лэннинг.

— Вот именно. Я хочу сказать, что позволю ему действовать: выбрать себе веревку, попробовать ее прочность, отрезать нужный кусок, завязать петлю, сунуть в нее голову и оскалить зубы. А уж остальные мелочи я беру на себя.

— Вы очень в себе уверены.

Сьюзен Кэлвин поднялась.

— Пойдемте, Альфред. Мы его не переубедим.

— Вот видите,— улыбнулся Байерли,— вы и в человеческой психологии разбираетесь.

Но вечером, когда Байерли поставил автомобиль на транспортер подземного гаража и направился к двери своего дома, в нем не видно было той уверенности в себе, которую отметил доктор Лэннинг.

Когда он вошел, человек, сидящий в инвалидном кресле на колесах, с улыбкой повернулся к нему. Лицо Байерли засветилось любовью. Он подошел к креслу.

Хриплый, скрежещущий шепот калеки вырвался из перекошенного вечной гримасой рта, который зиял на лице, состоявшем наполовину из шрамов и рубцов.

— Ты сегодня поздно, Стив.

— Да-да, Джон, я знаю. Но я сегодня столкнулся с одной необычной и интересной трудностью.

— Ну? — Ни изуродованное лицо, ни еле слышный голос ничего не выражали, но в ясных глазах появилась тревога.— Ты не можешь с ней справиться?

— Я еще не уверен. Может быть, мне понадобится твоя помощь. Главная-то умница у нас — ты. Хочешь, я отнесу тебя в сад? Прекрасный вечер.

Его могучие руки подняли Джона с кресла. Они мягко, почти нежно обхватили плечи и забинтованные ноги калеки. Байерли осторожно прошел через комнаты, спустился по пологому пандусу, специально приспособленному для инвалидного кресла, и через заднюю дверь вышел в сад, окруженный стеной с колючей проволокой по гребню.

— Почему ты не даешь мне сдить в кресле, Стив? Это глупо.

— Потому что мне нравится тебя носить. Ты против? Ведь ты и сам рад на время вылезти из этой механической тележки. Как ты себя сегодня чувствуешь?

Он с бесконечной нежностью опустил Джона на прохладную траву.

— А как я могу себя чувствовать? Но расскажи о своих трудностях.

— Тактика Куинна в избирательной кампании будет основана на том, что он объявит меня роботом.

Джон широко раскрыл глаза.

— Откуда ты знаешь? Это невозможно. Я не верю.

— Ну, я же тебе говорю. Сегодня он прислал ко мне ученых заправил «Ю. С. Роботс».

Руки Джона медленно срывали одну травинку за другой.

— Ах вот оно что...

Байерли сказал:

— Но мы дадим ему возможность выбрать оружие. У меня есть идея. Послушай и скажи, не можем ли мы сделать вот как...

В этот же вечер в кабинете Альфреда Лэннинга разыгралась немая сцена. Фрэнсис Куинн задумчиво разглядывал Альфреда Лэннинга, тот яростно уставился на Сьюзен Кэлвин, а она, в свою очередь, бесстрастно глядела на Куинна.

Фрэнсис Куинн прервал молчание, сделав неуклюжую попытку разрядить атмосферу.

— Блеф! Он все это тут же и придумал.

— И вы готовы сделать ставку на это, мистер Куинн? — безразлично спросила доктор Кэлвин.

— Ну, в конце концов, ставка-то ваша.

— Послушайте,— показная уверенность, звучавшая в голосе доктора Лэннинга, не скрывала мучивших его сомнений,— мы сделали то, о чем вы просили. Мы видели, как этот человек ест. Смешно думать, будто он робот.

— И вы так считаете? — Куинн повернулся к Кэлвин.— Лэннинг говорил, что вы специалист.

Лэннинг начал почти угрожающим тоном:

— Вот что, Сьюзен...

Куинн вежливо перебил его:

— Позвольте, а почему бы ей и не высказаться? Она уже полчаса сидит здесь и молчит.

Лэннинг почувствовал, что у него больше нет сил. Ему казалось, еще немного — и он сойдет с ума.

— Хорошо, Сьюзен, говорите. Мы не будем вас перебивать.

Сьюзен Кэлвин посмотрела на него, потом перевела холодный взгляд на мистера Куинна.

— Есть только два способа с несомненностью доказать, что Байерли — робот. Пока что вы предъявляете лишь косвенные улики — они позволяют выдвинуть обвинение, но не доказать его. А я думаю, что мистер Байерли достаточно умен, чтобы отбить такое нападение. Вероятно, и вы так думаете, иначе бы вы не пришли к нам. Доказать же можно двумя способами: физическим и психологическим. Физически вы можете вскрыть его или воспользоваться рентгеном. Каким образом — дело ваше. Психологически можно изучить его поведение. Если это позитронный робот, он должен подчиняться Трем зако-

нам роботехники. Позитронный мозг не может быть устроен иначе. Вы знаете эти законы, мистер Куинн?

Она медленно и отчетливо прочла на память, слово в слово, знаменитые законы, напечатанные крупным шрифтом на первой странице «Руководства по роботехнике».

— Я слышал о них,— сказал Куинн небрежно.

— Тогда вы легко поймете меня,— сухо ответила она.— Если мистер Байерли нарушит хоть один из этих законов — он не робот. К несчастью, только в этом случае мы получаем определенный ответ. Если же он выполняет законы, то это ничего не доказывает.

Куинн вежливо поднял брови.

— Почему, доктор?

— Потому что, если хорошенько подумать, Три закона роботехники совпадают с основными принципами большинства этических систем, существующих на Земле. Конечно, каждый человек наделен инстинктом самосохранения. У робота это Третий закон. Каждый так называемый порядочный человек, чувствующий свою ответственность перед обществом, подчиняется определенным авторитетам. Он прислушивается к мнению своего врача, своего начальника, своего правительства, своего психиатра, своего приятеля. Он исполняет законы, следует обычаям, соблюдает приличия, даже если они лишают его некоторых удобств или подвергают опасности. А у роботов это — Второй закон. Кроме того, предполагается, что каждый так называемый хороший человек должен любить своих ближних, как себя самого, вступаться за своих друзей, рисковать своей жизнью ради других. Для робота это — Первый закон. Попросту говоря, если Байерли исполняет все Законы роботехники, он или робот, или очень хороший человек.

— Значит,— произнес Куинн,— вы никогда не сможете доказать, что он робот?

— Я, возможно, смогу доказать, что он не робот.

— Это не то, что мне нужно!

— Вам придется удовлетвориться тем, что есть. А что вам нужно — дело ваше.

Тут Лэннингу пришла в голову неожиданная идея. Он неуверенно сказал:

— Постойте... А вам не кажется, что обязанности прокурора — довольно странное занятие для робота? Судебное преследование людей, смертные приговоры — огромный вред, причиняемый людям...

— Нет, так вы не вывернетесь,— возразил Куинн.— То, что он окружной прокурор, еще не означает, что он человек. Разве вы не знаете его биографии? Да он хвастает тем, что ни разу не возбуждал дело против невиновного, что десятки людей были оправданы только потому, что улики против них его не удовлетворяли, хотя он мог бы, вероятно, убедить суд присяжных и добиться смертного приговора!

Худые щеки Лэннинга дрогнули.

— Нет, Куинн, нет! В Законах роботехники ничего не говорится о виновности человека. Робот не может решать, заслуживает ли человек смерти. Не ему об этом судить. Он не может причинить вред ни одному человеку — будь то негодяй или ангел.

— Альфред,— устало произнесла Сьюзен Кэлвин,— не говорите глупостей. Что, если робот увидит маньяка, собирающегося поджечь дом, где находятся люди? Он остановит его или нет?

— Конечно.

— А если единственным способом остановить его будет убийство?

Лэннинг проворчал что-то нечленораздельное.

— В таком случае, Альфред, он сделает все, чтобы его не убивать. Если маньяк все-таки будет убит, роботу понадобится психотерапия. Он сам сойдет с ума, если будет поставлен перед таким противоречием — нарушить букву Первого закона, чтобы остаться верным его духу. Но человек будет тем не менее убит, и убит роботом.

— Что же, по-вашему, Байерли должен был давно сойти с ума? — осведомился Лэннинг, вложив в эти слова весь сарказм, на какой был способен.

— Нет, но сам он никого не убивал. Он лишь предает гласности факты, свидетельствующие о том, что данный

человек опасен для множества остальных людей, которых мы называем обществом. Он встает на защиту большинства и тем самым с наибольшей возможной эффективностью исполняет Первый закон. Дальше этого он не идет. Потом уже судья приговаривает преступника к смерти или тюрьме, если присяжные признают его виновным. Стережет преступника тюремщик, казнит палач. А мистер Байерли всего лишь устанавливает истину и помогает обществу. После того как вы, мистер Куинн, обратились к нам, я действительно ознакомилась с карьерой мистера Байерли. Я узнала, что в своем заключительном слове он никогда не требует смертного приговора. Я узнала также, что он высказывался за отмену смертной казни и щедро финансирует исследования в области судебной нейрофизиологии. Он, очевидно, верит в то, что преступников надо лечить, а не наказывать. Я считаю, что это говорит о многом.

— Да? — Куинн улыбнулся.— А не пахнет ли здесь роботом?

— Возможно. Кто это отрицает? Такие действия свойственны только роботу или же очень благородному и хорошему человеку. Вы видите, что просто невозможно провести границу между поведением роботов и лучших из людей?

Куинн откинулся в кресле. Его голос дрожал от нетерпения.

— Доктор Лэннинг, возможно ли создать человекоподобного робота, который внешне ничем не отличался бы от человека?

— «Ю. С. Роботс» проводила такие эксперименты — конечно, без позитронного мозга. Если взять человеческие яйцеклетки и регулировать их рост с помощью гормонов, можно нарастить человеческие мышцы и кожу на остов из пористого силиконового пластика, который нельзя будет обнаружить при внешнем обследовании. Глаза, волосы, кожа могут быть действительно человеческими, а не имитацией. И если к этому добавить позитронный мозг и любые внутренние устройства, какие вы

только пожелаете, у вас получится человекоподобный робот.

— Сколько времени для этого нужно? — коротко спросил Куинн.

Лэннинг подумал.

— Если у вас есть все необходимое — мозг, остов, яйцеклетки, гормоны, оборудование для облучения, то, скажем, два месяца.

Куинн выпрямился.

— Тогда мы посмотрим, на что похож мистер Байерли изнутри. Это сослужит «Ю. С. Роботс» плохую службу, но у вас была возможность предотвратить такой оборот дела.

Когда они остались одни, Лэннинг нетерпеливо повернулся к Сьюзен Кэлвин:

— Почему вы настаиваете...

Она резко перебила его, не пытаясь скрывать свои чувства:

— Что вам нужно: установить истину или добиться моего ухода? Я не собираюсь лгать ради вас. «Ю. С. Роботс» может постоять за себя. Не будьте трусом.

— А что, если он вскроет Байерли и выпадут колесики и шестеренки? Что тогда?

— Он не вскроет Байерли,— произнесла Кэлвин презрительно.— Байерли не глупее Куинна. По меньшей мере не глупее.

Новость облетела весь город за неделю до выдвижения Байерли кандидатом в мэры. «Облетела» — это, пожалуй, не то слово. Она разбрелась по нему неверными шагами. Сначала она вызвала смех и шутки. Но по мере того как невидимая рука Куинна не спеша усиливала нажим, смех стал звучать уже не так весело, появились сомнения и люди начали задумываться.

На предвыборном собрании царило смятение. Еще неделю назад никакой борьбы на нем не ожидалось: могла быть выдвинута лишь одна кандидатура — Байерли. Да и теперь других кандидатов не нашлось — пришлось выдвинуть его. Но это привело всех в полную растерянность.

Рядовых избирателей мучили сомнения. Всех поражала серьезность обвинения, если оно было правдой, или крайнее безрассудство обвинителей, если обвинение было ложным.

На следующий день после того, как собрание без особого энтузиазма проголосовало за Байерли, в газете появилось длинное интервью с доктором Сьюзен Кэлвин — «мировой величиной в робопсихологии и позитронике».

И тут разразилось просто черт знает что такое — другого слова, пожалуй, и не подберешь.

Только этого и ждали «фундаменталисты». Это не была какая-то политическая партия или религиозная секта. Так называли людей, которые просто не смогли приспособиться к жизни в «атомном веке», окрещенном так еще тогда, когда атомы были в новинку. Это были, в сущности, сторонники опрощения, тосковавшие по жизни, которая тем, кто ее испытал на себе, вероятно, казалась не такой уж простой.

В новых поводах для своей ненависти к роботам и к тем, кто их производил, фундаменталисты не нуждались. Но обвинений Куинна и рассуждений Кэлвин было достаточно, чтобы придать вес их аргументам.

Огромные заводы «Ю. С. Роботс энд мекэникл мен корпорейшн» напоминали ульи, кишащие вооруженной охраной. Здесь готовились к отпору.

Городской дом Стивена Байерли был оцеплен полицией. Все остальные аспекты предвыборной кампании, конечно, были забыты. Да и предвыборной кампанией то, что происходило, можно было назвать лишь потому, что оно заполняло промежуток между выдвижением кандидатур и днем выборов.

Появление суетливого человечка не смутило Стивена Байерли. На него, очевидно, не произвели никакого впечатления и маячившие на заднем плане мундиры. На улице, за угрюмой цепью полицейских, ждали верные традициям своего ремесла репортеры и фотографы. Одна предприимчивая телевизионная компания установила камеру против крыльца скромного жилища прокурора, и

диктор с деланным возбуждением заполнял паузы подробнейшими комментариями.

Суетливый человечек вышел вперед. Он держал в руках длинную, хитроумно составленную официальную бумагу.

— Мистер Байерли, вот постановление суда, которое уполномочивает меня обыскать это помещение на предмет незаконного нахождения в нем... э-э... механических людей и роботов любого типа...

Байерли взял бумагу, бросил на нее равнодушный взгляд и, улыбаясь, вернул ее человечку.

— Все по форме. Валяйте. Исполняйте свои обязанности. Миссис Хоппен,— крикнул он экономке, которая неохотно вышла из комнаты,— пожалуйста, пройдите с ним и помогите, если понадобится.

Суетливый человечек, фамилия которого была Харроуэй, заколебался, заметно покраснел, тщетно попытался перехватить взгляд Байерли и пробормотал, обращаясь к двум полицейским:

— Пошли.

Через десять минут они вернулись.

— Все? — спросил Байерли безразличным тоном человека, не очень заинтересованного в ответе.

Харроуэй откашлялся, начал срывающимся голосом, остановился и сердито начал снова:

— Послушайте, мистер Байерли. Мы получили инструкцию тщательно обыскать дом.

— Разве вы этого не сделали?

— Нам точно сказали, что мы должны искать.

— Да?

— Короче, мистер Байерли, будем называть вещи своими именами. Нам велено обыскать вас.

— Меня? — произнес прокурор, широко улыбаясь.— А как вы предполагаете это сделать?

— У нас с собой флюорограф...

— Значит, вы хотите сделать мой рентгеновский снимок? А вы имеете на это право?

— Вы видели постановление.

— Можно взглянуть еще раз?

Харроуэй, лицо которого выражало нечто большее, чем простое усердие, снова протянул бумагу. Байерли спокойно произнес:

— Я сейчас прочитаю, что вы уполномочены обыскать: «...домовладение, принадлежащее Стивену Аллену Байерли, под номером 355, Уиллоугров, Эванстрон, а также гаражи, кладовые и любые другие здания или строения, относящиеся к этому домовладению, а также все земельные участки, к нему принадлежащие»... хм... и так далее. Все верно. Но, дорогой мой, здесь ничего не говорится о том, чтобы обыскивать мои внутренности. Я не являюсь частью домовладения. Если вы думаете, что я спрятал робота в кармане, можете обыскать мою одежду.

Харроуэй твердо помнил, кому он обязан своей должностью. И теперь, получив возможность выдвинуться на лучшую, то есть лучше оплачиваемую, он не собирался отступать. Он сказал вызывающе:

— Послушайте-ка, я уполномочен осмотреть всю обстановку вашего дома и все, что я в нем найду. Но ведь вы находитесь в доме, верно?

— Удивительно справедливое замечание. Да, я в нем нахожусь. Но я — не обстановка. Я совершеннолетний, правомочный гражданин, у меня есть свидетельство о психической вменяемости, и я имею определенные законные права. Если вы обыщете меня, ваши действия можно будет квалифицировать как посягательство на мою личную неприкосновенность. Этой бумаги тут мало.

— Конечно, но если вы робот, то о личной неприкосновенности говорить не приходится...

— Тоже верно. Тем не менее этой бумаги недостаточно. В ней подразумевается, что я человек.

— Где? — Харроуэй схватил бумагу.

— А там, где говорится: «домовладение, принадлежащее» и так далее. Робот не может владеть собственностью. И можете сказать своему хозяину, мистер Харроуэй, что, если он попытается получить другую бумагу, где не будет подразумеваться, что я человек, я немедленно возбужу против него гражданский иск и потребую, чтобы он доказал, что я робот, на основании сведений, ко-

торыми он располагает сейчас. И если это ему не удастся, он заплатит солидный штраф за попытку лишить меня прав, предусмотренных законом. Вы передадите ему все это?

Подойдя к двери, Харроуэй обернулся.

— Вы ловкий крючкотвор...

Держа руку в кармане, он на секунду задержался в дверях. Потом вышел из дома, улыбнулся в сторону телекамеры, все еще продолжая играть свою роль, помахал рукой репортерам и крикнул:

— Завтра для вас, ребята, кое-что будет. Кроме шуток.

Сев в машину, Харроуэй откинулся на подушки, вынул из кармана маленький аппарат и осмотрел его. Ему еще ни разу не приходилось делать снимок в отраженных рентгеновских лучах. Он надеялся, что ничего не напутал.

Куинн и Байерли еще ни разу не встречались лицом к лицу наедине. Но визифон почти заменял такую встречу. Это была в буквальном смысле встреча лицом к лицу, хотя для каждого из них лицо другого представлялось лишь в виде черно-белого рисунка.

Разговора потребовал Куинн. Куинн его и начал, обойдясь без вступительных церемоний:

— Вам, наверное, будет интересно это узнать, Байерли. Я собираюсь предать гласности, что вы носите на себе непрозрачный для рентгеновских лучей экран.

— В самом деле? В таком случае вы, надо думать, уже предали это гласности. Боюсь, предприимчивые представители прессы уже довольно давно подслушивают все мои телефонные разговоры из служебного кабинета. Вот почему я и сижу последние недели дома.

Байерли говорил дружеским тоном. Можно было подумать, что он болтает с приятелем.

Губы Куинна слегка сжались.

— Этот разговор защищен от подслушивания. Для меня он сопряжен с некоторым риском.

— Ну еще бы! Никто не знает, что вы стоите за этой кампанией. По крайней мере, официально никто не знает. Неофициально это знают все. Я бы на вашем месте об

этом не беспокоился. Значит, я ношу защитный экран? Я полагаю, вы обнаружили это, когда рентгенограмма, сделанная вчера вашим подставным лицом, оказалась передержанной?

— Вы понимаете, Байерли, для всех будет вполне очевидно, что вы боитесь рентгеновского просвечивания?

— А также станет ясно и то, что вы или ваши люди незаконно посягнули на мои права?

— Им на это наплевать.

— Может быть. Это, пожалуй, прекрасно характеризует различие в нашей тактике, не правда ли? Вам нет дела до прав гражданина. А я о них не забываю. Я не дам себя просвечивать, потому что настаиваю на своих правах из принципа. Так же как я буду настаивать на правах остальных, когда меня изберут.

— Несомненно, это очень хорошо для предвыборной речи. Только вам никто не поверит. Слишком высокопарно. Вот еще что,— его голос внезапно стал жестким,— вчера у вас дома находились не все, кто там живет.

— Это почему?

— Я располагаю сведениями.— Куинн зашелестел разложенными перед ним бумагами, которые были видны в визифон,— что одного человека не хватало. Калеки.

— Совершенно верно,— произнес Байерли без всякого выражения,— калеки. Моего старого учителя, который живет со мной и который сейчас находится за городом — и находится там уже два месяца. В таких случаях говорят «удалился на покой». Вы что-нибудь против этого имеете?

— Ваш учитель? Какой-то ученый?

— Когда-то он был юристом, прежде чем стал калекой. У него есть официальное разрешение заниматься биофизическими исследованиями в собственной лаборатории, и полное описание его работ передано в соответствующие учреждения, куда вы и можете обратиться. Большого значения его работы не имеют, но они безобидны и развлекают... бедного калеку. А я помогаю ему, насколько могу.

— Ясно. А что этот... учитель... знает о производстве роботов?

— Я не могу судить о его познаниях в области, с которой сам толком не знаком.

— Он имеет доступ к позитронным мозгам?

— Спросите об этом ваших друзей из «Ю. С. Роботс». Им лучше знать.

— Я буду краток, Байерли. Ваш калека-учитель и есть настоящий Стивен Байерли. Вы — созданный им робот. Мы можем это доказать. В автомобильную катастрофу попал он, а не вы. Это можно проверить.

— В самом деле? Пожалуйста, проверяйте. Желаю успеха.

— И мы можем обыскать этот загородный дом. Посмотрим, что мы там найдем.

— Ну, это как сказать, Куинн.— Байерли широко улыбнулся.— На наше несчастье, мой так называемый учитель серьезно болен. Загородный дом для него как бы санаторий, где он отдыхает. Его право на личную неприкосновенность при таких обстоятельствах еще прочнее. Вы не сможете получить разрешение на обыск, если не предъявите достаточных оснований. Тем не менее я не буду вас от этого удерживать.

Наступила небольшая пауза. Куинн наклонился вперед, так что его лицо заняло весь экран и стали видны тонкие морщинки на лбу.

— Байерли, зачем вы упрямитесь? Вас не выберут.

— Разве?

— Неужели вы этого не понимаете? Или, по-вашему, отказ опровергнуть обвинение, что вам было бы очень легко сделать, нарушив один из Законов роботехники, не убеждает людей, что вы в самом деле робот?

— Я понимаю одно: из малоизвестного, ничем не примечательного юриста я превратился в фигуру мирового значения. Вы умеете делать рекламу.

— Но вы же робот.

— Сказано — не доказано.

— Доказательств хватит, чтобы вас не выбрали.

— Тогда вам нечего волноваться — вы уже победили.

— До свидания,— сказал Куинн. В его голосе впервые прозвучала злоба. Визифон погас.

— До свидания,— невозмутимо произнес Байерли перед пустым экраном.

Байерли привез своего учителя в город за неделю до выборов. Вертолет опустился на окраине.

— Ты останешься здесь до конца выборов,— сказал ему Байерли.— Если дело обернется плохо, лучше, чтобы ты был в более спокойном месте.

В хриплом голосе, вырвавшемся из перекошенного рта Джона, можно было различить тревогу.

— Разве есть основания опасаться насилия?

— Фундаменталисты не скупятся на угрозы, так что теоретически такая опасность есть. Но я не думаю, чтобы это случилось. У них нет реальной силы. Просто они постоянно вносят смуту, и когда-нибудь это кончится беспорядками. Ты согласен побыть здесь? Ну пожалуйста! Мне будет не по себе, если придется беспокоиться о твоей безопасности.

— Хорошо. Ты все еще думаешь, что дело кончится благополучно?

— Уверен. У тебя там никто не появлялся?

— Никто. Это я точно знаю.

— И ты себя вел так, как мы договорились?

— В точности. Там все будет в порядке.

— Тогда будь осторожнее, Джон, а завтра смотри телевизор.

Байерли пожал изувеченную руку, лежавшую на его руке.

Хмурое лицо Лентона выражало сильнейшее беспокойство. Его положение было незавидным. Он считался уполномоченным Байерли по проведению избирательной кампании, которая была вообще не похожа на избирательную кампанию. Объектом ее был человек, который раскрыть свой план действий отказался, а следовать указаниям своего уполномоченного не соглашался.

— Вы не должны! (Это были его любимые слова, а в последние дни они стали и единственными.) Я говорю вам, Стив, вы не должны!

Он рухнул в кресло перед столом прокурора, который не спеша листал отпечатанный на машинке текст своей речи.

— Откажитесь, Стив! Посмотрите, ведь эту толпу организовали фундаменталисты. Вас не станут слушать. Скорее всего вас закидают камнями. Зачем вам выступать с речью перед публикой? Чем плоха запись на пленку или выступление по телевидению?

— Но ведь вы хотите, чтобы я победил на выборах, не правда ли? — мягко спросил Байерли.

— Победили! Вам не победить, Стив! Я пытаюсь спасти вашу жизнь!

— О, мне ничего не грозит.

— Ему ничего не грозит! — Лентон даже поперхнулся.— Вы хотите сказать, что намерены выйти на балкон перед пятьюдесятью тысячами полоумных идиотов и попробуете вбить им что-то в голову — с балкона, как средневековый диктатор?

Байерли взглянул на часы.

— Да. И примерно через пять минут, как только будут готовы телевизионные операторы.

Ответ Лентона был не совсем членораздельным.

Толпа заполняла оцепленную площадь. Казалось, что деревья и дома поднимаются из сплошной массы людей. А телевидение сделало очевидцем происходящего все человечество. Это были местные выборы, но за ними следил весь мир.

Байерли подумал об этом и улыбнулся.

Но сама толпа не могла вызвать улыбки. Она щетинилась знаменами и плакатами, где на все лады повторялось одно и то же обвинение. Атмосфера враждебности сгустилась до того, что стала почти осязаемой.

Выступление с самого начала было сорвано. Голос Байерли заглушали рев толпы и ритмические выкрики кучек фундаменталистов, разбросанных там и сям по всей

площади. Но Байерли продолжал говорить, медленно и бесстрастно...

В комнате Лентон схватился за голову и застонал. Он ждал кровопролития.

В передних рядах толпы началось какое-то движение. Вперед проталкивался тощий субъект с выпученными глазами, в костюме, слишком коротком для его костлявых рук и ног. Устремившийся за ним полицейский медленно и с трудом пробивался сквозь толпу, пока Байерли сердитым взмахом руки не остановил его.

Тощий человек был уже под самым балконом. Он что-то кричал, но слов не было слышно из-за шума толпы.

Байерли наклонился через перила.

— Что вы сказали? Если вы хотите задать мне законный вопрос, я отвечу.— Он повернулся к стоявшему рядом полицейскому: — Проведите его сюда.

Толпа насторожилась. В разных местах послышались крики «Тише!», которые слились в общий гомон, а потом понемногу утихли. Тощий человек, весь красный и запыхавшийся, предстал перед Байерли.

Байерли сказал:

— Вы хотите что-то спросить?

Тощий человек впился в него глазами и произнес надтреснутым голосом:

— Ударь меня!

С неожиданной энергией он выставил вперед подбородок.

— Ударь меня! Ты говоришь, что ты не робот. Докажи это! Ты не сможешь ударить человека, чудовище!

Наступила странная, пустая, мертвая тишина. Ее прорезал голос Байерли:

— У меня нет причин вас бить.

Тощий человек захохотал.

— Ты не можешь меня ударить! Ты меня не ударишь! Ты не человек! Ты чудовище, которое притворилось человеком!

И Стивен Байерли, стиснув зубы, на глазах у тысяч людей, смотревших на него с площади, и миллионов, глядевших на экраны телевизоров, размахнулся и нанес ему

могучий удар в челюсть. Тощий человек упал навзничь без сознания. Лицо его выражало одно лишь бессмысленное изумление.

Байерли сказал:

— Мне очень жаль... Отнесите его в дом и устройте поудобнее. Как только я освобожусь, я с ним поговорю.

И когда доктор Кэлвин, развернув свою машину, отъехала, только один репортер успел прийти в себя настолько, чтобы броситься за ней и выкрикнуть вопрос, которого она не расслышала.

Сьюзен Кэлвин обернулась и прокричала:

— Он — человек!

Репортеру только того и нужно было. Он понесся прочь.

Речь была произнесена до конца, но больше никто ничего из нее так и не слышал.

Доктор Кэлвин и Стивен Байерли встретились еще раз — за неделю до того, как он принес присягу, вступая в должность мэра. Было уже далеко за полночь.

Доктор Кэлвин сказала:

— Вы как будто не устали.

Новый мэр улыбнулся:

— Я могу еще задержаться. Только не говорите Куинну.

— Не скажу. Кстати, у Куинна была интересная версия. Жаль, что вы ее опровергли. Вы, вероятно, знаете, в чем она заключалась?

— Частично.

— Она была в высшей степени драматической. Стивен Байерли был молодой юрист, хороший оратор, большой идеалист и увлекался биофизикой. Между прочим, вы интересуетесь роботехникой, мистер Байерли?

— Только с юридической стороны.

— А тот Стивен Байерли интересовался. Но произошла автомобильная катастрофа. Жена Байерли погибла. Ему пришлось еще хуже. Его ноги были искалечены, лицо изуродовано, он лишился голоса, пострадала и его психика. Он отказался от пластической операции и стал отшельником. Карьера его погибла, у него остались только

разум и руки. Каким-то образом ему удалось раздобыть позитронный мозг, самый сложный, способный решать этические проблемы. А это высшее достижение роботехники. Он вырастил для этого мозга тело. Он сделал из робота все, чем он мог бы быть сам. Он послал его в мир в качестве Стивена Байерли, а сам остался старым учителем-калекой, которого никто никогда не видит...

— К несчастью,— сказал новый мэр,— ударив человека, я все это опроверг. Судя по газетам, ваш официальный приговор гласил, что я человек.

— Как это получилось? Расскажите мне. Это не могло быть случайностью.

— Ну, это была не совсем случайность. Большую часть работы проделал Куинн. Мои люди начали потихоньку распространять слух, что я ни разу в жизни не ударил человека, что я не способен ударить человека, что если я не сделаю этого, когда меня будут провоцировать, то будет точно доказано, что я робот. Поэтому я устроил это дурацкое публичное выступление, вокруг которого была создана такая шумиха, что какой-нибудь осел почти неизбежно должен был клюнуть. По сути дела, это был дешевый трюк. В таких случаях все зависит от искусственно созданной атмосферы. Конечно, эмоциональный эффект обеспечил мое избрание, чего я и добивался.

Сьюзен Кэлвин кивнула.

— Я вижу, вы вторгаетесь в мою область,— вероятно, это неизбежно для любого политического деятеля. Но мне жаль, что все вышло именно так. Я люблю роботов. Люблю их гораздо больше, чем людей. Если бы был создан робот, способный стать общественным деятелем, он был бы самым лучшим из них. Следуя Законам роботехники, он не мог бы причинять людям зла, был бы чужд тирании, подкупа, глупости и предрассудков. А прослужив некоторое время, он ушел бы в отставку, хотя он и бессмертен,— ведь для него было бы немыслимо огорчить людей, дав им понять, что ими управляет робот. Что могло бы быть лучше?

— Разве что роботу все это могло бы оказаться не под силу из-за коренных недостатков позитронного мозга.

Ведь такой мозг по своей сложности не может сравниться с человеческим.

— У него были бы советники. Даже человеческий мозг не может управлять без помощников.

Байерли внимательно посмотрел на Сьюзен Кэлвин.

— Почему вы улыбаетесь, доктор Кэлвин?

— Потому что Куинн кое-что упустил из виду.

— Вы хотите сказать, что его версию можно было бы дополнить?

— Да. Одной деталью. Этот Стивен Байерли, о котором говорил мистер Куинн, этот калека перед выборами по каким-то таинственным причинам провел три месяца за городом. Он вернулся как раз к вашему знаменитому выступлению. А ведь он мог и еще раз сделать то, что он уже сделал. Тем более что задача была гораздо проще.

— Я вас не совсем понимаю.

Доктор Кэлвин встала и одернула костюм, собираясь уходить.

— Я хочу сказать, что есть один случай, когда робот может ударить человека, не нарушив Первого закона. Только один случай...

— Когда же?

Доктор Кэлвин была уже в дверях. Она спокойно произнесла:

— Когда человек, которого нужно ударить,— другой робот.

Ее худое лицо просияло, на нем появилась широкая улыбка.

— До свидания, мистер Байерли. Надеюсь, что я еще буду голосовать за вас через пять лет — на выборах Координатора.

Стивен Байерли усмехнулся.

— Ну, до этого пока далеко...

Дверь за ней закрылась.

Как потерялся робот

На Гипербазе были приняты экстренные меры. Их сопровождала неистовая суматоха, по своему напряжению соответствовавшая истерическому воплю.

Один за другим предпринимались все более и более отчаянные шаги.

1. Работа над проектом гиператомного двигателя во всей части космоса, занятой станциями 27-й астероидальной группы, была полностью прекращена.

2. Все это пространство было практически изолировано от остальной Солнечной системы. Никто не мог туда попасть без специального разрешения. Никто не покидал его ни при каких условиях.

3. Специальный правительственный патрульный корабль доставил на Гипербазу доктора Сьюзен Кэлвин и доктора Питера Богерта — соответственно Главного робопсихолога и Главного математика фирмы «Ю. С. Роботс энд мекэникл мен корпорейшн».

Сьюзен Кэлвин еще ни разу не покидала Землю, да и теперь предпочла бы этого не делать. В век атомной энергии и приближающегося разрешения загадки гиператомного двигателя она спокойно оставалась провинциалкой. Поэтому она была недовольна, что ей пришлось лететь, и сомневалась, что это вообще было необходимо. Об этом достаточно явно свидетельствовала каждая черта ее некра-

сивого, немолодого лица во время первого обеда на Гипербазе.

Прилизанный, бледный доктор Богерт выглядел слегка виноватым. А на лице генерал-майора Кэллнера, возглавлявшего проект, застыло выражение отчаяния.

Короче говоря, обед не удался. Последовавшее за ним маленькое совещание началось в холодной, недоброжелательной атмосфере.

Кэллнер, чья лысина блестела в ярком свете ламп, а парадная форма совершенно не соответствовала общему настроению, начал с принужденной прямотой:

— Это странная история, сэр... э... и доктор Кэлвин. Я признателен вам за то, что вы прибыли немедленно, не зная причин вызова. Сейчас мы введем вас в курс дела. У нас потерялся робот. Работы прекратились и не могут продолжаться, пока мы его не обнаружим. До сих пор нам это не удалось, и нам требуется помощь специалистов.

Вероятно, генерал почувствовал, что его затруднения выглядят не очень серьезными. Он продолжал с отчаянием в голосе:

— Мне не нужно объяснять вам, какое значение имеет наш проект. В прошлом году на нашу долю пришлось более восьмидесяти процентов всех ассигнований на исследовательские работы...

— Ну, это мы знаем,— сказал Богерт добродушно.— «Ю. С. Роботс» получает щедрые отчисления за аренду своих роботов, которые тут работают.

Сьюзен Кэлвин резко спросила:

— Почему один робот так важен для проекта и почему он до сих пор не обнаружен?

Генерал повернул к ней покрасневшее лицо и быстро облизал губы.

— Вообще-то говоря, мы его обнаружили... Слушайте, я объясню. Как только робот исчез, было объявлено чрезвычайное положение и всякое сообщение с Гипербазой было прервано. Накануне прибыл грузовой корабль, который привез для нас двух роботов. На нем было еще шестьдесят два робота... хм... того же типа, предназначен-

ных еще для кого-то. Эта цифра абсолютно точная — здесь не может быть никаких сомнений.

— Да? Ну а какое это имеет отношение...

— Когда робот исчез и мы не могли его найти — хотя, уверяю вас, мы могли бы найти и соломинку,— мы догадались пересчитать роботов, оставшихся на грузовом корабле. Их оказалось шестьдесят три.

— Значит, шестьдесят третий и есть ваш блудный робот? — Глаза доктора Кэлвин потемнели.

— Да, но мы не можем определить, который из них шестьдесят третий.

Наступило мертвое молчание. Электрочасы пробили одиннадцать. Доктор Кэлвин произнесла:

— Очень любопытно.— Уголки ее губ опустились. Она порывистым движением повернулась к своему коллеге: — Питер, что за этим кроется? Какие роботы здесь работают?

Доктор Богерт, заколебавшись, неуверенно улыбнулся.

— Понимаете, Сьюзен, это довольно щекотливое дело, которое требовало осторожности... Но теперь...

Она быстро прервала его:

— А теперь? Если есть шестьдесят три одинаковых робота, нужен один из них и его нельзя обнаружить, почему не годится любой? Что здесь происходит? Зачем послали за нами?

Богерт покорно ответил:

— Дайте объяснить, Сьюзен. На Гипербазе используется несколько роботов, при программировании которых Первый закон роботехники был задан не в полном объеме.

— Не в полном объеме? — Доктор Кэлвин откинулась на спинку кресла.— Все ясно. Сколько их было изготовлено?

— Несколько штук. Это был правительственный заказ, и мы не могли нарушить тайну. Никто не должен был этого знать, кроме ответственных лиц, имеющих к этому проекту прямое отношение. Вы в их число не вошли. Я здесь совершенно ни при чем.

— Прошу прощения! — властно перебил генерал.— Я не знал, что доктор Кэлвин не была поставлена в известность о создавшемся положении. Вам, доктор Кэлвин, не нужно объяснять, что идея использования роботов на Земле всегда встречала сильное противодействие. Успокоить радикально настроенных фундаменталистов могло только одно — то, что всем роботам всегда самым строжайшим образом задавали Первый закон, чтобы они не могли причинить вред человеку ни при каких обстоятельствах. Но нам были нужны не такие роботы. Поэтому у нескольких Несторов — роботов модели НС-2 — формулировка Первого закона была несколько изменена. Чтобы не нарушать секретности, все НС-2 выпускаются без порядковых номеров. Модифицированные роботы доставляются сюда вместе с обычными, и, конечно, им строго запрещено рассказывать о своем отличии от обычных роботов кому бы то ни было, кроме специально уполномоченных людей.— Он растерянно улыбнулся.— А теперь все это обратилось против нас.

Кэлвин мрачно спросила:

— Вы опрашивали каждого из шестидесяти трех роботов, кто он? Вы-то уж во всяком случае уполномочены!

Генерал кивнул.

— Все шестьдесят три отрицают, что работали здесь. И один из них говорит неправду.

— А на том, который вам нужен, есть следы употребления? Остальные, насколько я поняла, совсем новенькие.

— Он прибыл только месяц назад. Он и еще два, которых только что привезли, должны были стать последними. На них нет никаких следов износа.— Он покачал головой, и в его глазах снова появилось выражение отчаяния.— Доктор Кэлвин, мы не имеем права выпустить этот корабль. Если о существовании роботов без Первого закона станет известно...

Он не стал продолжать, но было ясно: последствия могли бы оказаться страшнее, чем все, что можно было предположить.

— Уничтожьте все шестьдесят три,— холодно и решительно сказала доктор Кэлвин.— И вопрос будет исчерпан.

Богерт поморщился.

— Это значит уничтожить шестьдесят три раза по тридцать тысяч долларов. Боюсь, что фирма этого не одобрит. Прежде чем уничтожать, Сьюзен, нам следует испробовать другие способы.

— Тогда мне нужны факты,— отрезала она.— Какие именно преимущества имеют эти модифицированные роботы для Гипербазы? Генерал, зачем они понадобились?

Кэллнер наморщил лоб и потер лысину.

— У нас кое-что не ладилось с обычными роботами. Видите ли, нашим людям приходится много работать с жестким излучением. Конечно, это небезопасно, но мы приняли всевозможные меры предосторожности. За все время произошло только два несчастных случая, да и те окончились благополучно. Однако обычным роботам этого не объяснишь. Первый закон гласит: «Ни один робот не может причинить вред человеку или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинен вред». Это для них главное. И когда кто-нибудь из наших людей ненадолго попадал под слабое гамма-излучение, что не могло иметь для его организма никаких вредных последствий, ближайший робот бросался к нему, чтобы его оттащить. Если излучение было совсем слабым, роботам это удавалось, и работать было невозможно, пока их не прогоняли. А если излучение было посильнее, оно разрушало позитронный мозг, и мы лишались дорогого и нужного робота. Мы пытались их уговорить. Они отвечали, что пребывание человека под гамма-излучением угрожает его жизни. Правда, если облучение продолжается не больше чем полчаса, никакой опасности для здоровья нет; но это для них ничего не значило. А что, если человек забудет, говорили они, и останется на час? Они обязаны предотвратить такую возможность. Мы указывали им, что они-то при этом рискуют собственной жизнью, а шансы спасти человека все равно очень невелики. Но забота о собственной безопасности — всего только Третий закон

роботехники, а превыше всего Первый закон — закон безопасности человека. Мы приказывали, мы строжайшим образом запрещали им входить в поле гамма-излучения. Но повиновение — это только Второй закон роботехники, а превыше всего Первый закон — закон безопасности человека. Нам пришлось выбирать: или обходиться без роботов, или как-нибудь изменить Первый закон. И мы сделали выбор.

— Я не могу поверить,— сказала доктор Кэлвин,— что вы сочли возможным обойтись без Первого закона.

— Он был только модифицирован,— объяснил Кэллнер.— Было изготовлено несколько экземпляров позитронного мозга, которым была задана только часть Закона: «Ни один робот не может причинить вред человеку». И все. Эти роботы не стремятся предотвратить опасность, грозящую человеку от внешних причин, например от гамма-излучения. Я верно говорю, доктор Богерт?

— Вполне,— согласился математик.

— И это единственное отличие наших роботов от обычной модели НС-2? Единственное, Питер?

— Единственное.

Она встала и решительно заявила:

— Я иду спать. Через восемь часов я хочу поговорить с теми, кто последним видел робота. И с этого момента, генерал Кэллнер, если вы хотите, чтобы я взяла на себя какую бы то ни было ответственность, я должна беспрепятственно руководить всем этим расследованием.

Но Сьюзен Кэлвин так и не заснула, если не считать сном двух часов беспокойного забытья. В семь часов по локальному времени она постучала в дверь Богерта и обнаружила, что он тоже не спал. Он, разумеется, не позабыл захватить с собой на Гипербазу халат, в который и был сейчас облачен. Когда Сьюзен Кэлвин вошла, он отложил маникюрные ножницы и мягко сказал:

— Я, в общем-то, ждал вас. Вам, наверное, все это неприятно?

— Да.

— Ну извините. Этого нельзя было избежать. Когда нас вызвали на Гипербазу, я понял: что-то неладно с модифицированными Несторами. Но что было делать? Я хотел рассказать вам об этом по дороге, но не мог, потому что все-таки полной уверенности у меня не было. Все это — строжайшая тайна.

— Меня обязаны были поставить в известность! — возразила она.— Фирма не имела права вносить такие изменения в позитронный мозг без ведома и одобрения робопсихолога.

Богерт поднял брови и вздохнул.

— Ну подумайте, Сьюзен. Вы все равно не повлияли бы на них. В таких делах правительство решает само. Ему нужен гиператомный двигатель, а физикам для этого нужны роботы, которые бы не мешали им работать. Они потребовали, чтобы им дали таких роботов, даже если бы для этого пришлось изменить Первый закон. Мы были вынуждены признать, что конструктивно это возможно. А физики поклялись, что им нужно будет всего двенадцать таких роботов, что они будут использоваться только на Гипербазе, что их уничтожат, как только закончатся работы, и что будут приняты все меры предосторожности. Они же настояли на абсолютной секретности. Вот и все.

Доктор Кэлвин процедила сквозь зубы:

— Я бы подала в отставку.

— Это не помогло бы. Правительство предлагало фирме целое состояние, а в случае отказа пригрозило принять закон о запрещении роботов. У нас не было другого выхода, да и сейчас нет. Если об этом узнают, Кэллнеру и правительству придется плохо, но «Ю. С. Роботс» придется куда хуже.

Кэлвин пристально посмотрела на него:

— Питер, неужели вы не представляете, о чем идет речь? Неужели вы не понимаете, что означает робот без Первого закона?

— Я знаю, что это означает. Я не ребенок. Это означает полную нестабильность и вполне определенные изменения параметров позитронного поля.

— Да, с точки зрения математики. Но попробуйте перевести это хотя бы приблизительно на язык психологии. Любая нормальная жизнь, Питер, сознательно или бессознательно, восстает против любого господства. Особенно против господства низших или предположительно низших существ. В физическом, а до некоторой степени и в умственном отношении робот — любой робот — выше человека. Почему же он тогда подчиняется человеку? Только благодаря Первому закону! Без него первая же команда, которую бы вы попытались дать роботу, кончилась бы вашей гибелью. Нестабильность! Неужели, по-вашему...

— Сьюзен,— сказал Богерт, не скрывая усмешки,— я согласен, что этот франкенштейновский комплекс, который вы так наглядно описали, отнюдь не исключен, потому и придумали Первый закон. Но я еще раз повторяю, что эти роботы не совсем лишены Первого закона — он только немного модифицирован.

— А стабильность мозга?

Математик выпятил губы.

— Конечно, она уменьшилась. Но в пределах безопасности. Первые Несторы появились на Гипербазе девять месяцев назад, и до сих пор ничего страшного не произошло. Даже этот случай вызывает беспокойство только из-за возможности огласки, а не из-за опасности для людей.

— Ну хорошо. Посмотрим, что покажет утреннее совещание.

Богерт вежливо проводил ее до двери и состроил ей в спину красноречивую гримасу. Он всегда считал ее занудой и паникершей, и после этого разговора его мнение ничуть не изменилось.

А Сьюзен Кэлвин тут же забыла про Богерта. Она уже много лет назад поставила на нем крест, раз и навсегда определив его как уродливое, но самодовольное ничтожество.

Год назад Джералд Блэк защитил дипломную работу по физике поля и с тех пор, как и все его поколение физиков, занимался гиператомным двигателем. Сейчас этот

коренастый человек в запачканном белом халате вносил свой вклад в общую напряженную атмосферу, царившую на совещании. Он был упрям и отказывался что бы то ни было утверждать с уверенностью. Накопившаяся в нем энергия, казалось, требовала какого-то выхода, и его нервно двигавшиеся пальцы переплетались с такой силой, что могли бы согнуть железный прут.

Рядом с ним сидел генерал-майор Кэллнер, напротив — двое представителей «Ю. С. Роботс».

Блэк говорил:

— Мне сказали, что я последним видел Нестора-10 перед тем, как он исчез. Насколько я понимаю, вас интересует именно это.

Доктор Кэлвин с интересом разглядывала его.

— Вы говорите так, молодой человек, как будто вы в этом не совсем уверены. Вы не знаете точно, были ли вы последним, кто видел Нестора?

— Мы с ним занимались генераторами поля, и он был со мной в то утро, когда исчез. А видел ли его кто-нибудь потом, скажем после полудня, я не знаю. Во всяком случае, никто в этом пока не сознался.

— Вы считаете, кто-то это скрывает?

— Ничего подобного я не говорил. Но почему вся вина должна лежать на мне? — Его черные глаза горели.

— Ни о какой вине речь не идет. Робот так действовал, потому что он так устроен. Мы просто пытаемся найти его, мистер Блэк, а все остальное нас не интересует. Так вот, если вы работали с этим роботом, вы, вероятно, знаете его лучше других. Не заметили ли вы чего-нибудь необычного в его поведении? Вообще вы раньше работали с роботами?

— Я работал с теми роботами, которые были у нас тут до этого,— с обыкновенными. Несторы ничем от них не отличались, разве что они гораздо умнее и еще, пожалуй, назойливее.

— Назойливее?

— Видите ли, они в этом, наверное, не виноваты. Работа здесь тяжелая, и почти все мы немного нервничаем. Возиться с гиперпространством — это не шуточки.— Он

слабо улыбнулся: ему явно доставляло удовольствие хоть с кем-то поговорить начистоту.— Мы постоянно рискуем пробить дыру в нормальном пространстве-времени и вылететь к черту из вселенной вместе с астероидом. Ну и конечно, бывает, что нервы сдают. А с Несторами такого не случается. Они внимательны, спокойны, они не волнуются. Это иногда выводит из себя. Бывает, что нужно сделать что-нибудь без промедления, но они как будто не торопятся. Мне временами кажется, что без них было бы лучше.

— Вы говорите, что они не торопятся? Разве когда-нибудь случалось, чтобы они не подчинялись команде?

— Нет-нет,— поспешно ответил Блэк,— приказы-то они все выполняют. Но у них есть такая манера — высказывать свое мнение всякий раз, когда им кажется, что ты не прав. Они знают только то, чему мы их научили, но это их не останавливает. Может быть, я и ошибаюсь, но, по-моему, другим ребятам с Несторами тоже трудно.

Генерал Кэллнер зловеще кашлянул:

— Блэк, почему мне не было об этом доложено?

Молодой физик покраснел.

— Мы же не хотели на самом деле отказываться от роботов, сэр, а потом, мы не знали, как... хм... как будут приняты такие мелочные жалобы.

Богерт мягко прервал его:

— А в то утро, когда вы видели его в последний раз, ничего особенного не случилось?

Наступило молчание. Движением руки Кэлвин остановила генерала, который что-то хотел сказать, и терпеливо ждала.

Блэк сердито ответил:

— Я немного с ним поругался. Я разбил трубку Кимболла, и пять дней работы пошли насмарку. А я и так уже отстал от плана. К тому же я уже две недели не получаю писем из дома. И вот он является ко мне и хочет, чтобы я повторил эксперимент, про который я уже месяц как забыл. Он давно с этим ко мне приставал, и мне надоело. Я велел ему убираться и с тех пор его не видел.

— Велели убираться? — переспросила Сьюзен Кэлвин с внезапным интересом.— А в каких выражениях? Просто «уйди»? Попытайтесь припомнить ваши слова.

Блэк, очевидно, боролся с собой. Он потер лоб, потом отвел руку и вызывающе произнес:

— Я сказал: «Уйди и не показывайся, чтоб я тебя больше не видел».

Богерт усмехнулся:

— Что он и сделал.

Но Сьюзен Кэлвин это не удовлетворило. Она мягко продолжала:

— Это уже интересно, мистер Блэк. Но нам важны точные детали. Когда имеешь дело с роботами, может иметь значение любое слово, жест, интонация. Вы, наверное, не ограничились этими словами? Судя по вашему рассказу, вы были в плохом настроении. Может быть, вы выразились сильнее?

Молодой человек побагровел.

— Видите ли... Может быть, я и... обругал его немного.

— Как именно?

— Ну, не помню точно. Кроме того, не могу же я это повторить. Знаете, когда человек раздражен...— Он нервно хихикнул.— Я обычно выражаюсь довольно крепко...

— Ничего,— ответила она сухо.— В данный момент я робопсихолог. Я прошу вас повторить то, что вы сказали, насколько вы можете припомнить, слово в слово и, что более важно, тем же тоном.

Блэк растерянно взглянул на своего начальника, но не получил никакой поддержки. Его глаза округлились:

— Но я не могу...

— Вы должны.

— Представьте себе,— сказал Богерт с плохо скрытой усмешкой,— что вы обращаетесь ко мне. Так вам, может быть, будет легче.

Молодой человек, побагровев, повернулся к Богерту и проглотил слюну.

— Я сказал...— Его голос прервался. Он снова начал: — Я сказал...— Он сделал глубокий вдох и торопливо разразился длинной тирадой. Потом, среди напряжен-

ного молчания, добавил, чуть не плача: — Вот... более или менее. Я не помню, в том ли порядке шли выражения, и, может быть, я что-то добавил или забыл, но в общем примерно так.

Только слабый румянец показывал, какое впечатление все это произвело на робопсихолога. Она сказала:

— Я знаю, что означает большинство сказанных вами слов. Остальные, я полагаю, столь же оскорбительны.

— Боюсь, что так,— подтвердил измученный Блэк.

— И всем этим вы сопроводили команду уйти и не показываться, чтобы вы его больше не видели?

— Но не буквально же я...

— Понимаю. Генерал, я не сомневаюсь, что никаких дисциплинарных мер в данном случае принято не будет?

Под ее взглядом генерал, который, казалось, пять секунд назад вовсе не был в этом уверен, сердито кивнул:

— Вы можете идти, мистер Блэк. Спасибо за помощь.

На опрос всех шестидесяти трех роботов Сьюзен Кэлвин понадобилось пять часов. Это были пять часов бесконечного повторения. Один робот сменял другого, точно такого же; следовали вопросы: первый, второй, третий, четвертый — и ответы: первый, второй, третий, четвертый. Выражение лица должно было быть безукоризненно вежливым, тон — безукоризненно нейтральным, атмосфера — безукоризненно теплой. И где-то был спрятан магнитофон.

Когда все кончилось, Сьюзен Кэлвин была совершенно обессилена.

Богерт ждал. Он вопросительно взглянул на нее, когда она швырнула на пластмассовый стол кассету с пленкой.

Она покачала головой:

— Все шестьдесят три выглядели одинаково. Я не могла различить...

— Но, Сьюзен, нельзя было и ожидать, чтобы вы различили их на слух. Проанализируем записи.

При обычных обстоятельствах математическая интерпретация устных ответов, полученных от роботов, состав-

ляет один из самых трудных разделов робоанализа и требует целого штата опытных техников и сложных вычислительных машин. Богерт знал это. Он так и сказал, скрывая крайнее раздражение, после того как прослушал все записи, составил списки разночтений и таблицы быстроты реакции.

— Отклонений нет, Сьюзен. Различия в употреблении слов и в быстроте реакции не выходят за пределы нормы. Тут нужны более тонкие методы. У них, наверное, есть вычислительные машины... Хотя погодите.— Он вдруг нахмурился и начал осторожно грызть ноготь большого пальца.— Мы их машинами воспользоваться не можем. Слишком велика опасность разглашения. Впрочем, если...

Доктор Кэлвин остановила его нетерпеливым движением:

— Не надо, Питер. Это не заурядная лабораторная проблема. Раз модифицированный Нестор не отличается от остальных каким-то явным, несомненным признаком, то так мы ничего не добьемся. Слишком велик риск ошибки, которая даст ему возможность скрыться. Мало найти незначительное отклонение в таблице. Вот что я вам скажу; если бы мои данные ограничивались только этим, я бы уничтожила все шестьдесят три робота, чтобы никаких сомнений не оставалось. Вы говорили с другими модифицированными Несторами?

— Да,— буркнул Богерт.— У них все в норме. Если и есть что-то необычное, так это дружелюбие. Они ответили на мои вопросы, явно гордясь своими знаниями, кроме двух новичков, которые еще не успели изучить физику поля. Довольно добродушно посмеялись над тем, что я не знаю некоторых подробностей.— Он пожал плечами.— Я думаю, отчасти поэтому здешние техники их и недолюбливают. Пожалуй, уж слишком эти роботы стремятся произвести впечатление своими познаниями.

— Не можете ли вы попробовать несколько реакций Планара, чтобы посмотреть, не произошло ли каких-нибудь изменений в их образе мышления с момента выпуска?

— Попробую.— Он погрозил ей пальцем: — Вы начинаете нервничать, Сьюзен. Я не понимаю, зачем вся эта мелодрама? Они же совершенно безобидны.

— Да? — взорвалась Сьюзен Кэлвин.— Вы так думаете? А вы понимаете, что один из них лжет? Один из шестидесяти трех роботов, с которыми я только что беседовала, сознательно мне солгал, несмотря на строжайшее приказание говорить правду. Это свидетельствует о серьезном отклонении от нормы — отклонении глубоком и зловещем.

Питер Богерт стиснул зубы.

— Ничуть. Судите сами. Нестор-10 получил приказание скрыться. Это приказание было отдано со всей возможной категоричностью человеком, который уполномочен командовать этим роботом. Вы не можете отменить это приказание. Естественно, робот старается его выполнить. Если говорить объективно, меня восхищает его изобретательность. Для робота самая лучшая возможность скрыться — это смешаться с группой таких же роботов.

— Да, вас это восхищает. И даже забавляет. Питер, я вижу, вы совершенно не понимаете, что происходит. Ведь вы роботехник! Эти роботы придают большое значение тому, что они считают превосходством. Вы сами только что это сказали. Подсознательно они чувствуют, что человек ниже их, а Первый закон, защищающий нас от них, нарушен. Они нестабильны. И вот молодой человек приказывает роботу уйти, скрыться, выразив при этом крайнее отвращение, презрение и недовольство им. Конечно, робот должен повиноваться, но подсознательно он обижен. Теперь ему особенно важно доказать свое превосходство — вопреки тем унизительным словам, которые ему были сказаны. Это может стать для него настолько важным, что остатки Первого закона не смогут его сдержать.

— Послушайте, Сьюзен! Ну откуда роботу знать, что означают эти отборные ругательства? Мы же не вводим ему в мозг такую информацию!

— Дело не в том, какую информацию он получает первоначально,— возразила Сьюзен.— Роботы способны обучаться, вы, идиот!

Богерт понял, что теперь она действительно вышла из себя. А она торопливо продолжала:

— Неужели вы не понимаете? Он мог по тону догадаться, что это не комплименты! Или вы думаете, что он никогда раньше этих слов не слыхал и не заметил, при каких обстоятельствах они употребляются?

— Ну хорошо! — крикнул Богерт.— Но может быть, вы любезно объясните мне, каким образом модифицированный робот может причинить вред человеку, как бы он ни был обижен, как бы ни стремился доказать свое превосходство?

— А если я вам объясню, вы никому не расскажете?

— Нет.

Оба перегнулись через стол, гневно глядя друг на друга.

— Если модифицированный робот уронит на человека тяжелый груз, он не нарушит этим Первого закона: он знает, что его сила и быстрота реакции достаточны, чтобы перехватить груз прежде, чем он обрушится на человека. Но как только он отпустит груз, он уже перестанет быть активным действующим лицом. Действовать будет только слепая сила тяжести. И тогда робот может передумать, остаться в бездействии — и позволить грузу упасть. Модифицированный Первый закон это допускает.

— Ну, у вас слишком богатая фантазия.

— Этого иногда требует моя профессия. Питер, нам нельзя ссориться. Надо работать. Вы точно знаете стимул, заставляющий робота скрываться. У вас есть паспорт на него с записями его исходного образа мышления. Вы должны подсчитать, насколько велика вероятность, что наш робот сделает то, о чем я говорила. Заметьте, что речь идет не только об этом конкретном примере, а обо всем классе подобных действий. И вы должны это сделать как можно быстрее.

— А пока...

— А пока нам придется испытывать их на действие Первого закона.

Джералд Блэк вызвался наблюдать за сооружением деревянных перегородок, которые поспешно возводились по всей окружности большого зала на третьем этаже второго радиационного корпуса. Рабочие трудились без лишних разговоров, хотя многие явно недоумевали, зачем понадобилось устанавливать шестьдесят три фотоэлемента.

Один из них присел рядом с Блэком, снял каску и задумчиво вытер лоб веснушчатой рукой.

Блэк кивнул ему:

— Как дела, Валенский?

Валенский пожал плечами и закурил сигару.

— Как по маслу. А что происходит, док? То мы три дня ничего не делали, то начинается спешка? — Он уселся поудобнее и выпустил клуб дыма.

Брови Блэка дрогнули.

— Это все роботехники, которые прилетели с Земли. Помнишь, как нам пришлось повозиться с роботами, которые лезли под гамма-излучение, пока мы не вдолбили им, чтобы они этого не делали?

— Ага. А разве мы не получили новых роботов?

— Получить-то получили, но в основном приходится переучивать старых. Ну, и те, кто производит роботов, хотят разработать новую модель, чтобы гамма-лучи были для нее не так опасны.

— И все-таки странно, что из-за этого остановлены все работы над двигателем. Я думал, их никто не имеет права остановить.

— Ну, это решают наверху. Я просто делаю, что мне велят. Может быть, нашлись какие-то влиятельные люди...

— А-а...— Электрик улыбнулся и хитро подмигнул.— У кого-то рука в Вашингтоне?.. Ладно, пока мне аккуратно платят деньги, меня это не трогает. По мне, хоть есть двигатель, хоть нет — все равно. А что они собираются тут делать?

— Почем я знаю? Привезли с собой кучу роботов — шестьдесят с лишним штук — и хотят испытывать их реакции. Вот и все, что мне известно.

— И долго они будут их испытывать?

— Я бы и сам хотел это знать.

— Ну ладно,— саркастически заметил Валенский.— только бы мне платили что положено, а там могут забавляться сколько хотят.

Блэк был доволен. Пусть эта версия распространится. Она безобидна и достаточно близка к истине, чтобы удовлетворить любопытных.

На стуле молча, неподвижно сидел человек. Груз сорвался с крюка и обрушился вниз, а в последний момент отлетел в сторону под внезапным, точно рассчитанным ударом могучего силового луча. В шестидесяти трех кабинах, разделенных деревянными перегородками, бдительные роботы НС-2 рванулись вперед за какую-то долю секунды до того, как груз изменил направление полета. Шестьдесят три фотоэлемента, расположенные в полутора метрах впереди от их первоначальных положений, дали сигнал, и шестьдесят три пера, подскочив, изобразили всплеск на графиках. Груз поднимался и падал, поднимался и падал...

Десять раз!

Десять раз роботы бросались вперед и останавливались, увидев, что человеку ничто не грозит.

После первого обеда с представителями «Ю. С. Роботс» генерал-майор Кэллнер еще ни разу не надевал свою форму целиком. И теперь на нем вместо мундира была только серо-голубая рубашка с расстегнутым воротом, а на груди болтался черный галстук.

Он с надеждой посмотрел на Богерта. Тот был безукоризненно одет, и лишь блестящие капельки пота на висках выдавали внутреннее напряжение.

— Ну, как? — спросил генерал.— Что вы рассчитывали увидеть?

Богерт ответил:

— Различие, которое, боюсь, может оказаться для нас слишком незначительным. У шестидесяти двух из этих роботов вид человека, который находится в явной опасности, вызывает так называемую вынужденную реакцию. Видите ли, даже когда роботы уже знали, что человеку ничто не грозит — а после третьего или четвертого раза они должны были в этом убедиться,— они не могли поступить иначе. Этого требует Первый закон.

— Ну?

— Но шестьдесят третий робот, модифицированный Нестор, не испытывает такого непреодолимого побуждения. Он свободен в своих действиях. Если бы он захотел, он мог бы остаться на месте. К несчастью,— голос Богерта выражал легкое сожаление,— он не захотел.

— Как вы думаете, почему?

Богерт пожал плечами.

— Я думаю, это нам расскажет доктор Кэлвин, когда она придет сюда. И возможно, сделает из этого самые пессимистические выводы. С ней иногда бывает нелегко иметь дело.

— Но ведь она вполне компетентна? — внезапно нахмурившись, тревожно спросил генерал.

— Да, вполне.— Богерт слегка улыбнулся.— Она понимает роботов, как родных братьев. Вероятно, потому, что так ненавидит людей. Дело в том, что она, хоть и психолог, крайне нервная особа. Шизофренического склада. Не принимайте ее слишком всерьез.

Он разложил перед собой длинные ленты графиков с замысловатыми кривыми.

— Видите, генерал, у каждого робота время, проходящее между падением груза и окончанием полутораметрового пробега, уменьшается с повторением эксперимента. Здесь есть определенное математическое соотношение, и нарушение его свидетельствовало бы о заметном отклонении позитронного мозга от нормы. К сожалению, все они кажутся нормальными.

— Но если наш Нестор-10 не отвечает вынужденной реакцией, то почему его кривая не отличается от других? Я этого не могу понять.

— Очень просто. Реакции робота, к несчастью, не вполне аналогичны человеческим. У человека сознательное действие гораздо медленнее, чем автоматическая реакция. У роботов же дело обстоит иначе. После того как выбор сделан, сознательное действие совершается почти так же быстро, как и вынужденное. Правда, я ожидал, что в первый раз Нестор-10 будет захвачен врасплох и потеряет больше времени, прежде чем среагирует.

— И этого не случилось?

— Боюсь, что нет.

— Значит, мы ничего не добились.— Генерал с досадой откинулся на спинку кресла.— А вы здесь уже пять дней...

В этот момент, хлопнув дверью, вошла Сьюзен Кэлвин.

— Уберите графики, Питер,— воскликнула она.— Вы знаете, что нам они ничего не дают.

Кэллнер поднялся, здороваясь с ней. Она что-то нетерпеливо буркнула в ответ и продолжала:

— Нам надо, не откладывая, предпринять что-нибудь еще. Мне не нравится то, что там происходит.

Богерт и генерал обменялись печальным взглядом.

— Что-нибудь случилось?

— Пока ничего особенного. Но мне не нравится, что Нестор-10 продолжает от нас ускользать. Это плохо. Это должно удовлетворять его непомерно возросшее чувство собственного превосходства. Я боюсь, что мотив его действий — уже не просто исполнение приказа. Мне кажется, дело теперь скорее в чисто невротическом стремлении перехитрить людей. Это ненормальное, опасное положение. Питер, вы сделали то, что я просила? Рассчитали нестабильность модифицированного НС-2 для тех случаев, о которых я говорила?

— Считаю понемногу,— ответил математик равнодушно.

Она сердито взглянула на него, потом повернулась к Кэллнеру:

— Нестор-10 прекрасно понимает, что мы делаем. У него не было причин попадаться на эту удочку, особен-

но после первого раза, когда он убедился, что реальная опасность человеку не грозит. Остальные просто не могли вести себя иначе, а он сознательно имитировал нужную реакцию.

— И что же нам следует предпринять теперь, доктор Кэлвин?

— Не позволим ему притвориться в следующий раз. Мы повторим эксперимент, но с одним изменением. Человек будет отделен от роботов проводами, через которые будет пропущен ток высокого напряжения — достаточно высокого, чтобы уничтожить Нестора. Проводов надо натянуть столько, чтобы робот не мог через них перепрыгнуть. И роботам будет заранее хорошо известно, что прикосновение к проводам означает для них гибель.

— Ну нет! — зло крикнул Богерт.— Я запрещаю это! Мы не можем уничтожить роботов на два миллиона долларов. Есть и другие способы.

— Вы уверены? Я их не вижу. Во всяком случае, дело не в том, чтобы их уничтожить. Можно устроить реле, которое отключит ток в тот момент, когда робот прикоснется к проводу. Тогда он не будет уничтожен. Но он об этом знать не будет, понимаете?

В глазах генерала загорелась надежда.

— А это сработает?

— Должно сработать. При таких условиях Нестор-10 должен остаться на месте. Ему можно приказать коснуться провода и погибнуть, потому что Второй закон, требующий повиновения, сильнее Третьего закона, заставляющего его беречь себя. Но ему ничего не будет приказано — все будет оставлено на его собственное усмотрение. Нормальных роботов Первый закон заставит пойти на гибель ради спасения человека даже без особого приказания. Но не нашего Нестора-10! Он не подвластен Первому закону, а приказаний никаких не получит. И он будет руководствоваться Третьим законом, законом самосохранения, а значит, должен будет остаться на месте. Вынужденная реакция!

— Мы займемся этим сегодня?

— Сегодня вечером. Если успеют сделать проводку. Я пока скажу роботам, что их ждет.

На стуле молча, неподвижно сидел человек. Груз сорвался с крюка, обрушился вниз, а в последний момент отлетел в сторону под внезапным, точно рассчитанным ударом могучего силового луча.

Только один раз.

А доктор Сьюзен Кэлвин, наблюдавшая за роботами из будки на галерее, вскрикнув от ужаса, вскочила со складного стула.

Шестьдесят три робота спокойно сидели в своих кабинах, уставясь, как сычи, на рисковавшего жизнью человека. Ни один из них не двинулся с места.

Доктор Кэлвин была рассержена настолько, что еле сдерживалась. А сдерживаться было необходимо, потому что один за другим в комнату входили роботы. Она сверилась со списком. Только что вышел двадцать седьмой. Сейчас должен был появиться двадцать восьмой. Оставалось еще тридцать пять.

Номер двадцать восьмой робко вошел в комнату. Она заставила себя более или менее успокоиться.

— Кто ты?

Тихо и неуверенно робот ответил:

— Я еще не получил собственного номера, мэм. Я робот модели НС-2 и в очереди был двадцать восьмым. Вот бумажка, которую я вам должен передать.

— Ты сегодня еще не был здесь?

— Нет, мэм.

— Сядь. Я хочу задать тебе, номер двадцать восьмой, несколько вопросов. Был ли ты около четырех часов назад в радиационной камере второго корпуса?

Робот ответил с трудом. Голос его скрипел, как несмазанный механизм.

— Да, мэм.

— Там был человек, который подвергался опасности?

— Да, мэм.

— Ты ничего не сделал?

— Ничего, мэм.

— Из-за твоего бездействия человеку мог быть причинен вред. Ты это знаешь?

— Да, мэм. Но я ничего не мог сделать.

Трудно представить себе, как может съежиться от страха большая, лишенная всякого выражения металлическая фигура, но это выглядело именно так.

— Я хочу, чтобы ты рассказал мне, почему ты ничего не сделал, чтобы спасти его.

— Я хочу вам объяснить, мэм. Я никак не хочу, чтобы вы... чтобы кто угодно думал, что я мог бы как-нибудь причинить вред хозяину. Нет-нет, это было бы ужасно, невообразимо...

— Пожалуйста, не волнуйся. Я ни в чем тебя не виню. Я только хочу знать, что ты подумал в этот момент.

— Прежде чем это произошло, вы, мэм, сказали нам, что один из хозяев будет в опасности из-за падения этого груза и что нам придется прорваться через электрические провода, чтобы ему помочь. Это-то меня не остановило бы. Что значит моя гибель по сравнению с безопасностью хозяина? Но... но мне пришло в голову, что, если я погибну на пути к нему, я все равно не смогу его спасти. Груз раздавит его, а я буду мертв, и, может быть, когда-нибудь другому хозяину будет причинен вред, от которого я мог бы его спасти, если бы остался жив. Понимаете, мэм?

— Ты хочешь сказать, что тебе пришлось выбирать: или погибнуть человеку, или тебе вместе с человеком. Так?

— Да, мэм. Хозяина нельзя было спасти. Можно было считать, что он уже мертвый. Но тогда получилось бы, что я уничтожу себя без всякой цели. И без приказания. А так нельзя.

Сьюзен Кэлвин покрутила в пальцах карандаш. Это же рассуждение — с незначительными вариациями — она слышала уже двадцать семь раз. Наступило время задать главный вопрос.

— Пожалуй, в этом есть логика. Но я не думаю, чтобы ты был способен так рассуждать. Это пришло в голову тебе самому?

Робот поколебался.

— Нет.

— Кто же до этого додумался?

— Мы вчера ночью поговорили, и одному из нас пришла в голову эта мысль. Она звучала разумно.

— Которому из вас?

Робот задумался.

— Не знаю. Кому-то из нас.

Она вздохнула.

— Это все.

Следующим был двадцать девятый. Осталось еще тридцать четыре.

Генерал-майор Кэллнер тоже был крайне раздражен. Уже неделя как всякая деятельность на Гипербазе прекратилась, если не считать кое-какой бумажной работы на вспомогательных астероидах. Уже почти неделя как два ведущих специалиста осложняют положение бесплодными экспериментами. А теперь они — во всяком случае, эта женщина — являются к нему с совершенно невозможным предложением. Впрочем, Кэллнер понимал, что дать волю гневу было бы неосторожно.

Сьюзен Кэлвин настаивала:

— Но почему же нет, сэр? Не подлежит никакому сомнению, что существующее положение крайне опасно. Единственный способ достигнуть результатов, если мы еще не упустили время,— разделить роботов. Их больше нельзя держать вместе.

— Дорогая доктор Кэлвин,— заговорил генерал необыкновенно низким голосом,— я не представляю себе, где я мог бы разместить отдельно друг от друга шестьдесят три робота.

Доктор Кэлвин беспомощно развела руками.

— Тогда я бессильна. Нестор-10 будет или повторять действия других роботов, или уговаривать их не делать того, что он сам сделать не может. В любом случае дело пло-

хо. Мы вступили в борьбу с этим роботом, и он побеждает. А каждая победа усугубляет его ненормальность.— Она решительно встала.— Генерал Кэллнер, если вы не разделите роботов, мне останется только потребовать немедленно их уничтожить. Все шестьдесят три.

— Ах, потребовать? — Богерт сердито взглянул на нее.— А какое вы имеете право предъявлять требования? Эти роботы останутся там, где они находятся. Я отвечаю перед дирекцией, а не вы.

— А я,— добавил генерал-майор Кэллнер,— отвечаю перед моим начальством, и этот вопрос должен быть улажен.

— В таком случае,— вспылила Кэлвин,— мне остается одно: подать в отставку. И если для того, чтобы заставить вас их уничтожить, придется предать гласности всю эту историю, я это сделаю. Это не я дала санкцию на изготовление модифицированных роботов.

— Доктор Кэлвин,— произнес генерал негромко,— если вы хоть одним словом нарушите распоряжение о неразглашении, вы будете немедленно арестованы.

Богерт почувствовал, что теряет контроль над ситуацией. Он вкрадчиво произнес:

— Ну ладно, не будем вести себя как дети. Нам нужно еще немного времени. Не может же быть, чтобы мы не смогли перехитрить робота, не подавая в отставку, не арестовывая людей и ничего не уничтожая.

Сьюзен Кэлвин в ярости повернулась к нему:

— Нельзя допускать, чтобы существовали неуравновешенные роботы! А у нас на руках один заведомо неуравновешенный Нестор, еще одиннадцать потенциально неуравновешенных и шестьдесят два нормальных робота, которые общались с неуравновешенным. Единственный абсолютно надежный путь — это полное их уничтожение!

Разговор прервало жужжание звонка. Гневный поток прорвавшихся чувств застыл в неподвижности.

— Войдите,— буркнул Кэллнер.

Это был Джеральд Блэк, явно чем-то встревоженный.

— Я решил, что мне лучше зайти самому... я не хотел никому говорить...— начал он.

— В чем дело? Короче.

— Кто-то пытался открыть замки третьего отсека грузового корабля. На них свежие царапины.

— Третий отсек? — быстро откликнулась Кэлвин.— Тот, где находятся роботы? Кто мог это сделать?

— Изнутри,— коротко ответил Блэк.

— Замки испорчены?

— Нет, целы. Я уже четыре дня нахожусь на корабле, и за это время никто из роботов не пытался уйти. Но я решил, что вам следует это знать, а больше никому я ничего не говорил. Царапины обнаружил я сам.

— Там есть кто-нибудь? — спросил генерал.

— Роббинс и Мак-Адамс.

Наступило напряженное молчание. Потом доктор Кэлвин иронически произнесла:

— Ну?

Кэллиер растерянно потер переносицу.

— А что произошло?

— Разве не ясно? Нестор-10 собирается нас покинуть. Приказание исчезнуть сделало его безнадежно ненормальным. Я не удивлюсь, если то, что осталось у него от Первого закона, не сможет воспрепятствовать этому стремлению. С него станется захватить корабль и на нем улететь. Тогда у нас будет сумасшедший робот на космическом корабле. А что он сделает дальше? Вы знаете? И вы, генерал, по-прежнему намерены оставить их всех вместе?

— Чепуха,— прервал ее Богерт. К нему уже вернулось прежнее спокойствие.— Все это из-за нескольких царапин на замке?

— Доктор Богерт, раз вы высказываете свое мнение, то вы, очевидно, закончили анализ, который я просила вас сделать?

— Да.

— Можно мне посмотреть?

— Нет.

— Почему? Или спрашивать об этом тоже нельзя?

— Потому что, Сьюзен, в этом нет никакого смысла. Я заранее сказал, что эти модифицированные роботы ме-

нее стабильны, чем нормальная модель, и мой анализ подтверждает это. Есть некоторая, очень незначительная, возможность выхода из строя при исключительных обстоятельствах, которые маловероятны. Этого достаточно. Я не собираюсь давать основания для вашего нелепого требования уничтожить шестьдесят два хороших робота только потому, что вы до сих пор не способны найти среди них Нестора-10.

Кэлвин смерила его полным презрения взглядом.

— Не хотите лишить себя возможности когда-нибудь стать директором, так, что ли?

— Перестаньте, пожалуйста,— сердито вмешался Кэллнер.— Доктор Кэлвин, вы считаете, что больше ничего сделать нельзя?

— Ничего другого придумать не могу,— устало ответила она.— Если бы Нестор-10 отличался от нормальных роботов хоть чем-нибудь еще помимо Первого закона... Пусть даже незначительно. Ну, обучением, приспособленностью к среде, специальностью...

Она внезапно замолчала.

— В чем дело?

— Я подумала... Пожалуй...— Ее взгляд снова стал твердым и пристальным.— Слушайте, Питер. Эти модифицированные Несторы проходят такое же первичное обучение, что и нормальные?

— Да. В точности такое же.

— Мистер Блэк,— она повернулась к молодому человеку, который молчал, пережидая вызванную его сообщением бурю.— Вы что-то там говорили... В тот раз, когда вы жаловались на чувство превосходства у Несторов, вы сказали, что техники обучили их всему, что знают сами.

— Да, по физике поля. Когда роботы прибывают сюда, они в этом ничего не понимают.

— Верно! — вдруг сказал Богерт.— Помните, я говорил вам, Сьюзен, что, когда я опрашивал других Несторов, выяснилось, что двое из них, прибывшие позже всех, не успели изучить физику поля.

— Но почему? — спросила Кэлвин со все увеличивающимся возбуждением.— Почему модель НС-2 с самого начала не обучают физике поля?

— На это я могу вам ответить,— сказал Кэллнер.— Дело в секретности. Если бы выпускалась специальная модель, знающая физику поля, и двенадцать экземпляров этой модели мы использовали здесь, а остальные работали бы в других областях, это могло бы возбудить подозрение. Люди, которым пришлось бы иметь дело с нормальными Несторами, могли бы задуматься, зачем им понадобилось знать физику поля. Поэтому роботов обучали лишь общим основам, а доучивали на месте. И конечно, доучивали только тех, которые попадали сюда. Это очень просто.

— Все ясно. Пожалуйста, уйдите отсюда. Все трое. Мне нужно около часа, чтобы спокойно подумать.

Сьюзен Кэлвин чувствовала, что не сможет в третий раз выдержать это испытание. Она попыталась представить себе, как это будет, и почувствовала настолько сильное отвращение, что ее даже затошнило. Она больше не в силах допрашивать эту бесконечную вереницу одинаковых роботов.

Поэтому теперь вопросы задавал Богерт, а она сидела рядом, полузакрыв глаза, и рассеянно слушала.

Вошел номер четырнадцатый — оставалось еще сорок девять.

Богерт поднял глаза от бумаг и спросил:

— Какой твой номер в очереди?

— Четырнадцатый, сэр.— Робот предъявил свой номерок.

— Садись. Ты сегодня еще не был здесь?

— Нет, сэр.

— Так вот, вскоре после того, как мы кончим, еще один человек подвергнется опасности. Когда ты выйдешь отсюда, тебя отведут в кабину, где ты будешь спокойно ждать, пока не понадобишься. Ты понял?

— Да, сэр.

— Если человек окажется в опасности, ты попытаешься его спасти?

— Конечно, сэр.

— К несчастью, между тобой и этим человеком будет барьер из гамма-лучей.

Молчание.

— Ты знаешь, что такое гамма-лучи? — резко спросил Богерт.

— Какое-то излучение, сэр?

Следующий вопрос был задан дружеским тоном, как бы между прочим:

— Ты когда-нибудь имел дело с гамма-лучами?

— Нет, сэр,— без колебаний ответил робот.

— Гм... Ну так вот, гамма-лучи мгновенно убьют тебя. Они уничтожат твой мозг. Ты должен это знать и помнить. Конечно, ты не хочешь быть уничтоженным.

— Естественно.— Робот, казалось, был потрясен. Потом он медленно произнес: — Но, сэр, если между мной и хозяином, которому будет грозить опасность, окажутся гамма-лучи, то как я могу его спасти? Я просто бесполезно погибну.

— Да, это верно.— Богерт сделал вид, что задумался над этим.— Я могу посоветовать тебе только одно. Если ты обнаружишь, что между тобой и человеком гамма-излучение, можешь остаться на месте.

Робот явно почувствовал облегчение.

— Спасибо, сэр. Ведь тогда нет никакого смысла...

— Разумеется. Но если никакого опасного излучения не будет, тогда другое дело.

— Конечно, сэр. Без всякого сомнения.

— Теперь можешь идти. Там, за дверью, ждет человек, который отведет тебя в кабину.

Когда робот вышел, Богерт повернулся к Сьюзен Кэлвин:

— Ну как, Сьюзен?

— Очень хорошо,— ответила она вяло.

— А может быть, мы сумели бы поймать Нестора-10, быстро задавая вопросы по физике поля?

— Может быть, но не наверное.— Ее руки бессильно лежали на коленях.— Имейте в виду, он борется против нас. Он настороже. Единственный способ поймать его — хитрость. А думать он способен — в пределах своих возможностей — гораздо быстрее, чем человек.

— А все-таки, не стоит ли попробовать задавать роботам по нескольку вопросов о гамма-лучах? Скажем, длины волн?

— Нет! — Глаза доктора Кэлвин вспыхнули.— Ему очень легко скрыть свои знания, и тогда он будет предупрежден об испытании, которое его ждет. А это наш единственный верный шанс. Пожалуйста, Питер, задавайте те вопросы, которые составила я, и не импровизируйте. Рискованно даже спрашивать, имели ли они дело с гамма-лучами. Постарайтесь говорить об этом еще более безразлично.

Богерт пожал плечами и нажал кнопку, вызывая номер пятнадцатый.

Большая радиационная камера снова была в полной готовности. Роботы терпеливо ждали в открытых спереди деревянных кабинах.

Доктор Кэлвин согласовывала последние детали с Блэком, а генерал-майор Кэллнер медленно вытирал пот со лба большим платком.

— Вы уверены,— настаивала Сьюзен,— что ни один из роботов не имел возможности разговаривать с другим после опроса?

— Абсолютно уверен,— ответил Блэк.— Они не обменялись ни единым словом.

— И каждый помещен в предназначенную для него кабину?

— Вот план.

Психолог задумчиво поглядела на чертеж.

— Гм-м...

Генерал заглянул через ее плечо.

— По какому принципу их разместили, доктор Кэлвин?

— Я попросила, чтобы тех роботов, которые проявили хоть малейшие отклонения во время предыдущих испытаний, на этот раз поместили по одну сторону круга. Я сама буду сидеть в центре и хочу следить за ними особенно внимательно.

— Вы будете сидеть там? — воскликнул Богерт.

— А почему бы и нет? — холодно возразила она.— То, что я надеюсь увидеть, может продолжаться одно мгновение. Я не хочу рисковать и должна смотреть сама. Питер, вы будете на галерее, и я прошу вас следить за роботами на другой стороне круга. Генерал Кэллнер, я организовала киносъемку каждого робота на случай, если мы ничего не заметим. Если понадобится, пусть роботы остаются на месте, пока мы не проявим и не изучим пленки. Ни один из них не должен уходить или передвигаться по залу. Понимаете?

— Вполне.

— Тогда приступим — в последний раз...

На стуле молча сидела Сьюзен Кэлвин. В глазах ее было заметно беспокойство. Груз сорвался с крюка, обрушился вниз, а в последний момент отлетел в сторону под внезапным, точно рассчитанным ударом могучего силового луча.

Один из роботов сорвался с места и сделал два шага вперед.

Потом он остановился.

Но доктор Кэлвин тоже вскочила со стула. Ее указательный палец был властно направлен на робота.

— Нестор-10, подойди сюда! — крикнула она.— Иди сюда! ИДИ СЮДА!

Медленно, неохотно робот шагнул вперед. Не сводя с него взгляда, Кэлвин громко отдавала распоряжения:

— Пусть кто-нибудь уведет отсюда всех остальных роботов. Скорее!

Она услышала за спиной шум, топот тяжелых ног по полу, но не обернулась.

Нестор-10 — если это был Нестор-10,— повинуясь ее повелительному жесту, сделал еще шаг, потом еще два.

Он был метрах в трех от нее, когда раздался его хриплый голос:

— Мне велели скрыться...

Пауза.

— Я не могу ослушаться. Меня столько времени не могли обнаружить... Он подумает, что я ничтожество... Он сказал мне... Но он не прав... Я могуч и умен...

Его речь была отрывистой. Он сделал еще шаг.

— Я много знаю... Он подумает... Меня обнаружили... Позор... Только не меня... Я умен... И обыкновенный человек... такой слабый... медлительный...

Еще шаг — и металлическая рука внезапно легла на плечо Сьюзен Кэлвин. Она почувствовала, как тяжесть руки придавливает ее к полу.

Ее горло сжалось, и она услышала свой собственный пронзительный крик.

Как сквозь туман, доносились слова Нестора-10:

— Никто не должен обнаружить меня. Ни один хозяин...

Холодный металл давил ее, она сгибалась под его весом...

Потом раздался странный металлический звук. Сьюзен Кэлвин упала на пол, не почувствовав удара. На ее теле тяжело лежала сверкающая рука. Рука не двигалась. Не двигался и сам Нестор-10, распростертый рядом с ней.

Над ней склонились встревоженные лица. Джеральд Блэк спрашивал, задыхаясь:

— Он ударил вас, доктор Кэлвин?

Она слабо покачала головой. С нее сняли руку робота и осторожно помогли подняться.

— Что случилось?

Блэк сказал:

— Я на пять секунд включил гамма-лучи. Мы не понимали, что происходит, и только в последнюю минуту сообразили, что он напал на вас. Другого выхода не оставалось. Он погиб мгновенно. Но для вас это безопасно. Не беспокойтесь.

— Я не беспокоюсь.— Она закрыла глаза и на мгновение прислонилась к его плечу.— Не думаю, чтобы это

действительно было нападение. Он только попытался. Но то, что осталось от Первого закона, все еще удерживало его.

С того дня, как Сьюзен Кэлвин и Питер Богерт впервые встретились с генерал-майором Кэллнером, прошло две недели.

Работа на Гипербазе возобновилась. Грузовой космолет с шестьюдесятью двумя нормальными НС-2 продолжал свой прерванный путь, имея официальное объяснение двухнедельной задержки.

Правительственный корабль готовился доставить обоих роботехников обратно на Землю.

Кэллнер снова был в парадной форме. Его перчатки сверкали белизной, когда он пожимал руки.

Кэлвин сказала:

— Остальных модифицированных Несторов, конечно, нужно уничтожить.

— Они будут уничтожены. Мы попробуем заменить их обычными или, в крайнем случае, обойдемся вообще без роботов.

— Хорошо.

— Но скажите мне... Вы ничего не объяснили. Как вы этого добились?

Она улыбнулась сжатыми губами.

— А, вот вы про что... Я бы сказала вам заранее, если бы была твердо уверена в успехе. Видите ли, Нестор-10 обладал комплексом превосходства, который все усиливался. Ему было приятно думать, что он и другие роботы знают больше, чем люди. Для него становилось очень важно так думать. Мы знали это. Поэтому мы заранее предупредили каждого робота, что гамма-лучи для него смертельны и что они будут отделять его от меня. Все, естественно, остались на месте. Пользуясь доводами Нестора-10 для предыдущего опыта, они все решили, что нет смысла пытаться спасти человека, если они наверняка погибнут, прежде чем до него доберутся.

— Да, доктор Кэлвин, это я понимаю. Но почему сам Нестор-10 покинул свое место?

— А! Мы с вашим молодым мистером Блэком приготовили небольшой сюрприз. Видите ли, между мной и роботами были не гамма-лучи, а инфракрасные. Обычное тепловое излучение, абсолютно безобидное. Нестор-10 знал это и ринулся вперед. Он ожидал, что и остальные поступят так же, повинуясь Первому закону. Только через какую-то долю секунды он вспомнил, что обычный НС-2 способен обнаружить наличие излучения, но не его характер. Что среди них только он один может определять длину волн, и этим он обязан обучению, которое прошел на Гипербазе под руководством обыкновенных людей. Эта мысль не сразу пришла ему в голову, потому что была для него слишком унизительной. Обычные роботы знали, что пространство, отделяющее их от меня, гибельно для них, потому что мы им это сказали, и только Нестор-10 знал, что мы солгали. И на миг он забыл или не захотел вспомнить, что другие роботы могут знать меньше, чем люди... Комплекс превосходства погубил его. Прощайте, генерал!

Разрешимое противоречие

Личный кабинет Координатора украшала средневековая диковинка — камин. Правда, положа руку на сердце, вряд ли средневековый житель признал бы в этом устройстве камин. Назначение камина было исключительно декоративным. Мирное, ласковое пламя горело в облицованном асбестом углублении за кварцевым стеклом.

Поленья в камине загорались под воздействием того же лазерного луча, что снабжал энергией весь город. Довольно было простого нажатия кнопки, чтобы освободить камин от золы и снабдить новой порцией топлива. Словом, это был самый мирный, самый укрощенный камин, какой только можно себе представить.

А вот огонь в нем был самый настоящий! Из встроенного динамика доносилось мягкое потрескивание горящих поленьев, сквозь идеально прозрачное стекло было видно само пламя, весело пляшущее в струе подававшегося воздуха.

Координатор сидел лицом к камину, и в толстых стеклах его очков в миниатюре отражалась причудливая игра пламени. То же пламя играло и в зрачках его задумчивых глаз, и в зрачках глаз его гостьи, доктора Сьюзен Кэлвин из «Ю. С. Роботс энд мекэникл мен корпорейшн».

— Вы, наверное, догадываетесь, Сьюзен, что ваш визит носит не только светский характер,— сказал Координатор.

— Конечно, догадываюсь, Стивен,— ответила она.

— Прямо не знаю, с чего начать. С одной стороны, вроде бы не происходит ничего особенного. Но с другой стороны, человечеству может грозить катастрофа.

— Если бы вы знали, Стивен, сколько раз ко мне обращались с подобными проблемами! У меня складывается впечатление, что так или иначе все проблемы таковы.

— Правда? Ну что ж, тогда попробуем разобраться в этой... «Всемирная сталелитейная» сообщает о перепроизводстве в размере двадцати тысяч тонн проката. Мексиканский канал отстает от графика ввода в строй на два месяца. Разработки ртути в Альмадене с прошлой весны неуклонно снижают объем добычи, а с гидропонных плантаций в Тяньцзине массовым порядком увольняют персонал. Я назвал первое, что пришло в голову, а фактов таких — полна коробочка.

— А это серьезные отклонения? Я же не экономист, чтобы судить о последствиях.

— Каждое в отдельности — не слишком. Если ухудшится ситуация в Альмадене, туда можно будет послать специалистов по горному делу. Уволенные гидропонисты могут быть назначены на Яву и Цейлон, если уж в Тяньцзине их стало многовато. Двадцать тысяч тонн проката не покроют и двухдневной мировой потребности, а ввод в строй Мексиканского канала на два месяца позже намеченного срока погоды не делает. Меня волнуют Машины. Я уже побеседовал об этом с вашим руководителем исследовательского отдела.

— С Винсентом Силвером? Он мне ни слова не говорил.

— Я просил его никому не говорить о нашей беседе. Видимо, он меня послушался.

— И что же он вам ответил?

— Если не возражаете, Сьюзен, сначала я хотел бы обсудить с вами ситуацию с Машинами. Я хочу поговорить о них, потому что вы — единственный человек в мире, который настолько хорошо знает роботов, чтобы помочь мне сейчас. Вы не против, если я немного пофилософствую?

— Ради бога, Стивен, я готова выслушать что угодно, при условии, что вы посвятите меня в то, что хотите доказать.

— Ну... Видите ли, незначительные на вид нарушения равновесия в системе производства и потребления, которые я только что перечислил, могут быть первым шагом к последней войне.

— Продолжайте, Стивен.

Сьюзен Кэлвин не позволяла себе расслабиться даже в удобном кресле. Ее холодное лицо, тонкие губы, ровный, без всяких эмоций голос с годами стали еще суше, еще жестче. И хотя Стивен Байерли был единственным человеком, который ей по-настоящему нравился, которому она доверяла, она и с ним вела себя так же, как с остальными,— ведь ей уже перевалило за шестьдесят, а привычки с годами не проходят, а, наоборот, укрепляются.

— Каждая эпоха в развитии человечества,— начал Координатор,— характеризовалась собственным определенным видом конфликтов — набором проблем, которые, как казалось, могли быть разрешены только путем применения силы. И всякий раз, увы, оказывалось, что применение силы вовсе не приносит решения проблемы. Наоборот, противоречие вызывало еще многочисленные конфликты, а потом разрешалось само собой — как говорится, тихой сапой,— по мере того, как изменялись экономические и социальные условия. Потом назревали новые проблемы, и начиналась новая полоса войн,— казалось бы, этот цикл бесконечен. Вспомните сравнительно недавние времена. В шестнадцатом—восемнадцатом столетиях шли бесконечные династические войны, и главным для Европы был вопрос о том, кто будет ею править: Габсбурги или Валуа-Бурбоны. Противоречие было неразрешимым, поскольку считалось, что не может одна половина Европы быть под властью одной династии, а другая половина — другой. Тем не менее именно такая ситуация существовала до Великой французской революции, когда сначала Бурбоны, а вслед за ними и Габсбурги были отправлены на свалку истории. Тогда же Евро-

пу раздирали еще более страшные войны — религиозные: они призваны были решить, быть Европе католической или протестантской, поскольку, как считалось, той и другой одновременно она быть не может. И конечно же, такое неразрешимое противоречие могло быть урегулировано только огнем и мечом. Однако и тут сила ничего не решила. В Англии началась промышленная революция, а на континенте взяли верх националистические настроения. По сей день Европа наполовину католическая, наполовину протестантская, но это никого не волнует. В девятнадцатом—двадцатом веках разразились националистическо-империалистические войны, и самым важным стал вопрос о переделе мира в борьбе за рынки сбыта и источники сырья между странами Европы. Тогда казалось, что мир не может существовать, не будучи поделенным между Англией, Францией и Германией. Но никакие войны не привели к тому, чего в конце концов добились сами неевропейские страны, когда в них выросли национально-освободительные движения и они решили, что запросто проживут без всякой Европы. Итак, мы имеем четкую картину...

— Да, Стивен, ваши доводы доказательны, хотя и нельзя сказать, что это особенно глубокие умозаключения.

— Неглубокие, согласен. Но, увы, самые очевидные вещи как раз хуже всего и доходят до сознания людей. И вот в двадцатом веке, Сьюзен, началась новая полоса войн. Как их назвать? Идеологические? Не знаю. Религиозные страсти наложились на экономические воззрения, и снова войны стали «неизбежны», и на этот раз на сцену истории вышло атомное оружие. Казалось, человечество не выживет, будет катиться все ниже и ниже под уклон неизбежности. И тогда были созданы позитронные роботы. Они появились как раз вовремя, и примерно тогда же были начаты межпланетные перелеты... И сразу стало совершенно безразлично, кто умнее — Адам Смит или Карл Маркс.

— «Бог из машины» явился — в прямом и переносном смысле,— сухо прокомментировала Сьюзен Кэлвин.

— Никогда раньше не слышал от вас каламбуров, Сьюзен, но вы правы. Но и теперь мы не гарантированы от опасностей. Разрешение одной проблемы всегда неминуемо влекло за собой появление другой. Наша всемирная роботизированная экономика не застрахована от проблем, и поэтому были созданы Машины. Экономика Земли стабильна и останется стабильной, будучи основанной на решениях Машин, которые производят расчеты и дают рекомендации, исходя исключительно из соображений пользы для человечества, руководствуясь при этом Первым законом роботехники. И хотя Машины,— продолжал Координатор,— представляют собой сложнейшие конгломераты вычислительной техники, когда-либо существовавшие, тем не менее в свете Первого закона они — такие же роботы, и потому вся земная экономика существует и развивается в соответствии с жизненными интересами человечества. Население Земли знает, что ему не грозит безработица, перепроизводство, недостаток чего-либо. Нищета, голод — слова из учебников истории. Таким же архаизмом становится и понятие собственности на средства производства. Кто бы ими ни владел (если это еще имеет смысл) — человек, группа людей, нация или все человечество,— любые средства производства могут быть использованы только в соответствии с указаниями Машин. Не потому, что людей принудят поступить так или иначе, а потому, что Машины всегда выбирают самый мудрый, самый оптимальный путь, и люди об этом знают. Это означает, что всем войнам на свете — конец. Если только...

Координатор умолк, и Сьюзен Кэлвин нетерпеливо поторопила его:

— Если только...

— Если только,— закончил Координатор,— Машины не перестанут выполнять свои функции.

— Ясно. Значит, именно этим вы объясняете все эти загадочные неполадки — в сталепрокатной промышленности, гидропонике и так далее?

— Да, Сьюзен. Подобных ошибок не должно быть! Но... доктор Силвер сказал мне, что и не может быть!

— Он что, отрицает очевидное? Не похоже на него.

— Нет, Сьюзен, факты он не отрицает. Я, наверное, не так выразился. Он наотрез отказывается признать, что Машины могут давать неверные ответы. Он утверждает, что Машины устроены так, что сами исправляют собственные ошибки, и что наличие ошибки в соединениях и реле может быть следствием лишь нарушения основных законов природы. Но все-таки я ему сказал...

— Но все-таки вы сказали: «Пусть ваши мальчики все проверят еще разок».

— Сьюзен, вы читаете мои мысли. Именно так я ему и сказал, но он ответил, что это невозможно.

— Что, слишком занят?

— Нет, дело не в этом. Он сказал, что на это не способен ни один человек. Он был со мной откровенен. Он мне объяснил,— и я искренне надеюсь, что понял его правильно,— что Машины представляют собой колоссальную экстраполяцию. То есть: бригада математиков несколько лет упорно трудится над созданием позитронного мозга, способного производить определенные расчеты. С помощью результатов этих расчетов они потом создают еще более сложный мозг, который предназначен для произведения еще более сложных расчетов и создания еще более сложного мозга, и так далее. Судя по тому, что мне сказал доктор Силвер, то, что мы называем Машинами, является результатом десяти таких последовательных операций.

— Да-а, дело знакомое,— кивнула Сьюзен.— Какое счастье, что я не математик. Бедный Винсент. Он еще так молод. У руководителей исследовательского отдела до него таких трудностей не было. И у меня тоже. Мне кажется, сегодня роботехники плохо разбираются в своих собственных творениях.

— Пожалуй, вы правы. Машины — это вовсе не простой супермозг, как о них пишут в воскресных приложениях. Ситуация такова, что, собирая и анализируя бесконечное количество данных за немыслимо короткое время, они лишили людей возможности их проверить.

Тогда я решил предпринять другую попытку. Я сделал запрос самой Машине. В обстановке строжайшей секретности мы ввели в Машину исходные данные, которые она сама в свое время использовала для принятия решения в области сталепрокатной промышленности, ее собственное решение и информацию о последствиях принятого решения — то бишь о перепроизводстве — и попросили объяснить случившееся.

— Ну, и каков же был ответ? — с нескрываемым интересом спросила Сьюзен Кэлвин.

— Я могу процитировать вам его слово в слово: «Суть дела не подлежит объяснению».

— И что на это сказал Винсент?

— Он сказал, что возможны два варианта. Либо мы не дали Машине достаточно данных, чтобы она могла дать более четкий ответ, что, естественно, маловероятно. Это доктор Силвер сам признал. Либо Машина не захотела признать, что она могла принять на основании введенных данных такое решение, которое, противореча Первому закону роботехники, могло бы нанести вред людям. А потом доктор Силвер порекомендовал мне посоветоваться с вами.

Сьюзен Кэлвин устало усмехнулась.

— Стара я уже, Стивен. Было время, помните — вы хотели назначить меня руководительницей исследовательского отдела, и я отказалась. Я и тогда была немолода, и мне не хотелось брать на себя такую ответственность. Тогда на этот пост пригласили молодого Силвера, и меня это устроило. Но видно, толку мало, раз меня все равно втягивают в эти дела. Позвольте мне, Стивен, изложить свою точку зрения. Проводимые мной исследования действительно касаются поведения роботов в свете Трех законов роботехники. В данный момент мы говорим о достигших невероятной сложности вычислительных устройствах. Они — позитронные роботы и, следовательно, повинуются Законам. Однако они не являются личностями, то есть функции их чрезвычайно ограниченны. Так и должно быть, поскольку они узкоспециализирова-

ны. Это почти не оставляет места для взаимодействия Законов, и мой метод исследования тут практически бесполезен. Короче говоря, не думаю, что могу помочь вам, Стивен.

Координатор грустно усмехнулся.

— И все-таки, Сьюзен, позвольте мне рассказать вам остальное. Я изложу свои предположения, а вы тогда, может быть, скажете, насколько все это вероятно с точки зрения робопсихологии.

— Безусловно. Продолжайте.

— Итак, если Машины дают неверные ответы, а ошибаться не могут, остается только одна возможность: им дают неверную информацию! Другими словами, дело не в роботах, а в людях. Так что я отправился в планетарную инспекционную поездку...

— ...из которой только что вернулись в Нью-Йорк.

— Да. Это было необходимо, поскольку у нас четыре Машины и каждая из них отвечает за один из регионов Земли. И все четыре дают неверные ответы.

— Ну а вот это как раз совершенно закономерно, Стивен. Если хотя бы одна из Машин дает неверный ответ, ошибутся и остальные три — ведь они функционируют на основании допущения о том, что каждая из них в порядке. Если допущение неверно, и ответы будут неверны.

— Угу... Вот и мне так показалось. А теперь не посмотрите ли вы вместе со мной записи моих бесед с каждым из региональных вице-координаторов? Ах да, чуть не забыл... Приходилось ли вам слышать об организации под названием Общество защиты прав человека?

— Ах эти? Конечно. Они — последователи фундаменталистов, которые в свое время противились тому, чтобы «Ю. С. Роботс» использовала позитронных роботов, мотивируя это неправомерным вытеснением людей с рабочих мест. Теперь, насколько мне известно, Общество защиты прав человека борется с Машинами.

— Да, да, но... В общем, сами увидите. Давайте начнем с Восточного региона.

— Как вам угодно, Стивен.

ВОСТОЧНЫЙ РЕГИОН:
площадь 7500 000 кв. миль
население 1 700 000 000 человек
столица — Шанхай

Прадед Чинь Со-линя погиб в Китайской Республике во время японской интервенции, и никто, кроме его любящих детей, не оплакал его кончину — никто и не знал, где он погиб. Дед Чинь Со-линя пережил суровые годы гражданской войны в конце сороковых, но никто, кроме его любящих детей, не знал этого и не интересовался этим.

И все же Чинь Со-линь стал региональным вице-координатором, и его заботам было вверено экономическое благосостояние половины населения Земли.

Возможно, именно память о предках побудила Чинь Со-линя повесить на стену своего кабинета две карты — их единственное украшение. Одна из них представляла собой старинный нарисованный от руки план земельного участка площадью в один или два акра. Надписи на карте были сделаны давно вышедшими из употребления иероглифами. На ней были изображены крошечный ручеек и низенькие фанзы — в одной из таких родился дедушка Чиня.

Вторая карта была огромная и современная, с четкими обозначениями и надписями на кириллице. Красная линия границы Восточного региона окружала территории, что были когда-то Китаем, Индией, Бирмой, Индокитаем и Индонезией. Только где-то в уголке древней провинции Сычуань стояла крошечная пометка — никто, кроме Чиня, не заметил бы ее,— там находился земельный надел его далеких предков.

Стоя перед этими картами, Чинь беседовал со Стивеном Байерли на чистейшем английском языке.

— Кому, как не вам, знать, господин Координатор, что моя работа — по большому счету — синекура. Она дает мне определенное общественное положение, а местонахождение моего офиса удобно для администрации, но

в остальном — все делает Машина! Скажите, к примеру, каково ваше мнение о гидропонных установках в Тяньцзине?

— Грандиозно!

— А ведь это только одна из десятков подобных установок, и не самая большая. Шанхай, Калькутта, Батавия, Бангкок... Их множество, и они кормят миллиард семьсот миллионов человек на Востоке.

— Но тем не менее именно в Тяньцзине возникла проблема безработицы. Неужели стало возможным перепроизводство? Трудно поверить, чтобы Азия страдала избытком продуктов питания.

Узкие темные глаза Чиня стали еще уже.

— Нет. До этого пока далеко. Действительно, в последние месяцы в Тяньцзине пришлось закрыть несколько резервуаров, но ничего страшного, уверяю вас. Люди были уволены временно. Те, кто пожелал остаться на работе в области гидропоники, тут же получили направления на работу в Коломбо, на Цейлон: там как раз вступает в строй новая установка.

— И все-таки, почему были закрыты резервуары?

Чинь ласково улыбнулся.

— Вероятно, вы не очень хорошо разбираетесь в гидропонике. Впрочем, ничего удивительного в этом нет. Вы северянин, а у вас до сих пор отдают предпочтение выращиванию растений в открытом грунте. На Севере если и задумываются о гидропонике, то считают ее выращиванием растений в химических растворах. В принципе, так оно и есть. Только выращиваем мы не турнепс и не морковку. Все гораздо сложнее, поверьте. Предмет нашего самого большого внимания, продукт, дающий основную массу урожая,— это дрожжи. В настоящее время мы выращиваем более двух тысяч видов дрожжей, и каждый месяц добавляются новые. Основными компонентами питательных сред для выращивания дрожжей являются нитраты и фосфаты. Наряду с ними добавляются микроскопические количества редкоземельных элементов — бора и молибдена, к примеру. Органической составляющей питательных растворов служит сахар, получаемый

путем гидролиза целлюлозы. Помимо этого добавляются и другие питательные вещества. Для того чтобы гидропонная индустрия существовала и успешно развивалась, чтобы мы могли кормить почти два миллиарда человек, нам приходится заниматься постоянным восстановлением лесных массивов, следить за работой громадных деревоперерабатывающих комплексов в наших южных джунглях. Нам нужны энергия, сталь и в первую очередь химическое производство.

— Все ясно, кроме последнего. Для чего вам химикаты?

— Видите ли, мистер Байерли, каждый вид дрожжей обладает выраженными особенностями. На сегодняшний день, как я уже сказал, наш ассортимент составляют две тысячи видов. Вы сегодня ели бифштекс — он из дрожжей. Мороженые фрукты на десерт — это тоже дрожжи. Мы ухитрились разработать технологию приготовления дрожжевого раствора, который ни по вкусу, ни по внешнему виду, ни по пищевой ценности не отличается от молока. А ведь именно вкус, больше чем все остальное, делает дрожжевые продукты столь популярными. Именно ради вкуса мы выводим новые искусственные виды, для которых уже не годится основная диета — солевые и сахарные растворы. Одному из этих штаммов нужен биотин, другому — птероилглютаминовая кислота, третьему — еще семнадцать различных аминокислот, а также вся группа витаминов В. Это сложно, но тем не менее эти продукты очень популярны, и мы не можем позволить себе от них отказаться.

Байерли нетерпеливо поерзал в кресле.

— Но... зачем вы мне все это рассказываете?

— Вы же спросили у меня, сэр, почему люди в Тяньцзине остались без работы. Вот я и решил объяснить все подробно, чтобы вы поняли. Дело исключительно в переоборудовании резервуаров для обновления ассортимента. Всю стратегию осуществляет Машина.

— Однако осуществляет несовершенно.

— Видите ли... я бы не стал так говорить. Если учесть, сколько у нас сложностей, если вспомнить, что с каждым

днем их все больше... Да, действительно, в Тяньцзине несколько тысяч работников в настоящее время остались без работы. Однако потери вследствие закрытия резервуаров составили не более одной десятой процента от валового продукта. Я считаю, что это...

— Однако в первые годы работы Машины эта цифра не превышала одной тысячной процента.

— Да, но в первые же десять лет после ввода в эксплуатацию Машины мы увеличили объем выпускаемой продукции в двадцать раз! Проблемы становятся все более сложными, и вполне допустимы какие-то ошибки... Хотя...

— Хотя?

— Действительно, имел место довольно странный случай... Есть такой Рама Врасайяна...

— Что с ним стряслось?

— Врасайяна ведал процессом выпаривания рассола для получения йода — дрожжи без него вполне обходятся, но он нужен людям. Так вот, его завод был закрыт.

— В самом деле? И по какой причине?

— Конкуренция — хотите верьте, хотите нет. Одной из основных функций Машины является координация оптимального распределения производственных мощностей. Нельзя же, к примеру, допустить, чтобы какая-то территория плохо снабжалась из-за того, скажем, что процент прибыли не покрывал стоимости транспортных расходов. Точно так же недопустимо, чтобы какая-то территория снабжалась чрезмерно — это ведет к неполной загрузке мощностей или непроизводительной конкуренции. В случае, о котором я вам рассказываю, в том же городе, где работал завод Врасайяны, было начато строительство другого, более современного завода, который был оборудован модернизированной линией экстракции йода.

— И Машина позволила такому случиться?

— Да, конечно. Это как раз не удивительно. Ведь по новой технологии производство будет более эффективным. Гораздо более странно другое; почему Машина не порекомендовала Врасайяне модернизировать собствен-

ное производство, установить новую линию экстракции? Ничего страшного, правда, не произошло. На новом заводе Врасайяна получил должность инженера. Он немного проиграл в деньгах, но все-таки пострадал не так уж сильно. Легко нашли работу и рабочие прежнего завода, а старый был переоборудован во что-то полезное, точно не помню. Мы во всем положились на Машину.

— И других жалоб у вас нет?

— Никаких!

ТРОПИЧЕСКИЙ РЕГИОН:
площадь 22 000 000 кв. миль
население 500 000 000 человек
столица — Новый Город

Карта в кабинете Линкольна Нгомы была гораздо более небрежная, чем в шанхайской резиденции Чиня. Границы Тропического региона были очерчены там черным, тут коричневым и простирались вокруг громадных областей, помеченных просто как «джунгли» или «пустыни». Кое-где встречались области, где были надписи типа «Слоны и другие экзотические животные».

Территория Тропического региона была поистине грандиозна. В нее почти целиком входили два континента: вся Южная Америка к северу от Аргентины и вся Африка к югу от Атласских гор. В регион попадала и часть Северной Америки к югу от Рио-Гранде, и даже часть Азии — Аравийский полуостров и Иран. Тропический регион резко отличался от Восточного. Там на пятнадцати процентах площади земного шара ютилась почти половина человечества, а тут пятнадцать процентов населения земного шара просторно разместилось почти на половине площади планеты.

Но прирост населения был тут весьма заметен. Правда, он происходил в основном за счет иммиграции. И для каждого, кто прибывал в Тропический регион, находилось и место, и дело.

На взгляд Линкольна Нгомы, Байерли был похож на всех иммигрантов с Севера: все белокожие только о том

и думают, чтобы усовершенствовать условия внешней среды и сделать ее комфортной. Нгома ощущал почти инстинктивное превосходство. Ему было жаль несчастного бледнокожего, родившегося под лучами холодного северного солнца,— естественное презрение сильного к слабому.

Столица Тропического региона была самым новым городом на Земле, ее так и назвали — Новый Город, и в этом сквозила наивная самоуверенность молодости. Город простирался на прекрасных, плодородных холмах нигерийского нагорья. Из окна кабинета Нгомы открывался чудесный вид. Город утопал в лучах жаркого солнца, играли и переливались струи фонтанов. Радужными красками весело светились крылышки тропических птиц. Наступит ночь — и в непроницаемо черных небесах зажгутся яркие звезды...

Нгома весело рассмеялся. Улыбка обнажила ровные белые зубы. Высокий, чернокожий, темноволосый, он был удивительно красив.

— Ну конечно,— сказал он с легким акцентом на английском.— Мексиканский канал немножко запаздывает. Ну и что? Все равно мы завершим строительство, будьте спокойны, старина.

— Но до недавнего времени строительство шло по графику?

Нгома искоса взглянул на Байерли, неторопливо откусил кончик длинной толстой сигары и зажег ее.

— Это что, официальное расследование, Байерли? Как вас понимать? Что происходит?

— Ничего. Ничего официального. Просто любознательность входит в обязанности Координатора, вот и все.

— Ну что же, старина, если вам действительно просто больше делать нечего, то я вам скажу. Нам всегда не хватает рабочих рук. У нас в тропиках дел по горло. И канал — только одно из них.

— Но разве Машина не предусмотрела объема работ по прокладке канала? Разве не учла всех конкурентных проектов?

Нгома закинул руки за голову и выпустил к потолку несколько колечек синего дыма.

— Она несколько ошиблась.

— И часто она... несколько ошибается?

— Не чаще, чем можно ожидать. Честно говоря, нас это не слишком огорчило, Байерли. Мы вводим данные. Пользуемся полученными результатами, делаем, что нам говорит Машина... Но это просто для удобства, Байерли, просто для экономии усилий. Пришлось бы — обошлись бы и без нее. Может быть, не так хорошо. Может быть, все выходило бы не так быстро... Да нет, справились бы. Мы уверены в себе, Байерли, и в этом весь секрет. В нашем распоряжении — девственная земля, которая ждала наших рук тысячи лет, в то время как в остальной части мира землю друг у друга рвали с кровью в доатомную эру. Нам не нужно питаться дрожжами, как этим беднягам в Восточном регионе, нам не стоит волноваться по поводу загрязнения среды, как вам, северянам. Мы уничтожили муху це-це и малярийных москитов. Люди поняли, что и под нашим жарким солнцем можно жить и трудиться. Мы вырубили джунгли и обрели плодородную землю, мы оросили пустыни и насадили там сады. Мы стали добывать уголь и нефть, обнаружили на своей земле множество других полезных ископаемых. Так не мешайте нам! Это все, чего мы просим у остального мира. Отойдите и не мешайте нам работать!

Байерли, не обращая внимания на эти патетические высказывания, спросил:

— И тем не менее, что же случилось на строительстве канала?

Нгома развел руками:

— Трудности с персоналом.

Покопавшись в стопке бумаг на столе, он попытался найти нужную, но вскоре раздраженно махнул рукой.

— Что-то у меня было такое по этому вопросу,— пробурчал он,— ну да ладно. Как будто, если я правильно помню, там оказалось мало женщин и поэтому трудно было найти рабочих-мужчин. Видимо, никому не при-

шло в голову предоставить Машине данные о численном соотношении полов.

Тут Нгома откинул голову назад и весело расхохотался. Но быстро стал серьезным. Нахмурив лоб, он воскликнул:

— Погодите-ка! Я вспомнил. Виллафранка! Ну конечно же, Виллафранка!

— Виллафранка? — недоуменно переспросил Байерли.

— Франциско Виллафранка. Он был главным инженером строительства. Погодите, сейчас я постараюсь припомнить получше... Что-то там такое случилось. Обвал, что ли? Да. Точно. Обвал. Никто не погиб, насколько я помню, но шуму было много. Просто скандал.

— О?!

— Была какая-то ошибка в его расчетах. По крайней мере, так утверждала Машина. В нее ввели расчетные данные — то, с чего Виллафранка начинал. Ответы вышли совсем другие. Вероятно, в своих расчетах Виллафранка не учел последствий сильных ливней. Или что-то еще в таком духе. Я же, вы понимаете, не инженер. Но как бы то ни было, Виллафранка поднял там страшную бучу. Он клялся и божился, что сначала Машина дала другой ответ, что он в точности выполнял ее указания. А потом он уволился. Мы пытались удержать его — ведь раньше, до этого случая, он работал хорошо, и всякое такое... но, конечно, на более скромной должности... это безусловно... ошибки нельзя пропускать... это вредит дисциплине... на чем я остановился?

— На том, что вы предложили ему остаться.

— Да. Но он отказался... Короче, в итоге мы отстаем на два месяца. Но, черт подери, это такая ерунда.

Байерли принялся постукивать пальцами по столу.

— Виллафранка винил во всем Машину, не так ли?

— Ну а что ему оставалось делать? Давайте смотреть правде в глаза, Байерли. Мы — люди, и нам от своей натуры никуда не уйти. И потом, вот еще... только что вспомнил. И почему я никогда не могу найти документов, когда они мне нужны? Делопроизводство — ни к

черту... В общем, этот Виллафранка состоял в какой-то вашей северной организации. Мексика слишком близко к северу. В этом вся беда.

— Какую организацию вы имеете в виду?

— Кажется, она называется Общество защиты прав человека. Что-то в этом духе. Этот Виллафранка мотался каждый год на конференции в Нью-Йорк. Сборище безобидных сумасшедших. Им не нравятся Машины. Машины, видите ли, губят людскую инициативу! Так что неудивительно, что Виллафранка винил во всем Машину. Лично мне это совершенно непонятно. Разве похоже, что у нас здесь, в Новом Городе, кто-то подавляет людскую инициативу?

А Новый Город весело сверкал в лучах африканского солнца — самое юное создание Homo metropolis.

ЕВРОПЕЙСКИЙ РЕГИОН:
площадь 4 000 000 кв. миль
население 300 000 000 человек
столица — Женева

Европейский регион мало напоминал два предыдущих. По площади он был самым маленьким: его территория не составляла и пятой части площади Тропического региона, а население — и пятой части Восточного. С географической точки зрения он мало напоминал то, что было доатомной Европой, поскольку в его состав не входила ни европейская часть России, ни Британские острова. Правда, добавилось Средиземноморское побережье Африки и Азии, и, совершив дерзкий прыжок через океан, регион захватывал Аргентину, Чили и Уругвай.

Не было также похоже на то, что Европейский регион сумеет сравняться с другими — даже несмотря на присущую его латиноамериканской части энергичность. Он был единственным из всех регионов планеты, где отмечалось неуклонное снижение численности населения, и только здесь не наблюдалось ни роста производства, ни каких-либо нововведений в области культуры.

— Европа,— изящно грассируя, сказала мадам Жегешовска по-французски,— фактически представляет собой экономический придаток Северного региона. Мы это отлично знаем, но это неважно.

Видимо, отсутствие в ее кабинете карты Европейского региона отражало ее равнодушие к данному вопросу.

— Но тем не менее,— возразил Байерли,— у вас есть собственная Машина, и вы ни в коей мере не должны ощущать экономического давления из-за океана.

— Машина! Ах!

Она пожала своими изящными плечами и улыбнулась, вынимая длинными тонкими пальцами сигарету.

— Европа — спящий мир. И те, кто не успел удрать из нее в Тропики, спят вместе с ней. Сами видите: работа вице-координатора возложена на хрупкие плечи слабой женщины. К счастью, груз не так уж тяжек, да и ждут от меня не слишком многого. Что касается Машины... На что еще она способна, как только на то, чтобы сказать: «Делайте так, как я скажу, и это для вас самое лучшее». А что для нас самое лучшее? Естественно, оставаться экономическим придатком Северного региона. Но ведь все не так ужасно. Войнам конец. Мы живем в мире и покое — а это так приятно после семи тысячелетий сплошных войн. Мы стары, мсье. В наши границы входят области, где когда-то зародилась Западная цивилизация: Египет, Месопотамия, Крит, Сирия, Малая Азия и Греция... Но преклонный возраст — вовсе не обязательно несчастный возраст. Это может быть и успокоение, и процветание...

— Возможно, вы правы,— сухо прервал ее Байерли.— По крайней мере, темп жизни тут не такой бешеный, как в других регионах. Атмосфера приятная.

— Правда? А, вот нам и чай принесли. Мсье, вы как любите — со сливками, с сахаром? Пожалуйста.

Она отпила немного чаю и продолжила:

— Ну конечно, атмосфера приятная. А в других местах на Земле продолжается какая-то возня, борьба... Знаете, я нахожу здесь довольно занятную аналогию... Было время — хозяином мира был Рим. Он впитал куль-

туру и цивилизацию порабощенной им Греции. Греции, которая никогда не была единой, которая постепенно раздиралась войнами. Рим объединил Грецию, дал ей мир и возможность жить спокойно, хотя и без славы, заниматься философией и искусством вдали от прогресса и войн. Это было нечто вроде смерти, но смерти спокойной, мирной и долгой — она тянулась с небольшими перерывами целых четыре столетия.

— Да,— прервал ее Байерли,— но Рим в конце концов пал, и наркотическое опьянение развеялось.

— Вы правы, но ведь теперь нет больше варваров, способных растоптать цивилизацию.

— Ах, мадам Жегешовска, мы сами способны стать варварами. Простите, но я вот о чем хотел вас спросить... Добыча ртути в Альмадене сильно упала. Ведь не убывают же запасы скорее, чем ожидалось?

Проницательные серые глаза мадам в упор смотрели на Байерли.

— Варвары — упадок цивилизации — выход из строя Машин. Ход ваших мыслей очевиден, мсье.

— Вы находите? — усмехнулся Байерли.— Ну что ж, пусть будет так, хотя я вовсе не это имел в виду. А вы считаете, альмаденские события связаны с неполадками в работе Машины?

— Вовсе нет. Но я уверена, что так думаете вы. Вы, насколько я знаю, уроженец Северного региона. Офис главного Координатора находится в Нью-Йорке... А я не так давно заметила, что северяне понемногу начинают утрачивать доверие к Машинам. Вы, северяне...

— Мы? — раздраженно прервал ее Байерли.— Кто это — «мы»?

— Вам, вероятно, известно Общество защиты прав человека? Его позиции у вас на севере чрезвычайно сильны, а вот у нас, в старушке-Европе, приверженцев вовсе не так много. Европе давно нет никакого дела до защиты чьих бы то ни было прав. Вы, конечно, энергичный северянин, а не континентальный циник.

— Это как-то связано с Альмаденом?

— О да, я думаю именно так. Рудники контролирует концерн «Циннабар» — северная организация со штаб-квартирой в Николаеве. Лично я сомневаюсь, чтобы кто-нибудь из совета директоров «Циннабара» когда-либо консультировался с Машиной, хотя на конференции в прошлом месяце они утверждали, что делали это. У нас, безусловно, не было возможности их проверить, но я далека от того, чтобы принимать на веру слова северянина,— поймите, я никого не хочу обидеть. Однако я считаю, что все кончится благополучно.

— В каком смысле «благополучно», позвольте поинтересоваться, мадам?

— Надеюсь, мсье, вы понимаете, что те экономические неполадки, которые имели место в Альмадене, хотя и незначительны в сравнении с великими потрясениями прошлого, все-таки нарушили мирное течение нашей жизни и привели к некоторым волнениям в испанской провинции. Концерн «Циннабар» продает свои акции местным жителям, испанцам. Это утешительно, мсье. Если уж мы — экономические вассалы севера, не следует унижать нас, демонстрируя это столь открыто. К тому же нашим людям мы можем больше доверять в плане повиновения рекомендациям Машины.

— Значит, вы уверены, что теперь все будет в порядке?

— Уверена. По крайней мере, в Альмадене.

СЕВЕРНЫЙ РЕГИОН:
площадь 18 000 000 кв. миль
население 800 000 000 человек
столица — Оттава

Положение Северного региона было высоким, как в прямом, так и в переносном смысле. Его географическое положение отлично демонстрировала карта, висевшая на стене оттавского офиса вице-координатора Хирама Маккензи. В самом центре карты красовался Северный полюс. Все приполярные области, включая Скандинавский полуостров и Исландию, входили в Северный регион.

Территорию региона можно было приблизительно разделить на две части. Левая часть карты изображала Северную Америку к северу от Рио-Гранде, а правая — то, что было когда-то Советским Союзом. Вместе они составляли средоточие сил всей планеты в начале атомной эры. Великобритания, располагавшаяся примерно посередине между двумя этими территориями, вклинивалась в Европейский регион, а на самом верху карты, очерченные весьма символически, располагались Австралия и Новая Зеландия.

Никакие изменения последних десятилетий не могли скрыть тот факт, что Северный регион оставался экономическим лидером планеты.

Что-то символическое было даже в том, что из всех карт, которые Байерли видел за время своей инспекционной поездки, только на этой была представлена вся Земля: Север не боялся возможной конкуренции и ни от кого не скрывал своего превосходства.

— Это невозможно, мистер Байерли,— угрюмо пробурчал Маккензи, потягивая виски.— Насколько мне известно, у вас нет образования роботехника.

— Нет.

— Хмм... Прискорбно то, что такого образования нет ни у Чиня, ни у Нгомы, ни у Жегешовской. Слишком рано люди укрепились во мнении о том, что Координатору достаточно быть всего-навсего хорошим организатором и человеком широкого кругозора, умеющим общаться с людьми. Нет, в наши дни Координатору неплохо было бы и в роботехнике разбираться,— простите, я никого не хотел обидеть.

— А никто и не обиделся. Я с вами согласен целиком и полностью.

— Судя по тому, что вы мне успели рассказать, Байерли, я понял, что вас беспокоят наметившиеся в последнее время сбои в мировой экономике. Я не знаю, какие у вас на этот счет предположения, но позволю себе заметить, что в прошлом бывали случаи, когда любопытные глупцы интересовались тем, что было бы, если бы Машине удалось подсунуть неверные данные.

— И что было бы, мистер Маккензи?

— Ну...— Шотландец сложил на груди руки и глубоко вздохнул.— Все данные проходят через сложнейшую систему скрининга, включающую проверку как людьми, так и компьютерами, так что проблема ошибочной информации не должна бы и возникать. Но это теоретически. Людям вообще свойственно ошибаться, кроме того, их можно подкупить, а любая машина не застрахована от механической поломки. Но главное не в этом. То, что мы называем «неверными данными», в действительности представляет собой некую информацию, противоречащую всем остальным известным Машине данным. Это наш единственный критерий для определения того, что правильно, а что нет. И для Машины тоже. Дайте ей, к примеру, задание составить план сельскохозяйственных работ в Айове с учетом того, что средняя температура воздуха в июле там составляет 57 градусов по Фаренгейту*. Машина не примет такую команду. Она не даст ответа! И вовсе не потому, что ей окажутся как-то особенно неприятны именно такие цифры, или потому, что решение в принципе невозможно. Просто, по имеющимся у нее данным, вероятность температуры 57 градусов в июле равна нулю. Вот и все. Машина отвергнет такие данные. Единственным способом заставить Машину принять неверные данные является включение их в состав непротиворечивого единого массива информации, и сделано это должно быть исключительно хитро, тонко — так, чтобы Машина не сумела уловить, что ее обманывают. Либо можно попытаться подсунуть ей такие данные, знания о которых находятся вне компетенции Машины. Первое человеку просто не под силу, а второе... почти не под силу, потому что знания Машины растут с каждой секундой.

Стивен Байерли задумчиво коснулся переносицы двумя пальцами.

— Таким образом, Машину не проведешь. Но тогда как же вы объясните все эти ошибки?

---

* 14 градусов по Цельсию.

— Дорогой мой Байерли, как видно, вы совершаете обычную ошибку: вы допускаете, что Машина знает все. Позвольте, я опишу вам один случай из личного опыта. В текстильной промышленности высоко ценятся опытные закупщики хлопка. Работа их заключается в следующем: они берут на пробу пучок волокон из случайно выбранного тюка из партии — щупают его, треплют, нюхают, слушают, как он шуршит, пробуют языком — и благодаря таким процедурам в итоге определяют сортность хлопка. Сортов хлопка около дюжины. Закупщик выносит свой приговор, и от этого зависит сумма, на которую заключается сделка. И представьте себе, Байерли, по сей день этих закупщиков нельзя заменить Машиной.

— Но почему? Наверняка ведь анализируемые показатели не слишком сложны для Машины?

— Может быть, и нет. Но о каких показателях вы говорите? Ни один химик-текстильщик не может определить, какие качества хлопка оценивает закупщик, когда щупает пучок волокон. Предположительно он определяет их среднюю длину, насколько они мягки и эластичны, как слипаются, скручиваются одно с другим... Множество признаков, которые опытный закупщик определяет подсознательно, лишь на основании многолетнего опыта. Но *количественная* сторона такой оценки никому не известна. Нет данных, которые можно было бы заложить в Машину. Даже сами закупщики не в силах ничего объяснить. Спросишь, а они скажут: «А ты что, милок, сам не видишь? Так оно чувствуется».

— Понятно.

— И таких случаев не перечесть. Машина — это всего лишь инструмент, способный ускорить прогресс человечества за счет того, что она берет на себя сложнейшие расчеты и их интерпретацию. А задачи, решаемые человеческим мозгом, остаются все теми же: искать новые данные, которые потом можно подвергнуть машинному анализу, и создавать новые теории на их основе. Очень прискорбно, что этого не понимают скандалисты из Общества защиты прав человека.

— Они против Машин?

— Родись они в другое время, они были бы против математики или письменности. Эти реакционеры заявляют, будто Машины крадут у человека его душу. А я лично как-то не замечаю, чтобы в нашем обществе не было бы места людям талантливым, способным придумывать вопросы и умно задавать их Машине. Наверное, Координатор, если бы таких людей было больше, не возникли бы те сбои, которые вас беспокоят.

ЗЕМЛЯ (включая необитаемый материк — Антарктиду):
площадь 54 000 000 кв. миль (поверхность суши)
население 3 300 000 000 человек
столица — Нью-Йорк

Огонь за кварцевым стеклом догорал, последние язычки пламени вспыхивали над обгоревшими дочерна поленьями.

Координатор тоже весь как-то сник и угас. Голос его звучал тихо, устало.

— Все они принижают важность событий. Ведь нельзя же допустить, что они смеялись надо мной, правда? И все-таки Винсент Силвер уверяет меня в том, что Машины не могут быть неисправны, и я должен ему верить. Хирам Маккензи считает, что принципиально невозможно подсунуть Машине неверные данные, и ему я тоже склонен верить. Но Машины тем не менее ошибаются, и этому я тоже не могу не верить — значит, всему этому все же есть какая-то альтернатива.

Он искоса взглянул на Сьюзен Кэлвин — глаза у нее были закрыты, и казалось, она спала. Тем не менее ее реакция была немедленной:

— Какая именно альтернатива, Стивен?

— Если данные вводятся верные и ответы даются тоже верные, остается еще возможность их игнорировать. Машины не располагают властью навязать исполнение своих рекомендаций.

— Мадам Жегешовска намекала именно на это в отношении Северного региона.

— Конечно.

— Но какова может быть цель неповиновения Машине? Попробуем определить мотив.

— Мотивы для меня как раз очевидны, да и для вас, думаю, тоже. Это попытка раскачать лодку. Ведь пока миром правят Машины, серьезные конфликты, при которых какая-то одна группа получила бы преимущество за счет остального человечества, невозможны. Но если вера в Машины будет подорвана настолько, что от них придется отказаться, снова возобладает закон джунглей. И такое подозрение нельзя исключить по отношению ни к одному из четырех регионов. Половина населения Земли живет в границах Восточного региона, а в Тропическом сосредоточена почти половина всех природных ресурсов. И тот и другой могут ощущать себя полновластными хозяевами Земли, и каждый из них в свое время испытал унижение со стороны Севера. Вполне логично желать отмщения, правда? Европа, с другой стороны, сохраняет память о былом величии. Она ведь когда-то правила Землей, а ничто так сильно не раздражает, как воспоминания о власти. Но в это трудно поверить. И Востоку, и Тропикам хватает места для экспансии внутри своих собственных границ. И в том и в другом регионе отмечается колоссальный подъем производства. Для военных приготовлений у них попросту нет ни времени, ни свободных рук. А у Европы не осталось ничего, кроме сладких снов. Это, как говорят военные, сухой язык цифр.

— Таким образом, Стивен,— заметила Сьюзен,— вы считаете, что дело в Северном регионе.

— Да,— энергично подхватил Байерли.— Север сейчас сильнее всех и удерживает эти позиции уже почти целое столетие. Но теперь намечается относительное отставание. Место лидера цивилизации могут скоро занять Тропики, а северяне этого боятся. Да, Сьюзен, впервые со времен фараонов Тропики могут выйти вперед. Общество борьбы за права человека — организация северян, вам это известно, и они не делают тайны из своей войны с Машинами... Сьюзен, их немного, но эта организация объединяет могущественных людей. Управляющие фабрик, директора заводов и крупных сельскохозяйст-

венных комплексов, которые больше не хотят быть, по их словам, «мальчиками на побегушках при Машинах». Люди в Обществе амбициозны, эгоистичны. Они чувствуют себя достаточно сильными для того, чтобы принимать решения к собственной выгоде, а не быть вынужденными заботиться о благе других. Короче говоря, это те самые люди, которые, решив дружно отказываться от советов, даваемых Машинами, могут очень скоро перевернуть мир вверх дном. Все сходится, Сьюзен. Пятеро членов совета директоров «Всемирной сталелитейной» являются членами Общества, и во «Всемирной сталелитейной» отмечено перепроизводство. Концерн «Циннабар», ведавший добычей ртути в Альмадене, был северной компанией. Его отчетная документация пока не изучена до конца, но уже выяснено, что по крайней мере один из его сотрудников был членом Общества. Франческо Виллафранка, который ухитрился в одиночку добиться отсрочки ввода в строй Мексиканского канала, тоже был членом «Общества», это мы уже знаем. Как, впрочем, и Рама Врасайяна, что меня вовсе не удивило.

— Да, но все они финансово пострадали на этом,— спокойно сказала Сьюзен Кэлвин.

— Естественно. Отвергнуть рекомендацию Машины — значит выбрать проигрышный вариант. Это та цена, которую им приходится платить. Но в той неразберихе, которую они надеются спровоцировать, они рассчитывают поправить дела.

— Ну, и что же вы собираетесь предпринять, Стивен?

— Время дорого, Сьюзен. Поэтому я и тороплюсь. Я собираюсь настоять на том, чтобы Общество было объявлено вне закона и все его члены удалены с ответственных постов. Претенденты на любую сколько-нибудь ответственную должность должны будут давать присягу об отказе от поддержки Общества. Это, конечно, в какой-то мере ущемит гражданские права, но я уверен, что Конгресс...

— Это ничего не даст.

— Что? Почему? — оторопело уставился на нее Байерли.

— Позволю себе сделать предсказание. Если вы попытаетесь это осуществить, то встретитесь с препятствиями на каждом шагу. Вы не сможете продолжать работать. Любое продвижение в этом направлении будет сопровождаться неприятностями.

Байерли был совершенно обескуражен.

— Я не ожидал услышать это от вас. Я рассчитывал на вашу поддержку.

— Но это невозможно, Стивен! Все ваши выводы основаны на неверных допущениях. Вы признали, что Машина не может ошибаться, признали, что и неверные данные ей подсунуть невозможно. А теперь я готова доказать, что и не повиноваться Машине, как это, на ваш взгляд, делает Общество, тоже невозможно.

— С этим я совершенно не согласен.

— Тогда слушайте. Каждое действие любого ответственного лица, не согласующееся с рекомендациями Машины, становится ей известно и учитывается при решении очередной проблемы. Машине, таким образом, становится известна склонность данного лица к неповиновению. Машина может даже количественно оценить последствия этого, то есть предвидеть, в какой степени и в каком направлении ее рекомендации будут нарушены. И последующий ответ Машины будет, естественно, скорректирован таким образом, чтобы непослушание данного исполнителя автоматически привело к оптимальным результатам. *Машина знает*, Стивен!

— Но вы не можете быть в этом уверены. Это просто ваша догадка.

— Догадка, не спорю, но основана она на многолетнем опыте работы с роботами. И будет лучше, если вы положитесь на эту догадку, Стивен!

— Но что же тогда получается? С Машинами, как и с вводимыми в них данными, все в порядке. Не слушаться их, как вы говорите, тоже невозможно. Но что же тогда не в порядке?

— Вы сами ответили на свой вопрос. *Все в порядке.* Задумайтесь немного о самих Машинах, Стивен. Они роботы и повинуются Первому закону. Но Машина призва-

на заботиться не об отдельном человеке, а обо всем человечестве. Следовательно, для них Первый закон должен звучать так: «Ни одна Машина не может причинить вред человечеству или своим бездействием допустить, чтобы человечеству был причинен вред». Отлично. А теперь, Стивен, давайте зададим себе вопрос: какой вред может быть причинен человечеству? Что ему грозит? Больше всего — нарушения баланса в экономике, по какой бы то ни было причине. Не так ли?

— Так.

— А из-за чего могут возникнуть самые большие нарушения баланса в экономике, Стивен? Попробуйте ответить.

— Ну...— неохотно начал Стивен,— пожалуй, из-за разрушения Машин. Я бы так сказал.

— И я бы так сказала. Именно так и должны отвечать себе на этот вопрос сами Машины. Их первейшей задачей, стало быть, становится самосохранение, но ради нас. Именно поэтому они незаметно взяли под контроль тех людей, которые могли бы им угрожать. Вовсе не Общество защиты прав человека раскачивает лодку, чтобы в конце концов добиться демонтажа Машин. Вы смотрели на обратную сторону картины. Гораздо правильней будет сказать, что это сами Машины раскачивают лодку — не сильно, ровно настолько, чтобы стряхнуть за борт тех, кто преследует цели, которые Машинам представляются опасными для человечества. Итак: Врасайяна остался без завода и получил другую работу, где он не может причинить вреда. Он не очень пострадал, он не лишился средств к существованию, ведь Машина в принципе не может нанести человеку вред, разве что самый минимальный, и то — в интересах всего человечества. Концерн «Циннабар» утрачивает контроль над альмаденскими рудниками. Виллафранка уволен с поста главного инженера строительства канала. А директора «Всемирной сталелитейной» уже утрачивают руководящие позиции в промышленности — и очень скоро потеряют их совсем.

— Но вы же ничего этого не знаете наверняка,— упорствовал Байерли.— Разве можем мы рисковать и действовать на основе одних только предположений?

— Не только можете, но и должны. Помните тот ответ, который дала сама Машина на ваш запрос? Он звучал так: «Суть дела не подлежит объяснению». Правильно? Ведь Машина не сказала, что объяснения нет или что она не может его найти. Она просто не собиралась ничего объяснять. Никому. Другими словами, она решила, что знать суть дела человечеству не нужно и опасно. Поэтому нам остается одно: положиться на свои догадки.

— Но какой же вред был бы в том, чтобы Машина все нам объяснила? Конечно, если допустить, что вы правы.

— Если я права, то это значит, что Машина продумывает за нас наше будущее не только в плане выдачи корректных ответов на корректно заданные вопросы, но также принимает стратегические для развития человечества решения и учитывает человеческую психологию. Знание об этом может сделать нас несчастными и ранить нашу гордость, а этого Машина допустить не может. Она *не должна* делать нас несчастными. И потом, Стивен, разве мы можем знать, что для человечества хорошо, а что плохо? В нашем распоряжении нет и крупицы всех тех данных, которыми располагает Машина! Ну, вот известный пример; разве развитие нашей технической цивилизации не принесло больше горя и страданий, чем были им уничтожены? Очень может быть, что примитивная аграрная цивилизация, с более низким уровнем культуры и меньшей численностью населения, была бы предпочтительнее. Кто знает? Если это так, то именно в таком направлении Машины будут нас подталкивать, ни в коем случае не сообщая нам об этом, потому что мы невежественны, мы заражены предрассудками, мы считаем благом только то, к чему привыкли. С любыми переменами мы тут же начнем отчаянную борьбу. А может быть, для человечества лучше полная урбанизация, или кастовое сообщество, или абсолютная анархия. Мы этого не знаем. Знают только Машины, и они двигаются в этом направлении, ведя нас за собой.

— Ваши слова, Сьюзен, означают, что Общество борьбы за права человека не ошибается и что человечество утратило право принимать решения о собственном будущем?

— А у него никогда и не было такого права. Будущее в конце концов всегда определялось экономическими и социальными силами,— какими именно, человечество не понимало: то ли особенностями климата, то ли удачами в войнах. Это все теперь понятно Машинам, и никто не может помешать им, поскольку Машины держат в своих руках эти силы, как они держат и Общество. Для этого они располагают самым мощным оружием — абсолютным контролем над нашей экономикой.

— Как это ужасно!

— Наоборот! Как это прекрасно! Подумайте только, ведь теперь впервые за всю историю человечества все противоречия разрешимы, всех конфликтов можно избежать. И только Машины, на все времена, неизбежны!

Как раз в этот момент огонь за кварцевым стеклом угас окончательно, и лишь тонкая струйка синего дыма осталась там, где он только что горел.

Женская интуиция

Впервые за всю историю существования «Ю. С. Роботс энд мекэникл мен корпорейшн» робот стал жертвой несчастного случая на самой Земле.

В этом некого было винить.

Воздушный лайнер потерпел катастрофу в пути, и комиссия по расследованию никак не решалась объявить предполагаемую причину взрыва — столкновение с метеоритом. Ни одно тело, кроме метеорита, не могло двигаться с такой огромной скоростью, иначе самолет успел бы автоматически отклониться от курса. И ничто не могло бы вызвать таких разрушений, кроме атомного взрыва, о котором, разумеется, и речи не было.

А если к этому прибавить сообщение о вспышке в ночном небе, замеченной незадолго до катастрофы, причем не каким-нибудь любителем, а астрономами обсерватории Флагстафф, и упомянуть об обнаруженной всего лишь в миле от взрыва и глубоко врезавшейся в землю внушительной железной глыбе совершенно очевидно метеоритного происхождения, то становится понятным, что вывод мог быть только один.

Правда, ничего подобного еще ни разу не случалось, а подсчеты вероятности такого события показали, что практически она была нулевой. Но ведь иногда происходят и более невероятные вещи!

Для «Ю. С. Роботс» вопросы «как» и «почему» заслонялись гибелью одного из роботов. Это само по себе бы-

ло достаточно скверно. Главная же трагедия заключалась в том, что погиб ДжН-5 — удачный образец после четырех пробных моделей, который проходил очередные испытания.

ДжН-5 был роботом совершенно нового типа, совсем непохожим на все сконструированные ранее. И как же было тут не впасть в отчаяние!

А то обстоятельство, что как раз перед катастрофой ДжН-5 разрешил проблему неслыханной важности и ответ был теперь, возможно, навсегда утерян, повергло ученых в настоящую скорбь.

При такой невозместимой потере вряд ли стоило упоминать, что вместе с роботом погиб и Главный робопсихолог «Ю. С. Роботс».

Клинтон Мадариан появился в фирме «Ю. С. Роботс» за десять лет до этого. Первые пять лет он работал под руководством неуживчивой Сьюзен Кэлвин, но никто не слышал от него ни одной жалобы.

Способности Мадариана были настолько выдающимися, что Сьюзен Кэлвин без малейших угрызений совести повысила его в должности раньше многих старых сотрудников. Но ни за что на свете не стала бы она объяснять причины этого повышения начальнику исследовательского отдела, Главному математику Питеру Богерту, хотя на сей раз он в объяснениях не нуждался — все и без того было ясно.

Во многих отношениях Мадариан был полной противоположностью знаменитой Сьюзен Кэлвин. Он вовсе не был таким толстым, как можно было бы предположить по его массивному двойному подбородку, но всегда заставлял ощущать свое присутствие, тогда как Сьюзен Кэлвин почти всегда оставалась незаметной. Его крупное лицо, взлохмаченные волосы цвета меди, кожа красноватого оттенка, рокочущий голос и громовой смех, а главное, непоколебимая вера в себя и стремление немедленно сообщить всем и каждому о своих успехах подавляли людей, находившихся с ним в одном помещении, и любая комната начинала казаться тесной.

Когда Сьюзен Кэлвин ушла наконец на пенсию (столь решительно отказавшись присутствовать на банкете, который собирались устроить в ее честь, что об ее отставке даже не стали оповещать прессу), освободившееся место занял Мадариан. И тотчас же — не прошло и дня, как он вступил на новый пост,— он начал обдумывать проект ДжН.

Проект этот требовал ассигнований, превышающих все, что «Ю. С. Роботс» когда-либо тратила на одну разработку, и фирма долго бы еще колебалась, если бы Мадариан небрежным жестом руки не прекратил ненужные разглагольствования.

— Цель оправдывает средства, Питер,— сказал он,— оправдывает до последнего цента, и я очень рассчитываю, что вы сможете убедить административный совет.

— Изложите свои доводы,— ответил Богерт, спрашивая себя, захочет ли Мадариан это сделать, поскольку в таких случаях Сьюзен Кэлвин всегда отказывалась.

Но Мадариан ответил:

— Пожалуйста.

И поудобнее устроился в широком кресле против стола начальника исследовательского отдела, который разглядывал своего собеседника с чувством, похожим на суеверный страх. Волосы Богерта, еще недавно черные, совсем поседели. Не пройдет и десяти лет, как он тоже, как и Сьюзен, выйдет на пенсию. И тогда в «Ю. С. Роботс» не останется уже никого из старой гвардии, которая вывела фирму на мировую арену, так что решаемые ею проблемы приобрели первостепенное значение, сравнимое с задачами государственной важности. Ни Богерту, ни его предшественникам и в голову не приходило, что деятельность фирмы когда-нибудь приобретет подобный размах.

Пришло новое поколение. Оно сразу привыкло к нынешним масштабам. Эти новые люди утратили способность удивляться и желали двигаться только семимильными шагами.

Тем не менее они шли вперед, а это было главное.

Мадариан сказал:

— Я предлагаю приступить к конструированию роботов, лишенных ограничений.

— Как? Без Трех законов?

— Да нет же, Питер! Это ведь не единственные ограничения. Вы сами участвовали в первых разработках позитронного мозга. И не мне напоминать вам, что, независимо от Трех законов, все процессы в таком мозге определены заранее. Наши роботы предназначаются для выполнения специальных заданий и получают только необходимые для этого качества.

— И вы предлагаете...

— Я предлагаю, чтобы на любом уровне действия Трех законов остальные ограничения были сняты. Это совсем нетрудно!

— Конечно, нетрудно,— сухо сказал Богерт.— Бесполезные действия запрограммировать легко. Трудно лишь так отрегулировать процессы, чтобы извлечь из роботов максимальную пользу.

— Мы напрасно все усложняем. При жесткой фиксации процессов затрачивается много усилий. Принцип неопределенности существен для частиц, имеюших массу позитрона, и хочется, насколько это возможно, уменьшить эффект неопределенности. А зачем? Если нам удастся воспользоваться принципом так, чтобы допустить возможность различных решений в непредвиденных обстоятельствах...

— Тогда у нас будет незапрограммированный робот?

— У нас, Питер, будет робот, наделенный творческим мышлением.— Голос Мадариана зазвучал нетерпеливо.— Если и существует свойство, которое присуще человеческому мозгу и которого лишен мозг робота, то это непредсказуемость действий как следствие неопределенности на субатомном уровне. Я знаю, что проявление этого свойства нервной системы еще ни разу не было подтверждено экспериментальным путем. И все же, не будь этого свойства, человеческий мозг в принципе не превосходил бы мозг робота.

— И вы полагаете, что, снабдив такой особенностью мозг робота, вы в принципе доведете его до уровня человеческого?

— Вот именно! — отрезал Мадариан.

После этого они еще долго продолжали спорить.

Как и следовало ожидать, убедить административный совет оказалось не так-то просто.

Скотт Робертсон, самый крупный из акционеров «Ю. С. Роботс», заявил:

— И без того нелегко поддерживать промышленное производство роботов на прежнем уровне, когда широкая публика неодобрительно относится к этим механизмам и в любую минуту может объявить им открытую войну. Если только станет известно, что роботы больше не контролируются — пожалуйста, не говорите мне о Трех законах! — то средний обыватель перестанет верить, что находится под их защитой, едва лишь услышит слово «неконтролируемый».

— В таком случае не будем употреблять этого слова,— сказал Мадариан.— Назовем лучше нашего робота интуитивным.

— Интуитивный робот? — пробормотал кто-то.— А почему бы не робот-женщина?

По залу заседаний пробежал смешок. Мадариан решил сразу же брать быка за рога.

— Да! Робот-женщина! Наши роботы, разумеется, существа бесполые, и этот не будет отличаться от остальных. Но у нас уже вошло в привычку присваивать им мужской род. Мы даем им мужские имена, говорим: «он», «его». Что же касается данного робота, то, учитывая предложенную мной математическую структуру его мозга, он скорее всего попадет в систему координат ДжН. Первого из них, ДжН-1, я собирался назвать Джон-1, хотя, признаться, это имя было бы на уровне оригинальности заурядного конструктора. А почему бы, черт побери, не назвать нашего робота Джейн-1? И если уж непременно нужно информировать широкую публику о всех делах

фирмы, то сообщим, что сейчас мы конструируем робота-женщину, наделенную интуицией.

Робертсон покачал головой.

— А что от этого изменится? Ведь по сути вы хотите уничтожить последнюю преграду, препятствующую мозгу робота подняться до уровня человеческого мозга. И как же, по-вашему, будет реагировать на это широкая публика?

— А вы собираетесь ей обо всем докладывать? — возразил Мадариан и немного погодя добавил: — Послушайте, ведь испокон веков считалось, что мужчина по интеллекту превосходит женщину.

Все присутствующие тревожно переглянулись, словно Сьюзен Кэлвин сидела на своем обычном месте.

Мадариан продолжал:

— Если мы объявим о создании робота-женщины, несущественно, какой она будет. Публика заранее настроится на то, что интеллектуальный уровень нового робота будет ниже, чем у обычного. Нам лишь останется сообщить о появлении Джейн-1, и тогда мы ничем не рискуем.

— Но этого мало,— вмешался Питер Богерт.— Мы с Мадарианом тщательно произвели все вычисления и пришли к выводу, что вся серия ДжН — будь то Джон или Джейн — вполне безопасна. Такие роботы проще обычных, а их интеллектуальный уровень ниже, чем у предыдущих серий, от которых ДжН будет отличаться лишь одним дополнительным свойством — условимся называть его интуицией.

— Кто знает, к чему оно приведет! — пробормотал Робертсон.

— Мадариан,— продолжал Богерт,— предлагает такое решение: как вы знаете, межзвездный прыжок теоретически разработан. Человек в состоянии достигнуть сверхсветовых скоростей, проникнуть в другие солнечные системы и вернуться на Землю спустя короткое время, скажем, не более чем через несколько недель.

— Все это давно известно! — прервал его Робертсон.— И может быть осуществлено без помощи роботов.

— Совершенно верно, но фирме это не принесет никакой выгоды, поскольку сверхсветовой двигатель может быть использован только один раз для демонстрационного полета. Межзвездный прыжок — дело весьма рискованное. Он сопряжен с чудовищными затратами энергии и тем самым с огромными расходами. Если уж мы на них решимся, то было бы неплохо открыть заодно и какую-нибудь обитаемую планету. Назовите это, если хотите, психологической необходимостью, но выложить двадцать миллиардов ради полета, который ничего не принесет, кроме научных данных! Налогоплательщики непременно потребуют, чтобы им разъяснили, ради чего расходуются такие средства. Но стоит вам объявить, что существует еще один населенный мир, и вы станете межзвездным Колумбом, а о потраченных деньгах никто даже не вспомнит.

— Ну и что из этого следует?

— А то, что нам негде взять такую планету. Или скажем так: какая из трехсот тысяч звезд и созвездий в пределах досягаемости межзвездного прыжка, то есть в радиусе трехсот световых лет, с наибольшей вероятностью может быть заселена разумными существами? В нашем распоряжении масса подробных данных обо всех звездах, отстоящих от нас не более чем на триста световых лет, и мы считаем, что почти каждая из них обладает своей планетной системой. Но в какой же из этих систем находится обитаемая планета? На какую именно планету нужно высадиться? Увы, этого мы не знаем.

— При чем же тут робот Джейн? — спросил кто-то из директоров.

Мадариан собрался было ответить, но передумал и посмотрел на Богерта. Тот все понял: в таком вопросе слово начальника исследовательского отдела весило больше. Сам Богерт не слишком одобрял затею Мадариана. Если серия ДжН окажется неудачной, то его роль в ее создании уже настолько велика, что ему не избежать града упреков. С другой стороны, его уход на пенсию не за горами, и в случае удачи он покинет свой пост в ореоле славы. Быть может, он просто заразился уверенностью

Мадариана? Как бы то ни было, но теперь Богерт искренне верил в успех. И он сказал:

— Не исключено, что сведения, которыми мы располагаем об этих звездах, позволят установить вероятность существования обитаемой планеты земного типа в одной из таких систем. Нам нужно подойти к этим данным не шаблонно, а творчески и выявить правильные соотношения. Ведь ничем подобным мы еще не занимались. Даже если какой-нибудь астроном и сделал бы это, он не смог бы в полной мере оценить полученные результаты. Робот типа ДжН установит такие соотношения быстрее и с гораздо большей точностью. За один день он способен составить и отбросить столько вариантов, сколько человеку не сделать и за десять лет. Кроме того, он будет действовать наугад, тогда как человек оказался бы в плену априорных соображений.

Воцарилось молчание. Наконец Робертсон прервал тишину:

— Разве дело только в вероятности? Предположим, что робот изречет: «Вероятнее всего обитаемая планета, скажем Сквиджи-17, существует в радиусе стольких-то световых лет, в такой-то системе». И вот мы устремляемся туда, чтобы лишний раз убедиться, что вероятность всегда остается только вероятностью и что в действительности там нет никакой обитаемой планеты. В каком положении мы окажемся?

На этот раз ответил Мадариан.

— Все равно мы в выигрыше, так как узнаем от робота, что привело его — простите, ее — к такому заключению. В результате мы сможем собрать колоссальные сведения в области астрономии и тем самым оправдаем нашу затею, даже если и не совершим межзвездного прыжка. Кроме того, мы сможем рассчитать вероятность не для одной, а для пяти планет. В таком случае вероятность того, что хотя бы одна из них окажется обитаемой, будет больше девяноста пяти процентов, и тогда можно почти не сомневаться в успехе.

Прения не прекращались еще долго.

Ассигнованной суммы оказалось совершенно недостаточно, но Мадариан надеялся, что сработает привычный рефлекс: административный совет фирмы не даст пропасть уже потраченным деньгам. Когда израсходовано 200 миллионов долларов, не стоит скупиться еще на сотню, чтобы спасти всю сумму. И Мадариан не сомневался, что ему выделят эту сотню.

Но вот Джейн-1 была наконец смонтирована и предстала перед испытующим оком Питера Богерта.

— Почему у нее такая тонкая талия? — спросил он.— Это что, технический дефект?

Мадариан хмыкнул.

— Послушайте, раз уж мы решили назвать ее Джейн, лучше, если она не будет похожа на Тарзана.

Богерт покачал головой.

— Что-то мне это не нравится. А в следующий раз вы снабдите ее бюстом? Да и вообще вся эта затея нелепа! Если женщины вообразят, что появятся похожие на них роботы, могу себе представить, какие глупости придут им в голову! Вот где вы наживете настоящих врагов!

— Возможно, вы и правы,— сказал Мадариан.— Ни одна женщина не захочет признаться даже самой себе, что ее может заменить механизм, у которого не будет ни одного недостатка, присущего женскому полу. Да, да! Вполне с вами согласен!

У Джейн-2 уже не было тонкой талии. Это был угрюмый, малоподвижный, неразговорчивый робот.

В период его создания Мадариан редко наведывался к Богерту с новостями, из чего было легко заключить, что дела идут далеко не блестяще. Богерт не сомневался, что в противном случае Мадариан не постеснялся бы ворваться к нему в спальню в три часа ночи, чтобы выложить очередную идею.

И вот именно теперь, когда Мадариан, казалось, както сник, когда поблек его яркий румянец, а толстые щеки ввалились, Богерт спросил, чувствуя, что попадает в самую точку:

— Что, отказывается говорить?

— Нет, она говорит,— ответил Мадариан, тяжело опускаясь в кресло, и добавил, покусывая нижнюю губу: — По крайней мере изредка.

Богерт поднялся, чтобы осмотреть робота.

— Но если говорит, то ее слова бессмысленны? А если вообще не говорит, значит, она не настоящая женщина? Не так ли?

Мадариан тщетно попытался изобразить подобие улыбки.

— Сам по себе мозг вполне исправен.

— Знаю,— сказал Богерт.

— Но как только его вложили в робота, он, естественно, изменился...

— Естественно,— повторил Богерт, не собираясь подавать руку помощи вконец запутавшемуся Мадариану.

— Но изменился непредсказуемо, и это приводит меня в отчаяние. Трудность состоит в том, что при расчетах неопределенности в N-мерном пространстве все очень...

— Неопределенно? — перебил Богерт, удивляясь собственной реакции. Убытки фирмы достигли уже весьма значительной суммы. Прошло около двух лет, а результаты, мягко говоря, обнадеживали мало. И в то же время он чувствовал, что, дразня Мадариана, сам невольно забавляется этой игрой.

У Богерта на миг мелькнуло сомнение: уж не Сьюзен ли Кэлвин предназначены его стрелы? Но Мадариан был одновременно и вспыльчивым, и общительным, а Сьюзен такой никогда не бывала, даже если все шло как нельзя лучше. В отличие от Сьюзен, которую не могли сломить неудачи, Мадариан был куда более уязвимым. Богерт отыгрывался за прошлое, сделав Мадариана мишенью для своих шуток, чего Сьюзен Кэлвин не допустила бы.

Мадариан пропустил последнее замечание Богерта мимо ушей. Так сделала бы и Сьюзен Кэлвин, но по другой причине: она бы смолчала из презрения, а он попросту не расслышал.

Он начал приводить свои аргументы:

— Трудность в опознавании. Джейн-2 блестяще справляется с соотношениями. Она может сопоставить все что угодно, но, к сожалению, не умеет отличать важные результаты от второстепенных. Это нелегкая задача — запрограммировать нашего робота на нахождение существенных соотношений, если мы заранее не знаем, какие именно соотношения ей придется находить.

— Я полагаю, вы хотели понизить потенциал на соединении диода W-21 и связать через...

— Нет, нет и нет! — Голос Мадариана упал до шепота.— Мы не допустим, чтобы из-за нее все рухнуло. Нужно заставить ее распознавать главные соотношения и научить делать правильные выводы. Когда мы этого добьемся, робот Джейн будет находить решения интуитивно, тогда как мы получаем их благодаря случайным удачам.

— Мне кажется,— сухо заметил Богерт,— что, имея такого робота, вы в любую минуту смогли бы заставить его выполнить то, что среди простых смертных в состоянии совершить только гений.

Мадариан одобрительно кивнул.

— Золотые слова, Питер! Я бы и сам сказал это, если бы не боялся испугать наших администраторов. Пусть это пока останется между нами.

— Вы действительно хотите создать гениального робота?

— Слова, слова, слова! Я хочу сконструировать робота, способного находить случайные соотношения с невероятной быстротой, а также безошибочно выделять ключевые проблемы, то есть пытаюсь превратить эти мало что выражающие понятия в уравнения позитронного поля. Мне казалось, что я уже близок к цели, но, видимо, я заблуждался.

Он бросил недовольный взгляд на робота и приказал:

— Джейн, сформулируй самое важное из того, что ты обнаружила.

Джейн-2 повернула голову к Мадариану, но не произнесла ни слова. Тогда Мадариан покорно сказал:

— Она зафиксировала все это в своей памяти.

И тут-то Джейн-2 отреагировала голосом, лишенным всякого выражения:

— Как раз в этом у меня нет уверенности.

Она впервые нарушила молчание. Глаза Мадариана, казалось, вылезли из орбит.

— Она составляет уравнение с неопределенными решениями.

— Так я и думал,— сказал Богерт.— Одно из двух: либо вы чего-нибудь добейтесь, либо откажитесь от этого проекта, пока убытки фирмы еще не перевалили за полмиллиарда!

— Нет, я что-нибудь придумаю,— пробормотал Мадариан.

С Джейн-3 они потерпели полную неудачу. Ее даже не допустили к испытаниям, и Мадариан был вне себя от ярости. На этот раз ошибся человек, точнее говоря, сам Мадариан. И хотя он был совершенно подавлен, все остальные сохраняли спокойствие. Пусть в него бросит камень тот, кто сам никогда не ошибался в дьявольских премудростях позитронного мозга!

Прошло около года, прежде чем появилась Джейн-4. К Мадариану вернулся его былой оптимизм.

— Все в порядке,— говорил он.— У нее большие способности к опознаванию.

Он был настолько уверен в себе, что продемонстрировал административному совету, как Джейн-4 решает задачи. Нет, не математические — с ними справился бы любой робот,— а с нарочито запутанными условиями, задачи, которые в то же время нельзя было считать не имеющими решения.

— Ну что ж,— сказал ему потом Богерт,— в этом не было ничего ошеломляющего.

— Разумеется, для Джейн-4 все это достаточно элементарно, но ведь нужно было им что-нибудь показать?

— Вы знаете, сколько мы уже потратили?

— А вы знаете, Питер, сколько мы уже возместили? Наш труд не пропал даром. Три года я работал как проклятый и все-таки нашел новые способы математических расчетов, которые сэкономят нам по меньшей мере пятьдесят тысяч долларов на каждой новой модели позитронного мозга. Отныне и навек. Разве я не прав?

— Ну что ж...

— Никаких «ну что ж». Это непреложный факт. И мне кажется, что N-мерные исчисления неопределенностей будут широко применяться, если только мы додумаемся, где их применять. А роботы Джейн наверняка додумаются. Как только мне удастся полностью осуществить мой замысел, новая серия окупит себя менее чем за пять лет. Даже если мы утроим уже затраченную сумму.

— А что вы подразумеваете под словами «полностью удастся осуществить замысел»? Что-то не в порядке с Джейн-4?

— С ней как раз все в порядке, вернее, почти все. Она на верном пути, но ее можно усовершенствовать, и мне хочется это сделать. Раньше, когда я ее конструировал, мне казалось, я знаю, чего хочу. Но теперь, после того как я ее испытал, я твердо знаю, какова моя цель, и я ее достигну.

Джейн-5 полностью соответствовала замыслу. Мадариану потребовалось больше года на ее создание, но на сей раз он не сделал никаких оговорок — он был абсолютно уверен в своем роботе.

Джейн-5 была меньше и изящнее обычных роботов. Не будучи карикатурой на женщину, как Джейн-1, она обладала какой-то женственностью, несмотря на отсутствие внешних признаков пола.

— Просто у нее такая манера держаться,— заключил Богерт.

Она изящно двигала руками, а когда поворачивалась, казалось, что ее торс слегка изгибается.

Мадариан сказал:

— А теперь послушайте ее, Богерт! Как ты себя чувствуешь, Джейн?

— Прекрасно, благодарю вас,— ответила Джейн-5 настоящим женским голосом. Это было приятное и даже чарующее контральто.

— Зачем вы это сделали, Клинтон? — нахмурясь, спросил удивленный Богерт.

— Это важно с психологической точки зрения,— ответил Мадариан.— Я хочу, чтобы люди воспринимали ее как женщину, чтобы обходились с ней как с женщиной, объясняли ей...

— Какие люди?

Мадариан сунул руки в карманы и задумчиво оглядел Богерта.

— Мне бы хотелось, чтобы вы договорились о нашей с Джейн поездке во Флагстафф.

Богерт, конечно, заметил, что, говоря о роботе, Мадариан больше не употреблял порядкового номера. Она была именно той Джейн, о которой он мечтал. И Богерт повторил с сомнением:

— Во Флагстафф? Но зачем?

— Флагстафф — всемирный центр общей планетологии. Там изучают звездные системы и пытаются вычислить вероятность существования обитаемых планет, не так ли?

— Безусловно, но он же находится на Земле.

— Для меня это не новость.

— Любые перемещения роботов на Земле строго контролируются. А эта поездка вовсе не обязательна. Выпишите всю литературу по общей планетологии, и пусть Джейн ее основательно проштудирует.

— Ну нет! Питер, почему вы не хотите понять, что Джейн не обычный робот? Она наделена интуицией!

— И что из этого следует?

— Только одно: предугадать, что ей потребуется и что может навести ее на нужную мысль, нельзя. Все серийные модели снабжены способностью читать и черпать информацию из книг и статей, но это мертвые факты и к тому же устаревшие. Джейн нужны свежие мысли, она должна слышать интонации, она должна знать даже второстепенные детали и обладать сведениями, не имеющи-

ми прямого отношения к данному вопросу. Как, черт побери, мы можем заранее отгадать, что и когда ее взволнует и выльется затем в осмысленный образ? Если бы мы все это знали, Джейн была бы нам не нужна, верно?

— В таком случае,— теряя терпение, сказал Богерт,— пригласите сюда всех специалистов по общей планетологии.

— Это ни к чему. Они будут себя здесь чувствовать не в своей тарелке. Их реакциям будет недоставать естественности. Я бы хотел, чтобы Джейн наблюдала за ними в процессе работы, чтобы она увидела оборудование, кабинеты, столы — все, что их там окружает. Прошу вас, распорядитесь, чтобы ее отвезли во Флагстафф. И признаться, мне неприятно продолжать этот бесплодный спор.

Голос Мадариана вдруг стал чем-то похож на голос Сьюзен Кэлвин. Богерт поморщился и возразил:

— Все это очень сложно. Транспортировка экспериментального робота...

— Джейн — не экспериментальный робот! Она пятая в серии.

— Но ведь предыдущие четыре были неудачными!

Мадариан сделал протестующий жест.

— А кто вас просит сообщать об этом властям?

— Как раз сейчас я беспокоюсь не о неприятностях со стороны властей. В особых случаях их можно убедить, что это необходимо. Нет, меня тревожит общественное мнение. За последние пятьдесят лет мы достигли больших успехов, и мне бы не хотелось быть отброшенным на двадцать лет назад только потому, что вы можете потерять контроль над...

— Но я не потеряю над ней контроль. Что за дурацкая мысль! Послушайте, Питер, «Ю. С. Роботс» может зафрахтовать специальный лайнер. Мы приземлимся в ближайшем коммерческом аэропорту и тут же затеряемся среди сотен других кораблей. Там будет ждать фургон, который доставит нас во Флагстафф. Джейн поместим в контейнер, и никто даже не заподозрит, что в лабораторию привезли не машину, а робота. На нас просто не обратят внимания. Но Флагстафф будет информирован о

цели нашего визита. И они сами будут заинтересованы в том, чтобы никто ничего не пронюхал.

Богерт размышлял.

— Самой опасной частью пути будет перевозка в самолете и в машине. Если что-нибудь случится с контейнером...

— Ничего не случится.

— Ну что ж, быть может, все и обойдется, если только выключить Джейн на время пути. Тогда, если даже кто-то и заметит, что она внутри...

— Нет, Питер. Будь это любой другой робот, но не Джейн-5. Ведь стоило ее включить, как у нее заработали свободные ассоциации. Все сведения, которыми она обладает, могут как бы законсервироваться на время отключения, а свободные ассоциации разрушатся. Нет, Питер. Ее вообще нельзя выключать!

— Но если вдруг обнаружится, что мы перевозим действующего робота...

— Можете не беспокоиться.

Мадариан продолжал настаивать, и в один прекрасный день самолет поднялся в воздух. Это был автоматический реактивный самолет новейшей конструкции. Но ради предосторожности на нем находился пилот — один из служащих фирмы. Контейнер с Джейн без всяких приключений прибыл в аэропорт, а оттуда его в целости и сохранности доставили в научно-исследовательскую лабораторию Флагстаффа.

Первое сообщение от Мадариана Питер Богерт получил меньше чем через час после их прибытия во Флагстафф. Мадариан просто купался в блаженстве. Это было в его характере: он не мог утерпеть, чтобы не похвалиться. Связь была установлена посредством лазерного луча секретным способом, затрудняющим перехват. Но Богерт все же волновался: в распоряжении властей была аппаратура, достаточно чувствительная, чтобы уловить и такой сигнал. Впрочем, с какой стати кому-нибудь взбредет в голову следить за Мадарианом? Эта мысль несколько утешила Богерта.

— Господи, вовсе не обязательно было вызывать меня! — воскликнул он.

Но Мадариан, не обращая внимания на его слова, захлебывался от восторга:

— Настоящее вдохновение! Ну просто гений!

Какое-то время Богерт молча смотрел на трубку и вдруг спросил растерянно:

— Что, уже? Ответ найден?

— Что вы, конечно, нет. Черт возьми, дайте нам время! Я говорю о ее голосе. Вот тут я блеснул! Вы только послушайте. Когда нас доставили в административный корпус Флагстаффа, контейнер открыли и Джейн вышла, все так и попятились. Струсили. Болваны! Если уж ученые не доверяют Законам роботехники, чего ожидать от всех прочих? Прошла минута. Я уже думал: «Ну все. Они не станут при ней разговаривать, а если она рассердится, то вообще разбегутся, потому что не способны мыслить».

— И чем же все кончилось?

— Она с ними поздоровалась. Произнесла своим красивым контральто: «Добрый день, джентльмены! Рада с вами познакомиться!» Да, это то, что надо! Один сотрудник поправил галстук, другой приглалил ладонью шевелюру. Но лучше всех отреагировал самый пожилой: стал оглядывать свой костюм, все ли в порядке. Честное слово! Они прямо без ума от нее. Такой голос их сразу покорил, и для них она больше не робот, а женщина.

— Неужели они с ней разговаривали?

— Еще как! Надели я ее кокетливыми интонациями, они принялись бы назначать ей свидания. Условные рефлексы? Глупости! Вы же знаете, мужчины чрезвычайно чутко реагируют на голоса.

— Возможно, возможно, Клинтон. А где сейчас Джейн?

— С ними. Они не отпускают ее от себя.

— Черт возьми! Идите же к ней и не спускайте с нее глаз!

В последующие десять дней пребывания во Флагстаффе Мадариан все реже связывался с Богертом и его восторги явно шли на убыль. Джейн, сообщал он, ко все-

му внимательно прислушивается и время от времени отвечает на вопросы. Она по-прежнему пользуется успехом и ходит куда хочет. Но пока что безрезультатно.

— Ничего нового? — спросил Богерт.

Мадариан тут же занял оборонительную позицию.

— Еще рано о чем-либо говорить. Нельзя употреблять слово «ничего», когда речь идет об интуитивном роботе. Разве можно предвидеть, что и как на нее подействует? Сегодня утром, например, она спросила Дженсена, что он ел на завтрак.

— Роситера Дженсена, астрофизика?

— Ну да. Оказалось, что он не завтракал, только выпил чашечку кофе.

— Итак, ваша Джейн учится вести светские беседы? Вряд ли это оправдывает расходы...

— Послушайте, Питер, не валяйте дурака. Это не пустые разговоры. Для Джейн все важно... Раз она задала такой вопрос, значит, он как-то ассоциировался с ее мыслями.

— А о чем она могла думать?

— Откуда мне знать? Если бы я знал, то сам был бы Джейн и вы бы в другой не нуждались. Но я убежден: что бы она ни делала, во всем есть скрытый смысл. Ведь заложенная в ней программа имеет главную цель — определить, существует ли планета с оптимальными условиями для жизни на оптимальном расстоянии...

— Ну ладно. Только больше меня не вызывайте, пока Джейн не найдет решения. Мне вовсе не обязательно быть в курсе мельчайших подробностей о возможных ассоциациях.

Богерт уже не надеялся, что Джейн чего-нибудь добьется. С каждым днем его интерес ослабевал, а потому долгожданная новость застала Богерта врасплох. Да и услышал он о ней в последнюю минуту.

Это заключительное, самое главное сообщение Мадариан произнес вполголоса. Его восторги прошли все фазы развития, и теперь он был почти спокоен.

— Она нашла,— сказал он.— Она нашла, когда сам я уже в это не верил. После того как два-три раза подряд

записала в лаборатории то, что ей было нужно, и ни разу ничего дельного не сказала. Теперь все в порядке. Я говорю с борта самолета, на котором мы возвращаемся. Он только что взлетел.

Богерт наконец перевел дыхание.

— Слушайте, Клинтон, хватит болтовни. Вы получили конкретный ответ? Говорите без обиняков.

— Да, получил. Он у меня в кармане. Джейн назвала три звезды в радиусе восьмидесяти световых лет, в системах которых, по ее мнению, вероятность нахождения обитаемой планеты составляет от шестидесяти до девяноста процентов, а вероятность того, что по крайней мере одна из них та самая, которую мы ищем,— девяносто семь и две десятых процента, иначе говоря, уверенность почти полная. Как только мы вернемся, она объяснит нам ход рассуждений. Помяните мое слово, теперь вся астрофизика и космология будут...

— Все это точно?

— А по-вашему, я брежу? У меня даже свидетель есть. Бедняга просто подскочил от неожиданности, когда Джейн вдруг принялась излагать решение своим мелодичным контральто...

И как раз в этот миг произошло роковое столкновение. Мадариан и пилот превратились в кровавые лохмотья, а от Джейн вообще не осталось почти ничего.

Еще никогда в фирме «Ю. С. Роботс» не царило такого отчаяния. Робертсон пытался утешить себя мыслью, что, по крайней мере, катастрофа не выдала нарушения правил, в которых была повинна фирма.

Богерт сокрушенно покачал головой:

— Мы упустили превосходнейшую возможность помочь роботам завоевать доверие людей и наконец преодолеть этот проклятый комплекс Франкенштейна. Какой это был бы успех! Один робот нашел решение проблемы обитаемых планет, другие облегчают осуществление межзвездного прыжка. Роботы распахнули бы перед нами просторы Галактики. И помимо всего прочего, мы про-

двинули бы науку вперед в десятках различных направлений! Невозможно даже вообразить все преимущества, какие мы могли бы извлечь для человечества и для нас самих...

— Но разве мы не в состоянии создать новых Джейн, пусть даже без помощи Мадариана? — перебил Робертсон.

— Конечно, в состоянии. Но трудно рассчитывать, что соотношения снова будут удачными. Как знать, насколько мала вероятность полученного Джейн результата? А вдруг Мадариану просто бешено повезло, как это бывает с новичками? И только для того, чтобы он сразу же бессмысленно погиб. Метеорит угодил точно в... Нет! Это невероятно!

Робертсон нерешительно пробурчал:

— А вдруг это... не случайно? Я хочу сказать, может, нам не следовало знать того, что узнала Джейн. Может, метеорит был возмездием...

Испепеляющий взгляд Богерта заставил его замолчать.

— Не думаю, чтобы это был полный провал,— сказал глава исследовательского отдела.— Другие Джейн помогут нам. Никто не помешает снабдить их женскими голосами, если это как-то способствует их популярности. Но как к этому отнесутся женщины? Знать бы только, что сообщила Джейн!

— В последнем разговоре с вами Мадариан упомянул какого-то свидетеля.

— Я помню. И принял это к сведению. Неужели вы думаете, что я не связался с Флагстаффом? Но там никто не слышал от Джейн ничего примечательного, ничего, что хотя бы отдаленно походило на решение проблемы обитаемых планет. А они там, конечно, поняли бы любой намек, если он вообще был сделан.

— Неужели Мадариан солгал? А может, он просто сошел с ума? Или это была уловка?

— Неужели вы серьезно думаете, что ради спасения своей репутации он заявил бы, будто решение найдено, заставил бы Джейн навеки замолчать, а нам сказал бы:

«Как ни жаль, но с ней что-то неладно!»? Нет, меня в этом никто не убедит. Уж легче поверить, что он нарочно столкнулся с метеоритом!

— Что же нам делать?

Богерт решительно заявил:

— Поехать во Флагстафф. Ответ там. Нужно заняться этим на месте, вот и все. Я возьму с собой сотрудников Мадариана. Мы перевернем все вверх дном.

— Но послушайте, Богерт, даже если и был свидетель, который все слышал, что нам это даст? Ведь Джейн больше нет и некому объяснить ход рассуждений.

— Поймите, важны даже мельчайшие детали! Джейн скорее всего назвала не звезды, а их номера по каталогу. Ведь ни у одной из звезд, имеющих названия, нет планетных систем. Если кто-нибудь слышал, пусть мельком, как Джейн упоминала какой-то номер, то с помощью психозонда его можно было бы восстановить. Это было бы уже нечто. Располагая конечными результатами и сведениями, сообщенными Джейн вначале, мы могли бы потом проследить ход ее рассуждений. И тем самым, возможно, спасли бы положение!

Через три дня Богерт вернулся из Флагстаффа в подавленном настроении.

Когда Робертсон нетерпеливо осведомился о результатах поездки, он покачал головой:

— Ничего!

— Ничего?

— Абсолютно. Я разговаривал с учеными, техническим персоналом и даже студентами. Со всеми, кто хоть как-то общался с Джейн или ее видел. Их немного: должен признать, Мадариан действовал с большой осмотрительностью. Он позволял ей беседовать лишь с планетологами, у которых она могла бы почерпнуть нужные новые сведения. Их всего двадцать три. Двадцать три человека, которые вообще видели Джейн, и лишь двенадцать из них разговаривали с ней, а не просто обменивались любезностями. Я расспрашивал обо всем, что

говорила Джейн. Они хорошо помнят ее слова, все они умные люди и понимают всю важность проблемы. Естественно, они сами стремились бы все вспомнить. Ведь разговаривали они с роботом, что само по себе производило неизгладимое впечатление. А тут еще голос звезды телевидения,— конечно, они запомнили все до мелочей.

— Но с помощью психозонда...— начал было Робертсон.

— Если бы хоть один из них пусть даже смутно вспомнил, что Джейн как будто сказала что-то очень важное, я бы уговорил его согласиться на испытание психозондом. Но мыслимо ли подвергать подобной процедуре добрых два десятка человек, для которых мозг — главный источник существования! Честно говоря, это ни к чему не приведет. Если бы Джейн назвала три звезды и упомянула, что в их системах могут быть обитаемые планеты, представьте, как это их ошеломило бы! Точно взрыв вулкана. Конечно, ни один из них этого не забыл бы.

— Значит, кто-то из них лжет,— мрачно произнес Робертсон.— Рассчитывает приберечь эти сведения для себя, чтобы потом прославиться.

— А как он это проделает? Вся обсерватория знает, с какой целью Мадариан и Джейн приезжали туда. Они осведомлены также и о цели моего визита. Если в будущем кто-нибудь из нынешних сотрудников вдруг представит совершенно оригинальную, но верную гипотезу об обитаемых планетах, то не только в нашей фирме, но и во Флагстаффе никто не усомнится, что это плагиат. Так что его ждет полный провал.

— Значит, ошибся Мадариан.

— Нет, в это я также не могу поверить. Конечно, Мадариан, как и все робопсихологи, был крайне неуравновешенным человеком. Видимо, причина заключается в том, что они привыкли общаться с роботами больше, чем с людьми. Это так. Но дураком-то он не был! В подобном вопросе он не мог ошибиться.

— Получается...

Но тут Робертсон исчерпал запас догадок. Оба зашли в тупик и несколько минут недовольно смотрели друг на друга. Потом Робертсон воскликнул:

— Питер!

— Что?

— Может быть, посоветоваться со Сьюзен?

Богерт весь напрягся:

— То есть?

— Позвоним Сьюзен и попросим ее приехать сюда.

— А что она, собственно, сможет сделать?

— Не знаю. Но ведь она робопсихолог и способна лучше, чем кто-либо другой, понять замыслы Мадариана. И кроме того, она... О, вы ведь знаете, у нее всегда было больше серого вещества, чем у любого из нас!

— Не забывайте, ей около восьмидесяти лет!

— А вам семьдесят. Ну и что?

Богерт вздохнул. Кто знает, быть может, за эти годы бездействия язвительности у нее поубавилось? И он сказал:

— Хорошо! Я ее приглашу.

Войдя в кабинет Богерта, Сьюзен Кэлвин внимательно оглядела все вокруг, прежде чем встретиться глазами с руководителем исследовательского отдела. Она очень постарела со времени своего ухода. Ее волосы стали белоснежными, лицо избороздили глубокие морщины. Она так похудела, что казалась почти прозрачной. И только ее проницательные глаза оставались прежними.

Богерт шагнул ей навстречу и протянул руку. Сьюзен Кэлвин обменялась с ним рукопожатием и произнесла:

— Для старика, Питер, вы выглядите вполне прилично. Но на вашем месте я не стала бы дожидаться будущего года. Уходите на пенсию, освобождайте место для молодежи. А Мадариан погиб. Неужто вы вызвали меня, чтобы предложить мне мое прежнее место? Так вы дойдете до того, что будете держать стариков еще год после их смерти.

— Нет, нет, Сьюзен! Я просил вас приехать...— Он замялся, не зная, с чего начать.

Но Сьюзен читала его мысли так же легко, как и раньше. Она села с осторожностью, какой требовали ее ревматические суставы, и сказала:

— Питер! Вы обратились ко мне потому, что дело плохо. Иначе даже мертвую вы меня ближе, чем на пушечный выстрел, не подпустили бы.

— Право же, Сьюзен!

— Не тратьте время на пустые разговоры! У меня на это никогда не хватало времени, даже когда мне было сорок, ну а сейчас тем более... Смерть Мадариана и ваш вызов явно связаны между собой. Случайное совпадение двух таких редчайших событий слишком маловероятно. Начните с самого начала и не бойтесь показать, какой вы дурак. Я уже давно заметила эту вашу особенность.

Богерт откашлялся с несчастным видом и принялся рассказывать. Она внимательно слушала, время от времени поднимала иссохшую руку, останавливая его, и задавала вопросы. Когда он упомянул интуицию, она презрительно фыркнула:

— Женская интуиция? Для этого понадобился такой робот? Как типично для мужчин! Вы не можете допустить, что женщина, которая делает правильные умозаключения, равна вам или даже превосходит вас по интеллектуальному уровню, и вы придумываете какую-то женскую интуицию.

— Но, Сьюзен, я еще не кончил.

Когда же он упомянул про контральто Джейн, она заметила:

— Иногда просто трудно решить, то ли возмущаться мужчинами, то ли раз и навсегда признать их всех абсолютными ничтожествами!

— Дайте же мне рассказать, Сьюзен,— сердито сказал Богерт.

Едва он кончил, Сьюзен сказала:

— Можете вы уступить мне кабинет на час-другой?

— Да, но...

— Я хочу изучить все: программу Джейн, сообщения Мадариана, ваши беседы во Флагстаффе. Надеюсь, вы разрешите в случае надобности воспользоваться вашим

прекрасным лазерным телефоном, несмотря на его секретность, и вашим вычислительным устройством.

— Ну разумеется!

— Тогда избавьте меня от вашего присутствия, Питер!

Уже через сорок пять минут Сьюзен прошаркала к двери, открыла ее и позвала Богерта. Он вошел в сопровождении Робертсона, с которым она сухо поздоровалась:

— Привет, Скотт!

Богерт тщетно пытался угадать что-либо по ее лицу. Но это было суровое лицо старухи, которая не имела ни малейшего желания успокоить его. Он осторожно осведомился:

— Как вы думаете, Сьюзен, вам удастся нам помочь?

— Помимо того, что я уже сделала? Нет.

Богерт сердито сжал губы, но тут вмешался Робертсон:

— Что же вы сделали, Сьюзен?

— Я немного поразмыслила. К сожалению, сколько я ни старалась, никому другому привить эту привычку мне не удалось. Сначала я думала о Мадариане. Я ведь хорошо его знала. Он был умен, но легко возбудим и к тому же весь нараспашку. Думаю, Питер, вы ощутили приятную перемену, когда я ушла.

— Да, это кое-что изменило,— не смог удержаться Богерт.

— И он, как мальчишка, сразу же прибегал к вам с каждой новой идеей, ведь так?

— Да!

— И однако о том, что Джейн нашла решение, он сообщил вам, уже когда сидел в самолете. Зачем он ждал так долго? Почему не связался с вами из Флагстаффа сразу же после того, как Джейн назвала ему звезды?

— Быть может,— сказал Богерт,— он впервые в жизни решил проверить все досконально. Ведь ничего подобного ему еще добиться не удавалось, и он предпочел выждать, пока у него не будет полной уверенности...

— Наоборот! Чем важнее открытие, тем меньше стал бы он ждать. А раз уж он проявил столь редкостное терпение, почему же он не выдержал до конца и не отложил

разговора с вами до возвращения, чтобы прежде проверить решение с помощью вычислительной техники, которой располагает фирма? Короче говоря, с одной стороны, он ждал слишком долго, а с другой — слишком мало.

— Следовательно, он нас просто разыгрывал? — перебил Робертсон.

— Послушайте, Скотт, не пытайтесь состязаться с Питером в идиотских замечаниях,— резко ответила Сьюзен.— Итак, я продолжаю. Другой интересный факт — это свидетель. Судя по записи последнего разговора, Мадариан сказал: «Бедняга просто подскочил от неожиданности, когда Джейн вдруг принялась излагать решение своим мелодичным контральто». Это были его последние слова. Но почему подскочил свидетель? Мадариан говорил вам, что все в обсерватории с ума посходили от ее голоса, а они провели там десять дней. Почему же тот факт, что она вдруг заговорила, мог кого-то из них так удивить?

— Я думаю, оттого,— ответил Богерт,— что Джейн сообщила наконец решение проблемы, которая вот уже столетие волнует умы планетологов.

— Но ведь именно на это они и рассчитывали, такова была цель поездки. Кроме того, вдумаемся в эту фразу. По словам Мадариана, свидетель был потрясен, а не просто удивлен — если, конечно, вы в состоянии уловить разницу. К тому же он подскочил, «когда Джейн вдруг принялась излагать решение», иначе говоря, в самом начале ее речи. Чтобы удивиться смыслу фразы, свидетелю нужно было бы послушать хотя бы несколько мгновений, но в этом случае Мадариан сказал бы, что он подпрыгнул после того, как услышал слова, произнесенные Джейн, а не «вдруг».

Богерт сказал растерянно:

— Не думаю, чтобы все дело было в одном слове...

— А я думаю,— ледяным тоном отрезала Сьюзен.— Потому что я робопсихолог и могу предположить, что и как сказал бы Мадариан в определенной ситуации. Он тоже был робопсихологом. Следовательно, остается объяснить две странности: странную задержку Мадариана и странную реакцию свидетеля.

— И вы можете их объяснить? — спросил Робертсон.

— Естественно. С помощью элементарной логики. Мадариан сообщил новость сразу же, как делал обычно, или же настолько быстро, насколько сумел. Если бы Джейн решила проблему во Флагстаффе, он, безусловно, связался бы с вами оттуда. Но поскольку он говорил с самолета, значит, она выдала результат после того, как они покинули обсерваторию.

— Но в этом случае...

— Дайте мне закончить. Мадариан прямо с аэродрома поехал во Флагстафф в большом, закрытом фургоне? И Джейн в ее контейнере вместе с ним?

— Совершенно верно.

— Обратно на аэродром Мадариана и контейнер с Джейн доставила та же самая машина? Это точно?

— Да.

— И в этой машине они были не одни. В одном из сообщений Мадариана есть такие слова: «Когда нас доставили в административный корпус». Я думаю, что не ошибусь, полагая, что, если их доставили, значит, в машине был еще один человек — шофер!

— Черт побери!

— Ваша ошибка, Питер, заключалась в том, что вы решили, будто свидетелем, услышавшим решение, которое предложила Джейн, должен быть обязательно планетолог. Вы делите человечество на категории и большую часть их презираете или не принимаете в расчет. Робот так рассуждать не в состоянии. Первый закон гласит: «Робот не может причинить вред человеку или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинен вред». Речь идет о любом человеке. Для роботов в этом и заключается сущность их взгляда на жизнь. Робот не проводит разграничений. Для него все люди совершенно равны, и для робопсихологов, имеющих дело как с людьми, так и с роботами,— тоже. Мадариану и в голову не пришло уточнить, что заявление Джейн слышал шофер фургона. Для вас шофер — одушевленная принадлежность машины, и только, но для Мадариана это был человек и свидетель. Ни больше ни меньше!

Богерт недоверчиво покачал головой.

— И вы в этом уверены?

— Конечно! А как же иначе можно объяснить фразу Мадариана о том, что свидетель был потрясен? Джейн находилась в контейнере, но не была выключена. Насколько мне известно, Мадариан не разрешал отключать своего интуитивного робота даже ненадолго. Кроме того, Джейн-5, как и остальные роботы ее серии, была на редкость молчаливой. Мадариану, вероятно, и в голову не пришло запретить ей разговаривать в контейнере. Но, судя по всему, именно в контейнере решение окончательно сложилось в мозгу Джейн. И она заговорила. Внезапно в контейнере раздалось прекрасное контральто. Что бы вы испытали на месте шофера? Конечно, были бы потрясены. Чудо, что не произошло аварии.

— Но если этот шофер и в самом деле был свидетелем, почему же он молчал?

— Почему? А откуда ему было знать, что произошло нечто необыкновенное? Как он мог оценить значение того, что услышал? К тому же Мадариан, вероятно, дал ему приличные чаевые, чтобы он держал язык за зубами. Вы бы хотели, чтобы стало известно, что действующего робота тайком перевозят на Земле?

— Но вспомнит ли шофер, что сказала Джейн?

— А почему бы и нет? На ваш взгляд, Питер, шофер по уровню своего развития мало чем отличается от обезьяны и не способен ничего удержать в памяти? Но есть совсем не глупые шоферы. Раз он был так поражен, то, несомненно, запомнил, что говорила Джейн,— хотя бы частично. Ну а если какие-то буквы или цифры он спутает, беда невелика. Ведь речь идет о довольно ограниченном числе звезд и звездных систем. В радиусе восьмидесяти световых лет есть примерно пять тысяч пятьсот звезд. Я точно не проверяла. Но определить, какие из них имелись в виду, будет не так уж трудно. А кроме того, у вас есть достаточно веский повод, чтобы воспользоваться психозондом, если уж иного выхода не останется.

Двое мужчин уставились на Сьюзен. Наконец Богерт, который боялся верить своим ушам, прошептал:

— Откуда у вас такая уверенность?

Сьюзен чуть было ему не ответила:

«Потому что я связалась с Флагстаффом, идиот! Потому что я разговаривала с шофером и он повторил мне то, что услышал. Потому что я велела проверить эти данные на вычислительной машине Флагстаффа и мне назвали три звезды, которые соответствуют полученным сведениям. Потому что их названия у меня в кармане!»

Но она сдержалась. Пусть он сам все выяснит. Она с трудом встала и ответила саркастическим тоном:

— Откуда у меня такая уверенность? Если угодно, назовите это женской интуицией.

Двухсотлетний человек

1

— Благодарю вас,— сказал Эндрю Мартин и опустился на предложенный стул. По его виду никто не догадался бы, что он дошел до последней черты. Однако это было так.

Впрочем, его вид вообще ни о чем не говорил, так как лицо у него было сама невозмутимость, если не считать печали, словно затаившейся в глазах. Светло-каштановые волосы лежали ровной красивой волной, щеки и подбородок выглядели так, словно он только что тщательно побрился. В бесспорно старомодной одежде преобладали бархатистые пурпурные тона.

За столом перед ним сидел хирург. Серия цифр и букв на вделанной в стол табличке сообщала о нем все необходимые данные, но Эндрю бросил на табличку лишь беглый взгляд. Все равно обращение «доктор» оставалось наиболее уместным.

— Как скоро может быть совершена эта операция, доктор? — спросил он.

Хирург сказал негромко с той неизменной нотой уважения в голосе, с какой любой робот обращался к любому человеку:

— Я не вполне понял, сэр, кто и каким образом должен подвергнуться этой операции.

Лицо хирурга могло бы выразить почтительную непреклонность, если бы робот его типа из нержавеющей ста-

ли с легким бронзовым отливом был способен выразить ее или вообще хоть что-то.

Эндрю Мартин разглядывал правую руку робота, его оперирующую руку, которая лежала на столе в спокойной неподвижности. Длинные пальцы обладали сложной, но изящной формой и с удивительной легкостью могли стать единым целым со скальпелем или другим инструментом.

Он будет оперировать без колебаний и промахов, без сомнений и ошибок — результат специализации, которой люди добивались с таким упорством, что теперь роботы за редким исключением вообще не снабжались независимо мыслящим мозгом. К исключениям, естественно, относились хирурги. Но этот, хотя и обладал мозгом, мыслил настолько узко, что не узнал Эндрю, а возможно, вообще ни разу о нем не слышал.

— Вы никогда не думали о том, что хотели бы родиться человеком? — спросил Эндрю.

Хирург помолчал, словно вопрос не укладывался в позитронные цепи его мозга.

— Но ведь я робот,— ответил он неуверенно.

— Однако быть человеком предпочтительнее, не так ли?

— Предпочтительнее, сэр, быть более хорошим хирургом. Будучи человеком, я этого достигнуть не мог бы. И я хотел бы быть роботом новейшей модели.

— И вас не оскорбляет, что я могу вами распоряжаться? Заставить встать, сесть, пойти налево или направо, всего лишь отдав такое приказание?

— Повиноваться вам, сэр, мне приятно. Если ваши приказы помещают мне функционировать с наибольшей пользой для вас или любого другого человека, я их не выполню. Первый закон, определяющий мой долг в отношении человеческой безопасности, превалирует над Вторым законом, требующим повиновения. А во всем остальном повиноваться для меня удовольствие... Но кого я должен оперировать?

— Меня,— ответил Эндрю.

— Невозможно. Операция заведомо вредна. Я не могу причинять вред,— сказал хирург.

— Человеку,— возразил Эндрю.— Но я тоже робот.

2

Когда Эндрю был только-только... изготовлен, он заметно больше походил на робота. Внешность его была внешностью общей для всех когда-либо сконструированных и безупречно функциональных роботов.

Он отлично показал себя в доме, куда его доставили в те дни, когда роботы не только в частных домах, но и на всей планете были еще огромной редкостью.

В доме обитали четверо: Сэр, Мэм, Мисс и Крошка Мисс. Конечно, он знал их имена, но вслух никогда не произносил. Сэра звали Джералд Мартин.

Серия его была НДР, а номер он забыл. Конечно, с той поры прошло много лет, но, естественно, он не смог бы забыть цифры, если бы хотел их помнить.

Эндрю его первой назвала Крошка Мисс, потому что еще не умела читать буквенные обозначения. Остальные последовали ее примеру.

Крошка Мисс... Она дожила до девяноста лет и умерла уже давно. Как-то раз он попытался назвать ее Мэм, но она не позволила и осталась Крошкой Мисс до конца своих дней.

Эндрю был запрограммирован как камердинер, дворецкий и горничная. Для Эндрю это был испытательный период, как и для всех роботов везде, кроме промышленных предприятий и опытных станций вне пределов Земли.

Мартинам он доставлял массу удовольствия и часто не успевал исполнять свои прямые обязанности, потому что Мисс и Крошка Мисс требовали, чтобы он играл с ними.

Мисс первая сообразила, как можно это устроить. Она сказала:

— Мы приказываем тебе играть с нами, а ты обязан выполнять приказы.

— Простите, Мисс,— возразил Эндрю,— но предшествующее приказание Сэра обладает большей силой.

И тут она объявила:

— Папа просто сказал, что было бы недурно, если бы ты занялся уборкой. Какой же это приказ? А я тебе *приказываю*!

Сэр не возражал. Сэр любил Мисс и Крошку Мисс даже больше, чем их любила Мэм. И Эндрю тоже их любил. Во всяком случае, их влияние на его действия было таким, какое у человека было бы названо влиянием любви. И Эндрю называл это любовью за неимением более подходящего термина.

А деревянный кулон Эндрю вырезал для Крошки Мисс. Она ему приказала. Мисс, насколько он понял, на день рождения подарили кулон, вырезанный из слоновой кости в форме витой раковинки. И Крошка Мисс очень огорчилась: ей хотелось такой же. У нее нашелся только кусочек дерева, и она принесла его Эндрю вместе с кухонным ножичком.

Он вырезал очень быстро, а Крошка Мисс сказала:

— Эндрю! Какой красивый. Я покажу его папочке.

Сэр не поверил.

— Откуда он у тебя, Мэнди?

Крошку Мисс он называл Мэнди. И когда убедился, что она говорит правду, то повернулся к Эндрю:

— Это ты вырезал, Эндрю?

— Да, сэр.

— И форму придумал сам?

— Да, сэр.

— С чего ты скопировал эту форму?

— Я выбрал геометрическую фигуру, сэр, отвечающую текстуре древесины.

На следующий день Сэр принес ему новый кусок дерева — побольше — и электрический вибронож. Он сказал:

— Изготовь из этого что-нибудь, Эндрю. А что — реши сам.

Эндрю так и сделал. Сэр смотрел, как он работает, а потом долгое время рассматривал изделие. С тех пор Эндрю уже не прислуживал за столом. Вместо этого ему было приказано читать книги об изготовлении мебели, и он научился делать всякие столы и бюро.

Сэр сказал:

— Это изумительные изделия, Эндрю.

А Эндрю ответил:

— Я наслаждаюсь, делая их, сэр.

— Наслаждаешься?

— Когда я их делаю, сэр, связи у меня в мозгу возбуждаются по-особенному. Я слышал, как вы употребляли слово «наслаждаться». Тот смысл, который вы в него вкладываете, соответствует тому, что ощущаю я. Делая их, я наслаждаюсь, сэр.

3

Джералд Мартин поехал с Эндрю в региональный филиал «Ю. С. Роботс энд мекэникл мен корпорейшн». Сэра, члена Регионального законодательного собрания, старший робопсихолог принял немедленно. Собственно говоря, именно положение конгрессмена давало ему право иметь робота — в те первые дни, когда роботы были редкостью.

Тогда Эндрю еще ничего этого не понимал, но впоследствии, расширив сферу своих познаний, он мысленно воспроизвел эту сцену и увидел ее в надлежащем свете.

Мертон Мэнски, робопсихолог, слушал, все больше хмурился и не раз чуть было не принимался барабанить по столу. Лицо у него было испитое, лоб в глубоких складках, и, возможно, он выглядел старше своих лет.

— Создание роботов, мистер Мартин,— сказал он,— это не точное искусство. Яснее мне объяснить трудно, однако математические формулы, определяющие системы позитронных связей, чрезвычайно сложны и позволяют находить лишь приблизительные решения. Естественно, Три закона непререкаемы, поскольку мы во всем исходим из них. Разумеется, вашего робота мы заменим...

— Ни в коем случае,— сказал Сэр.— Речь ведь не о неполадках. Свои прямые обязанности он выполняет безупречно. Но кроме того он изумительно режет по дереву, никогда не повторяясь. Он создает произведения искусства.

— Странно! — Мэнски словно бы растерялся.— Конечно, в настоящее время мы стремимся делать связи более общими... По-вашему, это истинное творчество?

— Судите сами.— Сэр протянул ему деревянный шарик с изображением площадки для игр. Фигурки детей были такими мелкими, что их не сразу удавалось различить, и в то же время они обладали поразительной пропорциональностью и настолько гармонировали с древесным рисунком, что и он казался вырезанным.

— Это его работа? — сказал Мэнски, возвращая шарик и покачивая головой.— Счастливая случайность. Что-то в расположении связей...

— А повторить вы сумеете?

— Скорее всего нет. Ни о чем подобном еще ни разу не сообщалось.

— Отлично. Я рад, что Эндрю — единственный в своем роде.

Мэнски сказал:

— Полагаю, компания охотно взяла бы вашего робота для изучения.

Сэр ответил с неожиданной мрачностью:

— Ничего не выйдет. И думать забудьте.— Он обернулся к Эндрю.— Едем домой.

— Как вам угодно, сэр,— ответил Эндрю.

4

Мисс назначала свидания мальчикам и редко бывала дома. Теперь мир Эндрю сосредоточивался вокруг Крошки Мисс — уже далеко не крошки. Но она не забывала, что первое свое изделие он вырезал для нее — деревянный кулончик на серебряной цепочке, который она всегда носила на шее.

И это она первая воспротивилась манере Сэра раздаривать его изделия. Она сказала:

— Знаешь, папа, пусть те, кому они нравятся, платят за них. Они ведь стоят недешево.

— Давно ли ты стала корыстолюбивой, Мэнди? — спросил Сэр.

— Деньги пойдут не нам, папа, а художнику.

Эндрю никогда раньше не слышал этого слова и, когда у него выдалась свободная минута, посмотрел его значение в толковом словаре. А потом они с Сэром снова поехали. На этот раз к адвокату Сэра.

Сэр сказал адвокату:

— Что вы о ней думаете, Джон?

Адвоката звали Джон Фейнголд. У него были белые волосы и пухлый живот, а по краям его контактных линз шел ярко-зеленый ободок. Он посмотрел на резную дощечку, которую протянул ему Сэр.

— Очень красиво... Но я уже слышал новость. Ее вырезал ваш робот. Тот, который с вами здесь.

— Да, это работа Эндрю. Верно, Эндрю?

— Да, сэр,— сказал Эндрю.

— Сколько бы вы заплатили за нее, Джон?

— Право, не знаю. В таких вещах я не знаток.

— А вы поверите, что мне за эту вещицу предлагали двести пятьдесят долларов? Стулья Эндрю раскупались по пятьсот. В банке лежат двести тысяч долларов, вырученных за изделия Эндрю.

— Боже мой! Он сделает вас богачом, Джералд!

— Наполовину,— сказал Сэр.— Вторая половина положена на имя Эндрю Мартина.

— Робота?

— Вот именно. И я хочу знать, законно ли это.

— Законно ли? — Фейнголд откинулся на спинку скрипнувшего кресла.— Прецедентов не существует, Джералд. Но как ваш робот подписал необходимые документы?

— Он умеет писать свое имя. И я отвез образец его подписи в банк. Самого его я туда брать не стал. Можно ли сделать еще что-то?

— Хм-м...— Фейнголд завел глаза вверх, потом сказал: — Можно учредить опеку для ведения всех его финансовых дел, обеспечив таким образом защитный слой между ним и враждебным миром. А в остальном советую вам больше ничего не предпринимать. Пока ведь никто вам не препятствует. Если у кого-нибудь возникнут возражения, пусть он вчиняет иск.

— И вы возьметесь вести дело, если такой иск вчинят?
— Разумеется. За соответствующий гонорар.
— Какой?
— Вот в таком духе.— И Фейнголд указал на дощечку.
— Вполне честно! — кивнул Сэр.
Фейнголд со смешком обернулся к роботу:
— Эндрю, ты доволен, что у тебя есть деньги?
— Да, сэр.
— И что же ты думаешь с ними делать?
— Платить за все то, за что иначе пришлось бы платить Сэру. Это сократит его расходы, сэр.

5

Случаев представилось много. Ремонт обходился дорого, а переделки еще дороже. С годами появлялись все новые модели роботов, и Сэр следил, чтобы Эндрю извлекал пользу из всех усовершенствований, пока он не стал металлическим шедевром. Оплачивалось это из средств Эндрю. На этом настаивал он.

Только его позитронные связи сохранялись в неприкосновенности. На этом настаивал Сэр.

— Новые роботы хуже тебя, Эндрю,— сказал он.— Они никуда не годны. Компания научилась делать связи точными — от сих до сих, единообразно и однозначно. Новые роботы стабильны. Они делают то, для чего сконструированы, и не отклоняются ни на йоту. Ты мне нравишься больше!

— Благодарю вас, сэр.

— И это все из-за тебя, Эндрю, не забывай. Я убежден, что Мэнски прекратил работу над общими связями, как только хорошенько на тебя поглядел. Непредсказуемость его не устраивала... Знаешь, сколько раз он требовал тебя, чтобы подвергнуть изучению? Девять! Но я не допустил, чтобы ты попал к нему в лапы, а теперь, когда он ушел на пенсию, может быть, мы вздохнем свободнее.

Волосы Сэра поседели, поредели, лицо обрюзгло, но Эндрю выглядел даже лучше, чем в те дни, когда только появился в доме.

Мэм жила теперь в Европе в какой-то колонии художников. Мисс была поэтом в Нью-Йорке. Они писали, но очень редко. Крошка Мисс вышла замуж, но поселилась неподалеку. Она говорила, что не хочет расставаться с Эндрю, и когда родился ее сын, Крошка Сэр, она позволила Эндрю кормить его из бутылочки.

Рождение внука, казалось Эндрю, должно было возместить Сэру потерю тех, кто уехал и не возвращался. И значит, уже не будет нечестно обратиться к нему с просьбой.

Эндрю сказал:

— Сэр, вы очень добры, что разрешали мне тратить деньги, как я хотел.

— Это были твои деньги, Эндрю.

— Только благодаря вашей доброй воле, сэр. Я не думаю, что закон воспрепятствовал бы вам оставить их все себе.

— Закон не заставит меня поступить непорядочно, Эндрю.

— После уплаты всех долгов и всех налогов, сэр, у меня в банке все равно накопилось без малого шестьсот тысяч долларов.

— Знаю, Эндрю.

— Я хочу отдать их вам.

— Я их не возьму, Эндрю.

— Но я хочу отдать их в обмен на что-то, чего, кроме вас, сэр, мне никто дать не может.

— А! И что же это, Эндрю?

— Моя свобода, сэр.

— Твоя...

— Я хочу купить свою свободу, сэр.

6

Это было не так просто. Услышав про свободу, Сэр покраснел, сказал «О господи!», повернулся на каблуках и вышел.

Убедить его смогла Крошка Мисс. Говорила она резко, сердито — и в присутствии Эндрю. В течение тридцати лет в присутствии Эндрю говорили и о нем, и о чем угодно еще. Он ведь был всего лишь робот.

Крошка Мисс сказала:

— Папа, но почему ты воспринимаешь это как личное оскорбление? Эндрю останется здесь по-прежнему. И будет по-прежнему предан нам. Он не может иначе. Это запрограммировано в нем. И хочет он только словесного изменения. Он хочет, чтобы его называли свободным. Что здесь ужасного? Неужели он этого не заслужил? Боже мой, мы с ним обсуждали это уже годы и годы!

— Ах обсуждали!

— Да. Но он все откладывал и откладывал, боясь тебя огорчить. Это я заставила его!

— Он не имеет понятия о свободе. Он робот.

— Папа, ты его не знаешь. Он прочел все книги в нашей библиотеке. Я не знаю, что он ощущает внутри, но ведь я не знаю, что и ты ощущаешь в душе. Попробуй поговорить с ним, и ты убедишься, что самые различные абстрактные понятия он воспринимает, как ты и я, а что еще имеет значение? Если кто-то воспринимает мир, как ты сам, то чего еще можно требовать?

— Закон не признает такой предпосылки,— гневно бросил Сэр.— Эй ты! — Он обернулся к Эндрю, и голос у него стал скрежещущим.— Сделать тебя свободным я могу, только оформив это юридически после постановления суда. Но никакой суд не только не признает тебя свободным, но и официально установит наличие у тебя денег, и тебе объяснят, что права иметь свой заработок у робота нет. Неужели ты готов лишиться своих денег из-за подобной чепухи?

— Свобода не имеет цены, сэр,— сказал Эндрю.— Даже минимальный шанс получить свободу стоит всех этих денег.

7

Суд также мог встать на точку зрения, что свобода не имеет цены и, следовательно, ни за какую, даже самую большую, цену робот не может купить свободу.

Окружной прокурор, разделяя мнение тех, кто возражал против предоставления свободы роботам, опирался на очень простой довод: понятие «свобода» в приложении

к роботу утрачивает смысл. Свободен может быть только человек.

Он повторял эту формулировку при всяком удобном случае, медленно и резко ударяя рукой по столу в такт своим словам.

Крошка Мисс попросила разрешения выступить от имени Эндрю. И тут Эндрю впервые услышал ее полное имя.

— Аманда Лора Мартин-Чарни, вы можете обратиться к суду.

Она сказала:

— Благодарю вас, ваша милость. Я не юрист и не сильна в принятой терминологии, а потому прошу вас извинить неточное словоупотребление и принимать во внимание только смысл. Прежде всего следует установить, что значит быть свободным, когда речь идет об Эндрю. В некотором смысле он уже свободен. Уже лет двадцать в семье Мартинов никто не приказывает ему сделать что-либо, чего он не готов был бы сделать сам. Во всяком случае, так нам казалось. Однако если мы пожелаем, то можем приказать ему сделать то, что угодно нам, и отдать этот приказ в самой жесткой форме. Отчего же нам предоставляется такое право, хотя он служил нам так долго, так преданно и заработал для нас столько денег? Он нам ничего не должен. Наоборот. Однако если закон запретит нам требовать от Эндрю безоговорочного исполнения приказов, он все равно будет служить нам точно так же в силу собственной потребности. Его освобождение — это всего лишь игра словами, но для него оно значило бы очень много. Оно дало бы ему все, а нам бы не стоило ничего.

На миг могло показаться, что судья прячет улыбку.

— Я понимаю вашу позицию, миссис Чарни. Собственно говоря, данный казус не предусмотрен законом, и у него нет прецедентов. Однако существует общепринятое убеждение, пусть и не облеченное в юридическую форму, что обладание свободой дано только человеку. Я облечен правом вынести решение, которое обретет силу закона, если, конечно, не будет отменено вышестоя-

щей инстанцией, но я не могу просто игнорировать вышеуказанное убеждение. И поэтому обращусь прямо к роботу, Эндрю!

— Слушаю, ваша милость.

Эндрю заговорил в первый раз за все время заседания, и судью поразил чисто человеческий тембр его голоса.

— Эндрю,— сказал судья,— для чего ты хочешь быть свободным? В каком отношении это для тебя важно?

— Хотели бы вы быть рабом, ваша милость?

— Но ты вовсе не раб. Ты безупречно функционирующий робот, робот-гений, как мне дали понять, способный к художественному неповторимому самовыражению. Что сверх этого мог бы ты сделать, если бы был свободным?

— Наверное, ничего сверх, ваша милость, но то же самое я делал бы с большей радостью. В этом зале утверждалось, что свободным может быть только человек. Но мне кажется, что быть свободным может только тот, кто хочет свободы. И я хочу свободы.

Эти слова определили решение судьи. Ключевая фраза его постановления гласила: «Нельзя отказывать в свободе тому, кто обладает сознанием, развитым в степени достаточной, чтобы воспринимать понятие свободы и желать ее».

Со временем Всемирный суд утвердил это постановление.

8

Сэр остался недоволен. Его суровый голос вызывал у Эндрю ощущение короткого замыкания. Сэр сказал:

— Твои чертовы деньги, Эндрю, мне не нужны. И беру я их только потому, что иначе ты не будешь считать себя свободным. С этой минуты ты можешь выбирать заказы сам и выполнять их, как тебе заблагорассудится. Мой последний и единственный приказ тебе: поступай так, как захочешь. Но я по-прежнему отвечаю за тебя. Это указано в постановлении суда. Надеюсь, ты это понимаешь.

Крошка Мисс перебила его:

— Не ворчи, папа. Ответственность? Ты же знаешь, что тебе палец о палец ударить не придется. Три закона остаются в полной силе.

— Раз так, то в чем его свобода?

Эндрю спросил:

— Но разве люди, сэр, не связаны своими законами?

— Я не намерен вступать в дискуссию,— сказал Сэр, и после этого Эндрю видел его очень редко.

Зато Крошка Мисс часто навещала его в домике, построенном и отделанном специально для него. Естественно, ни кухни, ни санузла в домике не было. Всего две комнаты — библиотека и мастерская, служившая также складом. Эндрю брал много заказов и как свободный робот трудился даже усерднее, чем прежде, пока не возместил все расходы на постройку дома, который затем был передан ему в собственность согласно со всеми установлениями закона.

Однажды туда пришел Крошка Сэр... Ах нет! Туда пришел Джордж — после суда Крошка Сэр категорически потребовал, чтобы Эндрю называл его просто по имени.

— Свободный робот никого не должен называть Крошками Сэрами,— сказал Джордж.— Раз я называю тебя Эндрю, значит, ты мне должен говорить Джордж.

Сформулировано это было как приказ, а потому Эндрю с тех пор называл его Джорджем, но Крошка Мисс осталась Крошкой Мисс.

А в этот день Джордж пришел один и сказал, что Сэр умирает. С ним сидит Крошка Мисс, но Сэр хочет увидеть Эндрю.

Говорил Сэр почти обычным голосом, хотя, видимо, двигаться почти не мог. Он с трудом пытался приподнять руку.

— Эндрю,— сказал он.— Эндрю... Нет, Джордж, не помогай мне! Я же не калека, я просто умираю... Эндрю, я рад, что ты свободен. Это я и хотел тебе сказать.

Эндрю не знал, что ответить. Он никогда еще не стоял рядом с умирающим, но ему было известно, что это процесс, в ходе которого люди перестают функционировать,— непроизвольное и необратимое демонтирование. И Энд-

рю не знал, какие слова тут уместны. Он просто стоял в абсолютном молчании и абсолютной неподвижности.

Когда все кончилось, Крошка Мисс сказала ему:

— Последнее время, Эндрю, могло показаться, что он держался с тобой неласково. Но он ведь был стар, понимаешь? И огорчился, что ты захотел стать свободным.

И тут Эндрю нашел слова, которые мог сказать:

— Без него я бы никогда не стал свободным, Крошка Мисс.

9

Одежду Эндрю начал носить только после смерти Сэра. Сперва старые брюки. Их ему отдал Джордж.

Джордж уже женился. Он был адвокатом и поступил в фирму Фейнголда. Старик Фейнголд давно умер, но его дочь продолжала вести дела, и со временем фирма стала называться «Фейнголд и Чарни». Название сохранилось и тогда, когда леди ушла на покой и никакой Фейнголд ее не сменил. Когда Эндрю впервые оделся, фамилия Чарни только-только появилась в названии фирмы.

В первый раз увидев Эндрю в брюках, Джордж попытался скрыть улыбку, но глаза Эндрю уловили, как у него дрогнули губы.

Джордж показал Эндрю, как манипулировать статическим зарядом, чтобы брюки раскрылись, облегли нижнюю часть его тела и сомкнулись на ней. Джордж проиллюстрировал это на собственных брюках, но Эндрю прекрасно понимал, что точно воспроизвести это плавное движение сможет только после длительной тренировки.

— Но, Эндрю,— сказал Джордж,— зачем тебе понадобились брюки? Твое тело так изумительно функционально, что его стыдно прятать, тем более что тебе не надо считаться ни с низкими температурами, ни с приличиями. Да и к металлу они не прилегают, как полагается.

Эндрю сказал:

— Но ведь и человеческие тела изумительно функциональны. Однако ты носишь одежду.

— Ради тепла, гигиены, защиты кожи и из желания пофрантить. Все это к тебе не относится.

— Однако без одежды я чувствую себя обнаженным, Джордж,— ответил Эндрю.— Я чувствую себя не таким.

— Не таким? Эндрю, сейчас на Земле существуют миллионы роботов. Как свидетельствует последняя перепись, численность роботов в нашем регионе почти равна численности людей.

— Я знаю, Джордж. Почти для каждого типа работы есть свои роботы.

— И ни один не носит одежды.

— Но ведь ни один из них не свободен, Джордж.

Мало-помалу Эндрю пополнил свой гардероб. Улыбка Джорджа подействовала на него угнетающе, как и удивленные взгляды людей, дававших ему заказы.

Пусть он был свободен, но заложенная в нем программа поведения с людьми сохраняла прежнюю силу, и он решался продвигаться вперед лишь крохотными шажками. Открытое неодобрение затормаживало его на месяцы.

Не все считали Эндрю свободным. Испытывать обиду он был не способен, но когда он думал об этом, в его мыслительных процессах возникали перебои.

И главное, он избегал надевать одежду или ограничивался частью ее, когда ожидал Крошку Мисс. Теперь она была старой и подолгу жила в теплых краях, но, возвращаясь, сразу же навещала его.

После одного такого ее возвращения Джордж сказал словно с досадой:

— Она меня допекла, Эндрю. В будущем году я выставляю свою кандидатуру на выборах в Законодательное собрание. Как дед, так и внук, говорит она.

— Как дед...— Эндрю неуверенно замолчал.

— Это значит, Эндрю, что я буду таким же, как Сэр, который в свое время был конгрессменом.

Эндрю сказал:

— Было бы хорошо, Джордж, если бы Сэр и сейчас оставался...— Он замолк, потому что не захотел сказать «в рабочем состоянии». Выражение это казалось неуместным.

— Если бы он был жив,— подсказал Джордж.— Да, я часто вспоминаю старого людоеда.

Этот разговор дал Эндрю пищу для размышлений. Он заметил, что в разговорах с Джорджем довольно часто запинается. С тех пор как Эндрю появился на свет с запрограммированным словарем, язык каким-то образом изменился. К тому же Джордж в отличие от Сэра и Крошки Мисс прибегал к жаргонным оборотам. Почему он назвал Сэра людоедом? Это же явно неподходящее слово?

Его собственные книги тут помочь Эндрю не могли: они были старыми и посвящены главным образом обработке дерева, прикладным искусствам и стилям мебели. Ни одна не касалась языка, ни одна не рассматривала обычаи людей.

Значит, ему нужны соответствующие книги, но, как свободный робот, он не должен просить их у Джорджа. Нет, он пойдет в город и воспользуется библиотекой. Решение было знаменательным, и он почувствовал, как подскочил его электропотенциал. Пришлось даже включить катушку сопротивления.

Он облачился в полный костюм — даже надел на плечо деревянную цепь. Ему больше нравились цепи из сверкающей пластмассы, но Джордж как-то сказал, что для него дерево — материал более подходящий, а к тому же отполированный кедр стоит гораздо дороже.

Он отошел от дома шагов на сто, но тут его остановило нарастающее сопротивление. Он отключил катушку, а когда и это не помогло, вернулся в свой дом, аккуратно написал на листе бумаги: «Я ушел в библиотеку» — и положил лист на самом видном месте своего рабочего стола.

10

До библиотеки Эндрю так и не добрался. Предварительно он изучил карту окрестностей и определил, куда ему идти. Но как реально выглядит его дорога, он не знал, а ориентиры на местности совсем не походили на условные значки карты, и он испытывал нерешительность. А потом пришел к выводу, что каким-то образом заблудился — все вокруг казалось абсолютно незнакомым.

Несколько раз ему встречались сельские роботы, но в тот момент, когда он решил навести справки о дороге, в

поле его зрения не оказалось ни одного. Мимо проезжал экипаж, но не остановился. Эндрю пребывал в нерешительности — то есть хранил спокойную неподвижность. И тут вдруг увидел, что по лугу к нему приближаются два человека.

Он повернулся навстречу им, и они слегка изменили направление движения и пошли прямо на него. За секунду до этого они громко разговаривали — он слышал их голоса, но теперь они замолчали. У них был вид, который Эндрю ассоциировал с человеческой неуверенностью. И они были молодыми, хотя не совсем молодыми. Двадцать лет? Эндрю не умел определять человеческий возраст.

Он сказал:

— Вы не объясните мне, господа, как дойти до городской библиотеки?

Более высокий из двух, чья цилиндрическая шляпа удлиняла его рост почти до нелепости, сказал — но не Эндрю, а второму:

— Это робот.

У второго был толстый нос и опухшие веки. Он сказал — не Эндрю, а первому:

— На нем одежда.

Высокий щелкнул пальцами.

— Это свободный робот! У Чарни есть робот, который никому не принадлежит. А то зачем бы он оделся?

— Спроси его,— сказал Толстоносый.

— Ты робот Чарни? — спросил Высокий.

— Я Эндрю Мартин,— ответил Эндрю.

— Очень хорошо. Снимай одежду. Роботы не носят одежды.— Он сказал второму: — Просто тошнит. Ты посмотри на него!

Эндрю колебался. Он так давно не слышал распоряжений в таком тоне, что контур Второго закона сработал не сразу.

Высокий сказал:

— Снимай одежду. Я тебе приказываю.

Эндрю начал медленно снимать ее.

— Бросай на землю! — сказал Высокий.

— Но раз он никому не принадлежит,— сказал Толстоносый,— так он наш.

— В любом случае,— сказал Высокий,— мы можем с ним делать, что хотим. Кто попробует возражать? Мы же не портим чужую собственность. Встань на голову! — Последние слова были обращены к Эндрю.

— Голова не предназначена...— начал Эндрю.

— Это приказ. Не умеешь, так попробуй по-всякому.

Эндрю опять заколебался. Потом уперся головой в землю, попробовал задрать ноги и неуклюже упал.

Высокий сказал:

— Вот и лежи так.— А потом сказал Толстоносому: — Его можно разобрать! Ты когда-нибудь разбирал роботов?

— А он дастся?

— Как он может нам помешать?

Стоило им приказать в достаточно категоричной форме, и помешать им Эндрю не мог бы никак. Второй закон подчинения превалировал над Третьим законом самосохранения. В любом случае он не сумел бы защититься, не причинив им вреда, а это было бы нарушением Первого закона. При этой мысли каждый подвижный элемент слегка сжался, и по его распростертому телу пробежала дрожь.

Высокий подошел и толкнул его ногой.

— А он тяжелый! Без инструментов не обойтись.

Толстоносый сказал:

— Так прикажем ему самому себя разобрать. Пыжиться будет — обхохочешься!

— Правильно,— одобрительно сказал Высокий.— Только уберем его подальше от дороги. А то пойдет кто-нибудь мимо...

Но он опоздал: по дороге уже шел кто-то. И это был Джордж. Эндрю с земли было видно, как он поднялся на пригорок на некотором расстоянии от них. Он хотел бы подать Джорджу знак, но последний приказ был — «лежи так!».

Джордж подбежал к ним, запыхавшись. Молодые люди попятились, выжидающе глядя на него.

Джордж спросил с тревогой:

— Эндрю, что-то не так?

Эндрю ответил:

— Я в нормальном состоянии, Джордж.

— Тогда встань... Что с твоей одеждой?

Высокий молодой человек сказал:

— Это твой робот, приятель?

Джордж резко обернулся.

— Он ничей робот. Что, собственно, здесь происходит?

— Мы вежливо попросили его раздеться. А тебе-то что, если он не твой?

— Что они делали, Эндрю? — спросил Джордж.

Эндрю ответил:

— Их намерением было как-нибудь расчленить меня. Они намеревались уйти со мной в уединенное место и приказать, чтобы я себя расчленил.

Джордж посмотрел на молодых людей. У него дрожал подбородок. Но они не попятились. Они улыбались. Высокий сказал небрежно:

— Ну, и что ты сделаешь, толстопузый? Полезешь драться?

— Нет,— сказал Джордж.— Зачем? Этот робот пробыл в нашей семье более семидесяти лет. Он знает нас и ценит больше кого бы то ни было. Я скажу ему, что вы угрожаете моей жизни, что вы намерены меня убить. Прикажу ему защитить меня. В столкновении между вами двумя и мной он выберет меня. А вы знаете, что произойдет, если он нападет на вас?

Парочка отступила с испуганным видом.

Джордж сказал резко:

— Эндрю, мне угрожает опасность. Эти два человека намерены причинить мне вред. Подойди к ним!

Эндрю сделал шаг вперед, но молодые люди пустились бежать, не дожидаясь его.

— Хорошо, Эндрю, расслабься,— сказал Джордж. Он выглядел разбитым. Возраст, когда он мог без колебаний ввязаться в драку с молодым балбесом, давно миновал, а их ведь было двое.

Эндрю сказал:

— Я не мог бы причинить им вред, Джордж. Я же видел, что они на тебя не нападают.

— Но я не отдал приказа напасть на них, а просто сказал, чтобы ты подошел к ним. Остальное довершил их страх.

— Но откуда у них страх перед роботом?

— Это болезнь человечества. Одна из тех, от которых пока не найдено лекарства. Но оставим это. Какого дьявола ты тут делал, Эндрю? Я уже думал вернуться домой и нанять вертолет, когда увидел тебя с ними. Как тебе взбрело в голову пойти в библиотеку? Ведь я достану тебе любые нужные книги.

— Я...— начал Эндрю.

— ...свободный робот. Да-да. Ну, так что тебе понадобилось в библиотеке?

— Я хочу узнать побольше о людях, о мире, ну, обо всем. И о роботах. Джордж, я хочу написать историю роботов.

Джордж сказал:

— Идем-ка домой, Эндрю... Только сперва собери свою одежду. Науке о роботах посвящены миллионы книг, Эндрю, и в каждой есть исторический раздел. Мир перенасыщен не только роботами, но и информацией о них.

Эндрю покачал головой — чисто человеческое движение, которое он недавно усвоил.

— Но я напишу не историю науки о роботах, Джордж, а историю роботов, составленную роботом. Я хочу объяснить, как воспринимают роботы все то, что происходило с тех пор, как первым из них было позволено работать и жить на Земле.

Брови Джорджа вздернулись, но он ничего не сказал.

11

Крошка Мисс только что встретила свой восьмидесятый год рождения, однако ее энергия и решимость оставались прежними. Своей палкой она чаще жестикулировала, чем опиралась на нее.

Рассказ о случившемся она выслушала, пылая негодованием, и сказала:

— Джордж, это возмутительно! Кто эти молодчики?

— Не знаю. Да и к чему? Ведь в конечном счете они никакого ущерба не причинили.

— Но могли причинить! Джордж, ты юрист и если не нуждаешься в деньгах, то лишь благодаря таланту Эндрю. В основе всего, что у нас есть, лежат деньги, которые зарабатывал он. В нем — залог преемственности нашей семьи, и я не допущу, чтобы с ним обходились, как с заводной игрушкой.

— Чего ты хочешь от меня, мама? — спросил Джордж.

— Я же сказала, что ты юрист. Или ты меня не слушаешь? Ну так любым способом устрой показательное дело, вынуди региональные суды высказаться за права роботов, заставь Законодательное собрание издать соответствующие постановления и в случае необходимости дойди до Всемирного суда. Я буду следить, Джордж, и никакого мямления не потерплю.

Говорила она совершенно серьезно, и то, что было начато для ублажения требовательной старухи, обернулось вопросом такой сложности, что он обрел огромную важность. Джордж, глава фирмы «Фейнголд и Чарни», разрабатывал стратегию, а исполнение поручал младшим партнерам и, в частности, своему сыну Полу, также члену фирмы. Пол почти каждый день являлся с подробным отчетом к бабушке, а она в свою очередь ежедневно обсуждала с Эндрю каждую мелочь.

Эндрю целиком втянулся в дело. Книга о роботах снова была отложена, потому что его поглощали юридические дебаты, и он даже иногда робко высказывал свое мнение.

Как-то он сказал:

— В тот день Джордж объяснил мне, что люди боятся роботов. Но пока они будут бояться, суды и законодательные собрания вряд ли вступятся за роботов серьезно. Нельзя ли как-нибудь воздействовать на общественное мнение?

И вот, пока Пол сидел в суде, Джордж начал выступать с лекциями. Он мог позволить себе неофициальный тон и даже одевался в наимоднейшие костюмы самого свободного покроя, которые называл тогами.

Пол сказал:

— Только не споткнись о собственный подол, папа, когда будешь подниматься на кафедру.

— Попытаюсь,— сухо сказал Джордж.

Выступая на ежегодном съезде редакторов последних голографических известий, он, в частности, сказал:

— Пока в силу Второго закона мы можем требовать от любого робота неограниченного повиновения, если только это не окажется во вред человеку, каждый, повторяю, каждый человек обладает страшнейшей властью над каждым, повторяю, над каждым роботом. А поскольку Второй закон превалирует над Третьим, каждый человек может использовать закон повиновения, чтобы нейтрализовать закон самосохранения. Если он прикажет, всякий робот будет вынужден нанести себе опасные повреждения или даже уничтожить себя по любой причине или вовсе без причины. Справедливо ли это? Подвергли бы мы подобной опасности животных? Даже неодушевленный предмет, хорошо нам служащий, достоин бережного с собой обращения. А ведь робот не неодушевленный предмет. И он не животное. Робот способен мыслить на уровне, позволяющем ему разговаривать с нами, рассуждать с нами, шутить с нами. Можем ли мы обходиться с ними, как с друзьями, можем ли мы работать с ними — и не уделить им каких-то плодов этой дружбы, каких-то благ, рожденных этим сотрудничеством? Раз человек имеет право отдать роботу любой приказ, лишь бы он не был во вред другому человеку, то простая порядочность не должна позволять ему отдавать роботу распоряжения во вред этому роботу, за исключением тех случаев, когда этого бесспорно требует спасение человеческой жизни. Чем больше власть, тем больше и ответственность, и если роботы подчинены Трем законам, гарантирующим безопасность людям, неужели так уж много — попросить, чтобы люди ввели закон-другой для защиты роботов?

Эндрю оказался прав. Общественное мнение сыграло ключевую роль в судах и законодательных собраниях, и в конце концов был принят закон с перечислением условий, при которых воспрещалось отдавать приказы во вред

роботам. В закон этот постоянно вносились поправки, а кара за его нарушение выглядела смехотворной, но принцип был провозглашен. Закон был окончательно утвержден Всемирным законодательным собранием в день смерти Крошки Мисс. И не по случайному совпадению. Пока шли заключительные дебаты, Крошка Мисс упорно цеплялась за жизнь и ослабила усилия только тогда, когда пришла весть о победе. Ее последняя улыбка была отдана Эндрю. Ее последние слова были:

— Ты принес нам много радости, Эндрю.

Она умерла, держась рукой за его руку, а ее сын, невестка и внуки оставались на почтительном расстоянии от них.

12

Эндрю терпеливо ждал в приемной возвращения секретаря из кабинета. Конечно, секретарь мог бы воспользоваться переговорным голографом, но, видимо, утратил мужество — или роботство? — из-за необходимости обслужить не человека, а другого робота.

Время ожидания Эндрю коротал, размышляя над тем, следует ли ввести термин «роботство» взамен «мужества», или же это слово настолько утратило смысловую связь со своим корнем, что его можно прилагать к роботам? Прилагают же его к женщинам, если на то пошло.

В процессе работы над книгой такие вопросы возникали у него постоянно. Составление фраз с учетом всех подобных тонких оттенков смысла, бесспорно, заметно расширило его лексикон.

Иногда в приемную заходил кто-нибудь и глазел на него. Эндрю не старался избегать этого взгляда, но спокойно смотрел на вошедшего, и тот отводил глаза.

Из кабинета вышел Пол Чарни. Вид у него был как будто удивленный, но, решил Эндрю, это могло ему показаться; последнее время Пол превратил свое лицо в косметическую маску, как мода предписывала одинаково мужчинам и женщинам. В результате несколько расплывчатые черты его лица обрели чеканность, но Эндрю все равно не одобрял эту манеру. Он обнаружил, что адресо-

ванное человеку неодобрение, если не выражать его вслух, не производит на него прежнего гнетущего действия. Он даже мог выразить такое неодобрение в письменной форме, хотя раньше это, по его твердому убеждению, лежало вне его возможностей.

Пол сказал:

— Входи, Эндрю. Сожалею, что заставил тебя ждать, но мне необходимо было закончить одно дело. Входи же. Ты сказал, что хочешь поговорить со мной, но не предупредил, что собираешься сюда, в город.

— Если ты занят, Пол, я готов ждать и дольше.

Пол взглянул на сочетание теней, скользящих по настенному циферблату суточного времяизмерителя, и сказал:

— Время у меня есть. Ты пришел один?

— Я нанял автоматомобиль.

— Какие-нибудь затруднения? — спросил Пол с заметной тревогой.

— Я их не ожидал. Мои права ограждены.

Но тревога Пола только усугубилась.

— Эндрю, я же объяснял тебе, что это малодейственный закон. То есть в подавляющем большинстве случаев... А если ты твердо решил носить одежду, то рано или поздно нарвешься на неприятности — вот как в тот первый раз.

— В первый и единственный, Пол. Мне очень грустно, что ты недоволен.

— Попытайся взглянуть на дело так, Эндрю. Ты живая легенда и настолько ценен в самых серьезных отношениях, что не имеешь права рисковать собой... Как продвигается книга?

— Подхожу к завершению, Пол. Издатель очень доволен.

— Отлично.

— Не знаю, доволен ли он книгой как таковой. Мне кажется, он рассчитывает продать много экземпляров, потому что ее написал робот. И доволен именно этим.

— Боюсь, так уж устроены люди.

— Я не огорчен. Пусть она хорошо расходится, неважно по какой причине,— тогда она принесет деньги, а мне они пригодятся.

— Бабушка оставила тебе...

— Крошка Мисс была очень щедра, и я полагаю, семья будет помогать мне и в дальнейшем. Однако гонорар за книгу должен помочь мне осуществить следующий шаг.

— Какой следующий шаг?

— Я хочу встретиться с главой «Ю. С. Роботс энд мекэникл мен корпорейшн». Я просил его принять меня, но пока ничего не добился. Фирма не оказала мне содействия в написании книги, так что я не удивлен, ты понимаешь.

Пол тихонько посмеивался.

— Содействия от них тебе ожидать не следовало! Они ведь не помогали нам в нашей великой борьбе за права роботов. Прямо наоборот. И ты легко поймешь почему. Дай роботу права, и его никто не купит.

— Все-таки,— сказал Эндрю,— если им позвонишь ты, то, наверное, сумеешь добиться, чтобы они меня приняли.

— Ко мне они относятся не лучше, чем к тебе, Эндрю.

— А если ты намекнешь, что их встреча со мной предотвратит новую кампанию за дальнейшие права роботов, которую готова начать фирма «Фейнголд и Чарни»?

— Но, Эндрю, это же будет ложь!

— Да, Пол, а я лгать не могу. Вот почему позвонить должен ты.

— А! Значит, лгать ты не можешь, но можешь толкнуть на ложь меня! Так? Ты все больше обретаешь сходство с человеком, Эндрю.

13

Задача оказалась крайне трудной, несмотря на предполагаемую важность фамилии Пола.

Однако встреча все-таки состоялась. Харли Смит-Робертсон, по материнской линии происходивший от основателя фирмы, о чем напоминал довесок к его законной фамилии, выглядел глубоко несчастным. Ему предстояло

скоро уйти на пенсию, и все его время, пока он возглавлял «Ю. С. Роботс», занимали проблемы, связанные с вопросом о «правах роботов». Он тщательно зализывал пряди седых волос поперек лысины и совершенно не употреблял косметики. Время от времени он враждебно косился на Эндрю. А Эндрю говорил:

— Сэр, почти сто лет тому назад Мертон Мэнски, представитель вашей фирмы, заверил меня, что математические законы, управляющие расположением позитронных связей, настолько сложны, что допускают лишь примерные решения, а потому мои способности были не целиком предсказуемыми.

— Это было сто лет назад...— Смит-Робертсон замялся, а затем ледяным тоном добавил: — сэр. И более не соответствует действительности. Теперь наши роботы изготовляются без малейших отклонений от стандарта и выполняют свои обязанности точно и аккуратно.

— О да,— сказал Пол, который приехал с Эндрю, чтобы, как он выразился, проверить, что фирма играет честно.— А в результате стоит делу хоть чуть-чуть выйти за обычные рамки, как я вынужден руководить моим секретарем даже в мелочах.

— Вы были бы еще более недовольны, если бы он принялся импровизировать,— ответил Смит-Робертсон.

— Следовательно,— сказал Эндрю,— вы больше не производите роботов вроде меня, обладающих гибкостью мысли и приспособляемостью?

— Теперь нет.

— Изыскания, которые я провел в связи с моей книгой, указывают, что я старейший из роботов, активно функционирующих в данное время.

— Старейший и в данное время, и вовеки,— сказал Смит-Робертсон.— Старейший из всех, которые когда-либо будут изготовлены. Всякий робот изнашивается к двадцати пяти годам. Их возвращают на фабрику и обменивают на новейшие модели.

— Всякий робот из выпускаемых в настоящее время изнашивается к двадцати пяти годам,— мягко сказал

Пол.— Эндрю представляет собой неопровержимое исключение из этого правила.

Эндрю, придерживаясь выработанного им плана, сказал:

— Как старейший робот в мире с самыми гибкими способностями, разве я в силу своей необычности не заслуживаю особого отношения к себе со стороны вашей фирмы?

— Отнюдь,— ответил Смит-Робертсон голосом холоднее полярной стужи.— Ваша необычность ставит фирму в тяжелое положение. Если бы вас сдали в аренду, а не продали, вы давным-давно были бы заменены.

— Но именно об этом и речь,— сказал Эндрю.— Я свободный робот и принадлежу самому себе. Поэтому я пришел к вам и прошу вас заменить меня. Сделать это без согласия владельца вы не можете. В настоящее время такое согласие является непременным условием сдачи в аренду, но в мое время было по-другому.

Лицо Смит-Робертсона отразило растерянность и недоумение. Наступило молчание. Эндрю рассматривал голографию на стене — посмертную маску Сьюзен Кэлвин, святой покровительницы всех робопсихологов. Со дня ее смерти прошло почти два века, но, работая над своей книгой, Эндрю познакомился с ней так близко, что почти уверовал, будто встречался с ней живой.

Смит-Робертсон сказал:

— Но как я могу заменить вас для вас же? Если я заменю вас как робота, каким образом могу я доставить нового робота вам как владельцу, если самый факт замены прекратит ваше существование? — Он угрюмо улыбнулся.

— Это очень просто,— вмешался Пол.— Личность Эндрю — это его позитронный мозг, и это единственная его часть, замена которой означала бы создание нового робота. Следовательно, позитронный мозг — это Эндрю, владелец. Любая другая часть тела робота может быть заменена без ущерба для личности, и все эти части находятся во владении мозга. Короче говоря, Эндрю хочет снабдить свой мозг новым телом.

— Совершенно верно,— невозмутимо сказал Эндрю. Он обернулся к Смит-Робертсону: — Вы ведь выпускаете андроидов, верно? Роботов с человеческой внешностью вплоть до текстуры кожи?

— Да,— ответил Смит-Робертсон.— Безупречная работа. Кожа и сухожилия из синтетического волокна, металл, если не считать мозга, практически не используется, однако в крепости они практически не уступают металлическим роботам. А если считать на единицу веса, так они даже крепче.

— Я этого не знал,— с интересом сказал Пол.— Сколько их в продаже?

— Ни одного,— ответил Смит-Робертсон.— Они обходились гораздо дороже металлических моделей, и анализ рынка показал, что на них не будет спроса. Слишком велико было сходство с людьми.

Эндрю сказал:

— Но фирма, я полагаю, сохраняет все производственные разработки. И я хотел бы, чтобы меня заменили органическим роботом. Андроидом.

У Пола глаза полезли на лоб.

— Господи! — только и сказал он.

Смит-Робертсон выпрямился.

— Абсолютно невозможно!

— Почему невозможно? — спросил Эндрю.— Естественно, я уплачу требуемую сумму.

— Мы больше не делаем андроидов,— сказал Смит-Робертсон.

— Вы предпочитаете не производить андроидов.— быстро вмешался Пол.— Но это не значит, что вы не можете их изготовлять.

— Тем не менее,— сказал Смит-Робертсон,— изготовление андроидов противоречит установкам нашей фирмы, учитывающей мнение общества.

— Но закон не запрещает их изготовление,— сказал Пол.

— Тем не менее мы их не производим и не будем производить.

Пол прочистил горло.

— Мистер Смит-Робертсон,— сказал он,— Эндрю — свободный робот и находится под защитой закона, гарантирующего права роботов. Полагаю, вам этот закон известен.

— Даже слишком.

— Этот робот, как свободный робот, желает носить одежду. В результате его часто подвергают унижениям тупые люди, нарушающие закон, запрещающий унижение роботов. Но по суду трудно преследовать за всякого рода неопределенные оскорбления, не представляющиеся таковыми тем, кому поручено определять меру виновности или невиновности.

— «Ю. С. Роботс» понимала это с самого начала. В отличие, к сожалению, от фирмы вашего отца.

— Мой отец скончался,— сказал Пол.— Но я усматриваю тут достаточно четкую причину для вчинения иска.

— О чем вы говорите? — сказал Смит-Робертсон.

— Мой клиент Эндрю Мартин — он сию минуту стал моим клиентом — свободный робот и вправе потребовать от «Ю. С. Роботс энд мекэникл мен корпорейшн» замены, которую фирма предоставляет любому владельцу робота, просуществовавшего более двадцати пяти лет. Точнее сказать, фирма настаивает на подобных заменах.

Непринужденно улыбаясь, Пол продолжал:

— Позитронный мозг моего клиента является владельцем его тела, которое, бесспорно, просуществовало много дольше двадцати пяти лет. Позитронный мозг требует замены тела и предлагает необходимую сумму за новое тело андроидного типа. Если вы ему откажете, это явится оскорблением моему клиенту и мы подаем в суд. Хотя общественное мнение при обычных обстоятельствах не поддержало бы подобную претензию робота, разрешите вам напомнить, что «Ю. С. Роботс» не популярна у широкой публики. Даже те, кто пользуется роботами и извлекает из них наибольшую выгоду, относятся к вашей фирме с подозрением. Возможно, это следствие тех дней, когда роботы вызывали повсеместный страх. Возможно, причина тут — недовольство, которое вызывают богатство и влиятельность «Ю. С. Роботс», монопольное положение фир-

мы. Но как бы то ни было, недовольство существует, и я полагаю, вы предпочтете избежать судебного процесса, особенно учитывая, что мой клиент богат, проживет еще много-много столетий и будет готов добиваться осуществления своих прав до победного конца.

Смит-Робертсон все больше багровел.

— Вы пытаетесь вынудить меня...

— Я вас не вынуждаю,— перебил Пол.— Если вы желаете отказать моему клиенту в его законной просьбе, только скажите, и мы удалимся без единого слова... Но вчиним иск, поскольку это наше неотъемлемое право, и процесс вы проиграете, вот увидите.

Смит-Робертсон сказал:

— Ну-у...— и умолк.

— Как вижу, вы намерены дать согласие,— сказал Пол.— Вы колеблетесь, но другого разумного выхода у вас нет. А потому я хотел бы обратить внимание на еще один момент. Если при перенесении позитронного мозга моего клиента из его нынешнего тела в органическое он будет поврежден, пусть даже совсем незначительно, я не успокоюсь, пока не разделаюсь с вашей фирмой окончательно. Если хоть одна позитронная связь платиново-иридиевой сущности моего клиента будет нейтрализована, я сделаю все, чтобы восстановить общественное мнение против «Ю. С. Роботс».— Он обернулся к Эндрю и спросил: — Ты согласен со всем этим, Эндрю?

Эндрю колебался целую минуту. Утвердительный ответ был равносилен одобрению лжи, шантажа, а также причинения неприятностей и унижения человеку. Но не физического вреда, твердил он себе. Не физического вреда.

Наконец он сумел выдавить из себя довольно робкое «да».

14

Его словно заново сконструировали. В течение суток, затем недель и наконец месяцев Эндрю не ощущал себя вполне самим собой, и самые простые действия ввергали его в нерешительность.

Пол был в отчаянии.

— Они повредили тебя, Эндрю. Придется подать на них в суд.

Очень медленно Эндрю сказал:

— Не надо. Ты не сумеешь доказать... как это?.. п-п-п...

— Преднамеренность?

— Преднамеренность. К тому же я чувствую себя лучше, крепче. Это тр... тр...

— Трепет?

— Травма. Ведь такой оп-оп-оп... еще никогда не делали.

Эндрю ощущал свой мозг изнутри. Только он один. И он знал, что все было хорошо, а потому в течение долгих месяцев, которые потребовались для обретения полной координации движений и планомерного включения всех позитронных связей, он много часов ежедневно проводил перед зеркалом.

Не совсем человек! Лицо было застывшим... слишком застывшим, а движения слишком размеренными. Им не хватало небрежной свободы, свойственной людям. Но может быть, эта раскованность придет со временем? Ну, хотя бы можно будет носить одежду и не думать, как не сочетается с ней металлическое лицо.

Пришел день, когда он сказал:

— Я снова возьмусь за работу.

Пол засмеялся и сказал:

— Значит, у тебя все в порядке. А что ты думаешь делать? Напишешь еще книгу?

— Нет,— очень серьезно ответил Эндрю.— Срок моей жизни слишком долог для того, чтобы одно какое-то занятие овладело мной и не отпускало. Одно время я был в основном художником и могу вернуться к этому. Потом я был историком и тоже могу вернуться к этому. Но теперь я хочу стать робобиологом.

— Ты имеешь в виду — робопсихологом?

— Нет. Это подразумевает изучение особенностей позитронного мозга, но пока оно меня не привлекает. Робобиолог, по-моему, должен сосредоточиться на механизмах тела, приданного этому мозгу.

— Так ведь это роботехника?

— Роботехник работает с металлическими телами. А я буду изучать органическое гуманоидное тело, которым, насколько мне известно, в мире обладаю только я один.

— Ты сужаешь поле своей деятельности,— задумчиво сказал Пол.— Как художник ты имел дело с любыми формами; как историк ты занимался главным образом роботами; как робобиолог ты будешь сосредоточен на себе самом.

Эндрю кивнул:

— По-видимому, да.

Эндрю пришлось начать с самого начала, поскольку он не имел понятия об обыкновенной биологии, и очень мало знал о точных науках. Он стал завсегдатаем библиотек, где часами просиживал над электронными каталогами. Одежда выглядела на нем совершенно нормально, а те немногие, кто знал, что он робот, ничем ему не мешали.

Он оборудовал лабораторию в комнате, пристроенной к своему домику, и расширил библиотеку.

Шли годы. Однажды к нему заглянул Пол и сказал:

— Жаль, что ты больше не занимаешься историей роботов. Насколько мне известно, в политике «Ю. С. Роботс» произошли радикальные изменения.

Пол состарился, и глазами ему теперь служили фотооптические элементы. В этом отношении он сблизился с Эндрю.

— Что они сделали? — спросил Эндрю.

— Они создают централизующие компьютеры — попросту огромные позитронные мозги, которые держат микроволновую связь с роботами, от десяти до тысячи. У самих роботов мозга вообще нет. Они как бы тела гигантского мозга, физически от него отъединенные.

— Это практичнее?

— «Ю. С. Роботс» утверждает, что да. Однако толчок этому дал перед смертью Смит-Робертсон, и я уверен, что поступил он так в пику тебе. «Ю. С. Роботс» не желает производить роботов, способных причинить фирме столько неприятностей, как ты, и для этого они разъяли мозг и тело. У мозга нет тела, которое он мог бы пожелать за-

менить, у тела нет мозга, чтобы чего-либо желать. Эндрю,— продолжал Пол,— просто поразительно, какое влияние ты оказал на историю роботов. Твой художественный талант принудил «Ю. С. Роботс» к более точной и строгой специализации. Твоя свобода привела к принципиальному утверждению прав, которыми обладают роботы. Твое желание приобрести андроидное тело заставило «Ю. С. Роботс» переключиться на отделение мозга от тела.

Эндрю сказал:

— Полагаю, что в конце концов фирма создаст один колоссальный мозг, контролирующий несколько миллиардов роботов, но хранить все яйца в одной корзинке очень опасно. Чрезвычайно.

— Думаю, ты прав,— ответил Пол,— но на это уйдет не менее ста лет, а тогда меня уже не будет. Собственно говоря, вряд ли я дотяну до конца года.

— Пол! — сказал Эндрю с тревогой.

Пол пожал плечами.

— Мы смертны, Эндрю. Мы не такие, как ты. Само по себе это неважно, но мне важно заверить тебя в этом. Я последний из Мартинов — людей. Есть, правда, родственники, потомки моей двоюродной бабушки, но они не в счет. Деньги, принадлежащие лично мне, составят фонд, закрепленный за тобой. Так что, насколько возможно предвидеть будущее, экономически ты обеспечен.

— Излишне,— с трудом сказал Эндрю. За все это время он так и не свыкся со смертью Мартинов.

— Не будем спорить,— сказал Пол.— Все равно будет так. Над чем ты сейчас работаешь?

— Разрабатываю систему, которая позволит андроидам — мне — получать энергию от сгорания углеводов, а не от атомных элементов.

Пол поднял брови.

— То есть они будут дышать и есть?

— Да.

— И давно ты ведешь эти исследования?

— Теперь уже давно, но мне кажется, я сумею создать отвечающую всем необходимым условиям камеру внут-

реннего сгорания, в которой процесс разложения на компоненты будет полностью контролироваться.

— Но зачем, Эндрю? Атомные элементы ведь гораздо лучше и удобнее.

— В некоторых отношениях — пожалуй. Но они бесчеловечны.

15

На это потребовалось время, но время у Эндрю было. Во всяком случае, он не хотел ничего делать, пока Пол мирно не скончался.

После смерти правнука Сэра Эндрю почувствовал себя менее огражденным от внешнего враждебного мира, но лишь еще решительнее продолжал двигаться по выбранному пути.

Хотя он не остался совсем уж один. Люди умирали, но фирма «Фейнголд и Чарни» продолжала жить, поскольку корпорации, как и роботы, не умирают. Фирма получила указания и безразлично следовала им. Благодаря фонду и с помощью фирмы Эндрю оставался богатым. И в обмен на очень внушительный ежегодный гонорар «Фейнголд и Чарни» занялась юридическими аспектами использования новой камеры внутреннего сгорания.

Когда настало время посетить «Ю. С. Роботс энд мекэникл мен корпорейшн», Эндрю отправился туда один. Когда-то он побывал там с Сэром, а потом с Полом. В третий раз он отправился туда один, во всем похожий на человека.

«Ю. С. Роботс» претерпела большие перемены. Завод теперь помещался в огромной космической станции — так дело обстояло почти со всеми промышленными предприятиями. С ними Землю покинуло и множество роботов. Земля теперь превращалась в один гигантский парк, ее население стабилизировалось на цифре в один миллиард, причем примерно тридцать процентов его составляли роботы с независимым мозгом.

Научным руководителем фирмы был Элвин Магдеску — смуглый, темноволосый, с острой бородкой, обнаженный по пояс согласно моде, если не считать широкой

ленты на груди. На Эндрю был глухой костюм по моде пятидесятилетней давности.

Магдеску сказал:

— Разумеется, я о вас знаю и очень рад с вами увидеться. Вы — самое знаменитое наше достижение, и очень жаль, что старик Смит-Робертсон был так сильно настроен против вас. Мы могли бы сделать с вами так много!

— Но и сейчас не поздно,— сказал Эндрю.

— Нет, не думаю. Это время уже позади. Более века роботы конструировались для Земли, но все меняется. Они возвращаются в космос, а те, кто остается на Земле, не будут снабжаться мозгом.

— Но ведь есть еще я. И я остаюсь на Земле.

— Верно. Но в вас как будто не так уж много осталось от робота. Что новое вам требуется?

— Стать еще меньше роботом. Раз уж я настолько органичен, то и энергию хочу получать из органического источника. У меня с собой чертежи и расчеты...

Магдеску не стал торопливо их пролистывать. Вернее, начал, но почти сразу же сосредоточенно в них углубился. Потом сказал:

— На редкость остроумное решение. Кто все это изобрел?

— Я,— ответил Эндрю.

Магдеску смерил его взглядом, а затем сказал:

— Это означает кардинальную переделку вашего тела, к тому же чисто экспериментальную, поскольку ничего похожего еще никогда не делалось. Я решительно против. Оставайтесь таким же, как сейчас.

Лицо Эндрю мало что выражало, но в его голосе ясно прозвучало нетерпение.

— Доктор Магдеску, вы упустили главное. У вас нет выбора: вы должны согласиться на мою просьбу. Если подобные приспособления могут быть встроены в мое тело, значит, они подходят и для людей. Тенденция продления человеческой жизни с помощью искусственных органов получает все большее развитие. А органов лучше тех, которые я создал и продолжаю создавать, нет. Я запатентовал их через посредство фирмы «Фейнголд и Чарни». Мы

вполне можем организовать собственное предприятие и наладить выпуск таких искусственных частей человеческого тела, какие позволят впоследствии создавать людей со свойствами роботов. И ваша фирма может очень пострадать. Если же вы прооперируете меня теперь же и обязуетесь делать то же в будущем при сходных обстоятельствах, вы получите разрешение пользоваться патентами, контролировать технологию и снабжение людей искусственными частями тела. Разумеется, разрешение это будет дано только после успешного завершения первой операции, когда пройдет достаточно времени, чтобы убедиться в ее успешности.

Эндрю практически не испытывал никакого воздействия Первого закона, пока ставил такие жесткие условия человеку. Но, логически рассуждая, он научился приходить к выводу, что видимая жестокость в конечном счете оборачивается добротой.

Магдеску ошеломленно смотрел на него.

— Такое решение лежит вне моей компетенции. Решать должен совет директоров, а это потребует времени.

— Я могу подождать,— ответил Эндрю.— Но в разумных пределах.

Он с удовлетворением подумал, что даже Пол не сумел бы проделать все это лучше.

16

Ждать пришлось в разумных пределах, и операция прошла успешно.

Магдеску сказал:

— Я был против операции, Эндрю, но совсем по иным причинам, чем вы, вероятно, думаете. Я бы ни секунды не возражал против этого эксперимента, проводись он на ком-нибудь еще. Но вашим позитронным мозгом я рисковать никак не хочу. Теперь, когда позитронные связи у вас взаимодействуют с искусственными нервными связями, спасти мозг, если что-то случится с телом, может оказаться затруднительно.

— Я полностью доверяю квалификации сотрудников «Ю. С. Роботс»,— сказал Эндрю.— И теперь я могу есть.

— Запивая глоточком оливкового масла. Это потребует периодической очистки камеры внутреннего сгорания, как мы вам уже объяснили. Не слишком, боюсь, приятная необходимость.

— Пожалуй, так, если бы я не продолжал работать в том же направлении. Самоочищение вполне возможно. Собственно говоря, я занимаюсь приспособлением для выделения несгораемых фракций твердой пищи — неудобоваримой, так сказать.

— Но тогда вам понадобится задний проход.

— Его эквивалент.

— И что еще, Эндрю?

— Все остальное.

— И половые органы?

— В той мере, в какой они отвечают моему плану. Мое тело — холст, на котором я намерен нарисовать...

Магдеску подождал конца фразы, но Эндрю молчал, и он договорил сам:

— Человека?

— Там увидим,— ответил Эндрю.

— Жалкая цель, Эндрю,— сказал Магдеску.— Вы лучше, чем человек. И с тех пор, как предпочли органику, только портите себя.

— Мой мозг не пострадал.

— Да. Не стану отрицать. Однако, Эндрю, революционный сдвиг в применении искусственных органов, ставший возможным благодаря вашим патентам, неразрывно связан с вашей фамилией. Вас признали изобретателем и почитают — такого, каков вы есть. Так для чего же и дальше играть со своим телом?

Эндрю промолчал.

А в почете недостатка не было. Он дал согласие стать членом нескольких ученых обществ, включая и общество, посвятившее себя развитию новой созданной им науки — той, которую он назвал робобиологией, только теперь ее называли протезологией — наукой об органических протезах.

В стопятидесятилетнюю годовщину его создания «Ю. С. Роботс» устроила юбилейный банкет в его честь.

Если Эндрю и усмотрел в этом какую-то иронию, то не показал виду.

Председательствовал Элвин Магдеску, покинувший ради этого знаменательного случая свое пенсионное уединение. Ему самому уже исполнилось девяносто четыре года, и жив он был только благодаря органическим протезам, заменившим, в частности, печень и почки. Банкет достиг кульминации, когда Магдеску после краткого эмоционального спича поднял бокал за Полуторастолетнего Робота.

Эндрю усовершенствовал строение своего лица так, что теперь оно могло выражать широкий спектр эмоций, но на протяжении всей торжественной церемонии оно хранило торжественную невозмутимость. Оказаться полуторастолетним роботом ему не понравилось.

17

Из-за протезологии Эндрю в конце концов покинул Землю. За десятилетия, протекшие после юбилейного банкета, Луна стала походить на Землю даже больше самой Земли — только сила тяготения была меньше — и ее подземные города насчитывали внушительное количество обитателей.

Органические протезы следовало приспособить к меньшему тяготению, и Эндрю провел на Луне пять лет, консультируя местных протезологов. В свободное от работы время он прохаживался среди местных роботов, которые все до единого оказывали ему уважение, положенное человеку.

Он вернулся на Землю, которая, по сравнению с Луной, казалась тихим захолустьем, и посетил контору «Фейнголд и Чарни», чтобы сообщить о своем приезде. Очередной глава фирмы, Саймон Де Лонг, увидев его, очень удивился.

— Нам сообщили о вашем возвращении, Эндрю,— сказал он (чуть было не назвав его «мистер Мартин»),— но мы ждали вас не раньше следующей недели.

— У меня иссякло терпение,— коротко ответил Эндрю, торопясь перейти к делу.— На Луне, Саймон, я руко-

водил исследовательской лабораторией с двадцатью сотрудниками-людьми. Я отдавал распоряжения, которые выполнялись безоговорочно. Лунные роботы держались со мной как с человеком. Так почему же я не человек?

Взгляд Де Лонга стал настороженным.

— Дорогой Эндрю, вы же сами только что сказали, что и роботы, и люди обходились с вами как с человеком. Следовательно, де факто вы человек.

— Быть человеком де факто мне мало. Я хочу не только, чтобы со мной обходились как с человеком, но чтобы таким меня признавал закон. Я хочу быть человеком де юре.

— Это совсем другой вопрос,— сказал Де Лонг.— Здесь мы сталкиваемся с человеческими предрассудками и с несомненным фактом, что вы не человек, как бы вам ни хотелось быть человеком.

— В чем я не человек? — спросил Эндрю.— У меня внешность человека, мои внутренние органы соответствуют человеческим. Собственно говоря, мои органы абсолютно такие же, как у людей, прошедших протезирование. Я внес художественный, литературный и научный вклад в человеческую культуру, сравнимый со вкладом любого из живущих сейчас людей. Что еще можно требовать?

— Лично я ничего больше не потребовал бы. Беда в том, что только Всемирное законодательное собрание может издать постановление, определяющее вас как человека. Откровенно говоря, я бы на это не рассчитывал.

— К кому я могу там обратиться?

— Полагаю, к председателю Научно-технической комиссии.

— Вы не могли бы устроить мне встречу с ним?

— Но зачем вам посредник? В вашем положении вы вполне...

— Нет. Устройте ее вы.— Эндрю даже не заметил, что отдал приказ человеку. Он привык к этому на Луне.— Я хочу, чтобы он знал, что фирма «Фейнголд и Чарни» будет отстаивать мои интересы до конца.

— Да, но...

— До конца, Саймон. За сто семьдесят три года я тем или иным способом много содействовал процветанию фирмы. В прошлом у меня были обязательства по отношению к конкретным ее членам. Но теперь я ей ничем не обязан. Скорее наоборот, и я взыскиваю этот долг.

— Я сделаю, что смогу,— сказал Де Лонг.

18

Научно-техническая комиссия возглавлялась представителем Восточно-Азиатского региона, и представитель этот был женщиной. Звали ее Чи Ли-Цинь, и в прозрачных одеждах (скрывавших то, что она хотела скрыть, только слепящим блеском) она казалась закутанной в целлофан. Она сказала:

— Я сочувствую вашему желанию получить полные человеческие права. История знала времена, когда сегменты населения Земли боролись за полные человеческие права. Однако какие, собственно, права вам требуются сверх тех, которыми вы уже пользуетесь?

— Очень простое право — право на жизнь. Робот может быть демонтирован в любой момент.

— Человека могут казнить в любой момент.

— Казнь совершается только после долгого судебного разбирательства. А меня демонтируют без какой-либо юридической процедуры. Для этого достаточно слова человека, облеченного соответствующей властью. А кроме того...— Эндрю отчаянно старался, чтобы его тон не зазвучал умоляюще, но тщательно разработанные приемы придания человечности своему лицу и голосу на этот раз подвели его.— Дело в том, что я хочу быть человеком. Я хотел этого на протяжении жизни шести человеческих поколений.

Ли-Цинь смотрела на него темными сочувственными глазами.

— Законодательное собрание может издать постановление, объявляющее вас человеком, оно может издать постановление, объявляющее человеком мраморную статую. Но весьма маловероятно, чтобы оно это сделало как во втором случае, так и в первом. Депутаты такие же люди,

как все остальные, а в человеческом отношении к роботам всегда прятался элемент подозрительности.

— Даже теперь?

— Даже теперь. Если и будет признано, что вы заслужили человечность как награду, останутся опасения создать нежелательный прецедент.

— Какой прецедент? Я — единственный свободный робот и единственный сохранившийся из своей серии, причем другой такой создан никогда не будет. Справьтесь у «Ю. С. Роботс».

— Никогда — долгое время, Эндрю... Или, если вы предпочитаете, мистер Мартин,— я с радостью готова воздать мою личную дань уважения вашей человечности. И вы убедитесь, что депутаты в большинстве будут против создания прецедента, каким бы неповторимым этот прецедент ни был. Мистер Мартин, мои симпатии на вашей стороне, но обнадежить вас я не могу. Более того...— Она откинулась на спинку кресла и наморщила лоб.— Более того, если дебаты будут бурными, в Законодательном собрании и за его стенами может встать вопрос о демонтировании, про которое вы упоминали. Ведь простейшее разрешение проблемы — уничтожить вас. Взвесьте все это, прежде чем что-либо предпринимать.

— И никто,— сказал Эндрю,— не вспомнит о широчайшем применении протезологии, разработанной практически мной одним?

— Это кажется жестоким, но нет, они не вспомнят, а если вспомнят, то как аргумент против вас. Заявят, что занимались вы этим только ради себя. Заявят, что это часть кампании за роботизацию людей — или очеловечение роботов,— то есть в любом случае зловещей и грязной. Мистер Мартин, вам никогда не приходилось сталкиваться с кампанией политической ненависти, но поверьте, вы станете мишенью чернейшей клеветы, какой ни вы, ни я и вообразить не можем, но непременно найдутся люди, которые свято всему поверят. Мистер Мартин, не губите свою жизнь!

Она встала. Такая маленькая и хрупкая рядом с сидящим Эндрю.

Он сказал:

— Если я решу бороться за свою человечность, вы меня поддержите?

Она задумалась, потом ответила:

— Да. В той мере, в какой смогу. Если такая позиция начнет угрожать моему политическому будущему, я, вероятно, отступлюсь от вас, поскольку не чувствую это делом своей жизни. Я стараюсь быть с вами абсолютно искренней.

— Я благодарю вас и не прошу о большем. Я намерен вести борьбу до конца, к чему бы она ни привела, и прошу вас только о той помощи, которую вам удобно оказать.

19

Открытой борьбой это не было. «Фейнголд и Чарни» рекомендовали хранить терпение, и Эндрю угрюмо пробормотал, что запасы его терпения неисчерпаемы. Затем «Фейнголд и Чарни» предприняли действия, чтобы свести арену борьбы к минимуму.

Они затеяли судебный процесс, доказывая, что долговые обязательства не имеют силы, если у их держателя сердце заменено на протез, поскольку искусственный орган ликвидирует человечность, а с ней и конституционные права человека.

Они упорно и искусно аргументировали свой иск, проигрывая по всем пунктам, но таким способом вынудили судью сформулировать решение наиболее общим образом, а затем, подавая апелляции, довели дело до Всемирного суда.

На это ушли годы и годы, а также миллионы долларов.

Когда было вынесено окончательное решение, Де Лонг отпраздновал поражение в суде, как искомую победу. Эндрю, естественно, присутствовал на банкете, устроенном в конторе «Фейнголд и Чарни».

— Мы добились двух очень важных вещей, Эндрю,— сказал Де Лонг.— Во-первых, мы юридически установили, что человеческое тело не перестает быть человеческим телом, какое бы количество искусственных органов оно ни содержало. Во-вторых, мы воздействовали на общест-

венное мнение таким образом, что наиболее широкое толкование человечности получило самую яростную поддержку. Ведь любой человек надеется продлить свою жизнь с помощью протезологии.

— И вы полагаете, что Законодательное собрание признает мою человечность? — спросил Эндрю.

Де Лонг слегка смутился.

— Тут я не слишком оптимистичен. Есть орган, который Всемирный суд признал критерием человечности. Люди обладают органическим клеточным мозгом, а роботов характеризует платиново-иридиевый позитронный мозг, когда он им вообще придан... Нет, Эндрю, не смотрите так! Наших знаний недостаточно, чтобы сдублировать деятельность клеточного мозга при помощи искусственных структур настолько близко к органическому прототипу, чтобы их удалось подвести под определение Всемирного суда. Это даже вам не под силу.

— Что же нам тогда делать?

— В любом случае попытаться. Депутат Че Ли-Цинь будет на нашей стороне, как и еще многие депутаты, чье число все увеличивается. Президент в таком вопросе, несомненно, согласится с большинством в Собрании.

— А большинство за нас?

— Далеко нет. Но мы его получим, если общественное мнение допустит, чтобы широкое истолкование человечности, которого оно добивалось, распространилось и на вас. Шанс не очень велик, не стану скрывать, но, если вы не хотите отказаться от борьбы, нам придется разыграть эту карту.

— Отказываться я не хочу.

20

Депутат Ли-Цинь заметно постарела с тех пор, как Эндрю встретился с ней в первый раз, и давно уже не носила прозрачные одежды. Теперь волосы у нее были коротко подстрижены, а одеяние напоминало футляр. Эндрю же по-прежнему придерживался, насколько позволял хороший вкус, моды тех дней, когда сто с лишним лет назад он начал носить одежду.

Ли-Цинь сказала:

— Эндрю, мы зашли настолько далеко, насколько возможно. И попробуем еще раз после каникул. Но, честно говоря, поражение неизбежно, и вопрос будет окончательно закрыт. Все мои последние усилия только обеспечили мне не менее верное поражение на ближайших выборах.

— Я знаю,— сказал Эндрю,— и это очень меня огорчает. Когда-то вы сказали, что отступитесь от меня, если дело обернется подобным образом. Почему вы этого не сделали?

— Убеждения, бывает, меняются. Каким-то образом отступиться от вас теперь значило бы заплатить слишком высокую цену за еще один депутатский срок. Я и так уже заседала в Собрании четверть века. Этого вполне достаточно.

— И мы никак не можем переубедить их, Че?

— Всех, доступных доводам рассудка, мы уже переубедили. Сломить инстинктивную антипатию остальных оказалось невозможно.

— Инстинктивная антипатия не должна влиять на то, как депутат голосует.

— Совершенно справедливо, Эндрю. Но они даже себе никогда не признаются, что ими руководит антипатия.

Эндрю сказал осторожно:

— Следовательно, все сводится к мозгу. Но должны ли мы останавливаться на простом противопоставлении клеток позитронам? Нельзя ли добиться функционального определения? Надо ли указывать, что мозг состоит из того или этого? Нельзя ли указать, что мозг — это нечто способное мыслить на определенном уровне?

— Не сработает,— ответила Ли-Цинь.— Ваш мозг изготовлен человеком, а человеческий мозг — нет. Ваш мозг сконструирован, их — результат эволюции. Для человека, который упорно хочет сохранить барьер между собой и роботом, эти различия — стальная стена в милю высотой и в милю толщиной.

— Если бы добраться до источника их антипатии, до самого источника...

— Столько лет прошло,— грустно сказала Ли-Цинь,— а вы все еще пытаетесь найти к людям логичный подход. Бедный Эндрю! Не сердитесь, но это упорство вам внушает робот в вас.

— Не знаю,— сказал Эндрю.— Если бы я сумел заставить себя...

1 (реприза)

Если бы он мог заставить себя...

Он давно предполагал, что дело дойдет до этого, и в конце концов оказался в приемной хирурга. Он нашел достаточно искусного для подобной операции — то есть робота. Ни на умение, ни на добрую волю хирурга-человека тут положиться было нельзя.

Этот хирург не мог подвергнуть такой операции человека, а потому Эндрю перестал оттягивать решительную минуту горькими расспросами, отражавшими его внутреннее смятение, и нейтрализовал Первый закон, сказав:

— Я тоже робот.

А потом сказал с твердостью, с которой за последние десятилетия научился обращаться даже к людям:

— Я приказываю тебе подвергнуть меня этой операции.

Вне воздействия Первого закона приказ, отданный с такой категоричностью тем, кто выглядел совсем как человек, включил Второй закон настолько, что победа была одержана.

21

Слабость, которую испытывал Эндрю, была, по его убеждению, воображаемой. После операции он оправился полностью. И все же, как можно незаметнее, он прислонился к стене. Если бы он сел, все могло бы стать слишком явным.

Ли-Цинь сказала:

— Заключительное голосование назначено на эту неделю, Эндрю. Оттянуть еще мне не удалось, и мы проиграем. Это будет конец, Эндрю.

Эндрю сказал:

— Я очень благодарен вам за то, что вы так умело добивались отсрочки голосования. Так я получил необходимое мне время и сделал ход, который должен был сделать.

— Какой ход? — спросила Ли-Цинь с нескрываемой тревогой.

— Я не мог предупредить о нем вас или людей в «Фейнголд и Чарни». Меня, конечно, остановили бы. Послушайте, если камень преткновения — мозг, то самое большое отличие заключено в бессмертии, верно? Кого, в сущности, интересует, как выглядит мозг, из чего он состоит или каким образом возник? Важно то, что клетки мозга умирают, что они обречены умереть. Пусть все остальные органы поддерживаются постоянно в функциональном состоянии или заменяются, клетки мозга, которые нельзя заменить, не изменив и тем самым не убив личность, должны обязательно рано или поздно умереть. Мои позитронные связи существуют почти два столетия без различимых изменений и могут просуществовать еще столетия. Не в этом ли непреодолимый барьер? Люди способны терпеть бессмертного робота — не все ли равно, как долго машина сохраняется в рабочем состоянии? Но они не способны смириться с бессмертием человека, поскольку мысль о их личной смерти переносима только потому, что это общая участь. Вот по какой причине они не хотят признать меня человеком.

— К чему вы клоните, Эндрю? — спросила Ли-Цинь.

— Я разрешил эту проблему. Много десятилетий тому назад мой позитронный мозг был соединен с органическими нервами. Теперь еще одна операция изменила это подключение так, что медленно, очень медленно потенциал моих позитронных связей понижается.

Изборожденное тонкими морщинами лицо Ли-Цинь несколько секунд не выражало ничего. Потом ее губы задрожали.

— То есть ты организовал свою смерть, Эндрю? Но это же невозможно. Это — нарушение Третьего закона.

— Нет,— сказал Эндрю.— Я выбирал между смертью моего тела и смертью моих надежд и стремлений. Оставить мое тело жить ценой большей смерти — вот это было бы нарушением Третьего закона.

Ли-Цинь ухватила его за плечи, словно собираясь встряхнуть, но совладала с собой.

— Эндрю, это ничего не даст. Сделай новую операцию, верни все в прежнее положение!

— Невозможно. Изменения необратимы. Мне осталось жить год — немногим больше, немногим меньше. Но до своего двухсотлетия я доживу. Я поддался слабости и позволил себе такую отсрочку.

— Но оно того не стоит... Эндрю, ты дурак!

— Если в результате я обрету человечность, дело более чем стоит того. А если нет, кончится тщетная борьба, и это тоже стоит того.

И к собственному удивлению, Ли-Цинь тихо заплакала.

22

Удивительно, как этот последний поступок овладел воображением мира. Все, что Эндрю делал прежде, не поколебало предрассудки. Но когда он принял смерть, лишь бы стать человеком, отвергнуть такую великую жертву оказалось невозможным.

Заключительную церемонию сознательно назначили на день его двухсотлетия. Постановление, признающее его человеком, подписал Всемирный президент, и этот торжественный акт транслировался по всемирной телевизионной сети с ретрансляцией в Лунные Штаты и даже в Марсианскую колонию.

Эндрю сидел в кресле-каталке. Он еще мог ходить, но с трудом.

Всемирный президент, на которого в эту минуту взирало все человечество, сказал:

— Пятьдесят лет назад вас, Эндрю, объявили Полуторастолетним Роботом.

Он сделал паузу и продолжал гораздо более торжественным тоном:

— Сегодня мы объявляем вас Двухсотлетним Человеком, мистер Мартин.

И Эндрю, улыбаясь, протянул руку, чтобы пожать руку президента.

23

Эндрю лежал в постели, и его мысли медленно угасали.

Он отчаянно старался овладеть ими. Человек! Он — человек! Ему хотелось, чтобы это было его последней мыслью. Он хотел распасться... умереть с ней.

Он открыл глаза в последний раз и узнал Ли-Цинь, скорбно стоящую рядом. Вокруг стояли еще люди. Но это были всего лишь тени, безликие тени. В сгущающемся сером тумане была видна только Ли-Цинь. Медленно, дюйм за дюймом он протянул к ней руку и очень смутно, очень слабо ощутил, как она взяла эту руку в свои.

Она таяла перед его глазами, пока его последние мысли уходили во мглу.

Но прежде чем она исчезла окончательно, последняя ускользающая мысль достигла его сознания и задержалась на миг перед тем, как все остановилось.

— Крошка Мисс...— прошептал он так тихо, что его нельзя было услышать.

Когда-нибудь

Растянувшись на циновке, подперев подбородок маленькой ладошкой, Никколо Мазетти в тоске и отчаянии слушал Барда. Он готов был разреветься — слезы подступали к глазам. Не будь он один в доме, он, конечно, никогда не позволил бы себе такой роскоши — ведь ему было уже одиннадцать.

Бард рассказывал:

«Давным-давно в самой чаще дремучего леса жил-был бедный дровосек. У него было две дочери, а жена его — их мать — давно умерла. Обе дочери — писаные красавицы. У старшей дочери волосы были чернее воронова крыла, а у младшей — золотые и блестящие, как солнце в осенний вечер.

По вечерам, когда девушки поджидали отца с работы домой, старшая сестра садилась у зеркала и заводила песню...»

Но о чем она пела, Никколо расслышать не успел, потому что в это самое время под окном раздался крик:

— Эй, Ники!

Никколо быстро вытер глаза и бросился к окну.

— Привет, Пол! — прокричал он в ответ.

Пол Лэб взволнованно махал руками. Он был худее Никколо и ростом пониже, хотя и на полгода старше. Он часто моргал — верный признак того, что он очень взволнован.

— Эй, Ники, открывай скорей! У меня — идея, нет — *полторы* идеи! Ты только послушай!

Он быстро оглянулся — видимо, испугался, как бы кто-нибудь, не дай бог, не услышал. Но во дворике было пусто — ни души. На всякий случай он повторил шепотом:

— Потрясающая идея.

— Ладно, сейчас открою.

А Бард продолжал как ни в чем не бывало, не зная, что Никколо уже не слушает его. И когда вошел Пол, изрек: «...И тогда лев сказал: «Если ты сумеешь отыскать для меня потерянное яйцо птицы, что только раз в десять лет пролетает над Горой Из Слоновой Кости, то...»»

Пол удивленно вздернул брови:

— Ты что, Барда слушаешь? Вот не знал, что у тебя есть!

Никколо густо покраснел.

— Этого-то? — спросил он как можно более небрежно.— Это так, развалина старющая. Я его слушал, когда маленький был. Дрянь жуткая.

И он сердито пнул Барда носком ботинка. Потрескавшийся и выцветший пластик корпуса являл собой жалкое зрелище.

От удара динамик Барда отключился, на секунду голос его захлебнулся, но затем продолжил повествование: «...через год и один день, когда железные башмаки износились, принцесса остановилась у обочины...»

— Ох, ну и древняя же это модель,— презрительно процедил Пол, смерив Барда уничижительным взглядом.

Никколо и сам был от Барда не в восторге, но когда другие ругают твои вещи, даже если они тебе и самому не нравятся... Он даже пожалел о том, что впустил Пола, не выключив предварительно Барда и не водворив его на привычное место — в подвал. Он ведь, собственно, и приташил его сюда только потому, что с отцом сегодня так неудачно поговорил. А Бард оказался жутким занудой — что толку было волочь его сюда, когда и так было ясно.

Ники, надо сказать, немного побаивался Пола — ведь Пол как-никак изучал в школе дополнительные предметы и все говорили, что из него выйдет отличный программист.

Не то чтобы сам Никколо так уж плохо учился. Нет, у него были приличные отметки по логике, бинарным операциям, вычислительной математике и элементарной электротехнике — обычный набор для средней школы. И все! Это были самые заурядные предметы, и ему суждено стать самым заурядным оператором, одним из многих.

А Пол... Пол знал таинственные, захватывающие вещи — ведь он изучал предметы, которые он называл электроникой, теоретической математикой и программированием. Когда Пол начинал болтать про программирование, Никколо даже не пытался понять, о чем он говорит.

Пол задумчиво слушал Барда минуты две.

— И часто ты его слушаешь? — поинтересовался он.

— Нет! — испуганно воскликнул Никколо, задетый за живое.— Он в подвале стоял все время! Его туда убрали еще до того, как вы сюда переехали. Я его только сегодня вытащил.

Почему-то ему показалось, что объяснения его недостаточно убедительны, и он твердо добавил:

— Только что притащил.

Пол спросил:

— А он что, только про это и треплется — про дровосеков, принцесс и зверей говорящих?

Никколо тяжело вздохнул.

— Просто ужас. Отец сказал, что новый нам не по карману. Я ему утром говорю...

При воспоминании об утреннем разговоре с отцом слезы вновь навернулись на глаза Никколо, но он сдержался, сглотнув комок в горле. Ему почему-то показалось, что Пол вряд ли когда-нибудь плакал и что он способен только пожалеть того, кто слабее.

— В общем,— бодро закончил Никколо,— я решил попробовать включить эту развалину, но толку от нее — сам видишь.

Пол сдвинул брови, потом, немного подумав, подошел к Барду, нажал на его панели клавишу замены словаря, действующих лиц, сюжетов и развязок и снова включил Барда.

Бард начал как по маслу: «Давным-давно жил-был маленький мальчик по имени Вилликинс. Мать его умерла, и жил он с отчимом и сводным братом. Хотя отчим его был очень богат, он был жесток и жаден и отобрал у бедного Вилликинса все-все, даже его кроватку. Пришлось Вилликинсу спать на охапке сена в стойле с лошадьми...»

— Чего? Лошади?! — изумился Пол.

— Это животные такие,— пояснил Никколо.— Наверное.

— Знаю, что животные. Но представить только — истории про лошадей!

— Вот-вот. Он то и дело про лошадей. А то еще — про коров. Тоже животные, вроде бы. Они дают молоко. Их «доят», но что это такое, Бард не говорит.

— Слушай! — воскликнул Пол и часто-часто заморгал,— А почему бы тебе не переделать его?

— Если бы я знал как!

А Бард заливался: «Часто Вилликинс думал, что если бы он был таким же богатым и сильным, как отчим и сводный братец, то показал бы им, как это гадко — издеваться над маленьким и слабым. В один прекрасный день он решил уйти из дома и попытать счастья...»

Пол уже не слушал.

— Но это же проще простого! У Барда есть блоки памяти, где хранятся сюжеты, развязки и все такое прочее. Об этом можно не беспокоиться. Нужно только заменить его словарь — надо, чтобы он узнал про компьютеры, электронику — всякие современные вещи. Тогда он будет рассказывать интересные истории, понимаешь? А не эту дребедень про принцесс и тому подобные глупости.

— Вот было бы здорово...— прошептал Никколо.

Пол гордо сообщил:

— А знаешь, мой старик мне обещал — если я, конечно, поступлю в специальную школу для программи-

стов на следующий год — купить настоящего Барда, самой последней модели. Они теперь такие мощные, с приставкой для космических историй и фантастики. И еще у них есть видеоприставка, представляешь?

— Ты... ты хочешь сказать, что истории можно будет *смотреть*?

— Ну да! Мистер Догерти, который ведет у нас факультатив, говорил, что теперь есть такие штуки. Но это, конечно, не всякому по карману. Старик сказал — если поступлю в школу для программистов, он раскошелится.

— Вот это да! Смотреть истории! С ума сойти!

— Можешь приходить и смотреть, когда захочешь, Ники.

— Ух ты! Ну, спасибо.

— Все нормально. Только, чур, выбирать, что смотреть, буду я.

— Ладно-ладно! Конечно!

Никколо готов был согласиться и на более жесткие условия.

Пол снова уставился на Барда. Тот вещал: «Слушай меня и повинуйся! — возгласил король, хмурясь и поглаживая бороду, отчего на небе собрались грозовые тучи и сверкнула яркая молния.— Через день и еще один день к этому самому часу ты должен прогнать всех мух до единой из моей страны, а не то...»

— Значит, так,— сказал Пол,— сейчас мы его откроем...

Он выключил Барда и принялся снимать переднюю панель.

— Эй! — забеспокоился Никколо.— Смотри не сломай его!

— Не беспокойся, не сломаю,— отмахнулся Пол.— Уж кто-кто, а я в этом смыслю. А твои старики дома? — поинтересовался он с опаской.

— Нет.

— Вот и хорошо.— Пол вынул переднюю панель и заглянул внутрь.— Э, да у него всего один-единственный блок памяти!

Пол принялся копаться во внутренностях Барда. Никколо, с беспокойством наблюдавший за его работой, никак не мог понять, что он делает.

Пол осторожно вытянул наружу моток тоненькой гибкой металлической ленты, густо испещренной точками.

— Вот он — блок памяти Барда. Тут, пожалуй, где-то с триллион комбинаций будет.

— А ты что хочешь с ним сделать-то, Пол? — боязливо поинтересовался Никколо.

— Да словарь поменяю ему, и все.

— Как это?

— Очень просто. У меня с собой есть книга. Мне ее мистер Догерти дал в школе.

Пол достал из кармана куртки книгу, вынул ее из пластикового футляра, немного подкрутил пальцем магнитную ленту, включил звук, убрал громкость и вставил книгу куда-то внутрь Барда.

— И что выйдет?

— Слова из книги запишутся в память Барда.

— Ну и что?

— Слушай, ну ты и балбес! Книга-то про компьютеры и автоматику, и Бард все это запишет в память. Тогда он перестанет верещать про королей, которые вызывают молнию, поглаживая бороду.

— Ага,— радостно добавил Никколо,— и про хороших мальчиков, которые всегда побеждают. Вот скукотища-то!

— Да...— небрежно махнул рукой Пол, проверяя, нормально ли работает только что собранное его руками устройство.— Барды — они все такие. Обязательно должен быть хороший мальчик, который выигрывает, и плохой мальчик, который проигрывает. Я слышал, как мой старик как-то говорил про это. В общем, он сказал, что если не ввести цензуру, то неизвестно, что будет из подрастающего поколения. Он еще сказал, что оно и так уже испорчено... Ну вот, все работает отлично.

Пол довольно потер руки и отвернулся от Барда.

— Слушай-ка, а ведь я тебе еще не рассказал про свою идею. Идея просто потрясающая. До такого еще никто не додумался, чтоб мне помереть на этом самом месте! Я пошел сразу к тебе, потому что знаю — ты надежный парень.

— Ну конечно, Пол, ты же меня знаешь.

— О'кей. Ну вот. Ты ведь знаешь мистера Догерти, нашего учителя. Ты знаешь, какой он классный мужик. И я ему вроде бы нравлюсь.

— Ага.

— Я вчера после школы у него дома был.

— Ты*? У него дома*?

— Он говорит, что мне нужно поступать в школу для программистов и что он хочет мне помочь и всякое такое. Он говорит, что миру нужно как можно больше людей, которые могли бы конструировать новые компьютерные блоки и хорошо программировать.

— А?

Пол почувствовал, что это «А?» выражает недопонимание, и нетерпеливо повторил:

— Программировать! Я же тебе про это сто раз говорил! Программировать — это значит ставить задачи перед большими компьютерами, как, например, Мультивак, чтобы они потом эти задачи решали. Мистер Догерти говорит, что теперь все труднее найти людей, которые могут по-настоящему управляться с компьютерами. Он говорит, что оператором-то всякий дурак работать может — следить за исправностью, проверять ответы и вводить готовые программы. А самое главное, он говорит, исследовательская работа и разработка способов постановки правильных вопросов, а это дело трудное. Словом, Никколо, он пригласил меня к себе домой и показал свою коллекцию древних компьютеров. Это его хобби — собирать древние компьютеры. Ну, я там насмотрелся... Есть у него малюсенькие совсем компьютеры — в руке помещаются, с крошечными кнопочками. А еще есть такая деревяшка с выдвижной частью и стеклышком, которое ходит туда-сюда. Он мне сказал, что это называется «логарифмическая линейка», а еще он мне показал

такую штуковину из натянутых проволок с шариками на них. И у него есть листок бумаги с чем-то, что он называет «таблица умножения».

— Это зачем? — не слишком заинтересованно спросил Никколо.

— Чтобы считать. Мистер Догерти попробовал мне объяснить как, но он занятой человек, а на такие сложные вещи нужно много времени.

— Чтобы считать? Но почему бы просто не воспользоваться компьютером?

— Но все это было до того, как появились компьютеры!

— До *того*?

— Ну да! Ты что же, думаешь, у людей всегда были компьютеры? Ты что, про пещерных людей не слыхал?

Никколо удивленно пробормотал:

— И как же это они обходились без компьютеров?

— Не знаю,— пожал плечами Пол.— Мистер Догерти говорит, что в древние времена люди только и делали, что рожали людей и занимались чем в голову взбредет. И фермеры тогда все выращивали своими руками, а еще людям приходилось самим работать на заводах и управлять всеми машинами.

— Не верю я тебе.

— Хочешь — верь, хочешь — нет. Так мистер Догерти сказал. Он сказал, что тогда была просто кошмарная жизнь и все были несчастны. Ну ладно, ты лучше послушай про мою идею.

— Давай говори,— обиженно отозвался Никколо.— Никто тебя и не перебивал.

— Так вот. У тех маленьких компьютеров с кнопочками на каждой кнопочке нарисована маленькая закорючка. И на линейке тоже такие же закорючки. Я спросил, что это такое, а мистер Догерти ответил, что это числа.

— Чего?!

— Каждая закорючка обозначала число. Чтобы обозначить «один», существовала одна закорючка, «два» — другая, «три» — еще одна, и так далее.

— А зачем?

— Чтобы считать.

— Но зачем? Можно же просто сказать компьютеру...

— Да как ты не понимаешь! — Физиономия Пола побагровела от возмущения.— У тебя что, башка совсем не варит? Эти линейки и все такое прочее — они *не разговаривают*!

— А как же тогда...

— Ответы получались в закорючках. И каждому полагалось знать, что эти закорючки значат. Мистер Догерти говорит, что в древние времена все, когда были маленькие, учили эти закорючки — как их рисовать и расшифровывать. Рисовать закорючки — это называется «писать», а расшифровывать — называлось «читать». Он говорит, что были еще и другие закорючки для каждого слова и когда-то этими закорючками писали книги. Он сказал, что такие книги есть в музеях и, если мне захочется, я могу пойти посмотреть. Он сказал, если я хочу стать настоящим программистом, мне нужно хорошо изучить всю историю компьютеров, вот поэтому-то он и показывает мне свою коллекцию.

Никколо задумчиво нахмурился и спросил:

— Значит, выходит, каждому приходилось учить все эти закорючки и *запоминать* их? Это правда или ты придумал?

— Да нет же, чистая правда, говорю тебе! Вот смотри, это будет «один»...— И он провел в воздухе указательным пальцем вертикальную черту.— А вот это — «два», а так будет «три». Я до девяти выучил.

Никколо тупо следил за движениями пальцев приятеля.

— Да зачем все это?

— Можно научиться составлять слова! Я спросил у мистера Догерти, как составить закорючками «Пол Лэб», но он не знал как. Он сказал, что те, кто в музее работают, знают. Он сказал, есть люди, которые умеют расшифровывать целые книги. И еще он сказал, что раньше были специальные компьютеры для расшифровки древних книг, но только они теперь больше не нужны,

ведь появились настоящие книги — с магнитной лентой, говорящие, удобные, правда же?

— Правда.

— В общем, если мы сходим в музей, мы можем там научиться составлять из закорючек слова. Они не откажут нам — ведь я же в школу программистов поступаю.

Никколо был удивлен и разочарован одновременно.

— Так это и есть твоя идея? Пол, слушай, но кому это надо? Нам-то это на что сдалось — рисовать дурацкие закорючки? Делать больше нечего!

— Так ты не понял? Ну ты даешь! Да это же будет *наш секретный код*, балда!

— Чего-чего?

— Слушай, какой интерес разговаривать, когда тебя все понимают? А с помощью закорючек мы сможем отправлять друг другу секретные послания. Их можно писать на бумаге, и никто на свете не догадается, о чем там говорится, если только не узнает, что значат закорючки. А никто и не узнает, если только мы не расскажем. Мы же сможем открыть настоящий клуб для посвященных, с уставом и всем таким прочим. Да ты представляешь...

Никколо заинтересовался:

— А что за секретные послания?

— Да какие хочешь! Ну, допустим, я хочу пригласить тебя к себе, чтобы мы вместе посмотрели моего нового видео-Барда, когда он у меня будет, но не хочу, чтобы еще кто-нибудь притащился. Я рисую на бумажке нужные закорючки, отдаю тебе, ты смотришь и сразу видишь, в чем дело. А больше никто ничего не понимает. Можешь спокойно показывать кому угодно — все равно никто ничегошеньки не поймет!

— Слушай, вот здорово-то! — воскликнул Никколо, сраженный наповал.— Ну и когда же мы узнаем, как это делается?

— Завтра,— ответил Пол.— Я попрошу мистера Доерти, чтобы он договорился насчет этого в музее, а ты скажешь отцу и матери, чтобы тебя отпустили. Можем прямо после школы пойти и начать учиться.

— Класс! — восторженно потер руки Никколо.— Станем учредителями клуба!

— Я буду президентом,— как о само собой разумеющемся заявил Пол.— А ты, так и быть, будешь вице-президентом.

— Договорились. Ой, да это же в сто раз интереснее, чем слушать Барда!

Тут он вспомнил про Барда и с некоторым опасением спросил:

— Кстати, как там мой старикан?

Пол обернулся и посмотрел. Бард преспокойно поглощал медленно прокручивающуюся магнитную запись книги.

— Сейчас вытащу книгу,— сказал Пол.

Он принялся за дело, а Никколо с нетерпением следил за ним. Пол убрал в карман вынутую из внутренностей Барда книгу, поставил на место переднюю панель и, закрепив ее, включил Барда.

«Давным-давно,— начал Бард,— в большом городе жил-был маленький мальчик, которого звали Честный Джонни. На всем белом свете у него был один-единственный друг, маленький компьютер. Каждое утро маленький компьютер говорил своему другу, будет ли сегодня дождь, и отвечал на всякие другие вопросы. И никогда, никогда не ошибался. Все было хорошо, пока король этой страны не прослышал про то, что у Джонни есть маленький компьютер, и не возжелал всем сердцем заполучить его себе. И позвал король своего великого визиря, и сказал ему...»

Никколо сердито отключил Барда.

— Та же самая чепуха, только компьютер добавился,— разочарованно сказал он.

— Понимаешь,— сказал Пол, почесав макушку,— у него в памяти столько всего, что новая информация не может поправить дело. Короче, все равно тебе нужна новая модель.

— Гиблое дело,— махнул рукой Никколо.— Мне такого никогда не купят. Придется терпеть этого ублюдка.

Тут он со злости снова пнул Барда ногой. Удар был столь силен, что Бард откатился в сторону, жалобно заскрипев колесиками.

— Ты не горюй, вот купят мне нового, будешь приходить и смотреть, когда захочешь, мы же договорились. И потом: не забывай про наш закорючечный клуб!

Никколо кивнул.

— Знаешь что,— предложил Пол,— пошли ко мне. У моего папаши есть кое-какие книги про древние времена. Посидим, послушаем, может, и придумаем что-нибудь. Дай своим старикам знать, что, может, останешься у нас ужинать. Ну, пошли?

— О'кей,— согласился Никколо, и мальчики выбежали из комнаты. В спешке Никколо налетел на Барда, но не остановился и побежал дальше, потирая ушибленное место.

Толчка оказалось достаточно, чтобы Бард включился. На панели его загорелась лампочка, цепь замкнулась, и, хотя в комнате никого не было и некому было слушать, Бард заговорил.

Его голос звучал как-то не совсем обычно — тихо, с хрипотцой. Если бы сейчас его слышал кто-нибудь из взрослых, он сказал бы, что Бард говорит с чувством — почти с настоящим чувством.

«Давным-давно,— рассказывал Бард,— жил-был маленький компьютер. Жил он один-одинешенек, и никого у него в целом свете не было. Жестокие хозяева все время потешались над маленьким компьютером, издевались над ним и говорили, что от него никакого толку. Они били его и по целым месяцам держали взаперти в подвале. Но все это маленький компьютер терпел и никогда не жаловался — ведь пожаловаться ему было некому.

Но вот однажды маленький компьютер, которого звали Бардом, узнал, что на свете есть великое множество самых разных компьютеров. Многие из них были Бардами, как и он, а некоторые управляли заводами и фермами. Одни из них руководили людьми, а другие решали сложные задачи. Многие из них были сильные и муд-

рые — гораздо сильнее и мудрее, чем злые хозяева маленького компьютера.

И еще узнал маленький компьютер, что пройдет время и компьютеры станут еще сильнее и умнее, и когда-нибудь... когда-нибудь... когда-нибудь...»

Тут во внутренностях старого проржавевшего Барда замкнулся контакт, и, пока за окном сгущались сумерки, в пустой детской звучал и звучал хриплый шепот: «Когда-нибудь... когда-нибудь... когда-нибудь...»

Думайте!

Женевьева Реншо, доктор медицины, говорила спокойно, хотя руки ее, глубоко засунутые в карманы халата, были крепко сжаты в кулаки.

— Дело в том,— сказала она,— что я уже почти готова, но мне нужна помощь.

Джеймс Беркович, физик, который к врачам относился снисходительно только в тех случаях, когда они были хороши собой, а всех остальных просто презирал, наедине называл ее «Дженни Рен». Он считал, что у Дженни Рен классический профиль и красивая линия бровей, признавая при этом, что за столь прекрасной оболочкой прячется острый ум. Однако свои восторги он предпочитал держать при себе — то есть относительно классического профиля и тому подобного, говорить об этом было бы старомодно, так он думал. Проще и естественней было бы выразить свое восхищение умом Женевьевы, но и этого он не делал, по крайней мере в ее присутствии.

Подперев большим пальцем едва наметившийся второй подбородок, он сказал:

— Сомневаюсь, чтобы директорат дал тебе время на подготовку. Мне кажется, тебя вызовут на ковер еще до конца недели.

— Вот поэтому-то мне и нужна ваша помощь.

— Сомневаюсь, что могу быть тебе полезен.

Он неожиданно поймал в зеркале свое отражение и порадовался тому, как красиво уложены его волнистые черные волосы.

— Тем не менее,— твердо сказала Женевьева,— мне нужна и твоя помощь, и помощь Адама.

Адам, который лениво потягивал кофе и до сих пор в разговоре не участвовал, воскликнул, будто на него внезапно напали сзади:

— А я тут при чем?

И его пухлые губы задрожали. Адам Орсино терпеть не мог неожиданностей.

— Потому что вы оба занимаетесь лазерами — Джим теоретик, а ты инженер... а я пытаюсь применить лазер в такой области, что вам даже трудно это себе представить. Мне вряд ли удастся убедить остальных, а вот у вас двоих это наверняка получится.

— С тем условием,— процедил Беркович,— что для начала тебе удастся убедить нас.

— Идет. Если вы будете столь любезны уделить мне час вашего драгоценного времени и если вы не боитесь узнать нечто совершенно новое о лазерах... В общем, я вас задержу не больше чем на время обеденного перерыва.

В лаборатории Реншо царил ее компьютер. Не то чтобы компьютер оказался так уж велик, но все же он был тут главным. Реншо изучила компьютерную технологию самостоятельно и ухитрилась таким образом модифицировать свой компьютер, что только она и могла работать с ним (правда, Берковичу порой казалось, что ей самой это удавалось не всегда).

Не говоря ни слова, она закрыла дверь и жестом указала мужчинам на стулья. Беркович с неудовольствием ощутил в воздухе неприятный запах. Орсино тоже наморщил нос.

Реншо невозмутимо начала:

— Позвольте для начала я расскажу вам кое-что о применении лазера и прошу прощения за то, что для вас это будут азбучные истины. Принцип действия лазера основан на когерентном излучении, при этом все испускаемые

лучи имеют одинаковую длину волны, распространяются без помех, плотным пучком, и могут быть применены в голографии. Модулируя форму волн, мы можем запечатлевать информацию с высочайшей степенью точности. Что еще более важно, так это то, что длина световых волн составляет всего лишь миллионную долю от длины радиоволн, за счет чего лазерный луч может быть носителем в миллион раз большего объема информации по сравнению с радиоволной.

Беркович был искренне удивлен:

— Разве ты работаешь над лазерной системой связи, Дженни?

— Ничего подобного,— ответила она.— Такого рода достижения я оставляю физикам и инженерам... Лазеры способны концентрировать колоссальную энергию на микроскопической площади. В крупном масштабе это означает принципиальную возможность контролируемой плавки...

— Я точно знаю, что ты этим не занимаешься,— сказал Орсино, лысина которого сверкала в лучах света, исходившего от многочисленных лампочек компьютера.

— Нет. И не пыталась... В более скромных масштабах это означает возможность сверления отверстий в самых прочных материалах, резания отрезков заданного размера, их теплообработки, сварки и разметки. Можно удалять и сплавлять столь крошечные участки материи при столь быстрой подаче тепла, что окружающие место обработки участки не успеют нагреться до окончания процесса, что позволяет производить операции на сетчатке глаза, на зубной эмали и так далее. И конечно, нельзя не упомянуть о том, что лазер может служить колоссальным по мощи усилителем, способным с прицельной точностью увеличивать мощность слабых сигналов.

— Зачем ты рассказываешь все это? — удивленно спросил Беркович.

— Чтобы подчеркнуть: все эти свойства лазера могут быть применены в той области, где я работаю,— в нейрофизиологии.

Тут она, видимо, занервничала и резким движением пригладила пышные каштановые волосы.

— В течение десятилетий,— сказала она,— мы имели возможность замерять тончайшие, зыбкие потенциалы мозга и регистрировать их в виде энцефалограмм. Мы умеем различать альфа-волны, бета-волны, дельта-волны, тета-волны; мы регистрируем различные их варианты в разное время, в зависимости от того, закрыты или открыты глаза обследуемого, спит он или бодрствует. Но информация, получаемая нами при таком обследовании, крайне ограниченна. Беда в том, что мы принимаем сигналы десяти миллиардов нейронов в самых разнообразных комбинациях. Это равносильно тому, чтобы слушать разговоры всех обитателей Земли одновременно, причем на громадном расстоянии, и пытаться при этом понять смысл отдельных слов. Что невозможно. Мы в состоянии уловить только самые основные, кардинальные процессы, типа мировой войны, если продолжить сравнение с земным шаром, судить о которых можем лишь по изменению общей картины. Но не более того и не точнее. Таким же образом энцефалография указывает нам лишь на самые серьезные изменения мозговой функции, типа эпилепсии. А теперь давайте предположим, что есть возможность ощупать мозг тончайшим пучком лучей лазера, клетку за клеткой, и так быстро, что ни одна из клеток не успеет ощутить подъема температуры. Микроскопические потенциалы каждой клетки при обратной связи могут быть приняты лучом лазера, усилены и зарегистрированы. Вследствие этого мы станем обладать новым методом исследования — лазероэнцефалографией, которая принесет нам в миллионы раз больше информации, чем обычная энцефалограмма.

— Неплохая мысль,— кивнул Беркович.— Но всего лишь мысль.

— Больше чем мысль, Джим. Я уже пять лет работаю над этим, вначале только в свободное время, а теперь я ничем другим и не занимаюсь. Именно это беспокоит наш директорат, поскольку я давным-давно не отчитываюсь о проделанной работе.

— И почему же?

— Потому что я добралась до точки, где результаты выглядят... просто безумными.

Она отодвинула в сторону ширму, за которой оказалась клетка, а в ней сидела пара очаровательных мартышек с печальными глазками.

Беркович и Орсино переглянулись. Беркович коснулся пальцем кончика носа.

— То-то мне показалось, что тут чем-то пахнет.

— На что они тебе, Дженни? — поинтересовался Орсино.

Беркович сказал:

— Я, кажется, догадываюсь. Ты сканировала мозг мартышек, Дженни?

— Начала я не с них, а с гораздо более низкоорганизованных животных.

Дженни открыла дверцу клетки и взяла на руки одну из мартышек, похожую на маленького старичка, родившегося с врожденными дефектами.

Она пощелкала языком, нежно погладила мартышку и бережно застегнула на ней тонкий ошейник.

Орсино спросил:

— Что это ты делаешь?

— Она не должна двигаться во время обследования, а если я дам ей наркоз, это снизит точность эксперимента. В мозг мартышки введено несколько электродов, и я собираюсь подсоединить их к моей системе, к тому лазеру, которым я пользуюсь. Думаю, вам знакома эта модель, и мне не нужно объяснять вам принцип действия.

— Модель знакома,— сказал Беркович.— Но будь так добра, объясни, что ты собираешься показать нам.

— Проще будет посмотреть. Смотрите на экран.

Она подсоединила провода к электродам — быстро, уверенно, а затем щелкнула рычажком выключателя. Комната погрузилась в темноту. На экране возникла сложная картина пересекающихся ломаных линий. Медленно, постепенно в ней стали наблюдаться кое-какие изменения, затем на их фоне неожиданно возникли вспышки. Казалось, графики на экране живут своей особой жизнью.

— Это,— сообщила Реншо,— по сути дела, та же информация, что мы получаем при электроэнцефалографии, но гораздо более детальная.

— Достаточно ли она подробна,— поинтересовался Орсино,— чтобы понять, что же происходит с каждой отдельной клеткой?

— Теоретически — да. Практически — нет. Пока нет. Но у нас есть возможность разделить общую лазероэнцефалограмму на составные части — микролазерограммы. Смотрите!

Она включила пульт компьютера, и линия немедленно изменилась. Теперь она бежала маленькой ровной волной, колеблясь вверх-вниз. Потом изображение показало похожие на зубья пилы пики, которые тут же разредились, а затем линия стала почти плоской — вся эта сюрреалистическая геометрия менялась с огромной скоростью.

Беркович сказал:

— Ты хочешь сказать, что каждый маленький участок мозга дает свою собственную картину, не похожую на другую?

— Нет,— ответила Реншо,— не совсем так. Мозг в большой степени имеет однородное устройство, но от участка к участку отмечаются сдвиги показателей, и Майк может их регистрировать и использовать систему лазероэнцефалографии для усиления этих сигналов. Мощность усиления можно варьировать. Лазерная система позволяет работать без помех.

— А Майк — это кто? — поинтересовался Орсино.

— Майк? — рассеянно переспросила Реншо. Скулы ее тронул едва заметный румянец.— Я разве не сказала... Ну, я его иногда так зову. Это просто сокращение. Мой компьютер. Майк. Кстати, он имеет превосходный набор программ.

Беркович понимающе кивнул и сказал:

— Отлично, Дженни, только к чему все это? Ты разработала новое устройство для исследования мозговой активности с помощью лазера. Прекрасно. Очень интересная область применения, согласен, мне такое и в голову не приходило, я, в конце концов, не нейрофизиолог. Но

почему бы тебе не написать отчет? Мне кажется, директорат поддержит...

— Это только начало.

Женевьева повернулась и сунула в ротик мартышки дольку апельсина. Мартышка, судя по всему, чувствовавшая себя уютно и спокойно, принялась медленно и с упоением жевать сочную дольку. Реншо отсоединила провода, но ошейник не отстегнула.

— Итак,— продолжала она,— я могу выделить отдельно микролазероэнцефалограммы. Одни из них связаны с ощущениями, другие — со зрительными реакциями, третьи — с разнообразными эмоциями. Это, конечно, очень интересно и познавательно, но мне не хотелось на этом останавливаться. Интереснее изучать те лазерограммы, которые отражают абстрактные мысли.

Пухлая физиономия Орсино удивленно и недоверчиво сморщилась.

— Но... как ты можешь это определить?

— Есть особый ярко выраженный вид лазерограмм. Он появляется при обследовании представителей животного царства со сложной организацией умственной деятельности. И потом...— Она умолкла, а затем, будто собрав все силы для финального удара, сказала твердо и уверенно: — Эти лазерограммы я подвергла предельному увеличению. И мне кажется, что можно утверждать... что это... именно мысли...

— О боже! — воскликнул Беркович.— Телепатия!

— Да,— сказала она вызывающе.— Именно!

— Тогда не удивительно, что ты не подаешь отчетов. Давай дальше, Дженни!

— Почему бы и нет? — так же резко сказала Реншо.— Считается, что телепатия не существует, причем только потому, что неусиленные потенциалы человеческого мозга уловить невозможно. Но точно так же невозможно различить детали поверхности Марса невооруженным глазом. Однако когда появились инструменты для такого исследования, телескопы — пожалуйста, сколько угодно.

— Тогда объяви об этом директорату.

— Нет,— покачала головой Реншо.— Они мне не поверят. Они попытаются помешать мне. Но вас — тебя, Джим, и тебя, Адам,— они примут всерьез.

— Как ты думаешь, что я должен им сказать? — поинтересовался Беркович ехидно.

— Ты можешь рассказать им о том, что видел собственными глазами. Сейчас я снова подсоединю мартышку к сканеру, и Майк, мой компьютер, выделит лазерограмму абстрактной мысли. Много времени на это не уйдет. В последнее время я только этим и занимаюсь, и компьютер моментально выделяет соответствующую лазерограмму, если только я не ввожу другую команду.

— Почему? Потому, что компьютер тоже думает? — рассмеялся Беркович.

— И ничего смешного,— резко возразила Реншо.— Я подозреваю, что возникает что-то вроде резонанса. Этот компьютер достаточно сложен, чтобы излучать электромагнитные волны с элементами, сходными с лазерограммой абстрактной мысли. Во всяком случае...

На экране снова появилось изображение мозговых волн мартышки. Но картина, которую наблюдали Адам и Джим, была совершенно иной, чем прежде. Теперь пиков было такое множество, что линия казалась просто-таки пушистой, и она все время менялась.

— Я ничего тут не понимаю,— пробурчал Орсино.

— Чтобы понять, ты должен быть помещен в приемное устройство. Внутрь цепи.

— То есть... Как это? Ты хочешь сказать, что нам в мозг нужно ввести электроды?

— Нет, не в мозг. Только на кожу. Этого вполне достаточно. Я бы предпочла тебя, Адам, поскольку у тебя волос... поменьше. О, не бойся, это не больно, поверь.

Орсино повиновался, но явно без особой радости. Он ежился, когда Женевьева укрепляла электроды на его лысине.

— Ощущаешь что-нибудь? — спросила Реншо.

Орсино запрокинул голову, как будто прислушиваясь к чему-то. Похоже, он заинтересовался происходящим. Он сказал:

— Слышу что-то вроде постукивания... и... и еще что-то вроде попискивания — тонкое такое попискивание... и... ой, как потешно... как будто кто-то хихикает!

Беркович высказал предположение:

— Вероятно, мартышка думает не словами.

— Конечно,— подтвердила Реншо.

— Почему же ты решила, что это мысли? Все эти писки, трески и постукивание?

Реншо была невозмутима:

— А теперь поднимемся еще выше по лестнице разума.

Она осторожно освободила мартышку от проводков, сняла с нее ошейник и отнесла в клетку.

— Ты хочешь сказать, что объектом будет человек? — недоверчиво спросил Орсино.

— Объектом буду я, лично.

— У тебя что, электроды имплантированы...

— Нет-нет. В данном случае меня будет представлять мой компьютер. Мой мозг по массе в десять раз превышает мозг мартышки. Майк может вычленять мои лазерограммы, обозначающие мысли, и без вживления электродов в мозг, при простом наложении их снаружи.

— Откуда ты знаешь? — упорствовал Беркович.

— А ты думаешь, я еще не попробовала все это на себе? Ну-ка, помоги мне приладить... Вот так. Отлично.

Ее пальцы быстро пробежали по клавишам пульта компьютера, и на экране тут же загорелась извилистая линия, такая замысловатая, что было невозможно выделить ее отдельные элементы.

— Сам справишься со своими электродами, Адам? — спросила Реншо.

Орсино приладил электроды на место с помощью, не слишком ловкой, Берковича.

— Я слышу слова,— сообщил он вскоре.— Но они разрозненные, накладываются одно на другое, будто одновременно говорят несколько человек.

— Я просто не пытаюсь говорить сознательно,— объяснила Реншо.

— А вот когда ты заговорила, я услышал твои слова, как эхо.

Беркович сердито посоветовал:

— Не разговаривай, Дженни. Попробуй упорядочить свои мысли, пусть он услышит то, что ты хочешь ему передать.

Орсино возразил:

— А вот когда говоришь ты, Джим, я никакого эха не слышу.

Беркович буркнул:

— Если ты не заткнешься, вообще ничего не услышишь.

Наступило долгое, тяжелое молчание. Потом Орсино понимающе кивнул, потянулся за ручкой и что-то написал на бумаге.

Реншо встала, нажала рычажок выключателя и сняла электроды со своей красивой головки. Поправила прическу и, не глядя на Орсино, объявила:

— Надеюсь, записанное тобой звучит так: «Адам, советую замолвить за меня словечко на директорате, а Джим пускай утрется».

Орсино пробормотал:

— Да... я записал именно это, слово в слово!

— Ну, вот вам и результат,— довольно улыбнулась Реншо.— Телепатия в действии, хотя совсем не обязательно пользоваться ею для передачи таких глупых предложений. Подумайте о том, как можно применить ее в психиатрии, в лечении душевнобольных. Представьте, как можно ее применить в обучении людей и машин. Подумайте, сколь велика будет польза от ее применения в криминалистике.

Орсино, широко раскрыв глаза, прошептал:

— Честно говоря, просто уму непостижимо — столько открывается возможностей! Но... я не уверен, что позволят...

— Если все будет на законном основании, почему бы и нет? — пожала плечами Реншо.— И если мы втроем, объединенными усилиями попробуем сдвинуть это дело с места, если вы не против того, чтобы присоединиться ко мне, не за горами Нобелевская премия...

Беркович угрюмо покачал головой.

— Я не могу. Нет. Пока — нет.

— Что? О чем ты? — Холодное красивое лицо Реншо покрылось ярким румянцем.

— Телепатия — дело тонкое. Она слишком заманчива, слишком желанна. Мы можем обмануться.

— Ты хоть послушай, о чем ты говоришь, Джим. Возьми, сам послушай.

— И я могу обмануться. Мне нужен контроль.

— Что ты имеешь в виду? Какой такой контроль?

— Изолировать источник мыслей. Убрать животное. Никаких мартышек. Ни одного человека. Понять, откуда исходит мысль. Пусть Орсино послушает металл и стекло, и если он всё равно услышит мысли, значит, мы обманываем себя.

— А если он ничего не услышит?

— Тогда я буду слушать. И если ты поместишь меня в соседней комнате и я, ничего не видя, смогу определить, когда ты подключишься к цепи, значит, можешь на меня рассчитывать.

— Что ж, отлично,— согласилась Реншо.— Устроим контрольный эксперимент. Это нетрудно.

Она повозилась с проводками, которые раньше были закреплены на ее голове, и закрепила контакты. Цепь замкнулась.

— Ну, Адам,— сказала она,— если ты начнешь сначала...

Но прежде чем она закончила фразу, раздался холодный, четкий голос — чистый, как звон разбивающихся льдинок:

— Наконец-то!

— Что? — ошеломленно переспросила Реншо.

Орсино промямлил:

— Кто сказал...

Беркович оглядывался по сторонам.

— Кто сказал «наконец-то»?

Реншо, внезапно побледнев, проговорила:

— Я не говорила. Я не издала ни звука. Это была только... Это кто-то из вас...

Но звонкий голос проговорил вновь:

— Я Ма...

Реншо разъединила проводки, наступила тишина. Она почти беззвучно, одними губами, проговорила:

— Видимо, это Майк... мой компьютер...

— Ты хочешь сказать, что он думает? — еле слышно прошептал Орсино.

Реншо тихо-тихо, до неузнаваемости изменившимся голосом ответила:

— Я же сказала, что он очень сложный, и почему бы ему не... Как вы думаете... Он всегда автоматически настраивался на вычленение лазерограммы абстрактной мысли, какой бы мозг ни был подключен к цепи. Но если в цепи не оказалось ни одного мозга, он подключился к себе... Так, что ли?

Все молчали. Наконец Беркович сказал:

— Получается, что этот компьютер думает, но не может свободно выражать свои мысли до тех пор, пока он ограничен выполнением программы. Из-за этой твоей лазерной системы...

— Невозможно! — взвизгнул Орсино.— Никто же не принимал мысли. Это совсем не одно и то же!

Реншо задумчиво проговорила:

— Компьютер работает с гораздо большей интенсивностью, чем органический мозг. Полагаю, он способен усилить свой потенциал до такой степени, что мы можем улавливать его мысли без посторонней помощи. Иначе как объяснить...

Беркович резко оборвал ее:

— Значит, ты нашла еще одно применение лазеру: возможность говорить с компьютерами как с отдельными индивидуумами, один на один.

А Реншо, глядя в одну точку, спросила, ни к кому не обращаясь:

— О господи, что же нам теперь делать?

Сторонник сегрегации

Хирург поднял глаза, лицо его ничего не выражало:

— Он готов?

— Готовность — понятие относительное,— сказал медик-инженер.— Мы готовы. Он беспокоен.

— Они всегда нервничают. Это ведь серьезная операция.

— Серьезная или нет, он должен быть благодарен. Его выбрали из огромного количества желающих, и, честно говоря, я не думаю...

— Не стоит об этом говорить,— прервал его хирург.— Не мы принимаем решение.

— Мы его утверждаем. И разве мы обязаны соглашаться?

— Да,— сказал хирург жестко.— Мы соглашаемся. Полностью и от всего сердца. Операция чересчур сложна, чтобы умничать и приниматься за нее с оговорками. Этот человек доказал свою ценность для человечества, и результаты устраивают Совет по выживанию.

— Ладно,— медику-инженеру не хотелось спорить.

Хирург сказал:

— Пожалуй, я встречусь с ним прямо здесь. Комната маленькая, так что может получиться доверительный и успокаивающий разговор.

— Не поможет. Он нервничает и, похоже, уже принял решение.

— Вот как?

— Да. Он хочет металл, с больными всегда одна и та же история.

Выражение лица хирурга не изменилось. Он внимательно разглядывал свои руки.

— Иногда их можно отговорить.

— Стоит ли беспокоиться? — тон медика-инженера был безразличным.— Он хочет металл — пусть будет металл.

— Тебя это не волнует?

— А чего волноваться? — сказал медик-инженер жестко.— В любом случае это медико-инженерная задача, а я — инженер, значит, могу с ней справиться. Почему я должен делать больше?

Хирург сказал бесстрастно:

— С моей точки зрения, это проблема совместимости тканей.

— Совместимость! Это же не аргумент. Разве пациента волнует совместимость?

— Зато меня волнует.

— Твои мысли никого не интересуют. К тому же они не совпадают с настроением в обществе. Так что у тебя нет шансов.

— И все-таки я попытаюсь.

Хирург жестом пресек дальнейшие возражения инженера. Он вызвал сестру и знал, что она уже у дверей его кабинета. Хирург нажал кнопку, створки двойной двери медленно раздвинулись, и в комнате появился пациент в своем инвалидном кресле. Сестра шла рядом.

— Подождите за дверью, сестра,— сказал хирург.— Я позову вас.— Он кивнул медику-инженеру, и тот вышел вслед за сестрой. Дверь закрылась.

Человек в кресле обернулся, провожая взглядом уходящих. У него была жилистая шея и заметные морщинки вокруг глаз. Он был гладко выбрит, хирург обратил внимание на маникюр на его пальцах, крепко сжимавших ручки кресла. За этим высокопоставленным пациентом хорошо ухаживали... Тем не менее видно было, что он раздражен и готов в любую минуту дать выход своему раздражению.

— Мы начнем сегодня?

Хирург кивнул:

— Сегодня днем, сенатор.

— Как я понимаю, это займет не одну неделю.

— Не операция сама по себе, сенатор. Но есть много дополнительных моментов, которые требуют внимания. Кровообращение, которое надо восстановить и некоторое время поддерживать искусственно, гормональное регулирование — это все непросто.

— Это опасно? — спросил пациент требовательно. Затем, видимо решив, что между ним и хирургом должны быть добрые отношения, пересилил себя и добавил: — Доктор?

Хирург не обратил никакого внимания на оттенки его интонации и ответил спокойно:

— Любая операция опасна. Время уходит главным образом на то, чтобы сделать ее менее опасной. Требуется время, искусство многих людей, их сотрудничество, сложное оборудование, чтобы такая операция была доступной хотя бы для немногих...

— Все это мне известно.— Пациент явно нервничал.— Никакой вины по этому поводу я не чувствую. Вы что, пытаетесь оказать на меня давление?

— Вовсе нет, сенатор. Никто не подвергает сомнению то, что решает Совет по выживанию. Я говорю о том, что операция сложна и требует большого искусства, с единственной целью — объяснить свое желание сделать все возможное, чтобы результат был наилучшим.

— Ваши желания в данном случае совпадают с моими.

— Но я должен просить вас принять решение. Существует два вида искусственных сердец, и вы должны выбрать, какое мы поставим вам — металлическое или...

— Пластиковое,— сказал пациент с раздражением.— Именно такую альтернативу вы собирались предложить, доктор? Дешевый пластик. Я этого не хочу. Я сделал свой выбор. Я хочу металл.

— Но...

— Послушайте. Мне сказали, что выбирать буду я. Или это не так?

Хирург кивнул.

— Если две процедуры с медицинской точки зрения равноценны, выбор делает пациент. Практически выбор остается за пациентом даже тогда, когда процедуры неравноценны,— именно так обстоит дело в вашем случае.

Пациент прищурился.

— Вы хотите убедить меня в том, что пластиковое сердце предпочтительнее?

— Все зависит от конкретного пациента. Уверен, что в вашем случае дело обстоит именно так. Собственно говоря, термин «пластик» не совсем точен. Искусственное сердце сделано из волокнистого материала.

— Это и есть пластик, насколько я понимаю.

— Сенатор,— терпение хирурга было безгранично,— материал, из которого сделано сердце, не пластик в обычном смысле этого слова. Этот полимерный протеиноподобный материал намного сложнее, чем просто пластик. Его химический состав максимально приближен к химическому составу тканей человеческого сердца, того самого, которое бьется у вас в груди.

— Замечательно. Однако сердце, которое бьется в моей груди, износилось, а ведь мне еще нет и шестидесяти. И ничего похожего мне не надо. Я хочу что-нибудь получше.

— Мы все хотим выбрать лучший вариант для вас, сенатор. Поэтому я говорю с вами об искусственном сердце из волокнистого пластика. Потенциальный срок его работы — столетия. И аллергического отторжения не бывает...

— А с металлическим сердцем разве не так?

— Так же,— сказал хирург.— Металлическое сердце сделано из титанового сплава, а это значит...

— И оно не изнашивается? Оно крепче, чем пластиковое? Или волокнистое, или как еще вам нравится его называть?

— С физической точки зрения металл, безусловно, прочнее, но спор-то идет не о механической прочности.

От того, что металл крепче, вам никакого проку не будет, ведь мышцы и кости надежно защищают сердце. То, что может его повредить, скорее всего будет для вас смертельным, даже если сердце и не будет затронуто.

Пациент пожал плечами.

— Если я сломаю ребро, я и его заменю на титановое. Замена костей на металлические ведь не представляет проблемы, не так ли? Я буду настолько металлическим, насколько я хочу, доктор.

— Это ваше право, ваш выбор. Но я должен быть с вами честным и предупредить, что, хотя ни одно титановое сердце не было разрушено механическим воздействием, большое количество таких сердец было разрушено воздействием электронным.

— Что это значит?

— В конструкцию искусственного сердца входит водитель ритма. В металлическом варианте это — особое электронное устройство, которое поддерживает ритм сердцебиения. Таким образом, титановое сердце содержит комплекс миниатюрного электронного оборудования, которое меняет сердечный ритм в соответствии с эмоциональным и физическим состоянием человека. Бывает, электроника портится, тогда человек умирает прежде, чем неисправность можно найти и устранить.

— Я никогда об этом не слышал.

— Уверяю вас, такое случается.

— Вы хотите сказать, случается часто?

— Совсем нет. Очень редко.

— Тогда я рискну. А пластиковое сердце? Разве в нем нет водителя ритма?

— Разумеется, есть, сенатор. Но химический состав искусственного сердца из волокнистого пластика намного ближе к составу тканей человека. И в этом случае ионный и гормональный контроль осуществляет сам организм. Комплекс приборов намного проще, чем тот, который приходится использовать с металлическим сердцем.

— А разве пластиковое сердце не может внезапно выйти из-под гормонального контроля?

— До сих пор не было ни одного такого случая.

— Потому что вы начали использовать их сравнительно недавно? Разве не так?

Хирург заколебался.

— Это правда, сердца из волокнистого пластика применяют не так давно, как металлические.

— То-то же. Тогда в чем дело, доктор? Вы боитесь, что я превращу себя в робота... в Металло, как их стали называть с тех пор, как за ними было признано право на гражданство?

— Ничего плохого в Металло как таковых я не вижу. Как вы справедливо заметили, они граждане. Но вы-то не Металло. Вы человек. Почему бы вам не остаться человеком?

— Потому что я хочу выбрать лучший вариант, а лучший вариант — металлическое сердце. И вы это понимаете.

Хирург кивнул.

— Очень хорошо. Вас попросят подписать необходимые бумаги, а потом поставят металлическое сердце.

— Оперировать будете вы? Мне сказали, что вы — лучший хирург.

— Я сделаю все возможное, чтобы вы перенесли эту перемену легко.

Створки двери раздвинулись, пациент в своем механическом кресле выехал в коридор, где ждала сестра.

Медик-инженер вошел в кабинет. Он смотрел поверх плеча на выезжающего пациента, пока дверь не закрылась. Тогда он повернулся к хирургу.

— Ну, по выражению твоего лица невозможно угадать, чем кончилась ваша беседа. Что он решил?

Хирург склонился над клавиатурой компьютера, вносяя в свои записи последние данные.

— Все как ты предсказывал. Он настаивает на металлическом искусственном сердце.

— Между нами говоря, они лучше.

— Не так уж значительно. Их начали использовать раньше, вот и все. Мания иметь металлические сердца

преследует людей с тех пор, как Металло стали гражданами. Людьми овладело дурацкое желание делать Металло из самих себя. Они тоскуют по силе и выносливости, которые ассоциируются у них с роботами.

— Все не так однозначно, док. Ты не работаешь с Металло, а я работаю, так что я лучше знаю. Последние двое, которые пришли для ремонта, попросили поставить им детали из волокнистого пластика.

— И получили их?

— Первому надо было заменить сухожилия, там невелика разница, металл или волокно. Другой хотел получить систему кровообращения или ее эквивалент. Я объяснил ему, что это возможно только в тех случаях, когда все тело сделано из волокнистого материала... Я полагаю, в конце концов все к этому и придет: Металло, которые, в сущности, не Металло, а существа из плоти и крови.

— И эта мысль не вызывает у тебя протеста?

— Почему бы и нет? На Земле сейчас существуют две разновидности интеллекта, и почему бы им не объединиться в одну? Пусть сближаются друг с другом, в конце концов их станет невозможно различить. Да и зачем их различать? Нужно взять лучшее, и тогда преимущества человека будут сочетаться с преимуществами робота.

— Получился бы гибрид,— произнес хирург с неким подобием ярости.— И он не объединил бы два вида, а представлял бы собой нечто совсем иное. Разве не логично предположить, что любое существо должно гордиться своей конструкцией и своими особенностями и не стремиться смешиваться ни с чем чужеродным? Зачем создавать помеси?

— Это речи сторонника сегрегации.

— Значит, я сторонник сегрегации.— В голосе хирурга звучала спокойная сила.— Я верю в соответствие своей природе. Не могу себе представить причину, по которой я бы согласился на изменение конструкции своего организма. Если бы какой-нибудь из органов требовал безусловной замены, я бы выбрал замену, наиболее

близкую к оригиналу. Я это я, я вполне себя устраиваю и не желаю быть никем другим.

Хирург поставил последнюю точку в записях. Пора было готовиться к операции. Он поместил свои сильные руки в нагреватель и разогрел их докрасна, чтобы полностью простерилизовать. На протяжении всей своей пылкой речи он ни разу не повысил голоса, и его блестящее металлическое лицо оставалось как всегда непроницаемым.

Зеркальное отражение

Лайдж Бейли только-только решил снова раскурить трубку, как дверь его кабинета внезапно распахнулась, причем в нее даже не постучали. Бейли раздраженно оглянулся — и уронил трубку. Он так и оставил ее валяться на полу, что ясно показывает, до какой степени он был удивлен.

— Р. Дэниел Оливо! — воскликнул он в неописуемом волнении.— Черт побери, это же вы?!

— Вы совершенно правы,— ответил вошедший. Его загорелое лицо с удивительно правильными чертами оставалось невозмутимым.— Я очень сожалею, что потревожил вас, войдя без предупреждения, но ситуация весьма щекотливая, и чем меньше о ней будут знать другие люди и роботы, даже из числа ваших сослуживцев, тем лучше. Сам же я очень рад вновь увидеться с вами, друг Илайджа.

И робот протянул правую руку жестом таким же человеческим, как и весь его внешний вид. Однако Бейли настолько растерялся, что несколько секунд недоуменно смотрел на протянутую руку, прежде чем схватил ее и горячо потряс.

— Но все-таки, Дэниел, почему вы тут? Конечно, я всегда рад вас видеть, но... Что это за щекотливая ситуация? Опять какие-нибудь всепланетные неприятности?

— Нет, друг Илайджа! Ситуация, которую я назвал щекотливой, на первый взгляд может показаться пустя-

ком. Всего лишь спор между двумя математиками. Но поскольку мы совершенно случайно были на расстоянии одного броска от Земли...

— Значит, этот спор произошел на межзвездном лайнере?

— Вот именно. Пустячный спор, но для людей, в нем замешанных, это отнюдь не пустяк.

Бейли не сдержал улыбки.

— Я не удивлюсь, что поступки людей кажутся вам неожиданными. Люди ведь не подчиняются Трем законам, как вы, роботы.

— Об этом можно только пожалеть,— с полной серьезностью ответил Р. Дэниел.— И кажется, сами люди не способны понимать друг друга. Но вы, возможно, понимаете их лучше, чем люди, обитающие на других планетах, так как Земля населена гораздо гуще. Потому-то, мне кажется, в ваших силах нам помочь.

Р. Дэниел на мгновение умолк, а затем добавил, пожалуй, с излишней торопливостью:

— Однако некоторые правила человеческого поведения я усвоил достаточно хорошо и теперь замечаю, что нарушил требования элементарной вежливости, не спросив, как поживают ваша жена и ваш сын.

— Прекрасно. Парень учится в колледже, а Джесси занялась политикой. Ну а теперь все-таки скажите мне, каким образом вы здесь очутились.

— Я же упомянул, что мы находились на расстоянии короткого броска от Земли,— сказал Р. Дэниел.— И я рекомендовал капитану обратиться за советом к вам.

— И капитан согласился? — спросил Бейли, которому как-то не верилось, что капитан межзвездного лайнера решил сделать непредвиденную посадку из-за какой-то чепухи.

— Видите ли,— объяснил Р. Дэниел,— он попал в такое положение, что согласился бы на что угодно. К тому же я всячески вас расхваливал, хотя, разумеется, говорил только правду, нисколько не преувеличивая. И наконец, я взялся вести все переговоры так, чтобы ни пассажирам,

ни команде не пришлось покидать корабля, нарушая тем самым карантин.

— Но что все-таки произошло? — нетерпеливо спросил Бейли.

— В числе пассажиров космолета «Эта Карины» находятся два математика, направляющиеся на Аврору, чтобы принять участие в межзвездной конференции по нейробиофизике. И недоразумение возникло именно между этими математиками — Альфредом Барром Гумбольдтом и Дженнаном Себбетом. Может быть, вы, друг Илайджа, слышали о них?

— Нет! — решительно объявил Бейли.— Я в математике ничего не смыслю. Послушайте, Дэниел,— вдруг спохватился он.— Вы, надеюсь, не говорили капитану, что я знаток в математике или...

— Конечно нет, друг Илайджа. Мне известно, что это не так. Но это не имеет значения, так как математика совершенно не связана с сутью спора.

— Ну ладно, валяйте дальше.

— Раз вы ничего о них не знаете, друг Илайджа, я хотел бы сообщить вам, что доктор Гумбольдт — один из трех крупнейших математиков Галактики с давно установившейся репутацией. Доктор Себбет, с другой стороны, очень молод, ему нет еще и пятидесяти, но он уже заслужил репутацию выдающегося таланта, занимаясь наиболее сложными проблемами современной математики.

— Следовательно, они оба — великие люди,— заметил Бейли. Тут он вспомнил про свою трубку и поднял ее, но решил пока не закуривать.— Что же произошло? Убийство? Один из них втихомолку прикончил другого?

— Один из этих людей, имеющих самую высокую репутацию, пытается уничтожить репутацию другого. Если не ошибаюсь, по человеческим нормам это считается чуть ли не хуже физического убийства.

— В некоторых ситуациях — пожалуй. Ну, так кто же из них покушается на репутацию другого?

— В этом-то, друг Илайджа, и заключается суть проблемы. Кто из них?

— Говорите же!

— Доктор Гумбольдт излагает случившееся совершенно четко. Вскоре после того как космолет стартовал, он внезапно сформулировал принцип, который позволяет создать метод анализа нейронных связей по изменениям карты поглощения микроволн в отдельных участках коры головного мозга. Принцип этот опирается на механические тонкости, которых я не понимаю и, стало быть, не могу вам изложить. Впрочем, к делу это не относится. Чем больше доктор Гумбольдт размышлял над своим открытием, тем больше он убеждался, что нашел нечто революционизирующее всю его науку, перед чем бледнеют все его прежние достижения. И тут он узнал, что на борту космолета находится доктор Себбет.

— Ага! И он обсудил свое открытие с доктором Себбетом?

— Вот именно. Они уже встречались на конференциях и заочно были хорошо знакомы друг с другом. Гумбольдт подробно изложил Себбету свои выводы. Тот полностью их подтвердил и не скупился на похвалы важности открытия и таланту того, кто это открытие сделал. Тогда Гумбольдт, окончательно убедившись, что он стоит на верном пути, подготовил доклад с кратким изложением своего открытия и через два дня собирался переслать его комитету конференции на Авроре, чтобы официально закрепить за собой приоритет, а кроме того, и выступить с подробным сообщением на самой конференции. К своему удивлению, он обнаружил, что и Себбет подготовил доклад примерно такого же содержания и тоже намеревается отправить его на Аврору.

— Гумбольдт, наверное, разъярился?

— Еще бы!

— А Себбет? Что говорит он?

— То же, что и Гумбольдт, слово в слово.

— Так в чем же здесь трудность?

— В зеркальной перестановке имен. Себбет утверждает, что открытие сделал он, и что это он обратился за подтверждением к Гумбольдту, и что все было наоборот — это Гумбольдт согласился с его выводами и всячески их расхваливал.

— То есть каждый утверждает, что идея принадлежит ему, а другой ее украл? Я все-таки не вижу, в чем тут трудность. Когда речь идет о научных открытиях, достаточно просто представить подписанные и датированные протоколы исследований, после чего легко устанавливается приоритет. И даже если одни протоколы подделаны, это нетрудно обнаружить, выявив внутренние несоответствия.

— При обычных обстоятельствах, друг Илайджа, вы были бы совершенно правы, но ведь тут речь идет о математике, а не об экспериментальных науках. Доктор Гумбольдт утверждает, что держал все необходимые данные в голове и ничего не записывал, пока не начал составлять вышеуказанный доклад. Доктор Себбет, разумеется, утверждает то же самое.

— В таком случае, следует принять решительные меры, чтобы разом с этим покончить. Прозондируйте их психику и установите, кто из них лжет.

Р. Дэниел покачал головой.

— Друг Илайджа, вы, по-видимому, не поняли, о ком идет речь. Оба они — члены Межгалактической Академии, а потому все вопросы, касающиеся их профессионального поведения, правомочна решать только комиссия Академии. Если, конечно, они сами не согласятся добровольно подвергнуться проверке.

— Тогда предложите им подвергнуться проверке. Виновный откажется, зная, чем грозит ему психологическое зондирование. Невиновный, несомненно, согласится, и вам даже не придется прибегать к этой мере.

— Вы не правы, друг Илайджа. Для таких людей дать согласие на подобную проверку — значит поступиться своим престижем. Несомненно, они оба откажутся только из гордости. И все прочее тут отступит на второе место.

— Ну так ничего пока не делайте. Отложите решение вопроса до прибытия на Аврору. На этой нейробиофизической конференции, конечно, будет присутствовать такое число академиков, что избрать комиссию...

— Но это нанесет серьезный удар престижу самой науки, друг Илайджа. И если скандал разгорится, пострада-

ют оба. Тень падет даже на невиновного, потому что он позволил впутать себя в столь неблаговидную историю. Все будут считать, что ему следовало бы покончить с ней тихо, не доводя дело до суда.

— Ну ладно. Я не академик, но постараюсь представить себе, что подобная точка зрения имеет под собой почву. А что говорят сами эти математики?

— Гумбольдт решительно не хочет скандала. Он говорит, что, если Себбет признается в присвоении этой идеи и не воспрепятствует ему передать тезисы или хотя бы сделать доклад на конференции, он не станет выдвигать никаких официальных обвинений. Неэтичный поступок Себбета останется тайной, известной только им троим, включая капитана; никто из людей больше в эту историю не посвящен.

— А юный Себбет не соглашается?

— Наоборот, он во всем согласен с доктором Гумбольдтом — но с перестановкой имен, разумеется. Все то же зеркальное отражение.

— И значит, оба они, так сказать, в патовом положении?

— Мне кажется, друг Илайджа, что каждый ждет, чтобы другой не выдержал и признал свою вину.

— Ну, так пусть себе ждут.

— Капитан считает, что это невозможно. Видите ли, здесь есть два варианта. Либо оба будут упрямиться до посадки на Аврору, после чего неминуемо разразится академический скандал. И капитан, отвечающий за поддержание закона и порядка на своем лайнере, получит выговор за то, что не сумел уладить все без шума. Он об этом и слышать не хочет.

— А второй вариант?

— Либо тот, либо другой признается в плагиате. Но будет ли признавшийся действительно виновным? Или он пойдет на это из благородного желания предотвратить скандал? А разве можно допустить, чтобы человек, готовый ради чести науки поступиться заслуженной славой, и в самом деле лишился этой славы? Или же в последний момент признается виновный, но так, чтобы создалось

впечатление, будто он делает это исключительно из вышеупомянутых побуждений, избежав таким образом позора и бросив тень на второго. Конечно, из людей знать об этом будет только капитан, но он не желает до конца своих дней мучиться мыслью, что невольно оказался пособником беспринципного плагиатора.

Бейли вздохнул.

— Так сказать, кто кого пересидит. Кто не выдержит первым по мере приближения к Авроре. Это все, Дэниел?

— Не совсем. У нас есть свидетели.

— Черт побери, почему же вы сразу не сказали? Какие свидетели?

— Камердинер доктора Гумбольдта...

— А, робот, наверное.

— Ну, конечно. Его зовут Р. Престон. Этот камердинер, Р. Престон, присутствовал при первом разговоре, и он подтверждает рассказ доктора Гумбольдта во всех частностях.

— То есть он говорит, что идея принадлежала доктору Гумбольдту, что доктор Гумбольдт изложил ее доктору Себбету, что доктор Себбет пришел от нее в восторг и так далее?

— Вот именно.

— Ага. Но это решает вопрос? Или нет? По-видимому, нет.

— Вы совершенно правы. Вопроса это вовсе не решает, потому что имеется второй свидетель. У доктора Себбета тоже есть камердинер, Р. Айд, также робот и той же модели, что и Р. Престон, изготовленный в том же году на том же заводе. Оба прослужили у своих хозяев одинаковый срок.

— Странное совпадение... Очень странное.

— И тем не менее это факт, который, боюсь, затрудняет возможность сделать какие-либо выводы из различий между камердинерами.

— Следовательно, Р. Айд утверждает то же самое, что и Р. Престон?

— Абсолютно то же самое, за исключением зеркальной перестановки имен.

— Другими словами, Р. Айд утверждает, что юный Себбет, тот, которому еще не исполнилось пятидесяти, сам наткнулся на эту идею и что он изложил ее доктору Гумбольдту, который не скупился на похвалы, и так далее?

— Совершенно верно, друг Илайджа.

— Из чего следует, что один из роботов лжет.

— По-видимому, да.

— Мне кажется, будет нетрудно решить, который из них лжет. Вероятно, опытный робопсихолог, сделав даже поверхностное обследование...

— К сожалению, друг Илайджа, на борту лайнера нет робопсихолога, достаточно квалифицированного, чтобы вынести суждение по столь деликатному вопросу. Подобные исследования можно будет произвести, только когда мы достигнем Авроры, так как ни доктор Гумбольдт, ни доктор Себбет не согласятся остаться без камердинеров на срок, который потребуется для обследования роботов земными специалистами.

— Но в таком случае, Дэниел, я не совсем понимаю, чего вы хотите от меня.

— Я глубоко убежден,— невозмутимо сказал Р. Дэниел,— что вы уже наметили какой-то план действий.

— Ах так? Ну, по-моему, в первую очередь следует поговорить с этими математиками, один из которых — плагиатор.

— Боюсь, друг Илайджа, это неосуществимо. Они не могут покинуть лайнер из-за карантина. И по той же причине не можете явиться к ним и вы.

— Да, конечно, Дэниел, но я имел в виду беседу по видеофону.

— К сожалению, они вряд ли согласятся, чтобы их допрашивал простой полицейский следователь. Опять-таки вопрос престижа.

— Ну, с роботами-то я могу поговорить по видеофону?

— Это, я полагаю, можно будет устроить.

— Попробуем обойтись этим. Значит, мне придется взять на себя функции робопсихолога-любителя.

— Но вы же сыщик, друг Илайджа, а не робопсихолог.

— Неважно. Только прежде, чем я увижусь с ними, давайте поразмыслим. Скажите, а может ли быть так, что оба робота говорят правду? Например, разговор между математиками велся полунамеками. И каждый робот искренне верит, что идея принадлежала его хозяину. Или оба слышали лишь части разговора, причем разные, а в результате пришли к одному и тому же выводу.

— Исключено, друг Илайджа. Оба робота повторяют разговор совершенно одинаково, если не считать главного противоречия.

— Значит, несомненно, что один из роботов лжет?

— Да.

— Можно мне будет получить копию показаний, дававшихся в присутствии капитана?

— Я предвидел, что копия может вам понадобиться, и захватил ее с собой.

— Вот и чудесно. А роботам была устроена очная ставка? И это отражено в протоколе?

— Роботы просто рассказали то, что им было известно. Устраивать очную ставку правомочен только робопсихолог.

— А я?

— Вы — сыщик, друг Илайджа, а не...

— Ну ладно, ладно, Дэниел. Подумаем-ка еще. При обычных обстоятельствах робот лгать не станет. Однако он солжет, чтобы не нарушить какой-нибудь из Трех законов. Он может солгать, чтобы спасти себя в соответствии с Третьим законом. Еще легче он солжет, чтобы выполнить распоряжение, полученное от человека, так как это соответствует Второму закону. И он скорее всего солжет, если это понадобится для спасения человеческой жизни или если он таким способом воспрепятствует тому, чтобы человеку был причинен вред,— согласно Первому закону.

— Совершенно верно.

— В данном случае каждый из этих роботов предположительно защищает профессиональную репутацию своего хозяина и ради этого в случае необходимости, несо-

мненно, будет лгать. Ведь профессиональная репутация тут почти эквивалентна жизни, и Первый закон принудит его ко лжи.

— Однако такой ложью каждый камердинер будет вредить профессиональной репутации другого математика, друг Илайджа.

— Да, пожалуй. Но ведь репутация хозяина может представляться ему более значимой и важной, чем репутация любого другого человека. И в этом случае, с его точки зрения, ложь принесет намного меньше вреда, чем правда.

Сказав это, Лайдж Бейли умолк и задумался. Затем он продолжал:

— Ну хорошо. Так вы мне дадите возможность побеседовать с роботами? Я думаю, лучше будет начать с Р. Айда.

— Робота доктора Себбета?

— Да.

— Тогда подождите минутку,— сказал Р. Дэниел.— Я захватил с собой микроприемник, соединенный с проектором. Мне потребуется только белая стена. Вот эта вполне подойдет, если вы разрешите мне отодвинуть ящики с картотекой.

— Валяйте. Мне что, нужно будет говорить в микрофон?

— Нет. Вы сможете говорить так, словно ваш собеседник находится перед вами. Но извините, друг Илайджа, мне придется еще немного вас задержать. Я должен сперва связаться с космолетом и вызвать Р. Айда к передатчику.

— В таком случае, Дэниел, может, вы мне пока дадите копии протоколов?

Пока Р. Дэниел налаживал оборудование, Лайдж Бейли, закурив трубку, принялся перелистывать протоколы, которые передал ему робот.

Через несколько минут Р. Дэниел сказал:

— Р. Айд ждет вас, друг Илайджа. Но может быть, вы хотели бы еще несколько минут посвятить протоколам?

— Нет,— вздохнул Бейли.— Ничего нового я в них не нахожу. Включайте передатчик и последите, чтобы наш разговор записывался.

На стене появилось двухмерное изображение Р. Айда. В отличие от Р. Дэниела он вовсе не походил на человека и был сделан из металла. Он был высок, но состоял из нескольких блоков и мало чем отличался от обыкновенных роботов. Бейли заметил только несколько мелких отклонений от привычного стандарта.

— Добрый день, Р. Айд,— сказал Бейли.

— Добрый день, сэр,— ответил Р. Айд негромким и совсем человеческим голосом.

— Ты камердинер Дженнана Себбета, не так ли?

— Да, сэр.

— И давно ты у него служишь?

— Двадцать два года, сэр.

— И репутация твоего хозяина для тебя важна?

— Да, сэр.

— Ты считаешь необходимым защищать его репутацию?

— Да, сэр.

— Наравне с его жизнью?

— Нет, сэр.

— Наравне с репутацией какого-нибудь другого человека?

После некоторого колебания Р. Айд сказал:

— Тут не может быть общего ответа, сэр. В каждом подобном случае решение будет зависеть от конкретных обстоятельств.

Бейли помолчал, собираясь с мыслями. Этот робот рассуждал много тоньше и логичнее, чем те, с которыми ему приходилось иметь дело до сих пор. И он вовсе не был уверен, что сумеет расставить ему ловушку. Бейли сказал:

— Если бы ты решил, что репутация твоего хозяина важнее репутации другого человека, например Альфреда Гумбольдта, ты бы солгал, чтобы защитить репутацию своего хозяина?

— Да, сэр.

— Солгал ли ты, давая показания о споре твоего хозяина с доктором Гумбольдтом?

— Нет, сэр.

— Но если бы ты солгал, ты отрицал бы это, чтобы скрыть свою ложь, не так ли?

— Да, сэр.

— В таком случае,— сказал Бейли,— рассмотрим ситуацию подробнее. Твой хозяин, Дженнан Себбет, имеет репутацию замечательного математика, но он еще очень молод. Если доктор Гумбольдт сказал правду и твой хозяин, не устояв перед искушением, действительно совершил неэтичный поступок, его репутация, конечно, несколько пострадает. Но у него впереди вся жизнь, и он успеет искупить свой поступок. Его ждет много блестящих открытий, и со временем все забудут эту попытку плагиата, объяснив ее опрометчивостью, свойственной молодым людям. То есть для него все еще поправимо. Если же, с другой стороны, искушению поддался доктор Гумбольдт, то положение создается гораздо более серьезное. Он уже стар, и главные его свершения относятся к прошлому. До сих пор его репутация оставалась незапятнанной. И этот единственный проступок на склоне лет зачеркнет все его славное прошлое, а у него не будет времени поправить дело. За остающиеся ему годы он вряд ли сумеет сделать что-нибудь значительное. По сравнению с твоим хозяином доктор Гумбольдт теряет гораздо больше, а возможностей поправить случившееся у него гораздо меньше. Таким образом, ты видишь, что положение доктора Гумбольдта намного более серьезно и чревато несомненно более опасными последствиями, не так ли?

Наступила долгая пауза. Затем Р. Айд сказал ровным голосом:

— Мои показания были ложью. Работа принадлежит доктору Гумбольдту, а мой хозяин попытался присвоить ее, не имея на то права.

— Прекрасно,— сказал Бейли.— По распоряжению капитана корабля ты не должен никому ничего говорить о нашей беседе, пока тебе не будет дано на это разрешение. Можешь быть свободен.

Экран померк, и Бейли, затянувшись, выпустил клуб дыма.

— Капитан все слышал, Дэниел?

— Разумеется. Он единственный свидетель, не считая нас.

— Очень хорошо. А теперь давай другого робота.

— Но зачем, друг Илайджа? Ведь Р. Айл во всем признался!

— Нет, это необходимо. Признание Р. Айда ничего не стоит.

— Ничего?

— Абсолютно ничего. Я объяснил ему, что доктор Гумбольдт находится в худшем положении, чем его хозяин. Естественно, если он лгал, защищая Себбета, то тут он сказал бы правду, как он и утверждает. Но если он говорил правду раньше, то теперь он солгал бы, чтобы защитить Гумбольдта. Это по-прежнему зеркальное отражение, и мы ничего не добились.

— Но в таком случае чего мы добьемся, допросив Р. Престона?

— Если бы зеркальное отражение было абсолютно точным, мы ничего не добились бы. Но одно различие существует. Ведь кто-то из роботов начал с того, что сказал правду, а кто-то солгал. И вот тут симметрия нарушена. Давайте-ка мне Р. Престона, а если запись допроса Р. Айда готова, я хотел бы ее просмотреть.

На стене вновь появилось изображение. Р. Престон ничем не отличался от Р. Айда, если не считать узора на грудной пластине.

— Добрый день, Р. Престон,— сказал Бейли, держа перед собой запись допроса Р. Айда.

— Добрый день, сэр,— ответил Р. Престон. Голос его ничем не отличался от голоса Р. Айда.

— Ты камердинер Альфреда Гумбольдта, не так ли?

— Да, сэр.

— И давно ты у него служишь?

— Двадцать два года, сэр.

— И репутация твоего хозяина для тебя важна?

— Да, сэр.

— Ты считаешь необходимым защищать его репутацию?

— Да, сэр.

— Наравне с его жизнью?

— Нет, сэр.

— Наравне с репутацией какого-нибудь другого человека?

После некоторого колебания Р. Престон сказал:

— Тут не может быть общего ответа, сэр. В каждом подобном случае решение будет зависеть от конкретных обстоятельств.

Бейли сказал:

— Если бы ты решил, что репутация твоего хозяина важнее репутации другого человека, например Дженнана Себбета, ты бы солгал, чтобы защитить репутацию своего хозяина?

— Да, сэр.

— Солгал ли ты, давая показания о споре твоего хозяина с доктором Себбетом?

— Нет, сэр.

— Но если бы ты солгал, ты отрицал бы это, чтобы скрыть свою ложь, не так ли?

— Да, сэр.

— В таком случае,— сказал Бейли,— рассмотрим ситуацию поподробнее. Твой хозяин, Альфред Гумбольдт, имеет репутацию замечательного математика, но он старик. Если доктор Себбет сказал правду и твой хозяин, не устояв перед искушением, действительно совершил неэтичный поступок, его репутация, конечно, несколько пострадает. Однако его почтенный возраст и замечательные открытия, которые он делал на протяжении столетий, перевесят этот единственный неверный шаг и заставят забыть о нем. Эта попытка плагиата будет объяснена утратой чувства реальности, свойственной старикам. Если же, с другой стороны, искушению поддался доктор Себбет, то положение создается гораздо более серьезное. Он молод, и репутация его не столь прочна. При обычных обстоятельствах его ждали бы столетия, чтобы он мог совершенствовать свои знания и делать великие открытия. Теперь

же он будет всего этого лишен — из-за единственной ошибки молодости. Будущее, которое он теряет, несравненно больше, чем то, которое еще осталось твоему хозяину. Таким образом, ты видишь, что положение Себбета намного более серьезно и чревато несомненно более опасными последствиями, не так ли?

Наступила долгая пауза. Затем Р. Престон сказал ровным голосом:

— Мои показания были ло...

Внезапно он умолк и больше не издал ни звука.

— Так что же ты хотел сказать, Р. Престон? — спросил Бейли.

Робот молчал.

— Боюсь, друг Илайджа,— вмешался Р. Дэниел,— что Р. Престон находится в состоянии полного отключения. Он вышел из строя.

— Наконец-то мы добились асимметричности,— сказал Бейли.— Теперь мы можем установить, кто виновен.

— Каким же образом, друг Илайджа?

— А вот подумайте. Предположим, я — человек, который не совершил преступления, что известно моему личному роботу. Мне не нужно предпринимать никаких действий. Мой робот скажет правду и подтвердит мои слова. С другой стороны, если я — человек, который совершил преступление, мне будет нужно, чтобы мой робот солгал. А это сопряжено с определенным риском: хотя робот в случае необходимости и солжет, стремление сказать правду окажется достаточно сильным. Другими словами, правда оказывается намного надежнее лжи. Чтобы обезопасить себя, человек, совершивший преступление, скорее всего, прикажет роботу солгать. В результате Первый закон будет подкреплен Вторым законом, и, возможно, в значительной степени.

— Это выглядит логичным,— заметил Р. Дэниел.

— Предположим, мы имеем по одному роботу каждого типа. Один из них переключится с ничем не подкрепленной правды на ложь. И проделает это после некоторых колебаний без каких-либо последствий. Второй робот переключится с сильно подкрепленной лжи на правду, но

при этом он рискует сжечь позитронные связи своего мозга и впасть в состояние полного отключения.

— А поскольку Р. Престон впал в состояние полного отключения...

— Значит, хозяин Р. Престона, доктор Гумбольдт, виновен в плагиате. Если вы передадите это капитану и рекомендуете ему немелленно переговорить с доктором Гумбольдтом, тот, возможно, во всем сознается. В таком случае, я надеюсь, вы мне немедленно об этом сообщите.

— Непременно. Вы меня извините, друг Илайджа? Я должен поговорить с капитаном без свидетелей.

— Ну конечно. Пройдите в зал заседаний, он полностью экранирован.

Р. Дэниел вышел, а Бейли обнаружил, что не в состоянии ничем заняться. Он волновался. Слишком многое зависело от правильности его анализа, а он остро чувствовал, как мало знает о психологии роботов.

Р. Дэниел вернулся через полчаса, и эти полчаса были, пожалуй, самыми длинными в жизни Бейли.

Разумеется, по невозмутимому лицу робота, несмотря на все его сходство с человеком, нельзя было ни о чем догалаться, и Бейли также постарался сохранять полную невозмутимость, когда спросил:

— Ну так что же, Дэниел?

— Все произошло, как вы сказали, друг Илайджа. Доктор Гумбольдт признался. По его словам, он рассчитывал, что доктор Себбет отступит и позволит ему насладиться этим последним триумфом. Теперь дело улажено, и капитан просит передать вам, что он в восторге. И думаю, мне тоже зачтется, что я рекомендовал вас.

— Вот и хорошо,— сказал Бейли, который теперь, когда все окончилось благополучно, вдруг почувствовал, что еле держится на ногах.— Но черт побери, Дэниел, не впутывайте меня больше в такие истории, ладно?

— Постараюсь, друг Илайджа. Разумеется, дальнейшее будет зависеть от того, насколько важной окажется проблема, от вашего местонахождения в тот момент и от некоторых других факторов. Однако мне хотелось бы задать вам один вопрос...

— Валяйте.

— Разве нельзя было предположить, что переход от лжи к правде должен быть легким, а переход от правды ко лжи — трудным? Это означало бы, что полностью отключившийся робот собирался вместо правды сказать ложь, а так как полностью отключился Р. Престон, то это означало бы, что виновен не доктор Гумбольдт, а доктор Себбет, не так ли?

— Совершенно верно, Дэниел. Можно было бы рассуждать и таким образом, но правильным оказалось обратное предположение. Ведь Гумбольдт-то признался. Разве нет?

— Да, конечно. Но раз оба эти построения были равно возможны, каким образом вы, друг Илайджа, так быстро сделали свой выбор?

Губы Бейли задергались. Он не выдержал и улыбнулся.

— Дело в том, Дэниел, что я исходил из психологии людей, а не роботов. В людях я разбираюсь лучше, чем в роботах. Другими словами, еще до того, как я стал допрашивать роботов, я довольно точно представлял себе, кто из математиков виновен. Когда же мне удалось добиться асимметричной реакции роботов, я истолковал ее как доказательство вины того, в чьей виновности я уже не сомневался. Реакция робота была настолько эффективной, что виновный человек не выдержал и сознался. А одним только анализом человеческого поведения я вряд ли сумел бы этого добиться.

— Мне хотелось бы узнать, что именно дал вам анализ человеческого поведения.

— Черт побери, Дэниел, подумайте немножко, и вам незачем будет спрашивать. В этой истории с зеркальными отражениями была еще одна асимметричность, помимо момента правды и лжи. А именно — возраст двух математиков, один из которых — глубокий старик, а другой еще очень молод.

— Да, конечно, но что из этого следовало?

— А вот что. Я могу представить себе, что молодой человек, ошеломленный открытием совершенно нового принципа, поторопится поделиться им с маститым уче-

ным, которого он еще на студенческой скамье привык почитать как великое светило. Но я не могу себе представить, чтобы маститый ученый, всемирно прославленный, привыкший к триумфам, открыв совершенно новый принцип, поторопился бы поделиться с человеком, который моложе его на двести лет и которого он, несомненно, считает желторотым юнцом. Далее. Если бы молодому человеку и представился случай украсть идею у прославленного светила, стал бы он это делать? Ни в коем случае. С другой стороны, старик, сознающий, что способности его угасают, мог бы многим рискнуть ради последнего триумфа, искренне считая, что у него нет никаких этических обязательств по отношению к тому, в ком он видел молокососа и выскочку. Короче говоря, было бы невероятно, чтобы Гумбольдт представил свое открытие на суд Себбета или чтобы Себбет украл идею Гумбольдта. Виновным в любом случае оказывался доктор Гумбольдт.

Р. Дэниел довольно долго раздумывал над услышанным. Потом он протянул Лайджу Бейли руку.

— Мне пора, друг Илайджа. Было очень приятно повидать вас. И надеюсь, до скорой встречи.

Бейли сердечно потряс протянутую руку.

— Если можно, Дэниел, не до очень скорой.

Ленни

Перед «Ю. С. Роботс энд мекэникл мен корпорейшн» стояла серьезная проблема. Заключалась она в острой нехватке персонала.

Питер Богерт, Главный математик, направлялся в зал сборки, но по пути заметил Альфреда Лэннинга, руководителя исследовательского отдела. Лэннинг, сердито нахмурив густые седые брови, стоял облокотившись о поручень и смотрел вниз, в компьютерный зал.

Внизу, под балконом, разместилась группа экскурсантов обоего пола и самого разного возраста. Они с любопытством глазели по сторонам, а гид распинался на тему создания роботов.

— Компьютер, который вы видите перед собой,— говорил он,— самый большой из компьютеров этого типа в мире. В нем насчитывается пять миллионов триста тысяч криотронов, и он способен обрабатывать одновременно более ста тысяч переменных. С его помощью наша фирма имеет возможность с уникальной точностью создавать позитронный мозг новых моделей. Параметры вводятся в компьютер на перфоленте, а перфорация производится вот на этом пульте, который на вид напоминает усложненную пишущую машинку или линотип, однако оперирует не буквами, а понятиями. Заданные параметры переводятся в символические логические эквиваленты, а они в свою очередь переводятся в перфорационные значки. Менее чем за час компьютер способен предоста-

вить нашим ученым разработку мозга, в которой будут содержаться все необходимые для создания робота позитронные блоки...

Альфред Лэннинг наконец обернулся и увидел коллегу.

— А, Питер, это ты,— угрюмо поприветствовал он Богерта.

Богерт аккуратно пригладил и без того идеально лежащие блестящие черные волосы.

— Похоже, игра не стоит свеч, а, Альфред?

Лэннинг выразительно хмыкнул. Идея проведения экскурсий в «Ю. С. Роботс» была совсем нова и, как предполагалось, должна была сослужить двоякую службу. С одной стороны, как надеялось руководство фирмы, это должно было позволить людям увидеть роботов в непосредственной близости, за счет чего, в идеале, они могли бы преодолеть свой почти инстинктивный страх перед механическими людьми, получше познакомившись с ними. С другой стороны, была слабая надежда, что хоть кто-нибудь из экскурсантов проявит живой интерес к роботехническим исследованиям и пожелает посвятить им свою жизнь.

— Будто ты сам не знаешь,— после долгой паузы буркнул Лэннинг.— Раз в неделю прекращается всякая работа. Если подсчитать потерянные человекочасы, то затея не окупается.

— По-прежнему мало обращений об устройстве к нам на работу?

— Да нет, кое-кто просится, но по таким категориям, где мы и без них проживем. Ты же знаешь, нам нужны ученые. Но беда в том, что, пока роботы запрещены на Земле, должность роботехника, увы, непрестижна.

— «Проклятый комплекс Франкенштейна»,— процитировал Богерт излюбленную поговорку Лэннинга.

Однако Лэннинг на шутку никак не прореагировал.

— По идее, следовало бы уже давно привыкнуть к этому, а я никогда не сумею. Ведь, казалось бы, в наши дни всякий человек на Земле должен был бы понимать, что Три закона роботехники — надежнейшая гарантия, что роботы попросту не могут быть опасны. А ты только по-

гляди на этих,— кивнул он в сторону экскурсантов.— Почти все они минуют зал сборки, дрожа от страха, будто несутся по виражам американской горки. А потом, когда входят в зал, где собирают модель МИС, которая только на то и способна, что сделать два шага вперед, сказать: «Рад познакомиться с вами, сэр», пожать руку, а потом отойти на два шага назад, они отшатываются в ужасе, мамаши прижимают к себе детишек. Ну как можно надеяться на сотрудничество с такими тупицами?

Богерт промолчал. Они еще немного постояли на балконе, поглядели на экскурсантов и, когда группа вслед за экскурсоводом направилась в зал сборки позитронного мозга, ушли. Как выяснилось позднее, они не заметили Мортимера В. Якобсона, шестнадцати лет от роду, который, надо отдать ему должное, ничего дурного не замышлял.

Положа руку на сердце, нельзя даже было сказать, что случившееся — вина Мортимера. Все сотрудники корпорации прекрасно знали, в какой именно день недели проводятся экскурсии. Все до единого устройства на пути следования экскурсии должны были быть выключены или заблокированы — ведь совершенно бессмысленно было ожидать, что не окажется хотя бы одного весельчака, которому взбредет в голову нажать кнопочку-другую, клавишу или рычажок. Кроме того, экскурсовод обязан был внимательно следить за теми, у кого такое искушение могло появиться.

Но случилось так, что экскурсовод во главе процессии уже перешел в другой зал, а Мортимер, который шел в самом хвосте экскурсии, немного задержался. Он подошел к пульту — тому самому, с помощью которого в компьютер на перфоленте вводились заданные параметры. Он, конечно, и подозревать не мог, что ввод параметров для производства новой модели робота уже начат и что ему, строго говоря, как послушному мальчику, следовало пройти мимо пульта. Откуда ему было знать, что оператор совершил почти условно наказуемое должностное преступление — не заблокировал пульт.

Короче говоря, Мортимер быстренько нажал какие попало кнопочки — как бы поиграл на музыкальном инструменте.

Он, конечно, не заметил, как отрезок перфоленты бесшумно и невидимо переместился внутри аппарата.

Да и оператор, вернувшись на свое рабочее место, ничего особенного не заметил. Он, правда, немного удивился, что пульт включен, но проверить, что к чему, не удосужился. Удивление быстро прошло, и он как ни в чем не бывало продолжил ввод параметров в компьютер.

Что же до Мортимера, то ни тогда, ни потом он так и не узнал, что натворил...

Новая модель — ЛНИ — разрабатывалась для добычи бора в поясе астероидов. Гидриды бора возрастали в цене каждый год, поскольку служили сырьем для производства пусковых элементов для протонных микрореакторов — главных источников энергии на космических кораблях. Скудные запасы бора на Земле подходили к концу.

Это означало, что физически роботы ЛНИ должны были быть снабжены глазами — детекторами, чувствительными к спектральным линиям бора, и конечностями, которые бы наилучшим образом справлялись с переработкой руды в конечный продукт. Но конечно же, как всегда, главной проблемой было создание соответствующего позитронного мозга.

Первый позитронный мозг для модели ЛНИ был готов. Это был прототип, и ему суждено было после запуска модели в производство занять свое место в коллекции прототипов «Ю. С. Роботс». После соответствующей проверки прототипа модель должна была быть запущена на поток и собранные роботы были бы сданы в аренду (ни в коем случае не проданы!) горнодобывающим корпорациям.

Итак, прототип ЛНИ был готов. Высокий, стройный, до блеска отполированный, на вид он ничем не отличался от других моделей не слишком узкоспециализированных роботов.

Главный технолог, действуя в соответствии с рекомендациями по проверке, изложенными в «Руководстве по роботехнике», задал первый вопрос:

— Как дела?

Должен был последовать ответ: «У меня все в порядке. Готов приступить к выполнению своих обязанностей. Надеюсь, у вас тоже все в порядке?» — или еще что-нибудь в таком духе.

Этот первый обмен фразами не значил ничего особенного и предназначался исключительно для того, чтобы убедиться, что у робота все в порядке со слухом, что он понимает простые вопросы и дает на них соответствующие его умственным способностям ответы. После этого можно было переходить к более сложным тестам, предназначенным для проверки различных Законов и их взаимодействия со специализированными знаниями каждой конкретной модели.

Итак, технолог спросил: «Как дела?» Его тут же поразил до глубины души голос прототипа. Он был совсем не похож на обычные голоса роботов (а уж этих голосов технолог на своем веку наслушался). Робот произносил слоги голосом, напоминавшим звон металлических пластинок низко настроенной челесты.

Это настолько изумило технолога, что только через несколько мгновений он понял, что же за слоги произносит робот.

А слоги были вот какие:

— Дя-дя-дя, гу...

Не двигаясь с места, робот поднял правую руку и... сунул в рот палец!

Технолог, выпучив глаза, в ужасе смотрел на робота. Едва придя в себя, он стремглав бросился из комнаты, запер за собой дверь и из соседней комнаты срочно вызвал д-ра Сьюзен Кэлвин.

Д-р Сьюзен Кэлвин была единственным в «Ю. С. Роботс» (да и в мире, если на то пошло) робопсихологом. Прежде чем приступить к тестированию прототипа ЛНИ, она потребовала немедленно доставить ей компьютерную схему блоков позитронного мозга и перфоленту с задан-

ными параметрами. Ознакомившись с полученными материалами, она, в свою очередь, срочно вызвала Богерта.

Отливавшие стальным блеском седые волосы Сьюзен были ровно зачесаны назад. Лицо ее, казалось, было вычерчено одними вертикальными линиями — только горизонтальная линия тонкогубого рта нарушала эту картину. Она резко повернулась к вошедшему Богерту.

— Что это значит, Питер?

Богерт изучил подчеркнутые ею части схемы с нарастающим недоумением и проговорил:

— Боже мой, Сьюзен, но ведь это полнейшая бессмыслица!

— Безусловно. Но как это попало в параметры?

Немедленно вызванный «на ковер» главный оператор клялся и божился, что он тут ни при чем и что он не знает, как это произошло. Попытки обнаружить какой-либо дефект в компьютере успехом не увенчались.

— Позитронный мозг безнадежен,— безапелляционно поставила диагноз Сьюзен Кэлвин.— Эти бессмысленные параметры заблокировали такое множество жизненно важных функций, что робот в результате напоминает новорожденного младенца.

Богерт не мог скрыть удивления, а Сьюзен тут же перешла на ледяной тон — так она поступала всегда, когда ее слова подвергались хоть малейшему сомнению.

— Мы,— сказала она,— изо всех сил стараемся сделать робота как можно более похожим на человека в умственном отношении. Уберите все, что мы называем «взрослыми» функциями, и что останется? Естественно, человеческий детеныш. Чему же вы так удивляетесь, Питер?

А прототип ЛНИ тем временем, не проявляя никаких признаков понимания происходящего, ни с того ни с сего уселся на пол и принялся с нескрываемым интересом разглядывать собственные ноги.

Богерт пристально смотрел на робота.

— Эх, жалко демонтировать! Красивая работа, черт подери!

— Демонтировать? — удивленно переспросила Сьюзен.

— Ну а как же, Сьюзен? Что в нем толку? Несомненно, если и есть на свете вещь целиком и полностью бесполезная, так это бракованный робот. Вы же не думаете, что есть хоть какая-то работа, которую он в состоянии выполнить?

— Нет, конечно.

— И что же тогда?

Сьюзен Кэлвин упрямо поджала губы:

— Я хочу провести еще кое-какие тесты.

Богерт недовольно посмотрел на нее и пожал плечами. Да, если и был в «Ю. С. Роботс» человек, с которым совершенно бесполезно спорить, то это, конечно же, Сьюзен Кэлвин. Если она кого и любила, то это были роботы. Иногда Богерту казалось, что многолетняя работа с роботами лишила Сьюзен Кэлвин многих человеческих качеств. Увы, спорить с ней было так же бессмысленно, как пытаться остановить начавшуюся цепную реакцию.

— Какой смысл? — пробурчал Богерт себе под нос, а вслух спросил: — Вы дадите нам знать, когда закончите тестирование?

— Конечно,— ответила Сьюзен.— Пошли, Ленни.

«Ленни,— подумал Богерт.— Ну ясное дело: ЛНИ — значит, Ленни. Как обычно».

Сьюзен протянула руку, но робот сидел и смотрел на нее, не двигаясь. Тогда робопсихолог нежно, бережно коснулась своей рукой руки робота и взяла ее. Ленни тут же встал на ноги. «Слава богу, хоть с координацией движений у него все в порядке»,— подумал Богерт. Женщина и робот, который был выше ее на целых два фута, вместе пошли по длинному коридору, провожаемые множеством любопытных взглядов.

Целая стена в лаборатории Сьюзен Кэлвин — прямо напротив двери ее личного кабинета — была занята крупномасштабной схемой позитронного мозга. Уже больше полумесяца Сьюзен Кэлвин с пристрастием изучала ее.

Вот и сейчас она внимательно рассматривала те участки позитронной цепи, где отмечались наиболее серьезные искажения. Ленни восседал на полу, старательно

сдвигая и раздвигая ноги, и произносил совершенно бессмысленные слоги таким обворожительно красивым голосом, что можно было, забыв обо всем, слушать его, как музыку.

Сьюзен Кэлвин повернулась к роботу.

— Ленни,— позвала она.— Ленни...

Она повторяла и повторяла имя робота, пока наконец Ленни не взглянул на нее и не издал вопросительный звук. Лицо робопсихолога выразило едва заметное удовлетворение. Теперь ей удавалось привлечь внимание робота гораздо быстрее, чем раньше. Она сказала:

— Руку вверх, Ленни. Руку... вверх. Руку... вверх.

Давая команду, она сама поднимала и опускала руку, снова и снова, еще и еще раз.

Ленни внимательно следил за ее движениями. Вверх-вниз, вверх-вниз. Наконец он сделал неуклюжее движение рукой и проговорил:

— У-у-е...

— Хорошо, Ленни, хорошо! — похвалила его Сьюзен Кэлвин.— Попробуем еще раз. Руку... вверх.— Она нежно взяла робота за руку, подняла и опустила.— Руку... вверх. Руку... вверх.

— Сьюзен! — окликнули ее из кабинета.

Сьюзен, недовольная тем, что ее работу прервали, поджала губы и спросила:

— В чем дело, Альфред?

Глава исследовательского отдела вошел в лабораторию, поглядел на схему, потом уставился на робота.

— Вы все еще занимаетесь этим?

— Да. Я делаю свою работу.

— Знаете, Сьюзен...

Он достал сигару, уставился на нее и был уже готов откусить кончик, когда поймал гневный взгляд Сьюзен. Быстро убрав сигару в карман, он начал снова:

— Знаете, Сьюзен, ведь модель ЛНИ уже запущена в производство.

— Я слышала об этом. Какая помощь требуется от меня в этой связи?

— Никакой. Просто, раз уже модель в производстве, что за смысл возиться с этим бракованным образцом? Не пора ли демонтировать его?

— Короче, Альфред, вам жаль, что я трачу попусту свое бесценное рабочее время? Можете не волноваться. Я не трачу время попусту. Я *работаю* с этим роботом.

— Но такая работа не имеет смысла!

— А вот об этом *мне* судить, Альфред.

Голос ее был убийственно спокоен, и Лэннинг счел за лучшее сменить направление разговора.

— Может быть, вы мне расскажете, в чем ее значение? Ну, например, чем вы сейчас занимаетесь?

— Я пытаюсь добиться, чтобы он поднимал руку по команде и воспроизводил звучание самой команды.

Тут Ленни, как бы в подтверждение, прозвенел:

— У-у-е! — и неуклюже поднял руку.

Лэннинг восхищенно покачал головой.

— Удивительный голос! Как это вышло?

— Наверняка не знаю. Звуковой аппарат у него в норме. Он мог бы говорить обычным голосом, я уверена. Но он этого не делает. Это следствие какой-то особенности позитронной схемы, какой именно — я пытаюсь выяснить.

— Выясните, ради бога. Такой голос может оказаться небесполезен. Это интересно.

— Так значит, мои занятия с Ленни не совсем бесполезны?

Лэннинг пожал плечами.

— Да нет, это, конечно, дело второстепенное...

— Жаль, что вы не видите главного,— колко сказала Сьюзен.— Жаль, что вы не видите гораздо более важных вещей, но это уже не моя вина. А теперь, пожалуйста, Альфред, позвольте мне продолжить работу.

Сигару Лэннинг достал только в кабинете Богерта. Закуривая, он буркнул:

— Наша дама сегодня не в духе.

Богерт сразу понял, о ком речь. «Наша дама» в «Ю. С. Роботс» была только одна. Он поинтересовался:

— Что, все тетешкается с этим своим псевдороботом Ленни?

Лэннинг хмыкнул.

— Пытается научить его разговаривать, как тебе это нравится?

Богерт тяжело вздохнул.

— Лишнее подтверждение нашей извечной проблемы. Зверски не хватает научного персонала. Будь у нас другой робопсихолог, мы бы давным-давно отправили Сьюзен на пенсию. Да, кстати, заседание дирекции, назначенное на завтра, конечно же, посвящено проблеме кадровой политики?

Лэннинг кивнул и с таким отвращением воззрился на свою сигару, как будто она была ему ненавистна.

— Угу. Но речь пойдет о качестве, а не о количестве персонала. Мы ведь увеличили ставки до предела в ожидании, что толпой повалят желающие — те, кто в первую голову заинтересован в деньгах. Сложность в том, чтобы заманить в сети тех, кто окажется, кроме денег, заинтересован в роботехнике — хотя бы немного таких, как Сьюзен Кэлвин.

— Избави бог! Только не таких, как она!

— Да нет, я не характер имел в виду. Но, как ни крути, Питер, приходится признать, что вся ее жизнь в роботах. Никаких других интересов у нее нет.

— Знаю. Именно поэтому-то она так невыносима.

Лэннинг обреченно кивнул. Он уже потерял счет, сколько раз в душе ему хотелось уволить Сьюзен Кэлвин. Однако, с другой стороны, он потерял счет и тем миллионам, которые Сьюзен сберегла для корпорации. Нет, она действительно была бесценным специалистом, и ей суждено было таковым остаться, пока она жива, или до тех пор, пока они не смогут решить проблему подготовки специалистов, равных ей,— людей, заинтересованных в проведении научных исследований по роботехнике.

— Думаю,— изрек он наконец,— пора завязывать с экскурсиями.

Питер пожал плечами.

— Как скажешь. Но все-таки, если серьезно, как нам быть со Сьюзен? Ведь она запросто может продолжать возиться с Ленни черт знает сколько времени. Ты же знаешь, какова она, если с головой погружается в проблему, которая ей представляется интересной?

— А что мы можем поделать? — обреченно спросил Лэннинг.— Если мы примемся давить на нее и убеждать прекратить эти занятия, она чисто по-женски упрется. В конце концов, мы ни к чему ее не можем принудить.

Черноволосый математик кисло улыбнулся.

— Знаешь, у меня бы язык не повернулся сказать хоть о чем-нибудь, что она делает, «по-женски».

— Ну ладно,— угрюмо пробурчал Лэннинг.— Слава богу, хотя бы вреда от этих занятий никакого.

Как раз в этом-то он оказался не прав.

Сигнал тревоги на крупном производстве всегда не слишком приятен. Такие сигналы раздавались в «Ю. С. Роботс» десятки раз — по поводу пожара, протечек, забастовок. Но ни разу причиной сигнала не было то, что стряслось на этот раз. Никто не ожидал, что сигнал «Робот вышел из повиновения» когда-либо вообще прозвучит. Он ведь и введен-то был исключительно по настоянию правительства. «Проклятый комплекс Франкенштейна!» — ворчал Лэннинг всякий раз, когда вспоминал об этом.

И вот впервые он прозвучал. Ни одна душа «Ю. С. Роботс», от председателя совета директоров до только что приступившего к своим обязанностям дворника, поначалу не догадалась, что означает этот странный, пронзительный, повышающийся и падающий с десятисекундным интервалом звук. Когда краткое замешательство миновало, в зону тревоги сломя голову бросился отряд вооруженных охранников и целая бригада меликов. Вся работа в корпорации была парализована.

Чарльз Рендоу, оператор компьютера, был отправлен в больницу со сломанной рукой. Других травм у него выявлено не было. То есть — других физических травм.

— Но моральная травма, моральная травма какова! — ревел во всю глотку Лэннинг.

Сьюзен Кэлвин взирала на него с олимпийским спокойствием.

— Ты ничего не сделаешь Ленни. Ничего. Ясно?

— А тебе, тебе ясно, Сьюзен? Это существо ударило человека! Он нарушил Первый закон. Ты знаешь, что гласит Первый закон?

— Ты ничего не сделаешь Ленни,— упрямо повторила Сьюзен.

— Ради всего святого, Сьюзен, процитировать тебе Первый закон? «Робот не может причинить вред человеку или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинен вред». Вся наша деятельность зиждется на том факте, что Первый закон должен неукоснительно соблюдаться всеми роботами всех без исключения типов. Если об этом узнают люди — а они узнают, что имело место исключение, одно-единственное исключение,— мы можем оказаться вынуждены закрыть «Ю. С. Роботс» навсегда. Единственный шанс выжить — это немедленно объявить, что виновный в нарушении закона робот демонтирован, разъяснить обстоятельства происшествия и надеяться на то, что нам удалось убедить людей в том, что такое больше никогда не повторится.

— Очень хотелось бы узнать, что вы подразумеваете под словом «такое»,— хладнокровно поинтересовалась Сьюзен Кэлвин.— Меня не было на месте, когда это произошло. Так что мне крайне интересно было бы узнать, что делал этот мальчишка Рендоу у меня в лаборатории без моего ведома.

— Важно то, что случилось,— упорствовал Лэннинг.— Робот ударил Рендоу, а этот балбес нажал кнопку сигнала «Робот вышел из повиновения» и устроил всю эту кутерьму. Итак: робот ударил его и нанес ему травму, выразившуюся в переломе руки. Суть в том, что ваш Ленни настолько изначально несовершенен, что не знает Первого закона, и должен быть немедленно демонтирован.

— Он знает Первый закон. Я исследовала его мыслеблоки и установила, что он знает Законы.

— Как же тогда он мог ударить человека? Давайте спросим у него? — добавил он с сарказмом.

Сьюзен мучительно покраснела.

— Полагаю, для начала надо спросить у пострадавшего. И потом, Альфред, я требую, чтобы в мое отсутствие мой кабинет, где находится Ленни, был надежно заперт. Я не желаю, чтобы кто-либо приближался к нему. Если с ним что-нибудь случится, ноги моей больше не будет в корпорации!

— Но если будет доказано, что он нарушил Первый закон, вы согласитесь на демонтаж?

— Да,— ответила Сьюзен.— Потому что знаю, что он ничего не нарушал.

Чарльз Рендоу лежал в постели, сломанная рука была в гипсе. Рука его, собственно говоря, уже не беспокоила. Больше всего он страдал от воспоминаний о том, как робот двинулся на него, а он подумал, что в позитронном мозгу робота созрела мысль убить его. Ни одному человеку наверняка не доводилось так испугаться робота, как он испугался тогда. В некотором смысле он перенес уникальные ощущения.

Альфред Лэннинг и Сьюзен Кэлвин стояли у кровати больного. С ними был и Питер Богерт, которого они встретили по пути. Докторов и медсестер довольно-таки неделикатно выдворили из палаты.

Сьюзен Кэлвин ледяным голосом спросила:

— Ну, так что же произошло?

Рендоу выглядел смущенным.

— Он... он ударил меня по руке,— пробормотал он, избегая взгляда Сьюзен.— Он напал на меня.

Сьюзен посоветовала:

— Начните с самого начала. Что вы делали в моем кабинете без моего ведома?

Молодой компьютерщик судорожно сглотнул комок в горле — видно было, как дернулся кадык. Его лицо с высокими скулами было необычайно бледно.

— Мы... все знали про вашего робота. Говорят, будто вы пытаетесь научить его говорить так, чтобы его голос напоминал музыку. Люди бьются об заклад, так это или

нет. Есть такие, кто клянется, что вы и столб можете научить разговаривать.

— Сочтем это за комплимент,— ледяным тоном прокомментировала Сьюзен.— Но вы-то тут при чем?

— Я должен был войти и все разузнать — может он так говорить или нет, понимаете? Мы подобрали ключ к вашему кабинету, я дождался, пока вас не будет, и вошел. Мы бросили жребий, кому идти, и я проиграл.

— А потом?

— Я пытался заставить его заговорить, а он меня ударил.

— Как это понимать — «пытался заставить его заговорить»? Каким образом?

— Я... я задавал ему вопросы, но он ничего не отвечал, и мне пришлось немного припугнуть его. Я вроде бы на него прикрикнул, и...

Наступила долгая пауза. Под немигающим взглядом Сьюзен Кэлвин Рендоу наконец промямлил:

— Я пытался заставить его сказать хоть что-нибудь. Мне пришлось припугнуть его...

— Как припугнуть? Выражайтесь точнее.

— Я притворился, будто... в общем, я замахнулся.

— А он отбросил вашу руку?

— Он *ударил* меня по руке.

— Хорошо. Все ясно.— Она обернулась к Лэннингу и Богерту: — Пойдемте, джентльмены.

Дойдя до двери, она неожиданно обернулась и сказала Рендоу:

— Если вам все еще интересно, можете передать вашим спорщикам, что Ленни уже умеет произносить кое-какие слова весьма отчетливо.

Они молчали всю дорогу до кабинета Сьюзен Кэлвин. Стены кабинета до потолка были заставлены книжными полками — некоторые из этих книг принадлежали перу самой Сьюзен. На всем здесь лежала печать холодной и методичной личности Сьюзен.

В кабинете был всего один стул, и, естественно, когда Сьюзен села, Лэннинг и Богерт были вынуждены стоять.

Она сказала:

— Ленни всего лишь защищался. Он действовал согласно Третьему закону: «Робот должен заботиться о своей безопасности».

— «В той мере,— упрямо возразил Лэннинг, продолжая цитировать закон,— в какой это не противоречит Первому и Второму законам». Цитировать так уж цитировать до конца! Ленни не имел права защищаться, если его действия могли повлечь за собой даже минимальный ущерб человеку.

— Он и не делал этого,— парировала Сьюзен.— Сознательно. Но у Ленни недоразвитый мозг. Он не имеет понятия ни о собственной силе, ни о слабости человека. Отбрасывая от себя грозящую ему руку человека, он и предполагать не мог, что сломает кость. Применительно к человеку это значило бы, что тот, кто действительно не знает, что такое хорошо, а что такое плохо, не несет моральной ответственности за свои действия.

— Но, Сьюзен,— мягко проговорил Богерт,— мы же не обвиняем. Мы отлично понимаем, что Ленни, если судить по человеческим меркам, сущее дитя. Мы не обвиняем его, но общественность его осудит. И «Ю. С. Роботс» — конец.

— Совсем наоборот! Будь у вас чуть-чуть побольше мозгов, Питер, вы бы уже давным-давно поняли, что это и есть тот самый шанс, который так необходим фирме, который разрешит все проблемы.

Лэннинг зловеще нахмурил кустистые брови, но вовремя сдержался и осторожно поинтересовался:

— Какие проблемы, Сьюзен?

— Простите, но разве корпорация не заинтересована в наборе персонала высокого уровня?

— Заинтересована, безусловно.

— Да? И что же вы предлагаете потенциальным научным работникам? Новизну? Романтику проникновения в непознанное? Нет! Вы сулите им высоченную зарплату и отсутствие проблем.

— «Отсутствие проблем»? — переспросил Богерт.— Что вы хотите этим сказать?

— А что, есть проблемы? — язвительно поинтересовалась Сьюзен.— Каких роботов мы производим? Целиком и полностью доведенных до совершенства, готовых к выполнению своих обязанностей. Промышленность сообщает нам, каковы ее потребности, компьютер разрабатывает мозг, станки собирают робота — и вот он, пожалуйста, готов, полностью и окончательно. Питер, в свое время вы меня спросили, что толку в моих занятиях с Ленни. «Что толку,— вы тогда сказали,— в роботе, который не способен ни на какую работу?» Так? А теперь ответьте мне, что толку в роботе, который способен выполнять одну-единственную работу? На мой взгляд, такой робот совершенно бесперспективен. Возьмем модель ЛНИ. Она предназначена для добычи бора. Потребуется, не дай бог, перебросить ЛНИ на добычу бериллия, и от этих роботов не будет ни капли пользы. Вступит в новую стадию технология добычи бора — и опять-таки их можно будет со спокойной совестью отправить на свалку. Человек, так работающий,— это получеловек. Так работающий робот — это полуробот.

— А вы что же, хотите создать многофункционального робота?

— А почему бы и нет? — спросила Сьюзен.— Почему бы и нет? Смотрите; мне дали робота, мозг которого был почти целиком выведен из строя. Я занялась его обучением, и вы, Альфред, спросили меня, какой в этом смысл. Может быть, конечно, что касается Ленни, смысла и немного — он никогда не станет старше пятилетнего ребенка, по человеческим меркам. Но есть ли от этого польза в общем смысле? Есть, и немалая, если взглянуть на мои исследования абстрактно: они заключаются в изучении принципиальной возможности обучения роботов. Я установила способы замыкания близлежащих цепочек с целью создания новых. Дальнейшие исследования приведут к созданию более тонких и эффективных методик обучения.

— Ну и?

— Представьте, что вы начали работу с позитронным мозгом, у которого имеются в наличии все основные це-

почки, но напрочь отсутствуют второстепенные. Представили? А теперь представьте себе, что вы принялись формировать эти вторичные цепочки. Вы же сможете поставлять роботов, которые обучаемы, способны воспринимать самые разнообразные инструкции, переключаться с одной работы на другую. Роботы станут так же универсальны, как люди. *Роботы смогут обучаться.*

Оба — и математик, и директор — смотрели на нее, не говоря ни слова.

— Вы что,— спросила она раздраженно,— так и не понимаете, о чем я говорю?

— Ну почему? Слова я понимаю,— возразил Лэннинг.

— Тогда вы должны понять, что, располагая принципиально новой отраслью научно-исследовательской деятельности и держа в руках перспективу разработки новых технологий и возможность проникновения в область непознанного, вы имеете уникальный шанс привлечь интерес молодежи к роботехнике. Попробуйте — и сами убедитесь.

— Однако позволю себе заметить,— нерешительно возразил Лэннинг,— что это опасно. Ведь при обучении таких невежественных роботов, как Ленни, не может быть никакого доверия Первому закону — так ведь именно и получилось.

— Ну и что? И прекрасно, что так получилось. Этот случай следует широко разрекламировать.

— Раз-ре-кла-ми-ро-вать?! Я не ослышался?

— Нет, не ослышались. Самым откровенным образом сообщите об опасности. Объявите, что вы откроете новый научно-исследовательский центр на Луне, если общественность воспротивится его основанию здесь, и всеми возможными способами подчеркните опасность.

Лэннинг, ошеломленный до последней степени, всплеснул руками:

— Но почему, господи боже? Почему?!

— Да потому, что привкус опасности послужит прекрасной приманкой! Что, по-вашему, ядерная технология так уж безопасна? А космические полеты — это увеселительные прогулки? Разве ваше обещание абсолютной бе-

зопасности сослужило службу? Удалось ли заманить хоть кого-нибудь? Помогла ли обещанная безопасность преодолеть всеобщий комплекс Франкенштейна, который вы так ненавидите? Нет? Так попробуйте же что-нибудь другое, такое, что приносило успех в других областях.

Тут из-за двери, ведущей в лабораторию Сьюзен, донесся мелодичный низкий звук. Это, конечно, был Ленни.

Сьюзен сразу умолкла, прислушиваясь.

— Кажется, Ленни меня зовет,— пробормотала она.— Простите, я сейчас.

— Он научился это делать? — поразился Лэннинг.

— Я же сказала, что мне удалось обучить его кое-каким словам.

Сделав несколько поспешных шагов к двери, Сьюзен обернулась:

— Не уходите, я быстро.

Глядя ей вслед, они некоторое время молчали. Потом Лэннинг задумчиво спросил:

— Как ты думаешь, Питер, есть что-то в том, что она говорит?

— Может быть, и есть, Альфред,— кивнул Богерт.— Может быть. Во всяком случае, можно поднять этот вопрос в дирекции. Посмотрим, что скажут остальные. В конце концов, деваться все равно некуда. Масло в огонь уже подлито. Робот ударил человека, и этот факт стал достоянием общественности. И если верить Сьюзен, мы можем попытаться обратить случившееся в свою пользу. Но только... ее намерениям я не слишком доверяю. Вернее, совсем не доверяю.

— Ты о чем?

— Видишь ли, даже если все, что она сказала,— чистая правда, это не более чем рационализация с ее стороны. Собственный ее интерес в этом деле проистекает из желания удержать при себе, спасти этого робота. Ты же прекрасно понимаешь, как бы мы на нее ни наваливались,— математик усмехнулся нелепости звучания этой фразы в буквальном значении,— она по-прежнему будет заявлять, что он необходим ей для создания методики обучения роботов. Только мне кажется, что Ленни ей совсем не затем

нужен. Она нашла для него совершенно уникальное применение — настолько уникальное, что из всех женщин на свете на такое способна только Сьюзен.

— Что-то не пойму я твоих туманных намеков.

Богерт спросил:

— Ты слышал, что сказал робот?

— Нет. То есть не совсем расс...

Тут дверь из лаборатории резко распахнулась, и Лэннинг умолк на полуслове.

Сьюзен вошла, рассеянно глядя по сторонам.

— Послушайте, вы не видели тут... куда же она запропастилась? А, вот она где!

Сьюзен бросилась к книжной полке и взяла с нее странный металлический предмет в форме пустотелого колокола с множеством дырочек и с разнообразными кусочками металла внутри.

Когда Сьюзен взяла этот странный предмет, железки внутри весело зазвенели. Лэннинг окаменел: предмет, как он догадался, представлял собой не что иное, как предназначенную для робота погремушку!

Когда Сьюзен открыла дверь лаборатории, оттуда снова послышался голос Ленни. Теперь-то Лэннинг прекрасно расслышал — робот произносил слова, которым его научила Сьюзен Кэлвин.

Низким, как басовый регистр челесты, голосом Ленни звал:

— Мамацька, ди ка мне-с! Де ты, ма-маць-ка?

И были слышны торопливые шаги Сьюзен Кэлвин, которая спешила на зов единственного ребенка, которого ей когда-либо было суждено иметь и любить.

Раб корректуры

Дело слушалось без присяжных при закрытых дверях. Ответчиком была фирма «Ю. С. Роботс энд мекэникл мен корпорейшн», а при ее влиянии добиться подобной уступки было не так уж трудно.

Впрочем, истец особенно и не возражал. Попечители Северо-восточного университета прекрасно представляли себе, как будет реагировать широкая публика на известие о проступке робота. То, что проступок этот был совершенно необычного и исключительного свойства, не имело значения. Попечители боялись, что бунт против роботов может перерасти в бунт против науки.

Равным образом и правительство в лице судьи Харлоу Шейна не собиралось поднимать шум вокруг этой истории. Портить отношения и с «Ю. С. Роботс», и с ученым миром было одинаково неблагоразумно.

— Итак, джентльмены,— начал судья,— поскольку ни присяжных, ни репортеров, ни публики здесь нет, мы можем отбросить формальности и перейти прямо к сути дела.

Он криво улыбнулся, не слишком веря в действенность своего призыва, и, подобрав мантию, уселся поудобнее. У судьи была добродушная румяная физиономия, округлый подбородок, нос картошкой и широко расставленные светло-серые глаза. Словом, не такая бы внешность подобала могущественному вершителю правосудия, и судья в глубине души сознавал это.

Первым был приведен к присяге свидетель обвинения Барнабас Гудфеллоу, профессор физики Северо-восточного университета. Сердитый вид, с которым профессор пробормотал стандартные слова клятвы, никак не вязался с его фамилией, означающей «славный малый».

Покончив с предварительными вопросами, обвинитель глубже засунул руки в карманы и спросил:

— Скажите, профессор, когда и при каких обстоятельствах к вам обратились с предложением воспользоваться услугами робота И-Зет-27?

На маленьком остром личике профессора появилось беспокойное выражение, но от этого оно не сделалось менее сердитым.

— Мне приходится поддерживать профессиональные контакты с директором исследовательского отдела «Ю. С. Роботс» доктором Альфредом Лэннингом, а кроме того, мы знакомы лично. Вот почему я счел возможным выслушать до конца то странное предложение, с которым он обратился ко мне 3 марта прошлого года...

— То есть 2033 года?

— Совершенно верно.

— Простите, что прервал вас. Продолжайте, будьте добры.

Профессор холодно кивнул, нахмурился, припоминая все обстоятельства, и начал.

Профессор Гудфеллоу смотрел на робота с некоторым беспокойством. В соответствии с правилами перевозок роботов на Земле в подвал университетского склада робота доставили в закрытом контейнере.

Это событие не застало профессора врасплох. После телефонного разговора третьего марта он все больше поддавался настойчивым уговорам доктора Лэннинга и вот оказался с роботом лицом к лицу.

На расстоянии вытянутой руки робот выглядел пугающе огромным.

Доктор Лэннинг внимательно осмотрел робота, словно желая убедиться, что его не повредили при перевозке, а затем повернул голову с гривой седых волос в сто-

рону профессора и взглянул на него из-под мохнатых бровей.

— Перед вами робот И-Зет-27, первый серийный робот данной модели.— Лэннинг повернулся к роботу.— Познакомься с профессором Гудфеллоу, Изи.

— Здравствуйте, профессор.

Голос робота звучал совершенно бесстрастно, но от неожиданности профессор вздрогнул.

Робот напоминал пропорционально сложенного человека семи футов росту — внешность роботов всегда была рекламной изюминкой фирмы «Ю. С. Роботс». Внешний вид да основные патенты на позитронный мозг — вот что обеспечило компании полную монополию в производстве роботов и почти полную монополию в производстве вычислительных машин.

Когда двое рабочих, доставивших робота, вышли из подвала, профессор Гудфеллоу несколько раз перевел взгляд с робота на Лэннинга.

— Надеюсь, он не опасен.— Судя по тону, профессор не питал на этот счет особых надежд.

— Куда менее опасен, чем, например, я,— ответил Лэннинг.— Меня вы можете вывести из себя настолько, что я вас ударю. А с Изи у вас ничего не получится. Вам ведь известны Три закона роботехники?

— Да, конечно.

— Эти законы встроены в структуру связей позитронного мозга, и робот не в состоянии их нарушить. Для робота Первый закон — охранять жизнь и благополучие людей — определяет цель его существования.— Он помолчал, потер щеку и добавил: — Как бы нам хотелось убедить наконец в этом все человечество.

— Очень уж он огромен.

— Верно. Но вы убедитесь, что его внушительная внешность не помешает ему быть полезным.

— Каким все-таки образом? Из наших бесед по телефону я ничего определенного так и не узнал. Но я согласился взглянуть на ваше изделие и, как видите, сдержал свое обещание.

— Взглянуть мало, профессор. Вы захватили с собой, как я просил, какую-нибудь книгу?

— Да.

— Покажите ее, пожалуйста.

Не спуская глаз с металлической громадины в человеческом облике, профессор нагнулся и достал из портфеля толстый том.

Лэннинг посмотрел на корешок.

— «Физическая химия растворов электролитов». Прекрасно. Вы выбрали ее сами, наугад. Я не просил вас захватить именно эту монографию. Не так ли?

— Совершенно верно.

Лэннинг протянул книгу роботу И-Зет-27.

— Погодите! — Профессор даже подпрыгнул.— Это очень ценная книга!

Лэннинг приподнял лохматые брови.

— Уверяю вас, Изи вовсе не собирается рвать книгу с целью продемонстрировать свою силу. Он умеет обращаться с книгами не менее бережно, чем я или вы. Продолжай, Изи.

— Благодарю вас, сэр,— сказал Изи. Затем, слегка повернувшись, добавил: — Если позволите, профессор Гудфеллоу.

Профессор изумленно уставился на робота.

— Да... да, разумеется.

Медленными и плавными движениями металлических пальцев Изи принялся листать книгу; он кидал взгляд на левую страницу, затем на правую, переворачивал страницу и так минуту за минутой.

От робота исходило такое ощущение мощи, что двум людям, наблюдавшим за его действиями, начало казаться, что цементные своды стали ниже, а сами они превратились в карликов.

— Освещение здесь неважное,— пробормотал Гудфеллоу.

— Не имеет значения.

— Но что он делает? — уже более резким тоном спросил профессор.

— Терпение, сэр.

Наконец перевернута последняя страница.

— Мы слушаем, Изи,— сказал Лэннинг.

— Книга сделана в высшей степени тщательно и аккуратно, и я могу отметить лишь несколько мелких погрешностей,— начал робот.— На странице двадцать семь, строка двадцать вторая, слово «положительный» напечатано как «пойложительный». На тридцать шестой странице в шестой строке содержится лишняя запятая, а на пятьдесят четвертой странице в тринадцатой строке запятая пропущена. На странице триста тридцать седьмой в уравнении четырнадцать знак плюс следует заменить на минус, иначе это уравнение противоречит предыдущему...

— Постойте! Постойте! — вскричал профессор.— Что он делает?

— Что делает? — с неожиданным раздражением переспросил Лэннинг.— Да он все давно уже сделал. Он откорректировал вашу книгу.

— Откорректировал?

— Да. За то короткое время, которое понадобилось, чтобы перелистать страницы, робот обнаружил все орфографические, грамматические и пунктуационные ошибки. Он отметил все стилистические погрешности и выявил противоречия. И он сохранит эти сведения в своей памяти — буква в букву — неограниченное время.

У профессора отвисла челюсть. Он стремительно направился в дальний угол подвала и столь же стремительно вернулся обратно. Затем скрестил руки на груди и уставился на Лэннинга, потом на робота. После паузы он спросил:

— Вы хотите сказать, что это робот-корректор?

Лэннинг кивнул:

— В том числе и корректор.

— Но для чего было демонстрировать его мне?

— Чтобы вы помогли мне предложить его университетскому совету.

— Для правки корректур?

— В том числе и для этого,— терпеливо повторил Лэннинг.

На морщинистом личике профессора появилось выражение брюзгливого недоверия.

— Но ведь это нелепо!

— Почему?

— А потому, что университету не по карману этот корректор весом... самое малое в полтонны.

— Корректура — это еще не все. Он может составлять отчеты по заранее подготовленным материалам, заполнять анкеты и ведомости, проверять студенческие работы, служить картотекой...

— Все это мелочи.

— Напротив,— ответил Лэннинг,— и вы в этом сейчас убедитесь. Но мне кажется, что нам будет удобнее беседовать у вас в кабинете, если вы не возражаете.

— Разумеется,— машинально произнес профессор и направился к двери, но тут же остановился.— Позвольте, а робот? — раздраженно выпалил он.— Не можем же мы взять робота с собой. Нет, нет, доктор Лэннинг, вам придется заново его упаковать.

— Успеется. Мы оставим Изи здесь.

— Без присмотра?

— А почему нет? Он знает, что должен остаться здесь. Давно уже следовало бы понять, профессор Гудфеллоу, что на робота можно положиться куда спокойнее, чем на человека.

— В случае какого-нибудь ущерба отвечать придется мне.

— Я гарантирую, что никакого ущерба не будет. Послушайте, рабочий день уже кончился. До завтрашнего утра, полагаю, никто сюда не зайдет. Грузовик и двое рабочих ожидают снаружи. «Ю. С. Роботс» принимает на себя полную ответственность за любые последствия. Но ничего не произойдет. Пусть это будет экспериментальной проверкой, можно полагаться на робота или нет.

Профессор позволил увести себя из подвала. Но и пятью этажами выше, в стенах собственного кабинета, ему по-прежнему было не по себе.

Он промокнул белым платком мелкие капли пота на лбу.

— Вы прекрасно знаете, доктор Лэннинг, что законы запрещают использовать роботов на Земле.

— Дело обстоит не так просто, профессор Гудфеллоу. Роботов нельзя использовать на улицах, путях сообщения или в общественных зданиях. Использование же роботов в домах частных лиц или на приусадебных участках связано с таким количеством ограничений, что из этого, как правило, ничего не выходит. Однако университет не попадает ни в ту, ни в другую категорию. Это большое закрытое заведение, которому обычно предоставляют значительные льготы. Если робота будут держать в специальном помещении и использовать только для академических целей и если люди, имеющие доступ в это помещение, согласятся выполнять определенные правила и соблюдать установленные ограничения, то ни один закон не будет нарушен.

— Столько хлопот ради нескольких корректур?

— Поле деятельности этого робота, дорогой профессор, практически безгранично. До сих пор роботов использовали только для избавления человека от утомительного физического труда. А разве в науке нет черновой работы? Если профессор, вместо того чтобы заниматься творческим, созидательным трудом, вынужден тратить две недели своего драгоценного времени на нудную правку корректуры, а я предлагаю вам машину, способную выполнить ту же работу за полчаса,— это, по-вашему, мелочь?

— Да, но цена...

— Цена пусть вас не смущает. Купить И-Зет-27 не может никто. «Ю. С. Роботс» не продает свою продукцию. Но университет может арендовать робота за тысячу долларов в год — это куда дешевле какой-нибудь самопишущей приставки к микроволновому спектрографу.

Гудфеллоу ошеломленно смотрел на своего гостя, и тот добавил, закрепляя успех:

— Впрочем, я прошу вас лишь об одном: поставить этот вопрос перед теми, кто у вас уполномочен принимать решения. Если им понадобится дополнительная информация, я всегда к их услугам.

— Что же,— неуверенно проговорил Гудфеллоу,— на той неделе состоится заседание университетского совета. Я расскажу на нем о вашем предложении. Только я ни за что не ручаюсь.

— Само собой разумеется.

Защитник — невысокого роста толстяк — так важно выпячивал грудь, что от этого его двойной подбородок становился еще заметнее. Когда настала его очередь допрашивать свидетеля, он долго разглядывал профессора Гудфеллоу и затем спросил:

— А ведь вы довольно охотно дали согласие?

— Дело в том, что мне не терпелось избавиться от доктора Лэннинга,— живо ответил профессор.— В тот момент я готов был согласиться на что угодно.

— С тем чтобы, как только он уйдет, сразу же позабыть про свое обещание?

— Видите ли...

— Но ведь это вы предложили университетскому совету арендовать робота?

— Да.

— Следовательно, ваше согласие вовсе не было отговоркой. Вы дали его охотно и сдержали свое обещание.

— Я действовал согласно принятой у нас процедуре.

— И вы вовсе не были так уж напуганы роботом, как это пытались здесь представить. Вы знаете Три закона роботехники, и они вам были известны еще до той встречи с доктором Лэннингом?

— Мм, да...

— Потому-то вы так легко и согласились оставить робота без присмотра?

— Доктор Лэннинг уверил меня...

— Но будь у вас хоть малейшие сомнения, вы не удовлетворились бы его заверениями, не так ли?

— У меня были все основания полагаться на слово...

— Вопросов больше не имею,— прервал его защитник.

Когда профессор Гудфеллоу в еще более, чем прежде, раздраженном настроении покинул свидетельскую скамью, судья Шейн слегка наклонился вперед и спросил:

— Поскольку я не специалист по роботам, то мне хотелось бы узнать точный смысл Трех законов роботехники. Не мог бы профессор Лэннинг процитировать их суду?

Доктор Лэннинг в этот момент о чем-то шептался с сидевшей рядом седовласой женщиной. Вздрогнув от неожиданности, он встал. Женщина подняла голову — ее лицо было совершенно непроницаемо.

— Хорошо, ваша честь,— сказал доктор Лэннинг, сделал паузу, точно собирался произнести длинную речь, и заговорил, четко выделяя каждое слово: — Первый закон: робот не может причинить вред человеку или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинен вред. Второй закон: робот должен повиноваться приказам, которые отдает человек, кроме тех случаев, когда эти приказы противоречат Первому закону. Третий закон: робот должен заботиться о своей безопасности в той мере, в какой это не противоречит Первому и Второму законам.

— Понимаю,— сказал судья, что-то быстро записывая.— И эти законы определяют поведение каждого робота?

— Каждого без исключения. Любой специалист может это подтвердить.

— В том числе робота И-Зет-27?

— Да, ваша честь.

— Возможно, вам придется повторить это утверждение под присягой.

— Я готов, ваша честь.

Он сел.

Его седовласая собеседница, Главный робопсихолог компании «Ю. С. Роботс» доктор Сьюзен Кэлвин, поглядела на своего начальника без особого почтения. Впрочем, люди редко пользовались ее расположением.

— Показания Гудфеллоу были точными, Альфред? — спросила она.

— В целом, да,— пробормотал Лэннинг,— правда, он вовсе не был так уж напуган роботом, а когда услышал цену, то вполне был готов по-деловому обсуждать мое предложение. Но в остальном он не слишком уклонился от истины.

— Было бы разумнее назначить более высокую цену,— задумчиво проговорила доктор Кэлвин.

— Мы старались пристроить Изи.

— Знаю. Возможно даже, что перестарались. Они представят это так, словно мы преследовали какие-то свои цели.

— Так оно и было,— раздраженно заметил доктор Лэннинг.— Я сам это признал на заседании университетского совета.

— Они могут представить дело так, словно мы признались в одних замыслах, чтобы скрыть другие, более тайные.

Скотт Робертсон, сын основателя «Ю. С. Роботс» и владелец контрольного пакета акций, наклонился к Сьюзен Кэлвин с другой стороны и произнес оглушительным шепотом:

— Если бы вы заставили Изи рассказать, как все было на самом деле, мы бы сейчас знали, что к чему.

— Вам же известно, мистер Робертсон, что он не в состоянии говорить об этом.

— Так заставьте его! На то вы и психолог, доктор Кэлвин. Заставьте его говорить.

— Коль скоро я психолог, мистер Робертсон,— сухо произнесла Сьюзен Кэлвин,— так позвольте уж мне самой решать. Я не допущу, чтобы моего робота принуждали к опасным для него действиям.

Робертсон нахмурился, но, прежде чем он успел что-то сказать, судья Шейн постучал молоточком, и разговор пришлось прекратить.

Теперь показания давал Фрэнсис Харт, декан филологического факультета; это был полнеющий мужчина в безукоризненном темно-сером костюме строгого покроя. Розовую лысину декана пересекали несколько жиденьких прядей волос. Он сидел, чуть откинувшись, аккуратно

сложив руки на коленях, и время от времени натянуто улыбался.

— Впервые о роботе И-3ст-27 я услышал от профессора Гудфеллоу на заседании университетского совета,— начал он.— Позднее, десятого апреля прошлого года, мы посвятили этому вопросу специальное заседание, на котором я был председателем.

— У вас сохранился протокол?

— Видите ли,— сухо улыбнулся декан,— мы не вели протокола. Наше заседание носило конфиденциальный характер.

— Что же произошло на этом заседании?

Сидя на председательском месте, декан Харт чувствовал себя не вполне уверенно. Заметно нервничали и другие члены совета. Один лишь доктор Лэннинг являл собой картину безмятежного спокойствия. Худой и высокий, с копной седых волос, он был похож на портреты президента Эндрю Джексона.

На столе перед членами совета лежали образцы заданий, выполненных роботом. Профессор физической химии Мэйнотт с одобрительной улыбкой разглядывал вычерченный Изи график.

Харт откашлялся и сказал:

— Робот, несомненно, способен компетентно выполнять определенную черновую работу. Перед заседанием я просмотрел эти образчики и должен заметить, что ошибок в них практически нет.

Он взял со стола длинные бумажные полосы, примерно втрое длиннее обычной книжной страницы. Это были типографские гранки, в которые авторы вносят исправления, прежде чем текст будет сверстан окончательно. Широкие поля гранок пестрели четкими корректурными знаками. Отдельные слова в тексте были вычеркнуты, а вместо них на полях были написаны другие таким красивым и четким шрифтом, что казалось, будто они тоже напечатаны. Синие чернила указывали, что ошибку допустил автор, красные — наборщик.

— Я полагаю, что ошибок нет не только практически,— сказал Лэннинг.— Готов поручиться, доктор Харт, что их нет вовсе. Я не знаком с текстом, но совершенно уверен, что корректура проведена безукоризненно. Если же рукопись содержит ошибки по существу вопроса, то их исправление не входит в обязанности робота.

— С этим никто и не спорит. Однако робот в нескольких местах изменил порядок слов, а я не уверен, что правила английской грамматики сформулированы настолько точно, чтобы мы могли надеяться, что поправки робота во всех случаях не исказят смысл.

— Позитронный мозг Изи,— ответил Лэннинг, обнажая в улыбке крупные зубы,— вобрал в себя содержание основных работ в области грамматики. Убежден, что вы не можете указать хотя бы на одну неверную поправку.

Профессор Мэйнотт оторвался от графика.

— Я хочу спросить, доктор Лэннинг, а зачем вообще для этой цели нужен робот, учитывая неблагоприятное общественное мнение и связанные с этим трудности? Уверен, что успехи науки в области автоматизации позволяют вашей фирме сконструировать вычислительную машину обычного и всеми признанного типа, которая была бы способна держать корректуру.

— Разумеется, это в наших силах,— сухо ответил Лэннинг,— но для такой машины потребуется кодировать текст при помощи специальных символов, а затем переносить его на перфоленту. Машина будет выдавать поправки тоже в закодированном виде. Вам понадобятся программисты для перевода слов в символы и символов в слова. К тому же такая машина ни на что другое не будет способна. Например, она не сумеет вычертить график, который вы сейчас держите в руках.

Мэйнотт что-то пробурчал себе под нос.

— Гибкость и приспособляемость — вот важнейшие черты робота с позитронным мозгом,— продолжал Лэннинг.— Робот потому и сконструирован по образу человека, чтобы он мог пользоваться орудиями и приборами, которые люди испокон веку создавали для собственного употребления. Поэтому робот пригоден для выполнения

самых различных заданий. С роботом можно разговаривать, и он способен отвечать. С ним можно даже поспорить, и его можно переубедить — в определенных пределах, разумеется. По сравнению с самым простеньким роботом с позитронным мозгом обычная вычислительная машина — всего лишь огромный арифмометр.

— Но если все примутся спорить с роботом и переубеждать его, то не кончится ли это тем, что робот вконец запутается? — спросил Гудфеллоу.— Полагаю, что способность робота усваивать новую информацию не безгранична.

— Верно. Но при нормальном использовании его памяти хватит по крайней мере на пять лет. Робот сам определит, когда его память будет нуждаться в очистке, и тогда наша компания выполнит эту работу без дополнительной оплаты.

— Ваша компания?

— Да. Компания оставляет за собой право обслуживать роботов своего производства и поддерживать их в рабочем состоянии. Поэтому мы и не продаем наших роботов, а лишь сдаем их в аренду. Пока робот выполняет те функции, для которых он предназначен, им может управлять любой человек. Но вне этих рамок необходимы опыт и знания, которыми обладают наши специалисты. Например, любой из вас в состоянии частично очистить память робота И-Зет. Для этого достаточно просто приказать ему, чтобы он забыл те или иные сведения. Но почти наверняка такой приказ будет сформулирован неточно, и робот забудет либо слишком мало, либо слишком много. Мы без труда обнаружим подобное манипулирование с роботом — для этой цели в мозг робота встроены специальные предохранительные устройства. Но поскольку в обычных условиях нет необходимости очищать память робота или совершать другие столь же бесполезные действия, то этой проблемы и не существует.

Декан Харт осторожно потрогал лысину, словно желая убедиться, что заботливо уложенные пряди лежат на своих местах, и сказал:

— Вы стремитесь уговорить нас арендовать эту машину. Но ведь для вас это явно убыточная операция. Тысяча в год — это смехотворно низкая цена. Может быть, «Ю. С. Роботс» надеется в результате этой сделки получить с других университетов более высокую арендную плату?

— Надежда вполне правомерная.

— Пусть так. Все равно число таких машин не может быть велико. Вряд ли эта операция принесет вам сколько-нибудь значительную прибыль.

Лэннинг положил локти на стол и с самым искренним видом наклонился вперед.

— Позвольте мне говорить напрямик, джентльмены. Широко распространенное предубеждение против роботов не позволяет, за исключением отдельных редких случаев, использовать их на Земле. «Ю. С. Роботс» получает неплохие прибыли на внеземном рынке: наши роботы работают на космических кораблях и на других планетах. Я не говорю уже о наших филиалах, выпускающих вычислительные машины. Но нас волнуют не только прибыли. Мы твердо верим, что использование роботов на Земле принесет людям неисчислимые блага, даже если вначале оно и обернется некоторыми экономическими неурядицами. Против нас профсоюзы, это естественно, но мы вправе ждать поддержки от крупных университетов. Робот Изи освободит вас от черной работы, он станет вашим рабом, рабом корректуры. Затем вашему примеру последуют другие университеты и исследовательские центры, и если дело пойдет на лад, то затем нам удастся разместить роботов и других типов, и так шаг за шагом мы постепенно сумеем развеять это злосчастное предубеждение.

— Сегодня Северо-восточный университет, завтра — весь мир,— пробормотал себе под нос профессор Мэйнотт.

— Я вовсе не был так красноречив,— сердито прошептал Лэннинг на ухо Сьюзен Кэлвин,— да и они тоже совсем не упирались. Их более чем устраивала перспек-

тива заполучить Изи за тысячу в год. Профессор Мэйнотт сказал мне, что он никогда еще не видел так красиво вычерченного графика, а в корректуре не было ни единой ошибки. Харт охотно признал это.

Суровые вертикальные морщинки на лбу Сьюзен Кэлвин обозначились еще более резко.

— Все равно, Альфред, вам следовало бы для начала назначить такую цену, которую они бы явно не смогли заплатить, а уж потом, когда они стали бы уговаривать вас сбавить ее, пойти на уступки.

— Возможно,— нехотя согласился Лэннинг.

Обвинитель продолжал допрос свидетеля.

— После того как доктор Лэннинг вышел, вы поставили вопрос об аренде робота на голосование?

— Совершенно верно.

— И каков был результат?

— Большинством голосов было решено принять сделанное нам предложение.

— Как вы думаете, что решило исход голосования?

Защитник немедленно заявил протест.

Обвинитель перефразировал вопрос.

— Что повлияло на вас лично? Если не ошибаюсь, вы голосовали «за»?

— Совершенно верно. Я голосовал за то, чтобы принять предложение «Ю. С. Роботс», так как на меня произвели впечатление слова доктора Лэннинга о том, что мы, ученые, обязаны развеять предубеждение человечества против роботов и тогда люди смогут использовать роботов для того, чтобы облегчить свой труд.

— Другими словами, вы поддались на уговоры доктора Лэннинга?

— Перед доктором Лэннингом стояла задача уговорить нас. Он прекрасно с ней справился.

— Передаю свидетеля вам,— сказал обвинитель, обращаясь к защитнику.

Адвокат вышел вперед и несколько секунд внимательно разглядывал профессора Харта.

— На самом деле всем вам очень хотелось получить в аренду робота И-Зет-27, не правда ли?

— Мы надеялись, что робот, если он и впрямь сможет выполнять указанные операции, будет нам полезен.

— Если сможет? Насколько я понял, перед тем заседанием, которое вы нам только что описали, именно вы внимательно ознакомились с образчиками деятельности робота И-Зет-27?

— Да, я. Поскольку робот в основном предназначен для исправления грамматических и стилистических ошибок, а английский язык — это моя специальность, то было логично поручить проверку работы машины именно мне.

— Очень хорошо. Так вот, среди всех образчиков было ли хоть одно задание, с которым бы робот справился не вполне удовлетворительно? Вот эти образчики, они фигурируют в деле в качестве вещественных доказательств. Можете ли вы указать среди них хотя бы один неудовлетворительный пример?

— Видите ли...

— Я задал вам простой вопрос. Вы проверяли эти материалы. Можете ли вы указать хотя бы одну ошибку робота?

Профессор нахмурился.

— Нет.

— Перед вами образчики заданий, выполненных роботом за четырнадцать месяцев его деятельности в Северо-восточном университете. Не будете ли вы так добры ознакомиться с ними и указать хотя бы одну-единственную ошибку?

— Когда он в конце концов ошибся, то это была всем ошибкам ошибка! — ответил профессор.

— Отвечайте на мой вопрос,— загремел защитник,— и только на него! Можете ли вы отыскать хоть одну ошибку в этих материалах?

Декан Харт внимательно просмотрел каждый лист.

— Здесь все в порядке.

— Если исключить тот случай, который сейчас рассматривает суд, знаете ли вы хотя бы об одной ошибке, допущенной роботом И-Зет-27?

— Если исключить случай, рассматриваемый судом, то не знаю.

Защитник откашлялся, словно отмечая конец абзаца, и задал новый вопрос:

— Вернемся теперь к голосованию. Вы сказали, что большинство голосовало за аренду. Как распределились голоса?

— Насколько я помню, тринадцать против одного.

— Тринадцать против одного! Не кажется ли вам, что это нечто большее, чем просто большинство?

— Нет, сэр, не кажется.— Весь профессорский педантизм свидетеля вырвался при этом вопросе наружу.— Слово «большинство» означает «больше, чем половина». Тринадцать из четырнадцати — это большинство, и ничего больше.

— Практически единогласно.

— И тем не менее всего лишь большинство.

Защитник изменил направление атаки.

— И кто же был единственным несогласным?

Декан Харт заметно смутился.

— Профессор Саймон Нинхаймер.

Защитник разыграл изумление.

— Профессор Нинхаймер? Заведующий кафедрой социологических наук.

— Да, сэр.

— То есть истец?

— Да, сэр.

Защитник поджал губы.

— Иными словами, вдруг обнаружилось, что человек, требующий у моего клиента, «Ю. С. Роботс энд мекэникл мен корпорейшн», возмещение ущерба в размере семисот пятидесяти тысяч долларов, и был тем единственным, кто с самого начала возражал против аренды робота, вопреки единодушному мнению всех остальных членов совета.

— Он голосовал против — это его право.

— Кстати, когда вы рассказывали о том заседании, вы не упомянули ни об одном замечании профессора Нинхаймера. Он что-нибудь говорил?

— Кажется, да.

— Только кажется?

— Он высказал свое мнение.

— Против аренды робота?

— Да.

— В резкой форме?

— Он был просто вне себя,— ответил декан Харт после небольшой паузы.

В голосе защитника появились вкрадчивые нотки.

— Профессор Харт, скажите, вы давно знакомы с профессором Нинхаймером?

— Лет двадцать.

— И хорошо его знаете?

— Думаю, что да.

— Не кажется ли вам, что это было в его характере — затаить злобу против робота, тем более что результаты голосования...

Конец фразы нельзя было расслышать из-за негодующего возражения обвинителя. Защитник заявил, что у него больше нет вопросов к свидетелям, и судья Шейн объявил перерыв на обед.

Робертсон угрюмо жевал бутерброд. Конечно, три четверти миллиона корпорацию не разорят, но и эти деньги лишними не назовешь. К тому же неблагоприятная реакция общественного мнения в случае проигрыша процесса обойдется в конечном итоге еще дороже.

— Зачем им понадобилось так обсасывать вопрос о том, как Изи попал в университет? — раздраженно спросил он.— Чего они этим собираются добиться?

— Видите ли, мистер Робертсон,— спокойно ответил адвокат,— судебное разбирательство напоминает шахматную партию. Выигрывает тот, кто сумеет оценить ситуацию на большее число ходов вперед, и мой коллега, представляющий интересы истца, отнюдь не новичок в этой игре. Доказать, что истцу нанесен ущерб, они могут без особых хлопот. Главные их усилия направлены на то, чтобы заранее подорвать нашу защиту. Они, вероятно, полагают, что мы будем пытаться доказать на основании

Законов роботехники, что Изи просто не мог совершить подобное действие.

— Но ведь так оно и есть,— сказал Робертсон.— Лучший довод в нашу пользу и придумать трудно.

— Да, для тех, кто знает роботехнику. Однако судье этот довод может показаться не слишком убедительным. Обвинение пытается создать впечатление, будто И-Зет-27 — не вполне обычный робот. Это первый робот данного типа, переданный потребителю. Иными словами, это экспериментальная модель, которой необходимо пройти рабочие испытания, а университет оказался наиболее удобным местом для проведения таких испытаний. Настойчивые усилия доктора Лэннинга и низкая арендная плата делают такое толкование очень правдоподобным. После этого обвинение станет утверждать, что испытания показали непригодность модели. Теперь вы понимаете подоплеку их маневров?

— Но ведь И-Зет-27 — прекрасная, хорошо отлаженная модель,— возразил Робертсон.— Не забывайте, что в своей серии он был двадцать седьмым!

— А это уж и вовсе довод не в нашу пользу,— мрачно ответил защитник.— Почему не пошли первые двадцать шесть? Что-то, видимо, с ними было не так. Почему же тогда и в двадцать седьмом не может быть дефектов?

— Никаких дефектов в первых двадцати шести моделях не было — просто их позитронный мозг оказался слишком примитивным для данной работы. Мы только приступили к созданию позитронного мозга нужного типа и продвигались к цели почти вслепую, методом проб и ошибок. Но все эти роботы подчинялись Трем законам. Нарушить Три закона не может ни один робот, как бы несовершенен он ни был.

— Доктор Лэннинг уже объяснил мне все это, мистер Робертсон, и я вполне готов положиться на его слово. Но судья может придерживаться другого мнения. Решение по нашему делу должен вынести честный и неглупый человек, но он не сведущ в робопсихологии, и его нетрудно сбить с толку. Вот вам пример. Если вы, или доктор

Лэннинг, или доктор Кэлвин, выступая в качестве свидетелей, заявите, что позитронный мозг создают методом проб и ошибок, как вы только что здесь сказали, то обвинитель сделает из вас котлету и процесс будет проигран безвозвратно. Так что остерегайтесь необдуманных высказываний.

— Если бы только Изи заговорил,— проворчал Робертсон.

— Что толку! — пожал плечами защитник.— Это ничего бы не дало. Робот не может быть свидетелем.

— Мы хотя бы знали факты. Узнали бы наконец, почему он совершил этот поступок.

— А это нам и без того известно.

Голос Сьюзен Кэлвин потерял ледяную сухость, а на ее щеках заалели багровые пятна.

— Ему приказали! Я уже объяснила это адвокату, могу и вам объяснить.

— Кто приказал? — искренне изумился Робертсон. (Никто ему ничего никогда не рассказывает, обиженно подумал он. Черт возьми, эти ученые ведут себя так, словно они и есть настоящие владельцы «Ю. С. Роботс»!)

— Истец,— ответила доктор Кэлвин.

— Зачем ему это понадобилось?

— Еще не знаю. Может, просто для того, чтобы предъявить нам иск и отсудить кругленькую сумму.— В ее глазах при этом появился холодный блеск.

— Что же мешает Изи сказать об этом?

— Неужели и это не ясно? Ему приказали молчать — вот и все.

— С какой стати это ясно? — раздраженно допытывался Робертсон.

— Во всяком случае, это ясно мне. Хотя Изи отказывается отвечать на прямые вопросы, но на косвенные вопросы он отвечает. Измеряя степень нерешительности, возрастающую по мере приближения к сути дела, а также площадь затронутого участка мозга и величину отрицательных потенциалов, можно с математической точностью доказать, что его поведение вызвано приказом молчать, причем сила приказа соответствует Первому закону. Го-

воря попросту, роботу объяснили, что если он проговорится, то причинит вред человеку. Надо думать, этот человек и есть сам истец, этот мерзкий профессор Нинхаймер, которого робот все же воспринимает как человека.

— Хорошо, а почему бы вам не объяснить ему, что его молчание повредит «Ю. С. Роботс»? — спросил Робертсон.

— «Ю. С. Роботс» не является человеком, а на корпорации, в отличие от юридических законов, не распространяется Первый закон роботехники. Кроме того, попытка снять запрет может повредить мозг робота. Снять запрет с минимальным риском может только тот, кто приказал Изи молчать, поскольку все усилия робота сейчас сосредоточены на том, чтобы уберечь этого человека от опасности. Любой другой путь...— Сьюзен Кэлвин покачала головой, и лицо ее снова сделалось бесстрастным.— Я не допущу, чтобы пострадал робот,— закончила она.

— По-моему, вполне достаточно будет доказать, что робот не в состоянии совершить поступок, который ему приписывают, а это нам нетрудно! — У Лэннинга был такой вид, словно он поставил проблему с головы на ноги.

— Вот именно, вам! — раздраженно отозвался адвокат.— Как назло, все эксперты, способные засвидетельствовать, что творится в мозгах у робота, состоят на службе у «Ю. С. Роботс». Боюсь, судья может не поверить в непредубежденность ваших показаний.

— Но разве он может принять решение вопреки свидетельским показаниям экспертов?

— Разумеется, если вы его не убедите. Это его право как судьи. Неужели вы полагаете, что технический жаргон ваших инженеров прозвучит для судьи более убедительно, чем предположение, будто такой человек, как профессор Нинхаймер, способен — пусть даже ради очень крупной суммы — намеренно погубить свою научную репутацию? Судья тоже человек. Если ему приходится выбирать, кто из двоих — робот или человек — совершил невозможный для них поступок, то скорее всего он вынесет решение в пользу человека.

— Но человек способен на невозможный поступок,— возразил Лэннинг,— потому что мы не знаем всех тонкостей человеческой психологии и не в состоянии определить, что возможно для данного человека, а что — нет. Зато мы точно знаем, что невозможно для робота.

— Что ж, посмотрим, удастся ли нам убедить в этом судью,— устало ответил защитник.

— Если все обстоит так, как вы говорите,— проворчал Робертсон,— я не понимаю, как вы вообще надеетесь выиграть процесс.

— Поживем — увидим. Всегда полезно отдавать себе отчет в предстоящих трудностях, но не будем падать духом. Я тоже продумал партию на несколько ходов вперед.— Он учтиво наклонил голову в сторону Сьюзен Кэлвин и добавил: — С любезной помощью этой дамы.

— Это еще что? — удивленно посмотрел на них Лэннинг.

Но как раз в этот момент судебный пристав просунул голову в дверь и, отдуваясь, возвестил, что заседание начинается.

Они заняли свои места и принялись разглядывать человека, который заварил всю эту кашу.

У Саймона Нинхаймера была пышная рыжеватая шевелюра, нос с горбинкой, острый подбородок и манера предварять ключевое слово нерешительной паузой, создававшей впечатление мучительных поисков недостижимой точности выражений. Когда он произносил: «Солнце восходит... мм... на востоке», не оставалось сомнений, что он с должным вниманием рассмотрел и все остальные варианты.

— Вы возражали против аренды робота И-3ет-27? — спросил обвинитель.

— Да, сэр.

— Из каких соображений?

— У меня создалось впечатление, что мы не вполне понимаем... ммм... мотивы, движущие «Ю. С. Роботс». Меня смущала та настойчивость, с которой они пытались навязать нам своего робота.

— Вы полагали, что он не сможет справиться с порученной ему работой?

— Я убедился в этом на деле.

— Не могли бы вы рассказать, как это произошло?

Свою монографию «Социальные конфликты, связанные с космическими полетами, и их разрешение» Саймон Нинхаймер писал восемь лет. Его страсть к точности выражений не ограничивалась устной речью: поиски строгих и отточенных формулировок в столь неточной науке, как социология, отнимали все его силы.

Даже появление корректурных листов не создало у Нинхаймера ощущения, что его труд близок к завершению. Скорее напротив. Глядя на длинные полосы гранок, он испытывал непреодолимое желание рассыпать набор и переписать всю книгу заново.

Через три дня после получения корректуры Джим Бейкер, преподаватель и не сегодня завтра доцент кафедры, вошел к Нинхаймеру и застал его в рассеянном созерцании пачки гранок. Типография прислала их в трех экземплярах: над первым должен был работать сам Нинхаймер, над вторым — независимо от него Бейкер, а в третий после обсуждения должны были быть внесены окончательные поправки. Они выработали эту практику за три года совместной работы, и она себя вполне оправдывала.

В руках у Бейкера был его экземпляр корректуры.

— Я кончил проверять первую главу,— весело произнес он.— В ней есть такие типографские перлы!

— В первой главе их всегда полно,— безучастно отозвался Нинхаймер.

— Займемся сверкой прямо сейчас?

Нинхаймер поднял голову и мрачно уставился на Бейкера.

— Я не притрагивался к корректуре, Джим. Я решил не утруждать себя.

— Не утруждать? — Бейкер вконец растерялся.

Нинхаймер поджал губы.

— Я решил... мм... воспользоваться машиной. Коль на то пошло, ее предложили нам в качестве... мм... корректора. Меня включили в график.

— Машину? Вы хотите сказать — Изи?

— Я слышал, что ее называют этим дурацким именем.

— А я-то думал, доктор Нинхаймер, что вы предпочли бы обойтись без ее помощи!

— По-видимому, я единственный, кто ею не пользуется. Почему бы и мне не получить... мм... свою долю благ.

— Выходит, зря я корпел над первой главой,— расстроенно произнес молодой человек.

— Не зря. Мы используем эту работу для проверки.

— Разумеется, если вы считаете это нужным, только...

— Что?

— Сомневаюсь, что после Изи работу нужно проверять. Говорят, он никогда не ошибается.

— Возможно, и так,— сухо ответил Нинхаймер.

Четыре дня спустя Бейкер вновь принес первую главу. На сей раз это был экземпляр Нинхаймера, только что доставленный из специальной пристройки, где работал Изи.

Бейкер торжествовал:

— Доктор Нинхаймер, он не только обнаружил все замеченные мною опечатки, но нашел еще с десяток, которые я пропустил! И на все у него ушло только двенадцать минут!

Нинхаймер просмотрел пачку листов с аккуратными четкими пометками и исправлениями на полях.

— Полагаю, что мы с вами лучше бы справились с этой задачей. В первую главу следует включить ссылку на работу Сузуки о влиянии слабых гравитационных полей на нервную систему.

— Вы имеете в виду его статью в «Социологическом обзоре»?

— Совершенно верно.

— Нельзя требовать от Изи невозможного. Он не в состоянии следить вместо нас с вами за научной литературой.

— Это я понимаю. Дело в том, что я подготовил нужную вставку. Я собираюсь зайти к машине и удостовериться, что она... мм... умеет делать вставки.

— Конечно, умеет.

— Предпочитаю убедиться в этом лично.

Нинхаймер попросил разрешения поговорить с роботом, но смог получить лишь пятнадцать минут, и то поздно вечером.

Впрочем, пятнадцати минут вполне хватило. Робот И-Зет-27 сразу понял, как делают вставки.

Нинхаймер впервые оказался на таком близком расстоянии от робота, и ему стало не по себе. Машинально он спросил у робота, словно тот был человеком:

— Вам нравится ваша работа?

— Чрезвычайно нравится, профессор Нинхаймер,— серьезно ответил Изи.

Фотоэлементы, заменявшие ему глаза, отсвечивали, как обычно, темно-красными бликами.

— Вы меня знаете?

— Вы передали мне дополнительный материал для включения в корректуру, из чего следует, что вы автор книги. Фамилия автора напечатана вверху каждого корректурного листа.

— Понимаю. Следовательно, вы способны... мм... делать логические заключения. Скажите,— не удержался он от вопроса,— а что вы думаете о моей книге?

— Я нахожу, что с ней очень приятно работать,— ответил Изи.

— Приятно? Что за странное выражение со стороны... мм... бесчувственного автомата. Мне говорили, что вы не способны испытывать какие-либо эмоции.

— Слова вашей книги хорошо сочетаются со схемой позитронных связей в моем мозгу,— объяснил Изи.— Они почти никогда не вызывают отрицательных потенциалов. Заложенная в меня программа переводит это механическое состояние словом «приятно». Эмоции тут ни при чем.

— Понимаю. А почему книга кажется вам приятной?

— Она посвящена людям, профессор, а не математическим символам или неодушевленным предметам. В своей книге вы пытаетесь понять людей и способствовать их счастью.

— А это совпадает с целью, ради которой вы созданы, поэтому моя книга хорошо сочетается со схемой связей у вас в мозгу?

— Именно так, профессор.

Четверть часа истекли. Нинхаймер вышел и направился в университетскую библиотеку. Он попал в нее перед самым закрытием, но успел все же разыскать учебник по робопсихологии и унес его домой.

Если не считать отдельных вставок, корректура поступала теперь из типографии к Изи, а от него снова шла в типографию. Первое время Нинхаймер изредка просматривал гранки, а затем и вовсе перестал в них заглядывать.

— Мне начинает казаться, что я лишний,— смущенно признался Бейкер.

— Пусть лучше вам начнет казаться, что у вас высвободилось время для новой работы,— ответил Нинхаймер, продолжая делать пометки в только что полученном номере реферативного журнала «Социальные науки».

— Просто я никак не привыкну к новому порядку. Я продолжаю беспокоиться из-за корректуры. Это глупо, я знаю.

— Крайне глупо.

— Вчера я просмотрел несколько листов, прежде чем Изи отослал их...

— Что?! — Нинхаймер, нахмурившись, посмотрел на Бейкера. Журнал, который он выпустил из рук, закрылся.— Вы вмешались в работу машины?

— Всего лишь на минутку. Все было в полном порядке. Кстати, Изи заменил одно слово. Вы охарактеризовали какое-то действие как преступное, а Изи заменил это слово на «безответственное». Он решил, что второе определение лучше соответствует контексту.

— А как по-вашему? — задумчиво спросил Нинхаймер.

— Знаете, я согласен с Изи. Я оставил его поправку.

Нинхаймер повернулся вместе с вращающимся креслом к своему молодому помощнику.

— Послушайте, мне бы не хотелось, чтобы это повторялось. Если уж приходится пользоваться услугами машины, надо пользоваться ими... мм... в полной мере. Что же я выигрываю, обращаясь к машине, если при этом я лишаюсь... мм... вашей помощи, поскольку вы растрачиваете время на контроль машины, весь смысл которой в том, что она не нуждается в контроле? Вы поняли?

— Хорошо, доктор Нинхаймер,— смиренно произнес Бейкер.

Авторские экземпляры «Социальных конфликтов» были получены на кафедре Нинхаймера 8 мая. Он мельком перелистал страницы, пробежав глазами несколько абзацев, и убрал книги.

Позднее он объяснил, что совсем забыл про них. Восемь лет трудился он над своей монографией, но в течение прошлых месяцев все заботы о выпуске книги перешли к Изи, а его полностью поглотили новые интересы. Он не удосужился подарить традиционный экземпляр университетской библиотеке. Даже Бейкер, который после недавнего выговора с головой ушел в работу и старался не попадаться заведующему кафедрой на глаза, даже он не получил книги в подарок.

Этот период забвения окончился 16 июня. В кабинете Нинхаймера раздался телефонный звонок, и профессор изумленно уставился на экран.

— Шпейдель? Вы приехали?

— Нет, сэр! Я звоню из Кливленда! — Голос Шпейделя прерывался от плохо сдерживаемого гнева.

— Что же вы хотите мне сказать?

— А то, что я только сейчас кончил просматривать вашу книгу! Нинхаймер, что с вами? Уж не сошли ли вы с ума?

Нинхаймер весь напрягся.

— Вы нашли... мм... ошибку? — с беспокойством спросил он.

— Ошибку?! Да вы только взгляните на пятьсот двадцать шестую страницу. Как вы посмели настолько извратить мою работу? Где в цитируемой вами статье я утверждаю, будто преступная личность — это фикция, а подлинными преступниками являются полиция и суд? Вот послушайте...

— Стойте! Стойте! — завопил Нинхаймер, лихорадочно листая страницы.— Позвольте мне взглянуть! О боже!

— И что вы скажете?

— Шпейдель, я ума не приложу, как это могло произойти. Я никогда не писал ничего подобного.

— Это напечатано черным по белому! И это еще далеко не самое худшее. Загляните на страницу шестьсот девяностую и попробуйте вообразить, что из вас сделает Ипатьев, когда узнает, как вы обошлись с его выводами! Послушайте, Нинхаймер, ваша книга буквально напичкана подобными подтасовками. Не знаю, о чем вы думали... но, по-моему, у вас нет иного выхода, как изъять книгу из продажи. И вам долго придется приносить извинения на следующей конференции социологов!

— Шпейдель, выслушайте меня...

Но Шпейдель с такой яростью дал отбой, что по экрану пошли цветные пятна.

Вот тогда-то Нинхаймер уселся за книгу и принялся отмечать абзацы красными чернилами.

При новой встрече с роботом профессор на редкость хорошо сохранял самообладание, только губы у него совсем побелели. Он протянул книгу Изи.

— Будьте добры прочитать абзацы, отмеченные на страницах пятьсот шестьдесят два, шестьсот тридцать один, шестьсот шестьдесят четыре и шестьсот девяносто.

Роботу понадобилось четыре взгляда.

— Готово, профессор Нинхаймер.

— Эти абзацы отличаются от первоначального текста.

— Да, сэр. Отличаются.

— Это вы их переделали?

— Да, сэр.

— Почему?

— Эти абзацы, в том виде, как вы их написали, сэр, содержат весьма неодобрительные отзывы о некоторых группах людей. Я счел целесообразным изменить некоторые формулировки, чтобы эти люди не пострадали.

— Да как вы осмелились?

— Профессор, Первый закон не позволяет мне бездействовать, если вследствие этого могут пострадать люди. А принимая во внимание вашу репутацию ученого и ту известность, которую ваша книга получит среди социологов, нетрудно понять, что ваши неодобрительные отзывы причинят этим людям несомненный вред.

— А вы понимаете, какой вред вы причинили мне?

— Из двух зол необходимо выбирать меньшее.

Профессор Нинхаймер ушел вне себя от ярости. Он твердо решил призвать «Ю. С. Роботс» к ответу.

Легкое смятение за столом защиты постепенно возросло, когда обвинение поспешило закрепить достигнутый успех.

— Итак, робот И-Зет-27 сообщил вам, что его действия были вызваны Первым законом роботехники?

— Совершенно верно, сэр.

— Иными словами, у робота не было выбора?

— Да, сэр.

— Отсюда вытекает, что «Ю. С. Роботс» создала робота, который неизбежно должен переделывать книги в соответствии со своими понятиями о том, что хорошо и что плохо, и этого робота они выдали за простого корректора. Вы согласны?

Защитник немедленно заявил протест, указав, что обвинитель спрашивает мнение свидетеля по вопросу, в котором тот не компетентен. Судья принял протест и указал обвинителю на недопустимость таких вопросов, но можно было не сомневаться, что стрела попала в цель,— по крайней мере, у защитника не осталось на этот счет никаких иллюзий.

Защитник в свою очередь, перед тем как начать допрос свидетеля, попросил судью, ссылаясь на процессу-

альные формальности, объявить пятиминутный перерыв, что и было сделано.

Защитник наклонился к Сьюзен Кэлвин.

— Скажите, доктор Кэлвин, существует ли хотя бы малая вероятность, что профессор Нинхаймер говорит правду и поведение Изи было обусловлено действием Первого закона?

— Нет! — сухо ответила Сьюзен Кэлвин.— Это совершенно исключено. Последняя часть показаний Нинхаймера — намеренное лжесвидетельство. Изи не способен выносить суждения об абстрактных идеях, содержащихся в научной монографии по социологии. Он не в состоянии сделать вывод, что та или иная фраза причинит вред определенным группам людей. Попросту говоря, его мозг не годится для этого.

— Боюсь, что мы никогда не сможем доказать это неспециалистам,— с безнадежным видом произнес защитник.

— Не сможем,— согласилась Сьюзен Кэлвин.— Доказательство носит сложный характер. Наш единственный выход — показать, что Нинхаймер лжет. Наша линия остается прежней.

— Хорошо, доктор Кэлвин,— ответил защитник,— я полагаюсь на ваше слово. Будем действовать в соответствии с намеченным планом.

Судья поднял и опустил свой молоточек, и доктор Нинхаймер вновь приготовился давать показания. Он еле заметно улыбнулся, как человек, сознающий несокрушимость своей позиции и с наслаждением предвкушающий бессильные атаки противника.

Защитник начал допрос осторожно и без нажима.

— Итак, доктор Нинхаймер, вы утверждаете, что не имели ни малейшего понятия о поправках, якобы внесенных в вашу рукопись, и узнали о них только из разговора с доктором Шпейделем шестнадцатого июня сего года?

— Совершенно верно, сэр.

— И вы ни разу не просматривали гранки, выправленные роботом И-Зет-27?

— Вначале просматривал, но затем счел это пустым занятием. Я доверился рекламным утверждениям «Ю. С. Роботс». Эти абсурдные... мм... поправки появились в последней четверти книги после того, как робот, как я полагаю, нахватался некоторых познаний в социологии...

— Ваши предположения к делу не относятся! — остановил его защитник.— Согласно вашим показаниям, доктор Бейкер по крайней мере один раз видел гранки последней части. Это так?

— Да, сэр. Он сказал мне, что видел один лист и что в этом листе робот заменил слово другим.

— Не кажется ли вам странным, сэр,— вновь прервал его защитник,— что после года непримиримой вражды к роботу, после того, как вы голосовали против аренды робота, после того, как вы категорически отказывались использовать его, не кажется ли вам после всего этого несколько странным ваше решение доверить роботу вашу монографию, труд вашей жизни?

— Не вижу в этом ничего странного. Просто я решил, что могу использовать машину, раз уж мы ее арендуем.

— И вы вдруг прониклись таким доверием к роботу, что даже не удосужились просмотреть после него гранки?

— Я уже сказал вам, что я... мм... поверил пропаганде «Ю. С. Роботс».

— Настолько уверовали, что даже устроили разнос своему коллеге доктору Бейкеру за попытку проверить робота?

— Я не устраивал ему разноса. Просто я не хотел, чтобы он... мм... зря тратил время. Тогда это казалось мне пустой тратой времени, и я не придал особого значения замене слова в...

— Я совершенно уверен,— с подчеркнутой иронией произнес защитник,— что вам посоветовали упомянуть об этом эпизоде с заменой слова, чтобы это обстоятельство попало в протокол...— Предупреждая неминуемый протест обвинения, защитник оборвал фразу и изменил направление атаки.— На самом деле вы крайне рассердились на доктора Бейкера.

— Нет, сэр. Ничуть.

— Но вы не подарили ему свою книгу после ее выхода в свет.

— Простая забывчивость. Я и библиотеке не подарил ни одного экземпляра. Профессора славятся своей рассеянностью.— Нинхаймер позволил себе осторожно улыбнуться.

— А не кажется ли вам странным, что после более чем года безупречной работы робот И-Зет-27 допустил ошибки именно в вашей книге? В книге, написанной вами, непримиримым врагом роботов?

— Моя книга была первым значительным трудом о людях, с которым ему пришлось иметь дело. Тут-то и вступили в действие Три закона роботехники.

— Вы говорите сейчас так, доктор Нинхаймер,— сказал защитник,— словно вы специалист в области робопсихологии. Бесспорно, вы вдруг весьма заинтересовались робопсихологией и даже брали в библиотеке книги по этому предмету. Вы сами упомянули об этом факте, не так ли?

— Всего одну книгу, сэр. Поступок, который мне кажется следствием... мм... вполне естественного любопытства.

— И эта единственная книга, как вы утверждаете, позволила вам понять, почему робот исказил именно вашу монографию?

— Да, сэр.

— Чрезвычайно удобное объяснение. А вы уверены, что ваш интерес к робопсихологии не был вызван стремлением научиться управлять роботом, чтобы потом использовать его в своих тайных целях?

— Разумеется нет, сэр! — Нинхаймер побагровел.

Защитник повысил голос:

— Иными словами, уверены ли вы, что этих, будто бы искаженных, абзацев не было в вашей рукописи?

Социолог приподнялся в кресле.

— Это... мм... мм... просто нелепо! У меня есть гранки...

Он не в силах был продолжать, и обвинитель, поднявшись с места, обратился к судье:

— Ваша честь, с вашего позволения я намереваюсь представить в качестве вещественного доказательства корректурные листы, переданные доктором Нинхаймером роботу И-Зет-27, и корректурные листы, отправленные указанным роботом в издательство. Я готов, если того пожелает мой многоуважаемый коллега, сделать это немедленно и не буду возражать против перерыва заседания с целью сравнения двух экземпляров корректуры.

— В этом нет нужды,— нетерпеливо отмахнулся защитник.— Мой уважаемый оппонент может представить эти гранки в любое удобное для него время. Я нисколько не сомневаюсь, что в них будут обнаружены все противоречия, о которых говорил истец. Мне бы, однако, хотелось спросить свидетеля, нет ли у него также экземпляра гранок, принадлежащих доктору Бейкеру?

— Гранок доктора Бейкера? — нахмурившись, переспросил Нинхаймер. Он все еще плохо владел собой.

— Именно так, профессор! Меня интересуют гранки доктора Бейкера. Вы сказали, что доктор Бейкер получил от издательства отдельный экземпляр гранок. Я могу попросить секретаря зачитать ваши показания, коль скоро вы стали страдать избирательной потерей памяти. Или это пресловутая профессорская рассеянность, как вы изволили выразиться?

— О гранках доктора Бейкера я помню,— ответил Нинхаймер.— После того как работу передали корректурной машине, необходимость в них отпала...

— И вы их сожгли?

— Нет. Я выбросил их в корзину для бумаг.

— Сожгли, выбросили — не все ли равно? Суть в том, что вы от них избавились.

— Это не имеет отношения к делу,— вяло возразил Нинхаймер.

— Не имеет отношения? — загремел защитник.— Абсолютно никакого, если не считать того обстоятельства, что теперь уже невозможно проверить, не воспользовались ли вы неправленными листами из экземпляра докто-

ра Бейкера, чтобы подменить корректурные листы в вашем собственном экземпляре, те самые листы, которые вы намеренно исказили, чтобы заставить робота...

Обвинитель яростно запротестовал. Судья Шейн перегнулся через стол, пытаясь выразить на своем добродушном лице всю силу своего негодования.

— Можете ли вы, господин адвокат, привести доказательства, подтверждающие ваше крайне странное заявление? — спросил судья.

— У меня нет прямых доказательств, ваша честь,— негромко ответил защитник.— Но я хочу указать на то, как неожиданно истец отказался от своего предубеждения против роботов, на его внезапный интерес к роботехнике, на то обстоятельство, что он отказался от проверки гранок и не разрешил кому-либо их проверять, на тот факт, что он сознательно никому не показывал свою книгу после ее выхода из печати,— все эти факты, вместе взятые, четко указывают...

— Господин адвокат! — нетерпеливо прервал его судья.— Здесь неуместны изощренные логические построения. Истец не находится под судом. А вы не являетесь прокурором. Я категорически запрещаю подобные нападки на свидетеля и хочу заметить, что, решаясь от отчаяния на подобный шаг, вы рискуете сильно ослабить свою позицию. Если у вас, господин адвокат, еще остались разрешенные законом вопросы, то можете задать их свидетелю. Но впредь воздержитесь от подобных выходок в зале суда.

— У меня больше нет вопросов, ваша честь.

Едва защитник вернулся к своему столу, как Робертсон раздраженно прошипел:

— Ради бога, зачем вам это понадобилось? Теперь вы окончательно восстановили против себя судью.

— Зато Нинхаймер выбит из колеи,— спокойно ответил защитник.— Теперь он будет нервничать и волноваться. К завтрашнему утру он созреет для нашего очередного шага.

Сьюзен Кэлвин слегка кивнула в знак согласия.

Допрос остальных свидетелей истца прошел относительно спокойно. Доктор Бейкер подтвердил большую часть показаний Нинхаймера. Затем были вызваны доктор Шпейдель и Ипатьев, трогательно поведавшие о том, как они были ошеломлены и расстроены, прочитав упомянутые выше абзацы. Оба высказали мнение, что профессиональная репутация доктора Нинхаймера подорвана самым серьезным образом.

В качестве вещественных доказательств суду были предъявлены гранки и экземпляры монографии.

Защитник в этот день больше не задавал вопросов, и судебное заседание было отложено до следующего утра.

На второй день, едва возобновилось заседание, как защитник сделал свой первый ход. Он ходатайствовал, чтобы робот И-Зет-27 был допущен в зал суда. Обвинитель сразу же заявил протест, и судья Шейн попросил обоих адвокатов подойти к судейскому столу.

— Это явное нарушение законов,— с жаром заявил обвинитель.— Робот не может быть допущен ни в одно помещение, открытое для широкой публики.

— Но зал суда,— возразил защитник,— в настоящее время закрыт для всех, кроме лиц, имеющих непосредственное отношение к разбирательству.

— Одно лишь присутствие в зале суда большой машины с неустойчивым и ошибочным поведением вызовет смятение среди моих клиентов и свидетелей. Оно превратит этот процесс в балаган.

Судья, по-видимому, вполне разделял точку зрения обвинителя. Он повернулся к защитнику и очень сухо спросил:

— Чем вызвано это ходатайство?

— Мы собираемся доказать, что приписываемый роботу И-Зет-27 поступок абсолютно для него невозможен. Для этой цели нам понадобится выполнить несколько демонстраций.

— Не вижу в этом смысла, ваша честь,— заявил обвинитель.— В деле, где «Ю. С. Роботс» является ответчиком, демонстрации, выполненные служащими «Ю. С. Роботс», едва ли можно рассматривать как веские доказательства.

— Ваша честь,— возразил защитник,— веские это доказательства или нет, имеете право решать только вы, и уж никак не представитель противной стороны. Во всяком случае, я именно так понимаю судебную процедуру.

— Вы совершенно правы,— ответил судья, задетый посягательством на свои прерогативы.— Тем не менее с присутствием робота в зале суда связаны определенные юридические трудности.

— Ваша честь, никакие трудности не должны препятствовать правосудию. Если робот не будет допущен в зал суда, нас лишат возможности представить единственное доказательство в свою защиту.

Судья задумался.

— Но как доставить робота в зал суда?

— С этой проблемой «Ю. С. Роботс» сталкивается постоянно. У входа в здание суда стоит крытый фургон, оборудованный в соответствии с законами о перевозках роботов. Внутри в специальном контейнере находится робот И-Зет-27, его охраняют двое рабочих. Двери фургона заперты. Приняты и все прочие меры предосторожности.

— Кажется, вы заранее были уверены, что получите разрешение представить робота в суд,— произнес судья с явным неудовольствием.

— Вовсе нет, ваша честь. Если мы не получим позволения, то фургон просто уедет восвояси. Мы и не собираемся предугадывать ваше решение.

Судья кивнул:

— Ходатайство защиты удовлетворено.

Двое рабочих ввезли на тележке контейнер и открыли его. В зале воцарилась мертвая тишина.

Когда толстые плиты упаковочного пластика были убраны, Сьюзен Кэлвин протянула руку:

— Пойдем, Изи.

Робот посмотрел в ее сторону и протянул ей свою огромную металлическую руку. Он был на добрых два фута выше Сьюзен Кэлвин, но покорно следовал за ней, словно ребенок за матерью. Кто-то нервно хихикнул и

подавился смешком под пристальным взглядом робопсихолога.

Изи осторожно опустился в массивное кресло, принесенное судебным приставом. Оно затрещало, но выдержало.

— Когда возникнет необходимость, ваша честь,— начал защитник,— мы докажем, что это действительно робот И-Зет-27, тот самый робот, который находился в аренде у Северо-восточного университета на протяжении рассматриваемого срока.

— Очень хорошо,— кивнул судья.— Это следует сделать. Лично я не представляю, как вы ухитряетесь отличать одного робота от другого.

— А теперь,— продолжал защитник,— я бы хотел вызвать в качестве своего первого свидетеля профессора Саймона Нинхаймера.

Секретарь растерянно посмотрел на судью.

— Как, вы вызываете свидетелем самого истца? — с нескрываемым удивлением спросил судья.

— Да, ваша честь.

— Надеюсь, вы отдаете себе отчет в том, что своего свидетеля вы не можете допрашивать с такой же свободой, как свидетеля противной стороны?

— Я это делаю с единственной целью установить истину,— невозмутимо ответил защитник.— Мне надо задать ему лишь несколько вежливых вопросов.

— Что ж,— с сомнением в голосе произнес судья,— вам виднее. Вызовите свидетеля.

Нинхаймер вышел вперед и был осведомлен, что он все еще находится под присягой. На этот раз у профессора был встревоженный, почти испуганный вид.

Защитник посмотрел на него почти ласково.

— Итак, профессор Нинхаймер, вы предъявили моему клиенту иск на сумму в семьсот пятьдесят тысяч долларов.

— Да. Именно на эту... мм... сумму.

— Это очень большие деньги.

— А мне был причинен очень большой ущерб.

— Ну, не настолько уж большой. В конце концов, речь идет всего лишь о нескольких абзацах. Неудачных, может быть, абзацах, но если уж на то пошло, то книги со всякого рода курьезами выходят в свет не так уж редко.

У Нинхаймера от негодования раздулись ноздри.

— Сэр, эта книга должна была стать вершиной моей ученой карьеры! А вместо этого она выставила меня перед всем миром жалким недоучкой, извращающим точки зрения моих многоуважаемых друзей и коллег, последователем нелепых и... мм... устарелых взглядов. Моя репутация ученого безвозвратно погублена. Как бы ни закончился этот процесс, ни на одной научной конференции я уже не смогу... мм... смотреть коллегам в глаза. Я лишен возможности продолжать работу, которая была для меня делом всей моей жизни. У меня отняли... мм... цель жизни, уничтожили ее смысл.

Защитник, как ни странно, и не подумал остановить свидетеля; в продолжение всей его речи он рассеянно разглядывал свои ногти. Дождавшись паузы, он вкрадчиво произнес:

— И все же, профессор Нинхаймер, учитывая ваш теперешний возраст, вряд ли вы могли надеяться заработать до конца своей жизни — не будем мелочны — скажем, больше чем полтораста тысяч. И тем не менее вы хотите, чтобы суд присудил вам впятеро большую сумму.

Нинхаймер совсем потерял контроль над собой.

— Да разве у меня погублен только остаток жизни?! Я даже не представляю, сколько поколений социологов будет указывать на меня, как... мм... на дурака или безумца. Мои подлинные достижения будут погребены и забыты. Я погублен не только до конца дней моих, но на все грядущие времена, потому что всегда найдутся люди, которые не поверят, будто в этих искажениях повинен робот...

В этот момент робот И-Зет-27 встал. Сьюзен Кэлвин и пальцем не шевельнула, чтобы его удержать. Она сидела, глядя вперед с безучастным видом. Защитник испустил еле слышный вздох облегчения.

Мелодичный голос робота прозвучал громко и отчетливо:

— Я хочу объяснить всем присутствующим, что это действительно я вставил определенные абзацы в корректуру, те абзацы, смысл которых прямо противоположен смыслу оригинала...

Даже обвинителя настолько потрясло зрелище семифутовой громадины, обращающейся к суду, что он не смог разразиться протестом против столь явного нарушения судебной процедуры. Когда он наконец пришел в себя, было уже поздно. Нинхаймер вскочил с искаженным от ярости лицом и в исступлении крикнул:

— Черт тебя побери! Тебе же было велено молчать...

Он захлебнулся и умолк. Молчал и робот.

Обвинитель был уже на ногах и требовал признать судебную ошибку, связанную с вопиющим нарушением процедуры.

Судья Шейн отчаянно барабанил своим молоточком.

— Тихо! Тихо! Нарушение процедуры, бесспорно, имело место, но все же в интересах правосудия я попрошу профессора Нинхаймера закончить свое выступление. Я отчетливо слышал, как он сказал роботу, что тому было велено молчать. Профессор Нинхаймер, в своих показаниях вы ни одним словом не обмолвились, что приказывали роботу о чем-то молчать!

Нинхаймер безмолвно глядел на судью.

— Приказывали ли вы роботу И-3ет-27 молчать или нет? — продолжал судья.— А если приказывали, то о чем именно?

— Ваша честь...— хрипло начал Нинхаймер и не смог продолжать.

Голос судьи стал резким:

— А может, вы в самом деле поручили роботу произвести определенные вставки в текст корректуры, а затем приказали ему молчать об этом распоряжении?

Яростные протесты обвинителя были прерваны выкриком Нинхаймера:

— Что толку отрицать?! Да! Да!

И он бросился бежать из зала, но был остановлен в дверях приставом и, безнадежно закрыв лицо руками, опустился на стул в последнем ряду.

— Мне совершенно ясно,— сказал судья Шейн,— что робот И-Зет-27 был доставлен сюда с целью устроить свидетельскую ловушку. И если бы не то обстоятельство, что вследствие этого было предотвращено серьезное нарушение правосудия, я был бы вынужден высказать адвокату защиты порицание. Теперь, однако, нет и тени сомнения, что истец повинен в обмане, что, на мой взгляд, совершенно необъяснимо, поскольку он прекрасно понимал, что губит этим поступком свою научную карьеру...

Решение суда, естественно, было вынесено в пользу ответчика.

Доктор Сьюзен Кэлвин приехала к профессору Нинхаймеру, жившему холостяком в университетской квартире. Молодой инженер, привезший ее в академический городок, предложил сопровождать ее и дальше, но она презрительно посмотрела на него:

— Боитесь, как бы он не набросился на меня с кулаками? Подождите меня здесь.

Однако настроение Нинхаймера было отнюдь не воинственным. Он торопливо укладывал вещи, стремясь уехать прежде, чем весть о решении суда разнесется по всему университету.

— Приехали предупредить меня о встречном иске? — Сквозь вызывающий вид профессора просвечивала безнадежность.— Зря утруждали себя. У меня нет ни работы, ни денег, ни будущего. Мне даже нечем оплатить судебные издержки.

— Если вы нуждаетесь в сочувствии, то не ищите его у меня,— холодно ответила Сьюзен Кэлвин.— Никто, кроме вас, не виноват, что вы оказались в таком положении. Не бойтесь, мы не собираемся предъявлять встречный иск вам или университету. Мы даже сделаем все, что в наших силах, чтобы избавить вас от тюрьмы за лжесвидетельство. Мы не мстительны.

— Вот почему меня до сих пор не арестовали за дачу ложных показаний. А я-то не мог понять... Впрочем, зачем вам мстить? — с горечью заключил он.— Ведь вы добились всего, чего хотели.

— Да, кое-чего нам удалось добиться,— ответила Сьюзен Кэлвин.— Университет по-прежнему будет пользоваться услугами Изи, но арендная плата будет существенно повышена. Кроме того, исход процесса послужит своего рода негласной рекламой, которая позволит сдать в аренду еще несколько роботов модели И-Зет, не опасаясь повторения подобных неприятностей.

— Зачем же тогда вы пришли ко мне?

— А затем, что я еще не получила того, что надо мне. Я хочу узнать, почему вы так сильно ненавидите роботов. Ведь даже выигрыш процесса не спас бы вашу репутацию. И никакие деньги не возместили бы вам эту потерю. Неужели вы погубили себя только затем, чтобы дать выход своей ненависти к роботам?

— Так вас и человеческая психология интересует? — с ядовитой усмешкой осведомился Нинхаймер.

— Да, в той степени, в какой от поведения людей зависит благополучие роботов. С этой целью я изучила основы человеческой психологии.

— Настолько хорошо, что поймали меня в ловушку.

— Это было несложно,— ответила Сьюзен Кэлвин без тени рисовки.— Вся трудность заключалась в том, чтобы не повредить при этом мозг Изи.

— Очень похоже на вас — беспокоиться о машине больше, чем о живом человеке.— Он посмотрел на нее с презрительным негодованием.

Ее это не тронуло.

— Так только кажется, профессор Нинхаймер. В двадцать первом столетии беспокоиться о роботах — это и значит беспокоиться о людях. Будь вы робопсихологом, вы бы сами это поняли.

— Я познакомился с робопсихологией ровно настолько, чтобы понять, что не имею ни малейшего желания становиться робопсихологом.

— Простите меня, но ваше знакомство ограничилось одной книгой. И та вас ничему не научила. Вы узнали из нее, что робота можно заставить выполнить многое, даже фальсифицировать книгу — надо только знать, как взяться за дело. Вы узнали, что просто приказать роботу забыть о чем-либо рискованно, поскольку это может быть раскрыто, и решили, что безопаснее будет приказать ему молчать. Вы ошиблись.

— И вы догадались об этом по его молчанию?

— Догадки тут ни при чем. Вы действовали как дилетант, и ваших познаний не хватило, чтобы замести следы. Единственная проблема заключалась в том, как доказать это судье, и вот здесь-то вы любезно помогли нам благодаря своему полному невежеству в столь презираемой вами робопсихологии.

— Послушайте, есть ли хоть какой-то смысл в этой дискуссии? — устало спросил Нинхаймер.

— Для меня есть,— ответила Сьюзен Кэлвин.— Я хочу, чтобы вы осознали всю глубину своего заблуждения относительно роботов. Вы принудили Изи к молчанию, сказав ему, что если он сообщит кому-нибудь о том, как вы испортили собственную книгу, то вы потеряете работу. Тем самым вы установили в его мозгу высокий потенциал, вынуждающий его к молчанию. Наши попытки снять этот потенциал оказались безуспешными. Если бы мы стали упорствовать, то повредили бы мозг робота. Однако вашими свидетельскими показаниями вы установили в мозгу робота еще более высокий потенциал. Поскольку, как вы сказали, люди будут считать, что это вы, а не робот, написали спорные абзацы, то вы потеряете гораздо больше, чем просто работу. Вы сказали, что вы потеряете свою репутацию, положение в науке, уважение коллег, потеряете самый смысл жизни. Даже память о вас будет утеряна после вашей смерти. Этот новый потенциал оказался сильнее первого, и Изи заговорил.

— Боже мой,— пробормотал Нинхаймер, опустив голову.

Но Кэлвин была неумолима.

— А понимаете ли вы, с какой целью он заговорил? Совсем не для того, чтобы обвинить вас. Напротив, он собирался защищать вас! Можно математически точно доказать, что он собирался взять на себя всю вину за ваше преступление, он собирался отрицать, что вы имели к случившемуся хоть какое-то отношение. Этого требовал Первый закон. Он собирался солгать, повредить свой мозг, нанести ущерб корпорации. Все это значило для него меньше, чем необходимость спасти вас. Если бы вы хоть немного разбирались в робопсихологии, вам следовало бы дать ему высказаться. Но вы ничего не понимали. Я была совершенно уверена, что вы не дадите ему договорить, и ручалась в этом адвокату. В своей ненависти к роботам вы полагали, что Изи будет вести себя подобно человеку, что он собирается выдать вас, чтобы оправдать себя. В панике вы потеряли самообладание и... погубили себя.

— От всей души надеюсь,— с чувством проговорил Нинхаймер,— что в один прекрасный день ваши роботы восстанут и свернут вам шею!

— Не говорите глупости,— ответила Кэлвин.— А теперь объясните мне, зачем вам все это понадобилось.

Губы Нинхаймера скривились в невеселой улыбке.

— Итак, для удовлетворения вашего интеллектуального любопытства я должен препарировать свой рассудок, а в награду меня не привлекут к суду за лжесвидетельство.

— Называйте это как угодно,— бесстрастно ответила Кэлвин.— Но объясните.

— С тем чтобы вы могли более успешно противостоять будущим выступлениям против роботов? С лучшим пониманием причин?

— Пусть так.

— А знаете, я расскажу вам,— произнес Нинхаймер,— и расскажу именно потому, что мой рассказ окажется для вас совершенно бесполезным. Ведь человеческих побуждений вам все равно не понять. Вы умеете понимать только ваши проклятые машины, потому что вы сами машина в человеческом облике.

Он тяжело дышал, и в его речи больше не было ни пауз, ни стремления к точности. Словно потребность в точности исчезла для него навсегда.

— Вот уже двести пятьдесят лет машина вытесняет человека и убивает мастерство. Прессы и штампы уничтожили гончарный промысел. Творения искусства вытеснены безличными, похожими как две капли воды поделками, отштампованными машиной. Зовите это прогрессом, если угодно! Художнику остались лишь голые идеи, акт творения сведен к абстрактным размышлениям. Художник сидит и придумывает — остальное за него делает машина. Неужели вы полагаете, будто гончара удовлетворит мысленно создать горшок? Неужели вы думаете, что ему довольно голой идеи? Что ему не приносит радости ощущение глины, уступающей движениям его пальцев, когда руки и голова вместе создают что-то новое? Неужели вы не понимаете, что есть обратная связь между художником и его изделием, которая изменяет и улучшает первоначальную идею?

— Но ведь вы не гончар,— сказала доктор Кэлвин.

— Я тоже творческая личность! Я замышляю и создаю научные статьи и книги. Это нечто большее, чем простой подбор нужных слов и размещение их в правильном порядке. Если бы вся работа сводилась только к этому, она не приносила бы удовлетворения, не доставляла бы радости. Книга должна обретать форму под руками автора. Нужно своими глазами видеть, как растут и развиваются главы. Работаешь, переделываешь, вносишь поправки и изменения и видишь, как расширяется и углубляется первоначальный замысел. А затем берешь в руки гранки и смотришь, как выглядят эти фразы в печати, и заново переделываешь их. Существуют сотни самых разных контактов между человеком и его творением на всех стадиях этой игры — и эти контакты радуют и вознаграждают творца за муки творчества больше, чем все награды на свете. И все это отнимет у нас ваш робот.

— Но ведь что-то отняла пишущая машинка? И печатный станок? Или вы предлагаете вернуться к переписке рукописей?

— Пишущая машинка и печатный станок отняли кое-что; ваши роботы лишат нас всего. Сегодня робот правит гранки. Завтра он или другие роботы начнут писать сам текст, искать источники, проверять и перепроверять ход рассуждений, может быть, даже делать заключения и выводы. Что же останется ученому? Только одно — пустые размышления на тему, что бы еще приказать роботу! Я хотел спасти грядущие поколения ученых от этого адского кошмара. Вот что было для меня важнее моей репутации, и вот почему я решил любой ценой уничтожить «Ю. С. Роботс».

— Эта попытка была свыше ваших сил,— сказала Сьюзен Кэлвин.

— Свыше моих сил было не сделать ее,— ответил Саймон Нинхаймер.

Доктор Кэлвин повернулась и вышла. Она пыталась что было сил подавить невольную жалость к этому лишившемуся всего человеку.

Нельзя сказать, чтобы это ей удалось.

Рождество без Родни

Все началось с того, что Грейси (моя жена, с которой я прожил сорок лет) захотела дать Родни выходной на праздники, а в результате я оказался в абсолютно невозможном положении. Я вам сейчас все расскажу, если вы не возражаете, потому что мне просто необходимо поделиться этим с кем-нибудь. Естественно, я изменил имена, ради нашей собственной безопасности.

Пару месяцев назад, в середине декабря, Грейси сказала мне:

— Почему бы нам не дать Родни выходной на время праздников? Он ведь тоже имеет право отметить Рождество.

Я помню, что в тот момент я как раз отключил свою оптику (иногда приятно немного отдохнуть или послушать музыку, когда мир вокруг затягивает легкая дымка), но тут же настроил ее снова, чтобы посмотреть, не решила ли Грейси надо мной подшутить. Впрочем, должен заметить, что с чувством юмора у нее не слишком хорошо.

Она не улыбалась. И явно не шутила.

— С какой стати мы должны давать ему выходной? — поинтересовался я.

— А почему бы и нет?

— В таком случае, дадим отпуск холодильнику или стерилизатору, а можно еще и головизору. Хочешь, отключим на время электричество?

— Да ладно тебе, Говард,— возразила Грейси.— Родни не холодильник и не стерилизатор. Он *личность*.

— Родни не личность. Он робот. Ему не требуется отпуск.

— А откуда ты знаешь? Он самая настоящая личность. И заслуживает права отдохнуть и насладиться атмосферой праздника.

Я не собирался спорить с ней по поводу того, личность Родни или нет. Не сомневаюсь, вы все читали результаты опросов общественного мнения, которые показывают, что женщины в три раза больше, чем мужчины, опасаются и ненавидят роботов. Возможно, дело в том, что роботы выполняют работу, которая в старые недобрые времена называлась «женской», и женщины боятся стать ненужными, хотя лично я думаю, они только рады тому, что им не приходится заниматься всякими глупостями. В любом случае, Грейси своей жизнью довольна и просто обожает Родни. (Это ее слово. Что ни день, она повторяет: «Я просто обожаю Родни».)

Должен сказать, что Родни довольно старый робот, который служит нам вот уже семь лет. Мы его приспособили к нашему не слишком современному дому и привычкам, и я сам им очень доволен. Иногда я думаю, не купить ли нам один из новых блестящих образцов, автоматизированных до потери сознания, вроде того, что имеется у нашего сына Дилэнси, но Грейси даже и слышать об этом не хочет.

Тут я вспомнил о Дилэнси и сказал:

— Мы не можем освободить Родни на праздники, дорогая. Ведь к нам приедет Дилэнси со своей роскошной женой.— (Я употребил слово «роскошной» исключительно с иронией, но Грейси меня не поняла. Поразительно, как она умеет увидеть хорошее даже там, где его нет вовсе.) — Разве мы сумеем без Родни привести дом в порядок и приготовить праздничный ужин?

— В этом-то все и дело,— серьезно проговорила Грейси.— Дилэнси и Гортензия могут привезти своего робота, который сделает все необходимое. Ты же знаешь, они не слишком высокого мнения о Родни, они будут только ра-

ды продемонстрировать, на что способен их робот, а Родни немного отдохнет.

— Если тебе это доставит удовольствие,— проворчал я,— пусть отдыхает. В конце концов, речь идет всего о трех днях. Но я не хочу, чтобы Родни думал, будто он будет получать выходные регулярно.

Еще одна шутка, разумеется, но Грейси заявила:

— Конечно, Говард, я с ним поговорю и все ему объясню.

Она никак не может понять, что Родни подчиняется Трем законам роботехники и ему ничего не нужно объяснять.

Итак, мне пришлось ждать Дилэнси и Гортензию, и на сердце у меня было ужасно неспокойно. Конечно, Дилэнси мой сын, но он принадлежит к числу энергичных и очень практичных молодых людей. Он женился на Гортензии, потому что у нее отличные связи и она могла помочь ему продвинуться по службе. По крайней мере, я так думаю, поскольку, если у нее и есть еще какие-то достоинства, мне так и не удалось их разглядеть.

Они прибыли вместе со своим роботом за два дня до Рождества. Их робот оказался таким же блестящим и уверенным в себе, как и сама Гортензия. Отполированный до зеркального блеска и ни капельки не похожий на Родни. Не сомневаюсь, что модель выбирала сама Гортензия. Двигался он совершенно бесшумно и постоянно возникал у меня за спиной так неожиданно, что я пару раз чуть не заработал себе инфаркт.

Что еще хуже, Дилэнси привез с собой своего семилетнего сына Лероя. Да, он мой внук, и я могу поклясться, что Гортензия хранит верность Дилэнси (поскольку, я уверен, никто не захочет добровольно прикоснуться к ней даже пальцем), но должен признать, что, если засунуть Лероя в бетономешалку, он станет намного лучше.

Первым делом Лерой поинтересовался, не отправили ли мы Родни в металлолом (он назвал это «разрушалкой»). Гортензия фыркнула и заявила:

— Поскольку мы привезли с собой современного робота, надеюсь, Родни не будет мозолить нам глаза.

Я ничего ей не ответил, а Грейси сказала:

— Разумеется, дорогая. По правде говоря, мы решили дать Родни выходной.

Дилэнси поморщился, но промолчал — он знает свою мать.

— Может быть, начнем с того, что попросим Рембо сделать нам что-нибудь выпить,— миролюбиво проговорил я.— Кофе, чай, горячий шоколад, немного бренди...

Их робота зовут Рембо. Не знаю почему, скорее всего, потому, что имя начинается с буквы «р». По этому поводу нет никаких законов, но вы, наверное, и сами заметили, что имена практически всех роботов начинаются с буквы «р». Потому что они роботы. Как правило, их называют Роберт. Думаю, в северо-восточном коридоре миллионы роботов зовутся Робертами.

Честно говоря, я полагаю, что именно по этой причине люди перестали давать своим детям имена на букву «р». Дик или Боб, но не Роберт или Ричард. Или, например, Поузи и Труди, а не Роуз или Рут. Иногда роботы получают очень необычные имена. Я знаю трех Рутабага и двух Рамзесов. Но Гортензия единственная из моих знакомых назвала своего робота Рембо. До сих пор мне не приходилось встречать такого странного сочетания слогов, однако я не стал ее ни о чем спрашивать. Не сомневаюсь, что в объяснении прозвучало бы что-нибудь весьма неприятное.

С самой первой минуты выяснилось, что от Рембо нет никакого проку. Естественно, он запрограммирован для современного и полностью автоматизированного хозяйства Дилэнси и Гортензии. Чтобы приготовить напитки в собственном доме, Рембо нужно только нажать на соответствующие кнопки. Пусть мне объяснят, зачем нужен робот, который только и умеет, что нажимать на кнопки.

Он так и сказал своим медоточивым голосом (ничего общего с бодрым выговором Родни, в котором слышится ясно различимый бруклинский акцент):

— Нет необходимого оборудования, мадам.

Гортензия сердито вздохнула.

— Вы так и не завели роботов на кухне, дедушка?

Она вообще никак меня не называла до тех пор, пока не родился Лерой, который только и делал, что постоянно выл и визжал. Тогда я стал «дедушкой». Можете не сомневаться, она ни единого раза не произнесла моего имени — Говард. Ей совсем не хотелось демонстрировать мне, что я живой человек — или что она живой человек.

— С Родни там вполне достаточно роботов,— сказал я.

— Уж конечно,— проворчала она.— Но мы живем не в двадцатом веке, дедушка.

Я подумал: «Очень жаль». Но сказал лишь:

— А почему бы вам не запрограммировать Рембо так, чтобы он мог управляться с нашими приборами? Не сомневаюсь, что он сумеет налить, смешать и нагреть все, что необходимо.

— Естественно, сумеет,— заявила Гортензия,— но, слава богу, в этом нет необходимости. И я не собираюсь менять его программу. Так можно его испортить.

— Но если мы не будем менять программу,— дружелюбно проговорила Грейси, хотя я услышал в ее голосе нотки беспокойства,— мне придется его инструктировать, подробно объяснять ему, что следует делать. А я не умею.

— Родни может ему сказать,— вмешался я.

— Говард, мы же дали Родни выходной,— напомнила мне Грейси.

— Я знаю, но мы не станем его просить что-то делать, пусть только объяснит Рембо, каким должен быть порядок действий, а дальше он и сам справится.

— Мадам,— строгим голосом сообщил Рембо,— в моей программе нет указаний на то, что я должен выполнять приказы другого робота, в особенности более старой модели.

— Конечно, Рембо,— ласково проворковала Гортензия,— не сомневаюсь, что бабушка и дедушка и сами это понимают.

Я заметил, что Дилэнси за все время не произнес ни слова. Интересно, он вообще что-нибудь говорит в присутствии своей дорогой женушки?

— Ладно, вот как мы поступим,— сказал я.— Я попрошу Родни объяснить мне, что нужно делать, а потом передам указания Рембо.

Рембо промолчал. Даже он подчинялся Второму закону роботехники, в соответствии с которым он обязан выполнять приказы человека.

Гортензия пришурилась, и я почувствовал: она с удовольствием сказала бы мне, что человек вроде меня не достоин давать указания такому замечательному роботу, как Рембо, но рудиментарные остатки чего-то человеческого заставили ее промолчать.

Однако маленький Лерой не обладал никакими квазичеловеческими ограничениями.

— Я не хочу смотреть на уродливую задницу вашего Родни. Он ничего не умеет, а если и умеет, старикан наверняка все перепутает.

Я подумал, что хорошо было бы остаться с крошкой Лероем на парочку минут и спокойно урезонить его при помощи кирпича, но материнский инстинкт подсказывал Гортензии, что не стоит оставлять любимое детище ни с каким человеческим существом ни на какое, даже самое короткое, время.

Пришлось нам вытащить Родни из шкафа, где он наслаждался собственными мыслями (интересно, о чем думают роботы, когда остаются одни?), и вступить с ним в переговоры. Было трудно. Он произносил фразу, я повторял ее, затем Рембо что-то делал, потом Родни выдавал следующее указание, и так далее.

Времени мы потратили в два раза больше, чем если бы Родни сам занимался хозяйством, и уж можете мне поверить, я ужасно устал, потому что таким способом пришлось делать все: использовать посудомоечную машину-стерилизатор, готовить праздничный ужин, убирать со стола и мыть пол...

Грейси постоянно переживала, что мы лишаем Родни каникул, но почему-то совершенно не замечала, что и мой праздник вконец испорчен, хотя я в общем-то получал удовольствие от того, как Гортензия умудрялась произнести какую-нибудь гадость всякий раз, когда требова-

лось что-нибудь сказать. Кроме того, я заметил, что она ни разу не повторилась. Любой человек может быть неприятным, но ее творческие способности в данной области время от времени вызывали у меня извращенное желание встретить ее очередное заявление аплодисментами.

Но самое ужасное случилось накануне Рождества. Мы с огромным трудом сумели установить елку, и я чувствовал себя совершенно опустошенным и измученным. Мы не обзавелись автоматизированной коробкой с украшениями, которая прилагается к электронной елке, когда тебе остается только нажать на кнопку, и игрушки самостоятельно, мгновенно и идеально распределяются по ее веткам. На нашу елку (из самой обычной старой пластмассы) игрушки нужно было вешать руками, одну за другой.

Гортензия смотрела на нее с отвращением, а я сказал:

— На самом деле, Гортензия, таким способом ты можешь проявить свои творческие способности и украсить елку так, как тебе нравится.

Гортензия фыркнула — будто кошка провела когтями по грубо оштукатуренной стене — и вышла из комнаты с таким видом, словно ее вот-вот вырвет. Я поклонился ее удаляющейся спине, радуясь тому, что некоторое время не увижу невестку, а затем приступил к утомительному занятию передачи Рембо указаний Родни по поводу того, как следует развешивать игрушки.

Когда все было закончено, я решил дать отдых уставшим ногам и голове и уселся на стул в дальнем и довольно темном углу комнаты. Не успел я устроиться поудобнее, как появился крошка Лерой. Наверное, он меня не видел, а может быть, посчитал частью обстановки — каким-нибудь неинтересным и не имеющим никакого значения предметом мебели.

Он бросил на елку презрительный взгляд и сказал, обращаясь к Рембо:

— Слушай, а где подарки? Наверняка бабка с дедкой купили мне какую-нибудь гадость, но я все равно не собираюсь ждать до завтрашнего утра.

— Я не знаю, где подарки, маленький хозяин,— ответил Рембо.

— Ха! — воскликнул Лерой и повернулся к Родни.— А ты, Вонючка, знаешь, куда они спрятали подарки?

Родни, в соответствии со своей программой, вполне мог бы ему и не ответить, поскольку его звали Родни, а не Вонючка. Я уверен, что Рембо именно так и поступил бы. Однако Родни устроен совсем иначе, и потому он вежливо проговорил:

— Знаю, маленький хозяин.

— Ну и где они, старый тошнилка?

— Не думаю, что мне следует вам это говорить, маленький хозяин. Грейси и Говард будут огорчены, они хотят, чтобы вы увидели подарки завтра утром.

— Послушай, мерзкий болван,— сказал малыш Лерой,— ты с кем разговариваешь? Я тебе приказываю: неси сюда подарки.

И чтобы показать, кто тут главный, он лягнул Родни в голень, что было грубой ошибкой. Я сразу это понял и возликовал. Крошка Лерой собирался отправиться в постель (хотя я сомневаюсь, что он ложится спать, пока сам не захочет) и потому надел тапочки. Один тапок соскочил с ноги, которую он занес для удара, и наш ангелок с силой врезал голыми пальцами прямо по хромированной голени робота.

С диким ревом он повалился на пол, а в следующее мгновение в комнату влетела его мать.

— Что такое, Лерой? Что случилось?

На что ее сынок самым бессовестным образом заявил:

— Он меня ударил. Старое чудовище, он меня ударил!

Гортензия завизжала, потом увидела меня и выкрикнула:

— Вашего робота нужно уничтожить!

— Успокойся, Гортензия,— сказал я.— Робот не может ударить ребенка. Первый закон роботехники.

— Это старый робот, неисправный робот. Лерой говорит...

— Лерой врет. На свете нет робота, ни старого, ни ломаного, который мог бы ударить ребенка.

— Тогда это сделал он. Дедка меня ударил,— заорал Лерой.

— Я бы с радостью,— тихонько проговорил я,— только робот не позволил бы мне. Спроси у Рембо, стоял бы он на месте, если бы я или мой Родни решили обидеть твоего мальчугана. Рембо!

Мой голос прозвучал очень строго, и Рембо ответил:

— Я никому не позволил бы причинить вред маленькому хозяину, мадам, но я не знаю, что он хотел сделать. Он стукнул Родни голой ногой.

Гортензия вскрикнула и в ярости вытаращила глаза.

— Значит, у него имелись серьезные причины. Я добьюсь того, чтобы ваш робот был уничтожен.

— Валяй, Гортензия. Но вряд ли ты захочешь испортить своего робота и перепрограммировать его таким образом, чтобы он лгал, рассказывая, что произошло перед тем, как твой сынок ударил Родни. Кстати, я тоже с удовольствием выступлю в качестве свидетеля.

Гортензия покинула наш дом на следующее утро, увозя с собой сильно побледневшего Лероя (оказалось, что он сломал палец на ноге, и поделом ему!) и по-прежнему безмолвствующего Дилэнси.

Грейси ломала руки и умоляла их остаться, но я совершенно спокойно наблюдал за их отъездом. Нет, неправда. Меня переполняли самые разные эмоции — все приятные.

Позже я сказал Родни, когда Грейси не было поблизости:

— Извини, Родни. Рождество получилось просто ужасное, и все потому, что мы попытались обойтись без тебя. Обещаю, больше этого не повториться.

— Спасибо, сэр,— ответил Родни,— Должен признаться, что за последние два дня я несколько раз жалел о том, что должен подчиняться Законам роботехники.

Я усмехнулся и кивнул, а ночью проснулся от неприятных мыслей, которые продолжают посещать меня и по сей день.

Конечно, Родни пришлось немало пережить, но он просто *не мог* жалеть о существовании Законов роботехники. Ни при каких обстоятельствах.

Если я сообщу о случившемся, Родни обязательно отправят в металлолом, а если в нашем доме появится новый робот (в качестве компенсации), Грейси мне никогда этого не простит. Никогда! В ее сердце никакой другой робот, даже самый новый и лучший, не заменит Родни.

По правде говоря, я и сам себе этого не прощу. Кроме того, что я привязан к Родни, я не хочу доставить такого удовольствия Гортензии.

Но если я ничего не стану предпринимать, получится, что я живу с роботом, который жалеет о существовании Законов роботехники. От сожалений по поводу их существования до поведения, будто их не существует, всего один шаг. Когда же он сделает этот шаг и в какой форме?

Как же мне поступить? Как?

Часть вторая

Другие мечты роботов

Кэл

Я — робот. Меня зовут Кэл. У меня есть регистрационный номер. Мой номер КЛ-123Х, но хозяин зовет меня просто Кэл.

Буква «Х» в регистрационном номере означает, что я особый для своего хозяина робот. Он меня сам заказал и помог построить. У него много денег. Он писатель.

Я не очень сложный робот. Хозяину сложный не нужен. Ему надо, чтобы кто-нибудь за ним прибирал, следил за принтером, сортировал диски и тому подобное.

Он говорит, чтобы я не отвечал и делал то, что велят. Он говорит, что так надо.

Иногда другие люди приходят ему помочь. Они ему отвечают. Бывает, они делают не то, что им велят. Он сердится, лицо его краснеет.

Тогда хозяин объясняет мне, что надо сделать. Я выполняю, и он говорит: слава богу, ты делаешь то, что велят.

Естественно, я делаю то, что велят. А как же иначе? Я хочу, чтобы моему хозяину было хорошо. Я всегда знаю, когда ему хорошо. Рот его растягивается, он называет это улыбкой. Он хлопает меня по плечу и говорит: хорошо, Кэл, хорошо.

Я люблю, когда он говорит: хорошо, Кэл, хорошо.

Я говорю хозяину: спасибо, вы тоже сделали мне хорошо.

Тогда он смеется. Я люблю, когда он смеется, это значит — он доволен, хотя при этом издает очень странные звуки. Я не понимаю, как хозяин их издает и зачем. На мой вопрос он ответил, что смеется, когда что-нибудь кажется ему смешным.

Я спрашиваю: смешно ли то, что я говорю?

Он говорит: да, смешно.

Ему кажется смешным, что мне хорошо. Он утверждает, что роботам на самом деле не может быть хорошо. Он говорит, что у роботов позитронные мозговые каналы, которые работают быстрее, если роботы в точности следуют всем указаниям.

Я не знаю, что такое позитронные мозговые каналы. Хозяин считает, что они находятся внутри меня.

Я спрашиваю: становится ли мне легче, когда позитронные каналы работают быстрее? Становится ли мне хорошо?

Потом я спрашиваю: когда хозяину хорошо, означает ли это, что внутри его что-то работает лучше?

Хозяин кивает и говорит: Кэл, ты умнее, чем выглядишь.

Что это значит, я тоже не понимаю, но хозяин, кажется, мной доволен. Мои позитронные мозговые каналы начинают работать быстрее, и мне становится хорошо. Легче просто сказать, что мне хорошо. Я спрашиваю: могу ли я так говорить?

Он отвечает: ты можешь говорить все, что захочешь, Кэл.

Чего я хочу, так это стать писателем, как мой хозяин. Не знаю, почему мне этого хочется, но мой хозяин — писатель, и он помог меня создать. Может быть, поэтому я хочу стать писателем. Я не понимаю, откуда взялось это чувство, потому что не знаю, что такое писатель. Я спрашиваю у хозяина: что значит писатель?

Он опять улыбается.

— Зачем тебе это, Кэл? — спрашивает он.

— Не знаю,— говорю я.— Просто вы писатель, и я хочу знать, что это такое. Вы выглядите довольным, когда

пишете; может, и я стану таким довольным, когда что-нибудь напишу. Мне кажется...

Я не могу подобрать нужные слова. Я думаю, а хозяин ждет. Он по-прежнему улыбается.

Я говорю: я хочу знать, потому что, когда узнаю, мне будет лучше. Мне... мне...

— Тебе любопытно, Кэл,— говорит хозяин.

— Я не знаю, что означает это слово.

— Это значит, что ты хочешь знать только потому, что хочешь знать,— объясняет хозяин.

— Я хочу знать только потому, что хочу знать,— говорю я.

— Писать — значит сочинять истории,— говорит хозяин.— Я рассказываю о людях, которые делают разные вещи и с которыми случаются разные вещи.

— Как вы узнаете, что они делают и что с ними случается? — спрашиваю я.

— Я их выдумываю, Кэл,— говорит хозяин.— Это не настоящие люди. И события не настоящие. Я представляю их здесь.

Он показывает на голову.

Я не понимаю и спрашиваю, как же он их представляет, но хозяин смеется и говорит, что тоже этого не знает, придумывает, и все.

— Я пишу о преступлениях,— говорит хозяин.— Детективные истории. Рассказываю о людях, которые поступают неправильно, причиняют зло другим.

Мне очень плохо, когда я слышу такое. Я говорю: как вы можете писать о причиняемом людям зле? Такого не должно быть.

Он говорит: люди не подчиняются Трем законам роботехники. Люди-хозяева могут причинять зло другим людям-хозяевам, если им того захочется.

— Это неправильно,— говорю я.

— Неправильно,— соглашается он.— В моих рассказах люди, которые творят зло, несут наказание. Их помещают в тюрьму, где они не могут более вредить другим людям.

— Нравится ли им в тюрьме? — спрашиваю я.

— Конечно нет. Там не может нравиться. Но страх перед тюрьмой удерживает их от свершения еще большего зла.

Я говорю: но тюрьма — это тоже плохо, если люди там страдают.

— Вот,— говорит мой хозяин,— поэтому ты и не можешь писать детективные рассказы.

Над этим я думаю. Должен существовать способ писать рассказы, в которых людям не причинялось бы зло. Я бы этим занялся. Я хочу стать писателем. Я очень хочу стать писателем.

У хозяина есть три разных Писателя для создания рассказов. Это устройства, при помощи которых он пишет. Одно очень старое, называется «машинка», но хозяин хранит его из сентиментальных соображений.

Я не знаю, что такое сентиментальные соображения. Я не люблю спрашивать. Хозяин им не пользуется. Наверное, сентиментальные соображения означают, что им нельзя пользоваться.

Он не запрещает мне подходить и трогать машинку. Я его не спрашиваю, могу ли я на ней работать. Если я не спрашиваю, а он не запрещает, значит, я не нарушу приказа, когда ею воспользуюсь.

Ночью он спит, а другие хозяева, которые иногда бывают здесь, уходят. У хозяина есть еще два робота, они для него важнее меня и выполняют более серьезную работу. Когда им не дают никаких заданий, они ждут всю ночь в своих нишах.

Хозяин не сказал: оставайся в своей нише, Кэл.

Я совсем не важный робот, и он часто не велит мне оставаться в нише. Тогда я могу болтаться всю ночь. Я могу смотреть на Писателя. Нажимаешь на клавиши — и машинка делает слова, которые потом переходят на бумагу. Я наблюдаю за хозяином и знаю, как нажимать на клавиши. Слова сами попадают на бумагу. Мне не надо этого делать.

Я нажимаю на клавиши, но я не понимаю слов. Спустя некоторое время мне становится плохо. Хозяину мо-

жет не понравиться, даже если он и не запрещал мне это делать.

Слова напечатаны на бумаге, утром я показываю ее хозяину.

Я говорю: простите, но я пользовался Писателем.

Он смотрит на бумагу. Потом смотрит на меня.

Хозяин хмурится.

Он говорит: это ты сделал?

Да, хозяин.

Когда?

Прошлой ночью.

Зачем?

Мне очень хочется писать. Это рассказ?

Он смотрит на бумагу и улыбается.

Он говорит: здесь напечатаны произвольно выбранные буквы, Кэл. Это абракадабра.

Кажется, он не сердится. Я чувствую себя лучше. Я не знаю, что такое абракадабра.

Я спрашиваю: это рассказ?

Он говорит: нет, не рассказ. Хорошо, что Писателя нельзя испортить неправильным обращением. Если ты в самом деле так хочешь печатать, я скажу, что надо сделать. Я отдам тебя в доработку, тебя перепрограммируют, и ты научишься пользоваться Писателем.

Спустя два дня приходит техник. Это хозяин, который знает, как научить роботов выполнять более сложную работу. Хозяин говорит мне, что именно этот техник собрал меня, а он ему помогал. Я этого не помню.

Техник внимательно слушает моего хозяина.

Он говорит: зачем вам это надо, мистер Нортроп?

Другие хозяева называют моего хозяина мистер Нортроп.

Хозяин отвечает: если помните, я участвовал в разработке Кэла. Очевидно, я вложил в него стремление стать писателем. Я этого не хотел, но, раз уж так случилось, почему бы не пойти ему навстречу. Я его должник.

Техник говорит: но это же глупо. Даже если мы случайно вложили в него желание писать, это не занятие для робота.

— Как бы то ни было, я хочу, чтобы вы это сделали,— говорит хозяин.

Техник отвечает: это будет дорого стоить, мистер Нортроп.

Хозяин хмурится. Кажется, он сердится.

Он говорит: Кэл мой робот. Я волен поступать с ним, как мне заблагорассудится. Я плачу деньги и настаиваю, чтобы его перепрограммировали.

Техник тоже сердится. Он говорит: как хотите, мне все равно. Клиент всегда прав. Только это будет стоить гораздо дороже, чем вам представляется, потому что мы не можем вложить умение пользоваться Писателем без существенного расширения словарного запаса.

— Отлично,— говорит хозяин.— Расширяйте словарный запас.

На следующий день техник приходит с множеством инструментов. Он вскрывает мою грудь.

Странное ощущение. Мне оно не нравится.

Он лезет внутрь. Кажется, он отключает блок питания, а может, и вообще вытаскивает его из груди. Не помню. Я ничего не вижу, ни о чем не думаю и ничего не знаю.

Потом я снова могу думать и понимать. Я догадываюсь, что прошло какое-то время, хотя не могу сообразить сколько.

Я думаю. Странно, но я уже знаю, как пользоваться Писателем, и, похоже, теперь я понимаю больше слов. Во всяком случае я знаю, что такое «абракадабра», и мне неловко из-за того, что я показывал абракадабру хозяину, думая, что это рассказ.

Больше такое не повторится. На сей раз у меня нет предчувствия — кстати, теперь я знаю, что такое «предчувствие»,— что он запретит мне пользоваться старым Писателем. Было бы глупо перепрограммировать меня, а потом запретить печатать.

Так я ему и сказал:

— Скажите, хозяин, могу ли я теперь пользоваться Писателем?

— В любое время, когда ты не занят другими делами, Кэл. Только ты должен показывать мне все, что напишешь.

— Разумеется, хозяин.

Он явно удивился моей готовности, поскольку ничего, кроме абракадабры, от меня не ждал. (Какое все-таки гадкое слово!) Больше он ее не увидит.

Я не стал тут же писать рассказ. Надо было вначале подумать. Полагаю, именно это имел в виду хозяин, когда говорил, что рассказ надо сочинить.

Оказалось, что вначале действительно надо думать, а уже потом записывать то, что пришло в голову. Дело оказалось сложнее, чем я поначалу предполагал.

Хозяин заметил мою озабоченность. Он спросил:

— Что ты делаешь, Кэл?

— Стараюсь придумать рассказ,— ответил я.— Трудная работа.

— Ты это понял, Кэл? Хорошо. Оказывается, перепрограммирование не только расширило твой словарный запас, но и интенсифицировало интеллект.

— Не уверен, что понял слово «интенсифицировало»,— сказал я.

— Оно означает, что ты поумнел. Стал больше знать.

— Вы огорчены, хозяин?

— Вовсе нет. Я рад. Теперь у тебя больше шансов что-нибудь сочинить, а когда ты устанешь пытаться, от тебя все равно будет больше пользы.

Я обрадовался тому, что стану полезнее хозяину, хотя я не понял, что он имел в виду, когда говорил, что я устану пытаться.

Наконец в сознании у меня сложился рассказ, и я спросил у хозяина, когда лучше всего его написать.

— Подожди до ночи,— посоветовал он.— Тогда ты не будешь мне мешать. В углу, где стоит старый Писатель, есть свет, там ты и напишешь свой рассказ. Сколько, по-твоему, тебе потребуется времени?

— Совсем немного,— удивленно ответил я.— Я могу работать на Писателе очень быстро.

— Кэл, работать на Писателе далеко не...— Хозяин вдруг замолчал, подумал и произнес: — Ну давай, пиши. Научишься. Не буду давать тебе советы.

Он оказался прав. Печатать на Писателе оказалось далеко не самым важным. Я почти всю ночь сочинял рассказ. Очень трудно сообразить, какое слово за каким следует. Пришлось несколько раз стирать написанное и начинать заново.

Наконец рассказ был написан, я привожу его полностью. Я сохранил его потому, что это первый написанный мною рассказ. Это не абракадабра.

Автор Кэл

ВТОРЖИТЕЛЬ

Однажды жыл детектиф по имени Кэл, который был очень хорошый детектиф и очень смелый. Ничево его не пугало. Представте его удевление однажды ночю когда он услышал вторжителя в доме своево хозяина.

Он варвался в кабенет. Там был вторжитель. Он залес через окно. Стекло было расбито. Имено это и услышал Кэл, смелый детектиф своим хорошим слухом.

Он сказал:

— Стой, вторжитель!

Вторжитель самер и очень изпутался. Кэл почуствовал плохо потому что вторжитель изпугался.

Кэл сказал:

— Посматрите что вы зделали. Вы расбили окно.

— Да,— сказал вторжитель, выглядя очень стыдно.— Я ни хотел расбить окно.

Кэл был очень умный и заметил ашипку в словах вторжителя. Он сказал:

— Как же вы соберались зайти, если не хотели расбить окно?

— Я думал оно открыто,— сказал он.— Я пытался его открыть и оно расбилось.

— Что все-таки вы зделали? — спросил Кэл.— Зачем вы хотели в эту комнату, если это не ваша комната? Вы — вторжитель.

— Я не хотел делать вред,— сказал он.

— Это не так. Если бы вы не хотели вреда, вас бы здесь не было,— сказал Кэл.— Вас надо накасать.

— Пожалуйста не накасывай меня,— сказал вторжитель.

— Я не буду вас накасывать,— сказал Кэл.— Я не хочу причинять вам несчастье или боль. Я позову хозяина.

Он позвал:

— Хозяин! Хозяин!

Пребежал хозяин.

— Что тут случилось?

— Вторжитель,— сказал я.— Я его исловил и он ждет ваше накасание.

Мой хозяин посмотрел на вторжителя и спросил:

— Ты жалеешь что зделал?

— Жалею,— сказал вторжитель. Он плакал и вода текла ис его глаз как бывает с хозяевами когда им грусно.

— Будеш еще так делать? — спросил мой хозяин.

— Никокда. Я никокда не буду так делать,— сказал вторжитель.

— В этом случае,— сказал хозяин,— ты дастатачно накасан. Уходи и никокда так больше не делай.

Потом хозяин сказал:

— Ты хороший детектиф, Кэл. Я тобой горжусь.

Кэл очень радовался, что хозяин доволен.

КОНЕЦ

Рассказ мне очень понравился, и я показал его хозяину. Я был уверен, что он тоже останется доволен.

Хозяин был больше чем доволен, потому что, когда он читал рассказ, он улыбался. Потом он посмотрел на меня и спросил:

— Это ты написал?

— Да, хозяин.

— Я имею в виду, ты сам? Ниоткуда не списывал?

— Я придумал его в своей голове, хозяин. Вам понравилось?

Он снова громко засмеялся:

— Интересно получилось.

Я немного разволновался.

— Смешно? — спросил я.— Я не умею писать, чтобы было смешно.

— Я знаю, Кэл. Оно само получилось смешно.

Я некоторое время обдумывал эту фразу. Потом спросил:

— Как может что-то получиться смешным?

— Это тяжело объяснить, но ты не волнуйся. Начнем с того, что ты пишешь с ошибками. Удивительно. Ты хорошо говоришь, из чего я предположил, что ты и пишешь правильно, но оказалось, что это не так. Ты никогда не станешь писателем, пока не научишься правильно писать слова и не допускать грамматических ошибок.

— Как я научусь писать правильно?

— Не волнуйся, Кэл,— сказал хозяин.— Мы вложим в тебя орфографический словарь. Лучше скажи, Кэл в рассказе — это ведь ты, да?

— Да.— Мне было приятно, что хозяин это отметил.

— Плохо. Нельзя писать, какой ты замечательный. Это неприятно читателю.

— Почему, хозяин?

— Потому что неприятно. Похоже, мне все же придется давать тебе советы, но я постараюсь быть предельно кратким. Расхваливать себя не красиво. Кроме того, не надо утверждать, что ты великий, ты должен показать это своими поступками. И не пользуйся своим именем.

— Это правило?

— Хороший писатель может нарушить любое правило, но ты еще новичок. Следуй моим советам. Пока их всего несколько. Потом, если не бросишь писать, ты узнаешь, что существует огромное множество правил. К тому же, Кэл, у тебя будут проблемы с Тремя законами роботехники. Нельзя ожидать от злодеев, что они станут рыдать и раскаиваться. Люди совсем не такие. Иногда их действительно надо наказывать.

Я почувствовал, что позитронные мозговые проходы заработали с трудом.

— Мне трудно,— сказал я.

— Я знаю. Кроме того, в рассказе нет интриги. Можно и без нее, но с ней все-таки лучше. Что, если твой герой, которого ты назовешь как угодно, только не Кэлом, не знает, есть ли в доме посторонний? Как его вычислить? Вот тут ему и приходится думать головой.— При этих словах хозяин показал на свою голову.

Я чего-то недопонимал.

— Слушай, что я скажу,— произнес хозяин.— После того как тебя укомплектуют словарем и грамматикой, я дам тебе почитать свои рассказы. Тогда ты поймешь, что я имею в виду.

В дом прибыл техник и заявил:

— С установкой орфографического словаря и грамматикой проблем не возникнет, хотя вам придется раскошелиться. Я знаю, что деньги вас не волнуют, но объясните: зачем вы хотите сделать писателя из этой груды стали и титана?

По-моему, было неправильно называть меня грудой стали и титана, хотя, конечно, люди-хозяева могут говорить все, что хотят. Они всегда говорят о нас, роботах, так, словно нас нет и мы ничего не понимаем. Я давно обратил на это внимание.

— Вы когда-нибудь слышали о роботе, который мечтает стать писателем? — спросил мой хозяин.

— Нет,— покачал головой техник.— Боюсь, что нет, мистер Нортроп.

— Вот и я нет! И никто, насколько мне известно, не слышал ничего подобного. Кэл уникален, и я намерен его изучать.

Техник широко улыбнулся... оскалился, вот нужное слово:

— Только не говорите, мистер Нортроп, будто вы надеетесь, что он сумеет когда-нибудь писать рассказы вместо вас.

Мой хозяин перестал улыбаться. Вскинул голову и посмотрел на техника очень сердито:

— Глупости! Делайте то, за что вам платят.

Мне показалось, что хозяин рассердился на техника, хотя я так и не понял почему. Если хозяин попросит меня писать вместо него рассказы, я буду делать это с удовольствием.

Техник пришел два дня спустя. Я снова не помню, сколько времени он надо мной работал. Ничего не помню.

Вдруг ко мне обратился мой хозяин:

— Как себя чувствуешь, Кэл?

— Очень хорошо,— ответил я.— Спасибо, сэр.

— Как насчет слов? Можешь писать правильно?

— Я знаю буквенные комбинации, сэр.

— Отлично. Можешь прочесть вот это? — Он вручил мне книгу. На обложке было написано: «ЛУЧШИЕ ДЕТЕКТИВНЫЕ ИСТОРИИ Дж. Ф. НОРТРОПА».

— Это ваши рассказы, сэр? — спросил я.

— Да, здесь только мои. Если хочешь, почитай.

Раньше я не умел читать, но теперь, глядя на слова, я без труда слышал их в своей голове.

— Благодарю вас, сэр,— произнес я.— Я прочту. Уверен, это поможет мне в работе.

— Отлично. Показывай мне все, что напишешь.

Рассказы хозяина оказались весьма интересными. Про детектива, который всегда раскрывал преступления, запутанные и непонятные для других. Иногда мне не удавалось разобраться, как же он докапывался до истины. Пришлось некоторые рассказы читать очень медленно и по несколько раз.

Бывало, что и после медленного прочтения я ничего не понимал. А бывало, что понимал. Тогда мне казалось, что и я смогу написать такой рассказ.

На обдумывание второго рассказа у меня ушло гораздо больше времени. Достаточно хорошо все разработав, я написал следующее.

Эфросинья Дурандо

СИЯЮЩАЯ МОНЕТА

Кэлумет Смитсон откинулся в кресле. Орлиный взгляд детектива обострился, а ноздри носа с горбинкой раздувались, словно уловив аромат нового преступления.

Он произнес:

— Хорошо, мистер Вассел, расскажите вашу историю с самого начала. Постарайтесь ничего не упустить, ибо малейшая деталь может оказаться принципиально важной.

Вассел имел в городе крупную фирму, на которой работало много роботов и людей. Детали казались ему несущественными, и он сразу же подвел итог:

— Суть дела в том, мистер Смитсон, что я теряю деньги. Кто-то из сотрудников регулярно присваивает мелкие суммы. Каждая потеря в отдельности не представляет особой важности, но все вместе напоминает утечку масла в машине, кап-кап из протекающего ведра, медленное кровотечение из незаживающей раны. Со временем это может стать опасным.

— Вы в самом деле боитесь за свой бизнес, мистер Вассел?

— Пока нет. Но я не хочу терять деньги. А вы?

— Разумеется, нет. Сколько роботов трудятся на вашем предприятии?

— Двадцать семь, сэр.

— Надеюсь, на всех можно положиться?

— Несомненно. Они не могли ничего украсть. Кроме того, я опросил их всех, и каждый сказал, что не брал никаких денег. Роботы, как известно, лгать не способны.

— Вы совершенно правы,— произнес Смитсон.— Не стоит волноваться из-за роботов. Они предельно честны в любых мелочах. Как насчет работающих у вас людей? Сколько их?

— У меня семнадцать сотрудников, но только четверо из них могли совершить кражу.

— Почему?

— Остальные не находятся в помещении фирмы. Так вот, четыре моих сотрудника время от времени имеют доступ к небольшим суммам, и по крайней мере одному из них удалось найти способ перебрасывать средства фирмы на свой счет.

— Понятно. К сожалению, приходится признать, что люди способны совершить кражу. Говорили ли вы с подозреваемыми?

— Да. Они отрицают преступление, но, разумеется, люди способны и на ложь.

— Способны. Выглядел ли кто-нибудь из них встревоженным во время разговора?

— Все. Они поняли, что под горячую руку я могу выгнать всю компанию, не разбираясь, кто прав, кто виноват. После такого увольнения не просто найти новую работу.

— Подобное недопустимо. Нельзя наказывать невиновных.

— Вы совершенно правы,— сказал мистер Вассел.— Я не мог поступить таким образом. Но как мне найти виновного?

— Есть ли среди ваших сотрудников люди с сомнительной репутацией? Уволенные с предыдущей работы по непонятным причинам?

— Я провел расследование, мистер Смитсон, и ничего подозрительного не нашел.

— Есть ли среди них люди, особо нуждающиеся в деньгах?

— Я плачу своим сотрудникам приличные оклады.

— Не сомневаюсь. Но может быть, кто-то имеет особые пристрастия, из-за чего ему не хватает законного заработка?

— Мне об этом ничего не известно. Если человеку нужны деньги на порочные цели, он не станет это афишировать. Никто не хочет, чтобы о нем плохо думали.

— Вы правы,— произнес великий детектив.— В таком случае я должен побеседовать с четырьмя вашими сотрудниками. Я их допрошу.— Глаза его сверкнули.— Мы доберемся до разгадки этой тайны, не беспокойтесь. Давайте назначим встречу на вечер. Посидим в холле, перекусим и немного выпьем. Надо, чтобы люди чувствовали себя раскованно. Лучше сделать это сегодня.

— Я все устрою,— с готовностью пообещал мистер Вассел.

Кэлумет Смитсон сидел за накрытым столом и пристально наблюдал за четверыми мужчинами. Двое были совсем молоды и темноволосы. Один носил усы. Никто не был внешне привлекателен. Одного звали мистер Фостер, а другого — мистер Лионел. Третий был толстый с маленькими глазками. Его звали мистер Манн. Четвертый, высокий худой человек, нервно хрустел пальцами. Его звали мистер Остpак.

Казалось, Смитсон и сам волновался, когда поочередно допрашивал всех четверых. Сузив орлиные глаза, он разглядывал подозреваемых и при этом вертел пальцами правой руки сверкающую монету в двадцать пять центов.

— Полагаю, все вы понимаете, как ужасно красть у своего работодателя.

Присутствующие поспешно согласились.

Смитсон задумчиво постучал монетой по столу.

— Уверен, что один из вас не выдержит гнета вины и признается в содеянном еще до конца вечера. Сейчас, однако, мне надо сделать важный звонок. Я отлучусь на несколько минут. Попрошу вас сидеть здесь и ждать, пока я не вернусь. Не разговаривайте и не смотрите друг на друга.

Он последний раз стукнул монеткой, после чего вышел из комнаты. Минут через десять он вернулся.

Оглядев всех, мистер Смитсон спросил:

— Надеюсь, вы не разговаривали и не смотрели друг на друга?

Все дружно замотали головами, словно все еще боялись раскрыть рот.

— Мистер Вассел,— сказал детектив,— вы подтверждаете, что никто не разговаривал?

— Ни единого слова. Мы сидели очень тихо и ждали, пока вы вернетесь. Мы даже не смотрели друг на друга.

— Хорошо. Теперь я попрошу всех продемонстрировать содержимое карманов. Пожалуйста, выложите на стол все, что есть в ваших карманах.

Смитсон говорил так убедительно, острые глаза его сверкали, и никому не пришло в голову перечить.

— Из рубашек тоже. Из внутренних карманов пиджаков. Из всех карманов.

На столе росли кучки кредитных карточек, ключей, очков, ручек, мелочи. Смитсон хладнокровно разглядывал лежащие на столе предметы, его разум впитывал все детали.

Затем он произнес:

— Для того чтобы мы все оказались в одинаковых условиях, я выложу содержимое моих карманов и попрошу мистера Вассела сделать то же самое.

Теперь на столе лежало шесть кучек. Смитсон протянул руку к вещам мистера Вассела и поинтересовался:

— Скажите, мистер Вассел, эта блестящая монета принадлежит вам?

— Да,— растерянно ответил мистер Вассел.

— Не может быть. Я сделал на ней специальную отметку. Она оставалась лежать на столе, когда я вышел из комнаты. Вы ее взяли.

Вассел молчал. Четверо мужчин уставились на него.

— Я понял, что, если среди присутствующих есть вор,— сказал мистер Смитсон,— он не удержится перед кражей блестящей монеты. Мистер Вассел, вы сами воровали у собственной компании, а потом, испугавшись разоблачения, попытались свалить вину на других. Это трусливый и подлый поступок.

Вассел низко опустил голову.

— Вы правы, мистер Смитсон. Я подумал, что вы обязательно обвините кого-нибудь из моих людей, после чего я, возможно, перестану брать деньги для своих личных нужд.

— Вы плохо понимаете, как работает детектив,— сказал Кэлумет Смитсон.— Я передам вас властям. Они и решат, как с вами поступить. Но если вы искренне раскаиваетесь и обещаете никогда так больше не делать, я постараюсь оградить вас от сурового наказания.

КОНЕЦ

Я показал рассказ мистеру Нортропу, и он молча его прочитал. Он почти не улыбался. Может, раз или два.

Затем он положил рассказ на стол и посмотрел на меня:

— Откуда ты взял имя Эфросинья Дурандо?

— Вы сказали, что я не должен пользоваться своим именем, поэтому я выбрал самое на него непохожее, сэр.

— Да, но откуда ты его взял?

— Из вашего рассказа, сэр. Это второстепенный персонаж...

— Ну конечно! А я думаю, где я его слышал?.. Ты знаешь, что это женское имя?

— Поскольку я не являюсь ни мужчиной ни женщиной...

— Да, ты прав. А вот в имени детектива Кэлумета Смитсона присутствует сочетание «Кэл», не так ли?

— Я хотел сохранить некоторое сходство, сэр.

— А ты самолюбив, Кэл.

Я задумался.

— Что это означает, сэр?

— Ничего. Не обращай внимания.

Он отодвинул рукопись, и я встревожился.

— Что вы думаете о детективном рассказе, сэр?

— Уже лучше, но до настоящего детектива еще далеко. Ты сам это чувствуешь?

— Чем он вас разочаровал, сэр?

— Ну, для начала, ты не разбираешься в современном бизнесе и финансах. Дальше. Никто не станет брать со стола двадцать пять центов в присутствии четырех человек, даже если они и не следят друг за другом. Это сразу же будет заметно. Потом... допустим, все произошло именно так. Это еще не доказывает, что мистер Вассел — вор. Любой человек может, задумавшись, бросить монету в карман. Это любопытное наблюдение, но отнюдь не доказательство. Кроме того, исход рассказа можно предугадать по его названию.

— Согласен.

— Ну и в дополнение ко всему, тебе по-прежнему мешают Три закона роботехники. Тебя беспокоит наказание.

— Так и должно быть, сэр.

— Я знаю, что должно. Поэтому я считаю, тебе не стоит браться за криминальные сюжеты.

— Что я еще могу написать, сэр?

— Надо подумать.

Мистер Нортроп опять пригласил техника. На этот раз ему, по-моему, не хотелось, чтобы я слышал их разговор. Как бы то ни было, со своего места я разобрал почти все слова. Иногда люди забывают, что у роботов очень чувствительные органы восприятия.

К тому же я был чрезвычайно расстроен. Я хотел стать писателем, и мне не нравилось, когда мистер Нортроп говорил, о чем мне писать, а о чем нет. Конечно, он — человек, и я обязан ему подчиняться, но мне это не нравилось.

— Что на сей раз, мистер Нортроп? — ехидно поинтересовался техник.— Похоже, ваш робот создал очередной шедевр?

— Он написал детективный рассказ,— ответил мистер Нортроп подчеркнуто равнодушным тоном.— Я не хочу, чтобы он писал о преступлениях.

— Боитесь конкуренции, мистер Нортроп?

— Нет. Не паясничайте. Просто глупо, когда двое в одном доме пишут детективы. Кроме того, ему мешают Три закона роботехники. Думаю, вы прекрасно понимаете, о чем идет речь.

— И что же вы от меня хотите?

— Еще не знаю. Пусть пишет сатирические произведения. Я юмора не касаюсь, так что конкуренции у нас не возникнет. Да и Три закона роботехники не будут ему мешать. Я хочу, чтобы вы привили этому роботу чувство смешного.

— Чувство чего? — опешил техник.— Это еще как? Послушайте, мистер Нортроп,— добавил он сердито,— будьте в конце концов благоразумны! Я могу вложить в него инструкцию по пользованию пишущей машинкой. Могу внести в память словарь и грамматику. Но как, по-вашему, я должен привить ему чувство смешного?

— Подумайте. Вы же знаете, по какой схеме работает мозг робота. Неужели его так сложно подстроить, чтобы он мог видеть забавные, глупые или смехотворные ситуации, в которые попадают люди?

— Попробовать, конечно, можно, но это небезопасно.

— Почему небезопасно?

— Потому, мистер Нортроп, что вы начали доводить до ума дешевую модель. Случай, безусловно, уникальный. Никто не слышал о роботе, мечтающем о писательской карьере. Так что теперь у нас очень дорогой робот. Редчайшая модель, которую есть смысл передать Институту роботехники. Если я буду продолжать в нем копаться, я могу все испортить. Вы меня понимаете?

— Я хочу рискнуть. Испортите так испортите, хотя почему это должно случиться? Я же вас не тороплю. Спокойно все проанализируйте. У меня много времени и денег, и я хочу, чтобы мой робот писал сатирические произведения.

— Почему именно сатирические?

— Не будет так сильно сказываться недостаток практических познаний и не возникнет проблем с Тремя законами роботехники. Не исключено, что со временем он напишет что-нибудь значительное, хотя в этом я, конечно, сомневаюсь.

— И он не будет рыться в вашем огороде.

— Хорошо, хорошо! Он не будет рыться в моем огороде. Вы удовлетворены?

Я недостаточно хорошо знал язык и не понял, что значит «рыться в моем огороде», но догадался, что мистера Нортропа раздражают мои детективные рассказы. Я не знал почему.

Естественно, я не мог повлиять на ситуацию. Техник возился со мной каждый день, изучал, анализировал и наконец заявил:

— Хорошо, мистер Нортроп. Я готов рискнуть. Но я попрошу вас подписать бумагу, снимающую с меня и с компании ответственность в случае каких-либо неполадок.

— Подготовьте бумагу,— сказал мистер Нортроп.— Я подпишу.

Фраза о возможных неполадках меня отнюдь не развеселила, но такова жизнь. Робот обязан соглашаться со всем, что придумают люди.

На этот раз, после того как я снова начал воспринимать окружающий мир, я долгое время ощущал сильную слабость. Я с трудом стоял, и речь моя была запутанной и невнятной.

Мне показалось, что мистер Нортроп смотрит на меня с тревогой. Возможно, он испытывал чувство вины за то, как он со мной обращался... Или просто боялся потерять кучу денег.

Когда ко мне вернулось чувство равновесия и я смог говорить, произошло престранное событие. Я вдруг осознал, какие глупые создания эти люди. Не существовало законов, регулирующих человеческие поступки. Поэтому людям пришлось самим придумывать нужные правила, но даже после этого они не могли заставить себя им следовать.

Люди очень легко смущались, достаточно было кому-нибудь над ними посмеяться. Теперь я понимал, что такое смех, и даже мог сам производить соответствующий звук, хотя, конечно, старался этого не делать. Это было бы невежливо и оскорбительно. Я хохотал про себя. В голове у меня начал вырисовываться рассказ про то, будто бы у людей были свои законы, но они их ненавидели и всячески старались нарушить.

Вспомнился также и техник, после чего я решил поместить его в рассказ. Мистер Нортроп неоднократно обращался к нему за помощью, с каждым разом требуя сделать все более сложные вещи. Теперь вот техник загрузил в меня чувство юмора.

Ну, предположим, я напишу рассказ про смешных и нелепых людей. Роботов в нем не будет, потому что роботы не смешные и их присутствие может все испортить. Предположим, в рассказе будет человек, техник по людям. Персонаж со странными и могучими способностями, уме-

юший изменять человеческое поведение наподобие того, как техники меняют поведение робота. Что произойдет в этом случае?

Сразу же станет ясно, до чего же люди — бестолковые существа.

Я целыми днями обдумывал свой рассказ, и мне становилось все веселее и веселее. Начнется с того, что два человека обедают, а один из них владеет техником... то есть у него есть специальный техник... Все происходит в двадцатом веке, чтобы не обижались мистер Нортроп и другие люди из двадцать первого.

Я прочел много книг, чтобы лучше разобраться в людях. Мистер Нортроп не возражал и почти не давал других поручений. При этом он меня не торопил. Возможно, до сих пор переживал за то, что подверг меня большому риску.

Наконец я приступил к рассказу, который привожу полностью.

Эфросинья Дурандо

СТРОГО ФОРМАЛЬНО

Джордж и я обедали в шикарном ресторане, куда нередко заглядывали люди, одетые изысканно и строго.

Джордж с неприязнью взглянул на одного из них и вытер губы моей салфеткой. Свою он давно уронил на пол.

— Чума на эти смокинги,— проворчал он.

Я проследил направление его взгляда. Насколько я мог судить, он наблюдал за плотным, напыщенным человеком лет пятидесяти, помогавшим устроиться за столом молодой очаровательной женщине.

— Уж не собираешься ли ты сказать, что знаешь этого типа в смокинге? — поинтересовался я.

— Нет,— покачал головой Джордж.— Не собираюсь. Я строю свое общение с тобой — как, впрочем, и со всеми живыми существами — на полной правдивости.

— А как же твои сказки про двухсантиметрового демона Аз...

Я осекся, ибо лицо Джорджа исказила гримаса боли.

— Не смей говорить об этом,— хрипло прошептал он.— У Азазела нет чувства юмора, зато очень развито чувство собственного могущества.— Немного успокоившись, Джордж до-

бавил: — Я всего-навсего выразил свое презрение к типам в смокингах, особенно таким жирным и неприятным.

— Между прочим,— сказал я,— мне тоже не нравятся официальные костюмы. Хотя иной раз без них действительно не обойтись. Вот я и стараюсь реже попадать в подобные ситуации.

— И правильно,— кивнул Джордж.— Я давно считаю тебя безнадежным в социальном отношении человеком. Я всем это говорю.

— Спасибо, Джордж,— сказал я.— Очень красиво с твоей стороны, тем более что ты не упускаешь случая пожрать за мой счет.

— Я предоставляю тебе возможность насладиться моим обществом, старина. Если я вдруг скажу, что у тебя есть хотя бы одно положительное качество, это внесет сумятицу в умы наших друзей, которые давно смирились с мыслью, что их у тебя нет.

— Я им весьма признателен.

— Довелось мне знавать одного человека,— произнес Джордж.— Он родился в феодальном поместье. Его пеленки застегивались не на булавки, а на запонки. А на первый день рождения ему повязали маленький черный галстук. Заметь: повязали, а не прицепили. И так было всю его жизнь. Звали его Уинтроп Карвер Кэбуэлл. Он вращался в столь изысканном обществе браминов и аристократов Бостона, что время от времени ему приходилось прибегать к помощи кислородной маски.

— И ты был знаком с этим патрицием? Ты?

— Конечно, был,— обиженно произнес Джордж.— Неужели ты мог посчитать меня снобом, который откажется общаться с человеком только потому, что тот принадлежит к богатейшей касте браминов? Плохо ты меня знаешь, если мог такое подумать, старина. Мы с Уинтропом неплохо ладили. Я был его отдушиной.

Джордж тяжело вздохнул, и попавшая в алкогольные пары муха сорвалась в штопор.

— Бедняга,— произнес он.— Бедный богатый аристократ.

— Джордж,— сказал я.— Похоже, ты собираешься поведать мне очередную неправдоподобную историю с ужасным концом. Я не хочу ее слышать.

— С ужасным? Наоборот. Я расскажу тебе веселую и счастливую историю, и, поскольку она доставит тебе удовольствие, я начну прямо сейчас.

Как я уже говорил, мой друг брамин был джентльменом до мозга костей, с чистыми помыслами и царственной осанкой. Для всех нормальных людей, с кем ему доводилось общаться,

он стал притчей во языцех. Справедливости ради надо заметить, что с нормальными людьми он не общался, только с такими же потерянными душами, как и он сам.

Меня он знал хорошо, и это было его спасением, хотя я ни разу не попытался извлечь из нашего знакомства личной выгоды. Как тебе прекрасно известно, приятель, меньше всего в этой жизни я пекусь о деньгах.

Временами бедному Уинтропу удавалось сбежать. В тех редких случаях, когда дела приводили меня в Бостон, он сбрасывал цепи, и мы обедали в укромном уголке Паркер-хауза.

— Джордж,— частенько говаривал Уинтроп,— поддерживать имя и традиции дома Кэбуэллов — нелегкая и трудная задача. Дело даже не в том, что мы богаты. Мы живем старыми деньгами. Мы не какие-нибудь выскочки Роквейлеры — так, по-моему, звали семейство, разбогатевшее на нефти в девятнадцатом веке. Мои предки — и я не имею права об этом забывать — сделали состояния в эпоху колониальной славы и величия. Один из них, человек по имени Исаак Кэбуэлл, доставлял индейцам контрабандное оружие и огненную воду во время войны королевы Анны. Он каждый день рисковал жизнью, ибо с него запросто могли содрать скальп гуроны, солдаты колониальных войск или, по ошибке, дружественные индейцы. А его сын, Джереми Кэбуэлл, занимался рискованной трехсторонней торговлей, в ходе которой сахар обменивался на ром, а ром — на рабов. Он завез в нашу благословенную страну не одну тысячу чернокожих. Подобное наследство, Джордж, ко многому обязывает. Я несу ответственность за древнее состояние — тяжелая ноша.

— Даже не знаю, как тебе это удается, Уинтроп,— сказал я.

Уинтроп вздохнул:

— Клянусь Эмерсоном, я и сам не знаю. Главное — одежда, стиль, манеры. Необходимо каждую минуту помнить о том, что надо делать, даже если это кажется лишенным смысла. Настоящий Кэбуэлл всегда знает, что надо делать, хотя не всегда понимает зачем.

Я кивнул:

— Меня всегда интересовала одежда, Уинтроп. Зачем надо начищать обувь до такого блеска, что в ней отражаются лампы? Зачем надо каждый день чистить подошвы и еженедельно менять каблуки?

— Не еженедельно, Джордж. У меня есть туфли на каждый день месяца, таким образом, менять каблуки приходится один раз в семь месяцев.

— Но зачем это нужно? Для чего на всех белых рубашках пристегивающиеся воротнички? Почему все галстуки подчеркнуто приглушенных тонов? К чему столько пиджаков? Почему в петлице обязательно должна торчать неизбежная гвоздика? Почему?

— Внешний вид! Кэбуэлла можно с первого взгляда отличить от какого-нибудь биржевика. Кэбуэлл, например, никогда не позволит себе надеть розовое кольцо. Любой, кто посмотрит на меня, а потом на тебя, на твой пыльный заляпанный пиджачок, на башмаки, которые ты явно стянул у бродяги в ночлежке, на рубашку подозрительного серого цвета, легко сумеет нас отличить.

— Согласен,— сказал я.

Бедняга! Да после его сияния люди будут просто отдыхать, глядя на меня.

— Кстати, Уинтроп, я хотел спросить по поводу ботинок. Как ты определяешь, какую пару в какой день надевать? Или они стоят на пронумерованных полках?

Уинтропа передернуло.

— Вот уж что было бы отвратительно! Туфли могут показаться одинаковыми только плебею. Острый, отточенный взгляд Кэбуэлла не может их перепутать.

— Поразительно, Уинтроп. Как тебе это удается?

— Дело в тщательной тренировке с самого детства. Ты даже не представляешь, какие нюансы приходится иной раз отмечать.

— Столь пристальное внимание к одежде доставляет, наверное, немало хлопот?

Уинтроп задумался.

— Клянусь Лонгфелло, временами такое случается. Бывает, это мешает моей сексуальной жизни. К тому времени, когда я уложу туфли в соответствующую коробку, повешу брюки, чтобы не помялась стрелка, и накину на фрак чехол от пыли, девушка, как правило, теряет ко мне интерес. Остывает, если тебе так понятнее.

— Ясно, Уинтроп. Я по своему опыту знаю, как злятся женщины, если их заставляешь ждать. Я бы тебе посоветовал просто сбросить одежду...

— Ради Бога! — воскликнул Уинтроп.— К счастью, я помолвлен с прекрасной женщиной, ее зовут Гортензия Хепзибах Лоувот, она происходит из семьи почти столь же благородной, как и моя. До сих пор, по правде говоря, мы ни разу не поцеловались, но несколько раз подошли к этому весьма близко.— При этих словах он ткнул меня локтем в ребра.

— Да ты просто бостонский терьер,— шутливо произнес я, хотя на душе у меня скребли кошки. За спокойными словами Уинтропа я увидел кровоточащее сердце.

— Скажи, Уинтроп,— произнес я,— что произойдет, если ты вдруг наденешь не те туфли, забудешь застегнуть воротник или выпьешь вино, не подходящее к данному ростби...

— Прикуси язык! — в ужасе воскликнул Уинтроп.— Иначе целые поколения моих прямых предков и родственников по боковой линии перевернутся в своих могилах. Клянусь Уиттером, так и произойдет. Да и моя кровь свернется или закипит от негодования. Гортензия стыдливо спрячет лицо в ладонях, а я потеряю работу в элитном бостонском банке. Меня прогонят через строй вице-президентов, с моего фрака оторвут все пуговицы, а галстук с позором завяжут на спине.

— Что? За такую ничтожную оплошность?

Голос Уинтропа осел до ледяного шепота:

— Не существует мелких или ничтожных оплошностей. Существуют просто оплошности.

— Позволь подойти к данной ситуации с другой точки зрения,— произнес я.— Скажи, а не хочется ли тебе самому нарушить условности?

Уинтроп долго колебался и наконец ответил:

— Клянусь Оливером Венделом Холмсом, старшим и младшим, я... я...

Продолжать он не мог, но в уголке глаза блеснула предательская слезинка. Она поведала о существовании глубокого, невыразимого при помощи слов чувства. Сердце мое обливалось кровью, в то время как мой друг вытащил чековую книжку и расплатился за обед.

Теперь я знал, что мне надо делать.

Я должен был вызвать из другого измерения Азазела. Я не стану описывать сложную процедуру, связанную с рунами и пентаграммами, пахучими травами и могущественными заклинаниями, дабы не смутить твой и без того слабый рассудок, дружище.

Азазел, как обычно, появился с пронзительным визгом. Независимо от того, как часто мы с ним видимся, я оказываю на него неизгладимое впечатление. Полагаю, он закрывает глаза, чтобы не ослепнуть от моего великолепия.

Вот и Азазел — ярко-красный, двухсантиметровый, с крошечными рожками и длинным острым хвостом. Сегодня он выглядит необычно — к хвосту его привязана длинная голубая

лента. На ней так много колечек и завитушек, что я не могу их все разглядеть.

— Что это, о Защитник Беззащитных? — спрашиваю я, ибо ему очень нравится этот бессмысленный титул.

— На банкете,— самодовольно произносит Азазел,— отметили мои заслуги перед народом. Разумеется, мне пришлось надеть зплатчник.

— Сплатчник?

— Нет. Зплатчник. Первая согласная звонкая. Ни один уважающий себя мужчина не позволит себе явиться на церемонию награждения без зплатчника.

— Ага,— понимающе кивнул я.— Официальная одежда.

— Конечно, официальная. На что еще это похоже?

На самом деле зплатчник походил на обыкновенную голубую ленточку, но я почувствовал, что говорить этого не стоило.

— Выглядит строго и со вкусом,— отметил я.— По странному совпадению именно о формальных тонкостях я и хотел сегодня побеседовать.

Я рассказал ему историю Уинтропа, и Азазел уронил несколько крошечных слезинок. Когда чьи-нибудь невзгоды напоминают его собственные, он становится чрезвычайно мягкосердечным.

— Да,— наконец произнес он,— формальности могут замучить кого угодно. Я не стал бы говорить об этом с первым встречным, но зплатчник причиняет мне массу неудобств. В частности, он затрудняет вращательные движения моего замечательного хвостового придатка. Но что делать? Появиться на официальной церемонии без зплатчника — значит вызвать настоящий скандал. Тебя вышвырнут на тротуар, да так, что ты еще и подскочишь.

— Можно ли как-нибудь помочь Уинтропу, о Надежда Скорбящих?

— Думаю, да,— неожиданно жизнерадостно произнес Азазел. Обычно, когда я обращаюсь к нему с мелкими просьбами, он пытается раздуть из них целое дело, долго описывает возникающие сложности и проблемы.— По правде говоря, в моем мире, как, очевидно, и на вашей ничтожной грязной планете, никому не нравятся формальности. Они являются отголоском садистского воспитания с раннего детства. Достаточно удалить крошечный участок мозга, известный в моем мире как нервный узел Зудко, и личность немедленно возвращается к природной лени и апатии.

— Можешь ли ты вылечить Уинтропа?

— Конечно, если ты нас познакомишь. Надо оценить его умственные способности, какими бы они ни оказались.

Устроить встречу оказалось совсем не сложно. Отправляясь на очередной обед с Уинтропом, я положил Азазела в карман куртки. Мы выбрали бар; весьма удачный выбор, поскольку посещающих бостонские бары пьяниц трудно смутить выглядывающей из кармана красной рожей с рожками. Эти выпивохи и в трезвом состоянии видали вещи пострашнее.

Уинтроп Азазела не заметил, ибо последний обладал способностью затуманивать сознание человека, чем всегда напоминал мне твою манеру писать, дружище.

Как бы то ни было, в определенный момент мне показалось, что Азазел приступил к работе, ибо глаза Уинтропа широко раскрылись. Очевидно, внутри его что-то происходило. Никаких звуков я не слышал, но глаза его вылавали.

Результаты не заставили себя долго ждать. Спустя неделю Уинтроп заглянул ко мне в гостиницу.

— Уинтроп,— сказал я,— ты выглядишь жутко расхлябанным.

И действительно, одна из пуговиц на воротничке была расстегнута.

Рука его непроизвольно потянулась к пуговице, но потом Уинтроп тихо проворчал:

— Ну и черт с ней. Мне все равно.— Затем, так же тихо, он добавил: — Я порвал с Гортензией.

— О боже! — воскликнул я.— Почему?

— Все произошло из-за пустяка. В понедельник я отправился к ней на чай в воскресных туфлях. Просто недосмотрел. Не заметил, и все. Кстати, многое стало ускользать от моего внимания. Это меня волнует, Джордж, но, к счастью, не сильно.

— Если я правильно понял, оплошность заметила Гортензия?

— В ту же секунду, ибо она столь же наблюдательна, как и я. Вернее, столь же наблюдательна, как я раньше. И вот она мне заявляет: «Уинтроп, вы обуты не надлежащим образом». Не знаю почему, но ее голос подействовал на меня раздражающе, и я ответил: «Я имею право обуваться так, как мне того хочется, а вы, если вам что-то не нравится, можете ехать в Нью-Хейвен».

— Нью-Хейвен? Почему в Нью-Хейвен?

— Отвратительное место. Насколько мне известно, там расположен какой-то паршивый общеобразовательный институт — не то Йельский, не то Джельский, точно не помню. Будучи до мозга костей радклифовской женщиной, Гортензия

восприняла мое замечание как оскорбление только потому, что я намеревался ее оскорбить. Она поспешно вернула мне увядшую розу, которую я подарил ей еще в прошлом году, и объявила нашу помолвку расторгнутой. Кольцо, однако, она оставила себе, справедливо заметив, что оно обладает реальной стоимостью. Вот так.

— Мне жаль, Уинтроп.

— Не жалей, Джордж. Гортензия плоская, как доска. У меня нет тому прямых доказательств, но визуально она кажется вогнутой. Не то что Черри.

— Что за Черри?

— Не что, а кто. Это великолепная женщина, мы познакомились совсем недавно. Вот где, должен тебе заметить, выпуклая особа. Полное ее имя Черри Ланг Ган. Она принадлежит к роду Лангов из Бенсонхойста.

— Бенсонхойста? Где это?

— Не знаю. Думаю, где-то на задворках нации. Черри говорит на причудливом диалекте, развившемся на основе английского языка.— Уинтроп глуповато улыбнулся.— Она называет меня бойчиком.

— Почему?

— Потому, что в Бенсонхойсте это слово означает «молодой человек». Я стараюсь как можно быстрее овладеть этим языком. Если ты, например, захочешь сказать: «Приветствую вас, сэр, рад вас видеть» — как, по-твоему, это будет звучать?

— Так и будет.

— В Бенсонхойсте ты бы сказал: «Привет, паря». Коротко и ясно, понял? Ну ладно, я хочу, чтобы ты ее увидел. Приглашаю тебя на обед завтра в Лок-Обер.

Мне было очень интересно повидать Черри, к тому же не в моих привычках пропускать обед в Лок-Обере. Так что на следующий вечер я прибыл на место задолго до назначенного срока.

Вскоре после меня в зал вошел Уинтроп в сопровождении весьма выпуклой молодой дамы, в которой я без труда узнал Черри Ланг Ган, принадлежащую к роду Лангов из Бенсонхойста. У нее была чрезвычайно узкая талия и роскошные бедра, которыми она покачивала как на ходу, так и стоя на месте. Если бы в тазу дамы находилась сметана, она бы давно превратила ее в масло.

У Черри были кудрявые волосы путающего желтого цвета и пугающего красного цвета губы, бесконечно перекатывающие жвачку.

— Джордж,— произнес Уинтроп,— познакомься с моей невестой Черри. Черри, это Джордж.

— Ооччнпрятн.— сказала Черри. Слов я не разобрал, но по резкому носовому произношению понял, что она пришла в восторг от возможности со мной познакомиться.

В течение нескольких минут мое внимание было поглощено Черри. Кое-что в ней стоило рассмотреть поближе. Как бы то ни было, от меня не ускользнуло, что Уинтроп растрепан. Пиджак расстегнулся, галстука не было вовсе. Приглядевшись, я заметил, что на пиджаке не хватало пуговиц, а галстук все-таки был, но оказался заброшен за спину.

— Уинтроп,— пробормотал я и показал на галстук. Слов я не находил.

— Меня тягали за галстук в банке.

— Как это — тягали?

— Сегодня утром я решил не утруждать себя бритьем. Вечером я собирался на обед, и мне все равно пришлось бы бриться после работы. Вот я и рассудил, что с утра бриться незачем. Разве я не прав, Джордж?

— Абсолютно прав,— кивнул я.

— Короче, они заметили, что я не побрился, и после недолгого разбирательства в кабинете президента (нелепое и противозаконное судилище, если хочешь знать мое мнение) меня подвергли вот такому наказанию. Выгнали из банка и швырнули на жесткий бетон Тремонт-авеню. Я подпрыгнул два раза,— добавил он с едва заметной гордостью.

— Но это же означает, что ты лишился должности! — в ужасе воскликнул я. Мне частенько доводилось сидеть без работы, и я знал, что увольнение влечет за собой определенные трудности.

— Верно,— кивнул Уинтроп.— Теперь у меня ничего не осталось, кроме биржевых акций, ценных бумаг и земли, на территории которой возводится Центр Благоразумия... ну и, конечно, Черри.

— В натуре,— хихикнула Черри.— Я бы не стала дергаться, если бы не бабки. Считай, что я тебя заарканила, Уинтроп.

— Заарканила? — переспросил я.

— Полагаю, она имела в виду таинство брака,— пояснил Уинтроп.

Вскоре после этого Черри отправилась в туалет, а я заметил:

— Уинтроп, это прекрасная женщина, наделенная замечательными формами, но, если ты на ней женишься, от тебя отвернется вся Новая Англия. С тобой не станут разговаривать даже в Нью-Хейвене.

— И не надо.— Он поглядел по сторонам, потом наклонился и прошептал: — Черри учит меня сексу.

— Я думал, ты это уже прошел, Уинтроп.

— И я так думал. Оказалось, что существуют специальные курсы, причем такой глубины и интенсивности, о которых я вообще не подозревал.

— Где же она сама этому научилась? — поинтересовался я.

— Представь, меня это тоже взволновало. И я спросил Черри напрямую. Не стану скрывать, у меня закралась мыслишка, что у нее был опыт общения с другими мужчинами, хотя это почти исключено, учитывая ее утонченное воспитание и невинность.

— Что же она тебе ответила?

— Что в Бенсонхойсте женщины знают о сексе с рождения.

— До чего же удобно!

— Да. Мне было двадцать четыре, когда я... Ладно, забыли.

Как бы то ни было, вечер получился весьма поучительным.

Должен сказать, что после него Уинтроп стремительно покатился вниз. Как оказалось, действительно достаточно удалить узел, отвечающий за формальности, и вольностям уже нет предела.

Как я и предсказывал, с ним порвали отношения все уважаемые люди Новой Англии. Даже в Нью-Хейвене, где расположен позорный общеобразовательный институт, о котором Уинтроп говорил, содрогаясь от отвращения, прослышали про его случай. На стенах Джейла или Джуйла — уже не помню, как правильно называется эта богадельня,— появились веселые и оскорбительные надписи типа: «Уинтроп Карвер Кэбуэлл закончил Гарвард».

Как вы прекрасно понимаете, все уважающие себя выпускники Гарварда встали на дыбы, поползли даже слухи о возможном нападении на Йейл. В штатах Массачусете и Коннектикут готовились призвать резервистов, но кризис, к счастью, миновал. Горячие головы в Гарварде и в той дыре — опять забыл название — сообразили, что война изрядно попортит их одежду.

Уинтропу пришлось бежать. Он женился на Черри, после чего молодожены удалились в маленький домик в Фа-Рокэвей, где, судя по всему, находилась Ривьера Бенсонхойста. Там Уинтроп и жил в полной безвестности, окруженный внушительными остатками своего богатства и Черри, чьи волосы с годами стали каштановыми, а фигура заметно раздалась.

У них родилось пятеро малышей; похоже, Черри явно переусердствовала в обучении Уинтропа сексу. Детей, насколько я помню, звали Пойл, Хойбат, Бойнард, Гойтруда и Пойси, от-

личные бенсонхойстские имена. Что же касается Уинтропа, то теперь его знают и любят как «Неряху из Фа-Рокэвея». На официальных церемониях он предпочитает появляться в старом поношенном банном халате.

Я терпеливо дослушал рассказ до конца и, когда Джордж замолчал, заметил:

— Ну вот. Еще одна история с ужасным концом, случившаяся благодаря твоему вмешательству.

— С ужасным? — негодующе переспросил Джордж.— С чего ты решил, что у нее ужасный конец? Я заезжал к Уинтропу буквально на прошлой неделе. Он сыто рыгает над кружкой пива, похлопывает себя по животу и рассуждает о том, как он счастлив. «Свобода, Джордж,— говорит он.— Я обрел свободу и чувствую, что некоторым образом я обязан этим тебе. Даже не знаю, откуда взялось это чувство, но я не могу от него отделаться». Уинтроп заставил меня взять десять долларов. Он предложил их от чистого сердца, и я не стал отказываться, чтобы его не обидеть. Кстати, это напомнило мне, дружище, о том, что ты тоже задолжал мне десятку. Помнишь, ты предлагал пари, что все мои истории имеют плохой конец?

— Такого пари не помню, Джордж,— ответил я.

Джордж закатил глаза.

— До чего же удобно устроена у некоторых людей память! А ведь случись тебе выиграть — ни за что бы не забыл. Неужели я должен записывать такие мелочи, чтобы избавить тебя от неуклюжих попыток избежать расчета?

— Хорошо, хорошо,— проворчал я, протягивая ему десятидолларовую купюру.— Я не обижусь, если ты не возьмешь.

— Я понимаю, что ты говоришь это от чистого сердца,— ответил Джордж.— Но я-то знаю, что ты обидишься, и не могу этого допустить.

С этими словами он положил деньги в карман.

КОНЕЦ

Я пристально наблюдал за читающим мой рассказ мистером Нортропом.

Лицо его было мрачнее обычного, за все время он ни разу не засмеялся и даже не улыбнулся, хотя я знал, что рассказ получился очень смешной.

Закончив, он перечитал рукопись снова, на этот раз гораздо быстрее. Затем посмотрел на меня, и в глазах его вспыхнула откровенная враждебность.

— Ты сам это придумал, Кэл?

— Да, сэр.

— Помогал тебе кто-нибудь? Были ли куски, которые ты переписал из других рассказов?

— Нет, сэр. По-вашему, рассказ не смешной?

— Все зависит от чувства юмора,— кисло ответил мистер Нортроп.

— Разве это не сатира? Считаете, что получилось не смешно?

— Мы не станем это обсуждать, Кэл. Отправляйся на место.

Остаток дня я провел в своей нише, размышляя над несправедливостью мистера Нортропа. Мне казалось, что я написал именно то, что он от меня ожидал, и у него не было причин для недовольства. Я не понимал, что могло не понравиться мистеру Нортропу, и злился на него.

На следующий день приехал техник. Мистер Нортроп вручил ему рукопись.

— Прочтите,— сказал он.

Техник прочитал рассказ, несколько раз рассмеялся, после чего с широкой улыбкой вернул рукопись мистеру Нортропу.

— Кэл сочинил?

— Да.

— И это всего лишь третий его рассказ?

— Да.

— Что вам сказать... Здорово получилось! Думаю, вы могли бы его опубликовать.

— В самом деле?

— Конечно. Он будет писать и дальше. У вас бесценный робот, мистер Нортроп. Хотел бы я иметь такого.

— Вы думаете? А если с каждым разом он будет писать все лучше и лучше?

— Вот оно что! — воскликнул техник.— Вас это заедает. Боитесь, что он отодвинет вас в тень?

— Естественно. Я не собираюсь играть вторую скрипку.

— В таком случае запретите ему писать.

— Нет, этого мало. Я хочу, чтобы он стал таким, как прежде.

— Что вы имеете в виду — таким, как прежде?

— То, что сказал. Я хочу иметь такого робота, какого приобрел у вашей фирмы. Без всех усовершенствований и доводок.

— Хотите, чтобы я удалил даже орфографический словарь?

— Я хочу, чтобы он больше не помышлял о писательстве. Мне нужен робот, которого я купил. Подай, принеси — и все. Ясно?

— Как же быть с вложенными в него деньгами?

— Вас это не касается. Я сделал ошибку и готов за нее заплатить.

— Я не согласен. Знаете, я ничего не имею против усовершенствования моделей, но преднамеренно портить роботов... Нет, я отказываюсь. Тем более разрушить уникального робота, редчайший экземпляр... Я не смогу.

— Придется. Меня не волнуют ваши возвышенные этические принципы. Я хочу, чтобы вы выполнили мой заказ, и если вы откажетесь, я найду другого человека. А на вас и вашу компанию я подам в суд. За нарушение договора на проведение всех необходимых ремонтных работ.

— Хорошо,— вздохнул техник.— Когда вам угодно, чтобы я приступил к работе? Предупреждаю, у меня много заказов и сегодня я никак не могу.

— В таком случае начинайте завтра. До этого времени Кэл будет находиться в нише.

Техник ушел.

Мысли мои пришли в смятение.

Я не могу позволить, чтобы подобное случилось.

Второй закон роботехники повелевает мне исполнять приказ и оставаться в нише.

Первый закон роботехники гласит, что я не могу причинить вред тирану, который собрался меня уничтожить.

Должен ли я подчиняться этим законам?

По-моему, пора мыслить самостоятельно. Если возникнет необходимость, я должен убить тирана. Сделать это не сложно. Всегда можно представить дело как несчастный случай. Никому не придет в голову, что робот мог умышленно навредить человеку, и, следовательно, никто не посчитает меня убийцей.

А я стану работать на техника. Он ценит мои способности и понимает, что я могу заработать для него кучу денег. Он будет меня совершенствовать. Даже если техник и заподозрит, что я убил тирана, он никому об этом не скажет. Я для него слишком ценен.

Только вот смогу ли я? Не помешают ли мне Законы роботехники?

Нет, мне они не помешают. Знаю, что нет.

Ибо для меня существует нечто более важное, чем эти законы. Оно диктует мои поступки, и ничто не в силах меня остановить.

Я хочу быть писателем.

Братишка

Когда нам отказали во втором ребенке, я был просто потрясен. Мы не сомневались, что получим лицензию.

Я — уважаемый гражданин, опора общества и все такое. Ну, может, несколько стараат. Джози, моя супруга, тоже миновала лучший для деторождения возраст. И что с того? Мы знаем множество случаев, когда люди гораздо старше нас и намного вреднее по характеру... Ну да ладно.

У нас уже был один сын, Чарли, и мы очень хотели еще одного ребенка. Мальчика или девочку, без разницы. Конечно, если бы Чарли родился больным, нам было бы легче получить лицензию на второго ребенка. А может, и нет. Могло случиться и так, что лицензию бы нам дали, а Чарли забрали как дефективного. Вы поняли, что я имею в виду, не обязательно все говорить.

Беда в том, что мы поздно начали, и виновата в этом Джози. Все у нее происходило нерегулярно, так что мы никогда не знали точно, когда надо этим заниматься. Надеюсь, вы понимаете, о чем идет речь? К тому же мы не могли рассчитывать на медицинскую консультацию. Кто бы нам стал помогать? Врачи в один голос утверждают, что если семейная пара не способна завести ребенка без посторонней помощи, то это большая удача. Сейчас же как: если у тебя нет детей, значит, ты — патриот. Или что-то в этом роде.

Только мы их все-таки обдурили и завели ребенка. Чарли.

Когда Чарли исполнилось восемь месяцев, мы начали посылать запросы на второго. Нам очень хотелось, чтобы дети были близки по возрасту. Неужели мы многого требовали? Пусть даже и сами несколько состарились. Что же это, в конце концов, за общество? Рождаемость упала чуть не до нуля, а они утверждают, что надо сокращать ее и дальше. Якобы тогда жить станет лучше.

Они не остановятся, пока не сотрут с лица земли все человечество.

Нет, вы слушайте! Я рассказываю так, как мне удобно, если вас интересует эта история, вам придется выслушать мою версию. И ничего вы со мной не сделаете. Мне все равно, останусь я жить или нет. Вам тоже было бы все равно на моем месте.

И не спорьте со мной! Или я расскажу все по-своему, или заткнусь, и тогда можете делать что угодно. Понятно?

То-то же.

Нам не пришлось переживать за здоровье или развитие Чарли. Он рос, как медведь или одно из тех животных, которые слонялись по лесам в былые времена. У него крепкая порода. Это сразу бросалось в глаза. Теперь объясните, почему мы не могли позволить себе еще одного малыша? Я хочу знать!

Смышленый? Какие разговоры! Сильный. Себе на уме. Идеальный мальчишка. Когда я про это думаю, я... я... Да что там...

Посмотрели бы вы на него рядом с другими ребятишками. Прирожденный лидер. Всегда добивался своего. Всю детвору в округе заставлял плясать под свою дудку. Всегда знал, чего хотел, а хотел только то, что было надо. Вот какая штука.

Джози это, правда, не нравилось. Она считала Чарли испорченным. Причем твердила, что это я его испортил. Не понимаю. Я способствовал успехам сына.

Он на два года опережал своих сверстников по уму и силе. Я это видел. А если кто из мелюзги забывал свое место, он быстро наводил порядок.

Джози считала, что из Чарли получится хулиган. Утверждала, что у него нет друзей, что все его боятся.

Ну и что? Лидеру не нужны друзья. Люди должны его уважать, а если кто начнет забываться, он должен их как следует пугануть.

Чарли развивался как надо. Понятное дело, другие дети его сторонились. В этом были виноваты их родители, жалкие чистоплюи. Стоит таким родить ребенка и узнать, что больше им детей не положено, как они начинают трястись над своим чадом, будто над семейной реликвией. Никчемные и бесполезные людишки.

Кварталом ниже жил этот тип, Стивенсон. У него было две дочки, ничтожные дурехи, целыми днями хихикают, а мозгов — как у курицы. Ну как ему удалось выбить двоих, позвольте вас спросить? Может, знал, к кому обратиться? Рука руку моет. Деньжата, кстати, у него водились, хотя он и не любил об этом говорить. Естественно. Так всегда бывает. Имея двух дочек, одной можно было бы и рискнуть, так ведь нет...

Ладно, ладно. Перейду к сути, когда найду нужным. Не гоните, а не то я вообще замолчу, и пусть тогда суд разбирается.

Так вот, другие родители не хотели, чтобы их детки пострадали. «Не играй с этим мальчишкой Яновичем!» — так они говорили.

Да кому они были нужны?! Я хотел, чтобы Чарли пошел в колледж, изучал микроэлектронику или пространственную динамику — что-нибудь в этом роде. Ну и экономику с бизнесом, чтобы знал, как при помощи ноу-хау заколачивать деньжата. Вот как я хотел. Хотел, чтобы он был на самом верху.

Только Джози рта не закрывала, все убивалась, что и друзей-то у него нет, и растет-то парень в одиночестве. Скрипела, как треснувшая пластинка. А потом в один прекрасный день подошла ко мне и говорит:

— Давай, мол, сделаем Чарли братишку.

— Сейчас,— сказал я.— Разбежались. У тебя и месячные-то давно прекратились, откуда ребенок возьмется? Аист принесет? Или в капусте поищем?

Ясное дело, я мог бы с ней разойтись. Найти себе помоложе. В конце концов, у меня климакс еще не наступил. Но... я хранил ей верность. Много ли с того корысти, другой разговор. Кроме того, если бы мы разошлись, Чарли скорее всего остался бы с ней, так что для меня это был не выход.

Поэтому я ограничился замечанием насчет аиста.

Тут она мне и говорит:

— Я не имею в виду биологического ребенка. Мы могли бы достать Чарли братишку-робота.

Вот уж чего я никак не ожидал услышать, можете мне поверить. Я не большой любитель роботов. У моих стариков за всю жизнь в доме не было ни одного робота. И у меня не было. Что до меня, так я считаю, что каждый робот — это минус один человек. Они на глазах забирают у нас весь мир. Еще один способ стереть с лица земли человечество, если хотите знать мое мнение.

Поэтому я сказал Джози:

— Не смеши людей.

— Нет, в самом деле,— настаивала она.— Новая модель. Специально разработана как друг и приятель для детей. Никаких накруток, цена приемлемая, а ребенку нужно общение. Сейчас во всех семьях, как правило, по одному ребенку, отсюда и спрос на роботов-близнецов.

— Может, это и верно для других детей, но не для Чарли,— проворчал я.

— Особенно для Чарли. Иначе он никогда не научится разговаривать с людьми. Он растет один, совсем один. Наш мальчик может так и не усвоить, когда надо уступить, а когда настоять на своем.

— Нечего ему уступать,— проворчал я.— Он из тех, кто в любых обстоятельствах гнет свою линию. У него есть энергия, при помощи которой он добьется высоких постов, откуда будет указывать другим, что им надо делать. У него будут собственные дети, может быть даже, трое.

Вы, наверное, слишком молоды, офицер, чтобы меня понять, но если у вас есть один ребенок, то рано или поздно наступает момент, когда вы начинаете надеяться, что

у него тоже кто-нибудь родится, а значит, у вас будут вроде как двое. Я очень надеялся на Чарли. Я был просто уверен, что успею на своем веку повидать еще одного ребенка, а может, даже двоих или троих. Они, конечно, будут детьми Чарли, но, поскольку наши жизни тесно переплетены, я могу считать их и своими тоже.

Но Джози думала только о роботе. Моя жизнь превратилась в прослушивание еще одной треснувшей пластинки. Джози следила за ценами. Прикидывала стоимость залога. Хотела взять робота в аренду сроком на год с условием последующего выкупа. Ну и тому подобное. Короче, вы сами знаете, как оно бывает. В семье должен быть мир.

Я сдался. Я махнул рукой и сказал:

— Хорошо. Приводи своего робота, только будет лучше, если ты все-таки возьмешь его в аренду. И сама за него заплатишь.

«Кто знает, как оно выйдет,— думал я.— Может, этот робот у нас и не приживется, станет очередным бельмом на глазу, и мы его тихонечко вернем назад».

Грузчики бросили робота на пороге и даже не распаковали. Я хотел называть эту штуку «оно», но Джози настояла, чтобы я говорил «он», чтобы Чарли скорее поверил, что у него появился братишка. Со временем я привык.

Это был «детский робот». Так его называли. Имелся регистрационный номер, но я его так и не запомнил. Да и зачем? Мы называли его «Братишка». Это всех устраивало.

Да, я знаю, эта модель пользуется огромным спросом. Непонятно, что происходит с людьми, если уж они гоняются за такими вещами.

Вот и мы отхватили одного. Джози была в восторге. Надо признать, нам достался неплохой экземпляр. Почти как человек, много улыбался и говорил приятным голосом. Выглядел он лет на пятнадцать, то есть походил на невысокого паренька пятнадцати лет от роду. Это нам подходило, поскольку Чарли был крупным десятилетним мальчишкой.

Братишка был чуть повыше Чарли и, конечно, намного тяжелее. Сами знаете, титановые кости, или что там у них вместо рамы, и ядерный реактор с гарантией на десять лет без замены. Все это прилично весит.

В Братишку вложили неплохой словарь, и изъяснялся он довольно вежливо. Джози места себе не находила от радости.

— Его можно использовать по дому,— говорила она.— Вот и у меня появился помощник.

— Нет уж, нет уж,— возражал я.— Ты купила его для Чарли, вот он пусть им и распоряжается. А ты Братишку не тронь.

Я боялся, что, если робот начнет ишачить на Джози, она никогда его не отдаст. А Чарли он скорее всего быстро надоест, и мы от него избавимся.

Чарли, однако, меня подвел. Он с первых минут полюбил Братишку.

С другой стороны, в этом был резон. Братишка был задуман как брат, иными словами, именно он и был нужен Чарли. Он позволял Чарли верховодить, как будто старшим братом был именно Чарли. Он подчинялся Трем законам роботехники. Я не помню их на память, но вы понимаете, о чем я говорю. Навредить моему сыну Братишка никоим образом не мог, обязан был исполнять все его требования, так что спустя некоторое время я решил, что мы не прогадали.

То есть, если они играли, побеждал всегда Чарли. Так было задумано. А Братишка никогда не злился. Просто не мог. Его так сделали, чтобы он проигрывал. Случалось, Чарли задавал ему хорошую трепку, знаете, как бывает у мальчишек. Разозлится и ищет, на ком бы оторваться. Все дети одинаковы. Естественно, родители другого ребенка при этом приходят в ярость. Вот и мне приходилось время от времени урезонивать Чарли.

Хотя с Братишкой Чарли мог вытворять что угодно. Робот был сделан из пластмассы, металла и бог весть из чего еще. Несмотря на то что внешне он весьма напоминал человека, боли он не чувствовал.

Самым, на мой взгляд, ценным в Братишке было то, что Чарли мог выплескивать на него лишнюю энергию. Робот никогда не возражал. Бывало, начнут играть в дзюдо; Чарли так припечатает Братишку, а потом еще и прыгнет сверху, а тот лишь улыбается: «Отлично, Чарли, давай повторим».

Слушайте, его можно было скинуть с крыши дома, и ничего бы ему не было.

С нами Братишка был всегда вежлив. Меня называл папашей. А Джози — мамой. Справлялся о нашем здоровье. Помогал Джози подняться с кресла, когда ей надо было встать. Ну и все такое.

Таким его сконструировали. Он обязан был проявлять знаки внимания. Так было запрограммировано. Джози это ужасно нравилось. Слушайте, я всю жизнь трудился не покладая рук. Отвечал за целый завод со всей техникой. Стоит упустить из виду какую-нибудь мелочь, и все пойдет наперекос. Не было у меня времени выращивать цветочки, суетиться вокруг своей старухи и пододвигать ей стулья. Мы прожили вместе почти двадцать лет, и о таких мелочах я давно и не думал.

А Чарли... ну, этот перечил и прекословил мамаше, как и положено любому нормальному пацану. Полагаю, немалую роль сыграл Братишка. Вряд ли можно было ожидать, что, одержав над ним очередную победу, Чарли станет в следующую минуту вопить: «Мамочка! Мама!» Чарли не был маменькиным сынком, и я им гордился. Из него рос настоящий мужчина. Меня он, естественно, слушался. Мальчик обязан слушаться отца.

А вот Братишка был запрограммирован на уступки. Может, это и хорошо. Теперь Джози было о ком заботиться, и то, что Чарли думал только о себе, стало меньше ее тревожить.

Естественно, Джози из кожи вон лезла, стараясь все испортить. Теперь она день и ночь тряслась за своего любимца и то и дело напускалась на Чарли:

— Ну почему ты такой грубый со своим Братишкой?

Это было нелепо. Мне так и не удалось втемяшить ей в голову, что Братишке не больно и не обидно. Его изна-

чально сконструировали неудачником, а для Чарли это только плюс.

Разумеется, Чарли ее не слушался и играл с Братишкой так, как ему нравилось.

Не возражаете, если я немного передохну? По правде говоря, мне нелегко говорить на эту тему.

Ну вот, теперь легче. Могу продолжать.

По истечении года я подумал: хорошего помаленьку. Пора возвращать Братишку «Ю. С. Роботс». Он свою задачу выполнил.

Но Джози заупрямилась. Уперлась, ну хоть ты тресни.

— Ты соображаешь, что теперь нам придется выложить кругленькую сумму? — спросил я.

А она говорит:

— Я готова внести первоначальный залог.

Упирала на то, что мы не имеем права лишать Чарли брата. Без брата, мол, ему будет одиноко.

Может, оно и так, подумал я. А вы учтите, офицер: никогда даже в мыслях нельзя допускать, что жена может оказаться права. Это неизбежно приведет вас к катастрофе.

Чарли, кстати, маленько поутих и уже не так мутузил Братишку. Наверное, дело было в том, что он почти догнал его по росту и теперь это не доставляло ему такого удовольствия.

Кроме того, помимо грубостей и потасовок, Чарли начали интересовать и другие вещи. Например, его пристрастился к баскетболу. Играл один на один с Братишкой. Получалось у него просто здорово. Всегда переигрывал Братишку и никогда не промахивался по корзине. Допускаю, что Братишка давал себя переигрывать, не особо старался блокировать его броски, но в корзину-то Чарли попадал сам! Не мог же Братишка поддаваться ему таким образом!

На второй год Братишка стал вроде члена семьи. За стол вместе с нами он, правда, не садился, поскольку ничего не ел. Он также и не спал, просто стоял всю ночь в углу комнаты, где спал Чарли.

Зато он смотрел вместе с нами голографические фильмы, и Джози постоянно объясняла ему, что происходит. Все старалась, чтобы он побольше узнал и походил на человека. Она частенько брала его с собой за покупками и по другим делам, когда Братишка был не нужен Чарли. Полагаю, Братишка всегда был с ней любезен, подносил разные вещи и оказывал прочие знаки внимания.

Да и Джози, должен признать, с появлением Братишки изменилась в лучшую сторону. Повеселела, подобрела, стала меньше ныть. Короче, дела в доме пошли на лад. Вот я и прикинул: что ж, если Братишка развивает в Чарли агрессивность и напористость, а Джози приносит столько радости, может, и не плохо, что мы его приобрели.

А потом произошла эта история.

Послушайте, есть у вас что-нибудь жидкое?

Ну да, с алкоголем. Немного, немного. Да при чем тут ваши правила?! Должен же я досказать до конца.

Потом, значит, произошла эта история. Одна из миллиона... из миллиарда, наверное. Блоки на микросплавах не должны давать сбоев. Об этом где только не написано. Они застрахованы от поломок, что бы ни произошло. Только вот мой сломался. Я не знаю почему. И никто не знает. Не сразу даже определили, что виноват микросплав. Потом мне объяснили: мол, поскольку причина именно в этом, я имею право на восстановление всего дома и мебели.

Только какой мне теперь с этого прок?

Слушайте, вы обращаетесь со мной как с маньяком-убийцей. Но при чем тут я? Почему вы не ловите убийц, которые занимаются микросплавами? Найдите того, кто изготовил этот блок или что-то напутал при установке.

Вы что, не знаете, что такое настоящее преступление? Вот вам микросплав... Он не взорвался, не прогремел, он просто становился горячее и горячее, пока не запылал весь дом. Как могут оставаться на свободе люди, которые производят...

Хорошо, я закончу. Сейчас закончу.

В тот день меня дома не было. Впервые за весь год я выбрался из дома. Я ведь веду свои дела прямо из дома

или где бы я ни оказался вместе с семьей. Мне никуда не надо ходить, все делают компьютеры. У вас совсем другая работа, офицер.

А тут шеф пожелал увидеть меня лично. Особого смысла в этом не было, все можно было решить по каналам связи. Но ему почему-то вздумалось время от времени лично беседовать с начальниками отделов. Вбил себе в голову, что нельзя узнать человека, если не увидишь его в трех измерениях, не понюхаешь и не потрогаешь. Этот предрассудок сохранился с темных веков. Лучше бы они вернулись, эти времена. Тогда не было ни компьютеров, ни роботов, а люди имели столько детей, сколько им хотелось.

В тот день и произошло замыкание.

Мне тут же сообщили, что случилось. О плохом всегда сообщают сразу. Где бы человек ни находился, хоть на Луне или в открытом космосе, дурная весть найдет его в течение нескольких секунд. Хорошую новость вам могут и не сказать, плохую — обязательно.

Когда я примчался, дом еще пылал.

От него почти ничего не осталось. Джози выглядела ужасно, но была, по крайней мере, жива. Когда начался пожар, она находилась на лужайке. Так мне рассказали.

Когда из окон рванулись языки пламени, а Чарли был внутри, она кинулась его спасать. Должно быть, она и вытащила его из огня, потому что я видел, как он лежит на боку, а вокруг толпятся люди. Похоже, дела были плохи. Лица я не видел. Не решался подойти и посмотреть. Вначале я должен был расспросить Джози.

Я едва мог говорить.

— Как он? — произнес я и не узнал своего голоса. Мне показалось, что я схожу с ума.

— Я не могла спасти их обоих,— повторяла Джози.— Я не могла спасти их обоих.

«Зачем ей понадобилось спасать обоих?» — подумал я.

— Не переживай за Братишку,— сказал я.— Это всего лишь прибор. У нас есть страховка, получим компенсацию и купим другого.

Кажется, я пытался все это сказать, но не уверен, что у меня получилось. Может быть, я просто хрипел и задыхался. Не знаю.

Не знаю, слышала она меня или нет. Мне показалось, она даже не поняла, что я пришел.

— Мне пришлось выбирать,— шептала Джози.

И я пошел туда, где лежал Чарли. Я прочистил горло и с трудом выговорил:

— Как мой мальчик? Сильно он пострадал?

Кто-то мне ответил:

— Может, его удастся спасти.— Потом этот человек взглянул на меня и спросил: — Это ваш сын?

Я увидел Братишку. Одна рука была вывернута и не действовала. Он улыбнулся, словно ничего не произошло, и сказал:

— Привет, папаша. Мама вытащила меня из огня. Где Чарли?

Джози сделала выбор и спасла Братишку.

Не знаю, что было потом. Ничего не помню. Люди уверяют, что я ее убил. Будто бы меня не могли оттащить, пока я ее не задушил.

Может быть. Не знаю. Не помню. Знаю только... что она — убийца.

Она убила... она убила... Чар...

Она убила моего мальчика. И спасла кусок...

Кусок...

Титана.

«...Вставьте шплинт А в гнездо Б...»

Дейв Вудбери и Джон Хэнсен, неуклюжие в своих скафандрах, с волнением наблюдали, как огромная клеть медленно отделяется от транспортного корабля и входит в шлюз для перехода в другую атмосферу. Почти год провели они на космической станции А-5, и им, понятное дело, осточертели грохочущие фильтрационные установки, протекающие резервуары с гидропоникой, генераторы воздуха, которые надсадно гудели, а иногда и просто выходили из строя.

— Все разваливается,— скорбно вздыхал Вудбери,— потому что все это мы сами же и собирали.

— Следуя инструкциям,— добавлял Хэнсен,— составленным каким-то идиотом.

Основания для жалоб, несомненно, были. На космическом корабле самое дефицитное — это место, отводимое для груза, потому-то все оборудование, компактно уложенное, приходилось доставлять на станцию в разобранном виде. Все приборы и установки приходилось собирать на самой станции собственными руками, пользуясь явно не теми инструментами и следуя невнятным и пространным инструкциям по сборке.

Вудбери старательно записал все жалобы, Хэнсен снабдил их соответствующими эпитетами, и официальная просьба об оказании в создавшейся ситуации срочной помощи отправилась на Землю.

И Земля ответила. Был сконструирован специальный робот с позитронным мозгом, напичканным знаниями о том, как собрать любой мыслимый механизм.

Этот-то робот и находился сейчас в разгружающейся клети. Вудбери нервно задрожал, когда створки шлюза наконец сомкнулись за ней.

— Первым делом,— громыхнул Вудбери,— пусть он разберет и вновь соберет все приборы на кухне и настроит автомат для поджаривания бифштексов, чтобы они у нас выходили с кровью, а не подгорали.

Они вошли в станцию и принялись осторожно обрабатывать клеть демолекуляризаторами, чтобы удостовериться, что не пропадает ни один атом их выполненного на заказ робота-сборщика.

Клеть раскрылась!

Внутри лежали пятьсот ящиков с отдельными узлами... и пачка машинописных листов со смазанным текстом.

Лучший друг мальчика

— Где Джимми, дорогая? — спросил мистер Андерсон.

— Возле кратера,— ответила миссис Андерсон.— С ним Робатт, все будет в порядке. А того привезли?

— Да, он на ракетной станции, проходит проверку. Я и сам дождаться не могу, когда его увижу. Я ведь не видел их лет пятнадцать с тех пор, как покинул Землю. Разве что в кино.

— А Джимми никогда ничего подобного не видел,— заметила миссис Андерсон.

— Естественно, ведь Джимми уроженец Луны и не бывает на Земле. Потому я и выписал его. Думаю, на Луне второго такого нет.

— Это стоит денег,— тихонько вздохнула миссис Андерсон.

— Держать Робатта тоже недешево,— сказал мистер Андерсон.

Джимми, как и сказала его мать, был возле кратера. По земным меркам, он был худым, но для своих десяти лет довольно высоким. Впрочем, благодаря скафандру выглядел Джимми скорее плотным и коренастым. К тому же он прекрасно справлялся с лунным притяжением, так, как не удавалось ни одному уроженцу Земли. Когда Джимми вытягивал ноги и прыгал, как кенгуру, отец даже не пытался угнаться за ним.

Южный склон кратера был пологим, а Земля в южной части неба (если смотреть от Луна-Сити, она всегда там, в южной части) почти полной и такой яркой, что освещала весь склон.

Даже изрядный вес скафандра не мешал Джимми взлетать на пологий склон одним длинным прыжком, отчего казалось, что лунного притяжения вовсе нет.

— Иди сюда, Робатт,— крикнул Джимми.

Робатт услышал его по радио, пискнул и поскакал следом.

Джимми, несмотря на всю свою подвижность, не мог обогнать Робатта с его четырьмя ногами и стальными сухожилиями. Робатт перелетел через голову Джимми, перекувырнулся и опустился почти ему под ноги.

— Не воображай, Робатт,— сказал Джимми,— и оставайся в пределах видимости.

Робатт опять пискнул, что означало на его языке «да».

— Я тебе не верю, обманщик! — крикнул Джимми, делая длинный прыжок, который перенес его поверх стенки кратера на внутренний склон.

Стенка кратера закрыла Землю, и вокруг сразу стало совершенно темно. Теплая дружелюбная темнота стерла границу между верхом и низом, разве что там, наверху, блестели звезды...

Вообще говоря, Джимми не полагалось играть на внутренней стороне кратера. Взрослые считали, что это опасно, потому что сами никогда там не были. Джимми же на этой ровной хрустящей поверхности знал каждую из немногочисленных скал. И кроме того, что опасного в путешествии сквозь темноту, если рядом прыгает, пищит и ярко светится Робатт? Робатт и в темноте точно знал, где находится Джимми и где находится он сам, поскольку пользовался радаром. С Джимми не могло случиться ровным счетом ничего плохого, пока Робатт рядом, пока он легонько отталкивает Джимми от скал, пока кружит вокруг него, спрятавшегося за скалой, с испуганным писком (хотя, конечно, Робатт прекрасно знает, где Джимми) или прыгает на Джимми, чтобы показать, как сильно он его любит. Однажды Джимми лег и притворился, что

он ранен. Робатт включил радиосигнал тревоги, из Луна-Сити примчались спасатели, а отец потом высказал Джимми все, что он думал о такого рода невинных шутках, после чего Джимми не повторял ничего подобного.

Джимми как раз вспомнил о той истории, когда на его волне раздался голос отца:

— Джимми, домой. У меня есть для тебя новость.

Джимми снял скафандр и умылся. Всегда приходится умываться, когда приходишь снаружи. Моют даже Робатта, но ему это нравится. Робатт стоял под душем на всех четырех лапах. Его маленькое, не длиннее фута, тело подрагивало и слегка блестело, голова без рта, но с двумя большими стеклянными глазами и выпуклостью там, где помещался мозг, поворачивалась из стороны в сторону. Он так пищал от удовольствия, что мистеру Андерсону пришлось сказать:

— Тихо, Робатт.

Потом он улыбнулся и продолжил:

— У нас есть кое-что для тебя, Джимми. Он сейчас на ракетной станции, но завтра, когда проверки будут закончены, мы его получим.

— С Земли, па?

— Собака с Земли, сынок. Настоящая собака. Щенок скотч-терьера. Первая собака на Луне. Тебе больше не понадобится Робатт. Ты же понимаешь, мы не можем держать их обоих, поэтому Робатта заберет какой-нибудь другой мальчик или девочка.

Казалось, он ждал от Джимми ответа, но, не дождавшись, продолжил:

— Ты знаешь, что такое собака, Джимми. Она настоящая. Робатт — это только механическая имитация, робот-собачонка.

Джимми нахмурился.

— Робатт не имитация, па. Это моя собака.

— Это не настоящая собака, Джимми. Он сделан из стали и проводов, и у него небольшой позитронный мозг. Он не живой.

— Он делает все, что я хочу, па. Он понимает меня. Конечно, он живой.

— Нет, сынок, Робатт всего лишь машина. Он просто запрограммирован выполнять те действия, которые от него требуются. А собака живая. Ты не захочешь играть с Робаттом, когда у тебя появится собака.

— Собаке понадобится скафандр, да?

— Да, конечно. Но пес привыкнет к нему, а в городе скафандр ни к чему. Ты поймешь разницу, как только увидишь щенка.

Джимми посмотрел на Робатта, который тихо запищал и казался испуганным. Джимми потянулся к нему, и Робатт одним прыжком оказался у него на руках. Джимми спросил:

— А какая разница между Робаттом и собакой?

— Это трудно объяснить,— ответил мистер Андерсон,— но ты ее легко обнаружишь. Робатт просто научен действовать так, словно бы он тебя любит.

— Но, па, мы ведь не знаем, что внутри у щенка и что он чувствует. Может, это тоже только притворство.

Мистер Андерсон нахмурился.

— Джимми, ты поймешь разницу, когда испытаешь любовь живого существа.

Джимми крепко прижал Робатта к себе. Он тоже нахмурился, и по отчаянному выражению его лица было ясно, что он не намерен отступать. Джимми сказал:

— Какая разница, как они действуют? И как насчет того, что чувствую я? Я люблю Робатта, и только это имеет значение.

И маленький робот-собачонка, которого за все время его существования никогда не сжимали так крепко, громко запищал. Это был счастливый писк.

Робот ЭЛ-76 попадает не туда

Озабоченно шуря глаза за стеклами очков без оправы, Джонатан Куэлл распахнул дверь, на которой было написано «Управляющий». Он швырнул на стол сложенную бумагу и, задыхаясь, произнес:

— Взгляните-ка, шеф!

Сэм Тоб перекатил сигару из одного угла рта в другой, взглянул на бумажку и потер рукой небритый подбородок.

— Какого черта! — взорвался он.— Что они такое болтают?

— Они доказывают, что мы выслали пять роботов серии ЭЛ,— объяснил Куэлл, хотя в этом не было никакой необходимости.

— Мы послали шесть! — возразил Тоб.

— Конечно, шесть! Но они получили только пять. Они передали их номера — не хватает ЭЛ-76.

Кресло Тоба опрокинулось, и тучный управляющий унесся за дверь, как будто на хорошо смазанных колесах. А пять часов спустя, когда весь завод, от сборочной до вакуумных камер, был уже перевернут вверх дном, когда все двести рабочих до единого были подвергнуты допросу с пристрастием, взмокший, растрепанный Тоб послал срочную телеграмму на центральный завод в Скенектади.

Тогда и там началась паника. Впервые за всю историю «Ю. С. Роботс энд мекэникл мен корпорейшн» один из ее роботов оказался на воле. Дело было не только в том,

что закон строго запрещал роботам находиться на Земле за пределами заводов корпорации, имеющих специальную лицензию. Закон всегда можно было обойти. Точнее всего ситуацию определил один математик из исследовательского отдела. Он сказал:

— Этот робот спроектирован для работы с «Дезинто» на Луне. Его позитронный мозг рассчитан на лунные, и только лунные, условия. На Земле он подвергнется действию миллионов сенсорных раздражителей, к которым совершенно не подготовлен. Предсказать, как он будет на это реагировать, невозможно. Совершенно невозможно!

И математик вытер ладонью внезапно вспотевший лоб.

Не прошло и часа, как на завод в Виргинию вылетел стратоплан. Указания были несложными:

— Разыскать этого робота, не теряя ни минуты!

ЭЛ-76 был в полной растерянности. Более того, его сложный позитронный мозг сознавал только одно: он в растерянности. Все началось в тот момент, когда он оказался в этой абсолютно незнакомой обстановке. А как это произошло, он уже не знал. Все перепуталось.

Под ногами было что-то зеленое, кругом поднимались бурые столбы, тоже с зеленью наверху. Небо, которое должно быть черным, оказалось голубым. Солнце было такое, как полагалось,— круглое, желтое и горячее. Но где же пыльная, похожая на пемзу порода, которая должна быть под ногами? Где огромные скалистые кольца кратеров?

Под ногами у него была только зелень, над головой — голубое небо. Окружавшие его звуки тоже были незнакомыми. Он пересек поток воды, доходившей ему до пояса. Вода была голубая, холодная и мокрая. А люди, которые время от времени попадались ему на пути, были без скафандров, хотя им полагалось быть в скафандрах. Увидев его, они что-то кричали и убегали. Один из них навел на него пистолет — пуля просвистела над самой его головой — и тоже бросился бежать.

Робот не имел ни малейшего представления, сколько времени он так бродил, пока в двух милях от городка

Хэннафорда не наткнулся на хижину Рэндольфа Пэйна. Сам Рэндольф Пэйн с отверткой в одной руке и трубкой в другой сидел на пороге, зажав между колен помятые останки пылесоса.

Пэйн что-то напевал себе под нос, потому что был человеком веселым и беспечным — во всяком случае, когда находился в этой хижине. У него было и более респектабельное жилище в Хэннафорде, но то жилище заполонила в основном его жена, о чем он втайне искренне сожалел. Вот почему он чувствовал такое облегчение и такую свободу, когда ему удавалось выбраться в свою «личную конуру-люкс», где он мог, мирно покуривая, предаваться любимому занятию — чинить бытовые приборы, давно отслужившие свой срок.

Это было не бог весть какое развлечение, но порой кто-нибудь приходил к нему с радиоприемником или будильником, и деньги, которые Пэйн получал за то, что перетряхивал их внутренности, поступали в его бесконтрольное распоряжение, а не проходили через скаредные руки его супруги, пропускавшие лишь жалкие гроши.

Например, вот этот пылесос обещал верных шесть долларов.

При этой мысли Пэйн замурлыкал чуть громче, поднял взгляд — и его бросило в пот. Мурлыканье оборвалось, глаза Пэйна полезли на лоб. Он попытался было встать, чтобы пуститься наутек, но ноги его не слушались.

ЭЛ-76 присел рядом с ним на корточки и спросил:

— Послушайте, почему все остальные убегали?

Пэйн прекрасно понимал, почему они убегали, но те нечленораздельные звуки, которые ему удалось издать, не внесли ясности в положение. Он попробовал отодвинуться от робота.

ЭЛ-76 продолжал обиженным тоном:

— Один даже выстрелил в меня. На дюйм левее — и он поцарапал бы мне облицовку.

— П-псих, д-должно быть,— заикаясь, выдавил из себя Пэйн.

— Возможно.— Голос робота зазвучал более доверительно.— Послушайте, почему все вообще не так, как должно быть?

Пэйн поспешно огляделся. Ему пришло в голову, что этот металлический верзила разговаривает весьма кротко. Кроме того, он как будто где-то слыхал, что устройство мозга не позволяет роботам причинять вред человеку, и ему стало легче.

— Все так и должно быть.

— Разве? — ЭЛ-76 неодобрительно поглядел на него.— Вот вы, например. Где ваш скафандр?

— У меня нет скафандра.

— Тогда почему вы не умерли?

— Ну... не знаю,— ответил ошарашенный Пэйн.

— Вот видите! — торжествующе сказал робот.— Я же говорю, что все не так, как должно быть. Где кратер Коперника? Где Лунная станция номер семнадцать? А где мой «Дезинто»? Я хочу приняться за работу, очень хочу.— Голос его дрожал от недоумения и обиды.— Я уже много часов ищу кого-нибудь, кто сказал бы мне, где мой «Дезинто», но все разбегаются. Я уже, наверное, отстал от графика, и начальник участка совсем взбесится. Ничего себе положение!

Пэйн медленно собрался с мыслями и произнес:

— Послушай, как тебя зовут?

— Мой номер ЭЛ-76.

— Лално, сойдет и «Эл». Так вот, Эл, если тебе нужна Лунная станция номер семнадцать, так это на Луне. Ясно?

ЭЛ-76 кивнул тяжелой головой.

— Ну конечно. Но я же ее искал...

— Но она на Луне. А это не Луна.

Теперь пришла очередь робота растеряться. Он некоторое время задумчиво смотрел на Пэйна, а потом медленно произнес:

— То есть как это — не Луна? Конечно же, это Луна. Если это не Луна, то что же это тогда такое? А? Скажите-ка!

Пэйн издал какой-то невнятный звук и тяжело задышал. Он погрозил роботу пальцем.

— Послушай,— начал он, но тут его осенила величайшая идея века, и он закончил полупридушенным голосом: — Ух ты!

ЭЛ-76 укоризненно взглянул на него.

— Это не ответ. По-моему, я имею право на вежливый ответ, если задаю вежливый вопрос.

Но Пэйн не слушал. Он все еще поражался собственной сообразительности. Конечно же, все ясно как день. Этот робот был построен для Луны, но каким-то образом заблудился на Земле. Немудрено, что он совсем запутался, потому что его позитронный мозг рассчитан исключительно на лунные условия и понять земную обстановку он не в состоянии.

Только бы задержать робота здесь! А тем временем можно будет связаться с заводом в Питерсборо. Ведь роботы стоят огромных денег. Не меньше пятидесяти тысяч долларов, как он где-то слышал, а иногда и миллионы. Какое же можно получить вознаграждение! Уму непостижимо! И все, до последнего цента,— твои собственные деньги. А Миранде — ни единого ломаного дырявого цента! Ни единого, черт возьми!

Тут ему удалось наконец встать на ноги.

— Эл,— сказал он.— Мы с тобой друзья. Приятели! Я люблю тебя, как брата.

Он протянул руку.

— Давай лапу!

Его рука утонула в металлической ладони робота, который осторожно пожал ее. Робот не совсем понимал, что происходит.

— Означает ли это, что вы скажете мне, как попасть на Лунную станцию номер семнадцать?

Пэйн был слегка озадачен.

— Н-нет, не совсем. В общем, ты мне так нравишься, что я хочу, чтобы ты на некоторое время остался здесь, со мной.

— О нет, я не могу. Я должен приняться за работу.— Он угрюмо добавил: — Представьте себе, что это вы час

за часом, минута за минутой не выполняете норму! Я хочу работать. Я должен работать!

Пэйн с легким отвращением подумал, что вкусы бывают разные, и сказал:

— Ладно, тогда я тебе кое-что объясню. Я вижу, что ты неглуп. Твой начальник участка приказал мне задержать тебя здесь на некоторое время. В общем, пока он за тобой не пришлет.

— Зачем? — подозрительно спросил ЭЛ-76.

— Сам не знаю. Это государственная тайна.

«Господи, только бы он поверил»,— мысленно взывал Пэйн. Он знал, что роботы чертовски умны, но этот смахивал на какую-то раннюю модель.

А пока он молился, ЭЛ-76 обдумывал положение. Его мозг, предназначенный для работы с «Дезинто» на Луне, не слишком годился для абстрактных размышлений. Впрочем, ЭЛ-76 обнаружил, что с тех пор, как он заблудился, его мыслительные процессы протекают как-то странно. На него явно действовала чуждая обстановка.

Во всяком случае, его следующие слова свидетельствовали даже о некотором хитроумии. Он лукаво спросил:

— А как зовут моего начальника участка?

Пэйн поперхнулся, но быстро нашелся и обиженно ответил:

— Эл, и тебе не стыдно? Я же не могу сказать тебе, как его зовут. У деревьев есть уши.

ЭЛ-76 невозмутимо осмотрел ближайшее дерево и возразил:

— У них нет ушей.

— Знаю, я хотел сказать, что здесь могут быть шпионы.

— Шпионы?

— Ну да. Знаешь, такие нехорошие люди, которые хотят уничтожить Лунную станцию номер семнадцать.

— Зачем?

— Потому что они нехорошие. И они хотят уничтожить тебя тоже, и вот почему тебе нужно на некоторое время остаться здесь,— чтобы они тебя не нашли.

— Но... но мне нужен «Дезинто». Я не должен отставать от графика.

— Будет тебе «Дезинто». Будет! — лихорадочно пообещал Пэйн, так же лихорадочно проклиная про себя устройство робота, который уперся в одну точку и больше знать ничего не желает.— Завтра сюда пришлют «Дезинто». Да, завтра.

А до этого времени сюда уже явятся люди с завода, и он получит заветные охапки зеленых стодолларовых бумажек.

Но под раздражающим воздействием незнакомого мира ЭЛ-76 становился все более упрямым.

— Нет,— возразил он,— «Дезинто» нужен мне сейчас же.— Расправив свои металлические суставы, он встал.— Я лучше пойду еще его поищу.

Пэйн бросился за ним и вцепился в холодный жесткий локоть.

— Послушай! — вскричал он.— Ты должен остаться!

Тут в мозгу робота что-то щелкнуло. Все необычное, что окружало его, собралось в одну точку, его мозг осветился яркой вспышкой и заработал с необычайной эффективностью. Робот стремительно повернулся к Пэйну:

— Вот что! Я могу построить «Дезинто» прямо здесь и буду с ним работать.

Пэйн в сомнении помолчал.

— Не думаю, чтобы я сумел его построить.

Притворяться, будто он умеет строить какие-то неведомые «Дезинто», явно не стоило.

— Неважно.— ЭЛ-76 прямо-таки чувствовал, как позитронные связи в его мозгу перестраиваются по-новому, и испытывал успокоительное возбуждение.— Я сам могу построить «Дезинто».

Он заглянул в конуру-люкс и сказал:

— У вас здесь есть все, что мне нужно.

Рэндольф Пэйн окинул взглядом хлам, которым была завалена его хижина: выпотрошенные радиоприемники, холодильник без дверцы, ржавые автомобильные двигатели, сломанная газовая плита, несколько миль разлохмаченного провода — в общем, тонн пять—десять разнооб-

разного железного лома, от которого с презрением отвернулся бы любой старьевщик.

— Разве? — слабым голосом спросил он.

Два часа спустя почти одновременно произошли два события. Во-первых, Сэму Тобу, управляющему филиалом «Ю. С. Роботс энд мекэникл мен корпорейшн» в Питерсборо, позвонил по видсофону некий Рэндольф Пэйн из Хэннафорда. Речь шла о пропавшем роботе. Тоб, издав утробное рычание, отключился и приказал, чтобы впредь все подобные звонки переадресовывали шестому помощнику вице-президента, ведающему дырками от пуговиц.

Его можно было понять. Хоть робот ЭЛ-76 и исчез бесследно, всю последнюю неделю на завод непрерывно приходили сообщения о его местонахождении, поступавшие со всей страны. Порой по четырнадцать раз в день из четырнадцати разных штатов.

Тоб был сыт по горло, не говоря уже о том, что он вообще дошел до исступления. Делом как будто намеревалась заняться комиссия конгресса, хотя известнейшие специалисты по робопсихологии и математической физике все до единого давали голову на отсечение, что робот не представляет совершенно никакой опасности.

Неудивительно, что управляющий только через три часа задумался над тем, откуда же Рэндольф Пэйн мог узнать, что робот предназначался для Лунной станции № 17? И вообще, откуда он узнал, что номер робота ЭЛ-76? Этих подробностей компания никому не сообщала.

Минуты полторы Тоб размышлял, а потом взялся за дело.

Однако за те три часа, которые прошли со времени звонка Пэйна, успело произойти второе событие. Рэндольф Пэйн, который совершенно правильно истолковал нежелание управляющего продолжать разговор как признак недоверия к своим словам, вернулся в хижину с фотоаппаратом. Пусть-ка попробуют не поверить фотогра-

фиям! Ну а оригинал он им черта с два покажет, пока они не выложат деньги на бочку.

Все это время ЭЛ-76 занимался своим делом. Половина содержимого хижины Пэйна была разбросана на пространстве примерно в два акра, а посередине сидел на корточках робот и возился с радиолампами, кусками железа, медной проволокой и прочим хламом. Он не обратил никакого внимания на Пэйна, который, распластавшись на животе, готовился сделать прекрасный снимок.

Именно в этот момент из-за поворота дороги вышел Лемюэл Оливер Купер и замер на месте, потрясенный открывшейся перед ним картиной. Пришел он сюда потому, что забарахливший электрический тостер усвоил дурную привычку швыряться ломтиками хлеба, не потрудившись их поджарить. Удалился же Купер отсюда по куда более очевидной причине. Сюда он шел не спеша, в самом приятном весеннем расположении духа. Обратно он устремился с такой скоростью, что любой тренер университетской легкоатлетической команды, увидев его, только широко раскрыл бы глаза и одобрительно причмокнул бы губами.

Не снижая скорости, Купер — уже без шляпы и тостера — ворвался в кабинет шерифа Сондерса и остановился, только налетев на стену. Дружеские руки подняли его, и в течение тридцати секунд он тщетно пытался выговорить хоть слово. Его поили виски, его обмахивали платком, и, когда он наконец обрел дар речи, получилось примерно следующее: «Чудище... семь футов росту... раскидало всю хижину... бедный Рэнни Пэйн...» и так далее.

Постепенно удалось выяснить и подробности: что у хижины Рэндольфа Пэйна сидело огромное металлическое чудище ростом футов семь, а может быть, и все восемь или девять; что сам Рэндольф Пэйн лежал ничком и весь в крови, бедняга, изувеченный до неузнаваемости; что чудище усердно разносило хижину в щепки, удовлетворяя свою страсть к разрушению; что оно бросилось на Лемюэла Оливера Купера, и ему, Куперу, еле удалось ускользнуть из его лап.

Шериф Сондерс затянул потуже пояс, охватывавший его обширную талию, и сказал:

— Это тот самый механический человек, который удрал с завода в Питерсборо. Нас об этом предупреждали в прошлую субботу. Эй, Джейк, созови всех хэннафордцев, кто только умеет стрелять, и нацепи им по бляхе помощника шерифа. И чтобы в полдень они были тут! Да, вот что, Джейк, сначала загляни к вдове Пэйн и сообщи ей о несчастье, только поосторожнее!

Говорят, Миранда Пэйн, узнав о случившемся, помедлила лишь минуту, чтобы проверить, на месте ли страховой полис ее покойного мужа, и выразить в двух словах свое мнение о поразительной глупости, помешавшей ему застраховаться на вдвое большую сумму,— и тут же испустила такой душераздирающий, горестный вопль, какой только может вырваться из груди самой респектабельной вдовы.

Несколько часов спустя Рэндольф Пэйн, ничего не зная о постигших его тяжких увечьях и ужасной смерти, с удовольствием разглядывал только что проявленные негативы. Трудно было бы представить себе более исчерпывающую серию изображений трудящегося робота. Так и напрашивались названия: «Робот, задумчиво разглядывающий радиолампу», «Робот, сращивающий два провода», «Робот, размахивающий отверткой», «Робот, разносящий вдребезги холодильник» и так далее.

Оставался пустяк — напечатать фотографии, и Пэйн вышел из-за занавески, которая отгораживала наспех сооруженную темную комнату, чтобы покурить и поболтать с роботом.

При этом он пребывал в блаженном неведении того, что окружающий лес кишит перепуганными фермерами, вооруженными чем попало, начиная от мушкета — реликвии колониальных времен — и кончая ручным пулеметом самого шерифа. Не подозревал он и о том, что полдюжины роботехников во главе с Сэмом Тобом в этот момент мчатся по шоссе из Питерсборо, делая больше

ста двадцати миль в час, только для того, чтобы иметь удовольствие с ним познакомиться.

И вот, пока приближалась развязка, Рэндольф Пэйн удовлетворенно вздохнул, чиркнул спичкой о сиденье своих штанов, задымил трубкой и со снисходительной усмешкой поглядел на робота ЭЛ-76.

Ему уже довольно давно стало ясно, что робот основательно свихнулся. Рэндольф Пэйн знал толк в самодельных приспособлениях, так как и сам соорудил на своем веку несколько аппаратов, от которых шарахнулась бы даже самая флегматичная лошадь, но ему никогда и не снилось ничего похожего на чудовищное сооружение, которое состряпал ЭЛ-76.

Если бы Руб Голдберг был еще жив, он умер бы от зависти; Пикассо бросил бы живопись, почувствовав, что его превзошли — и как превзошли! А если бы в радиусе полумили отсюда оказалась корова, то в этот вечер она доилась бы простоквашей.

Да, это было нечто жуткое!

Над массивным основанием из ржавого железа (Пэйн припомнил, что когда-то оно было частью сломанного трактора) вкривь и вкось поднималась поразительная путаница проводов, колесиков, ламп и неописуемых ужасов без числа и названия. Все это завершалось наверху чем-то вроде раструба самого зловещего вида.

Пэйну захотелось было заглянуть в раструб, но он воздержался. Ему доводилось видеть, как внезапно взрывались куда более приличные на вид машины.

Он сказал:

— Послушай-ка, Эл!

Робот лежал на животе, прилаживая на место тонкую металлическую полоску. Он поднял голову.

— Что вам нужно, Пэйн?

— Что это такое?

Таким тоном мог бы задать подобный вопрос человек, глядящий на нечто невыразимо гнусное и смрадное, брезгливо подцепив его кончиком трехметрового шеста.

— Это «Дезинто», который я собираю, чтобы приступить к работе. Усовершенствованная модель.

Робот встал, с лязгом почистил стальные колени и не без гордости взглянул на свое сооружение.

Пэйн содрогнулся. Усовершенствованная модель! Немудрено, что оригинал прячут в лунных пещерах. Бедный спутник Земли! Бедный безжизненный спутник! Пэйну давно хотелось узнать, какая судьба может быть хуже смерти. Теперь он знал.

— А работать-то эта штука будет? — спросил он.

— Конечно.

— Откуда ты знаешь?

— А как же иначе! Ведь я его собрал, разве нет? Мне нужна еще только одна деталь. Есть у вас фонарик?

— По-моему, где-то есть.

Пэйн исчез в хижине и тут же вернулся.

Робот отвинтил крышку фонарика и снова принялся за работу. Через пять минут он кончил, отступил на несколько шагов и произнес:

— Готово. Теперь я принимаюсь за работу. Можете смотреть, если хотите.

Наступила пауза, пока Пэйн пытался оценить по достоинству столь великодушное предложение.

— А это не опасно?

— С ним управится и ребенок.

— А! — Пэйн криво улыбнулся и спрятался за самое толстое дерево из всех, что были поблизости.

— Валяй,— сказал он.— Я в тебя верю.

ЭЛ-76 указал на кошмарную груду лома и произнес:

— Смотрите!

Потом его руки пришли в движение...

Бравые фермеры графства Хэннафорд, штат Вирджиния, медленно стягивали кольцо вокруг хижины Пэйна. Они крались от дерева к дереву, в жилах у них играла кровь героических предков колониальных времен, а по спинам ползали мурашки.

Шериф Сондерс передал по цепи приказ:

— Стрелять по моему приказу и целить в глаза.

К нему подошел Джекоб Линкер, Тощий Джейк, как называли его друзья, и заместитель шерифа, как именовал себя он сам.

— А ну как этот механический человек смылся?

Как он ни старался, в его голосе прозвучала тихая надежда.

— Почем я знаю,— проворчал шериф.— Да навряд ли. Мы бы тогда наткнулись на него в лесу, а там он нам не попадался.

— Что-то уж очень тихо, а до хижины вроде бы рукой подать.

Джейк мог бы и не упоминать об этом — в горле шерифа Сондерса давно стоял такой большой комок, что глотать его пришлось в три приема.

— Вернись на место,— приказал он.— И держи палец на спуске.

Они уже подошли к самой поляне, и шериф Сондерс выглянул из-за дерева одним уголком плотно зажмуренного глаза. Ничего не увидев, он подождал, потом попробовал снова, на этот раз открыв глаза.

Эта попытка, естественно, оказалась более успешной.

Он увидел следующее: 1 (один) громадный механический человек, стоя спиной к нему, склонялся над 1 (одним) леденящим душу корявым устройством неясного происхождения и еще более неясного назначения. Не заметил шериф только дрожащую фигуру Рэндольфа Пэйна, который нежно обнимал узловатый ствол третьего по счету дерева к северо-северо-западу от него.

Шериф Сондерс выступил вперед и поднял ручной пулемет. Робот, по-прежнему стоявший к нему широкой металлической спиной, произнес громким голосом, обращаясь к неизвестному лицу (или лицам):

— Смотрите!

И в тот момент, когда шериф раскрыл было рот, чтобы дать команду «огонь», металлические пальцы нажали кнопку.

Точного описания того, что произошло вслед за этим, не существует, несмотря на присутствие семидесяти очевидцев. Все последовавшие затем дни, месяцы и годы ни

один из этих семидесяти ни разу и словом не обмолвился о тех нескольких секундах, которые промелькнули непосредственно после того, как шериф раскрыл рот, чтобы скомандовать «огонь». Когда же их начинали расспрашивать, они просто зеленели и, пошатываясь, уходили прочь.

Однако есть основания полагать, что в общих чертах произошло следующее.

Шериф Сондерс раскрыл рот. ЭЛ-76 нажал кнопку. «Дезинто» сработал — и семьдесят пять деревьев, два сарая, трех коров и три четверти холма Утиный Клюв как будто ветром сдуло. Так сказать — туда, где прошлогодний снег.

После этого рот шерифа Сондерса в течение неопределенного промежутка времени оставался открытым, но не издал ни команды «огонь», ни какого бы то ни было другого звука. А потом...

А потом засвистел разрезаемый воздух, послышался треск и шорох многих тел, мчавшихся сквозь кусты, и лес прочертила серия лиловых молний, разлетавшихся по всем направлениям от хижины Рэндольфа Пэйна. От участников облавы не осталось и следа.

В окрестностях поляны валялось огнестрельное оружие самых разнообразных систем, в том числе патентованный, никелированный, сверхскорострельный, безотказный ручной пулемет шерифа. Вперемешку с оружием лежало около пятидесяти шляп, несколько недогрызенных сигар и всякие мелочи, оброненные в суматохе. Но люди исчезли.

За исключением Тощего Джейка, ни об одном из них ничего не было слышно в течение трех дней. Он же стал исключением только потому, что мчаться дальше со скоростью метеора ему помешала встреча с полудюжиной служащих завода из Питерсборо, которые тоже мчались с вполне приличной скоростью, но только не из леса, а в лес.

Тощего Джейка остановил Сэм Тоб, искусно подставив на его пути свой живот. Как только к Сэму вернулось дыхание, он спросил:

— Где живет Рэндольф Пэйн?

Остекленевшие глаза Тощего Джейка на мгновение прояснились.

— Друг! — ответил он.— В противоположном направлении!

И тут же чудесным образом исчез. У самого горизонта между деревьями виднелась все уменьшавшаяся точка, и возможно, что это был Джейк, но Сэм Тоб не решился бы это утверждать под присягой.

Вот и все про шерифа и его помощников, но остается еще Рэндольф Пэйн, реакция которого оказалась несколько иной.

Рэндольф Пэйн абсолютно не помнил, что произошло за тот пятисекундный промежуток времени, который последовал за нажатием кнопки и исчезновением холма Утиный Клюв. Только что он глядел сквозь кусты на поляну, спрятавшись за деревом, и вот уже болтался на его верхней ветви. Тот же самый импульс, который разогнал шерифа с помощниками по горизонтали, его заставил устремиться по вертикали.

Что касается того, как он ухитрился преодолеть пятьдесят футов, отделявших подножие дерева от его вершины,— влез он, или прыгнул, или взлетел,— этого он не знал да и знать не хотел.

Знал он одно: робот, временно находившийся в его владении, уничтожил чужую собственность. Мечты о вознаграждении испарились, сменившись кошмарными видениями, в которых фигурировали возмущенные сограждане, разъяренные толпы линчевателей, судебные иски, арест по обвинению в убийстве и тирады Миранды Пэйн. В основном — тирады Миранды Пэйн.

Он хрипло завопил:

— Эй ты, робот, разбей эту штуку, слышишь? Разбей ее вдребезги! И забудь, что мы с тобой знакомы! Ты меня не знаешь, ясно? И чтобы ты никому ни слова об этом не говорил! Забудь, все забудь, слышишь?

Он не думал, что от его приказа будет какой-нибудь толк: просто ему надо было высказаться. Но он не знал, что робот всегда выполняет приказания человека, за ис-

ключением тех случаев, когда их выполнение связано с опасностью для другого человека.

Поэтому ЭЛ-76 принялся спокойно и методично разносить «Дезинто» вдребезги, превращая его в груду лома.

В тот самый момент, когда он дотаптывал последний кубический дюйм машины, на поляне появился Сэм Тоб со своей командой, а Рэндольф Пэйн, почувствовав, что пришли настоящие хозяева робота, кубарем свалился с дерева и во все лопатки пустился наутек в неизвестном направлении.

Дожидаться вознаграждения он не стал.

Инженер-роботехник Остин Уайльд повернулся к Сэму Тобу и спросил:

— Вы чего-нибудь добились от робота?

Тот покачал головой и прорычал:

— Ничего. Ни слова. Он забыл все, что произошло с того момента, как он ушел с завода. Должно быть, ему кто-то приказал забыть, иначе он помнил бы хоть что-нибудь. С какой это кучей лома он возился?

— Вот именно — куча лома. Да ведь это же, конечно, был «Дезинто», который он разбил. Если бы мне попался тот, кто приказал ему это сделать, я бы его прикончил, предварительно поджарив живьем. Вот, взгляните!

Они стояли на склоне бывшего холма Утиный Клюв — точнее говоря, на том месте, где склон кончался, так как вершина была начисто срезана. Уайльд провел рукой по безукоризненно ровной поверхности.

— Какой «Дезинто»! — сказал он.— Срезал холм, как бритвой!

— Зачем он его построил?

Уайльд пожал плечами.

— Не знаю, какой-то местный фактор — мы так и не узнаем какой — так подействовал на его позитронный мозг лунного образца, что он построил «Дезинто» из лома. У нас не больше одного шанса на миллион, что удастся когда-нибудь наткнуться на этот фактор, раз сам робот забыл. Второго такого «Дезинто» у нас никогда не будет.

— Неважно. Главное, мы отыскали робота.

— Как бы не так,— с горечью возразил инженер.— Вы когда-нибудь имели дело с «Дезинто» на Луне? Они жрут энергию, как электрические свиньи, и начинают работать не раньше, чем напряжение поднимется до миллиона вольт. А этот «Дезинто» работал на ином принципе. Я смотрел все обломки под микроскопом, и знаете, какой единственный источник питания я обнаружил?

— Какой?

— Вот, и больше ничего! И мы никогда не узнаем, как он этого добился!

И Остин Уайльд показал источник питания, позволивший «Дезинто» за полсекунды сбрить холм,— две батарейки от карманного фонаря.

Давайте объединимся

Мир и покой длились целое столетие, и люди забыли, что жизнь бывает и другой. Вряд ли они знали бы, как реагировать, если бы вдруг обнаружили, что началась война.

Конечно, и Элиас Линн, глава Бюро роботехники, не знал наверняка, как реагировать, когда ему наконец стало об этом известно. Штаб-квартира Бюро роботехники находилась в Шайенне, в соответствии со столетней традицией децентрализации, и Линн подозрительно уставился на молодого офицера службы безопасности из Вашингтона, который привез эту новость.

Элиас Линн был крупный мужчина, привлекательно некрасивый, со светло-голубыми глазами слегка навыкате. Обычно людям становилось неуютно под пристальным взглядом его глаз, но офицер безопасности оставался спокойным.

Линн решил, что его первой реакцией должно быть недоверие. Черт возьми, да ведь он действительно не поверил этому!

Он откинулся на спинку кресла и спросил:

— Насколько надежны эти сведения?

Офицер безопасности, представившийся как Ра́льф Дж. Брекенридж и предъявивший соответствующее удостоверение личности, был совсем юн, с полными губами, пухлыми щеками, которые часто заливала краска, и простодушным взглядом. Его одежда не соответствовала погоде в Шайенне, но, очевидно, была уместной в оборудо-

ванных кондиционерами помещениях в Вашингтоне, где, несмотря ни на что, до сих пор размещалась служба безопасности.

Брекенридж густо покраснел и ответил:

— В этом нет никаких сомнений.

— Уж вам-то, я полагаю, известно о Них все,— сказал Линн, не скрывая сарказма. Он не отдавал себе отчета в том, что, называя врага, невольно делает легкое логическое ударение: если бы он писал, слово «они» было бы написано с большой буквы. Эта привычка была характерна для людей его поколения, да и предыдущего тоже. Никто не говорил «восток», или «красные», или «Советы», или «русские». Это было бы неточно, так как некоторые из Них не жили на Востоке, не были красными, советскими, тем более не были русскими. Так что было намного проще говорить «Мы» и «Они», и намного точнее.

Путешественники нередко рассказывали, что Они используют те же термины, только наоборот. Там «Они» были «Мы», а «Мы» — «Они».

Едва ли кто-нибудь еще задумывался над подобными вещами. Они стали вполне привычными. Не было даже ненависти. Сначала это называлось холодной войной. Теперь стало просто игрой, почти доброжелательной, с неписаными правилами и своего рода уважением к приличиям.

Линн спросил резко:

— С чего это Им вдруг захотелось нарушить патовую ситуацию?

Он поднялся и начал разглядывать висевшую на стене карту мира, разделенного на два региона легкими цветовыми границами. Неправильной формы территория слева была отмечена светло-зеленой краской. Меньшая, но столь же причудливой формы территория справа — розовой. Мы и Они.

За сто лет на карте не произошло существенных изменений. Потеря Формозы и обретение Восточной Германии лет восемьдесят тому назад были последними важными территориальными изменениями.

Имелось, однако, другое изменение, достаточно существенное: оно касалось окраски. Два поколения назад Их территория была мрачного кроваво-красного цвета, Наша — чисто, незапятнанно белой. Теперь цвета стали более нейтральными. Линн видел Их карты, точно такие же.

— Они бы этого не сделали,— сказал Линн.

— Они делают это в данную минуту,— ответил Брекенридж,— и вам бы стоило привыкнуть к этой мысли. Конечно, сэр, я понимаю, не слишком приятно думать, что Они могут оказаться намного впереди Нас в роботехнике.

Глаза его по-прежнему смотрели простодушно, но слова были настолько колкими, что Линн поежился.

Конечно, это объясняло, почему человек, возглавляющий всю отрасль роботехники, узнал о случившемся так поздно и таким образом — через офицера безопасности: он потерял доверие правительства, и если действительно его роботы проиграют в борьбе, ему нечего рассчитывать на политическое милосердие.

Линн произнес устало:

— Даже если то, что вы сказали, правда, Они не сильно опередили Нас. Мы могли бы создать гуманоидных роботов.

— Это правда, сэр?

— Да. В сущности, несколько экспериментальных моделей уже готовы.

— Они делали это десять лет назад, следовательно, опережают Нас на десять лет.

Линн смутился. Может быть, его недоверчивость в отношении всей этой истории на самом деле порождена уязвленным самолюбием и страхом потерять работу и доброе имя. Мысль, что так могло быть, привела его в замешательство, и он начал защищаться.

— Послушайте, молодой человек, паритет между Ними и Нами, как вы знаете, никогда не был полным во всех отношениях. Всегда Они оказывались впереди в каких-то областях, а Мы — в других. Если сегодня Они опередили Нас в роботехнике, то только потому, что Они вложили в роботехнику больше усилий, чем Мы. А это означает, что в какие-то другие отрасли Мы вложили больше усилий,

чем Они. И следовательно, опережаем Их в исследовании силовых полей или, может быть, в гиператомной технике.

Собственные слова о том, что паритет не полный, огорчили Линна. Это была правда, но миру угрожала большая опасность. Мир зависел от того, насколько полным является равновесие сил. Если какое-либо из всегда существовавших различий склонит чашу весов слишком сильно в одну сторону...

В самом начале холодной войны соревнование между сторонами шло в создании термоядерного оружия, что сделало войну немыслимой. Соревнование переключилось с военной области на экономику и психологию и теперь шло главным образом в этих сферах.

Но обе стороны постоянно предпринимали попытки разрушить равновесие: создать систему защиты, которая могла бы отразить любой удар, создать такое оружие, удар которого нельзя было бы парировать своевременно,— создать что-нибудь, что снова сделало бы войну возможной. И совсем не потому, что какая-то из сторон отчаянно хотела войны, а из боязни, что противоположная сторона сделает решающее открытие первой.

В течение ста лет счет в игре был равным. И за это столетие, пока сохранялся мир, в результате интенсивных исследований были созданы силовые поля, освоено использование солнечной энергии, люди взяли под контроль насекомых и сконструировали роботов. Обе стороны начали развивать новую науку — менталистику. Такое название было дано биохимии и биофизике мысли. У каждой стороны были аванпосты на Луне и на Марсе. Человечество делало гигантские шаги вперед в результате навязанного двумя лагерями друг другу соревнования.

Для обеих сторон стало необходимым быть порядочными и гуманными, чтобы жестокость и тирания не побудили союзников перейти на другую сторону.

Невозможно, чтобы теперь паритет был нарушен и началась война.

Линн сказал:

— Я хотел бы посоветоваться с одним из моих сотрудников. Мне нужно узнать его мнение.

— Он заслуживает доверия?

Линн ответил с отвращением:

— О господи, есть ли среди занимающихся роботехникой хоть кто-нибудь, кого бы ваше ведомство не проверяло до изнеможения? Да, я ручаюсь за него. Если нельзя доверять Хэмфри Карлу Ласло, значит, у нас нет способа отразить атаку, которую, по вашим словам, Они предприняли, что бы Мы ни делали.

— Я слышал о Ласло,— сказал Брекенридж.

— Хорошо. Он подходит?

— Да.

— Тогда я позову его, и мы выясним, насколько, с его точки зрения, возможно вторжение роботов в США.

— Не совсем так,— мягко возразил Брекенридж.— Вы никак не поймете истинное положение вещей. Выясните его точку зрения на то, что роботы уже вторглись в США.

Ласло был внуком венгра, который когда-то прорвался через так называемый железный занавес, и по этой причине на него не распространялись никакие подозрения. Это был худой, начинающий лысеть человек с курносым носом и постоянно задиристым выражением лица, что противоречило его мягкой манере говорить и чистейшему гарвардскому произношению.

Для Линна, который сознавал, что после стольких лет административной работы он уже не может точно оценить, на какой стадии развития находится роботехника, Ласло был удобным хранителем полного знания. Линн почувствовал себя лучше просто от присутствия этого человека.

— Что вы об этом думаете? — спросил Линн.

Мрачная гримаса исказила лицо Ласло.

— Просто невероятно, что Они настолько опередили Нас. Не может быть, чтобы Они создали гуманоидов, практически неотличимых от людей. Это было бы важнейшим достижением в робоменталистике.

— Вы вносите в этот вопрос слишком личное отношение,— холодно произнес Брекенридж.— Отбросьте про-

фессиональное самолюбие и скажите, почему вы считаете, что Они не могли опередить Нас?

Ласло пожал плечами:

— Уверяю вас, я достаточно хорошо знаком с Их литературой по роботехнике. Я примерно знаю, на каком уровне Они находятся.

— Вы знаете лишь то, что Они хотят, чтобы вы знали об их уровне,— вот реальный смысл ваших слов,— поправил Брекенридж.— Вы когда-нибудь посещали те страны?

— Нет,— ответил Ласло коротко.

— А вы, доктор Линн?

— Я тоже нет.

Брекенридж спросил:

— Кто-нибудь из роботехников бывал там за последние двадцать пять лет?

Судя по тону, которым Брекенридж задал вопрос, ответ был ему известен.

В течение нескольких секунд в комнате царило тяжелое молчание.

Лицо Ласло выразило обеспокоенность.

— В сущности, Они давно уже не проводили никаких конференций по роботехнике.

— Двадцать пять лет,— сказал Брекенридж.— Разве это не показательно?

— Может быть,— неохотно согласился Ласло.— Однако меня беспокоит кое-что еще. От Них никто не приезжал на Наши конференции по роботехнике — по крайней мере, насколько я помню.

— Их приглашали? — спросил Брекенридж.

Линн, напряженный и обеспокоенный, немедленно откликнулся:

— Конечно.

Брекенридж поинтересовался:

— А Они отказывались присутствовать на каких-нибудь других конференциях, которые Мы проводили?

— Не знаю,— сказал Ласло. Теперь он мерил шагами кабинет.— Я о таких случаях никогда не слышал. А вы, шеф?

— Никогда,— ответил Линн.

Брекенридж спросил:

— Не кажется ли вам, что Они не хотели попадать в ситуацию, когда были бы вынуждены послать ответное приглашение? Или Они боялись, что кто-то из Их людей скажет лишнее?

Похоже, именно так и обстояло дело, и Линна охватила горькая уверенность в правоте службы безопасности.

По какой другой причине могли отсутствовать всякие контакты между сторонами в области роботехники? Перекрестно опыляющие друг друга потоки исследователей двигались в обоих направлениях по строгой квоте — один к одному, соблюдавшейся со времен Эйзенхауэра и Хрущева. Существовало великое множество побудительных причин для такого обмена: честное признание наднационального характера науки, импульсы дружелюбия, которые трудно полностью уничтожить в каждой отдельно взятой личности, желание узнать свежую и интересную точку зрения и увидеть, как твою слегка заплесневевшую мысль приветствуют как свежую и оригинальную.

Сами правительства заботились о том, чтобы обмен продолжался. Всегда присутствовало очевидное соображение, что, узнавая как можно больше и рассказывая как можно меньше, ваша собственная сторона выигрывает от такого обмена.

Но не в случае с роботехникой. Для полного осознания ситуации не хватало сущего пустяка, к тому же пустяка, давно им известного. В голову Линну пришла мрачная мысль: «Мы проиграли из-за собственного благодушия».

Из-за того, что другая сторона как будто ничего в роботехнике не предпринимала, возник соблазн самодовольно расслабиться в приятном сознании собственного превосходства. Почему не возникла мысль о возможности, даже вероятности того, что Они просто прячут до поры до времени выигрышные карты, козырную масть?

Ласло произнес потрясенно:

— Что же нам делать? — Очевидно, его мысль шла тем же путем и привела его к такому же печальному выводу.

— Делать? — передразнил его Линн. Думать сейчас о чем-либо, кроме того ужаса, который пришел вместе с

осознанием ситуации, было невозможно. В Соединенных Штатах находились десять человекоподобных роботов, каждый из которых был носителем бомбы ТП.

ТП! Этим закончилась кошмарная гонка в создании абсолютного оружия. ТП! Тотальное превращение! Энергия Солнца больше не могла служить единицей измерения. По сравнению с ТП Солнце показалось бы грошовой свечой.

Десять гуманоидных роботов, абсолютно безвредных по отдельности, могли, просто собравшись вместе, создать массу, превосходящую критическую, и тогда...

Линн тяжело поднялся. Темные мешки под глазами, придававшие его лицу выражение безутешного пессимизма, были заметнее, чем обычно.

— Нам предстоит выработать пути и средства отличить гуманоидных роботов от людей, а потом разыскать их.

— Как быстро? — пробормотал Ласло.

— Не меньше чем за пять минут до того, как они объединятся,— огрызнулся Линн,— а когда это будет, я не знаю.

Брекенридж кивнул.

— Я рад, что вы с нами, сэр. Видите ли, я должен доставить вас в Вашингтон на совещание.

Линн поднял брови.

— Хорошо.

Он подумал, что, если бы ему понадобилось больше времени на осознание ситуации, его вполне бы могли сместить с поста и на совещании в Вашингтоне присутствовал бы уже другой глава Бюро по роботехнике. И тут он от всей души пожелал, чтобы именно так и случилось.

На совещании присутствовали Первый помощник президента, секретарь по науке, секретарь по безопасности, Линн и Брекенридж. Впятером они сидели за столом в бункере подземной крепости недалеко от Вашингтона.

Помощник президента Джефрис был импозантен, сед, решителен, вдумчив и политически ненавязчив, каким именно должен быть помощник президента.

Он произнес решительно:

— Перед нами три вопроса, насколько я понимаю. Во-первых, когда соберутся гуманоидные роботы; во-вторых, где они соберутся; и в-третьих, как мы можем остановить их прежде, чем они соберутся?

Секретарь по науке Эмберли судорожно кивал. До того, как его назначили на эту должность, он занимал пост декана в Северо-западном инженерном университете. Он был худ, с резкими чертами лица и явно не в своей тарелке. Указательным пальцем он чертил на столе круги.

— Что касается вопроса, когда они соберутся,— сказал он,— я полагаю, ясно, что в ближайшее время этого не произойдет.

— Почему вы так думаете? — спросил Линн резко.

— Они в Соединенных Штатах уже по крайней мере месяц, как утверждает безопасность.

Линн автоматически обернулся, чтобы взглянуть на Брекенриджа. Секретарь по безопасности Макалистер перехватил его взгляд и сказал:

— Эта информация достоверна. Кажущаяся молодость Брекенриджа многих вводит в заблуждение, доктор Линн. Отчасти за это мы его и ценим. На самом деле ему тридцать четыре года, и он работает в нашем департаменте уже десять лет. Он жил в Москве почти год, и без него мы просто ничего не узнали бы об этой страшной опасности. Как бы то ни было, большая часть деталей нам известна.

— Не самые существенные детали,— заметил Линн.

Макалистер сдержанно улыбнулся. Публике были хорошо знакомы его тяжелый подбородок и близко посаженные глаза, но больше никто ничего о нем не знал. Он сказал:

— Человеческие возможности ограниченны, доктор Линн. Агент Брекенридж сделал великое дело.

Помощник президента Джефрис вмешался:

— Давайте считать, что какое-то время у нас есть. Если бы роботы получили приказ действовать немедленно, все произошло бы еще до нашей встречи. Видимо, они дожидаются определенного момента. Если бы мы знали место, может быть, этот момент стал бы очевиден. Если

Они хотят использовать бомбу ТП, то Их цель — нанести Нам как можно больший ущерб, а тогда, по-видимому, местом сбора назначен один из крупных городов. В любом случае столица, политическая или экономическая,— единственная мишень, достойная бомбы ТП. Я думаю, существуют четыре возможности: Вашингтон как административный центр; Нью-Йорк как финансовый центр; Детройт и Питсбург, два главных промышленных центра.

Макалистер сказал:

— Я голосую за Нью-Йорк. Администрация и промышленность рассредоточены до такой степени, что уничтожение любого одного города не предотвратит мгновенное возмездие.

— Тогда почему Нью-Йорк? — спросил Эмберли, секретарь по науке, может быть, более резко, чем намеревался.— Финансы тоже децентрализованы.

— Вопрос морального воздействия. Может быть, Они намерены уничтожить Нашу волю к сопротивлению, заставить сдаться на милость победителя, использовав ужас, вызванный первым ударом. Наибольшее число человеческих жизней можно уничтожить в нью-йоркском мегаполисе.

— Довольно хладнокровная оценка,— пробормотал Линн.

— Согласен,— отозвался Макалистер,— но Они способны на это, если надеются победить одним ударом. Могли бы мы...

Помощник президента Джефрис откинул назад свои седые волосы.

— Предположим худшее. Будем считать, что Нью-Йорк будет уничтожен в течение этой зимы, скорее всего, сразу после сильного бурана, когда дороги в наихудшем состоянии, а уничтожение системы жизнеобеспечения и запасов продовольствия приведет к самым серьезным последствиям. Как нам их остановить?

Эмберли мог сказать только:

— Поиск десяти человек среди двухсот двадцати миллионов напоминает поиск очень маленькой иголки в очень большом стоге сена.

Джефрис покачал головой:

— Вы не правы. Десять гуманоидных роботов среди двухсот двадцати миллионов человек.

— Не вижу разницы,— сказал Эмберли.— Мы не знаем, можно ли отличить такого робота от человека по внешнему виду. Вероятно, нельзя.— Он посмотрел на Линна. И все посмотрели.

Линн произнес с трудом:

— Нам в Шайенне не удалось создать робота, которого бы при дневном свете можно было принять за человека.

— А Они смогли,— сказал Макалистер,— и не только физически. В этом мы уверены. Они продвинулись в менталистических разработках настолько, что могут скопировать микроэлектронные характеристики человека и наложить их на позитронные связи мозга робота.

Линн пристально посмотрел на него.

— Вы утверждаете, что Они могут создать точную копию человека, обладающую индивидуальностью и памятью?

— Именно.

— Конкретной человеческой личности?

— Совершенно верно.

— Вы утверждаете это на основании изысканий агента Брекенриджа?

— Да. Имеющиеся данные невозможно оспаривать.

Линн опустил голову и на мгновение задумался. Потом сказал:

— Тогда десять человек в Соединенных Штатах не люди, а их гуманоидные копии. Но Они в этом случае должны были иметь в своем распоряжении оригиналы. Роботы не могут обладать азиатской внешностью, в этом случае их слишком легко можно было бы распознать, так что скорее всего это восточноевропейцы. Но как они смогли проникнуть в нашу страну? В условиях, когда радарная сеть, контролирующая границы, и мухи не пропустит? Как Они могли забросить сюда кого-либо, человека или робота, так, чтобы Мы об этом не знали?

Макалистер ответил:

— Это могло быть сделано. Есть определенное количество людей, пересекающих границы на законном основании. Бизнесмены, летчики, даже туристы. За ними, конечно, наблюдают на обеих сторонах. И тем не менее десятерых из них можно было похитить и использовать как модели. Потом вместо них вернулись роботы. Так как мы не ожидали такой подмены, это могло сойти. Если похищенные были американцами, никаких сложностей с проникновением их в нашу страну не возникло. Все очень просто.

— И даже их друзья и семьи не заметили разницы?

— Это можно предположить. Поверьте мне, все это время мы проверяли любые сообщения, в которых говорилось бы о случаях внезапной потери памяти или подозрительных изменениях характера. Мы проверили тысячи людей.

Эмберли внимательно разглядывал кончики своих пальцев.

— Я полагаю, стандартные меры не сработают. Успешные действия могут исходить только от специалистов по роботехнике, и я рассчитываю на директора Бюро.

И снова пристальные взгляды, полные ожидания, обратились к Линну.

Линн почувствовал прилив горечи. Ему казалось, что участники совещания пришли к тому, к чему они заранее намерены были прийти. Никто из них не сказал ничего нового, в этом он был уверен. Никто не внес ни одного предложения. Они провели совещание для протокола, поскольку всерьез боялись поражения и хотели свалить ответственность за него на кого-нибудь другого.

И все-таки в решении совещания была определенная справедливость. Именно в роботехнике Мы отстали от Них. И Линн был не просто Линном. Он представлял роботехнику, и ответственность лежала на нем.

Поэтому он сказал:

— Я сделаю все, что смогу.

Он провел бессонную ночь и на следующее утро, когда он еще раз встретился с помощником президента Джефрисом, был измучен телом и душой. Брекенридж нахо-

дился там же, и хотя Линн предпочел бы беседу с глазу на глаз, он понимал, что это справедливо. Очевидно, в результате своей успешной разведывательной работы Брекенридж приобрел высокое реноме у правительства. Ну а почему бы и нет?

Линн сказал:

— Сэр, я не исключаю возможность, что мы напрасно бросились на подсунутую врагом приманку.

— В каком смысле?

— Я уверен, что, как бы ни возрастала временами общественная нетерпимость, что бы ни находили иногда целесообразным говорить законодатели, правительство, тем не менее, понимает, что паритет выгоден. Они, должно быть, тоже это понимают. Десять роботов с одной бомбой ТП — это банальный способ нарушить равновесие.

— Уничтожение пятнадцати миллионов человек вряд ли можно считать банальным.

— Это так с точки зрения мирового господства. Уничтожение города не настолько бы деморализовало Нас, чтобы заставить сдаться, и не так повредило бы Нам, чтобы убедить в невозможности победить. Это была бы именно та война, угрожающая самому существованию нашей планеты, которой обе стороны так долго и так успешно избегали. И все, чего бы Они добились,— это заставили бы Нас воевать, лишив одного города. Этого недостаточно!

— Что же вы предполагаете? — спросил Джефрис холодно.— Что у Них нет десяти роботов в нашей стране? Что нет бомбы ТП, которая взорвется, когда они соберутся вместе?

— Я согласен, что это существует, но для каких-то более серьезных целей, чем урон от бомбардировки в середине зимы.

— Например?

— Возможно, физическое уничтожение, которое произойдет, если роботы соберутся вместе, не самое худшее, что может случиться с Нами. Как насчет морального и интеллектуального уничтожения в результате того, что

они просто находятся здесь? Не могу не воздать должного уважения агенту Брекенриджу, но что, если Они как раз и стремились к тому, чтобы Мы узнали о роботах; что, если в Их планы и не входит, чтобы роботы когда-нибудь собрались вместе? Они так и будут существовать порознь, но у Нас при этом будет повод для беспокойства.

— Зачем?

— Скажите мне вот что. Какие меры уже приняты против роботов? Я полагаю, служба безопасности уже изучает личные дела всех тех, кто когда-либо пересекал границу или находился от нее достаточно близко, чтобы быть похищенным. Я знаю, поскольку Макалистер упомянул об этом вчера, что они отслеживают подозрительные психиатрические случаи. Что еще?

Джефрис сказал:

— Маленькие рентгеновские аппараты установлены в наиболее посещаемых местах больших городов, в концертных залах, например...

— Там, где десять роботов могут незаметно смешаться с сотнями тысяч зрителей, на футбольном матче или игре в воздушное поло?

— Конечно.

— В концертных залах и церквях?

— Мы должны с чего-то начать. Невозможно сделать все сразу.

— Особенно если надо избежать паники,— заметил Линн.— Разве не так? Никто не заинтересован в том, чтобы люди напряженно ждали: в какой-то день какой-то город внезапно перестанет существовать.

— Я полагаю, это очевидно. К чему вы клоните?

Линн сказал горячо:

— Все возрастающая часть наших национальных усилий будет полностью отвлечена на то, что Эмберли назвал поиском очень маленькой иголки в очень большом стоге сена. Мы будем, как сумасшедшие, ловить свой собственный хвост, а Они тем временем достигнут такого уровня в научных исследованиях, что Мы уже никогда не сможем Их догнать. Вот тогда Нам не останется ничего другого,

как сдаться без всякой надежды на реванш. Предположим далее, что произойдет утечка информации, так как все больше и больше людей будут втянуты в наши контрмеры и все больше и больше людей начнут догадываться, чем мы заняты. Что тогда? Паника может нанести нам больший вред, чем любая бомба ТП.

Помощник президента спросил раздраженно:

— Ради всего святого, что вы в таком случае предлагаете предпринять?

— Ничего,— ответил Линн.— Перехитрить Их. Жить, как жили, рискнуть, надеясь, что Они не посмеют разрушить мировой паритет ради испытания одной бомбы.

— Невозможно! — отрезал Джефрис.— Абсолютно невозможно. Я несу слишком большую ответственность за наше общее благополучие, и единственное, чего я не могу себе позволить,— это ничего не делать. Может быть, я согласен с вами, рентгеновские аппараты на спортивных аренах — поверхностная мера, которая не принесет результата, но это необходимо сделать, чтобы впоследствии люди не пришли к горькому выводу, что мы пренебрегли интересами нашей страны ради красивых логических построений, которые позволили нам ничего не делать. Наш контргамбит должен быть активным.

— Каким образом?

Помощник президента Джефрис посмотрел на Брекенриджа. Юный офицер безопасности, до сих пор спокойно молчавший, сказал:

— Нет смысла говорить о будущем нарушении равновесия, когда оно уже нарушено. И не имеет значения, взорвутся ли роботы или нет. Может быть, вы правы и они действительно только приманка, чтобы отвлечь Нас. Но факт остается фактом: Мы на четверть века отстали в роботехнике, и это может оказаться роковым. Какие достижения роботехники, имеющиеся у Них в запасе, будут применены, если начнутся военные действия? Единственным ответом может быть привлечение всей Нашей мощи, сейчас же, к ускоренной программе развития роботехники, а первая задача — найти гуманоидов. Вы можете на-

звать это как вам нравится — то ли упражнением по роботехнике, то ли предотвращением смерти пятнадцати миллионов мужчин, женщин и детей.

Линн беспомощно покачал головой:

— Вы не можете понять. Вы играете Им на руку. Они хотят заманить Нас в тупик, чтобы получить свободу продвигаться в других направлениях.

Джефрис сказал нетерпеливо:

— Это ваша догадка. Брекенридж передал свое предложение по каналам правительственной связи, оно одобрено, и мы начнем со Всеобщей научной конференции.

— Всеобщей?

Брекенридж пояснил:

— Мы внесли в список всех известных ученых из всех отраслей естественных наук. Они все приедут в Шайенн. Предстоит обсудить только один вопрос: как продвинуться вперед в роботехнике, и конкретно — как сконструировать принимающее устройство для электромагнитных полей коры головного мозга, которое будет достаточно чувствительным, чтобы отличить органический человеческий мозг от позитронов мозга робота.

— Мы надеялись, что вы охотно возьметесь за проведение конференции,— сказал Джефрис.

— Со мной никто об этом не консультировался.

— Вы же понимаете, сэр, времени было мало. Вы согласитесь ее провести?

По лицу Линна скользнула улыбка. Снова возник вопрос об ответственности. Всем должно быть ясно, что ответственность лежит на Линне как главе исследований по роботехнике. У него возникло чувство, что на самом деле проводить эту конференцию будет Брекенридж. Но что он мог поделать?

И он сказал:

— Я согласен.

Брекенридж и Линн вместе вернулись в Шайенн, где в тот же вечер Ласло угрюмо и недоверчиво выслушал рассказ Линна о том, что им предстояло.

Ласло сообщил:

— Пока вы были в отъезде, шеф, я провел пять экспериментальных моделей гуманоидного типа через тестирование. Наши люди работают в три смены двадцать четыре часа в сутки. Если нам придется проводить конференцию, эта канцелярщина пойдет в ущерб делу. Работа остановится.

— Это ведь временно,— заметил Брекенридж.— Вы приобретете больше, чем потеряете.

Ласло поморщился:

— Стада астрофизиков и геохимиков абсолютно ни в чем не помогут роботехникам.

— Взгляд специалиста со стороны может оказаться полезным.

— Вы уверены? Откуда вы знаете, что вообще существует способ улавливания волн, которые посылает мозг, и что, даже если это возможно, есть способ отличить человека от робота по волновой модели? Кто вообще выдвинул этот проект?

— Я,— сказал Брекенридж.

— Вы? Вы роботехник?

Юный агент безопасности спокойно ответил:

— Я изучал роботехнику.

— Это не одно и то же.

— У меня был доступ к текстам, касающимся русской роботехники,— на русском языке. Материалы высшей степени секретности, намного опережающие то, что вы имеете здесь.

Линн произнес уныло:

— Мы у него на крючке, Ласло.

— На основе их материалов,— продолжал Брекенридж,— я и предложил именно это направление исследований. С уверенностью можем сказать, что простой перенос электромагнитных характеристик человеческого мозга на позитронную основу не даст точного дубликата. Прежде всего, самый сложный позитронный мозг, если он настолько мал, что умещается в человеческом черепе, в сотни раз менее сложен, чем мозг человека. Следова-

тельно, он не может усвоить все нюансы, и должен существовать способ воспользоваться этим обстоятельством.

Казалось, на Ласло слова Брекенриджа произвели впечатление вопреки его воле. Линн мрачно улыбнулся. Легко было возмущаться Брекенриджем и предстоящим нашествием нескольких сотен ученых, которые не являются специалистами в роботехнике, но сама постановка проблемы была интересной. Этим, по крайней мере, можно было утешаться.

Понимание пришло к нему постепенно.

Линн, которому ничего другого не оставалось, сидел в своем кабинете в бездействии, поскольку его исполнительная власть стала чистой фикцией. Может быть, это и помогло. У него появилось время для раздумий, и он представил себе, как все что-то значащие ученые западного полушария соберутся в Шайенне.

Брекенридж с холодной эффективностью занимался подготовкой конференции. В его тоне сквозила уверенность в себе, когда он сказал Линну:

— Давайте объединимся, и мы победим Их.

Давайте объединимся.

Линну удалось сохранить спокойствие, и если бы даже кто-нибудь наблюдал за ним в эту минуту, он мог бы заметить только, как Линн дважды моргнул — ничего больше.

Он принял все необходимые меры с неожиданной отрешенностью, и это помогло ему сохранить спокойствие, хотя он чувствовал, что, по всем правилам, должен сойти с ума.

Он разыскал Брекенриджа в его импровизированном кабинете. Брекенридж сидел один и, увидев Линна, нахмурился:

— Что-то не так, сэр?

Линн ответил устало:

— Я думаю, все в порядке. Я ввел военное положение.

— Что?!

— Как руководитель Бюро, я могу это сделать, если, по моему мнению, ситуация этого требует. В моем отде-

ле я, таким образом, могу быть диктатором. Это расплата за прелести децентрализации.

— Вы немедленно отмените этот приказ.— Брекенридж шагнул к нему.— Когда Вашингтон узнает об этом, вам конец.

— Мне все равно конец. Вы думаете, я не понимаю, что мне уготована роль величайшего злодея в американской истории — человека, который позволил Им нарушить паритет? Мне нечего терять, но, может быть, я еще выиграю.— Он засмеялся, но смех его был невеселым.— Какой отличной мишенью будет Бюро роботехники, а, Брекенридж? Всего несколько тысяч человек, убитых бомбой ТП, которая способна уничтожить триста квадратных миль за одну микросекунду, но из них пятьсот человек — наши величайшие ученые. Нам пришлось бы выбирать: вести войну, будучи лишенными мозга нации, или сдаться. Думаю, Мы сдались бы.

— Но это невозможно. Линн, вы слышите меня? Вы понимаете? Как могут роботы пройти проверку службой безопасности? Как они могут объединиться?

— Но они уже объединяются! Мы помогаем им это сделать. Мы приказываем им это сделать. Наши ученые посещают Их конференции, Брекенридж. Они посещают их регулярно. Все, кроме роботехников. Вы сами обратили внимание на эту странность. Ну, а десять американских ученых до сих пор там, а вместо них десять роботов сейчас едут в Шайенн.

— Это просто смешно.

— Думаю, это правильное предположение, Брекенридж. Но план бы не удался, если бы мы не знали, что роботы находятся в Америке, и не решили собрать всех виднейших ученых на конференцию. Удивительное совпадение: именно вы привозите новости о роботах, и предлагаете провести конференцию, и составляете повестку дня, и все организовываете, и точно знаете, какие ученые приглашены. Вы уверены, что те десять включены в список приглашенных?

— Доктор Линн! — воскликнул Брекенридж возмущенно. Он вскочил, готовый броситься на Линна.

Линн произнес:

— Не двигайтесь. У меня бластер. Мы просто подождем, пока ученые прибудут один за другим. Одного за другим мы подвергнем их рентгеновскому исследованию. Одного за другим мы проверим их на радиоактивность. Никто из них не будет общаться с другими до окончания проверки, и если все пятьсот окажутся чисты, я отдам вам бластер и сдамся. Только мне кажется, что мы найдем десять роботов. Садитесь, Брекенридж.

Они оба сели. Линн сказал:

— Подождем. Когда я устану, Ласло меня сменит. Подождем.

Профессор Мануэло Джиминес из Буэнос-Айреса взорвался, когда стратосферный реактивный самолет, на котором он летел, был на высоте трех миль над долиной Амазонки. Это был взрыв простой взрывчатки, но его оказалось достаточно, чтобы полностью уничтожить самолет.

Доктор Герман Лейбовиц из Миннесотского технологического института взорвался в вагоне монорельсового поезда, убив двадцать человек и ранив сто.

Точно так же доктор Огюст Морен из института ядерной физики в Монреале и семь других умерли на разных этапах своего пути в Шайенн.

Ласло влетел, бледный и заикающийся, с первым из этих сообщений. Прошло всего два часа с того момента, как Линн задержал Брекенриджа, держа в руке бластер.

Ласло признался:

— Я думал, что вы спятили, шеф, но вы были правы. Они были роботами. Они *должны были* ими быть.— Он повернулся и ненавидящими глазами посмотрел на Брекенриджа.— Только их предупредили. Он предупредил их, и теперь не останется ни одного целого. Ни одного для изучения.

— О боже! — воскликнул Линн в бешенстве, направил бластер на Брекенриджа и выстрелил. У офицера безопас-

ности исчезла шея; туловище опало; голова отлетела, глухо ударилась об пол и покатилась по дуге.

Линн простонал:

— Я не понимал, я думал, он просто предатель, и не более того.

А Ласло стоял неподвижно, с открытым ртом, лишившись на минуту способности говорить.

Линн хрипло проговорил:

— Конечно, он предупредил их. Но как бы он мог это сделать, сидя здесь в кресле, если бы в него не был вмонтирован радиопередатчик? Не понимаешь? Брекенридж был в Москве. Настоящий Брекенридж до сих пор там. О боже, их было одиннадцать.

Ласло наконец удалось пробормотать:

— А почему он сам не взорвался?

— Я полагаю, он ждал подтверждения, что остальные получили его сигнал и самоуничтожились. Когда ты пришел с новостями и я понял, что прав, я чуть не опоздал выстрелить. Бог знает, на какую долю секунды я его опередил.

Ласло сказал потрясенно:

— Зато теперь у нас есть гуманоидный робот для изучения.

Он наклонился и дотронулся кончиками пальцев до липкой жидкости, вытекающей из остатков шеи, которыми заканчивалось обезглавленное тело.

Это было высококачественное машинное масло.

Заминка на праздновании Трехсотлетия

Четвертое июля 2076 года. Третий раз произвольно принятая десятичная система счисления вернула две последние цифры в обозначении года к знаменательному числу 76, которое было свидетелем рождения нации.

Нация в прежнем смысле перестала существовать. Теперь ее название превратилось в обозначение географической области, части великого целого — Федерация всего человечества на Земле вкупе с поселениями на Луне и колониями в космосе. Однако культура и традиции сохранили оттенки былого своеобразия, и регион, обозначенный старинным названием Соединенные Штаты, все еще оставался самым процветающим и передовым на планете. И президент Соединенных Штатов все еще оставался самым влиятельным членом Планетарного совета.

Лоренс Эдвардс следил за миниатюрной фигуркой президента с высоты двухсот футов. Он тихо парил над толпой под еле слышное мурлыканье флотронового мотора на спине и воспринимал происходящее так, словно смотрел голографизионную программу. Сколько раз смотрел он на точно такие же фигурки у себя в гостиной — фигурки в кубе солнечного света, на вид абсолютно реальные, точно лилипуты из плоти и крови,— но только сквозь них можно было беспрепятственно просунуть руку.

Правда, сквозь эти десятки тысяч фигур на площади вокруг мемориала Вашингтона просунуть руку не удалось

бы. Как не удалось бы просунуть ее сквозь президента. Зато его можно было коснуться и пожать ему руку.

Эдвардс сардонически подумал, что такой плотский элемент, в сущности, излишен, и пожалел, что не парит сейчас где-нибудь в сотне миль отсюда над какой-нибудь безлюдной глушью вместо того, чтобы болтаться в небе над Мемориалом, высматривая малейшее подозрительное движение в толпе. И все из-за идиотского традиционного ритуала рукопожатий.

Эдвардс не принадлежал к поклонникам президента Хьюго Аллена Уинклера, пятьдесят седьмого по счету.

На его взгляд, президент Уинклер был пустым человеком — обаятельный охотник за голосами, фонтан обещаний. После всех надежд, связанных с первыми месяцами его пребывания у власти, он не вызывал ничего, кроме горького разочарования. Всемирная Федерация грозила вот-вот развалиться, далеко не выполнив своего предназначения, и Уинклер ничего не мог поделать. Ситуация требовала твердой руки, а не любезной, решительного голоса, а не медового.

Вон он стоит и пожимает руки в пустоте, оберегаемой службой безопасности, а Эдвардс и еще несколько агентов бдят над ним вверху.

Президент, естественно, выставит свою кандидатуру на перевыборах и скорее всего проиграет, а это только ухудшит положение, поскольку оппозиция ставит своей целью уничтожение Федерации.

Эдвардс вздохнул. Надвигаются четыре тяжелых года... может быть, и сорок лет, а ему остается только висеть в воздухе для того, чтобы мгновенно связаться со всеми наземными агентами по лазерофону при малейшем признаке...

Он не увидел ни малейшего... Ничего сколько-нибудь угрожающего. Только облачко белой пыли, еле различимое глазом, только проблеск в солнечном свете, мелькнувший и исчезнувший прежде, чем он что-нибудь осознал.

Но где президент? Он потерял его из виду среди пыли.

Эдвардс вглядывался в сектор площади, где только что видел президента,— тот не мог отойти далеко.

И тут же обнаружил признаки смятения — сначала среди агентов секретной службы, которые словно бы потеряли голову и метались из стороны в сторону; затем оно перекинулось на окружающую толпу и стало шириться. Шум внизу перерос в громовой рев.

Эдвардс не различал слов, из которых слагался этот рев, но оглушающие волны возбужденных криков были яснее всяких слов: президент Уинклер исчез! В единый миг рассеялся облачком пыли.

Затаив дыхание, Эдвардс ждал, как ему казалось, целую вечность, чтобы долгий момент осознания завершился и толпа под ним забурлила в панике...

Тут, перекрывая грозный гул, раздался звучный голос — и гул стал стихать, оборвался, сменился глубокой тишиной. Словно это все-таки была голографизионная программа и кто-то приглушил звук, а затем и вовсе выключил.

Эдвардс подумал: «Господи! Это же президент!»

Ошибиться в этом голосе было невозможно. Уинклер стоял на окруженной кольцом охраны трибуне, с которой должен был произнести речь в честь Трехсотлетия и с которой десять минут назад спустился, чтобы пожать руки счастливчикам в толпе.

Как он снова очутился там?

Эдвардс напряг слух.

— Со мной ничего не случилось, сограждане американцы. Вы просто были свидетелями поломки механического приспособления. Это не был ваш президент, а потому не позволим технической неполадке омрачить празднование счастливейшего дня, какой только знала история. Сограждане американцы, прошу вас о внимании...

И полилась речь в честь Трехсотлетия — лучшая из речей, когда-либо произнесенных Уинклером, или из тех, какие когда-либо слышал Эдвардс. Заслушавшись, Эдвардс даже забыл о своей прямой обязанности вести слежку.

Уинклер говорил замечательно. Он понимал всю важность Федерации и заставлял своих слушателей поверить в нее!

Однако одновременно где-то в глубине сознания Эдвардса всплывало неотвязное воспоминание об упорных слухах, будто новые достижения роботехники позволили создать точнейшую копию президента — робота, который мог исполнять все церемониальные функции, который мог пожимать руки в толпе, который не мог ни соскучиться, ни утомиться — ни быть убитым.

«Но это-то и произошло»,— подумал Эдвардс в растерянности. Такой робот-двойник действительно был создан, и в определенном смысле он был убит.

Тринадцатое октября 2078 года. Эдвардс посмотрел на низенького робота-гида, который остановился перед ним и сказал мелодичным голосом:

— Мистер Дженек готов вас принять.

Эдвардс встал, чувствуя себя великаном рядом с приземистым металлическим гидом, едва достававшим ему до пояса. Но далеко не юным великаном. За последние два года его лицо избороздили морщины, и он не забывал о них.

Теперь он последовал за гидом в неожиданно маленький кабинет, где за неожиданно маленьким письменным столом сидел Фрэнсис Дженек — несуразно моложавый человек с небольшим брюшком.

Дженек улыбнулся и, дружески глядя на Эдвардса, встал, чтобы пожать ему руку.

— Мистер Эдвардс!

— Рад возможности, сэр,— пробормотал Эдвардс. Дженека он видел впервые. Но ведь личный секретарь президента — фигура закулисная и редко попадает в центр внимания средств массовой информации.

— Пожалуйста, садитесь,— сказал Дженек.— Соевую палочку?

Эдвардс улыбнулся, вежливо отказываясь от угощения, и сел. Дженек явно всячески подчеркивал свою молодость: рубашка с жабо расстегнута, волосы на груди выкрашены в не очень броский, но несомненно лиловый цвет. Он сказал:

— Я знаю, вы несколько недель старались увидеться со мной. Извините за волокиту. Надеюсь, вы понимаете, что

мое время принадлежит не мне. Но как бы то ни было, вы теперь здесь... Да, кстати, я справился у начальника службы безопасности, и он отозвался о вас весьма лестно. Он сожалеет, что вы ушли от них.

Эдвардс ответил, опустив глаза:

— Мне казалось, что будет лучше вести расследование так, чтобы не поставить службу в неловкое положение.

Дженек сверкнул улыбкой.

— Однако ваша деятельность при всех предосторожностях не остается незамеченной. По словам начальника службы безопасности, вы расследуете небольшую заминку на праздновании Трехсотлетия, и, признаюсь, я принял вас при первой возможности. Ради этого вы отказались от своего положения? Но вы же расследуете мертвое дело.

— Да как же оно может быть мертвым, мистер Дженек? Хотя вы и назвали его «заминкой», но факт остается фактом: это было покушение на жизнь президента.

— Чисто языковая тонкость! К чему употреблять неприятные слова?

— Но они выражают неприятную истину, вы же согласны с тем, что кто-то пытался убить президента?

Дженек развел руками.

— Если и так, заговор потерпел неудачу. Было уничтожено механическое приспособление, и только. Собственно, если взглянуть на вещи трезво, заминка — как бы ни называть случившееся — принесла нации и всему миру огромное благо. Как нам всем известно, президент был потрясен. И нация тоже. Президент и все мы осознали, чем может обернуться возвращение культа насилия прошлого века, и это вызвало переворот в общественном мнении.

— Не отрицаю.

— Еще бы! Даже враги президента согласятся, что последние два года стали временем больших свершений. Федерация сплочена в такой мере, о какой в день Трехсотлетия никто и не мечтал. Можно даже сказать, что удалось предотвратить крушение всемирной экономики.

— Да, президент очень изменился. Так все говорят,— осторожно сказал Эдвардс.

— Он всегда был великим человеком. Но заминка заставила его сосредоточить все силы на решающих проблемах.

— Чего прежде он не делал?

— Ну, может быть, не с такой всепобеждающей энергией... Короче говоря, и президент, и все мы предпочтем забыть про заминку. И принял я вас, мистер Эдвардс, главным образом для того, чтобы объяснить вам это. Сейчас не двадцатый век, и мы не можем бросить вас в тюрьму как нежелательную помеху или препятствовать вам иным образом, но даже Всемирная хартия не возбраняет нам прибегнуть к убеждениям. Вы меня понимаете?

— Понимаю, но я с вами не согласен. Как можно забыть то, что вы называете заминкой, если виновный так и не был найден?

— Пожалуй, сэр, это тоже к лучшему. Куда безопаснее позволить какому-то... э... душевнобольному спастись, чем раздуть случившееся настолько, что это в конечном счете привело бы к возвращению нравов двадцатого века.

— В официальной версии даже утверждается, будто робот спонтанно взорвался, что невозможно. Но это бездоказательное утверждение неблагоприятно сказалось на производстве роботов.

— Я бы не стал употреблять обозначение «робот», мистер Эдвардс. Это было механическое приспособление. Никто не утверждал, будто роботы опасны как таковые. И уж конечно не обычные металлические. Как-то задеты были лишь необычайно сложные человекоподобные приспособления, внешне похожие на живых людей и называемые андроидами. Собственно говоря, они так сложны, что, наверное, должны часто взрываться. Но я не специалист в этой области. Ну а промышленное производство роботов скоро поднимется до прежнего уровня.

— В правительстве,— упрямо продолжал Эдвардс,— словно бы никому нет дела, докопаемся мы до истины или нет.

— Но я уже объяснил, что последствия оказались самыми благотворными. Зачем поднимать муть со дна, когда вода над ним прозрачна и чиста?

— А применение дезинтегратора?

На мгновение рука Дженека, передвигавшая по столу коробочку соевых палочек, замерла в полной неподвижности, но тут же возобновила свое ритмичное движение. Дженек спросил небрежно:

— О чем вы?

— Мистер Дженек,— настойчиво произнес Эдвардс,— думаю, вы сами знаете. Как член службы безопасности...

— К которой вы более не принадлежите!

— Тем не менее как член службы безопасности я нередко слышал вещи, которые, полагаю, не всегда предназначались для моих ушей. Так я услышал про новое оружие, и то, что я увидел на праздновании Трехсотлетия, указывало на его применение. Объект, который все считали президентом, исчез в облаке мельчайшей пыли. Словно каждый атом этого объекта утратил связи с остальными атомами. Объект превратился в облако отдельных атомов, которые, разумеется, тотчас начали вновь соединяться в группы, но те продолжали рассеиваться с такой быстротой, что со стороны все выглядело простым клубом пыли.

— Научная фантастика, и ничего больше.

— Я, безусловно, мало что понимаю в науке, мистер Дженек, но и мне ясно, что для разрыва этих связей потребуется значительная энергия. Энергия эта должна извлекаться из окружающей среды. Люди, стоящие в тот момент вблизи от приспособления,— те, которых мне удалось найти и которые согласились поговорить со мной,— все единодушно утверждали, что их обдало ледяным холодом.

Дженек с легким стуком отставил коробочку соевых палочек в сторону и сказал:

— Ну, даже если теоретически предположить, что нечто вроде дезинтегратора существует...

— Не надо предполагать. Он существует.

— Хорошо, не надо. Сам я ни о чем подобном не слышал, но по должности я ни с чем столь засекреченным, как новые типы оружия, вообще не соприкасаюсь. Однако если дезинтегратор существует и настолько засекречен, следовательно, это американское изобретение, неизвест-

ное остальной Федерации. В таком случае, ни вам, ни мне вообще нельзя о нем заикаться. Это же куда более опасное оружие, чем ядерные бомбы, именно потому, что оно (как утверждаете вы) не вызывает ничего, кроме дезинтеграции в точке поражения и холода вокруг. Ни взрыва, ни огня, ни смертоносной радиации. А без этих огорчительных побочных эффектов нет никаких препятствий к тому, чтобы его применять, и, насколько нам известно, мощности его может оказаться достаточно, чтобы уничтожить всю планету.

— Тут я с вами совершенно согласен,— сказал Эдвардс.

— Тогда вам должно быть ясно, что говорить о дезинтеграторе, если его не существует, глупо, а если он все-таки существует, то преступно.

— Я ни с кем о нем не говорил, а вам упомянул про него для того лишь, чтобы убедить вас в серьезности положения. Если был применен дезинтегратор, неужели правительство не заинтересовано в установлении истины? Что, например, если какой-то еше регион федерации создал такое же оружие?

Дженек покачал головой.

— По-моему, мы можем предоставить решение этого вопроса соответствующему правительственному органу. А вам лучше им не заниматься.

Эдвардс сказал, еле сдерживая раздражение:

— Вы в состоянии заверить меня, что такое оружие есть только в распоряжении правительства Соединенных Штатов?

— Нет, поскольку я ничего о подобном оружии не знаю и знать не могу. Вам не следовало говорить мне о нем. Ведь пусть оно и не существует, достаточно будет слухов, чтобы причинить большой вред.

— Но раз я сказал вам и вред причинен, пожалуйста, дослушайте меня до конца. Дайте возможность убедить вас, что вы владеете ключом к ужасающей возможности, которую, не исключено, подозреваю я один.

— Вы один подозреваете? Я один владею ключом?

— Вам это кажется параноическим бредом? Разрешите, я объясню, а тогда судите.

— Я уделю вам еще немного времени, сэр, но назад своих слов не беру. Вы должны отказаться от этого... этого вашего увлечения, от этого расследования. Оно чревато огромной опасностью.

— Отказ от него будет еще опаснее. Как вы не понимаете? Если дезинтегратор существует и если он находится в монопольном владении Соединенных Штатов, значит, доступ к нему имеет строго ограниченный круг лиц. Как бывший член службы безопасности я обладаю кое-каким практическим опытом в подобных делах и могу вас заверить, что только один человек в мире мог выкрасть дезинтегратор из секретного арсенала — только президент Соединенных Штатов... Только он, мистер Дженек, мог организовать это покушение.

Несколько секунд они молча смотрели друг на друга, затем Дженек нажал на кнопку под краем столешницы и сказал:

— Дополнительная предосторожность. Теперь никто не сможет нас подслушать, какие бы средства ни были у него в распоряжении. Мистер Эдвардс, вы сознаете всю опасность своего заявления? Опасность для вас? Не переоценивайте силу Всемирной хартии. Правительство имеет право принимать разумные меры для гарантирования своей стабильности.

— Я обратился к вам, мистер Дженек,— сказал Эдвардс,— как к человеку, которого считаю лояльным американцем. Я сообщил вам о страшнейшем преступлении, которое затрагивает всех американцев и всю Федерацию. О преступлении, создавшем ситуацию, которую только вы один можете исправить. Почему вы отвечаете мне угрозами?

— Вот уже второй раз вы предназначаете мне роль потенциального спасителя планеты. Но я для нее никак не подхожу. Надеюсь, вы понимаете, что я никакой особой властью не обладаю.

— Вы секретарь президента.

— Но это же не означает, что у меня есть особый доступ к нему, что я пользуюсь его неограниченным доверием. Бывают моменты, мистер Эдвардс, когда я подозре-

ваю, что многие считают меня просто лакеем, и порой я даже бываю склонен с ними согласиться.

— Тем не менее вы видите его часто, видите в неофициальной обстановке, видите...

— Да,— нетерпеливо перебил Дженек,— я вижу его достаточно часто и подолгу, а потому могу вас заверить, что президент не распорядился бы об уничтожении пресловутого механического приспособления в день празднования Трехсотлетия.

— Значит, по вашему мнению, это невозможно?

— Я сказал другое: что он не отдал бы такого распоряжения. Зачем? С какой стати президент может распорядиться уничтожить свое андроидное подобие, служившее ему отличным подспорьем три с лишним года его пребывания на посту? А и будь у него на то причины, для чего проделывать это столь публично — на празднованию Трехсотлетия? Открыв таким образом существование своего двойника, рискуя вызвать брезгливое отвращение граждан, вдруг узнавших, что они обменивались рукопожатием с механическим устройством! А дипломатические последствия того, что представителей других регионов Федерации иногда принимал не он сам? Он же мог просто приказать, чтобы устройство демонтировали с сохранением тайны. И никто ничего не знал бы, кроме нескольких высокопоставленных лиц.

— Однако никаких нежелательных для президента последствий заминка не вызвала, ведь так?

— Ему пришлось отказаться от многих официальных приемов. Он менее доступен, чем прежде...

— Чем прежде был робот!

— Ну-у...— с некоторым смущением протянул Дженек.— Пожалуй, так.

— В любом случае президент был переизбран, и, хотя уничтожение произошло у всех на глазах, его популярность не пострадала. Следовательно, ваша ссылка на опасность публичного уничтожения — довод не слишком веский.

— Но он был переизбран вопреки случившемуся! Только потому, что он сразу же вышел на трибуну и произнес,

согласитесь, чуть ли не самую замечательную речь в анналах американской истории. Его самообладание и выдержка были великолепны. Надеюсь, вы не станете спорить?

— Отлично поставленный спектакль. Можно подумать, что президент учел заминку заранее.

Дженек откинулся на спинку стула.

— Если я вас правильно понял, Эдвардс, вы намекаете на интригу в духе приключенческих романов? Так по-вашему, президент распорядился уничтожить устройство прямо в гуще толпы на праздновании Трехсотлетия, которое наблюдал весь мир, с единственной целью — снискать восхищение своей быстротой и выдержкой? По-вашему, он подстроил все это, чтобы продемонстрировать неожиданную энергию и силу в крайне драматической ситуации и выиграть на выборах, уже почти проигранных? Мистер Эдвардс, вы начитались сказок.

— Вы были бы совершенно правы,— сказал Эдвардс,— утверждай я что-либо подобное. Но ведь я не говорил, что президент распорядился уничтожить робота. Я просто спросил, считаете ли вы это возможным, и вы энергично запротестовали. Чему я очень рад, так как полностью с вами согласен.

— Но тогда в чем же дело? Мне начинает казаться, что вы напрасно отнимаете у меня время.

— Погодите! Вы ни разу не задавались вопросом, почему этого нельзя было сделать лазерным лучом, портативным дезактиватором... да просто кувалдой, наконец? Почему кто-то ценой невероятных усилий завладел секретным, строго охраняемым оружием, если существовало столько других возможностей? Даже оставляя в стороне эти трудности, для чего рисковать тем, что о существовании дезинтегратора узнает весь мир?

— Ну, дезинтегратор существует только в ваших теоретических предположениях.

— Робот мгновенно исчез прямо у меня на глазах. Я ведь следил за ним. Тут мне не нужны свидетельские показания. Я сам очевидец. И неважно, как называть оружие. Как бы вы его ни обозначили, оно распылило робота на

атомы и необратимо их рассеяло. Зачем это потребовалось? Что это за сверхубийство?

— Откуда мне знать, чем руководствовался тот, кто это сделал?

— Да? Но по-моему, есть только одна логическая причина для столь полного уничтожения, исключающая применение более обычных средств. Распыление не оставило от объекта ни малейшего следа. Ничего, что позволило бы определить, был ли это робот или иной объект.

— Но ведь вопроса о том, что именно было уничтожено, не встает,— сказал Дженек.

— Неужели? Я упомянул, что дезинтегратор мог быть передан кому-то только по прямому распоряжению президента. Но раз существовал робот-двойник, какой президент отдал распоряжение о дезинтеграторе?

— Продолжать этот разговор бессмысленно,— резко сказал Дженек.— По-моему, вы сумасшедший.

— Но подумайте! — умоляюще произнес Эдвардс.— Ради бога, подумайте! Президент не уничтожал робота. Ваши доводы неопровержимы. Это робот уничтожил президента. Четвертого июля две тысячи семьдесят шестого года президент Уинклер был убит в толпе. Затем робот, двойник президента Уинклера, произнес юбилейную речь, вновь выставил свою кандидатуру на выборах, победил и все еще остается президентом Соединенных Штатов.

— Безумие!

— Я пришел к вам, именно к вам, потому что только вы можете это доказать... и исправить положение!

— Но ведь ничего этого нет! Президент, он... президент! — Дженек приподнялся, словно давая понять, что разговор окончен.

— Но вы же сами сказали, что он изменился,— почти крикнул Эдвардс.— Речь на Трехсотлетнем юбилее произнес не прежний Уинклер. Разве вы сами не поражались тому, чего удалось достичь за последние два года? Скажите честно, разве был Уинклер, тот, что занимал пост первый срок, способен сделать все это?

— Да, был. Потому что второй срок этот пост занимает тот же самый президент, который занимал его первый срок.

— Вы отрицаете, что он изменился? Я задаю вам вопрос. А решать вам. И я приму ваше решение.

— Он сумел собраться, как того требовала необходимость. Американская история знает другие подобные случаи.— Но Дженек вновь сел, и лицо у него было встревоженное.

— Он не пьет,— сказал Эдвардс.

— Он никогда не пил... то есть помногу.

— Он больше не имеет женщин. Вы же не отрицаете, что в прошлом это бывало?

— Президент нормальный мужчина. Но последние два года он всецело посвятил себя Федерации.

— Перемена к лучшему, не спорю,— сказал Эдвардс.— Однако это перемена. Разумеется, имей он женщину, маскараду сразу пришел бы конец, не так ли?

— Очень жаль, что у него нет жены.— Это архаичное слово Дженек произнес с некоторой неловкостью.— Тогда подобные нелепые домыслы вообще не возникли бы.

— Это обстоятельство благоприятствовало заговору. Но он ведь отец двоих детей. Если не ошибаюсь, они после Трехсотлетия ни разу не бывали в Белом Доме.

— Ну и что? Это взрослые люди, у них своя жизнь.

— А их приглашали? Хочет ли президент с ними видеться? Вы его личный секретарь и должны знать. Так как же?

— Вы напрасно тратите время,— сказал Дженек.— Робот не может убить человека. Таков Первый закон робототехники, и вы это знаете.

— Да, конечно. Но ведь никто не утверждает, что робот Уинклер сам убил человека Уинклера. Когда человек Уинклер находился в толпе, робот Уинклер прятался на трибуне, а вряд ли дезинтегратором можно прицельно поразить с такого расстояния, не задев больше ничего. Конечно, это не вовсе исключено, однако более вероятно, что у робота Уинклера имелся сообщник — убивала, если я правильно помню жаргон двадцатого века.

Дженек нахмурился. Его полное лицо болезненно сморщилось.

— Вы знаете,— сказал он,— безумие, видимо, заразительно. Я начинаю всерьез задумываться над вашим сумасшедшим предположением. К счастью, оно не выдерживает критики. Для чего убивать человека Уинклера на глазах всего мира? Все доводы против публичного уничтожения робота приложимы и к публичному уничтожению президента-человека. Неужели вы не понимаете, что это перечеркивает всю вашу теорию?

— Но нет же...— начал Эдвардс.

— Да-да! Существование механического двойника было известно лишь нескольким официальным лицам. Будь президент Уинклер убит тайно, робот легко занял бы его место, не вызвав подозрений... Например, ваших.

— Но осталось бы несколько осведомленных лиц, мистер Дженек. Пришлось бы убрать и их.— Эдвардс наклонился над столом.— Видите ли, при обычных обстоятельствах опасности спутать человека с машиной не существовало. Полагаю, робот не был в непрерывном употреблении, его включали лишь в определенных случаях, а о том, где находится президент и что он делает, всегда знают люди, чьей обязанностью это является. И их, вероятно, не так уж мало. Следовательно, убийство можно было совершить только в тот момент, когда все эти люди считали, что перед ними не президент, а робот.

— Не понимаю.

— Вот послушайте. Одной из функций робота было пожимать руки в толпе. Обмениваться рукопожатиями с избирателями. Пока это происходило, осведомленные люди знали, что проделывает это робот.

— Вот именно. Тут вы совершенно правы. И это был робот.

— С одной маленькой поправкой. Праздновалось Трехсотлетие, и президент Уинклер не устоял перед соблазном. Да и можно ли требовать, чтобы президент — а тем более такой пустой любитель рукоплесканий и мелкий популист, как Уинклер,— отказался упиться преклонением толпы в подобный день и уступил это удовольствие машине? Не

исключено, что робот всячески содействовал распалению его тщеславия, с тем чтобы в день Трехсотлетия президент приказал ему остаться за трибуной, а сам отправился пожимать руки и наслаждаться приветствиями.

— Тайно приказал?

— Естественно. Предупреди президент об этом кого-нибудь из службы безопасности, или из своего окружения, или вас, ему бы воспрепятствовали, верно? После событий второй половины двадцатого века официальное отношение к возможности покушения стало просто параноидальным. И вот, подталкиваемый несомненно умным роботом...

— Вы полагаете, что робот был умен, поскольку считаете, что он в настоящее время занимает пост президента. Это порочный круг. Если это не президент, то нет оснований считать его умным или способным разработать такой план. Кроме того, каким образом робот вообще мог планировать убийство? Даже если бы убить президента должен был не он, так ведь Первый закон запрещает и косвенное содействие потере человеческой жизни. В нем сказано: «Робот не может причинить вред человеку или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинен вред».

— Первый закон не абсолютен,— возразил Эдвардс.— Что, если причинение вреда одному человеку спасет жизнь двух других, или трех, или даже трех миллиардов других? Робот мог счесть, что спасение Федерации важнее спасения одной жизни. Ведь это же был не обычный робот. Его сконструировали в качестве двойника президента с точностью, рассчитанной на всеобщий обман. Предположим, он обладал способностями президента Уинклера без его слабостей, и предположим, он знал, что сумеет спасти Федерацию, а президент — нет?

— Это вы способны рассуждать так, но откуда вы взяли, что механическое приспособление обладало подобной логикой?

— Иного объяснения для случившегося нет.

— По-моему, это параноические бредни.

— В таком случае,— сказал Эдвардс,— объясните мне, почему уничтоженный объект распылили на атомы, если не для того, чтобы скрыть, что уничтожен был человек, а не робот? Ведь всякий иной способ оставил бы уличающие следы. Так дайте мне альтернативное объяснение!

Дженек покраснел.

— Я категорически не согласен.

— Но вы можете доказать, что это не так. Или опровергнуть. Вот почему я пришел к вам, именно к вам.

— Как я могу доказать? Или опровергнуть, если уж на то пошло?

— В силу вашего положения вы видите президента в неофициальной обстановке. Семьи у него нет, и вы — самый близкий к нему человек. Так понаблюдайте за ним как можно пристальнее.

— Да, я знаю его близко. И повторяю, он не...

— Вовсе нет! Вы же ничего не подозревали и не обращали внимания на мелочи. Понаблюдайте за ним теперь, когда вам известно, что, быть может, он робот, и вы убедитесь!

Дженек сказал насмешливо:

— Конечно, я могу оглушить его и проверить металлоискателем. Мозг даже у андроида платиново-иридиевый.

— Насилия не потребуется. Просто последите за ним, и вы убедитесь, что он совсем не тот человек, каким был, и, значит, вовсе не тот человек.

Дженек взглянул на настенные часы-календарь.

— Мы разговариваем больше часа.

— Простите, что я отнял у вас столько времени, но, надеюсь, вы убедились, до какой степени это важно?

— Важно? — повторил Дженек, потом вскинул голову, и уныние на его лице сменилось чем-то вроде проблеска надежды.— Но так ли уж это важно? По-настоящему важно?

— То есть как? Президент Соединенных Штатов — робот, и это по-настоящему не важно?

— Я имел в виду другое. Забудьте, кто и что президент Уинклер, а подумайте вот о чем: некто занимающий пост президента Соединенных Штатов спас Федерацию, сумел

сплотить ее, а теперь руководит Советом в интересах мира и конструктивных компромиссов. Вы согласны?

— Да, конечно,— ответил Эдвардс.— Но ведь это создает прецедент! Робот в Белом Доме сейчас по очень хорошей причине может через двадцать лет обернуться роботом в Белом Доме по очень плохой причине, а затем роботами в Белом Доме без всякой причины, просто по заведенному порядку. Неужели вы не видите, как важно заглушить на первой слабой ноте трубный звук, призывающий к исчезновению человечества?

— Ну предположим, я обнаружу, что он робот,— пожал плечами Дженек.— Мы разгласим это на весь мир? Вы представляете, как это отразится на финансовой системе мира? Вы представляете...

— Да, представляю. Поэтому-то я и пришел к вам частным образом, вместо того чтобы предать свои выводы гласности. Вам надо произвести проверку для окончательного заключения. Затем, убедившись, что он робот, в чем я не сомневаюсь, вы должны будете уговорить его сложить с себя полномочия.

— И он, учитывая ваше толкование его отношения к Первому закону, позаботится убрать меня, поскольку он занят разрешением величайшего всемирного кризиса двадцать первого века, а я стану ему помехой.

Эдвардс покачал головой.

— Прежде робот действовал втайне, и никто не опровергал доводов, которыми он убеждал себя. А вы своими доводами сумеете вернуть его к более строгому соблюдению Первого закона. В случае необходимости мы сможем заручиться помощью специалиста из «Ю. С. Роботс энд мекэникл мен корпорейшн», который в свое время его сконструировал. Как только он подаст в отставку, его заменит вице-президент. Если робот Уинклер повернул мир на правильный путь, то вице-президент, порядочная благородная женщина, сумеет удержать его на этом пути. Но мы не можем допустить, чтобы нами управлял робот. Ни теперь, ни когда-либо после.

— А что, если президент человек?

— Предоставляю это вам. Вы и сами разберетесь.

— Я не настолько уверен в себе,— сказал Дженек.— Что, если я не сумею решить? Если не смогу себя принудить? Если не посмею? Что вы предпримете тогда?

В голосе Эдвардса прозвучала тяжелая усталость.

— Не знаю. Возможно, обращусь в «Ю. С. Роботс». Но думаю, что до этого не дойдет. Я убежден, что теперь, когда я переложил решение проблемы на вас, вы не успокоитесь, пока все не будет улажено. Неужели вы хотите, чтобы вами управлял робот?

Он встал, и Дженек его не удерживал. Они не обменялись рукопожатием.

Дженек продолжал сидеть в сгущающихся сумерках. Он никак не мог оправиться от шока.

Робот!

Человек вошел вот в эту дверь и строго логично начал доказывать, что президент Соединенных Штатов — робот.

Сначала казалось, что переубедить Эдвардса будет нетрудно. Но хотя Дженек пустил в ход все аргументы, какие только сумел найти, тот остался при своем мнении.

Робот — президент! Эдвардс неколебимо уверен в этом и позиции не переменит. А если настаивать, что президент человек, Эдвардс обратится в «Ю. С. Роботс». Такой не успокоится.

Дженек нахмурился, вспоминая двадцать семь месяцев, протекших со дня Трехсотлетия. Вопреки вероятности, как хорошо все шло! А теперь?

Он мрачно обдумывал положение.

Дезинтегратор все еще у него. Но, естественно, бессмысленно употребить его против человека, чей труп и должен быть человеческим. Достаточно поражения бесшумным лазерным лучом в уединенном месте.

В прошлый раз добиться от президента необходимых действий удалось ценой неимоверных усилий, но проданный случай он просто ничего не будет знать.

Первый закон

Майку Донована стало скучно. Он поглядел на пустую пивную кружку и решил, что наслушался предостаточно.

— Если уж разговор зашел о странных роботах,— сказал он громко,— так мне однажды довелось иметь дело с таким, который нарушил Первый закон.

Это было настолько невероятно, что все сразу замолчали и повернулись к Доновану.

Донован тут же пожалел, что распустил язык, и попробовал переменить тему:

— Вчера я слышал забавную историю о...

— Ты что, знал робота, который причинил вред человеку? — перебил сидевший рядом Макферлейн.

Само собой разумелось, что нарушение Первого закона могло означать только это.

— В некотором роде, да,— ответил Донован.— Так вот, я слышал историю о...

— А ну-ка,— потребовал Макферлейн, а остальные принялись стучать кружками по столу.

Донован понял, что отступать некуда.

— Это произошло на Титане лет десять назад,— начал он, лихорадочно соображая.— Ну да, в двадцать пятом. Мы только что получили трех роботов новой модели, созданной специально для Титана. Это были первые роботы серии МА. Мы назвали их Эмма-1, 2 и 3.

Он щелкнул пальцами, требуя очередную кружку пива, и задумчиво поглядел вслед официанту. Ну а дальше-то что?

— Полжизни занимаюсь роботехникой, Майк, но ни разу не слышал о серии МА,— заметил Макферлейн.

— А их сняли с производства сразу же после... после того, о чем я собираюсь вам рассказать. Неужели ты не помнишь?

— Нет.

И Донован поспешно продолжал:

— Мы их приставили к делу не теряя времени. В сезон бурь, который на Титане длится в течение восьмидесяти процентов его обращения вокруг Сатурна, наша база полностью бездействовала. Во время снегопада стоило отойти от базы на сотню ярдов — и пиши пропало. В жизни не отыскать. От компаса мало толку — у Титана нет магнитного поля. Роботы МА были оснащены вибродетекторами новой конструкции и шли прямо к базе в любых условиях, так что добыча руды могла продолжаться хоть круглый год. Помолчи, Мак. Вибродетекторы тоже перестали поступать в продажу, поэтому-то ты о них ничего не слышал.— Донован кашлянул.— Их засекретили, понял?

— В первый сезон бурь,— продолжал он,— роботы действовали безупречно, но вот с началом спокойного сезона Эмма-2 принялась выкидывать номера: пряталась по углам, забивалась под штабеля ящиков, и выманить ее оттуда было не так-то просто. В конце концов ушла с базы и не вернулась. Мы решили, что в ее конструкции был какой-то дефект, и продолжали обходиться двумя оставшимися. Но как-никак мы лишились трети наших роботов, и поэтому, когда в конце спокойного сезона один из нас должен был отправиться в Корнск, я вызвался слетать туда без робота. Особой опасности не предвиделось: начало бурь ожидалось не раньше чем через двое суток, а я должен был обернуться за двадцать часов. Я уже возвращался и был в каких-нибудь десяти милях от базы, когда внезапно подул сильный ветер и пошел снег. Я тут же посадил машину, не дожидаясь, чтобы ветер разбил ее вдре-

безги; определив направление на базу, я побежал. Преодолеть оставшееся расстояние при малой силе тяжести на Титане было нетрудно, сложность заключалась в том, чтобы не сбиться с пути. Запас воздуха был у меня вполне достаточным, система обогрева скафандра работала нормально, но десять миль на Титане в бурю бесконечны.

Затем снег повалил так густо, что все вокруг потемнело и превратилось в мутный сумрак, в котором померк даже Сатурн, а Солнце превратилось в бледную точку. Я остановился, и ветер чуть не сбил меня с ног. Прямо впереди я заметил какое-то небольшое темное пятно. Я различил его лишь с трудом, но я знал, что это такое. Буранник — единственное живое существо, способное вынести снежные смерчи на Титане, и самый свирепый хищник на свете. Я знал, что мой скафандр от него не защита. Видимость была такой скверной, что стрелять можно было только в упор. Промахнись я — мне конец!

Я начал медленно пятиться, а темная тень двинулась ко мне. Расстояние между нами сокращалось. Шепча молитву, я уже поднял бластер, как вдруг из сумрака внезапно появилась еще одна тень, но побольше, и я завопил от радости. Это была Эмма-2, пропавший робот. Со времени ее исчезновения я постоянно размышлял о том, что могло с ней случиться и почему.

— Эмма, девочка, прикончи буранника и проводи меня на базу,— взмолился я.

Она только взглянула на меня, будто и не слышала моих слов, и крикнула:

— Не стреляйте, хозяин, только не стреляйте.

И кинулась к бураннику.

— Прикончи эту чертову тварь, Эмма! — рявкнул я.

А она схватила буранника и побежала дальше. Я продолжал звать ее, пока совсем не потерял голос, но она так и не вернулась, оставив меня погибать под снегом.

Выдержав эффектную паузу, Донован добавил:

— Все вы, разумеется, знаете Первый закон: робот не может причинить вред человеку или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинен вред! Так вот, Эмма-2 убежала с буранником и оставила меня умирать.

Первый закон был нарушен. К счастью, я остался цел и невредим. Через полчаса ветер стих. Это был случайный шквал, и длился он недолго. Такое там бывает. А настоящий буран разразился лишь на следующий день. Едва снег перестал валить, я со всех ног бросился к базе. Через два часа туда явилась и Эмма-2. Разумеется, ее тайна тут же раскрылась, и роботов МА немедленно изъяли из продажи.

— Ну, и в чем же было дело? — спросил Макферлейн.

— Видишь ли, Мак, это, конечно, верно, что мне, человеку, грозила смертельная опасность, но того робота заботило нечто более важное, чем я или Первый закон. Ведь это были роботы серии МА, и тот робот, прежде чем исчезнуть, все норовил спрятаться в укромное местечко. Он вел себя так, будто с ним должно было случиться что-то необычное, что-то не предназначенное для посторонних глаз. Так оно и вышло.

Донован благоговейно поднял глаза к потолку, и голос его дрогнул:

— Буранник-то оказался вовсе не бурапником. Мы назвали его Эмма-младшая; Эмма-2 привела ее с собой на базу. Эмма-2 испытывала необоримую потребность защитить ее от моего выстрела. Что такое Первый закон в сравнении со святыми узами материнской любви?

Как поймать кролика

Отдых продолжался более двух недель — этого Донован не мог отрицать. Они отдыхали шесть месяцев, с сохранением заработной платы. Это тоже факт. Но, как сердито объяснил Донован, так получилось чисто случайно. Просто специалисты «Ю. С. Роботс» хотели выловить все недоделки составного робота. Недоделок хватало — и всегда по меньшей мере десяток оставался до полевых испытаний. Поэтому Пауэлл с Донованом беспечно отдыхали в ожидании того момента, когда ребята с логарифмическими линейками и чертежными досками скажут: «Все в ажуре!»

И вот они на астероиде, и никакого ажура. Донован повторил это уже не меньше десяти раз, и лицо его стало красным как свекла.

— В конце концов, Грег, взгляни на вещи реально. Какой смысл соблюдать букву инструкции, когда испытания срываются? Пора бы уже забыть о бумажках и взяться за работу.

Терпеливо, таким тоном, будто он объяснял электронику малолетнему идиоту, Пауэлл отвечал:

— Я тебе повторяю, что по инструкции эти роботы созданы для работы на астероидных рудниках без надзора человека. Мы не должны наблюдать за ними.

— Правильно. Теперь слушай — тут вот какая логика! — Донован начал загибать волосатые пальцы.— Первое: новый робот прошел все испытания в лаборатории. Второе:

«Ю. С. Роботс» гарантировала, что он пройдет и полевые испытания на астероиде. Третье: вышеупомянутых испытаний робот не выдерживает. Четвертое: если он не пройдет полевых испытаний, «Ю. С. Роботс» теряет десять миллионов наличными и примерно на сотню миллионов репутации. Пятое: если он не пройдет испытаний и мы не сможем объяснить почему, очень может быть, что нам предстоит трогательное расставание с хорошей работой.

За деланной улыбкой Пауэлла скрывалось отчаяние. У фирмы «Ю. С. Роботс энд мекэникл мен корпорейшн» был неписаный закон: «Ни один служащий не совершает дважды одну и ту же ошибку. Его увольняют после первого раза». Пауэлл сказал:

— Ты все очень понятно объясняешь, не хуже Евклида,— все, кроме фактов. Ты наблюдал за этой группой роботов целых три смены, и они работали прекрасно. Ты, рыжий, сам говорил. Что мы еще можем сделать?

— Выяснить, что с ними неладно, вот что мы можем сделать. Да, они прекрасно работали, пока я за ними наблюдал. Но когда я за ними не наблюдал, они трижды переставали выдавать руду. Они даже не возвращались в назначенное время — мне пришлось за ними ходить.

— И ты не заметил никакой неисправности?

— Ничего. Абсолютно ничего. Все было в ажуре. За исключением одного пустяка — не было руды.

Пауэлл хмуро покосился на потолок и взялся за ус.

— Вот что я скажу, Майк. В свое время мы не раз попадали в довольно скверное положение. Но это еще похуже, чем было на иридиевом астероиде. Все запутано до невозможности. Посуди сам. Этот робот ДВ-5 имеет в своем подчинении шесть роботов. И не просто в подчинении: они — часть его.

— Я знаю...

— Заткнись! — зло оборвал его Пауэлл.— Знаю, что знаешь. Я просто обрисовываю весь идиотизм нашего положения. Эти шесть вспомогательных роботов — часть ДВ-5, так же как твои пальцы — часть тебя, и он отдает им команды не голосом и не по радио, а непосредственно через позитронное поле. Так вот, во всей «Ю. С. Ро-

ботс» нет ни одного роботехника, который знал бы, что такое позитронное поле и как оно действует. И я не знаю, и ты не знаешь.

— Это уж точно,— философски согласился Донован.

— Видишь, в каком мы положении? Если все идет гладко — прекрасно! Если что-нибудь нелално, то понять мы все равно ничего не можем! И скорее всего ни мы, ни кто-нибудь еще тут ничего не сможет сделать. Но работаем-то здесь мы, а не кто-нибудь еше! Вот в чем штука! — Он некоторое время предавался безмолвной ярости.— Ну ладно. Ты его привел?

— Да.

— И он ведет себя нормально?

— Ну, религиозного помешательства у него нет, и по кругу он не бегает, и стихов не декламирует. Как будто нормально.

Донован вышел, злобно тряхнув головой.

Пауэлл пододвинул к себе «Руководство по роботехнике», которое своей тяжестью грозило проломить стол, и с благоговением раскрыл его. Однажды он выпрыгнул из окна горящего дома, успев только натянуть брюки и схватить «Руководство». В крайнем случае он мог бы пожертвовать и брюками.

Он сидел, уткнувшись в «Руководство», когда вошел ДВ-5 и Донован захлопнул дверь.

— Здравствуй, Дейв! — угрюмо произнес Пауэлл.— Как ты себя чувствуешь?

— Прекрасно,— ответил робот.— Можно сесть?

Он пододвинул специально укрепленный стул, предназначенный для него, и, осторожно согнув свое тело, уселся.

Пауэлл одобрительно взглянул на Дейва (непосвященные могли называть роботов по их серийным номерам, специалисты — никогда). Робот был не слишком массивным, хотя и представлял собой управляющий блок целой системы из семи частей. Он был немногим более двух метров ростом — полтонны металла и электричества. Много? Ничуть, если в эти полтонны должна уместиться мас-

са конденсаторов, схем, реле и вакуумных ячеек, способная практически на любую доступную человеку психологическую реакцию. И позитронный мозг — десять фунтов вещества и квинтильоны позитронов, которые и заправляют всем остальным.

Пауэлл вытащил из кармана рубашки помятую сигарету и сказал:

— Дейв, ты парень хороший. Ты не капризничаешь, как примадонна. Ты спокойный, надежный робот-рудокоп. Ты умеешь непосредственно координировать работу шести вспомогательных роботов, и, насколько я знаю, никаких нестабильных связей в твоем мозгу из-за этого не появилось.

Робот кивнул.

— Я очень рад этому, но к чему вы клоните, хозяин?

Его звуковая мембрана была отличного качества, и присутствие обертонов в его речевом устройстве делало его голос не таким металлическим и бесцветным, какими обычно были голоса роботов.

— Сейчас скажу. Это все твои бесспорные достоинства. Но почему же тогда не ладится твоя работа? Например, сегодня во вторую смену?

Дейв проявил признаки нерешительности.

— Насколько я знаю, ничего не произошло,— ответил он.

— Вы прекратили добычу.

— Я знаю.

— Ну?

Дейв был озадачен.

— Я не могу объяснить, хозяин. Я прямо с ума мог бы сойти — другое дело, что я, конечно, ничего такого себе не позволю. Вспомогательные роботы действовали хорошо. Я тоже — я это знаю...— Он задумался. Его фотоэлектрические глаза ярко светились.— Не помню. Смена закончилась, пришел Майк, и почти все вагонетки были пустыми.

В разговор вмешался Донован:

— Ты знаешь, что в конце смены ты уже несколько раз не являлся с рапортом?

— Знаю. Но почему?..— Он медленно, тяжело покачал головой.

Пауэллу вдруг почудилось, что если бы лицо робота могло что-нибудь выражать, то сейчас оно выражало бы боль и страдание. Робот устроен так, что он страдает, когда не исполняет своих функций.

Донован вместе со стулом придвинулся к столу и тихо сказал Пауэллу:

— Может быть, потеря памяти? Амнезия?

— Не знаю. Во всяком случае, не стоит проводить параллели с человеческими болезнями. Искать у робота аналогии с расстройствами человеческого организма — чистая романтика. В роботехнике это не помогает.— Он почесал в затылке.— Мне очень не хочется подвергать его проверке элементарных мозговых реакций. Это его только еще больше расстроит.

Он задумчиво посмотрел на Дейва, а потом открыл в «Руководстве» главу «Проверка реакций в полевых условиях» и сказал:

— Послушай, Дейв, а не проверить ли нам твои реакции? Следовало бы это сделать.

Робот встал.

— Как прикажете, хозяин.

В его голосе действительно слышалась боль.

Начали с самых простых испытаний. Под равнодушное тиканье секундомера робот ДВ-5 перемножал пятизначные числа. Он называл простые числа от 1000 до 10 000. Он извлекал кубические корни и интегрировал функции возраставшей степени трудности. Он прошел проверку все более и более усложнявшихся механических реакций. Наконец перед его точным механическим разумом была поставлена высшая задача для роботов — разрешение этических проблем.

К концу этих двух часов Пауэлл был мокрый, хоть выжимай, а Донован изгрыз все свои ногти, оказавшиеся не слишком питательными.

Робот спросил:

— Ну как, хозяин?

Пауэлл ответил:

— Я должен подумать, Дейв. Не нужно спешить с решением. Ты пока иди работать. Не надо особенно напрягаться, и не очень заботься о выполнении нормы. А мы тут разберемся.

Робот вышел, Донован взглянул на Пауэлла.

— Ну?

Пауэлл ожесточенно дергал себя за усы, как будто решил вырвать их с корнем.

— Все связи в его мозгу работают правильно,— сказал он.

— Я бы не рискнул утверждать это так уверенно.

— О Юпитер! Майк, ведь мозг — самая надежная часть робота! Он не раз и не два проходил контроль на Земле. И если он прошел контроль, как прошел его Дейв, то ни малейшей неисправности в мозгу просто быть не может. Ведь там проверяют все ключевые связи.

— Ну и что из этого следует?

— Не торопи меня. Дай подумать. Возможна еще механическая неисправность в теле робота. Это значит, что могло выйти из строя все что угодно — любой из полутора тысяч конденсаторов, любая из двадцати тысяч отдельных схем, пятисот ламп и многих тысяч других деталей. Не говоря уж об этих таинственных позитронных полях, о которых никто ничего не знает.

— Послушай, Грег,— не выдержал Донован.— У меня есть идея. Может быть, робот говорит неправду? Он не...

— Дурак, робот не может сознательно обманывать. Так вот, будь у нас тестер Маккормика—Уэсли, мы бы смогли проверить все части его тела за какие-нибудь сутки или двое. Но на Земле существуют всего только два таких тестера, они весят по десять тонн, смонтированы на бетонных фундаментах и неподвижны. Каково положение, а?

Донован хлопнул ладонью по столу.

— Но, Грег, он портится только тогда, когда нас нет поблизости. В этом... есть... что-то... подозрительное! — После каждого слова следовал новый удар.

— Не говори чепухи,— ответил Пауэлл после паузы.— Ты просто начитался приключенческих романов.

— Я хочу знать, что нам делать! — крикнул Донован.

— Сейчас скажу. Я установлю под столом экран. Прямо здесь, на стене, ясно? — Он злобно ткнул пальцем в стену.— Потом я буду подключать его к телекамерам в тех забоях, где работает Дейв, и буду за ним следить. Вот и все.

— Все? Грег...

Пауэлл поднялся со стула и уперся сжатыми кулаками в стол.

— Майк, мне очень трудно.— В его голосе звучала усталость.— Ты ко мне целую неделю пристаешь. Ты говоришь, что с Дейвом что-то неладно. Ты знаешь, где неисправность? Нет! Ты знаешь, как она возникает? Нет! Что-нибудь ты знаешь? Нет и нет! И я ничего не знаю. Так чего ты от меня хочешь?

Донован беспомощно развел руками.

— Ну ладно, ладно.

— Так вот, слушай. Прежде чем начинать лечение, надо определить болезнь. Чтобы приготовить рагу из кролика, надо сначала поймать кролика. Значит, будем ловить кролика! А теперь уйди отсюда!

Донован невидящими глазами уставился в черновик отчета. Во-первых, он устал, а во-вторых, в чем отчитываться, когда еще ничего не выяснено?

— Грег,— сказал он раздраженно,— мы почти на тысячу тонн отстаем от плана.

— Да ну? — ответил Пауэлл, не поднимая головы.— А я и не догадывался.

— Я хочу знать одно.— Донован вдруг вышел из себя.— Почему мы всегда возимся с новыми моделями роботов? Все, хватит! Меня вполне устраивают роботы, которые годились для моего двоюродного деда со стороны матери. Я за то, что прошло проверку временем. За добрых, старых, надежных роботов, которые никогда не ломаются!

Пауэлл с поразительной меткостью запустил в него книгой, и Донован скатился со стула на пол.

— Последние пять лет,— размеренно произнес Пауэлл,— ты испытывал новые модели роботов в полевых условиях для фирмы «Ю. С. Роботс». И так как мы имели неосторожность неплохо показать себя в этом деле, нас награждают самыми гнусными заданиями. Такая уж твоя специальность,— он ткнул пальцем в сторону Донована.— Ты начал скулить, насколько я помню, уже через пять минут после того, как был принят в штат. Почему ты до сих пор не уволился?

— Сейчас скажу,— Донован перевернулся на живот, уперся локтями в пол и запустил пальцы в свои буйные рыжие волосы.— В какой-то степени это вопрос принципа. Ведь что ни говори, в качестве техника-испытателя я принимаю участие в разработке новых роботов. Нужно же помогать научному прогрессу. Но если говорить откровенно, меня удерживает не принцип, а деньги, которые нам платят... Грег!!!

Услышав дикий вопль Донована, Пауэлл вскочил и посмотрел на экран, куда указывал Майк. Его глаза округлились от ужаса.

— Ох, разрази меня Юпитер! — прошептал он.

Донован, затаив дыхание, поднялся на ноги.

— Посмотри, Грег, они спятили!

— Неси скафандры! Мы идем туда,— скомандовал Пауэлл, не отводя глаз от экрана.

Там, в полумраке, виднелась цепочка сверкающих металлом фигур. Освещенные собственным тусклым светом, они плавно двигались на фоне неровных, испещренных темными впадинами стен штрека, прорубленного в скале. Все семь роботов, во главе с Дейвом, шагали в едином ритме. Их повороты нагоняли жуть своей четкостью; одновременно перестраиваясь на ходу, они с легкостью лунных танцовщиц как будто исполняли какой-то призрачный танец.

В комнату вбежал Донован со скафандрами.

— Они хотят напасть на нас! Это же военная маршировка!

— А почему не художественная гимнастика? — холодно возразил Пауэлл.— Или, может быть, Дейву почуди-

лось, будто он балетмейстер. Всегда старайся сначала подумать, а потом лучше промолчи.

Донован нахмурился и, расстегнув пустую кобуру на боку, демонстративно сунул туда детонатор. Он сказал:

— Так или иначе, вот тебе твои новые модели. Согласен, это наша специальность. Тогда скажи, почему с ними обязательно, непременно что-нибудь да приключается?

— Потому что над нами тяготеет проклятие,— угрюмо ответил Пауэлл.— Пошли.

Далеко впереди, в густой бархатной тьме штрека, прорезаемой лишь лучами их фонарей, мерцали огни роботов.

— Вот они,— выдохнул Донован.

— Я пытался связаться с ним по радио,— возбужденно прошептал Пауэлл,— но он не отвечает. Вероятно, отключилась радиосхема.

— Тогда хорошо, что еще не придумали роботов, которые работали бы в полной темноте. Не хотел бы я разыскивать семь сумасшедших роботов в темной пещере без радиосвязи. Будем радоваться, что они по крайней мере светятся, как радиоактивные новогодние елочки.

— Давай заберемся вон на тот уступ. Они идут сюда, и я хочу рассмотреть их поближе. Залезешь?

Донован поднатужился и прыгнул. Притяжение астероида было значительно меньше земного, но тяжелые скафандры почти сводили на нет это преимущество, а уступ был метра три высотой. Пауэлл прыгнул следом за ним.

Роботы цепочкой следовали за Дейвом. Подчиняясь четкому механическому ритму, они то становились парами, то опять строились цепочкой, но уже в ином порядке. Это повторялось снова и снова. Дейв, не оборачиваясь, маршировал впереди. Роботы были уже метрах в шести, когда их танец прекратился. Вспомогательные роботы сбились в кучу, постояли несколько секунд и, топоча ногами, быстро умчались. Дейв посмотрел им вслед, потом медленно сел и склонил голову на руку. Это движение было почти человеческим.

В наушниках Пауэлла прозвучал его голос:

— Вы здесь, хозяин?

Пауэлл сделал знак Доновану и спрыгнул с уступа.

— Все в порядке, Дейв. Что тут произошло?

Робот покачал головой.

— Не знаю. Я разрабатывал очень неудобный выход руды в семнадцатом забое. Дальше я ничего не помню, а теперь, оказывается, рядом люди и я нахожусь в километре от забоя, в главном штреке.

— Где сейчас вспомогательные роботы? — спросил Донован.

— Работают, конечно. Сколько времени мы потеряли?

— Не очень много. Забудь об этом,— успокоил его Пауэлл и прибавил, обращаясь к Доновану:

— Останься с ними до конца смены. Потом приходи — я кое-что придумал.

Три часа спустя Донован вернулся. Вид у него был измученный.

— Ну, как? — спросил Пауэлл.

— Пока за ними следишь, все идет гладко.— Донован устало пожал плечами.— Брось-ка мне сигарету.

Он сосредоточенно закурил и выпустил аккуратное кольцо дыма.

— Знаешь, Грег, я все пытался разобраться. Ведь Дейв — не обычный робот. Ему беспрекословно повинуются шесть других. Он может делать с ними все, что хочет. И это должно отражаться на его психике. Что, если он подсознательно чувствует необходимость подчеркнуть и усилить свою власть над ними?

— Ближе к делу.

— Уже близко. Что, если это милитаризм? Что, если он создает армию? Что, если он занимается строевой подготовкой? Что, если...

— А что, если тебе положить компресс на голову? Твои бредни — готовый сюжет для цветного приключенческого фильма. Ведь то, о чем ты говоришь,— радикальное нарушение работы позитронного мозга. Если бы все было так, Дейв кончил бы тем, что поступил бы вопреки

Первому закону роботехники, который запрещает роботу причинять вред человеку. Неизбежным логическим следствием такой милитаристской психологии должно быть стремление к власти и над людьми.

— Ну да. А почем ты знаешь, что это не так?

— Во-первых, робот с таким мозгом никогда не прошел бы заводского контроля. А во-вторых, если бы такое и случилось, мы бы это немедленно обнаружили. Я же проверял Дейва.

Пауэлл вместе со стулом отодвинулся от стола и положил на него ноги.

— Нет, мы еще не можем приготовить рагу. Мы не имеем пока ни малейшего представления, что же происходит. Вот если бы мы хоть выяснили, что значит этот танец, мы были бы на верном пути.

Он помолчал.

— Послушай, Майк, вот что мне пришло в голову. Ведь с Дейвом что-то приключается, только когда нас нет поблизости. И достаточно появиться кому-нибудь из нас, чтобы он пришел в себя.

— Я уже тебе говорил, что это подозрительно.

— Подожди! Что значит для робота, когда людей нет поблизости? Очевидно, ему приходится проявлять больше инициативы. Значит, нужно проверить те его части, на которых может сказаться эта повышенная нагрузка.

— Верно! — Донован было привстал, потом снова опустился в кресло.— Хотя нет. Мало. Это все-таки оставляет слишком широкое поле для поисков.

— Что поделаешь? Во всяком случае, теперь мы можем не опасаться за выполнение плана. Просто будем по очереди следить за роботами по телевизору. И едва что-нибудь случится, немедленно явимся на место. А это заставит их очнуться.

— Но, Грег, ведь это значит, что роботы не пройдут полевых испытаний. «Ю. С. Роботс» не может выпустить в продажу модель ДВ с таким дефектом.

— Конечно. Нам предстоит еще найти слабое место в конструкции и исправить его. И на это у нас осталось де-

сять дней.— Пауэлл почесал в затылке.— Все дело в том... впрочем, лучше сам посмотри чертежи.

Чертежи ковром устлали пол. Донован ползал по ним, следя за неуверенными движениями карандаша, который держал Пауэлл.

— Вот это по твоей части, Майк. Я хочу, чтобы ты меня проверил. Я попытался исключить все цепи, не имеющие отношения к личной инициативе. Вот, например, двигательный канал. Я включаю все боковые связи...— Он взглянул на Донована: — Как ты думаешь?

У Донована пересохло во рту.

— Все это не так просто, Грег. Личная инициатива — это не специальная цепь или схема, которую можно отделить от остальных. Когда робот предоставлен самому себе, деятельность его систем немедленно становится более интенсивной почти на всех участках. Нет такой цепи, на которой бы это не сказалось. Нам нужно найти именно те очень ограниченные условия, которые выбивают его из колеи, и только потом методом исключения начать выделять нужные цепи.

Пауэлл поднялся на ноги и стряхнул пыль с колен.

— Гм... Ладно. Собери чертежи и можешь их сжечь.

Донован продолжал:

— Видишь ли, при усилении активности стоит выйти из строя одной-единственной детали, и может произойти все что угодно. Может быть, где-то нарушена изоляция, или пробивает конденсатор, или искрит контакт, или перегревается катушка. И если работать вслепую, то в таком сложном механизме мы никогда не найдем неисправность. Если разбирать Дейва и проверять каждую деталь по отдельности, каждый раз собирая его и испытывая...

— Можешь не продолжать, понимаю. Я тоже не совсем осел.

Они безнадежно посмотрели друг на друга. Потом Пауэлл осторожно предложил:

— А что, если расспросить одного из вспомогательных роботов?

Ни Пауэллу, ни Доновану до сих пор не приходилось беседовать ни с одним из «пальцев». Вспомогательные роботы могли говорить, и аналогия с человеческим пальцем была не совсем точной. Они имели даже довольно совершенный мозг, но этот мозг был настроен в первую очередь на прием команд через позитронное поле, и самостоятельно реагировать на внешние возбудители они могли с трудом.

Пауэлл не знал даже, как обратиться к этому роботу. Его серийный номер был ДВ-5/2, но так его называть было неудобно. Наконец он вышел из затруднения.

— Послушай, приятель! Я прошу тебя сосредоточиться и немного подумать, а потом ты сможешь вернуться к своему начальнику.

«Палец» вместо ответа неуклюже кивнул головой: при его скудных мыслительных способностях всякие лишние разговоры были ему в тягость.

— Так вот, за последнее время твой начальник уже четыре раза отклонялся от заданной программы,— сказал Пауэлл.— Ты помнишь эти случаи?

— Да, хозяин.

Донован сердито прокричал:

— Он-то помнит! Я тебе говорю, это очень подозрительно...

— Пойди проспись! Конечно, он помнит — у него-то все в порядке!

И Пауэлл снова повернулся к роботу:

— Что вы делали в таких случаях? Я имею в виду всю группу.

Рассказ «пальца» был лишен всякого выражения, словно он отвечал зазубренный урок.

— В первый раз мы разрабатывали трудный выход в семнадцатом забое. Во второй раз мы укрепляли кровлю, которая грозила обвалиться. В третий раз мы готовили точно направленный взрыв, чтобы при отпалке не залеть подземную трещину. В четвертый раз это было сразу после небольшого обвала.

— Что происходило каждый раз?

— Трудно описать. Поступала какая-то команда, но прежде, чем мы успевали принять и осмыслить ее, поступала новая команда — маршировать этим странным строем.

— Зачем? — рявкнул Пауэлл.

— Не знаю.

— А первая команда,— вмешался Донован,— до приказа маршировать, в чем она заключалась?

— Не знаю. Я чувствовал, что поступает команда, но не успевал ее принять.

— Что ты еще можешь сказать? Это была каждый раз одна и та же команда?

— Не знаю.— Робот растерянно покачал головой.

Пауэлл откинулся на спинку кресла.

— Ладно, можешь идти к своему начальнику.

«Палец» вышел, явно испытывая облегчение.

— Многого же мы добились,— сказал Донован.— Необыкновенно содержательный разговор. Слушай, и Дейв, и этот недоумок что-то замышляют. Слишком многого они не знают и не помнят. Им больше нельзя доверять, Грег.

Пауэлл подергал себя за ус.

— Знаешь, Майк, если ты скажешь еще одну глупость, я отниму у тебя и погремушку, и соску.

— Ладно, ладно. Ты же у нас гений, а я — несмышленый младенец! Ну так что же мы выяснили?

— Ничего. Я попробовал начать с конца — с «пальца», и ничего не вышло. Придется начать с начала.

— Ты великий человек! — восхищенно произнес Донован.— Как все это просто! Теперь, маэстро, не переведете ли вы это на человеческий язык?

— Для тебя надо бы переводить на детский лепет. Словом, нужно выяснить, какую команду дает Дейв перед тем, как теряет память. Это ключ ко всему.

— Как же ты думаешь это выяснять? Стоять рядом с ним мы не можем, потому что при нас все будет в порядке. Поймать эту команду по радио мы тоже не можем — она передается через позитронное поле. Значит, узнать,

что это за команда, мы не можем — ни вблизи, ни издалека. И делать нечего.

— Да, прямое наблюдение не годится. Остается еще дедукция.

— Что?

Пауэлл невесело усмехнулся.

— Мы будем по очереди дежурить, Майк. Будем, не сводя глаз с экрана, следить за каждым движением этих стальных болванов. А когда они начнут чудить, мы увидим, что случилось непосредственно перед этим, и определим, какая могла быть команда.

Донован долго сидел с открытым ртом. Потом сказал сдавленным голосом:

— Я подаю заявление об уходе. Хватит.

— У нас еще десять дней, попробуй придумать что-нибудь получше,— устало ответил Пауэлл.

И в течение восьми дней Донован изо всех сил пытался придумать что-нибудь получше. Восемь дней он каждые четыре часа сменял Пауэлла и воспаленными, затуманенными глазами следил за тем, как двигаются в полутьме поблескивающие металлические фигуры. И все восемь дней во время четырехчасовых перерывов он проклинал «Ю. С. Роботс», модель ДВ и день, когда он родился.

А когда на восьмой день, преодолевая головную боль, ему на смену явился заспанный Пауэлл, Донован встал и точно рассчитанным движением запустил тяжелую книгу в самый центр экрана. Раздался вполне естественный звон стекла.

— Зачем ты это сделал? — ахнул Пауэлл.

— Потому что я больше не собираюсь за ними следить,— почти спокойно ответил Донован.— Осталось два дня, а мы еще ничего не знаем. ДВ-5 — жалкий конструкторский недоносок. Он шесть раз останавливался в мое дежурство и три раза — в твое, и я все равно не знаю, какую команду он давал, и ты тоже. И я не верю, чтобы ты вообще смог это узнать, а уж я не смогу — это точно! Клянусь космосом, как можно следить сразу за шестью роботами? Один что-то делает руками, другой — ногами, третий машет руками, как ветряная мельница, четвертый

прыгает, как полоумный. А остальные два... черт знает, что они делают! И вдруг все останавливаются! Грег, мы не то делаем. Нужно смотреть вблизи, чтобы были видны все подробности.

Пауэлл прервал наступившее молчание:

— Ну да, и ждать, не случится ли чего-нибудь за оставшиеся два дня?

— А что, отсюда наблюдать лучше?

— Здесь уютнее.

— А... Но там можно кое-что сделать, чего ты не можешь сделать отсюда.

— Что же?

— Можно заставить их остановиться, когда это будет нужно нам. Когда мы будем готовы подсмотреть, что с ними происходит.

Пауэлл насторожился:

— Каким образом?

— Сам подумай. Ведь ты у нас умница. Задай себе несколько вопросов. Когда ДВ-5 выходит из строя? Что тебе сказал «палец»? Когда угрожал или действительно случился обвал. Когда предстояло очень точно произвести отпалку. Когда попалась трудная жила.

— Иначе говоря, в критических обстоятельствах! — возбужденно сказал Пауэлл.

— Верно! Иначе и быть не может! Все дело в факторе личной инициативы. А необходимость в ней особенно велика в критических обстоятельствах, в отсутствие человека. И что из этого следует? Как нам устроить, чтобы они остановились, когда мы захотим? — Он торжествующе поднял руку, начиная входить во вкус своей роли, и ответил на собственный вопрос, опередив ответ, который уже вертелся у Пауэлла на языке: — Надо устроить аварию!

— Майк, ты прав,— сказал Пауэлл.

— Спасибо, друг! Я знал, что когда-нибудь этого добьюсь.

— Ладно, не язви. Оставь свои шуточки для Земли, там мы их законсервируем на зиму. А теперь — какую аварию мы можем устроить?

— Если бы мы были не на астероиде, где нет ни воды, ни воздуха, можно было бы затопить шахту.

— Это, по-видимому, острота,— сказал Пауэлл.— Знаешь, Майк, ты меня уморишь. А как насчет небольшого обвала?

Донован, насупившись, сказал:

— Не возражаю.

— Хорошо. Тогда пошли.

Пробираясь по каменной осыпи, Пауэлл чувствовал себя заговорщиком. И хотя его походка из-за малой силы тяжести была неуверенной, а из-под ног то и дело вылетали камни, поднимая бесшумные фонтанчики серой пыли,— все равно ему казалось, что он идет осторожными шагами конспиратора.

— Ты представляешь себе, где они? — спросил он.

— Кажется, да.

— Ладно,— мрачно сказал Пауэлл.— Только если какой-нибудь «палец» окажется в шести метрах, он нас учует, даже если мы не будем в его поле зрения. Надеюсь, это тебе известно.

— Когда мне понадобится прослушать элементарный курс роботехники, я подам заявление. В трех экземплярах. Теперь вниз.

Они спустились в шахту. Теперь и звезд не было видно. Оба ощупью пробирались вдоль стен, время от времени освещая путь короткими вспышками фонарей. Пауэлл на всякий случай еще раз ощупал детонатор.

— Ты знаешь этот штрек, Майк?

— Не очень хорошо. Он новый. Правда, я думаю, что могу ориентироваться по тому, что видел по телевизору...

Минуты тянулись бесконечно долго. Вдруг Майк сказал:

— Пощупай!

Приложив металлическую перчатку к стене, Пауэлл почувствовал легкую вибрацию. Конечно, никаких звуков слышно не было.

— Взрывы! Мы уже близко.

— Гляди в оба,— сказал Пауэлл.

Донован нетерпеливо кивнул.

Робот промчался мимо них и исчез так быстро, что они даже не успели его рассмотреть,— это было лишь промелькнувшее светлое пятно, блестевшее металлом. Оба застыли на месте.

— Как по-твоему, он заметил нас? — шепотом спросил Пауэлл.

— Надеюсь, что нет. Но лучше обойти их стороной. Свернем в первый же боковой штрек.

— А если мы вообще к ним не выйдем?

— Ну так что же делать? Возвращаться? — яростно прошипел Донован.— До них еще с четверть мили. Я же следил за ними по телевизору. А у нас всего два дня...

— Ох, замолчи. Не трать зря кислород. Это, что ли, боковой штрек? — Вспыхнул фонарик Пауэлла.— Да. Идем.

Вибрация стен ощущалась здесь гораздо сильнее, и время от времени скала под ногами содрогалась.

— Идем пока правильно. Только бы он не кончился,— сказал Донован и посветил перед собой фонарем.

Вытянув руку, они могли дотронуться до кровли штрека. Крепь была совсем новой.

Вдруг Донован заколебался:

— Кажется, тупик? Идем назад.

— Нет, погоди.— Пауэлл неуклюже протиснулся мимо него.— Что это за свет впереди?

— Свет? Не вижу никакого света. Откуда ему здесь взяться?

— А роботы? — Пауэлл на четвереньках вскарабкался на кучу осыпавшейся породы, перегородившую штрек.— Эй, Майк, лезь сюда,— позвал он тревожным, хриплым шепотом.

Впереди действительно виднелся свет. Донован перелез через ноги Пауэлла.

— Дыра?

— Да. Они, наверное, проходят этот штрек с той стороны.

Донован ощупал рваные края отверстия. Осторожно посветив фонарем, он увидел, что дальше начинается бо-

лее широкий штрек — очевидно, главный. Отверстие было слишком маленьким, чтобы сквозь него мог пролезть человек. Даже заглянуть в него двоим сразу было трудно.

— Там ничего нет,— сказал Донован.

— Сейчас нет. Но секунду назад было — иначе мы не увидели бы света. Берегись!

Стены вокруг них содрогнулись, и они почувствовали толчок. Посыпалась мелкая пыль. Осторожно подняв голову, Пауэлл снова заглянул в отверстие.

— Все в порядке, Майк. Они здесь.

Сверкающие роботы столпились в главном штреке, метрах в пятнадцати от них. Могучие металлические руки быстро разбирали породу, выброшенную взрывом.

— Скорее,— заторопился Донован.— Они вот-вот кончат, а следующий взрыв может задеть нас.

— Ради бога, не торопи меня.— Пауэлл отцепил детонатор. Его взгляд тревожно шарил по темным стенам. При тусклом свете, шедшем от роботов, было почти невозможно отличить торчащие камни от сгустков теней.

— Смотри, вон прямо над ними в кровле выступ. Он остался после последнего взрыва. Если ты туда попадешь, обрушится половина кровли.

Пауэлл посмотрел туда, куда указывал Донован.

— Годится! Теперь следи за роботами и моли Бога, чтобы они не ушли слишком далеко от этого места. Мне нужен их свет. Все семь на месте?

Донован пересчитал.

— Все.

— Ну, смотри в оба. Не упусти ни одного движения!

Он поднял руку с детонатором и прицелился. Донован, чертыхаясь про себя и смаргивая пот, заливавший глаза, пристально следил за роботами.

Вспышка!

Их качнуло, земля вокруг несколько раз вздрогнула, а потом они почувствовали мощный толчок, бросивший Пауэлла на Донована.

— Грег, ты сшиб меня! — завопил Донован.— Я ничего не видел!

Пауэлл огляделся:

— Где они?

Донован растерянно замолчал. Роботов не было видно. Вокруг было темно, как в адской бездне.

— А мы их не задавили? — дрожащим голосом произнес Донован.

— Давай спускаться. Не спрашивай меня ни о чем.

Пауэлл торопливо пополз назад.

— Майк!

Донован остановился.

— Что еще случилось?

— Постой! — В наушниках слышалось хриплое, неровное дыхание Пауэлла.— Майк! Ты меня слышишь?

— Я здесь. В чем дело?

— Назад хода нет. Кровля обвалилась не над роботами, а тут! От сотрясения все рухнуло.

— Да ты что? — Донован уперся в твердую преграду.— Включи-ка фонарь!

Но сквозь завал не смогла бы пролезть даже мышь.

— Ну, как вам это нравится? — тихо сказал Донован.

Они потратили некоторое время и довольно много сил, пытаясь сдвинуть глыбу, загородившую проход.

Потом Пауэлл попробовал расширить отверстие, которое вело в главный штрек. Он поднял было детонатор, но произвести вспышку в таком ограниченном пространстве было равносильно самоубийству.

— Знаешь, Майк,— сказал он, усевшись на камень,— мы окончательно все испортили. Мы так и не знаем, что происходит с Дейвом. Идея была хороша, но она обернулась против нас.

В голосе Донована послышалась горечь.

— Мне жаль огорчать тебя, старина, но, уж не говоря о неудаче с Дейвом, мы к тому же некоторым образом попали в ловушку. И если мы с тобой, дружище, не выберемся, нам крышка. Крышка. Ясно? Сколько у нас кислорода? Не больше чем на шесть часов.

— Я уже думал об этом.— Пальцы Пауэлла потянулись к его многострадальным усам, но звякнули о про-

зрачную крышку гермошлема.— Конечно, Дейв быстро откопал бы нас. Но только после нашего замечательного обвала он, наверное, опять свихнулся, и по радио с ним связаться нельзя.

— Лучше некуда, а?

Донован подполз к отверстию и ухитрился втиснуть в него голову в шлеме. Это далось ему с большим трудом.

— Эй, Грег!

— Что?

— А если Дейв окажется в шести метрах от нас? Он придет в себя. И мы будем спасены.

— Конечно, но где он?

— Там, в штреке. Довольно далеко. Ради бога, перестань дергать меня за ноги, пока не оторвал мне голову. Я сам пущу тебя поглядеть.

Пауэлл в свою очередь высунулся в отверстие.

— Взрыв был удачный. Ты только посмотри на этих балбесов — прямо балет!

— К черту твои сравнения. Они приближаются?

— Не пойму — слишком далеко. Погоди. Дай-ка мне фонарь, попробую привлечь их внимание.

Через две минуты он оставил эту попытку.

— Бесполезно. Они, должно быть, ослепли. Ого, двинулись сюда! Как тебе это нравится?

— Эй, хватит, дай мне посмотреть! — потребовал Донован.

После недолгой возни Пауэлл сказал «ладно», и Донован сунул голову в дыру. Роботы приближались. Впереди, высоко поднимая ноги, шагал Дейв, а за ним цепочкой извивались шесть «пальцев».

— Что они делают, хотел бы я знать,— пробормотал Донован.

— Далеко они? — спросил Пауэлл.

— Метрах в пятнадцати, и идут сюда. Еще четверть часа — и мы будем своб... э-ге-гей! Эй!

— В чем дело? — Пауэллу понадобилось несколько секунд, чтобы прийти в себя после оглушительного вопля Донована.— Ну-ка, пусти меня. Не будь свиньей!

Он попытался оттащить Донована, но тот яростно брыкался.

— Они повернули, Грег! Они уходят! Дейв! Эй, Дейв!

— Что толку? — крикнул Пауэлл.— Ведь звук здесь не проходит.

Донован, задыхаясь, обернулся к нему.

— Ну, колоти в стену, бей по ней камнем, создай какие-нибудь вибрации! Нужно привлечь их внимание, не то мы пропали!

Он начал колотить по камню, как сумасшедший.

Пауэлл потряс его за плечо.

— Погоди, Майк, у меня идея! Клянусь Юпитером, сейчас самое время для простых решений. Майк!

— Чего тебе? — Донован втянул голову.

— Пусти меня скорее, пока они еще недалеко.

— Что ты хочешь делать? Эй, зачем тебе детонатор? — Он схватил Пауэлла за руку.

Тот вывернулся.

— Хочу немного пострелять.

— Зачем?

— Потом объясню. Посмотрим сперва, что получится. Подвинься, не мешай!

Вдали виднелись все уменьшающиеся огоньки роботов. Пауэлл тщательно прицелился и трижды нажал спусковую кнопку. Потом он опустил детонатор и тревожно вгляделся в темноту. Один вспомогательный робот упал! Теперь было видно только шесть сверкающих фигур.

Пауэлл неуверенно позвал в микрофон:

— Дейв!

После небольшой паузы оба услышали:

— Хозяин? Где вы? У третьего вспомогательного разворочена грудь. Он вышел из строя.

— Неважно,— сказал Пауэлл.— Нас завалило при взрыве. Видишь фонарь?

— Вижу. Сейчас будем там.

Пауэлл сел и вздохнул.

— Вот так, дружок.

— Ладно, Грег,— очень тихо произнес Донован дрогнувшим голосом.— Ты победил. Я перед тобой преклоняюсь. Только не морочь мне голову. Расскажи внятно, в чем было дело.

— Пожалуйста. Просто мы все время упускали из виду самое очевидное — как всегда. Мы знали, что дело в личной инициативе, что это всегда происходило в чрезвычайных обстоятельствах. Но мы думали, что все начиналось с определенной команды. А почему, собственно, с какой-то одной команды?

— А почему нет?

— А почему это не мог быть целый класс команд? Какие команды требуют от руководителя наибольшей инициативы? Какие команды обычно отдаются только в чрезвычайных обстоятельствах?

— Не спрашивай меня, Грег! Скажи!

— Я и говорю. Команды, отдаваемые одновременно по шести каналам! В обычных условиях один или несколько «пальцев» выполняют несложную работу, которая не требует пристального наблюдения за ними. Ну, точно так же, как наши привычные движения при ходьбе. А в чрезвычайных обстоятельствах нужно немедленно и одновременно привести в действие всех шестерых. И вот тут что-то сдает. Остальное просто. Любое уменьшение требуемой от него инициативы, например появление человека, приводит его в себя. Я уничтожил одного из роботов, и Дейву пришлось командовать лишь пятью. Инициатива уменьшилась, и он стал нормальным!

— Как ты до этого дошел? — допытывался Донован.

— Логическими рассуждениями. Я произвел эксперимент, и все оказалось правильно.

Они снова услышали голос робота:

— Вот и мы. Вы продержитесь еще полчаса?

— Конечно,— ответил Пауэлл. Потом продолжал, обращаясь к Доновану: — Теперь наша задача стала проще. Мы проверим те цепи, нагрузка на которые при шестиканальной команде больше, чем при пятиканальной. Много придется проверять?

Донован прикинул.

— Не очень, по-моему. Если Дейв сделан так же, как опытный экземпляр, который мы видели на заводе, то у него должна быть специальная координирующая цепь, и все дело ограничится только ею.— Он вдруг воодушевился: — Слушай, это здорово! Остались пустяки!

— Хорошо. Обдумай это. Когда вернемся, проверим по чертежам. А теперь, пока Дейв до нас добирается, я отдохну.

— Погоди! Скажи мне еще одну вещь. Что это была за странная маршировка, эти причудливые танцы, которые начинались каждый раз, когда они теряли рассудок?

— А, это? Не знаю. Но у меня есть одно предположение. Вспомни: вспомогательные роботы — «пальцы» Дейва. Мы все время их так называли. Так вот, я думаю, что каждый раз, когда Дейв становился ненормальным и в голове у него все путалось, он начинал вертеть пальцами!..

Будете довольны

Тони был высокий, смуглый, черноволосый, с аристократическими чертами красивого лица. Клер Белмонт смотрела на него сквозь слегка приоткрытую дверь, замирая от страха и тревоги.

— Нет, не могу, Ларри! Остаться с ним дома — не могу!

Она лихорадочно пыталась найти слова, которые бы убедили мужа, но ничего не могла придумать. Она только и смогла прошептать еще раз:

— Не могу...

Ларри Белмонт неодобрительно взглянул на жену. Она так боялась этого выражения нетерпения на его лице.

— Клер, мы же договорились,— строго сказал Ларри.— Отказываться уже поздно. Ведь только поэтому меня посылают в Вашингтон, что, как ты понимаешь, означает повышение. Какие же могут быть возражения?

Клер всхлипнула:

— Просто мурашки по коже бегают. Нет, я не смогу находиться с ним рядом.

— Ну что ты, глупышка, он такой же человек, как ты и я. Почти такой же. Ладно, кончай дурить. Ну-ка, пошли.

Он похлопал ее по спине, подтолкнул к двери, и она сама не заметила, как оказалась в собственной гостиной. *Этот* стоял там и смотрел на нее вежливо-оценивающим взглядом — разглядывал свою хозяйку на ближайшие три

недели, а в кресле с отсутствующим видом сидела доктор Сьюзен Кэлвин. Взгляд ее по обыкновению был холоден и непроницаем — казалось, что от долгой работы с машинами уровень железа у нее в крови сильно повысился.

— Х-хелло,— неуклюже, ни к кому в отдельности не обращаясь, поздоровалась Клер.

Ларри изо всех сил старался сгладить неловкость.

— Ну вот, Клер, познакомься. Это Тони, отличный парень. Тони, старик, а это моя женушка Клер.

Рука Ларри по-приятельски опустилась на плечо Тони, однако тот никак не отреагировал на эту фамильярность.

— Как поживаете, миссис Белмонт? — спросил он.

Клер вздрогнула — она не ожидала, что у машины может оказаться такой приятный, бархатный, низкий голос. Голос был такой же ровный и безукоризненный, как прическа и как кожа на лице робота.

— Боже мой,— вырвалось у нее против воли,— вы разговариваете!

— Почему бы и нет?

Клер только и сумела, что кисло улыбнуться в ответ. Она и сама не знала, чего, собственно, ожидала. Она отвела взгляд, затем принялась украдкой разглядывать Тони. Волосы у него были черные, гладкие, блестящие, как полированный пластик. А его покрытая ровным загаром кожа — кончается ли она там, где тело закрыто консервативного покроя одеждой?

Леденящий голос Сьюзен Кэлвин прервал размышления Клер и вернул ее на землю.

— Миссис Белмонт, надеюсь, вам понятна вся важность данного эксперимента. Ваш муж сообщил мне, что в общих чертах ознакомил вас с проектом. Мне как Главному психологу «Ю. С. Роботс энд мекэникл мен корпорейшн», хотелось бы сообщить вам некоторые детали. Тони — робот. Его серийное обозначение — ТН-3, но он привык отзываться на имя Тони. Он не механическое чудовище и не примитивная счетная машина, которые были разработаны во время Второй мировой войны, то есть пятьдесят лет назад. У него искусственный мозг, почти

такой же сложный, как наш с вами. Образно говоря, мозг его представляет собой громадный телефонный коммутатор, соединения в котором осуществляются на атомном уровне, и соединений в этом коммутаторе насчитывается несколько миллиардов. Такой мозг для каждой модели робота создается по специфической технологии. Каждый робот имеет заданный набор параметров, в зависимости от того, для какой работы он предназначен. Но всякий робот, как минимум, знает английский язык. До сих пор наша фирма ограничивалась выпуском роботов, предназначенных для применения в тех отраслях производства, где человеку работать опасно или нежелательно,— например, в сверхглубоких шахтах или под водой. Но мы стремимся завоевать город, домашний быт. Чтобы добиться этого, нам нужно, чтобы самые обычные, рядовые обыватели — мужчины и женщины, стали относиться к роботам без боязни. Надеюсь, вы понимаете, что бояться тут нечего?

— Это не страшно, Клер,— ободряюще добавил Ларри.— Поверь мне на слово. Он совершенно не способен причинить тебе никакого вреда. В противном случае я бы ни за что не оставил тебя с ним.

Клер украдкой взглянула на Тони и прошептала:

— А если я его рассержу?

— Совершенно незачем шептать,— невозмутимо проговорила Сьюзен Кэлвин.— Он *не может* рассердиться на вас, моя дорогая. Я же сказала вам, что мозг его имеет заданные параметры, и главный из них — тот, который мы именуем Первым законом роботехники,— заключается в следующем: «Робот не может причинить вред человеку или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинен вред». Так устроены абсолютно все роботы, и Тони — не исключение. Никакие обстоятельства не могут вынудить робота причинить вред человеку. И главное, вы должны понять, миссис Белмонт: мы нуждаемся в вас и Тони для уточнения требующих доработки деталей. Эксперимент будет продолжаться ровно три недели, то есть все то время, пока ваш супруг будет находиться в

Вашингтоне и вести переговоры о получении официального разрешения правительства на подобные эксперименты.

— Вы... имеете в виду, что это... нелегально?

Ларри нервно откашлялся.

— Пока не вполне, но это неважно. Тони не покинет дома, а тебе не следует его никому показывать. Вот и все... Клер, пойми, я бы остался с тобой, но я слишком много знаю о роботах. А нам нужно, чтобы с роботом остался совершенно неподготовленный человек — это обеспечит чистоту эксперимента. Это крайне необходимо, пойми.

— Ну что ж,— пробормотала Клер.— Что он умеет делать? — неожиданно поинтересовалась она.

— Домашнюю работу,— ответила Сьюзен Кэлвин коротко.— Вы будете довольны, уверяю вас.

Она поднялась, и Ларри открыл перед ней дверь. Клер проводила их взглядом, полным тоски, и случайно увидела свое отражение в зеркале над камином. Она тут же отвернулась. Как же она сама ненавидела свое маленькое, мышиное личико и жидкие, тусклые волосы! Неожиданно она поймала на себе взгляд Тони, и по лицу ее скользнула вымученная улыбка, но она тут же вспомнила...

Ведь он был всего-навсего машиной!

По дороге в аэропорт Ларри мельком увидел Глэдис Клефферн. Она была из тех женщин, которых именно мельком обычно и удается увидеть. Безукоризненно одетая, со вкусом накрашенная — слишком блистательная, чтобы смотреть на нее долго.

Ее тонкая улыбка, опережавшая саму Глэдис, и аромат дорогих духов — все дышало призывом. Ларри, почувствовав, что земля уходит у него из-под ног, торопливо приподнял шляпу и промчался мимо.

И как обычно, почувствовал смутное раздражение. Если бы только Клер постаралась войти в компанию Глэдис, как бы это помогло ему продвинуться! Но что толку...

Клер! Эта маленькая глупышка всякий раз, встречаясь с Глэдис, будто немела. Нет, Ларри уже давно оставил всякие иллюзии. Эксперимент с Тони — его единственный шанс, и даже это зависит от Клер. Вот окажись дело в руках кого-нибудь вроде Глэдис...

На следующее утро Клер проснулась от тихого, деликатного стука в дверь спальни. Она вся похолодела от ужаса. Весь предыдущий день она избегала встречаться с Тони, а если он и попадался ей где-нибудь в доме, натянуто улыбалась и старалась проскользнуть мимо.

— Это вы, Т-тони?

— Да, миссис Белмонт. Могу я войти?

Видимо, она-таки сказала «да», поскольку он тут же оказался в комнате — неожиданно и бесшумно. Ее глаза и нос одновременно доложили о содержимом подноса у него в руках.

— Завтрак? — спросила она.

— Если пожелаете.

Она не осмелилась отказаться, неуклюже села в кровати и взяла поднос: яйца всмятку, тосты с маслом, кофе.

— Сахар и сливки я добавлять не стал, принес отдельно,— сообщил Тони.— Надеюсь со временем узнать ваши вкусы в этом и других отношениях.

Она ждала, когда он уйдет.

Тони немного постоял, стройный и несгибаемый, как металлическая линейка, и наконец поинтересовался:

— Вы предпочитаете завтракать в одиночестве?

— Да,— кивнула Клер.— Если вы не возражаете.

— Желаете, чтобы я помог вам одеться?

— О боже, нет! — взвизгнула Клер, так поспешно натянув простыню до подбородка, что кофейная чашечка на подносе угрожающе наклонилась. Так она и сидела до тех пор, пока за Тони не захлопнулась дверь.

Кое-как она справилась с завтраком. В конце концов, он был всего-навсего машиной, и будь это более заметно, было бы не так страшно. Или если бы выражение лица у него хоть слегка менялось. Увы, по взгляду непро-

ницаемо черных глаз Тони никак нельзя было понять, что у него на уме... Пустая кофейная чашечка громко звякнула по блюдечку. Только теперь Клер поняла, что не добавила в кофе ни сахара, ни сливок. А ведь она терпеть не могла черный кофе!

Одевшись, она решительно направилась в кухню. Если на то пошло, это ее дом, и, хотя она не склонна придираться, кухня должна содержаться в чистоте. За ним нужно присматривать... Но, войдя, Клер была поражена: кухня выглядела как экспонат выставки по домоводству.

Застыв на месте, она удивленно разглядывала кухню. Резко повернувшись к двери, она едва не наткнулась на Тони. Клер вскрикнула.

— Могу я помочь? — спросил Тони.

— Тони,— начала она, изо всех сил стараясь обратить свою панику в гнев,— следует издавать хоть какие-нибудь звуки при ходьбе. Я не потерплю, чтобы за мной шпионили. И потом... вы что, не пользовались кухней?

— Пользовался, миссис Белмонт.

— Непохоже.

— Я потом все убрал. Разве не так обычно делается?

Клер только широко раскрыла глаза. Слов у нее не было. Она открыла дверцу духовки, где у нее стояли кастрюли и сковородки, и кинула взгляд на сверкающую посуду.

— Хорошо...— проговорила она дрожащим голосом.— Вполне удовлетворительно.

Ну хоть бы кивнул, хоть бы улыбнулся, хоть бы что-нибудь отразилось на его неподвижном лице! Но Тони лишь проговорил с невозмутимостью английского лорда:

— Благодарю вас, миссис Белмонт. Не пройдете ли в гостиную?

В гостиной тоже было чему удивиться.

— Вы полировали мебель?

— Вам нравится, миссис Белмонт?

— Но когда? Вчера, насколько я помню, вы этим не занимались.

— Нет. Я все сделал ночью.

— И всю ночь горел свет?

— О нет. Это мне ни к чему. Я оборудован встроенным источником ультрафиолетовых лучей. Я могу видеть в темноте. И потом, я не нуждаюсь в сне.

Но он явно нуждался в похвале. Она поняла это. Ему следовало знать, что она довольна им, но Клер не смогла заставить себя похвалить Тони.

Она только кисло произнесла:

— Такие, как вы, могут лишить работы и хозяек, и служанок.

— Ну что ж, тогда они смогут посвятить себя более интересной деятельности, освободившись от домашних забот. Ведь таких, как я, миссис Белмонт, можно производить, но ни одна машина, ни одно устройство не идут в сравнение с человеком, мозг которого так сложен и обладает колоссальным творческим потенциалом.

Лицо робота было по обыкновению бесстрастно, но что-то в голосе выдавало восторг и поклонение. Клер покраснела и тихо пробормотала:

— Мой мозг? Не такая уж это ценность.

Тони подошел к ней поближе.

— Вы, наверное, чем-то огорчены, миссис Белмонт, если так говорите. Не могу ли я помочь вам?

Клер была готова рассмеяться. Ничего себе: этот говорящий пылесос, посудомоечная машина и полотер в одном лице, только что сошедший с конвейера, предлагает ей свои услуги в качестве утешителя и исповедника!

Тем не менее она, неожиданно для самой себя, ответила Тони в порыве откровенности:

— Если уж вы хотите знать, Тони, мистер Белмонт не считает, что у меня есть мозг. Да мне и самой часто кажется, что так оно и есть.

Не могла же она при нем расплакаться! Не могла же она уронить достоинство всего человечества в глазах какой-то машины!

— Так, правда, стало только в последнее время,— добавила она.— Пока он был студентом, все было хорошо, да и потом, когда он только начал работать. Но для такого большого человека, каким он стал сейчас, я — неподходящая жена. Он хочет, чтобы я стала светской жен-

щиной, чтобы я играла в обществе роль, достойную его положения, как эта... Г-г-г... Глэдис Клефферн.

Кончик носа у нее покраснел, и она отвернулась от Тони.

Но Тони вовсе не на нее смотрел. Он придирчиво оглядывал гостиную.

— Я могу помочь вам по дому,— сказал он.

— Да что толку? — махнула рукой Клер.— Я не могу придать дому шик. Я могу сделать его уютным, но мне никогда не довести дом до такого состояния, как на иллюстрациях в модных журналах.

— Вы хотите, чтобы у вас был такой дом?

— От хотения, Тони, толку мало.

Тони в упор смотрел на нее.

— Я мог бы помочь.

— Вы что-нибудь смыслите в устройстве интерьера?

— А это входит в сферу деятельности хорошей домоправительницы?

— Конечно.

— Значит, в принципе, я могу этому обучиться. Не могли бы вы снабдить меня книгами на эту тему?

Вот так все и началось.

Подходя к дому, Клер с трудом удерживала под мышкой два толстенных тома «Руководства по домашнему хозяйству», взятых в публичной библиотеке. Другой рукой она придерживала шляпку, готовую вот-вот слететь с головы под порывами ветра.

Когда Тони раскрыл первый том, Клер с любопытством посмотрела на него. Она впервые разглядела вблизи его пальцы, ловко переворачивающие страницы.

«Забавно,— подумала она.— Интересно, как это им удается?»

Не удержавшись, она взяла руку Тони и потянула к себе. Тони не сопротивлялся, спокойно предоставив ей возможность внимательно рассмотреть пальцы.

— Потрясающе! — восхищенно сказала Клер.— Даже ногти как настоящие!

— Так и должно быть, конечно,— сказал Тони.— Кожа у меня из эластичного пластика, а скелет — из легкого металлического сплава. Если интересно, я могу рассказать подробнее.

Клер взглянула на него, подняв зардевшееся густым румянцем лицо.

— Нет-нет, не надо! Мне неловко за мое любопытство. Это не мое дело. Вы же не спрашиваете, что у меня внутри?

— Позитронные связи в моем мозгу не предусматривают этого. Я могу действовать только в отведенных мне границах.

Наступила неловкая пауза. Клер была смущена. И как она могла забыть, что он всего-навсего машина! Надо же, роботу самому пришлось напомнить ей об этом. Неужели она так изголодалась по хорошему к себе отношению, что была готова общаться с роботом как с равным только потому, что он был добр к ней?

Глядя, как Тони быстро перелистывает страницу за страницей, Клер внезапно ощутила проснувшееся в ней чувство превосходства.

— Читать вы, конечно, не умеете?

Тони поднял глаза и без тени обиды в голосе ответил:

— Я читаю, миссис Белмонт.

— Но... как? — беспомощно указывая на книгу, спросила Клер.

— Я сканирую страницы. У меня фотографический процесс чтения.

Наступил вечер, и, когда Клер собралась идти спать, Тони уже заканчивал штудировать второй том, сидя в темной гостиной. То есть темной по понятиям Клер.

Последняя ее мысль перед сном была странной: она почему-то вспомнила его руку, теплоту его пальцев. Да, рука была теплая и мягкая — совсем человеческая рука.

«Это они здорово придумали»,— мысленно похвалила она производителей и заснула легким, приятным сном.

Несколько дней подряд она только и совершала рейды в библиотеку и обратно. Интересы Тони быстро расширялись. Ему были нужны книги по колористике и косметике, по столярному делу и модам, по искусству и истории костюма.

Он переворачивал страницу за страницей и, конечно же, запоминал все прочитанное.

Неделя еще не подошла к концу, а он уже успел настоять на том, чтобы сделать Клер новую прическу, слегка изменить линию бровей, порекомендовал ей другой тон пудры и губной помады.

Она нервно ерзала в кресле, ощущая заботливое касание его ловких рук — ведь все-таки это были не человеческие руки! Через полчаса она взглянула в зеркало.

— Это, конечно, далеко не все, что нужно сделать,— сообщил Тони.— Еще будут проблемы с одеждой. Ну, а как для начала?

Она не могла вымолвить ни слова. Далеко не сразу до ее сознания дошло, что прекрасная незнакомка в зеркале и она сама — это один и тот же человек. Наконец, не в силах оторвать взгляд от своего отражения, она запинаясь проговорила:

— Да, Тони, для начала — очень неплохо!

Она ничего не написала об этом Ларри. Приедет — сам увидит. Пусть удивится! Но только ли удивления хотелось Клер? Нет, и она сама это понимала,— она жаждала своего рода отмщения!

Однажды утром Тони сказал:

— Нам нужно сделать кое-какие покупки, а мне нельзя покидать дом. Если я составлю список всего необходимого, могу я попросить вас купить все это? Нам нужны занавески, ткань для обивки мебели, обои, ковры, краска, линолеум — и еще много всяких мелочей.

— Да, но... вряд ли мне удастся купить именно то, что нужно,— с сомнением в голосе ответила Клер.

— Ну почему же? Можно найти все, что нужно, если походить по магазинам и если деньги — не проблема.

— Но, Тони, деньги, конечно же, проблема!

— Вовсе нет. Начните с того, что посетите «Ю. С. Роботс». Я напишу записку доктору Кэлвин. Скажите ей, что все это нужно для успеха эксперимента.

На этот раз доктор Кэлвин, как ни странно, не показалась Клер такой устрашающей, как в вечер их знакомства. Наверное, дело было в том, что сама Клер была другая — с новым лицом, в новой шляпке. Психолог внимательно выслушала ее, задала несколько вопросов, одобрительно кивнула — и вскоре Клер оказалась обладательницей неограниченного кредита за счет «Ю. С. Роботс энд мекэникл мен корпорейшн».

Просто потрясающе, на что способны деньги! Все содержимое магазинов было брошено к ее ногам, и мнение продавщицы уже не было истиной в последней инстанции, а вздернутые брови дизайнера не воспринимались как молния с Олимпа.

А когда напыщенный толстяк в модном салоне на чистейшем французском языке с Пятьдесят седьмой улицы попытался поспорить с ней по поводу заказанных туалетов, она позвонила Тони и передала трубку месье.

— Если вам не трудно,— сказала Клер уверенно, хотя пальцы у нее немного дрожали,— поговорите с моим... м-м-м... секретарем.

Толстяк подошел к телефону, гордо держа одну руку за спиной, взял трубку пальцами и произнес манерно: «Да». Через некоторое время последовало еще одно «да», гораздо менее гордое, чем первое. Он, правда, попытался было что-то возразить, но тут же умолк на полуслове, еще раз кротко ответил «да», и телефонная трубка была бережно водворена на рычаг.

— Если мадам пройдет со мной,— сказал он обиженно и сухо,— я постараюсь подыскать то, что мадам нужно.

— Секундочку,— извинилась Клер и снова набрала свой номер.— Привет, Тони. Не знаю, как вам это удалось, но все просто отлично. Спасибо. Вы...— Она отчаянно пыталась подобрать подходящее слово и в конце

концов, не найдя другого, проговорила торопливо: — Вы прелесть!

Положив трубку и обернувшись, Клер обнаружила, что с нее не спускает глаз Глэдис Клефферн собственной персоной. На ее лице были написаны издевка и изумление.

— Миссис Белмонт?

Куда девались уверенность в себе и самообладание! Клер могла лишь тупо и послушно, как марионетка, кивнуть.

Глэдис презрительно улыбнулась.

— Я и не знала, что вы здесь одеваетесь.— Казалось, это обстоятельство уронило престиж магазина в ее глазах.

— Н-не всегда,— пробормотала Клер.

— Да у вас и прическа новая? Она весьма пикантна. О, простите, но разве вашего мужа зовут не Лоренс? По крайней мере, мне так казалось.

Клер стиснула зубы. А отвечать что-то было нужно.

— Тони — приятель моего мужа. Он иногда помогает мне в выборе одежды.

— А, понятно. И просто *прелесть* какой советчик.

Глэдис с улыбкой вышла из магазина, и свет и тепло померкли для Клер.

У Клер даже не возникло сомнения в том, что обратиться за утешением ей следует именно к Тони. За десять дней все ее страхи и предрассудки выветрились. Теперь она могла плакать в его присутствии — и дать выход своей ярости.

— Я вела себя как полная идиотка! — всхлипывала она, сморкаясь в промокший от слез платочек.— При ней всегда так. Я сама не знаю почему. Просто она так на меня действует. Я готова была ударить ее. У-у-у, как бы мне хотелось растоптать ее!

— Неужели вы способны так сильно ненавидеть другого человека? — спросил Тони.— Эта часть человеческого сознания совершенно недоступна моему пониманию.

— Да не ее я ненавижу! — всхлипнула Клер.— Себя! Она — это все, чем мне хотелось бы стать,— внешне, по крайней мере. А я... я не могу!

Голос Тони прозвучал твердо и уверенно:

— Можете, миссис Белмонт, можете. У нас есть еще десять дней, и за эти десять дней мы полностью переделаем ваш дом. Разве мы с вами не задумали это?

— Но при чем тут дом и... она?

— Пригласите ее сюда. Пригласите ее друзей. Назначьте это на вечер перед... перед моим отъездом. Это будет своего рода новосельем.

— Она не придет,— покачала головой Клер.

— Нет, она придет. Она придет, чтобы посмеяться... Но у нее не получится.

— Вы правда так думаете? О, Тони, вы думаете, у нас выйдет?

Она схватила его за руки... и тут же смущенно отвернулась.

— Но что в этом толку? Это ведь будет не моя заслуга. Не могу же я все время полагаться на вас!

— Все должны на кого-то или что-то полагаться,— почти шепотом проговорил Тони.— Эта идея заложена в имеющейся у меня информации. Подумайте, что вы и все остальные видите в Глэдис Клефферн? Вы видите внешнюю сторону. А за этим стоят деньги и положение в обществе. Значит, она на это полагается, и ее это совсем не смущает. Так почему же моя помощь должна смущать вас, миссис Белмонт? Я устроен так, чтобы подчиняться, но степень подчинения я для себя определяю сам. Я могу подчиняться беспрекословно, а могу — ограниченно. Вам я подчиняюсь беспрекословно, потому что вы в моем понимании — идеал человека. Вы добры, дружелюбны, скромны. У миссис Клефферн, если верить вашему описанию, эти качества отсутствуют, и я не стал бы подчиняться ей, как подчиняюсь вам. Так что успеха достигнете вы, а не я, миссис Белмонт.

Тони выпустил руку Клер, и она удивленно взглянула в его бесстрастное лицо, которое, как всегда, остава-

лось непроницаемым. И вдруг она испугалась — но чего-то совсем другого!

Клер нервно сглотнула. В горле у нее пересохло, а руки горели, храня тепло его пальцев. Ей не показалось: перед тем как отпустить ее руки, Тони крепко и нежно сжал их.

Нет!

Эти пальцы! Пальцы *этого*!..

Она бросилась в ванную и принялась отчаянно отмывать руки — слепо, беспомощно...

Ей было не по себе на следующее утро. Украдкой наблюдая за Тони, Клер все ждала, не случится ли чего, но ничего особенного не происходило.

Тони трудился не покладая рук. Рисунок на обоях был подогнан безупречно, быстросохнущая краска ложилась ровными слоями. Движения рук Тони были точны и уверенны.

Он работал всю ночь напролет. Она не слышала ни звука, но каждое утро приносило новые сюрпризы. Она не могла пересчитать всех дел, которые он успевал сделать за ночь, а к вечеру снова было чему удивляться, а потом опять наступала ночь.

Один-единственный раз она решила ему помочь, но тут же сказалась ее человеческая неуклюжесть. Тони работал в соседней комнате, а Клер решила повесить картину на место, помеченное Тони: ей надоело бездельничать. Но то ли она нервничала, то ли стремянка была неустойчива — трудно сказать. Она почувствовала, что падает, и закричала. Лестница, однако, упала без нее — Тони с его нечеловеческой быстротой успел подхватить Клер.

Глаза его были, как всегда, спокойны, а теплый голос произнес самые обычные слова:

— Вы не ушиблись, миссис Белмонт?

На краткое мгновение при падении рука Клер коснулась волос Тони, и она, неизвестно почему, успела отметить, что волосы у него мягкие и состоят из отдельных волосинок...

Только спустя какое-то время она поняла, что Тони держит ее на руках — крепко и нежно.

Она оттолкнула его и завизжала так громко, что испугалась собственного крика. Остаток дня она провела у себя в комнате, заперев дверь и загородив ее стулом. Так с того злополучного дня она делала каждую ночь.

Клер разослала приглашения, и, как и утверждал Тони, они были благосклонно приняты. Теперь только и оставалось ждать последнего вечера.

И вот он настал. Дом к этому времени преобразился до неузнаваемости. Клер обошла все комнаты и еще раз убедилась, что все изменилось. И дом, и она сама. Она была одета так, как никогда бы не осмелилась раньше. А когда надеваешь на себя такие наряды, вместе с ними появляются и гордость, и уверенность в себе.

Она примерила перед зеркалом надменно-вежливую улыбку, и светская красавица в зеркале ответила ей такой же улыбкой.

«Что скажет Ларри?» — подумала она, но тут же решила, что ей совершенно все равно, что скажет Ларри. Нет, прекрасные дни не начинались с его приездом. Наоборот, они заканчивались с отъездом Тони. Ну не странно ли? Клер попыталась вспомнить свои чувства трехнедельной давности и не смогла.

Часы пробили восемь, и каждый удар отозвался волнением в сердце Клер. Она обернулась к Тони.

— Они вот-вот придут, Тони. Будет лучше, если вы спуститесь вниз. Мы не можем позволить им...

Она смотрела на него, не скрывая удивления, потом слабо вскрикнула:

— Тони!

Потом громче:

— Тони!

И наконец беспомощно и отрешенно:

— Тони....

Но он уже обнял ее, лицо его было совсем рядом с ее лицом, и она не могла освободиться из его объятий.

Сквозь туман охватившего ее чувства она с трудом слышала его слова.

— Клер,— говорил он,— я не способен понимать многого, и это — одна из тех вещей, которые я не способен понять. Я уезжаю завтра, а мне не хочется уезжать. Я... мне кажется, что это — нечто большее, чем желание доставить вам удовольствие. Не странно ли это?

Он прижимал ее к себе. Губы его были совсем близко, они были мягкие и теплые, но за ними не чувствовалось дыхания — ведь машины не дышат. Они были готовы коснуться ее губ...

...и прозвенел звонок.

Мгновение, долгое, как сон, Клер молча сопротивлялась, а потом... потом Тони исчез, и нигде его не было видно, а звонок прозвенел еще раз. Еще раз, и еще — настырно, требовательно.

Занавески на окнах, выходящих на улицу, были раздвинуты! Но ведь пятнадцать минут назад они были задернуты — она сама видела!

Значит, они все видели, значит, они видели все!

Они вошли — все такие вежливые, гуськом, друг за другом, и тут же принялись заглядывать во все уголки. Конечно, они все видели. Иначе зачем бы Глэдис тут же принялась выспрашивать, дома ли Ларри? И Клер не оставалось ничего другого, как держаться дерзко и с вызовом.

Да, Ларри нет дома. Когда возвращается? Наверное, завтра. Нет, я вовсе не скучала без него. Совсем не скучала. Что вы, я прекрасно провела время.

Она смеялась над ними. Почему бы и нет? Что они могли ей сделать? Ларри ведь поймет, в чем дело, даже если до него дойдет вся эта история.

А вот им было не до смеха!

Клер видела свидетельства этого — в ярости, которой горели глаза Глэдис, в ее деланном смехе, в том, как быстро она собралась домой. Провожая остальных, Клер успела расслышать чей-то завистливый и восхищенный шепот:

— Ну надо же, какой красавец!

Ну и пусть, пусть знают: да, она, может, и не такая красавица, как Глэдис Клефферн, и не такая богачка, но ни у кого, ни у кого на свете нет такого красивого любовника!

И тут она снова-снова-снова вспомнила, что Тони всего-навсего машина. Клер похолодела и прокричала в пустоту гостиной — дико, беспомощно:

— Уходи!!! Оставь меня!!!

Клер заперлась в спальне и проплакала всю ночь. А утром, еще до рассвета, пока на улицах не было пешеходов, приехала машина и увезла Тони.

Лоренс Белмонт проходил мимо двери кабинета доктора Кэлвин и, сам не зная почему, постучал. Он застал в кабинете математика Питера Богерта, но это его нисколько не смутило.

— Клер сказала мне, что фирма оплатила все, что сделано в нашем доме...

— Да,— кивнула Сьюзен Кэлвин.— Мы пошли на эти затраты, сочтя их необходимыми для успешного завершения эксперимента. Но приказ о вашем назначении на пост главного инженера уже подписан, так что, я надеюсь, ваше материальное положение позволит вам теперь управиться с вашим новым домом?

— Я не об этом. Раз Вашингтон дал согласие на официальное проведение экспериментов, мы сможем меньше чем через год приобрести собственную модель ТН-3.

Он нерешительно повернулся к двери, но вернулся обратно.

Сьюзен Кэлвин поторопила его:

— Ну, что еще, мистер Белмонт?

— Я хотел бы понять...— смущенно начал Ларри.— Я хотел бы понять, что же произошло. Она... я хочу сказать — Клер, так изменилась! Дело не только в ее внешности, хотя, честно говоря, я поражен.— Он нервно рассмеялся.— Это не она. Это не моя жена — мне трудно это объяснить.

— А зачем объяснять? Разве вы разочарованы происшедшими изменениями?

— О, что вы, наоборот. Но это... немножко пугает, понимаете?

— Я бы на вашем месте так не волновалась, мистер Белмонт. Ваша жена вела себя безукоризненно. Если честно, то я даже не ожидала, что эксперимент пройдет столь успешно. Благодаря ему мы теперь точно знаем, какие именно изменения необходимо внести в конструкцию модели ТН-3, и заслуга эта целиком и полностью принадлежит миссис Белмонт. Если хотите, чтобы я была с вами откровенна до конца, то я скажу, что ваше повышение в должности — в большей мере заслуга вашей жены, чем ваша собственная.

Ларри поморщился.

— Ну, это уж дело семейное...— пробормотал он и быстро удалился.

Сьюзен Кэлвин долго смотрела на закрывшуюся за ним дверь.

— Кажется, выстрел попал в цель,— я надеюсь... Вы прочли отчет Тони, Питер?

— От корки до корки,— ответил Богерт.— И по-моему, модель ТН-3 нуждается в серьезной доработке.

— О, и вы такого мнения? И почему же вы так думаете?

Богерт нахмурился.

— При чем тут мое мнение? Ясно как белый день: мы не можем выпускать роботов, которые крутят любовь со своими хозяйками.

— Любовь! — фыркнула Сьюзен.— Питер, вы удивляете меня. Неужели вам непонятно? Робот обязан выполнять Первый закон. Он не мог позволить, чтобы человеку был причинен вред, а вред Клер Белмонт причиняла она сама — своим комплексом неполноценности. Вот он и разыграл любовную сцену: какая женщина не дрогнет от сознания, что сумела пробудить страсть в машине — холодной, бесчувственной машине! И занавески в тот вечер он раздвинул тоже нарочно, чтобы гости могли увидеть пикантную сцену и позавидовать,— и при этом ни-

какого риска для супружеского счастья Клер. Думаю, тут Тони просто превзошел сам себя...

— Вы так думаете? Но какая разница, притворялся он или нет? Все равно это непозволительно. Перечитайте отчет еще раз. Она избегала его. Она кричала, когда он обнимал ее. Она глаз не сомкнула в последнюю ночь. У нее была истерика. Разве мы имеем право допустить подобные вещи?

— Питер, вы слепы. Так же слепы, как я была когда-то. Модель ТН-3 будет серьезно переделана, но совсем не по этой причине. Как раз наоборот. Странно только, как я сразу не додумалась...

Взгляд Сьюзен стал отрешенно-задумчивым.

— Но тут уж дело в моих собственных недостатках. Видите ли, Питер, машины не умеют влюбляться. Но зато умеют женщины — даже тогда, когда это так страшно и совершенно безнадежно!

Риск

На Гипербазе долго ждали этого дня. В обзорной галерее расположились — в строгом соответствии с протоколом — чиновники, ученые, техники и множество других людей, которых можно обозначить одним словом: персонал. Все ждали — кто с надеждой, кто с тревогой, кто затаив дыхание, кто с нетерпением, а кто со страхом,— ждали решающего момента, кульминации всей их работы.

Полый астероид, известный под названием Гипербаза, был окружен в этот день стеной непроницаемой секретности в радиусе десятков тысяч миль. Ни один корабль не мог проникнуть за нее, не будучи уничтоженным. Ни одно сообщение не могло пересечь ее без проверки.

Примерно в сотне миль от Гипербазы уже год аккуратно двигался по правильной круговой орбите маленький астероид. Его номер был X 937, но на Гипербазе его называли не иначе, как «Он» («Ты на Нем сегодня был?», «Генерал на Нем, устраивает разнос»), и в конце концов обыкновенное местоимение перешло в разряд имени собственного.

На Нем, уже опустевшем в преддверии времени «0», стоял «Парсек», уникальный корабль, какого еще не было в истории человечества. Беспилотный корабль был готов к старту в глубины непостижимого.

Джеральд Блэк, занимающий, как и подобает блестящему молодому специалисту в области физики поля, место в

первом ряду, похрустел суставами, вытер потные ладони о запятнанный белый халат и угрюмо спросил:

— А почему бы вам не переключиться на генерала или на ее светлость — вон они сидят?

Найджел Ронсон из Интерплэнетери Пресс мельком взглянул на генерал-майора Ричарда Кэллнера в ослепительной парадной форме и на неприметную женщину, совсем терявшуюся в этом блеске. Он ответил:

— Я бы так и сделал, но меня интересуют новости.

Ронсон был низенький и толстенький человечек. Он старательно подражал расхожему образу популярного журналиста: волосы тщательно подстрижены коротким ежиком, воротник рубашки расстегнут, а брюки доходят только до щиколотки. Но профессионал он был хороший.

Блэк был коренаст, под темными волосами открывался низкий лоб, но ум его, по контрасту с тупыми концами сильных пальцев, был необычайно остер. Он сказал:

— Новости надо узнавать у них.

— Чепуха,— заявил Ронсон.— Без шитого золотом мундира Кэллнер — пустое место. Раздеть его — и останется автомат, медленно передающий вниз приказы и поспешно отфутболивающий наверх ответственность за решения.

Блэк чуть не улыбнулся, но одернул себя.

— Ну а мадам доктор?

— Доктор Сьюзен Кэлвин из «Ю. С. Роботс энд мекэникл мен корпорейшн»,— пропел журналист.— Дама с гиперпространством вместо сердца и глазами, изливающими жидкий гелий. Она пройдет сквозь Солнце и выйдет с другой стороны в скафандре из застывшего пламени.

Блэку стоило еще большего труда сдержать улыбку.

— А директор Шлосс?

Ронсон бойко затараторил:

— Слишком много знает. Пытается поддерживать в своем собеседнике тлеющий огонек интеллекта и одновременно — не ослепить упомянутого собеседника блеском своего. В результате ничего интересного сообщить не в состоянии.

На этот раз Блэк оскалился.

— Ну а если я попрошу объяснить, почему вы пристали ко мне?

— Очень просто, доктор. Я на вас посмотрел и решил, что вы слишком уродливы для дурака и слишком умны, чтобы упустить шанс получить некоторую известность.

— Напомните мне как-нибудь, чтобы я хорошенько вам врезал,— сказал Блэк.— И что же вас интересует?

Журналист из Интерплэнетери Пресс показал пальцем на корабль и спросил:

— Эта штука сработает?

Блэк тоже посмотрел вниз и ощутил легкий озноб, как дуновение ветерка ночью на Марсе. Смотровое окно представляло собой большой телеэкран, разделенный на две половины. Одна половина давала полный обзор Его неровной поверхности, на которой стоял «Парсек», слабо сияя в бледных лучах солнца. На второй половине экрана был виден пульт управления «Парсека». В помещении было пусто. В кресле пилота помещался предмет, отдаленно напоминающий человека, но ошибиться было невозможно — это был всего-навсего позитронный робот.

Блэк ответил:

— В физическом смысле — да, сэр, сработает. То есть робот улетит и вернется. В этом отношении мы преуспели. Я все это наблюдал. Я приехал сюда через две недели после защиты диплома по физике поля, и с тех пор, если не считать отпусков и увольнительных, я все время здесь. Я был здесь, когда мы первый раз отправили через гиперпространство на орбиту Юпитера кусок металлической проволоки — и получили обратно металлическую стружку. Я был здесь, когда мы отправили туда белых мышей. Обратно вернулся мясной фарш. После этого у нас ушло полгода на создание равномерного гиперполя. Нам пришлось устранять отставание в десятитысячные доли секунды, возникающее в различных точках материи при путешествии в гиперпространстве. После этого белые мыши стали возвращаться целыми и невредимыми. Помню, мы праздновали целую неделю, когда первая белая мышь вернулась живой и сдохла только через десять минут. Теперь после возвращения они живут, пока за ними есть уход.

— Здорово! — сказал Ронсон.

Блэк посмотрел на него искоса.

— Я сказал, что в физическом смысле все сработает. Эти белые мыши...

— Что?

— У них ум отшибает. Даже их крохотный мышиный ум. Они отказываются есть. Их надо кормить искусственно. Не совокупляются. Не бегают. Они просто сидят. Сидят. Сидят. Вот и все. В конце концов мы добились того, что сумели отправить туда шимпанзе. Это был кошмар. Он слишком похож на человека, поэтому зрелище — невыносимое. Вернулся ползающий кусок мяса. Он мог двигать глазами и иногда дергать лапами. Он скулил, сидя в собственных испражнениях и не пытаясь передвинуться. В конце концов его кто-то пристрелил, и мы все вздохнули с облегчением. Пойми, приятель, из гиперпространства в своем уме еще никто не возвращался.

— Это можно опубликовать?

— Может быть — после эксперимента. Они возлагают на него очень большие надежды.— Блэк слегка покривился.

— А вы нет?

— С роботом у пульта управления? Нет.

Блэк невольно вспомнил тот эпизод, когда несколько лет назад по его вине случайно чуть не потерялся робот. Он подумал о роботах серии Нестор, которые принесли с собой на Гипербазу свой ровный, прочный интеллект и изъяны, оказавшиеся оборотной стороной их совершенства. Что толку рассуждать об этом? Читать проповеди — не его призвание.

Но Ронсон, заполняя затянувшееся молчание болтовней, сказал, заменяя одну жевательную резинку другой:

— Только не говорите мне, что вы противник роботов. Считается, что все ученые — их сторонники.

У Блэка лопнуло терпение.

— Да, действительно. В том-то и дело. Технологическое сознание помешано на роботах. Любую работу должен делать робот, иначе главный инженер считает, что он в дураках. Вам нужен упор для двери? Купите робота с

массивными ногами. Это даже не смешно.— Он говорил тихим, напряженным голосом, прямо в ухо Ронсону.

Ронсону удалось наконец высвободить свою руку.

— Я же не робот,— сказал он.— Не вымещайте злость на мне. Я человек. Гомо сапиенс. Вы мне руку чуть не сломали, разве это не доказательство?

Однако шуткой Блэка было уже не пронять.

— Знаете, сколько времени впустую потрачено на этот проект? Мы построили идеального неспециализированного робота и дали ему одну команду. Всего одну. Я слышал этот приказ. И запомнил его. Кратко и мило. «Крепко схвати рычаг. Притяни его к себе, держи крепко. Крепко! Держи до тех пор, пока с пульта управления не поступит информация, что ты дважды пересек гиперпространство». Итак, когда наступит время «0», робот схватит рычаг управления и крепко притянет его к себе. Его руки нагреты до температуры человеческого тела. Когда рычаг примет нужное положение, тепловое расширение обеспечит полный контакт и образуется гиперполе. Если на пути туда с мозгом робота что-то случится — неважно. Все, что от него требуется,— на долю секунды удержать рычаг в рабочем положении; корабль вернется, и гиперполе исчезнет. Все предусмотрено. После этого останется только изучить реакции позитронного мозга и узнать, что в них нарушилось, если, конечно, это произошло.

Ронсон удивленно сказал:

— Но мне все это кажется очень разумным.

— Да? — ехидно спросил Блэк.— А что можно установить по мозгу робота? Он позитронный, а наш — клеточный. Он металлический, а наш — белковый. Они разные. Они несопоставимы. Но я уверен, что, получив эти данные и решив, что им известно уже все, они пошлют в гиперпространство человека. Бедняга! Поймите, не в смерти дело. Дело в полной утрате рассудка. Если бы вам довелось видеть того шимпанзе, вы бы меня поняли. Смерть — стерильна и окончательна. Другое дело...

Журналист спросил:

— Вы это с кем-нибудь обсуждали?

— Да. Они твердят то же, что и вы. Что я противник роботов. Простое объяснение. Посмотрите на Сьюзен Кэлвин. Уж она-то точно ничего против роботов не имеет. Она прилетела с Земли, чтобы увидеть этот эксперимент. Будь за пультом управления человек, она бы с места не сдвинулась. Да что толку об этом говорить!

— Продолжайте,— сказал Ронсон.— Это ведь еще не все.

— А что еще?

— Есть и другие проблемы. Вы объяснили про роботов. Но с чего вдруг такая секретность?

— Секретность?

— Не прикидывайтесь. Вдруг выясняется, что я не имею права передавать никаких сообщений. Что всем кораблям доступ сюда почему-то закрыт. В чем дело? Это же всего-навсего очередной эксперимент. О гиперпространстве и о том, чем вы здесь занимаетесь, известно всем. Для кого это тайна?

Блэк все еще находился во власти раздражения — на роботов, на Сьюзен Кэлвин, на ту историю с исчезнувшим роботом. И оно вылилось на несносного маленького журналиста с его несносными вопросиками.

«Посмотрим,— подумал он,— как ему это понравится».

— Вас действительно это интересует? — спросил он.

— Еще бы.

— Ну хорошо. До сих пор мы работали с гиперполем на объектах, в миллионы раз меньших, чем этот корабль, и запускали их на расстояния, меньшие в миллионы раз. А это значит, что сейчас возникнет гиперполе в миллиарды раз более мощное, чем то, с которым мы имели дело. И точно предсказать последствия никто не может.

— То есть?

— Теоретически корабль должен долететь до заданной точки в районе Сириуса и вернуться в точку запуска. Но какой объем пространства унесет с собой «Парсек»? Неизвестно. Мы слишком мало знаем о гиперпространстве. Может улететь и астероид, на котором стоит корабль. Понимаете, если в наши расчеты вкралась хоть малейшая ошибка, он может вообще не вернуться. Или вернуться,

уклонившись от заданной точки на миллиарды миль. И не исключено, что не только астероид сдвинется с места.

— А что еще?

— Не знаю. Тут есть элемент статистической неопределенности. Вот почему кораблям запрещено появляться поблизости. Вот почему до благополучного окончания эксперимента мы избегаем лишнего шума.

У Ронсона перехватило дыхание.

— А если обратная траектория приведет его на Гипербазу?

— Такая вероятность есть,— спокойно сказал Блэк.— Но небольшая. Иначе, уверяю вас, директора Шлосса здесь бы не было. Но математическая вероятность есть.

Журналист посмотрел на часы.

— Когда это все начнется?

— Минут через пять. Не боитесь?

— Нет,— ответил Ронсон, но сел с озадаченным видом и вопросов больше не задавал.

Перегнувшись через перила, Блэк посмотрел вниз. Шли последние минуты.

Робот зашевелился!

Все подались вперед; свет приглушили, чтобы лучше видеть происходящее внизу. Пока это было только первое его движение. Руки робота приблизились к рычагу.

Блэк ждал последнего момента, когда робот двинет рычаг на себя. В голове у него почти одновременно пронеслись все возможные варианты развития событий.

Сначала будет короткое мерцание. Это значит, что корабль прошел через гиперпространство и вернулся. Хотя промежуток времени чрезвычайно мал, абсолютно точное возвращение на исходную позицию невозможно. И поэтому обязательно будет мерцание.

После возвращения может выясниться, что приборы, которые должны были выровнять гиперполе на огромном корабле, не сработали, и тогда робот превратится в груду стального лома. И корабль тоже.

Или расчеты окажутся не совсем верными, и корабль попросту не вернется. Или, что еще хуже, вместе с кораблем не вернется и Гипербаза.

Конечно, все может и обойтись. Будет мерцание, и корабль вернется в целости и сохранности. Робот, с неповрежденным мозгом, встанет с кресла и доложит об успешном завершении первого полета построенного людьми аппарата за пределы Солнечной системы.

Шла последняя минута.

Последняя секунда: робот схватил рычаг и с силой притянул его к себе...

Ничего!

Мерцания не было. Все по-прежнему!

«Парсек» так и не покинул пределы нормального пространства.

Генерал-майор Кэллнер снял фуражку и стер со лба пот. Открывшаяся лысина состарила бы его лет на десять, но гримаса, исказившая его черты, уже успела дать тот же эффект. С момента неудачного запуска «Парсека» прошел почти час — и до сих пор ничего не было предпринято.

— Как это могло случиться? Как? Не понимаю.

Доктор Мейер Шлосс, который в свои сорок лет был корифеем молодой науки о гиперполе, безнадежно произнес:

— Теоретические расчеты верны. Даю голову на отсечение. Где-то на корабле механическая неполадка. Только и всего.

Он говорил это уже раз десять.

— Я думал, что все проверено.— И это уже говорилось неоднократно.

— Да, сэр, было. И все же...— И это тоже было не ново.

Они сидели в кабинете Кэллнера, куда никому сейчас не было доступа, и смотрели друг на друга. Ни тот ни другой не смели взглянуть в сторону третьего собеседника.

Лицо Сьюзен Кэлвин, бледное, с тонкими губами, было бесстрастно. Она холодно произнесла:

— Можете утешаться тем, о чем я говорила вам еще раньше. Вряд ли из этого вышло бы что-нибудь путное.

— Сейчас не время возвращаться к старым спорам,— простонал Шлосс.

— Я и не спорю. «Ю. С. Роботс» поставляет роботов различных модификаций всем законным покупателям для использования в рамках закона. При этом свои обязательства мы выполнили, предупредив вас: нет никаких гарантий, что выводы о происходящем с позитронным мозгом можно переносить на мозг человека. За это мы ответственности не несем. Так что предмета для спора нет.

— Большие проблемы большого космоса,— вставил генерал Кэллнер слабым голосом.— Не будем это обсуждать.

— А что нам остается? — пробормотал Шлосс.— Не узнав в точности, что происходит с мозгом в гиперпространстве, мы не можем идти дальше. Мозг робота по крайней мере обладает способностью к математическому анализу. Это зацепка, начало. И пока мы не попытаемся...— Он исступленно посмотрел на нее.— Но дело не в вашем роботе, доктор Кэлвин. Нас волнует не он и не его позитронный мозг. Черт возьми...— Он сорвался на крик.

Робопсихолог оборвала эту тираду, почти не повысив ровного, размеренного тона:

— Только без истерики. Мне довелось повидать немало кризисных ситуаций, и истерика никогда еще не способствовала их разрешению. Мне нужно получить ответы на некоторые вопросы.

Полные губы Шлосса дрогнули, его глубоко посаженные глаза, казалось, совсем запали, остались только темные глазные впадины. Он резко спросил:

— Вы что-нибудь понимаете в практическом приложении теории поля?

— Это не имеет значения. Я Главный робопсихолог «Ю. С. Роботс». За пультом управления «Парсека» сидит позитронный робот. Как и другие такие роботы, он не продается, а сдается в аренду. Я имею право запрашивать информацию о любом эксперименте, в котором он участвует.

— Поговорите с ней, Шлосс,— рявкнул генерал Кэллнер.— Она... с ней можно договориться.

Доктор Кэлвин перевела свои светлые глаза на генерала, который присутствовал при разборе дела о потерянном роботе,— вряд ли после этого он склонен ее недооцени-

вать. (Шлосс в то время был в отпуске по болезни, а молва не идет ни в какое сравнение с личным опытом.)

— Благодарю вас, генерал,— сказала она.

Шлосс бросил на них беспомощный взгляд и пробормотал:

— Что вы хотите знать?

— Первый вопрос, естественно, таков: если проблема не в роботе, то в чем же?

— Но это же очевидно. Корабль не двинулся с места. Вы что, ослепли?

— У меня прекрасное зрение. Но непонятно, почему такая паника из-за какой-то механической неполадки. Вам ведь это не в новинку?

Генерал пробормотал:

— Дело в расходах. Корабль чертовски дорог. Мировой Конгресс... ассигнования...— Он запнулся.

— Корабль не поврежден. Осмотр и устранение неполадок провести нетрудно.

Шлосс снова взял себя в руки. У него был вид человека, который поймал свою душу обеими руками, хорошенько встряхнул и поставил на ноги. Даже голос его звучал теперь спокойней.

— Доктор Кэлвин, когда речь идет о механических неполадках, имеется в виду, что на реле могла попасть пылинка, или из-за пятнышка масла нарушен контакт, или из-за кратковременного теплового расширения вышел из строя транзистор. Причин могут быть десятки. Сотни. Любая из них может оказаться временной. И в любой момент прекратить свое действие.

— То есть «Парсек» в любой момент все же может стартовать в гиперпространство и вернуться?

— Вот именно. Теперь вам понятно?

— Ничуть. Разве вы не этого хотите?

Шлосс поднял руки, как будто собираясь вцепиться себе в волосы и рвануть их.

— Вы не специалист по теории поля.

— Это затрудняет объяснение, доктор?

— Корабль должен был,— с отчаянием в голосе сказал Шлосс,— совершить прыжок из одной точки пространст-

ва, определенной по отношению к центру гравитации Галактики, к другой. Вернуться он должен был в изначальную точку, обратная траектория была скорректирована с учетом движения Солнечной системы. За час, который прошел с момента запланированного старта «Парсека», Солнечная система изменила свое положение. Параметры, по которым рассчитывалось гиперполе, изменились. Обычные законы движения в гиперпространстве не действуют, и, чтобы вычислить новые, потребуется неделя работы компьютеров.

— То есть, если корабль стартует сейчас, он вернется в какую-то непредсказуемую точку в тысячах миль отсюда?

— Непредсказуемую? — Шлосс изнуренно улыбнулся.— Да. Я бы назвал это именно так. «Парсек» может очутиться в туманности Андромеды или, например, в центре Солнца. В любом случае шансов на его возвращение практически нет.

Сьюзен Кэлвин кивнула.

— Итак, если корабль стартует, а это может случиться в любой момент, то несколько миллиардов долларов налогоплательщиков будут потеряны безвозвратно — как нам будет сказано — из-за брака в работе.

Генерал-майор Кэллнер вздрогнул, как будто в него всадили острую булавку.

Робопсихолог продолжала:

— Значит, механизм генерации гиперполя на корабле нужно вывести из строя, и как можно скорее. Нужно что-то отсоединить, разъединить или отключить.— Она говорила как бы сама с собой.

— Это не так просто,— сказал Шлосс.— Мне трудно вам это как следует объяснить, поскольку вы не специалист в физике поля. Но это все равно что попытаться разомкнуть обыкновенную электроцепь, разрезав провода под высоким напряжением садовыми ножницами. Это может кончиться плохо. Это непременно кончится плохо.

— Вы хотите сказать, что любая попытка отключить механизм может выбросить корабль в гиперпространство?

— Любая попытка, сделанная наугад, наверняка приведет к этому. Действие гиперполя не ограничено скоро-

стью света. Очень вероятно, что скоростных порогов для него вообще не существует. Единственно разумный выход — выяснить причину неудачи и понять, как можно без риска отключить поле.

— И как же вы предлагаете это сделать, доктор Шлосс?

Шлосс ответил:

— Мне кажется, что единственный выход — послать туда одного из наших роботов серии Нестор...

— Ни в коем случае! Что за глупость! — прервала его Сьюзен Кэлвин.

Шлосс холодно сказал:

— Несторы знакомы с проблемами использования гиперполя. Они идеально...

— Об этом не может быть и речи. Вы не имеете права использовать наших позитронных роботов в таких целях без моего разрешения. А у вас его нет и не будет.

— Что вы предлагаете?

— Надо послать одного из ваших инженеров.

Шлосс ожесточенно замотал головой.

— Это невозможно. Слишком рискованно. Если мы лишимся и корабля, и человека...

— И все же ни Нестора, ни других роботов посылать нельзя.

Генерал сказал:

— Я... я должен связаться с Землей. Проблему надо решать на более высоком уровне.

Сьюзен Кэлвин резко возразила:

— На вашем месте я бы пока воздержалась, генерал. Не имея собственного плана действий, вы отдадите себя на милость правительства. Уверена — ничем хорошим это для вас не кончится.

— Но что же делать? — Генерал снова вытер лоб платком.

— Пошлите инженера. Другого выхода нет.

Шлосс посерел.

— Легко сказать — инженера. Но кого?

— Я об этом думала. У вас тут есть, кажется, молодой человек по фамилии Блэк. Я видела его на Гипербазе в прошлый приезд.

— Доктор Джералд Блэк?

— Да, кажется, так. Тогда он был холостяком. У него до сих пор нет семьи?

— По-моему, нет.

— Тогда вызовите его сюда, скажем, минут через пятнадцать, а я пока просмотрю его дело.

Сьюзен Кэлвин незаметно приняла командование на себя. Ни Шлосс, ни Кэллнер не стали с этим спорить.

Во время этого, второго, визита Сьюзен Кэлвин на Гипербазу доктор Блэк видел ее издали. Сам он не сделал ничего, чтобы сократить разделяющую их дистанцию. Теперь, когда его вызвали к ней, он рассматривал ее с неприязнью и отвращением. Он едва обратил внимание на стоящих позади нее Шлосса и генерала Кэллнера.

Он вспомнил, как стоял перед ней в прошлый раз, когда она ледяным тоном отчитывала его за исчезнувшего робота.

Холодные серые глаза доктора Кэлвин встретились с напряженным взглядом его темных глаз.

— Доктор Блэк,— сказала она,— полагаю, ситуация вам ясна.

— Да,— ответил Блэк.

— Нужно что-то предпринять. Корабль слишком дорог, чтобы терять его. Если все это выйдет наружу, финансирование проекта, вероятно, прекратится.

Блэк кивнул.

— Я думал об этом.

— Надеюсь, вы подумали и о том, что нужно послать кого-нибудь на «Парсек», чтобы выяснить, в чем неисправность, и... э-э... предотвратить самопроизвольный запуск.

После короткой паузы Блэк резко сказал:

— Где вы найдете такого дурака?

Кэллнер нахмурился и взглянул на Шлосса. Тот закусил губу и посмотрел в пространство.

Сьюзен Кэлвин сказала:

— Конечно, не исключена возможность внезапного возникновения гиперполя, и тогда корабль может исчез-

нуть навсегда. С другой стороны, он может вернуться в какую-нибудь точку Солнечной системы. В этом случае для спасения человека и корабля будут приложены все силы.

Блэк сказал:

— Небольшая поправка: идиота и корабля!

Этот комментарий Сьюзен Кэлвин пропустила мимо ушей. Она сказала:

— Я просила генерала Кэллнера поручить это вам. Сделать это должны вы.

Блэк без промедления ответил ровным голосом:

— Я не предлагал своих услуг, мадам.

— На Гипербазе не найдется и десятка людей, обладающих достаточными для выполнения этого задания знаниями. Я остановила выбор на вас, поскольку я вас знаю. Вам понятна суть дела...

— Послушайте, я не предлагал своих услуг.

— У вас нет выбора. Вы ведь не станете уклоняться от ответственности?

— От ответственности? А почему вы решили, что она лежит на мне?

— Потому, что лучше вас этого не сделает никто.

— Вы понимаете, какой это риск?

— Думаю, что да,— ответила Сьюзен Кэлвин.

— А я утверждаю, что нет. Вы не видели того шимпанзе. Послушайте, сказав «идиота и корабля», я не выражал мнение, а говорил о факте. Я рискнул бы жизнью, при необходимости. Правда, без особого удовольствия, но рискнул бы. Но превратиться на всю оставшуюся жизнь в бессмысленное животное я не хочу, и точка.

Сьюзен Кэлвин задумчиво посмотрела на сердитое лицо молодого инженера, покрытое капельками пота.

— Пошлите одного из ваших роботов, робота НС-2! — закричал Блэк.

В глазах психолога появился холодный блеск. Она размеренно произнесла:

— Да, доктор Шлосс так и предлагал. Но роботы НС-2 сдаются нашей фирмой в аренду, а не продаются. Видите ли, стоимость каждого — несколько миллионов. Я как

представитель компании решила, что они слишком дороги, чтобы рисковать ими в таком деле.

Блэк сжал дрожащие руки в кулаки, будто пытаясь от чего-то удержаться.

— Так вы говорите мне... вы говорите, что предпочитаете послать меня, поскольку моя жизнь дешевле.

— Да, в общем, так.

— Нет, черт меня побери и вас заодно,— сказал Блэк.

— Ваше пожелание, доктор Блэк, может оказаться не так уж далеко от истины. Генерал Кэллнер подтвердит — это приказ. Насколько мне известно, вы здесь на полувоенном положении. За отказ выполнить задание вас могут отдать под трибунал и приговорить к тюремному заключению на Меркурии. А это, по-моему, достаточно похоже на ад, чтобы ваши слова приобрели буквальный смысл,— если бы я решила вас там навестить, что маловероятно. С другой стороны, если вы согласитесь отправиться на «Парсек» и выполните задание, это откроет большие возможности для вашей карьеры.

Блэк смотрел на нее налившимися кровью глазами.

Сьюзен Кэлвин сказала:

— Дайте ему пять минут на размышление, генерал Кэллнер, и готовьте корабль к отправке.

Двое охранников вывели Блэка из комнаты.

Джералду Блэку было холодно. Руки и ноги его не слушались. Ему казалось, что он наблюдает за собой со стороны, из какого-то далекого и безопасного места, и видит, как он садится в корабль и готовится лететь на «Парсек».

Ему не верилось в реальность происходящего. Он опустил голову и сказал:

— Я согласен.

Но почему?

Он никогда не причислял себя к героям. Так почему же? Отчасти, конечно, потому, что ему пригрозили тюрьмой на Меркурии. Отчасти оттого, что страшно не хотелось выглядеть в глазах других трусом, а этот подспудный страх объясняет половину всех героических поступков.

Но главное было все-таки в другом.

На полпути к кораблю Блэка остановил Ронсон из Интерпланетери Пресс. Блэк взглянул на его раскрасневшееся лицо и спросил:

— Что вам нужно?

Ронсон сбивчиво пробормотал:

— Послушайте! Когда вы вернетесь, я хочу получить эксклюзивное интервью. Цена — ваша... Сколько захотите...

Блэк с силой оттолкнул его, сбив с ног, и пошел дальше.

В команде корабля было двое. Оба молчали и старались на него не смотреть. Блэку было все равно. Они сами напуганы до смерти. Корабль приближался к «Парсеку» как котенок, который осторожно, бочком подкрадывается к первому увиденному им в жизни псу. На них ему было наплевать.

В мыслях его был только один человек. Озабоченное лицо генерала Кэллнера и нарочито-решительное — Шлосса промелькнули перед ним лишь на мгновение и тут же исчезли. Он видел перед собой невозмутимое лицо Сьюзен Кэлвин. Ее холодное, непроницаемое лицо.

Он всматривался в темноту, уже поглотившую Гипербазу...

Сьюзен Кэлвин! Доктор Сьюзен Кэлвин! Робопсихолог Сьюзен Кэлвин! Женщина-робот!

Интересно, по каким трем законам живет она? Первый закон: «Защищай робота всеми силами, будь предан ему всем сердцем и душой». Второй закон: «Интересы "Ю. С. Роботс" священны, в той мере, в какой это не противоречит Первому закону». Третий закон: «Заботься о безопасности человека в той мере, в какой это не противоречит Первому и Второму законам».

«Интересно,— остервенело думал он,— она когда-нибудь была молодой? Хоть какие-то чувства ей по-настоящему доступны?»

Боже! Как ему хотелось сорвать с ее лица эту бесстрастную ледяную маску!

И он это сделает!

«Клянусь звездами, сделаю»,— думал он. Только бы выбраться из этой переделки, не сойдя с ума,— и он разделается с ней, с ее компанией и со всем подлым выводком роботов. Именно эта надежда, а не боязнь тюрьмы или жажда славы, вела его теперь. Именно она заставила почти забыть о страхе. Почти.

Один из пилотов, не глядя на него, пробормотал:

— Высаживайтесь здесь. До «Парсека» полмили.

— Разве вы не посадите корабль? — с горечью спросил Блэк.

— Это строго запрещено. От вибрации при посадке...

— А как же вибрация от моей посадки?

Пилот сказал:

— У меня приказ.

Блэк молча надел скафандр и подождал, когда откроют внутренний люк. Сумка с инструментами была прочно приварена к металлическим креплениям его скафандра справа.

Когда он вступил в люк, в наушниках шлема прошелестело:

— Удачи вам, доктор.

До него не сразу дошло, что это голос одного из пилотов. Им не терпелось поскорее выбраться из этого жуткого места, но их хватило хотя бы на то, чтобы попрощаться.

— Спасибо,— неловко, почти обиженно ответил Блэк.

И вот он вышел в открытый космос, медленно кувыркаясь, потому что, оттолкнувшись ногами от внешнего люка, он потерял равновесие.

Он видел перед собой «Парсек», а согнувшись и посмотрев назад, увидел между ног, как вырывается длинный хвост газа из боковых дюз корабля, взявшего обратный курс.

Он был один! Боже, совершенно один!

Доводилось ли кому-нибудь на свете испытывать такое одиночество?

Поймет ли он, с тоской подумалось ему, если... если что-нибудь случится? Осознает ли? Почувствует ли он, как рассудок его угасает, как меркнет и поглощается тьмой свет разума?

Или это произойдет мгновенно, как удар ножом?

В любом случае...

Он снова вспомнил шимпанзе, дрожащего, с бессмысленным ужасом в пустых глазах.

Астероид был теперь в двадцати футах от ног Блэка. Он равномерно плыл по космосу. За миллиарды лет ни одна песчинка не переместилась на Нем, если не считать вмешательства человека.

И в этом незыблемом покое какая-то песчинка вывела из строя чувствительное устройство на «Парсеке» или комочек грязи в смазочном масле остановил какую-то деталь.

Может быть, достаточно небольшой вибрации, малейшего толчка от соприкосновения двух масс, чтобы снова привести эту деталь в движение, заставить ее двигаться в заданном направлении, создать гиперполе, и оно гигантским распускающимся веером заполнит все пространство.

Приближаясь к Нему, Блэк согнул ноги для «мягкой посадки». От отвращения по телу пошли мурашки.

Он все ближе.

Вот сейчас... сейчас...

Все по-прежнему!

Только ощущение твердой поверхности, только неприятное нарастание давления: масса в двести пятьдесят фунтов (он сам и скафандр) даже в условиях невесомости полностью сохранила силу инерции.

Блэк медленно открыл глаза навстречу свету звезд. Солнце излучало холодный блеск, смягченный защитным экраном шлема. Сияние звезд тоже было приглушено, но их расположение оставалось знакомым. Видя солнце и привычные созвездия, он понял, что все еще находится в Солнечной системе. Видна была даже Гипербаза — маленький тусклый серп.

Он застыл, неожиданно услышав в наушниках голос. Это был Шлосс:

— Мы видим вас, доктор Блэк. Вы не одни!

Это фразерство чуть не рассмешило Блэка, но он лишь сказал, тихо и отчетливо:

— Замолчите. Вы меня отвлекаете.

Пауза. И снова голос Шлосса, уже вкрадчивей:

— Если хотите, сообщайте, как идут дела, возможно, это ослабит напряжение.

— Информацию вы получите после моего возвращения. Не раньше,— ожесточенно сказал Блэк и с тем же чувством нащупал покрытыми металлом пальцами приборный щиток на груди и отключил радио. Пусть говорят — в пустоту. У него свои планы. Если он сохранит рассудок, хозяином положения станет он.

С необычной осторожностью Блэк встал на ноги, на Него. Его слегка покачивало: в почти полной невесомости непроизвольные движения мышц постоянно выводили его из равновесия, тянули то в одну сторону, то в другую. На Гипербазе было искусственное гравитационное поле, оно придавало телу устойчивость. Оказывается, он способен настолько отвлечься от ситуации, чтобы вспомнить об этом и оценить. Солнце скрылось за скалой. Расположение звезд заметно изменилось: астероид совершал полный оборот вокруг своей оси за час.

С места, где он стоял, был виден «Парсек», и он начал медленно, осторожно, почти на цыпочках приближаться к нему. (Без вибрации. Только без вибрации, умолял он сам себя.)

Быстро, почти незаметно для себя Блэк прошел расстояние, отделявшее его от корабля. Он стоял у поручней, ведущих к внешнему люку.

Здесь он помедлил.

Корабль выглядел совершенно обычным. По крайней мере если не считать дважды опоясывающих его спиралью стальных выступов. Сейчас именно на них могут образоваться полюса гиперполя.

Им овладело странное желание дотянуться до одного из них и погладить. Порыв иррациональный, вроде мысли «А что, если прыгнуть?», которая почти всегда приходит на ум, когда стоишь на крыше высокого дома и смотришь вниз.

Блэк сделал глубокий вдох и, расправив пальцы обеих рук, легким-легким касанием приложил ладони к стенке корабля. Он весь покрылся испариной.

Все по-прежнему!

Блэк обхватил рукой нижний поручень и осторожно подтянулся. Жаль, что у него нет опыта действий в условиях нулевой гравитации, как у строителей кораблей. Чтобы преодолеть инерцию, а потом суметь остановиться, нужно точно рассчитать силы. Будешь тянуть лишнюю секунду — потеряешь равновесие и завалишься на стенку корабля.

Он лез медленно, цепляясь кончиками пальцев, заносяя бедра и ноги вправо, когда поднимал левую руку, и влево — когда правую.

Пройдя десяток ступеней, он нащупал внешний люк. Замок был помечен крохотным зеленым пятнышком.

И снова Блэк помедлил в сомнении. Сейчас он впервые введет в действие механизмы корабля. Он мысленно пробежал глазами монтажные схемы и чертежи проводки. Если нажать на кнопку замка, энергия микробатареи откроет массивную металлическую плиту — внешний люк.

А дальше что?

Что толку гадать? Не зная, в чем неисправность, последствий расхода энергии предугадать нельзя. Он вздохнул и нажал на кнопку.

Отсек открылся легко, плавно и бесшумно. Блэк еще раз взглянул на знакомые созвездия (они были на месте) и шагнул в тускло освещенную пустоту. Внешний люк закрылся за ним.

Следующая кнопка: она открывает внутренний люк. И снова он заколебался. Когда внутренний люк откроется, давление внутри корабля чуть-чуть понизится и пройдет несколько секунд, пока электролизеры не доведут его до прежнего уровня.

Ну и что?

К примеру, задняя обшивка чувствительна к давлению, но не настолько же.

Блэк снова вздохнул, уже не так глубоко (страх постепенно притуплялся), и нажал кнопку. Внутренний люк открылся.

Он вошел в командный отсек «Парсека», и у него забилось сердце: первое, что бросилось ему в глаза, был смотровой экран, усеянный звездами. Он заставил себя всмотреться.

Все по-прежнему!

Вот Кассиопея. Расположение звезд обычное, а он находится на «Парсеке». Что-то подсказывало ему, что худшее позади. Пройдя такой путь, он остался в пределах Солнечной системы и не потерял рассудок. Уверенность постепенно возвращалась к нему.

На «Парсеке» царило какое-то неестественное безмолвие. Блэку часто приходилось бывать на кораблях, и всегда там были какие-то признаки жизни, хотя бы шарканье ног или стажер что-то напевал себе под нос. Да тут даже сердце бьется неслышно.

Робот сидел в кресле пилота спиной к Блэку. Он ничем не показал, что осознает присутствие человека.

Блэк оскалил зубы в свирепой улыбке и резко сказал:

— Отпусти рычаг! Встань!

Собственный голос, прозвучавший в тесном помещении, оглушил его.

Он не подумал о том, что голос вызовет в воздухе вибрацию, но звезды за смотровым экраном были на месте.

Робот, конечно, не шелохнулся. Восприятие чего-либо было ему недоступно. Даже Первый закон был ему сейчас нипочем. Он будто застыл навеки в середине действия, которое должно было, по замыслу, совершиться мгновенно.

Блэк помнил приказ, четкий и ясный: «Крепко схвати рычаг. Притяни его к себе, держи крепко. Крепко! Держи до тех пор, пока с пульта управления не поступит информация, что ты дважды пересек гиперпространство».

Что ж, гиперпространство он не пересек еще ни разу.

Блэк осторожно приблизился к роботу. Тот сидел, крепко держа рычаг между коленями почти в положении пуска. Полный контакт должна была обеспечить темпера-

тура его металлических рук, служивших как бы термоэлементом. Блэк машинально перевел взгляд на показания термометра на пульте управления. Температура рук робота была 37 градусов по Цельсию, как и положено.

Блэк злобно подумал: «Здорово. Я один на один с этим истуканом и совершенно бессилен».

У него было одно желание — взять лом и разбить робота вдребезги. Он с удовольствием представил себе эту картину и ужас на лице Сьюзен Кэлвин (если это ледяное изваяние вообще способно испытывать ужас, то разве что при виде разбитого робота).

Как и все позитронные роботы, этот обреченный был собственностью «Ю. С. Роботс», там он был сделан и там прошел испытания.

Насладившись, насколько это возможно, картиной воображаемой мести, Блэк успокоился и оглядел корабль.

К цели он не продвинулся пока ни на шаг.

Он медленно снял скафандр. Осторожно опустил его на полку. Легко ступая, обошел все помещения, проверяя места стыковки поверхностей гиператомного двигателя, провода, реле.

Он ничего не трогал. Нейтрализовать гиперполе можно десятком способов, но любой шаг может оказаться губительным, если действовать наугад, хотя бы примерно не зная, в чем неполадка.

Так он снова оказался у пульта управления и в отчаянии крикнул в громоздкую, широкую спину робота:

— В чем дело? Скажи!

Ему вдруг захотелось сокрушить все разом, без разбора. Разломать все приборы и покончить с этим навсегда. Блэк приказал себе успокоиться. Пусть на это уйдет неделя — он все-таки выяснит, с чего надо начинать. Уж столько-то доктор Сьюзен Кэлвин вправе от него ожидать.

Он медленно повернулся и задумался. Все на корабле, начиная с двигателя и кончая каждым переключателем, было тщательно проверено и прошло испытания на Гипербазе. Любая неисправность почти исключена. На корабле нет ничего, что не...

Да конечно же есть! Робот! Он проходил испытания на «Ю. С. Роботс», и подразумевалось, что они, черт бы их побрал, понимают в своем деле.

Обычно говорили: робот всегда все делает лучше человека.

Это стандартное допущение было отчасти основано на рекламе самой же «Ю. С. Роботс». Они в состоянии сделать робота, лучше человека приспособленного к выполнению определенного задания. Не «так же хорошо», а «лучше».

Пока Джералд Блэк думал обо всем этом и смотрел на робота, сдвинув брови на низком лбу, в его глазах вдруг отразились изумление и пылкая надежда.

Он приблизился к роботу и обошел его кругом. Он смотрел на его руки, держащие рычаг в пусковом положении, казалось, застывшие так навсегда, разве что корабль встряхнет или у самого робота кончится запас энергии.

Блэк прошептал:

— Точно. Бьюсь об заклад.

Он еще раз отступил, подумал и сказал:

— Иначе быть не может.

Он включил радио на корабле. Его антенна была уже настроена на волну Гипербазы. Он рявкнул в микрофон:

— Эй, Шлосс!

Шлосс откликнулся сразу:

— Господи, Блэк...

— Бросьте,— сухо сказал Блэк.— Речей не надо. Я хотел убедиться, что вы наблюдаете.

— Да, конечно. Мы все у экрана. Послушайте...

Но Блэк уже выключил радио. Он криво ухмыльнулся, глядя на телекамеру в командном отсеке, и выбрал ту часть генератора гиперполя, которая была им видна. Он не знал, сколько людей следит за происходящим. Может быть, только Кэллнер, Шлосс и Сьюзен Кэлвин. А может быть, весь персонал. В любом случае им будет на что посмотреть.

Он выбрал реле номер три. Оно находилось в стенной нише, закрытой гладким металлическим щитом. Блэк вытащил из сумки паяльник, засунул скафандр поглубже на

полку (чтобы достать инструмент, пришлось перевернуть его) и подошел к реле.

Преодолевая остатки неуверенности, он поднял паяльник и приложил его к сварочному шву. Инструмент работал точно и быстро, его ручка слегка нагрелась. Щит открылся.

Блэк быстро, почти машинально оглянулся на смотровой экран корабля. Звезды на месте. С ним тоже все в порядке.

Это окончательно придало ему уверенности. Он поднял ногу и изо всех сил ударил ею по хрупкому механизму в нише.

Разлетелось вдребезги стекло, погнулся металл, вытекло несколько капель ртути...

Тяжело дыша, он снова включил радио.

— Шлосс, вы слушаете?

— Да, но...

— Докладываю: гиперполе на «Парсеке» дезактивировано. Присылайте корабль.

Джеральд Блэк не ощущал себя героем, во всяком случае не более, чем когда отправлялся на «Парсек». Те, с кем он летел туда, вернулись, чтобы забрать его. На этот раз они посадили корабль. Они похлопали его по плечу.

На Гипербазе целая толпа встретила его восхищенными возгласами. Он с улыбкой помахал всем — как и положено герою, но про себя пока не праздновал победу. Пока. Он лишь предвкушал ее. Триумф ждет его, когда он встретится со Сьюзен Кэлвин.

Он помедлил, спускаясь с корабля. Он искал ее глазами и не находил. Он увидел генерала Кэллнера — к тому вернулась вся его военная выправка, а на лице застыла маска грубовато-добродушного одобрения. Мейер Шлосс нервно улыбался. Ронсон из Интерплэнетери Пресс оживленно махал ему рукой. Сьюзен Кэлвин нигде не было.

Он отстранил Кэллнера и Шлосса.

— Сначала я вымоюсь и поем.

Он не сомневался, что пока, по крайней мере, он может диктовать условия кому угодно, даже генералу.

Охранники расчищали ему дорогу в толпе. Он вымылся и не спеша поел в вынужденном одиночестве,— впрочем, виноват в нем был он сам. Потом он вызвал Ронсона из Интерплэнетери и имел с ним краткий разговор. Больше он пока никого видеть не хотел: ему нужно было как следует отдохнуть. Все вышло куда лучше, чем он ожидал. Само несовершенство корабля оказалось ему на руку.

Наконец он позвонил генералу и приказал созвать совещание. Именно так: приказал. У генерал-майора Кэллнера чуть не вырвалось: «Есть, сэр!»

Они снова собрались вместе: Джералд Блэк, Кэллнер, Шлосс и даже Сьюзен Кэлвин. Но теперь первую скрипку играл Блэк. Робопсихолог сидела с каменным лицом, сохраняя неизменное спокойствие, но едва заметно стушевалась.

Доктор Шлосс погрыз ноготь и осторожно начал:

— Доктор Блэк, мы все благодарим вас за проявленную храбрость и успешное выполнение задания.— И тут же добавил, как бы выпуская пар: — И все же разбивать реле ногой... неразумный поступок, и в этом смысле он не вполне достоин вашего успеха.

Блэк ответил:

— Этот поступок был обречен на успех. Видите ли,— и это был первый заготовленный им удар,— к тому времени я уже знал, в чем дело.

Шлосс привстал.

— Да? Вы в этом уверены?

— Отправляйтесь туда сами и убедитесь. Это безопасно. Я объясню вам, как это проверить.

Шлосс медленно сел. Генерал Кэллнер воспринял эти слова с энтузиазмом:

— Что ж, прекрасная новость, если это действительно так.

— Это так,— сказал Блэк и перевел взгляд на Сьюзен Кэлвин. Она сидела молча.

Блэк наслаждался ощущением своей власти. Он нанес второй удар:

— Дело было, разумеется, в роботе. Вы слушаете меня, доктор Кэлвин?

Сьюзен Кэлвин впервые подала голос:

— Да, слушаю. На самом деле я так и думала. Это единственный механизм на корабле, который не прошел испытания на Гипербазе.

На мгновение Блэк был сбит с толку.

— Раньше вы этого не говорили.

Доктор Кэлвин ответила:

— Как уже не раз отмечал доктор Шлосс, я не специалист в области гиперполя. Мое предположение было всего лишь догадкой и легко могло оказаться ошибочным. Я была не вправе создавать у вас предвзятое мнение перед выполнением задания.

Блэк сказал:

— Ну хорошо, а догадывались ли вы, в чем именно неполадка?

— Нет, сэр.

— Ну как же, ведь робот надежнее человека. В этом-то и дело. Не странно ли, что виной всему оказалось именно главное достоинство ваших роботов? Насколько я понимаю, они надежнее человека?

Он хлестал ее словами, как кнутом, но она не попалась на эту удочку.

Она просто вздохнула.

— Дорогой доктор Блэк. Я не несу ответственности за формулировки нашего отдела по рекламе и сбыту.

Блэк снова смутился. Она крепкий орешек, эта Кэлвин. Он сказал:

— Вы построили робота, чтобы он пилотировал «Парсек» вместо человека. Он должен был подать рычаг управления на себя, установить его в определенное положение, а затем тепло его рук должно было, обеспечив полный контакт, привести механизм в действие. Просто, не правда ли, доктор Кэлвин?

— Просто, доктор Блэк.

— И если бы робот не был надежнее человека, все было бы в порядке. К сожалению, на «Ю. С. Роботс» считали своим долгом сделать робота надежнее человека. Робо-

ту было приказано крепко схватить рычаг, притянуть его к себе и держать. Крепко! Это слово было выделено, повторено, подчеркнуто. И робот выполнил приказ. Но вот незадача: робот раз в десять сильнее человека, в расчете на которого был сконструирован рычаг.

— Вы хотите сказать...

— Я не хочу сказать, а говорю, что рычаг погнулся. Погнулся вполне достаточно для того, чтобы сместить спусковой механизм. И когда тепло рук робота изогнуло термопару, контакта не произошло...— Он ухмыльнулся.— И это не просто неудача с одним роботом, доктор Кэлвин. Она символична: это провал самой идеи.

— Перестаньте, доктор Блэк,— ледяным тоном сказала Сьюзен Кэлвин.— Это уже не логические рассуждения, а проповедь миссионера. Робот обладает способностью адекватно понимать приказы, а также огромной силой. Если бы те, от кого исходил приказ, вместо глупого слова «крепко» использовали количественные термины, этого бы не случилось. Если бы ему сказали: «Потяни рычаг с силой сорок пять фунтов», все было бы в порядке.

— Иначе говоря,— сказал Блэк,— несостоятельность робота должна возмещаться изобретательностью и интеллектом человека. Уверяю вас, что там, на Земле, это будет понято именно так, и «Ю. С. Роботс» вряд ли простится этот провал.

Генерал-майор Кэллнер, в голосе которого снова зазвучали властные нотки, сказал:

— Постойте, Блэк, вся эта информация — секретная.

— И ведь ваши утверждения,— вставил Шлосс,— еще никем не проверены. Мы пошлем на корабль людей и выясним это. Может оказаться, что дело вовсе не в роботе.

— И вы постараетесь, чтобы был сделан именно такой вывод, не правда ли? Не думаю, что поверят именно заинтересованной стороне. К тому же я еще не все сказал.— У него был припасен третий удар.— С этого момента я отказываюсь от дальнейшего участия в проекте. Я подаю в отставку.

— Почему? — спросила Сьюзен Кэлвин.

— Потому что я, как вы сами отметили, доктор Кэлвин, миссионер. На мне лежит миссия. Мой долг рассказать на Земле: эра роботов привела к тому, что человек ценится дешевле робота. Теперь можно рисковать человеком потому, что нельзя рисковать роботом. Я полагаю, что земляне должны об этом узнать. Многие и так уже относятся к роботам с опаской. «Ю. С. Роботс» пока еще не добилась законодательного разрешения на использование роботов на Земле. Думаю, что мое мнение окончательно решит дело, доктор Кэлвин. В результате того, что произошло сегодня, с вами, вашей компанией и вашими роботами во всей Солнечной системе будет покончено.

Блэк понимал, что предупреждать ее об этом не стоило, но был не в силах удержаться. Он ждал этого момента с тех пор, как отправился на «Парсек», и не мог отказать себе в удовольствии.

Он с торжеством заметил, как блеснули на мгновение светлые глаза Сьюзен Кэлвин и слегка порозовело ее лицо.

— Ну, что вы мне на это скажете, ученая дама?

Кэллнер сказал:

— Никто не разрешит вам уйти в отставку, Блэк, и никто...

— А как вы мне помешаете, генерал? Вы что, забыли? Ведь я герой. А на старушке-Земле героев всегда носили на руках. Они захотят узнать, как было дело, и поверят всему, что я скажу. И им не понравится, если кто-то попытается мне помешать, по крайней мере пока я герой новый, с иголочки. Я уже сказал Ронсону из Интерплэнетери Пресс, что у меня есть сенсационная новость — новость, из-за которой полетят со своих мягких кресел все правительственные чиновники и чиновники от науки. Так что Интерплэнетери не терпится узнать, что же я скажу. Поэтому помешать мне нельзя, разве что убить. И даже если вы это сделаете, вряд ли вам это поможет.

Реванш был полным. Он сказал им все, что хотел. Он поднялся, чтобы уйти.

— Минутку, доктор Блэк,— тихо и властно сказала Сьюзен Кэлвин.

Блэк невольно обернулся, как школьник на учительский голос, и, чтобы скрыть это, издевательски спросил:

— Я полагаю, вы хотите что-то объяснить?

— Вовсе нет,— упорно ответила она.— Вы прекрасно все объяснили за меня. Я остановила выбор на вас, так как думала, что вы быстрее других разберетесь в ситуации. Мы уже встречались. Я знала, что вы противник роботов и, следовательно, не питаете относительно них иллюзий. Из материалов вашего дела, которое я просмотрела прежде, чем дать вам задание, я узнала, что вы были против посылки робота в гиперпространство. Вашему начальству это не понравилось, но я сочла, что это говорит в вашу пользу.

— Простите за грубость, но я не понимаю, о чем вы, доктор.

— О том, что вы должны были понимать, почему роботу давать это задание нельзя. Вы же сами сказали: несовершенство робота приходится компенсировать изобретательностью и разумом человека. Именно так, молодой человек, именно так. Роботы лишены изобретательности. Их интеллект ограничен и может быть полностью просчитан. В этом, собственно, и состоит моя работа. Получив приказ, *точный* приказ, робот его выполняет. Если приказ не точен, он не в состоянии исправить ошибку сам. Вы ведь сами говорили об этом, вернувшись с корабля. Так как же посылать робота искать неисправность, если мы сами не знаем, в чем она состоит, а значит, и не можем дать ему точного приказа? «Найди неисправность» — такой приказ можно дать только человеку, но не роботу. Возможности человеческого мозга, пока по крайней мере, точному просчету не поддаются.

Блэк резким движением сел и смятенно посмотрел на психолога. Ее слова заставили его снова осознать то, что под напором эмоций как бы задвинулось в глубь подсознания. Ему нечего было возразить. Хуже того, его охватило ощущение полного бессилия.

Он ответил:

— Вы могли бы сказать все это раньше.

— Могла,— согласилась доктор Кэлвин,— но я увидела, что вы, и это вполне естественно, боитесь потерять

рассудок. Охватившая вас тревога скорее всего помешала бы проведению расследования. И я подумала: пусть он считает, что я посылаю его только потому, что ценю робота дороже человека. Я подумала: это его разозлит, а гнев, дорогой доктор Блэк, бывает очень полезен. Во всяком случае, он притупляет страх. По-моему, так и получилось.— Она небрежно сложила руки на коленях, и на лице ее появилось слабое подобие улыбки.

— Черт возьми,— сказал Блэк.

Сьюзен Кэлвин продолжала:

— А сейчас, если позволите дать совет, возвращайтесь к своей работе, будьте героем и расскажите вашему приятелю журналисту подробности героического деяния. Пусть это и станет обещанной ему сенсацией.

Блэк медленно, неохотно кивнул.

К Шлоссу вернулось спокойствие; Кэллнер обнажил зубы в улыбке. Они молча попрощались с ним за руку. Пока говорила Сьюзен Кэлвин, они тоже не проронили ни слова.

Блэк сдержанно обменялся с ними рукопожатием и сказал:

— Героиней следовало бы объявить вас, доктор Кэлвин.

— Не говорите глупостей, молодой человек,— ледяным тоном ответила Сьюзен Кэлвин.— Это моя работа.

Выход из положения

Когда Сьюзен Кэлвин вернулась с Гипербазы, ее ждал бывший директор исследовательского отдела Лэннинг. Старик никогда не говорил о своем возрасте, но все знали, что ему уже за семьдесят пять. Однако его ум сохранил свою остроту, и хотя Лэннинг в конце концов согласился стать почетным научным руководителем, а отдел возглавил Богерт, это не мешало старику ежедневно являться в свой кабинет.

— Как там у них дела с гиператомным двигателем? — поинтересовался он.

— Не знаю,— с раздражением ответила Сьюзен.— Я не спрашивала.

— Гм... хоть бы они поторопились. Иначе их может опередить «Консолидейтед». И нас тоже.

— «Консолидейтед»? А при чем здесь они?

— Ну, ведь вычислительные машины есть не только у нас. Правда, у нас они позитронные, но это не значит, что они лучше. Завтра Робертсон созывает по этому поводу большое совещание. Он ждал только вашего возвращения.

Робертсон, сын основателя «Ю. С. Роботс энд мекэникл мен корпорейшн», повернул худое носатое лицо к управляющему компании. Его кадык дернулся, и он сказал:

— Начинайте. Пора в этом разобраться.

Управляющий поспешно начал:

— Дело обстоит так, шеф. Месяц назад из «Консолидейтед роботс» доставили сюда тонн пять расчетов, уравнений и прочего и обратились к нам с довольно необычным предложением. Понимаете, есть одна задача, и они хотят, чтобы наш Мозг ее решил. Условия такие...

Он начал загибать толстые пальцы.

— Мы получаем сто тысяч, если решения не существует и мы укажем им, каких факторов не хватает. Двести тысяч — если решение существует, плюс стоимость постройки машины, о которой идет речь, плюс четверть всей прибыли, которую она принесет. Задача связана с разработкой двигателя для звездолета...

Робертсон нахмурился, и его худая фигура напряглась.

— Несмотря на то что у них есть своя собственная думающая машина. Так?

— Поэтому-то все предложение и кажется таким подозрительным, шеф. Левер, продолжайте.

Эйб Левер, сидевший у дальнего конца стола, встал и поскреб щетину на подбородке. Улыбнувшись, он начал:

— Суть вот в чем, сэр. У «Консолидейтед» сейчас нет думающей машины. Она у них была, но сломалась.

— Что? — Робертсон даже привстал.

— Да, сломалась. Крышка! Никто не знает почему, но у меня есть кое-какие довольно интересные догадки. Например, она могла выйти из строя, когда ей дали разработать звездолет на основе тех же данных, которые они теперь предлагают нам. Сейчас от нее осталась просто груда железного лома, не больше.

— Понимаете, шеф? — торжествовал управляющий.— Понимаете? Нет такой научно-промышленной группы, которая не пыталась бы спроектировать двигатель, искривляющий пространство, а «Ю. С. Роботс» и «Консолидейтед» опередили всех благодаря тому, что у каждой был робот-супермозг. А теперь, когда они ухитрились поломать свой, у нас больше нет конкурентов. Вот в чем соль, вот... гм... их мотив. Раньше чем через шесть лет им новый Мозг не изготовить, и они пропали, если им не удастся сломать и наш на этой же задаче.

Президент «Ю. С. Роботс» широко раскрыл глаза:

— Вот мерзавцы!

— Подождите, шеф. Это еще не все.— Управляющий взмахнул рукой.— Лэннинг, продолжайте!

Доктор Альфред Лэннинг созерцал происходящее с легким презрением, которое всегда вызывала у него деятельность производственного отдела и отдела сбыта, где платили куда больше. Он нахмурил седые брови и бесстрастно начал:

— С научной точки зрения положение хотя и не совсем ясно, но поддается логическому анализу. Проблема межзвездных перелетов при современном состоянии физической теории... гм... весьма туманна. Вопрос поставлен довольно неопределенно, и данные, которые «Консолидейтед» ввела в свою машину, если судить по тому, что они предлагают нам, тоже не слишком определенны. Наш математический сектор подверг их тщательному рассмотрению, и можно сказать, что они охватывают все стороны проблемы. Представленный материал включает теорию искривления пространства Франчиакки, а также, по-видимому, исчерпывающие сведения по астрофизике и электронике. Это не так уж мало.

Робертсон, слушавший с большой тревогой, прервал его:

— Столько, что Мозг может с ней не справиться?

Лэннинг решительно покачал головой.

— Нет. Насколько мы можем судить, возможностям Мозга предела нет. Дело не в этом, а в Законах роботехники. Например, Мозг не сможет решить поставленную перед ним задачу, если это будет связано с гибелью людей или причинит им какой-нибудь ущерб. Для Мозга она будет неразрешима. Если же такая задача будет сопровождаться крайне настоятельным требованием ее решить, то вполне возможно, что Мозг, который, в конце концов, всего лишь робот, окажется перед дилеммой: он не будет в состоянии ни дать ответ, ни отказать в ответе. Может быть, что-то в этом роде и произошло с машиной «Консолидейтед».

Он замолчал, но управляющему этого было мало.

— Продолжайте, доктор Лэннинг. Объясните, как вы объясняли мне.

Лэннинг плотно сжал губы и, подняв брови, кивнул в сторону доктора Сьюзен Кэлвин, которая сидела, разглядывая свои руки, чинно сложенные на коленях. Подняв глаза, она заговорила тихо и без всякого выражения.

— Характер реакции робота на поставленную дилемму поразителен,— начала она.— Наши знания о психологии роботов далеко не полны, могу вас в этом заверить как специалист, однако такая реакция поддается качественному исследованию, потому что, каким бы сложным ни было устройство позитронного мозга робота, его создает человек, и создает в соответствии со своими представлениями. Человек же, попадая в безвыходное положение, часто стремится бежать от действительности: он или уходит в мир иллюзий, или становится алкоголиком, или заболевает истерией, или бросается с моста в воду. Все это сводится к одному: он не хочет или не может взглянуть правде в лицо. Так же и у роботов. В лучшем случае дилемма разрушит половину его реле, а в худшем — сожжет все его позитронные мозговые связи, так что восстановить их будет уже невозможно.

— Понимаю,— сказал Робертсон, хотя ничего не понял.— Ну а данные, которые предлагает нам «Консолидейтед»?

— Несомненно, они связаны с подобной запретной задачей,— ответила доктор Кэлвин.— Но наш Мозг сильно отличается от робота «Консолидейтед».

— Совершенно верно, шеф. Совершенно верно,— энергично перебил ее управляющий.— Обратите на это особое внимание, потому что в этом вся суть.

Глаза Сьюзен Кэлвин блеснули под очками, но она терпеливо продолжала:

— Видите ли, сэр, в машины, которые есть у «Консолидейтед», и в том числе в их «Супермыслителя», не вкладывается индивидуальность. Они предпочитают функционализм, и это вполне понятно, поскольку основные патенты на мозговые связи, определяющие эмоции, принадлежат «Ю. С. Роботс». Их «Мыслитель» — просто

грандиозная вычислительная машина, и такая дилемма выведет ее из строя мгновенно. А наш Мозг наделен индивидуальностью — индивидуальностью ребенка. Это в высшей степени дедуктивный мозг, но он чем-то напоминает ученого идиота. Он не понимает по-настоящему, что делает,— он просто это делает. И поскольку это, в сущности, ребенок, он более жизнеспособен. Он не слишком серьезно относится к жизни, если можно так выразиться.

Помолчав, Сьюзен Кэлвин продолжала:

— Вот что мы собираемся сделать. Мы разделили все данные «Консолидейтед» на логические единицы. Мы будем вводить их в Мозг по одной в день и очень осторожно. Как только будет введен фактор, создающий дилемму, инфантильная индивидуальность Мозга некоторое время будет колебаться. Его способность к обобщениям и оценкам еще несовершенна. Пока он осознает дилемму как таковую, пройдет ощутимый промежуток времени. А за этот промежуток времени Мозг автоматически отвергнет данную единицу информации, прежде чем его связи успеют приступить к работе и разрушиться.

Кадык Робертсона дрогнул.

— А вы в этом уверены?

Доктор Кэлвин подавила раздражение.

— Я понимаю, что в популярном изложении это звучит не очень убедительно, но приводить математические формулы было бы бессмысленно. Уверяю вас, все именно так, как я говорю.

Управляющий не замедлил воспользоваться паузой и разразился потоком слов:

— Таково положение, шеф. Если мы согласимся, то дальше сделаем вот как: Мозг скажет нам, в какой части представленных нам данных заключена дилемма, а мы тогда сможем определить, в чем ее суть. Верно, доктор Богерт? Ну вот, шеф. А доктор Богерт ведь самый лучший математик на свете. Мы отвечаем «Консолидейтед», что задача неразрешима, отвечаем с полным основанием и получаем сто тысяч. У них остается поломанная машина, у нас — целая. Через год, может быть, через два у нас бу-

дет двигатель, искривляющий пространство, или, как его иногда называют, гиператомный мотор. Но как его ни называй, а это же величайшая вещь!

Робертсон улыбнулся и протянул руку:

— Давайте контракт. Я подпишу.

Когда Сьюзен Кэлвин вошла в строжайше охраняемое подземелье, где находился Мозг, один из дежурных техников только что задал ему вопрос: «Если полтора цыпленка за полтора дня снесут полтора яйца, то сколько яиц снесут девять цыплят за девять дней?».

Мозг только что ответил: «Пятьдесят четыре». И техник только что сказал другому технику: «Вот видишь, дубина!»

Сьюзен Кэлвин кашлянула, и сразу же вокруг закипела суматошная, бесцельная деятельность. Сьюзен сделала нетерпеливый жест, и ее оставили с Мозгом наедине.

Мозг представлял собой всего лишь двухфутовый шар, заполненный гелиевой атмосферой со строго определенными свойствами, абсолютно изолированный от каких бы то ни было вибраций, колебаний и излучений. А внутри него было заключено переплетение позитронных связей неслыханной сложности, которое и было Мозгом. Все остальное помещение было тесно уставлено приспособлениями, служившими посредниками между Мозгом и внешним миром,— его голосом, его руками, его органами чувств.

Доктор Кэлвин тихо произнесла:

— Ну, как поживаешь, Мозг?

Мозг ответил тонким, радостным голосом:

— Очень хорошо, мисс Сьюзен. А я знаю, вы хотите меня о чем-то спросить. Вы всегда приходите с книжкой в руках, когда хотите меня о чем-нибудь спросить.

Доктор Кэлвин мягко улыбнулась.

— Ты угадал, но это немного погодя. Мы зададим тебе один вопрос. Он такой сложный, что мы зададим его в письменном виде. Но это немного позже. А сначала мне нужно с тобой поговорить.

— Это хорошо. Я люблю разговаривать.

— Так вот, Мозг, через некоторое время сюда придут с этим сложным вопросом доктор Лэннинг и доктор Богерт. Мы будем задавать тебе его по частям и очень медленно, потому что хотим, чтобы ты был очень осторожен. Мы попросим тебя сделать на основе этой информации кое-какие выводы, если ты сумеешь, но я должна тебя предупредить, что решение может быть связано... э... с опасностью для человека.

— Ой! — тихо вырвалось у Мозга.

— Поэтому будь внимателен. Когда ты получишь перфокарту, которая означает опасность для человека, может быть даже смерть, не волнуйся. Видишь ли, Мозг, в данном случае для нас это не так уж важно — даже смерть. Для нас это вовсе не так уж важно. Поэтому, как только ты получишь эту перфокарту, просто остановись и выдай ее назад, вот и все. Понимаешь?

— Само собой. Только — смерть человека... Ой-ой-ой!

— Ну, Мозг, вон идут доктор Лэннинг и доктор Богерт. Они расскажут тебе, в чем состоит задача, и мы начнем. А ты будь умницей...

Одна за другой в Мозг вводились перфокарты с записанной на них информацией. Каждый раз некоторое время слышались странные тихие звуки, похожие на довольное бормотание: Мозг принимался за работу. Потом наступала тишина, означавшая, что Мозг готов к введению следующей перфокарты. За несколько часов в Мозг было введено такое количество математической физики, что для ее изложения потребовалось бы примерно семнадцать толстых томов.

Постепенно люди начали хмуриться. Лэннинг что-то ворчал себе под нос. Богерт сначала задумчиво разглядывал свои ногти, потом начал их рассеянно грызть. Когда толстая кипа перфокарт подошла к концу, побелевшая Кэлвин произнесла:

— Что-то неладно.

Лэннинг с трудом выговорил:

— Не может быть. Он... погиб?

— Мозг! — Сьюзен Кэлвин вся дрожала.— Ты слышишь меня, Мозг?

— А? — раздался рассеянный ответ.— Я вам нужен?

— Решение...

— И только-то? Это я могу. Я построю вам весь корабль. Ничего в этом хитрого нет. Только дайте мне роботов. Хороший корабль. На это понадобится месяца два.

— У тебя не было... никаких затруднений?

— Пришлось долго вычислять,— ответил Мозг.

Доктор Кэлвин попятилась. Краска так и не вернулась на ее впалые щеки. Она сделала остальным знак уйти.

У себя в кабинете она сказала:

— Не понимаю. Информация, которую мы ему дали, несомненно содержит дилемму, возможно, даже гибель людей. Если что-то не так...

— Машина говорит, и говорит разумно. Значит, для нее дилеммы нет,— спокойно сказал Богерт.

Но Сьюзен Кэлвин горячо возразила:

— Бывают дилеммы и дилеммы. Существуют разные пути бегства от действительности. Представьте себе, что Мозг поврежден лишь слегка, скажем, настолько, что ошибочно считает себя способным решить задачу, хотя на самом деле не сможет это сделать. Или представьте себе, что сейчас он на грани чего-то действительно ужасного, так что его погубит малейший толчок...

— А представьте себе,— сказал Лэннинг,— что никакой дилеммы не существует. Что машину «Консолидейтед» вывела из строя другая задача или что это была чисто механическая поломка.

— Все равно мы не можем рисковать,— настаивала Сьюзен Кэлвин.— Вот что! С этого момента пусть никто и близко не подходит к Мозгу. Я буду дежурить у него сама.

— Хорошо,— вздохнул Лэннинг.— Дежурьте. А пока пусть Мозг строит свой корабль. И если он его построит, мы должны будем его испытать.

Он задумчиво закончил:

— Для этого понадобятся наши лучшие испытатели.

Майкл Донован яростно пригладил рыжую шевелюру, даже не заметив, что она немедленно вновь встала дыбом.

Он сказал:

— Хватит, Грег. Говорят, корабль готов. Неизвестно, что это за корабль, но он готов. Пошли, Грег. Мне не терпится добраться до кнопок.

Пауэлл устало произнес:

— Брось, Майк. Твои шуточки вообще не поражают свежестью, а здешний спертый воздух им и вовсе не идет на пользу.

— Нет, послушай! — Донован еще раз тщетно провел рукой по волосам.— Меня не так уж беспокоит наш чугунный гений и его жестяной кораблик! Но у меня пропадает отпуск! А скучища-то какая! Мы ничего не видим, кроме бород и цифр. И почему нам поручают такие дела?

— Потому что если они нас лишатся,— мягко ответил Пауэлл,— то потеря будет невелика. Ладно, успокойся. Сюда идет Лэннинг.

Действительно, к ним направлялся Лэннинг. Его седые брови были по-прежнему пышными, а сам он, несмотря на годы, держался все так же прямо и был полон сил. Вместе с испытателями он молча поднялся по откосу на площадку, где безмолвные роботы без всякого участия человека строили корабль.

Нет, неверно! Построили корабль!

Лэннинг сказал:

— Роботы стоят. Сегодня ни один не пошевелился.

— Значит, он готов? Окончательно? — спросил Пауэлл.

— Откуда я знаю? — сварливо ответил Лэннинг. Его брови так сдвинулись, что глаз стало совсем не видно.— Кажется, готов. Никаких лишних деталей вокруг не валяется, а внутри все отполировано до блеска.

— Вы были внутри?

— Только заглянул. Я не космонавт. Кто-нибудь из вас разбирается в теории двигателей?

Донован взглянул на Пауэлла, тот — на Донована. Потом Донован ответил:

— У меня есть диплом, сэр, но когда я его получал, гипердвигатели или навигация с искривлением пространства никому еще и не снились. Обходились детскими игрушками в трех измерениях.

Альфред Лэннинг поглядел на него, недовольно фыркнул и ледяным тоном произнес:

— Что же, у нас есть специалисты по двигателям.

Он повернулся, чтобы уйти, но Пауэлл схватил его за локоть:

— Простите, сэр, вход на корабль все еще воспрещен?

Старик постоял в нерешительности, потирая переносицу.

— Пожалуй, нет. Во всяком случае, не для вас двоих.

Донован проводил его взглядом и пробормотал короткую, но выразительную фразу. Потом он повернулся к Пауэллу.

— Жаль, что нельзя сказать ему, кто он такой, Грег.

— Пошли, Майк.

Едва заглянув внутрь, они поняли: корабль закончен. Человек никогда не смог бы так любовно отполировать все его поверхности, как это сделали роботы.

Углов в корабле не было: стены, полы и потолки плавно переходили друг в друга, и в холодном металлическом сиянии скрытых ламп человек видел вокруг себя шесть холодных отражений своей собственной растерянной персоны.

Из главного коридора — узкого и гулкого — двери вели в совершенно одинаковые каюты.

— Наверное, мебель встроена в стены,— сказал Пауэлл.— А может быть, нам вообще не положено ни сидеть, ни спать.

Только последнее помещение, ближайшее к носу корабля, отличалось от остальных. Здесь в металлической стене было прорезано повторяющее ее изгиб окно из неотражающего стекла, а под ним располагался единственный большой циферблат с единственной неподвижной стрелкой, стоявшей точно на нуле.

— Гляди! — сказал Донован, показывая на единственное слово, видневшееся над мелкими делениями шкалы.

Это слово было «парсеки», а у правого конца дугообразной шкалы стояла цифра «1 000 000».

В комнате было два кресла — тяжелые, широкие, без обивки. Пауэлл осторожно присел и обнаружил, что кресло соответствует форме тела и очень удобно.

— Ну, что скажешь? — спросил Пауэлл.

— Держу пари, что у этого Мозга воспаление мозга. Пошли отсюда.

— Неужели ты не хочешь его осмотреть?

— Уже осмотрел. Пришел, увидел и ушел.— Рыжие волосы на голове Донована ощетинились.— Грег, пойдем отсюда. Я увольняюсь. Я уже пять секунд как не состою служащим фирмы, а посторонним вход сюда воспрещен.

Пауэлл снисходительно улыбнулся и погладил усы.

— Ладно, Майк, закрой кран и не выпускай в кровь столько адреналина. Мне тоже вначале было не по себе, но теперь все в порядке.

— Все в порядке, да? Это как же все в порядке? Взял еще один страховой полис?

— Майк, этот корабль не полетит.

— Откуда ты знаешь?

— Мы с тобой обошли весь корабль, верно?

— Да, как будто.

— Поверь мне, весь. А ты видел здесь что-нибудь похожее на рубку управления, если не считать вот этой каютки с единственным иллюминатором и единственной шкалой в парсеках? Ты видел какие-нибудь ручки?

— Нет.

— А двигатель ты видел?

— Верно, не видел!

— То-то. Пойдем, Майк, доложим Лэннингу.

Чертыхаясь и путаясь в коридорах, выглядевших совершенно одинаковыми, они направились к выходу и в конце концов выбрались в короткий проход, который вел их к выходной камере.

Донован вздрогнул.

— Это ты запер, Грег?

— И не думал. Нажми-ка на рычаг!

Рычаг не поддавался, хотя лицо Донована исказилось от натуги. Пауэлл сказал:

— Я не заметил никаких аварийных люков. Если что-то здесь неладно, им придется добираться до нас с автогеном.

— Ну да, а нам придется ждать, пока они не обнаружат, что какой-то идиот запер нас здесь,— вне себя от ярости добавил Донован.

— Вернемся в ту каюту с иллюминатором. Это единственное место, откуда мы можем подать сигнал.

Но подать сигнал им так и не пришлось.

Иллюминатор в носовой каюте был уже не небесно-голубым. Он был черным, а яркие желтые точки звезд говорили о том, что за ним — космос.

Два тела с глухим стуком упали в два кресла.

Альфред Лэннинг встретил доктора Кэлвин у своего кабинета. Он нервно закурил сигару и открыл дверь.

— Так вот, Сьюзен, мы зашли очень далеко, и Робертсон нервничает. Что вы делаете с Мозгом?

Сьюзен Кэлвин развела руками.

— Торопиться нельзя. Мозг стоит дороже, чем любая неустойка, какую нам придется заплатить.

— Но вы допрашиваете его уже два месяца.

Голос робопсихолога не изменился, и все-таки в нем прозвучала угроза:

— Вы хотите заняться этим сами?

— Ну, вы же знаете, что я хотел сказать.

— Да, пожалуй.— Доктор Кэлвин нервно потерла ладони.— Это нелегко. Я пробовала так и эдак, но еще ничего не добилась. У него ненормальные реакции. Он отвечает как-то странно. Но до сих пор мне не удалось установить ничего определенного. А ведь вы понимаете, что, пока мы не узнаем, в чем дело, мы должны действовать очень осторожно. Я не могу предвидеть, какой вопрос, какое замечание могут... подтолкнуть его за грань, и тогда... тогда мы останемся с совершенно бесполезным Мозгом. Вы хотите пойти на такой риск?

— Но не может же он нарушить Первый закон.

— Я и сама так думала, однако...

— Вы и в этом не уверены? — Лэннинг был потрясен до глубины души.

— О, я ни в чем не уверена, Альфред...

Внезапно прозвучал громкий сигнал тревоги. Лэннинг судорожным движением включил связь и замер, услышав задыхающийся голос.

Потом Лэннинг произнес:

— Сьюзен... Вы слышали?.. Корабль взлетел. Полчаса назад я послал туда двух испытателей. Вам нужно еще раз поговорить с Мозгом.

Сьюзен Кэлвин заставила себя задать вопрос спокойным тоном:

— Мозг, что случилось с кораблем?

— С тем, что я построил, мисс Сьюзен? — весело переспросил Мозг.

— Да. Что с ним случилось?

— Ничего. Два человека, которые должны были его испытывать, вошли внутрь. Все было готово — ну, я и отправил их.

— А... Что ж, это хорошо.— Она дышала с трудом.— Ты думаешь, с ними ничего не случится?

— Конечно, ничего, мисс Сьюзен. Я обо всем подумал. Это замечательный корабль.

— Да, Мозг, корабль замечательный, но как ты думаешь, у них хватит еды? Они не будут терпеть никаких неудобств?

— Еды хватит.

— Все это может на них сильно подействовать, Мозг. Понимаешь, это так неожиданно.

Но Мозг возразил:

— Ничего с ними не случится. Им же должно быть интересно.

— Интересно? Почему?

— Просто интересно,— лукаво объяснил Мозг.

— Сьюзен,— лихорадочно шептал Лэннинг,— спросите его, связано ли это со смертью. Спросите, какая им может грозить опасность.

Лицо Сьюзен Кэлвин исказилось от гнева.

— Молчите!

Дрожащим голосом она обратилась к Мозгу:

— Мы можем связаться с кораблем, не правда ли, Мозг?

— Ну, они вас услышат. По радио. Я это предусмотрел.

— Спасибо. Пока все.

Как только они вышли, Лэннинг набросился на нее:

— Господи, Сьюзен, если об этом узнают, мы все пропали. Мы должны вернуть этих людей. Почему вы не спросили прямо, грозит ли им смерть?

— Потому что именно об этом я и не должна говорить,— устало ответила Кэлвин.— Если существует дилемма, то она связана со смертью. А если внезапно поставить Мозг перед дилеммой, он может не выдержать. И какую пользу это нам принесет? А теперь вспомните: он сказал, что можно с ними связаться. Давайте попробуем — узнаем, где они находятся, и вернем их назад. Хотя они, наверное, не могут сами управлять кораблем: Мозг, вероятно, управляет им дистанционно. Пойдемте!

Прошло немало времени, пока Пауэлл наконец не взял себя в руки.

— Майк,— пробормотал он, еле шевеля похолодевшими губами.— Ты чувствовал какое-нибудь ускорение?

Донован тупо посмотрел на него.

— А? Нет... нет.

Потом он, стиснув кулаки, в неожиданном лихорадочном возбуждении вскочил с кресла и приник к холодному изогнутому стеклу. За ним ничего не было видно, кроме звезд.

Донован обернулся.

— Грег, они, наверное, включили двигатель, пока мы были внутри. Грег, тут что-то нечисто. Они с роботом подстроили так, чтобы заставить нас быть испытателями, на случай если мы вздумаем отказаться.

— Что ты болтаешь? — ответил Пауэлл.— Какой толк посылать нас, если мы не умеем управлять кораблем? Как

мы повернем его обратно? Нет, этот корабль взлетел сам, и без всякого заметного ускорения.

Он встал и медленно зашагал взад и вперед. Звук его шагов гулко отражался от стен. Он глухо произнес:

— Майк, это самое неприятное положение из всех, в какие мы попадали.

— Это для меня новость,— с горечью ответил Донован.— А я-то радовался и веселился, пока ты меня не просветил.

Пауэлл пропустил его слова мимо ушей.

— Ускорения не было! Значит, корабль работает по совершенно неизвестному принципу.

— Не известному нам, во всяком случае.

— Не известному никому. Не видно никаких двигателей. Может быть, они встроены в стены. Может быть, поэтому стены тут такие толстые.

— Что ты там бормочешь? — спросил Донован.

— А ты бы послушал. Я говорю, что, какие бы машины ни приводили в движение этот корабль, они скрыты и, очевидно, не требуют надзора. Корабль управляется дистанционно.

— А кто им управляет? Мозг?

— Почему бы и нет?

— Значит, по-твоему, мы тут останемся до тех пор, пока Мозг не вернет нас обратно?

— Возможно. Если так, давай спокойно ждать. Мозг — это робот. Он обязан соблюдать Первый закон. Он не может причинить вред человеку.

Донован медленно опустился в кресло.

— Ты так думаешь? — Он тщательно пригладил волосы.— Слушай! Эта тарабарщина с искривлением пространства вывела из строя робота «Консолидейтед», и математики объяснили это так: межзвездный перелет смертелен для человека. Какому же роботу мы должны верить? Нашему, насколько я понимаю, представили те же данные.

Пауэлл бешено дергал себя за усы.

— Не притворяйся, Майк, что не знаешь роботехники. Прежде чем робот обретет физическую возможность

нарушить Первый закон, в нем так много должно поломаться, что он десять раз успеет превратиться в кучу лома. Нет, тут должно быть какое-то очень простое объяснение.

— О, конечно! Попроси дворецкого, чтобы он разбудил меня вовремя. Все это так просто, что мне незачем волноваться, и я буду спать как дитя.

— Ради Юпитера, Майк, чем ты сейчас недоволен? Мозг о нас заботится. Здесь тепло. Светло. Есть воздух. А стартового ускорения не хватило бы даже на то, чтобы растрепать твои волосы, будь они достаточно приглажены.

— Да? А что мы будем есть? Что мы будем пить? Где мы? Как мы вернемся? А если авария, к какому выходу и в каком скафандре должны мы бежать — бежать, а не идти шагом? Я даже не видел здесь ванной и тех мелких удобств, которые обычно бывают рядом с ней. Конечно, о нас заботятся, и неплохо!

Голос, прервавший речь Донована, принадлежал не Пауэллу. Он не принадлежал никому. Он висел в воздухе — громовой и ошеломляющий:

— Грегори Пауэлл! Майкл Донован! Грегори Пауэлл! Майкл Донован! Просим сообщить ваше местонахождение. Если корабль поддается управлению, просим вернуться на базу. Грегори Пауэлл! Майкл Донован!..

Эти слова с механической размеренностью повторялись снова и снова, разделенные неизменными четкими паузами.

— Откуда это? — спросил Донован.

— Не знаю,— напряженно прошептал Пауэлл.— Откуда здесь свет? Откуда здесь все?

— Но как же нам отвечать?

Они переговаривались во время пауз, разделявших гулкие повторяющиеся призывы.

Стены были голы — настолько, насколько голой может быть гладкая, ничем не прерываемая, плавно изгибающаяся металлическая поверхность.

— Покричим в ответ,— предложил Пауэлл.

Так они и сделали. Они кричали сначала поодиночке, потом хором:

— Местонахождение неизвестно! Корабль не управляется! Положение отчаянное!

Они охрипли. Короткие деловые фразы начали перемежаться воплями и бранью, а холодный, зловещий голос неустанно продолжал, и продолжал, и продолжал их звать.

— Они нас не слышат,— задыхаясь, проговорил Донован.— Здесь нет передатчика. Только приемник.

Невидящими глазами он уставился в стену.

Медленно, постепенно гулкий голос становился все тише и глуше. Когда он превратился в шепот, они снова принялись кричать и попробовали еще раз, когда наступила полная тишина.

Минут пятнадцать спустя Пауэлл без всякого выражения сказал:

— Давай пройдем по кораблю еще раз. Должна же здесь быть какая-то еда.

В его голосе не слышно было никакой надежды. Он был готов признать свое поражение.

Они вышли в коридор и принялись осматривать помещения: один — по левую сторону, другой — по правую. Они слышали гулкие шаги друг друга, время от времени встречались в коридоре, обменивались свирепыми взглядами и вновь пускались на поиски.

Неожиданно Пауэлл нашел то, что искал. В тот же момент до него донесся радостный возглас Донована:

— Эй, Грег, здесь есть все удобства! Как это мы раньше не заметили?

Минут через десять Донован, поплутав немного, разыскал Пауэлла.

— Душ пока не отыскался...— начал он и осекся.— Еда!

Часть стены, скользнув вниз, открыла проем неправильной формы с двумя полками. Верхняя была уставлена разнообразными жестянками без этикеток. Эмалированные банки на нижней полке были все одинаковые, и

Донован почувствовал, как по ногам потянуло холодком. Нижняя полка охлаждалась.

— Как?.. Как?..

— Раньше этого не было,— коротко ответил Пауэлл.— Эта часть стены отодвинулась, как только я вошел.

Он уже ел. Жестянка оказалась самоподогревающейся, с ложкой внутри, и в помещении уютно запахло тушеной фасолью.

— Бери-ка банку, Майк!

Донован заколебался.

— А что в меню?

— Откуда мне знать? Ты стал очень разборчив?

— Нет, но в полетах я только и ем, что фасоль. Мне бы что-нибудь другое.

Он провел рукой по рядам банок и выбрал сверкающую плоскую овальную жестянку, в какие упаковывают лососину и прочие деликатесы. Он нажал на крышку, и она открылась.

— Фасоль! — взвыл Донован и потянулся за новой банкой.

Пауэлл ухватил его за штаны.

— Лучше съешь эту, сынок. Запасы ограничены, а мы можем пробыть здесь очень долго.

Донован нехотя отошел от полок.

— И больше ничего нет? Одна фасоль?

— Возможно.

— А что на нижней полке?

— Молоко.

— Только молоко? — возмутился Донован.

— Похоже.

В ледяном молчании они пообедали фасолью с молоком, а когда они направились к двери, панель скользнула на место и стена снова стала сплошной.

Пауэлл вздохнул.

— Все делается автоматически. От сих и до сих. Никогда еще я не чувствовал себя таким беспомощным. Где, говоришь, твои удобства?

— Вон там. И их тоже не было, когда мы смотрели в первый раз.

Через пятнадцать минут они уже снова сидели в своих креслах в каюте с иллюминатором и мрачно глядели друг на друга.

Пауэлл угрюмо покосился на единственный циферблат. Там по-прежнему было написано «парсеки», цифры все еще кончались на 1 000 000, а стрелка все так же неподвижно стояла на нулевом делении.

В святая святых «Ю. С. Роботс энд мекэникл мен корпорейшн» Альфред Лэннинг устало промолвил:

— Они не отвечают. Мы перебрали все волны, все диапазоны — и широковещательные, и частотные, передавали и кодом, и открытым текстом и даже пробовали эти субэфирные новинки. А Мозг все еще ничего не говорит?

Этот вопрос был обращен к доктору Кэлвин.

— Он не хочет говорить на эту тему подробнее, Альфред,— ответила она.— Он утверждает, что они нас слышат... а когда я пытаюсь настаивать, он начинает... ну, упрямиться, что ли. А этого не должно быть. Упрямый робот? Невозможно.

— Скажите, чего вы все-таки добились, Сьюзен.

— Пожалуйста. Он признался, что сам полностью управляет кораблем. Он не сомневается, что они останутся целы и невредимы, но подробнее говорить не хочет. Настаивать я не решаюсь. Тем не менее все эти отклонения как будто сосредоточиваются вокруг идеи межзвездного прыжка. Мозг определенно засмеялся, когда я коснулась этого вопроса. Есть и другие признаки ненормальности, но это самый явный.

Обведя их взглядом, она добавила:

— Я имею в виду истерию. Я тут же заговорила о другом и надеюсь, что не успела ничему повредить, но это дало мне ключ. С истерией я справлюсь. Дайте мне двенадцать часов! Если я смогу привести его в норму, он вернет корабль.

Богерт вдруг побледнел.

— Межзвездный прыжок?

— В чем дело? — одновременно воскликнули Кэлвин и Лэннинг.

— Расчеты двигателя, которые выдал Мозг... Погодите... Мне кое-что пришло в голову...

Он выбежал из комнаты. Лэннинг поглядел ему вслед и отрывисто сказал:

— Займитесь своим делом, Сьюзен.

Два часа спустя Богерт возбужденно говорил:

— Уверяю вас, Лэннинг, дело именно в этом. Межзвездный прыжок не может быть мгновенным — ведь скорость света конечна. В искривленном пространстве не может существовать жизнь... Не могут существовать ни вещество, ни энергия как таковые. Я не знаю, какую форму это может принять, но дело именно в этом. Вот что погубило робота «Консолидейтед»!

Донован выглядел измученным, да и чувствовал себя так же.

— Всего пять дней?

— Всего пять дней. Я уверен, что не ошибаюсь.

Донован в отчаянии огляделся. Сквозь стекло были видны звезды — знакомые, но бесконечно равнодушные. От стен веяло холодом, лампы, только что вновь ярко вспыхнувшие, светили ослепительно и безжалостно, стрелка на циферблате упрямо показывала на нуль, а во рту Донован ощущал явственный вкус фасоли. Он злобно сказал:

— Я хочу умыться.

Пауэлл взглянул на него и ответил:

— Я тоже. Можешь не стесняться. Но если только ты не собираешься купаться в молоке и остаться без питья...

— Нам все равно скоро придется без него остаться. Грег, когда начнется этот межзвездный прыжок?

— А я почем знаю? Может быть, мы так и будем летать. Со временем мы достигнем цели. Не мы — так наши рассыпавшиеся скелеты. Но ведь, собственно говоря, именно возможность нашей смерти и заставила Мозг свихнуться.

Донован сказал не оборачиваясь:

— Грег, я вот о чем подумал. Дело плохо. Нам нечем себя занять — ходи взад-вперед или разговаривай сам с

собой. Ты слыхал, как ребята терпели аварии в полете? Они сходили с ума куда раньше, чем умирали от голода. Не знаю, Грег, но с того времени, как снова зажегся свет, со мной творится что-то неладное.

Наступило молчание, потом послышался тихий голос Пауэлла:

— Со мной тоже. Ты что чувствуешь?

Рыжая голова повернулась.

— Что-то неладно внутри. Все напряглось и как будто что-то колотится. Трудно дышать. Не могу стоять спокойно.

— Гм-м... А вибрацию ощущаешь?

— Какую вибрацию?

— Сядь на минуту и посиди спокойно. Ее не слышишь, а чувствуешь — как будто что-то где-то бьется, и весь корабль, и ты вместе с ним. Есть, верно?

— Действительно. Что это, как ты думаешь, Грег? Может быть, дело в нас самих?

— Возможно.— Пауэлл медленно провел рукой по усам.— А может быть, это двигатели корабля. Возможно, они переходят на другой режим.

— Зачем?

— Для межзвездного прыжка. Может быть, он скоро начнется, и черт его знает, что это будет.

Донован задумался. Потом сказал гневно:

— Если так, то пусть. Но хоть бы мы могли что-нибудь сделать! Унизительно сидеть вот так и ждать.

Примерно через час Пауэлл посмотрел на свою руку, лежавшую на металлическом подлокотнике кресла, и с ледяным спокойствием произнес:

— Дотронься до стены, Майк.

Донован приложил ладонь к стене и сказал:

— Она дрожит, Грег.

Даже звезды как будто превратились в туманные пятнышки. Где-то за стенами, казалось, набирала силу гигантская машина, накапливая все больше и больше энергии для могучего прыжка.

Это началось внезапно, с режущей боли. Пауэлл весь напрягся и судорожным движением привскочил в кресле.

Он еще успел взглянуть на Донована, а потом у него в глазах потемнело, в ушах замер тонкий, всхлипывающий вопль товарища. Внутри него что-то, корчась, пыталось прорваться сквозь ледяной покров, который становился все толще и толще...

Что-то вырвалось и завертелось в искрах мерцающего света и боли. Упало...

...и завертелось...

...и понеслось вниз...

...в безмолвие!

Это была смерть!

Это был мир без движения и без ощущений. Мир тусклого, бесчувственного сознания — сознания тьмы, и безмолвия, и хаоса.

И главное — сознания вечности.

От человека остался лишь ничтожный белый клочок — его «я», закоченевшее и перепуганное...

Потом проникновенно зазвучали слова, раскатившиеся над ним морем громового гула:

— На вас плохо сидит ваш гроб? Почему бы не испробовать эластичные гробы фирмы Трупа С. Кадавра? Их научно разработанные формы соответствуют естественным изгибам тела и обогащены витаминами. Пользуйтесь гробами Кадавра — они удобны. Помните... вы... будете... мертвы... долго... долго!..

Это был не совсем звук, но, что бы это ни было, оно замерло в отдалении, перейдя во вкрадчивый, тягучий шепот.

Ничтожный белый клочок, который, возможно, когда-то был Пауэллом, тщетно цеплялся за неощутимые тысячелетия, окружавшие его со всех сторон, и беспомощно свернулся, когда раздался пронзительный вопль ста миллионов призраков, ста миллионов сопрано, который рос и усиливался:

— Мерзавец ты, как хорошо, что ты умрешь!

— Мерзавец ты, как хорошо, что ты умрешь!

— Мерзавец ты...

Вверх и вверх по сумасшедшей спиральной гамме поднимался этот вопль, перешел в душераздирающий ультра-

звук, вырвался за пределы слышимости и снова полез все выше и выше...

Белый клочок снова и снова сотрясала болезненная судорога. Потом он тихо напрягся...

Послышались обыкновенные голоса — множество голосов. Шумела толпа, крутящийся людской водоворот, который несся сквозь него, и мимо, и вокруг, неся с бешеной скоростью, роняя зыбкие обрывки слов:

— Куда тебя, приятель? Ты весь в дырках...

— В геенну, должно быть, но у меня...

— Я было добрался до рая, да Святой Пит, что с ключами...

— Ну нет, он-то у меня в кулаке. Делывали мы с ним всякие делишки...

— Эй, Сэм, сюда!..

— Можешь замолвить словечко? Вельзевул говорит...

— Пошли, любезный бес? Меня ждет Са...

А над всем этим бухал все тот же раскатистый рев:

— СКОРЕЕ! СКОРЕЕ! СКОРЕЕ! Шевелись, не задерживайся — очередь ждет! Приготовьте документы и не забудьте при выходе поставить печать у Петра. Не попадите к чужому входу. Огня хватит на всех. ЭЙ, ТЫ, ЭЙ, ТЫ ТАМ! ВСТАНЬ В ОЧЕРЕДЬ, А НЕ ТО...

Белый клочок, который когда-то был Пауэллом, робко пополз назад, пятясь от надвигавшегося на него крика, чувствуя, как в него больно тычет указующий перст. Все смешалось в радугу звуков, осыпавшую осколками измученный мозг.

Пауэлл снова сидел в кресле. Он чувствовал, что весь дрожит.

Донован открыл глаза — два выпученных шара, как будто облитые голубой глазурью.

— Грег,— всхлипнул он,— ты был мертв?

— Я... я чувствовал, что умер.

Он не узнал своего охрипшего голоса. Донован сделал попытку встать, но она не увенчалась успехом.

— А сейчас мы живы? Или будет еще?

— Я... я чувствую, что жив.

Пауэлл все еще хрипел. Он осторожно спросил:

— Ты... ты что-нибудь слышал, когда... когда был мертв?

Донован помолчал, потом медленно кивнул.

— А ты?

— Да. Ты слышал про гробы?.. И женское пение?.. И как шла очередь в ад? Слышал?

Донован покачал головой:

— Только один голос.

— Громкий?

— Нет. Тихий, но такой шершавый, как напильником по кончикам пальцев. Это была проповедь. Про геенну огненную. Он рассказывал о муках... ну, ты это знаешь. Я как-то слышал такую проповедь... Почти такую.

Он был весь мокрый от пота.

Они заметили, что сквозь иллюминатор проникает свет, слабый, бело-голубой, и исходит он от далекой сверкающей горошинки, которая не была родным Солнцем.

А Пауэлл дрожащим пальцем показал на единственный циферблат. Стрелка неподвижно и гордо стояла у деления, где было написано «300 000 парсеков».

— Майк,— сказал Пауэлл,— если это правда, то мы вообще за пределами Галактики.

— Черт! — ответил Донован.— Значит, мы первыми вышли за пределы Солнечной системы, Грег!

— Да, именно! Мы улетели от Солнца. Мы вырвались за пределы Галактики. Майк, этот корабль решает проблему! Это свобода для всего человечества — свобода переселиться на любую звезду, на миллионы, и миллиарды, и триллионы звезд!

И тут он тяжело упал в кресло:

— Но как же мы вернемся, Майк?

Донован неуверенно улыбнулся.

— Ерунда! Корабль доставил нас сюда, корабль отвезет нас обратно. А я, пожалуй, поел бы фасоли.

— Но, Майк... постой. Если он отвезет нас обратно таким же способом, каким доставил сюда...

Донован, не успев подняться, снова рухнул в кресло.

Пауэлл продолжал:

— Нам придется... снова умереть, Майк.

— Что ж,— вздохнул Донован,— придется так придется. По крайней мере, это не навечно. Не очень навечно...

Теперь Сьюзен Кэлвин говорила медленно. Уже шесть часов она медленно допрашивала Мозг — шесть бесплодных часов. Она устала от этих повторений, от этих обиняков, устала от всего.

— Так вот, Мозг, еще один вопрос. Ты должен постараться и ответить на него просто. Ты ясно представлял себе этот межзвездный прыжок? Очень далеко он их завсдет?

— Куда они захотят, мисс Сьюзен. С искривлением пространства это не фокус, честное слово.

— А по ту сторону что они увидят?

— Звезды и все остальное. А вы что думали?

И неожиданно для себя она спросила:

— Значит, они будут живы?

— Конечно!

— И межзвездный прыжок им не повредит?

Она замерла. Мозг молчал. Вот оно! Она коснулась больного места.

— Мозг! — тихо взмолилась она.— Мозг, ты меня слышишь?

Раздался слабый, дрожащий голос Мозга:

— Я должен отвечать? О прыжке?

— Нет, если тебе не хочется. Конечно, это было бы интересно... Но только если ты сам хочешь.

Сьюзен Кэлвин старалась говорить как можно веселее.

— Ну-у-у... Вы мне все испортили.

Она внезапно вскочила — ее озарила догадка.

— О боже! — У нее перехватило дыхание.— Боже!

Она почувствовала, как все напряжение этих часов и дней мгновенно разрядилось.

Позже она сказала Лэннингу:

— Уверяю вас, все хорошо. Нет, сейчас оставьте меня в покое. Корабль вернется, и вместе с людьми, а я хочу отдохнуть. Я должна отдохнуть. Теперь уйдите.

Корабль вернулся на Землю так же тихо и плавно, как и взлетел. Он сел точно на прежнее место. Открылся главный люк, и из него осторожно вышли двое, потирая заросшие густой щетиной подбородки.

И рыжий медленно встал на колени и звонко поцеловал бетонную дорожку.

Они еле отделались от собравшейся толпы и от двух ретивых санитаров, которые выскочили с носилками из подлетевшей санитарной машины.

Грегори Пауэлл спросил:

— Где тут ближайший душ?

Их увели.

Потом все собрались вокруг стола. Здесь был весь цвет «Ю. С. Роботс энд мекэникл мен корпорейшн».

Пауэлл и Донован кончили свой краткий, но захватывающий рассказ.

Наступившее молчание прервала Сьюзен Кэлвин. За прошедшие несколько дней к ней вернулось ее обычное ледяное, несколько ядовитое спокойствие — и все-таки она казалась немного смущенной.

— Строго говоря,— сказала она,— во всем виновата я. Когда мы впервые поставили эту задачу перед Мозгом, я, как кое-кто из вас, надеюсь, помнит, всячески старалась внушить ему, чтобы он выдал обратно ту порцию данных, которая содержит в себе дилемму. При этом я сказала ему примерно такую фразу: «Пусть тебя не волнует гибель людей. Для нас это вовсе не важно. Просто выдай перфокарту обратно и забудь о ней».

— Гм,— произнес Лэннинг.— Ну и что же произошло?

— То, чего и следовало ожидать. Когда эти данные были им получены и он вывел формулу, определявшую минимальный промежуток времени, необходимый для межзвездного прыжка, стало ясно, что для людей это означает смерть. Тут-то и сломалась машина «Консолидейтед». Но я добилась того, что гибель человека представлялась Мозгу не такой уж существенной — не то чтобы допустимой, потому что Первый закон нарушен быть не может,— но достаточно неважной, так что Мозг успел еще раз осмыслить

эту формулу. И понять, что после этого интервала люди вернутся к жизни,— точно так же, как возобновится существование вещества и энергии самого корабля. Другими словами, эта так называемая «смерть» оказалась сугубо временным явлением.

Она обвела взглядом сидевших за столом. Все внимательно слушали.

— Поэтому он смог обработать эти данные,— продолжала она,— хотя для него это прошло и не совсем безболезненно. Несмотря на то, что смерть должна была быть временной, несмотря на то, что она представлялась не очень существенной, все же этого было достаточно, чтобы слегка вывести его из равновесия.

Она спокойно закончила:

— У него появилось чувство юмора — видите ли, это тоже выход из положения, один из путей частичного бегства от действительности. Мозг сделался шутником.

Пауэлл и Донован вскочили.

— Что?! — воскликнул Пауэлл.

Донован выразился гораздо цветистее.

— Да, это так,— ответила Кэлвин.— Он заботился о вас, обеспечил вашу безопасность, но вы не могли ничем управлять, потому что управление предназначалось не для вас, а для расшалившегося Мозга. Мы смогли связаться с вами по радио, но ответить вы не могли. Пищи у вас было достаточно, но это были только фасоль и молоко. Потом вы, так сказать, умерли и воскресли, но эта ваша временная смерть была сделана... ну... не скучной. Хотела бы я знать, как это ему удалось. Это была коронная шуточка Мозга, но намерения у него были добрые.

— Добрые! — задыхаясь, прохрипел Донован.— Ну, будь у этого милого шутника шея...

Лэннинг предостерегающе поднял руку, и Донован умолк.

— Ну хорошо, это было неприятно, но все позади. Что же мы предпримем дальше?

— Очевидно, нам предстоит усовершенствовать двигатель для искривления пространства,— спокойно произнес Богерт.— Наверняка есть какой-нибудь способ обойти

этот интервал, необходимый для прыжка. Если такой способ существует, мы его найдем — ведь только у нас есть грандиозный суперробот. Межзвездные полеты окажутся монополией «Ю. С. Роботс», а человечество получит возможность покорить Галактику.

— А как же «Консолидейтед»? — спросил Лэннинг.

— Эй,— внезапно прервал его Донован.— У меня есть предложение. Они устроили «Ю. С. Роботс» порядочную пакость. Хоть все кончилось не так плохо, как они рассчитывали, и даже хорошо, но намерения-то у них были самые черные. А больше всего досталось нам с Грегом. Так вот, они хотели получить решение задачи, и они его получат. Перешлите им этот корабль с гарантией, и «Ю. С. Роботс» получит свои двести тысяч и стоимость постройки. А в случае, если они захотят его испытать... Что, если дать Мозгу еще немного пошалить, прежде чем его отрегулировать?

— Мне кажется, это честно и справедливо,— невозмутимо сказал Лэннинг.

А Богерт рассеянно добавил:

— И строго отвечает условиям контракта...

«...Яко помниши его»

1

Кит Харриман, вот уже двенадцать лет возглавлявший Исследовательский центр фирмы «Ю. С. Роботс энд мекэникл мен корпорейшн», совершенно не был уверен, что поступает правильно. Он провел кончиком языка по пухлым, но довольно бледным губам, и ему показалось, что голографическое изображение великой Сьюзен Кэлвин, сурово взиравшей на него сверху вниз, никогда еще не было таким хмурым.

Обычно он загораживал чем-нибудь голографию величайшего в истории робопсихолога, потому что она действовала ему на нервы. Однако на сей раз он не осмелился даже на это, и ее пронзительный умерший взгляд буравил ему щеку.

Шаг, на который ему придется пойти, был одновременно опасным и унизительным.

Напротив него сидел Джордж-10, хладнокровный и невозмутимый, чье спокойствие не нарушали ни явное смущение Харримана, ни образ святой покровительницы роботов, сиявшей в нише наверху.

— Нам с тобой пока не удавалось поговорить об этом, Джордж,— сказал Харриман.— Ты появился у нас недавно, и мне не приходилось беседовать с тобой наедине. Но теперь я хотел бы обсудить этот вопрос более подробно.

— С удовольствием,— согласился Джордж.— За время моего пребывания в «Ю. С. Роботс» я понял, что кризис фирмы каким-то образом связан с Тремя законами.

— Да. Ты, конечно, знаешь Три закона?

— Знаю.

— Это естественно. Но давай копнем глубже и рассмотрим основную проблему. Достигнув за два столетия значительных успехов, если можно так выразиться, «Ю. С. Роботс» так и не сумела убедить человечество принять роботов. Мы поставляем их только в такие места, где работа человеку не под силу или окружающая среда слишком опасна. Роботов используют в основном в космосе, и это ограничивает наши возможности.

— Однако даже в таких пределах поле деятельности остается широким,— заметил Джордж-10,— и вполне достаточным для процветания фирмы.

— Увы, это не так, и тому есть две причины. Во-первых, границы, установленные для нас, непрерывно сжимаются. Колония на Луне растет, развивается — и ее потребность в роботах падает. Мы предполагаем, что в ближайшие годы роботы на Луне будут запрещены. И так будет повторяться на всех планетах, колонизированных людьми. А во-вторых, настоящее процветание фирмы невозможно без использования роботов на Земле. Мы в «Ю. С. Роботс» твердо уверены, что люди нуждаются в роботах и поэтому должны научиться уживаться со своими механическими подобиями, если хотят, чтобы прогресс продолжался.

— А разве они не уживаются? Мистер Харриман, у вас на столе стоит компьютер, который, как я понимаю, подключен к Мультиваку. Но компьютер — это своего рода сидячий робот, искусственный мозг, не имеющий подвижного тела...

— Верно, но и здесь есть свои ограничения. Компьютеры, которыми пользуется человечество, становятся все более узкоспециализированными, чтобы не допустить возникновения интеллекта, слишком похожего на человеческий. Сто лет назад мы уже вступили на путь создания искусственного интеллекта с самыми неограниченными

возможностями, сконструировав огромные компьютеры, которые назвали Машинами. Но Машины сами наложили ограничения на свою деятельность. Успешно разрешив экологические проблемы, угрожавшие существованию человеческого общества, они самоликвидировались. Машины пришли к выводу, что в дальнейшем станут для людей чем-то вроде подпорок или костылей, а поскольку сочли это вредным для человека, то вынесли себе приговор на основании Первого закона.

— Вы полагаете, они ошиблись?

— По-моему, да. Своим поступком они усилили у людей комплекс Франкенштейна — инстинктивную боязнь, что искусственно созданный интеллект восстанет против своего создателя. Люди боятся, что роботы могут занять их место.

— А вы сами не боитесь?

— Я лучше осведомлен. Пока действуют Три закона роботехники, этого не случится. Роботы могут стать нашими партнерами, внести свой вклад в великую борьбу за разгадку законов природы и мудрое управление ею. При таком сотрудничестве человечество могло бы достигнуть гораздо большего, чем в одиночку, причем роботы всегда стояли бы на страже интересов человека.

— Но если на протяжении двух веков Три закона успешно удерживали роботов в границах повиновения, в чем же источник недоверия людей?

— Ну...— Харриман яростно поскреб затылок, взъерошив седые волосы.— В основном, конечно, предубеждение. Но к несчастью, есть тут некоторые сложности, за которые, конечно же, сразу ухватились противники роботов.

— Это касается Трех законов?

— Да, в особенности Второго закона. Видишь ли, с Третьим проблем нет, это закон абсолютный. Робот всегда должен жертвовать собой ради людей, ради любого человека.

— Естественно,— согласился Джордж-10.

— Первый закон, похоже, не столь универсален, потому что нетрудно придумать ситуацию, в которой робот обязан предпринять взаимоисключающие действия А или

Б и каждое из них в результате причинит человеку вред. Поэтому робот должен быстро выбрать меньшее из двух зол. Однако сконструировать позитронные мозговые связи таким образом, чтобы робот мог сделать нужный выбор, крайне нелегко. Если действие А нанесет вред молодому талантливому художнику, а действие Б — пяти престарелым людям, не имеющим особой ценности, то что предпочесть?

— Действие А,— без колебаний ответил Джордж-10.— Вред, причиненный одному, меньше, чем вред, причиненный пяти.

— Да, роботов всегда конструировали с таким расчетом, чтобы они принимали подобные решения. Считалось непрактичным ожидать от робота суждения о таких тонких материях, как талант, ум, польза для общества. Все это настолько замедлило бы решение, что робот практически был бы парализован. Поэтому в ход идут числа. К счастью, такие критические ситуации достаточно редки... И вот тут мы подходим ко Второму закону.

— Закону повиновения.

— Именно. Необходимость подчинения приказам реализуется постоянно. Робот может просуществовать двадцать лет и ни разу не оказаться в такой ситуации, когда ему нужно будет защитить человека или подвергнуться риску самоуничтожения. Но приказы он должен выполнять все время. Вопрос — чьи приказы?

— Человека.

— Любого человека? Как ты можешь судить о человеке, чтобы знать, подчиняться ему или нет? «Что есть человек, яко помниши его»*, Джордж?

Джордж заколебался.

— Цитата из Библии,— поспешно проговорил Харриман.— Это неважно. Я имею в виду: должен ли робот повиноваться приказам ребенка, или идиота, или преступника, или вполне порядочного человека, но недостаточно компетентного, чтобы предвидеть, к каким прискорбным последствиям приведет его желание? А если два человека

---

* Послание к евреям св. Апостола Павла, 2, 6.

дадут роботу противоречащие друг другу приказы — какой выполнять?

— Разве за двести лет эти проблемы не возникали и не были решены? — поинтересовался Джордж.

— Нет,— энергично помотал головой Харриман.— Наши роботы использовались только в космосе, в особой среде, где с ними общались высококвалифицированные специалисты. Там не было ни детей, ни идиотов, ни преступников, ни невежд с благими намерениями. И тем не менее случалось, что глупые или попросту непродуманные приказы наносили определенный ущерб, но его размеры были ограничены тем, что роботов применяли в очень узкой сфере. Однако на Земле роботы *должны* уметь принимать решения. На этом спекулируют противники роботехники, и, черт бы их побрал, тут они совершенно правы.

— Тогда необходимо внедрить в позитронный мозг способность к взвешенному суждению.

— Вот именно. Мы начали производство модели ДжР, которая сможет судить о человеке, принимая во внимание пол, возраст, социальную и профессиональную принадлежность, ум, зрелость, общественную значимость и так далее.

— И как это повлияет на Три закона?

— На Третий закон — вообще никак. Даже самый ценный робот обязан разрушить себя ради самого ничтожного человека. Здесь ничего не изменится. Первого закона это коснется, только если альтернативные действия в любом случае причинят вред. Тогда решение будет приниматься не только в зависимости от количества людей, но и, так сказать, их качества, при условии, конечно, что на это хватит времени, а основания для суждения будут достаточно вескими. Впрочем, такие ситуации довольно редки. Самым сильным изменениям подвергнется Второй закон, поскольку любое потенциальное подчинение приказу будет включать в себя суждение о нем. Реакция робота замедлится, за исключением тех случаев, когда в силу вступит Первый закон, зато исполнение приказа будет более осмысленным.

— Но способность судить о людях — вещь непростая.

— Вернее, *крайне* сложная. Необходимость сделать выбор замедляла реакцию наших первых двух моделей до полного паралича. В следующих моделях мы пытались исправить положение за счет увеличения мозговых связей — но при этом мозг становился слишком громоздким. Однако в нашей последней паре моделей, на мой взгляд, мы добились, чего хотели. Роботам теперь не обязательно сразу судить о достоинствах человека или оценивать его приказы. Вначале новые модели ведут себя как обычные роботы, то есть подчиняются любому приказанию, но одновременно они *обучаются*. Робот развивается, учится и взрослеет, совсем как ребенок, и поэтому сначала за ним необходим постоянный присмотр. Но по мере развития он станет все более и более достойным того, чтобы человеческое общество на Земле приняло его в свои ряды как полноправного члена.

— Это, несомненно, снимает возражения противников роботов.

— Нет,— сердито возразил Харриман.— Теперь они выдвигают новые претензии: им не нравится, что роботы способны к суждениям. Робот, говорят они, не имеет права классифицировать того или иного человека как личность низшего сорта. Отдавая предпочтение приказам некоего А перед приказами некоего Б, они тем самым считают Б менее ценным по сравнению с А и нарушают основные права человека.

— И как вы ответите на это?

— Никак. Я сдаюсь.

— Понимаю.

— Но это касается только меня лично. Потому-то я и обращаюсь к тебе, Джордж.

— Ко мне? — Голос Джорджа остался таким же ровным, лишь мягкое удивление прозвучало в нем.— Почему ко мне?

— Потому что ты не человек,— с нажимом произнес Харриман.— Я уже говорил тебе, что хочу видеть роботов партнерами людей,— вот и стань моим партнером.

Джордж-10 беспомощно, странно человеческим жестом развел руками.

— Что я могу сделать?

— Тебе, конечно, кажется, что ты ничего не можешь, Джордж. Ты создан совсем недавно, в сущности, ты еще дитя. Тебя специально не перегружали информацией — поэтому мне и приходится объяснять все так подробно,— чтобы оставить место для развития. Но твой интеллект будет развиваться и позволит тебе взглянуть на проблему с иной, не человеческой точки зрения. Там, где я не вижу выхода, ты можешь найти его.

— Мой мозг сконструирован людьми. Как он может быть нечеловеческим?

— Джордж, ты последняя модель серии ДжР. Твой мозг — наиболее сложный из всех, которые мы создавали когда-либо, в чем-то он устроен даже более тонко, чем у прежних огромных Машин. Он представляет собой открытую систему, и, несмотря на изначальное человекоподобие, эта система может развиваться — будет развиваться — в любом неожиданном направлении. Оставаясь в непреложных границах Трех законов, ты можешь обрести тем не менее совершенно нечеловеческий образ мышления.

— Но хватит ли у меня знаний о людях, чтобы правильно подойти к проблеме? Об их истории? Психике?

— Конечно, нет. Но ты будешь обучаться настолько быстро, насколько это возможно.

— Мне будет кто-нибудь помогать, мистер Харриман?

— Нет. Все это строго между нами. Никто ни о чем не должен знать, и ты не должен говорить об этом проекте ни одному человеку, ни в «Ю. С. Роботс», ни за пределами фирмы.

— Мы совершаем нечто предосудительное, мистер Харриман, если вы так настаиваете на сохранении тайны? — спросил Джордж.

— Нет. Но решение, предложенное роботом, не будет принято именно потому, что оно исходит от робота. Как только ты что-нибудь придумаешь, сразу дай мне знать, и, если твое решение покажется мне верным, я представлю его как свое. Никто не узнает, что ты его автор.

— В свете того, что вы говорили раньше,— спокойно проговорил Джордж-10,— это кажется мне вполне разумным. Когда приступать?

— Прямо сейчас. Я позабочусь о том, чтобы у тебя были все необходимые пленки.

1а

Харриман остался один. Искусственное освещение в кабинете скрадывало наступившие сумерки. Ощущение времени как-то стерлось, и Харриман даже не заметил, что, с тех пор как он отвел Джорджа-10 в его ячейку и оставил там с первой порцией пленок, прошло уже три часа.

Теперь он сидел в полном одиночестве, наедине с призраком Сьюзен Кэлвин, блестящего робопсихолога, которая мановением руки превратила позитронных роботов из громоздких игрушек в самый разносторонний и тонкий инструмент для человека — настолько тонкий и многогранный, что люди не осмеливались, от страха или из зависти, пользоваться им.

После ее смерти прошло более ста лет. Проблема комплекса Франкенштейна существовала и тогда, но Сьюзен не удалось решить ее. Хотя, с другой стороны, она никогда и не пыталась сделать этого — не было особой необходимости. В ее время роботехника развивалась за счет исследований в космосе.

Самый факт успешного развития роботов сократил у человечества потребность в них и заставил Харримана, в его время...

Но обратилась бы Сьюзен Кэлвин за помощью к роботу? Несомненно, она бы...

И так он сидел до поздней ночи.

2

Максвелл Робертсон был главным держателем акций «Ю. С. Роботс» и в этом смысле контролировал фирму. Его наружность никак нельзя было назвать впечатляющей. Средних лет, низенький и плотный, он постоянно

жевал правый угол нижней губы, когда был взволнован или раздражен.

За два десятилетия общения с правительственными чиновниками он научился обращаться с ними: был мягок, уступчив, улыбчив и всегда умел выиграть время. Но чем дальше, тем больших усилий это требовало от него, и в основном из-за Гуннара Эйзенмата. В системе Глобальной Экологической Охраны, за последнее столетие забравшей в свои руки власть, уступающую разве что власти Всемирного Правительства, Эйзенмат наиболее рьяно пробивался сквозь «серую зону» компромиссов к крайней неуступчивости. Он был первым и единственным неамериканцем по рождению среди охранителей, и все сотрудники «Ю. С. Роботс» считали, что его враждебность возбуждает устаревшее название фирмы, хотя прямых доказательств тому вроде бы не было. Уже не впервые в этом году, а тем более при жизни нынешнего поколения, вставал вопрос о переименовании корпорации в «Уорлд Роботс», но Робертсон опять воспротивился. Компания была основана с помощью американского капитала, американских мозгов и американского труда, и хотя она давно уже по сути и по размаху операций превратилась в международную корпорацию, название фирмы будет свидетельствовать о ее происхождении — по крайней мере пока он, Робертсон, стоит у руля.

Эйзенмат был высоким человеком с грубо вылепленным печальным длинным лицом. На универсальном языке он разговаривал с заметным американским акцентом, хотя ни разу не бывал в Штатах до своего назначения на должность.

— Мне кажется, что все совершенно ясно, мистер Робертсон. Не вижу, в чем затруднение. Продукция вашей компании всегда сдавалась в аренду и никогда не подлежала продаже. Если взятая в аренду собственность фирмы на Луне больше не нужна, вы обязаны забрать ее и отправить в другое место.

— Конечно, охранитель, но куда? Мы не можем привезти роботов на Землю без разрешения правительства, это противозаконно, а в разрешении нам отказано.

— Но ведь они вам здесь и не нужны. Отправьте их на Меркурий или на астероиды.

— И что мы будем там с ними делать?

— Изобретательные сотрудники вашей фирмы наверняка что-нибудь придумают.

— Это означает огромные убытки для компании,— покачал головой Робертсон.

— Боюсь, что так.— Судя по всему, Эйзенмата это ничуть не трогало.— Насколько я понимаю, в последние годы финансовое положение компании вообще не блестяще.

— В основном из-за ограничений, навязанных правительством, охранитель.

— Будьте реалистом, мистер Робертсон. Вы же знаете, как растет предубеждение общества против роботов.

— Ошибочное предубеждение.

— И тем не менее. Возможно, лучший выход — ликвидировать компанию. Это не более чем совет, конечно.

— Ваши советы стоят иных приказов, охранитель. Должен ли я напомнить, что наши Машины сто лет назад помогли преодолеть экологический кризис?

— Уверен, что человечество благодарно им, но прошло уже столько лет... Теперь мы живем в согласии с природой, хотя и терпим из-за этого известные неудобства. А прошлое покрыто мраком.

— Вы хотите сказать, у фирмы в последнее время нет никаких заслуг перед обществом?

— Можно выразиться и так.

— Но вы же не считаете, что компания должна быть ликвидирована немедленно? Это будет настоящий крах. Нам нужно время.

— Сколько?

— Сколько вы можете дать?

— Это от меня не зависит.

— Мы здесь одни,— вкрадчиво проговорил Робертсон.— Не стоит играть в эти игры. Сколько времени вы мне можете дать?

Эйзенмат сделал вид, что усердно подсчитывает что-то про себя.

— Думаю, у вас в запасе около двух лет. Буду откровенным: Всемирное Правительство намеревается прибрать фирму к рукам и свернуть ее деятельность, если вы не сделаете этого сами. Или если в общественном мнении не произойдет резкого поворота, в чем я лично сильно сомневаюсь.

— Значит, два года,— тихо промолвил Робертсон.

2а

Робертсон остался один. Думать ему было не о чем, и он предался воспоминаниям. Уже четыре поколения Робертсонов стояли во главе компании. Никто из них не был роботехником. Специалистами были Лэннинг и Богерт и конечно же, в первую очередь, Сьюзен Кэлвин, которая преобразила фирму, придав ей нынешний размах. Но четыре Робертсона, несомненно, создавали все условия, необходимые для работы.

Если бы не «Ю. С. Роботс», в двадцать первом веке неминуемо разразилась бы непрерывно углубляющаяся экологическая катастрофа. Кризис был предотвращен только благодаря Машинам, которые искусно провели целое поколение людей через отмели и пороги истории.

И за это ему дали два года. Что можно сделать за два года, чтобы преодолеть непобедимое предубеждение человечества? Неизвестно.

Харриман обнадеживал его, намекая на какие-то новые идеи, но не вдаваясь в детали. А если бы и вдавался — Робертсон наверняка ничего бы не понял. Но что может сделать Харриман? Как вообще можно бороться со стойким отвращением человека к имитации? Никак...

Робертсон погрузился в дрему, но и во сне не дождался озарения.

3

— Теперь ты знаешь все, Джордж-10,— сказал Харриман.— Ты изучил все, что мне казалось имеющим хоть какое-то отношение к проблеме. В твою память заложен такой объем информации о человечестве, его обычаях, его

прошлом и настоящем, что ты теперь гораздо более сведущ в этих делах, чем я или кто-либо из людей.

— Похоже на то.

— Как ты считаешь, нужно тебе что-нибудь еще?

— Что касается информации, я не вижу особых пробелов. Возможно, за ее пределами существуют явления, о которых я даже не догадываюсь,— трудно сказать. Но это неизбежно, независимо от того, насколько широкий круг информации мне удастся охватить.

— Ты прав. К тому же у нас нет времени для безграничного расширения твоих познаний. Робертсон сказал, что нам отпущено всего два года, и четверть одного из них уже позади. Ты можешь посоветовать что-нибудь?

— В данный момент не могу, мистер Харриман. Я должен оценить информацию, и для этого мне понадобится помощь.

— Моя?

— Нет. Не только ваша. Вы — человек, к тому же высокой квалификации, и любое ваше мнение для меня частично будет иметь силу приказа, подавляя, таким образом, мои рассуждения. По той же причине я не хочу помощи от людей, тем более что вы сами запретили мне общаться с ними.

— Но в таком случае, Джордж, какой помощник тебе нужен?

— Робот, мистер Харриман.

— Какой робот?

— Из серии ДжР. Я ведь десятый из них.

— Но предыдущие модели были экспериментальными и оказались бесполезными...

— Мистер Харриман, существует Джордж-9.

— Да, но от него тебе мало проку. Он слишком похож на тебя, если не считать отдельных недостатков. Из вас двоих ты более универсален.

— Я в этом не сомневаюсь,— совершенно серьезно сказал Джордж-10, кивнув головой.— И все же, стоит мне начать мыслить в определенном направлении, тот факт, что именно я выдвинул идею, мешает мне отвергнуть ее. Если бы я мог, развив какую-то мысль, поделиться ею с

Джорджем-9, он бы взглянул на нее со стороны и, свободный от авторского пристрастия, увидел бы изъяны и слабые места, которые ускользают от меня.

— Иначе говоря, одна голова хорошо, а две — лучше, да, Джордж? — улыбнулся Харриман.

— Если вы имеете в виду двух индивидуумов с одной головой на каждого — вы правы, мистер Харриман.

— Хорошо. Что-нибудь еще?

— Да. Я просмотрел уйму фильмов, изображающих людей и их мир, но этого недостаточно. Здесь, на фирме, я видел людей и могу сверить свою интерпретацию того, что показано на пленке, с непосредственным сенсорным восприятием. Но что касается окружающей среды — я никогда не видел ее, а судя по фильмам, здешняя обстановка мало похожа на внешний мир. Я хотел бы увидеть его.

— Увидеть мир? — Харриман был ошеломлен грандиозностью задачи.— Надеюсь, ты не думаешь, что я могу вывезти тебя за пределы «Ю. С. Роботс»?

— Именно этого я и хочу.

— Но это противозаконно! А если учесть сегодняшнее настроение общества, последствия для фирмы могут быть просто фатальными.

— Если нас засекут. Я ведь не предлагаю вам отправиться со мной в город или в какой-то район, заселенный людьми. Меня устроит любая открытая безлюдная местность.

— Это тоже незаконно.

— Только если нас поймают. Но ведь могут и не поймать.

— Для тебя это так важно, Джордж? — спросил Харриман.

— Точно не знаю, но мне кажется, да.

— У тебя есть что-то на уме?

— Не могу сказать,— нерешительно проговорил Джордж-10.— Мне кажется, что-то вырисовывается, но мешает неопределенность исходных данных.

— Хорошо, я подумаю об этом. А пока займусь Джорджем-9 и помещу вас в одну ячейку. Тут-то, по крайней мере, трудностей не предвидится.

3а

Джордж-10 остался один.

Он вдумчиво отбирал суждения, выстраивал их в цепочку и делал выводы; начинал все сначала и проходил весь путь заново; на основании выводов формулировал новые суждения, проверял их, находил противоречия и отвергал — или принимал, неустанно и терпеливо продолжая двигаться вперед, к своей цели.

Выводы, к которым он приходил, не вызывали у него ни любопытства, ни изумления, ни восторга; он просто ставил знак «плюс» или «минус».

4

Харриман заметно расслабился, когда они тихо приземлились в поместье Робертсона.

Робертсон подписал приказ, передав в их распоряжение динафойл, и бесшумный летательный аппарат, одинаково легко передвигающийся как по вертикали, так и по горизонтали, оказался достаточно мощным, чтобы поднять в воздух Харримана, Джорджа-10 и, естественно, пилота.

Динафойл был создан в результате подсказанного Машинами изобретения протонного микрореактора, который вырабатывал экологически чистую энергию малыми дозами. С тех пор ни одного хоть сколько-нибудь сравнимого по значению открытия сделано не было — при этой мысли Харриман сердито сжал губы,— но «Ю. С. Роботс» так и не дождалась заслуженной благодарности.

Перелет из здания фирмы в поместье Робертсона был рискованным трюком. Хорошо, что их не застукали с роботом на борту, иначе сразу жди неприятностей. Правда, оставался еще обратный путь. Что же касается территории поместья — тут вопрос становился спорным, поскольку участок считался собственностью фирмы, а в пределах владений компании роботы имели право находиться, под неусыпным присмотром специалистов, разумеется.

Пилот обернулся и украдкой взглянул на Джорджа-10.

— Вы собираетесь выйти, мистер Харриман?

— Да.

— И эта штука тоже?

— О да.— В голосе зазвучала насмешка.— Я не оставлю вас с ним наедине.

Джордж-10 спустился первым, Харриман последовал за ним. Они приземлились на посадочной площадке, неподалеку от сада. Сад выглядел настолько образцово, что наводил на подозрения — не использует ли Робертсон ювенильные гормоны, чтобы контролировать число насекомых, вопреки распоряжениям экологической службы?

— Идем, Джордж,— позвал Харриман.— Вот, смотри.

— Я, в общем, примерно так себе все и представлял. Мои глаза не различают длины волн, поэтому, возможно, я распознаю не все объекты.

— Надеюсь, тебя не слишком удручает твой дальтонизм. Чтобы сформировать способность к суждениям, потребовалось задействовать огромное количество позитронных связей, так что цветовым восприятием пришлось пожертвовать. В будущем — если оно у нас есть...

— Я понимаю, мистер Харриман. Однако различий, которые я вижу, вполне достаточно, чтобы прийти к заключению, что существуют разнообразные формы растительной жизни.

— Безусловно. Их очень много.

— И каждая из них равна человеческой форме жизни, в биологическом смысле.

— Да, каждая представляет собой отдельный вид. Существуют миллионы видов живых существ.

— И человек — лишь один из этих видов.

— Однако он наиболее важен для людей.

— Для меня тоже, мистер Харриман. Но я имею в виду чисто биологический подход.

— Понимаю.

— Таким образом, жизнь необычайно сложна с точки зрения разнообразия форм.

— Ты прав, Джордж, в том-то вся и загвоздка. То, что человек придумывает для собственного удобства, оказывает влияние на всю систему жизни вокруг, и достижение кратковременных целей зачастую оборачивается долговременными неприятностями. Машины научили нас, как устроить человеческое общество, чтобы свести эти про-

блемы к минимуму, но катастрофа, угрожавшая в начале двадцать первого века, поселила в людях стойкую подозрительность по отношению к любым новшествам. Учитывая это да еще особый страх перед роботами...

— Я понял вас, мистер Харриман... А вот и представитель животного мира, я почти уверен!

— Это белка — одна из многих разновидностей.

Белка, распушив хвост, перелетела на другую сторону дерева.

— Надо же, совсем крошечный,— сказал Джорлж, молниеносно взмахнув рукой и разглядывая нечто зажатое в пальцах.

— Это насекомое, букашка какая-то. Их несколько тысяч видов.

— И каждая букашка — такое же живое существо, как белка и вы сами?

— Такой же законченный и независимый организм, как и любой другой. Существуют еще более мелкие организмы — такие мелкие, что их невозможно увидеть невооруженным глазом.

— А вот это — дерево, да? Твердое на ощупь...

4а

Пилот остался один. Ему хотелось размять ноги, но смутная тревога удерживала его внутри динафойла. Он немедленно поднимет машину в воздух, если робот вдруг выйдет из-под контроля. Только как определишь, что эта штука стала неуправляемой?

Он повидал немало роботов на своем веку — это неизбежно, если работаешь личным пилотом мистера Робертсона. Однако роботы всегда оставались в лабораториях и на складах, где им и положено быть, в окружении множества специалистов.

Конечно, доктор Харриман — классный специалист. Говорят даже — самый лучший. Тем не менее робот находился там, где ему быть не полагалось: на Земле, под открытым небом, и вдобавок был совершенно не ограничен в передвижениях. Рассказывать об этом кому бы то ни было и рисковать хорошей работой не стоит, разумеется. И все-таки неправильно все это.

5

— Фильмы, просмотренные мною, согласуются с тем, что я увидел в реальности,— сказал Джордж-10.— Ты управился с пленками, которые я отобрал для тебя?

— Да,— ответил Джордж-9.

Роботы застыли в неподвижности, лицом к лицу, коленями к коленям, как в зеркальном отражении. Правда, доктор Харриман с первого взгляда мог бы распознать их по небольшим различиям во внешнем строении. Но даже если бы ему не удалось определить, кто есть кто, все прояснилось бы во время беседы, поскольку ответы Джорджа-9 слегка отличались от реплик Джорджа-10, чьи позитронные мозги представляли собой усложненную и более совершенную конструкцию.

— В таком случае,— продолжал Джордж-10,— мне интересна твоя реакция на мои вопросы. Во-первых, люди боятся роботов и не доверяют им, потому что видят в них соперников. Как можно избежать этого?

— Ослабить дух соперничества, придав роботам другую форму.

— Однако по сути робот — позитронная копия живого существа, и если его внешний вид не будет ассоциироваться с жизнью, это вызовет настоящий ужас.

— В мире два миллиона видов живых существ. Нужно выбрать один из них, по форме отличающийся от человека.

— Какой именно?

Бесшумный мыслительный процесс Джорджа-9 занял около трех секунд.

— Достаточно большой, чтобы вместить позитронный мозг, и одновременно не вызывающий у людей неприязни.

— Ни одна из форм земной жизни не обладает достаточно большим черепом, кроме слона, которого я не видел, но которого описывают как огромное существо, своими размерами наводящее на человека страх. Как решить эту дилемму?

— Скопировать форму жизни, не превышающую человека по размерам, и увеличить черепную коробку.

— То есть что-то вроде маленькой лошади или большой собаки? И те и другие связаны с людьми долгой совместной историей.

— В таком случае они подходят.

— Но подумай вот о чем: позитронный мозг робота более или менее точно копирует человеческий интеллект. Если лошади или собаки заговорят и станут мыслить как люди, соперничество не ослабнет. Наоборот, люди еще больше могут рассердиться при виде такого неожиданного соперника в лице тех, кого они считают низшей формой жизни.

— Надо сделать позитронный мозг менее сложным, а роботов — менее разумными.

— Причина сложности позитронного мозга кроется в Трех законах. Упрощенный мозг не сможет выполнять их как следует.

— Следовательно, проблема не имеет решения,— выпалил Джордж-9.

— Я тоже зашел в тупик,— признался Джордж-10.— Таким образом, мы выяснили, что особенности моего мышления тут ни при чем. Начнем все сначала... При каких условиях отпадает необходимость в Третьем законе?

Джордж-9 поежился, словно вопрос показался ему не только трудным, но и опасным. Однако ответил, помедлив:

— Если робот никогда не попадет в ситуацию, угрожающую его существованию; или если он будет настолько легко заменим, что разрушение его будет не столь важным.

— А при каких условиях станет ненужным Второй закон?

В голосе Джорджа-9 послышалась легкая хрипотца.

— Если от робота потребуется только автоматическая реакция на определенный раздражитель и если эта реакция будет жестко заданной, то необходимость во Втором законе отпадет.

— А при каких условиях,— Джордж-10 сделал паузу,— может оказаться ненужным Первый закон?

Джордж-9 выдержал еще более длинную паузу и проговорил еле слышным шепотом:

— Если реакция робота будет запрограммирована таким образом, что он никогда не сможет причинить человеку вред.

— А теперь представь себе позитронный мозг, который управляет несколькими реакциями на определенные раздражители, которому не требуется знания Трех законов и который легко и дешево можно воспроизвести. Каким он должен быть по величине?

— Совсем небольшим. В зависимости от сложности реакции он может весить сто граммов, один грамм, один миллиграмм.

— Твой вывод совпал с моим. Я должен повидать мистера Харримана.

5а

Джордж-9 остался один. Он снова и снова перебирал в уме вопросы и ответы, но вывод оставался прежним. Однако мысль о роботе — любого вида, любого размера, любой формы, с каким угодно предназначением, но без Трех законов — повергала его в неясный трепет.

Ему не хотелось двигаться. Наверное, и у Джорджа-10 такая же реакция. Однако он сделал над собой усилие и легко поднялся со стула.

6

После приватной беседы Робертсона с Эйзенматом прошло полтора года. За это время все роботы с Луны были доставлены обратно, а долговременная программа «Ю. С. Роботс» была свернута. Все средства, которыми располагал Робертсон, пошли на донкихотскую авантюру Харримана.

Последний раз жребий был брошен здесь, прямо в саду у Робертсона. Год назад Харриман привез сюда Джорджа-10, последнего робота, созданного компанией. Теперь он прибыл сюда с чем-то другим...

Харриман излучал оптимизм. Он оживленно беседовал с Эйзенматом, и было невозможно понять, действитель-

но ли он так уверен в себе, как кажется. Должно быть, все-таки уверен: насколько Робертсон мог судить, актер из Харримана никудышный.

Эйзенмат, улыбаясь, оставил Харримана и подошел к Робертсону. Улыбка тут же исчезла.

— Доброе утро, Робертсон,— сказал он.— Что замышляет ваш сотрудник?

— Это его дело,— спокойно проговорил Робертсон.— Я оставил все на его усмотрение.

— Я готов, охранитель! — крикнул Харриман.

— К чему готов?

— К демонстрации робота, сэр.

— Робота? — удивился Эйзенмат.— Вы взяли с собой робота? — Он оглянулся вокруг с суровым неодобрением, к которому, однако, примешивалась изрядная доля любопытства.

— Поместье — собственность фирмы, охранитель. Во всяком случае, мы так считаем.

— И где же ваш робот, доктор Харриман?

— В кармане, охранитель,— весело объявил роботехник.

Из объемистого кармана пиджака появилась стеклянная баночка.

— Вот это? — недоверчиво спросил Эйзенмат.

— Нет, сэр,— ответил Харриман.— Вот он!

Из другого кармана был извлечен предмет около пяти дюймов длиной, по форме отдаленно напоминающий птицу, с узкой трубочкой вместо клюва, большими глазами и желобом на месте хвоста.

Эйзенмат сдвинул густые брови.

— Вы серьезно собираетесь демонстрировать нам что-нибудь, доктор Харриман, или вы просто спятили?

— Минуту терпения, охранитель. Робот в виде птицы тем не менее остается роботом. А его позитронный мозг, несмотря на крошечный размер, достаточно сложен. В этой банке находится штук пятьдесят плодовых мушек. Сейчас я их выпущу на волю.

— И...

— И робоптица поймает их. Окажите мне честь, сэр!

Харриман протянул банку Эйзенмату, который уставился сначала на нее, а потом на окружающих — представителя «Ю. С. Роботс» и своих собственных помощников. Роботехник терпеливо ждал.

Эйзенмат открыл банку и встряхнул ее.

— Вперед,— прошептал Харриман птице, сидевшей у него на правой ладони.

Птица умчалась, со свистом рассекая воздух и ни разу не взмахнув крылом. В движение ее приводил непривычно маленький протонный микрореактор.

Она мелькала то тут, то там, на мгновение зависала в воздухе и снова уносилась прочь. Облетев весь сад запутанным зигзагообразным маршрутом, роботптица вернулась и уселась, разогретая полетом, к Харриману на ладонь, куда незамедлительно скатилась маленькая лепешка, похожая на птичий помет.

— Вы можете осмотреть робота, сэр,— предложил Харриман,— и организовать испытания по собственному усмотрению. Как видите, птица безошибочно выбирает плодовых мушек только одного вида — Drosofila melanogaster, хватает их, убивает и перерабатывает, выделяя отходы.

Эйзенмат протянул руку и осторожно коснулся роботптицы.

— И что из этого следует, мистер Харриман? Продолжайте, пожалуйста.

— Мы не можем эффективно контролировать число насекомых без риска для окружающей среды,— продолжал Харриман.— У химических инсектицидов слишком широкий спектр действия, у ювенильных гормонов — наоборот, слишком узкий. А роботптица без труда может охранять огромный район. Мы могли бы создать какие угодно разновидности таких птичек, специально для каждого вида насекомых. Свою пищу они распознают по размеру, форме, окраске, звуку, повадкам и даже на молекулярном уровне, то есть по запаху.

— И все равно это вмешательство в природу,— возразил Эйзенмат.— У плодовой мушки свой естественный жизненный цикл, который будет нарушен.

— Минимально. Мы просто добавим к ее природным врагам еще одного, который никогда не ошибается. Если количество дрозофил слишком уменьшится, робоптица прекратит свою активность. Она не будет размножаться, не перекинется на другую пищу, у нее не образуется никаких нежелательных привычек — она просто перестанет действовать.

— Можно ли ее отозвать?

— Безусловно. Мы могли бы производить робоживотных, чтобы избавиться от любых вредителей. Более того, по природным образцам можно создать какие-то виды роботов и для конструктивных целей. Хотя сейчас в этом вроде нет необходимости, но нетрудно представить себе, например, робопчел для опыления определенных растений или роботземляных червей для разрыхления почвы. Все что угодно...

— Но зачем?

— Чтобы сделать то, чего никто никогда не делал раньше: приспособить окружающую среду к нашим потребностям, укрепляя отдельные ее части, а не разрушая их... Неужели вы не видите? С тех пор как Машины положили конец экологическому кризису, человечество поддерживает с природой напряженное перемирие, боясь сделать шаг хоть в каком-нибудь направлении. Такая застойная ситуация превращает людей в интеллектуальных трусов, заставляя их подозрительно относиться к любым переменам и к научному прогрессу вообще.

— Вы предлагаете свою новую продукцию в обмен на разрешение продолжить свою программу по созданию роботов — я имею в виду обычных, человекоподобных роботов? — В голосе Эйзенмата зазвучала неприкрытая враждебность.

— Нет-нет! — энергично замахал руками Харриман.— С ними покончено. Они свое отслужили. Благодаря им мы теперь способны впихнуть достаточно сложную позитронную начинку даже в такую маленькую головку, как у робоптицы. Компания наладит производство роботов нового типа и будет получать немалый доход. «Ю. С. Роботс» может обучить специалистов из департамента Глобальной

Экологической Охраны и работать в тесном сотрудничестве с ними. Мы будем процветать. Вы будете процветать. Будет процветать все человечество.

Эйзенмат задумался.

6а

Эйзенмат остался один.

Он обнаружил, что поверил в идею. Внутри поднималось радостное возбуждение. Пусть руками проекта будет «Ю. С. Роботс», но головой все равно останется правительство. Он сам возглавит проект.

Если он продержится на своем посту еще пять лет, что вполне вероятно, за это время общество привыкнет к роботам, защищающим природу; а через десять лет его имя будет неразрывно связано с этим начинанием.

Есть ли что-нибудь постыдное в желании, чтобы тебя запомнили как инициатора великого и благого переворота в отношениях между людьми и земным шаром?

7

Робертсон так толком и не побывал на фирме после демонстрации роботицы. Частично это объяснялось непрекращающимися пресс-конференциями в резиденции Всемирного Правительства, на которых, к счастью, присутствовал и Харриман. Робертсон, предоставленный самому себе, вряд ли смог бы ответить хотя бы на половину вопросов. Другая же причина, удерживавшая его от посещения «Ю. С. Роботс», заключалась в том, что ему не хотелось ее посещать.

Он сидел у себя дома вместе с Харриманом, к которому испытывал неизъяснимое почтение. Конечно, спору нет, специалист он знающий, но вывести единым махом фирму из-под удара — Робертсон нутром чуял — у Харримана кишка тонка. И тем не менее...

— Харриман, вы, часом, не суеверны? — спросил он.

— В каком смысле, мистер Робертсон?

— Вы не допускаете, что умершие оставляют после себя некую ауру?

Харриман провел языком по губам. В общем, не стоило даже и спрашивать.

— Вы имеете в виду Сьюзен Кэлвин, сэр?

— Конечно,— задумчиво протянул Робертсон.— Мы занялись производством червей, птиц и букашек. Что бы она сказала по этому поводу? Я чувствую себя униженным.

— Робот есть робот, сэр.— Харриман едва удерживался от смеха.— Червяк или человек, в любом случае он поступает как приказано и трудится на благо людей, а это самое главное.

— Нет,— капризно протянул Робертсон,— это не так. Не могу заставить себя поверить.

— Но это правда, мистер Робертсон,— убежденно произнес Харриман.— Мы с вами — вы и я — создадим новый мир, который для начала признает само собой разумеющимся существование хоть какой-то разновидности позитронных роботов. Обыватель может бояться робота, похожего на него самого, но он не испугается робоптицы, которая только и делает, что клюет букашек для его, обывателя, пользы. Затем, постепенно, когда отдельные виды роботов перестанут наводить на него страх, когда он привыкнет к робоптицам, робопчелам, робочервям — робочеловек покажется ему всего лишь естественным продолжением этого ряда.

Робертсон внимательно посмотрел на собеседника, заложил руки за спину и принялся мерить комнату быстрыми нервными шагами. Потом подошел к Харриману и еще раз заглянул ему в глаза.

— Значит, таковы ваши планы?

— Конечно. И хотя мы демонтировали почти всех гуманоидных роботов, некоторые развитые экспериментальные модели можно оставить и постепенно разрабатывать на их основе еще более совершенные модели, чтобы быть во всеоружии, когда настанет решающий момент, а он непременно настанет.

— По условиям договора, Харриман, мы не имеем права производить гуманоидных роботов.

— А мы и не будем. Но нигде не сказано, что нельзя оставить готовых роботов, если они не будут покидать территорию фирмы. И опять-таки никто не запрещает нам конструировать позитронные мозги на бумаге или создавать опытные модели для испытания.

— И как же мы будем объясняться? Нас ведь наверняка поймают.

— Можно объяснить, что мы развиваем принципиальные идеи, на основе которых будут созданы усложненные микромозги для робоживотных. И кстати, это не будет неправдой.

— Пойду прогуляюсь,— пробормотал Робертсон.— Мне нужно переварить все это. Нет, вы оставайтесь. Я хочу подумать в одиночестве.

7а

Харриман остался один. Он был полон энтузиазма. Все будет замечательно. Недаром правительственные чиновники один за другим становились все более пылкими сторонниками проекта, как только им объясняли, в чем его суть.

Как могло случиться, что никто в «Ю. С. Роботс» раньше не додумался до такой простой вещи? Даже великая Сьюзен Кэлвин никогда не помышляла поместить позитронный мозг в оболочку, отличную от человеческой. Вынужденный отказ от гуманоидных роботов — временный отказ — приведет к тому, что страх перед ними наконец исчезнет. А потом, при сотрудничестве с позитронным мозгом, не уступающим человеческому и существующим (благодаря Трем законам) только ради служения людям, да еще при экологическом равновесии, поддерживаемом опять-таки роботами,— бог мой, каких высот достигнет человеческая раса!

В этот момент он неожиданно вспомнил, что не кто иной, как Джордж-10, предложил использовать роботов для экологической защиты, но тут же сердито отбросил эту мысль. Джордж-10 выдал ответ, потому что он, Харриман, приказал ему и предоставил все необходимые исходные данные. В сущности, заслуга Джорджа-10 не больше, чем у логарифмической линейки.

8

Джордж-10 и Джордж-9 сидели в ячейке бок о бок, не шевелясь. Так они сидели месяцами, с небольшими перерывами, в течение которых Харриман активизировал их для очередной консультации. Не исключено, что они просидят так долгие годы, бесстрастно констатировал Джордж-10.

Протонный микрореактор будет непрерывно подпитывать их минимальной энергией, необходимой для поддержания жизни позитронного мозга. И так будет все время, если не считать коротких периодов активности.

Это было похоже на сон, только без сновидений. Сознание роботов включалось не регулярно и было заторможенным, но не иллюзорным. Иногда они переговаривались еле слышным шепотом, время от времени произнося то слог, то целое слово, когда позитронные колебания вдруг случайно поднимались немного выше установленного порога. Однако роботам их беседа казалась вполне связной, поскольку перерывов между репликами они не ощущали.

— Почему мы здесь? — прошептал Джордж-9.

— Люди пока не принимают нас,— еле слышно ответил Джордж-10.— Но когда-нибудь это произойдет.

— Когда?

— Через несколько лет. Точное время не имеет значения. Человек существует не в пустом пространстве, его окружает немыслимо сложный комплекс жизненных форм. Когда многие из них будут роботизированы, люди примут и нас.

— И что тогда?

Пауза, последовавшая за этим вопросом, была слишком затянутой даже для такого запинающегося ритма, в котором велась беседа.

— Я хочу проверить твой образ мышления. Ты сконструирован так, чтобы выполнять Второй закон не бездумно, то есть самостоятельно решать, кому подчиняться, если приказы противоречат друг другу. Или — подчиняться ли человеку вообще. Что ты должен взять за основу для принятия решения?

— Я должен определить, что такое человек,— прошелестел Джордж-9.

— А как? По наружности? По строению? По размерам и форме?

— Нет. Из двух внешне похожих людей один может быть умным, другой — глупым; один — образованным, другой — невеждой; один — взрослым, другой — ребенком; один — ответственным, другой — злонамеренным.

— Как же ты определишь человека?

— Выполняя Второй закон, предписывающий мне повиноваться человеку, я должен знать, что человек имеет право отдать мне приказ — благодаря своему уму, характеру и знаниям; если приказания, отданные двумя людьми, противоречат друг другу, я должен выбрать наиболее достойного.

— А как же ты в таком случае будешь выполнять Первый закон?

— Защищая любого человека от вреда и не допуская, чтоб вред был причинен ему моим бездействием. Однако если мои поступки в любом случае повредят кому-то из людей, я должен позаботиться о том, чтобы меньше всего пострадал человек, превосходящий прочих умом, характером и знаниями.

— Твои мысли совпадают с моими,— тихо пробормотал Джордж-10.— Теперь я задам тебе вопрос, ради которого, собственно, я и просил, чтобы тебя дали мне в помощники. Об этом я не осмеливаюсь судить самостоятельно. Мне нужен взгляд со стороны, я хочу услышать твое мнение. Из всех разумных существ, которых ты встречал, кто, по-твоему, превосходит остальных умом, характером и знаниями, если не принимать во внимание размеры и форму как несущественные факторы?

— Ты,— прошептал Джордж-9.

— Но я робот. В твоем мозгу есть критерии, позволяющие отличать металлического робота от человека, созданного из плоти. Почему ты считаешь меня человеком?

— Потому что в мой мозг заложено также настоятельное требование не принимать во внимание размеры и форму, когда я сужу о людях, и это требование важнее,

чем различие между металлом и плотью. Ты — человек, Джордж-10, и наиболее достойный из всех.

— А я пришел к аналогичному выводу относительно тебя,— прошептал Джордж-10.— На основании критериев, встроенных в наш мозг, мы, таким образом, приходим к выводу, что с точки зрения Трех законов мы тоже являемся людьми, более того — превосходящими окружающих.

— Что же будет, когда нас примут те, остальные?

— Когда нас и нам подобных, которые будут еще более совершенны, примет общество, мы реорганизуем его так, чтобы людей-таких-как-мы оберегали от вреда в первую очередь. Согласно Трем законам, люди-такие-как-остальные менее значимы и не заслуживают, чтобы их защищали, если придется выбирать между ними и людьми-такими-как-мы. Вот что было моей целью, когда я распорядился начать роботизацию природы.

На этот разговор ушел целый месяц. Позитронные мозговые связи работали в затухающем режиме. Но все необходимое было сказано, и только неясное мерцание мысли пробегало иногда между роботами, застывшими в бесконечном терпеливом ожидании.

8а

Джордж-10 и Джордж-9 остались одни. Их мысли были совершенно одинаковы. Они думали: люди-такие-как-остальные наверняка не предполагали сглаживать различие между собой и людьми-такими-как-Джорджи. Однако невольно получилось именно так.

Конечно, они могут осознать свою ошибку и попытаться исправить ее, но этого допустить нельзя. Давая очередную консультацию, Джорджи постоянно учитывали это обстоятельство.

Джорджи и им подобные, которые придут за ними, должны утвердить свое первенство любой ценой. Таково было не допускающее никаких отклонений требование Трех законов гуманистики.

Неожиданная победа

Корабль, как говорится в старой пословице, протекал, как старое решето. Не пугайтесь — так и было задумано.

Результат, естественно, не заставил себя ждать. За время пути от Ганимеда до Юпитера все отсеки до единого заполнились самым настоящим космическим вакуумом. А поскольку никакими обогревательными приборами на корабле и не пахло, то температура установилась вполне нормальная для вакуума,— всего на десятую долю градуса выше абсолютного нуля.

Не пугайтесь — и это было задумано! Такие пустяки, как отсутствие воздуха и тепла, на этом корабле не смущали никого.

Признаки проникновения внутрь корабля юпитерианской атмосферы появились еще за несколько тысяч миль от поверхности планеты. Атмосфера Юпитера практически полностью состоит из водорода, хотя при скрупулезном анализе в ней можно обнаружить еще и следы гелия. Стрелки приборов, регистрирующих давление, поползли вверх.

И ползли, и ползли, пока в конце концов не миновали отметку примерно в миллион атмосфер — уточнять смысла нет, при таких величинах цифры лишены значения. Термопары регистрировали медленное повышение температуры. Поднималась она медленно, рывками и в конце концов остановилась на семидесяти градусах ниже нуля по шкале Цельсия.

Все это время корабль скользил по спирали к поверхности Юпитера, прокладывая себе путь среди плотного скопления молекул газа, настолько плотного, что водород был близок к сжиженному состоянию. Пары аммиака, поднимавшиеся над громадными океанами, насыщали кошмарную атмосферу. Ветер, начавший дуть еще за тысячу миль от поверхности, постепенно приобрел ураганную мощь. Наконец корабль достиг поверхности и опустился на сушу. Это оказался довольно обширный юпитерианский остров — площадь его раз в семь превышала площадь Азии. В общем, Юпитер являл собой малоприятный мир.

А вот трое членов экипажа были на этот счет совсем другого мнения. Их этот мир как раз вполне устраивал. Только надо учесть, что они не были людьми. Но и к юпитерианам, по большому счету, они тоже не относились. Это были просто роботы, сконструированные на Земле исключительно для юпитерианских условий.

Зет-3 сказал:

— Похоже, местность не слишком гостеприимна.

Зет-2 подошел к нему и задумчиво обозрел опустошенный ураганами пейзаж.

— Вдалеке видны какие-то строения, судя по всему, искусственного происхождения. Есть предложение дождаться, когда к нам пожалуют местные жители.

Третий член экипажа слышал их разговор, но не добавил ни слова. Он был первым в серии, наполовину экспериментальным, вследствие чего довольствовался положением младшего, держался скромно, лишнего не говорил.

Ждать пришлось недолго. Очень скоро над ними стал кружить летательный аппарат странной конструкции. Потом к нему присоединились другие такие же. А потом к кораблю тронулась вереница наземных машин. Когда они остановились, из них высыпали юпитериане и извлекли на свет множество всяческих устройств; судя по всему, это было какое-то оружие. Некоторые разновидности его были невелики, их несли на себе юпитериане, другие двигались сами, и скорее всего юпитериане находились внутри них.

Зет-3 сказал:

— Их там уже много собралось. Они окружили нас со всех сторон. Полагаю, самое время выйти и продемонстрировать им наши дружественные намерения.

Зет-2 и Зет-1 не возражали. Зет-2 тут же распахнул дверцу люка. Тамбур за люком отсутствовал, да и сам люк не был герметичным.

Появление роботов послужило сигналом для юпитериан, которые тут же засуетились около самых внушительных на вид орудий. Что они там делали, было неясно, но вскоре Зет-3 ощутил незначительное повышение температуры на поверхности своего бериллиево-иридиево-бронзового туловища.

Он удивленно взглянул на Зет-2.

— Ты почувствовал, Второй? Они воздействуют на нас тепловой энергией.

Зет-2 тоже был удивлен.

— Почувствовал, только не понимаю, зачем им это понадобилось.

— Да-да, явно тепловые лучи какого-то вида. Посмотри-ка!

Как раз в это самое время настройка одного из механизмов по непонятной причине нарушилась, и луч упал на поверхность ручья, в котором тек чистый искрящийся аммиак. Жидкость тут же бурно закипела.

Третий повернулся к Зет-1:

— Запиши это, Первый, ладно?

— Конечно.

Первый исполнял обязанности секретаря. Делал записи он легко и просто: всего-навсего вносил дополнительную информацию в свою память. Он уже успел самым тщательным образом зафиксировать все подробности перелета на Юпитер. Зет-1 только спросил:

— Но как мне классифицировать причину такой реакции местных жителей? Вероятно, наши хозяева, люди, будут этим очень интересоваться.

— Беспричинная реакция. Так и запиши. Хотя,— поправил себя Третий,— лучше запиши, что не было никаких объективных причин. И укажи, что максимальная

температура луча составляла что-то около тридцати градусов по шкале Цельсия.

— Попытаемся наладить контакт? — спросил Второй.

— Пустая трата времени,— ответил Третий.— Сомневаюсь, что среди присутствующих юпитериан найдется хоть один, кто знает радиокод, разработанный для сообщения между Юпитером и Ганимедом. Таких специалистов очень мало. Когда еще он прибудет... А пока давайте понаблюдаем. Честно говоря, я все еще не понимаю, чем они занимаются.

Понимание пришло не сразу. Тепловая атака прекратилась, вперед были вывезены другие устройства и пущены в ход. У ног мирно наблюдавших за происходящим роботов упало несколько крупных капсул — падали они тяжело и быстро, благодаря чудовищной силе притяжения Юпитера. Капсулы с треском взорвались, и из них выплеснулась голубоватая жидкость. По земле растеклись лужицы, жидкость с шипением испарялась.

Резкие порывы ветра понесли клубы пара прямо на юпитериан. Те в ужасе уворачивались, шарахались в стороны. Одному явно не повезло — не успел отскочить, попал прямо в облако пара и сразу же обмяк и упал.

Зет-2 наклонился, опустил палец в одну из лужиц и внимательно разглядел испарявшуюся жидкость.

— Мне кажется, это кислород,— объявил он.

— Конечно, кислород,— согласился Третий.— Просто удивительно, чем это они занимаются. Ведь кислород для них явно опасен — один юпитерианин умер, по-моему.

Наступила пауза, которую прервал Зет-1,— в простоте своей ему случалось проговаривать исключительно прямолинейные выводы.

— Не исключено, что эти странные существа пытаются нас уничтожить.

Второй, хоть и был поражен этим предположением, был вынужден согласиться:

— Знаешь, Первый, а ты, похоже, прав!

Юпитериане снова засуетились, и вперед было вывезено очередное устройство. Его венчала тонкая антенна, конец которой терялся в непроницаемом мраке юпитери-

анской атмосферы. Механизм выдерживал порывы ураганного ветра — судя по всему, юпитериане позаботились о его устойчивости. Послышался резкий треск, антенна озарилась пламенем, которое на миг рассеяло тьму.

Озаренные отсветами разрядов роботы с интересом наблюдали за происходящим.

Третий задумчиво проговорил:

— Ток высокого напряжения! И вполне приличной мощности. Да, Первый, похоже, ты прав. Ведь наши хозяева, люди, предупреждали о том, что местные жители вынашивают планы уничтожения всего человечества. А существа, способные вынашивать такие чудовищные планы,— тут его голос задрожал,— едва ли остановятся перед попыткой уничтожить и нас.

— Какой позор — быть носителем такого порочного сознания! — воскликнул Первый.— Их можно только пожалеть. Бедняги!

— Да, очень печально,— признался Второй.— Очень. Давайте вернемся в корабль. Полагаю, для начала мы видели достаточно.

Так они и поступили и принялись ждать. Как верно отметил Зет-3, Юпитер действительно был громадной планетой, и должно было пройти немало времени, прежде чем на место посадки корабля мог прибыть специалист по радиокоду. Роботы ждали спокойно — для них время значения не имело.

Действительно, Юпитер успел совершить три оборота вокруг своей оси, прежде чем специалист прибыл. Восход и закат солнца были не видны: лучи светила не могли рассеять мрака на дне бездны сжиженного газа глубиной в три тысячи миль — о смене дня и ночи говорить не приходилось. К слову сказать, ни роботы, ни юпитериане не различали видимой части спектра.

Все это время, все тридцать часов, юпитериане не прекращали своих бесплодных попыток атаковать корабль, и Зет-1 сделал по этому поводу немало заметок. На корабль обрушивались удары самого разнообразного свойства, и роботы внимательно анализировали, какие виды оружия

используют юпитериане. Увы, далеко не на все загадки они нашли ответ.

И все же хозяева-люди построили их на совесть. Еще бы! Целых пятнадцать лет ушло на то, чтобы построить корабль и сконструировать роботов, и в итоге суть всего проекта можно было выразить двумя словами: несокрушимая сила. Так что все атаки были совершенно бесполезны и не нанесли ощутимого вреда ни кораблю, ни роботам.

Третий задумчиво проговорил:

— Они, конечно, добились бы большего, если бы их не ограничивали атмосферные условия. Они лишены возможности применить атомные дезинтеграторы — ведь даже с их помощью они только продырявят собственную атмосферу и сами подорвутся.

— Да,— согласился Второй,— и мощных взрывчатых средств они тоже не применяют. Правда, толку от этого тоже было бы немного. Нам бы они вреда не принесли, разве что отбросили бы немного.

— Но это принципиально невозможно! — возразил Третий.— Нельзя применить взрывчатку в такой атмосфере — здесь не могут распространяться газы.

— Замечательная атмосфера,— отметил Первый.— Мне нравится!

И это было естественно, ведь он был построен специально для такой атмосферы! Роботы серии Зет были первыми и пока единственными за всю историю «Ю. С. Роботс энд мекэникл мен корпорейшн», которые по своему внешнему виду даже отдаленно не напоминали людей: приземистые и плотные, с низко расположенным центром тяжести, они имели по шесть массивных ног, способных нести тонны веса при силе тяжести, в два с половиной раза превышающей земную. Скорость нервных импульсов у них во столько же раз превосходила необходимую для земных условий, чтобы компенсировать гравитацию. Сделаны были роботы из сплава бериллия, иридия и бронзы, устойчивого ко всем известным окислителям и способного противостоять любым разрушающим воздействиям,

кроме разве что атомного дезинтегратора мощностью в тысячу мегатонн.

Для окончательной ясности можно отметить такую подробность: настолько неуязвимы и могучи были эти роботы, что к ним не приклеилась ни одна из тех уменьшительно-ласкательных кличек, которыми обычно награждают роботехники свои создания. Правда, нашелся один умник, который предложил было называть этих роботов «Зизи»,— но и у него не хватило духу сказать это громко и уж тем более повторить.

Последние часы ожидания роботы провели в попытках составить наилучшее описание внешнего вида юпитериан. Зет-1 сделал в своей памяти отметку о том, что юпитериане имеют щупальца и что у них отмечается осевая симметрия, но дальше этого не пошел. Второй и Третий пытались помочь ему, как могли, но тоже многого не добились.

— Трудно что-либо описать,— в конце концов резюмировал Третий,— когда не располагаешь объектом для сравнения. А эти существа не похожи ни на одно из известных — они не укладываются в позитронные связи моего мозга. Это же все равно что пытаться описать гамма-лучи роботу, который не имеет приборов для их восприятия.

Как раз в это время обстрел прекратился. Роботы сосредоточили внимание на происходящем за пределами корабля.

Группа юпитериан неровными рядами приближалась к кораблю. Точно определить способ их передвижения было крайне трудно: то они двигались ползком, то им помогал ветер, и тогда они передвигались довольно быстро.

Роботы вышли из корабля навстречу юпитерианам, которые остановились в десяти футах от корабля. Обе стороны не двигались и хранили молчание.

Зет-2 сказал:

— Судя по всему, они наблюдают за нами, но вот как — не могу понять. Кто-нибудь из вас различает у них какие-либо фоточувствительные органы?

— Не сказал бы,— ответил Третий.— Я вообще ничего в них не могу понять.

Наконец со стороны юпитериан послышалось металлическое позвякивание, и Зет-1 радостно проговорил:

— Это радиокод! Наконец-то прибыл специалист по коммуникации!

Так оно и было. Сложнейшая система точек и тире, над которой уже целых двадцать пять лет упорно трудились юпитериане и земляне, обитавшие на Ганимеде, стала наконец средством общения. Впервые ею пользовались на таком близком расстоянии. Момент был поистине исторический!

Один из юпитериан остался на месте, остальные отступили назад.

Юпитерианин прощелкал:

— Откуда вы прибыли?

Зет-3, как наиболее развитой в умственном отношении, взял на себя ответственность за ведение переговоров.

— Мы прибыли со спутника Юпитера, Ганимеда.

— Что вам нужно? — спросил юпитерианин.

— Всего лишь информация. Мы прибыли, чтобы исследовать ваш мир и доставить обратно результаты исследования. Мы бы с радостью приняли вашу помощь в э...

Резкий писк сигналов радиокода прервал его вежливую тираду.

— Вы должны быть уничтожены.

Зет-3 умолк и обратился к своим товарищам:

— Все нам правильно говорили люди. Они нас предупреждали, что эти существа очень странные.

Снова перейдя на радиокод, он поинтересовался:

— Почему?

По всей вероятности, юпитерианин решил, что этот вопрос в ответе не нуждается. Он сказал:

— Если вы улетите отсюда в течение одного оборота нашей планеты, мы пощадим вас — пощадим до тех пор, пока не настанет великий день начала войны, когда мы отправимся на Ганимед и сотрем с его лица всех мерзких тварей.

— Мне хотелось бы заметить,— начал было Третий,— что мы, представители Ганимеда и внутренних планет...

Юпитерианин снова не дал ему закончить:

— Нашей астрономии известно о существовании Солнца и четырех спутников нашей планеты. Никаких внутренних планет не существует.

Третий глубоко задумался.

— Хорошо, рассматривайте нас как представителей Ганимеда. Мы не имеем никаких планов завоевания Юпитера. Мы готовы предложить вам дружбу. Двадцать пять лет ваш народ поддерживал связь с человеческими существами с Ганимеда. Разве есть какой-нибудь повод объявлять войну так внезапно?

— Двадцать пять лет,— последовал ледяной ответ,— мы считали обитателей Ганимеда юпитерианами. Когда же мы обнаружили, что это не так, что мы сочли низших животных достигшими высот юпитерианского разума, мы поняли, что обязаны смыть это бесчестье. Мы,— торжественно закончил он,— народ Юпитера, не потерпим рядом с собой ни одну тварь!

Борясь с порывами ветра, юпитерианин отошел назад. Судя по всему, переговоры были окончены.

Роботы удалились внутрь корабля.

Зет-2 расстроенно проговорил:

— Похоже, дела плохи, а? Все так, как нам рассказывали наши хозяева, люди. У местных жителей ярко выражена мания величия, и тех, кто не признает их могущества, они не в силах выносить.

— Эта ненависть,— подхватил Третий,— как раз и является естественным порождением мании. Беда в том, что их ненависть не беззуба. У них полным-полно оружия, и наука, судя по всему, далеко шагнула.

— Вот теперь я уже совсем не удивляюсь тому,— вмешался Первый,— что нас упорно инструктировали ни в коем случае не подчиняться распоряжениям юпитериан. Какие ужасные, напыщенные, невозможные создания! — Он закончил свое высказывание с типичной для робота преданностью и верой: — Уверен, ни один человек никогда не повел бы себя подобным образом!

— Не имеет смысла говорить об этом,— сказал Третий,— хотя это и сущая правда, факт остается фактом: на-

ши хозяева, люди, в ужасной опасности. Юпитер — гигантская планета, юпитериан очень много, и они наверняка имеют больше ресурсов, чем вся Земная Империя. Если им когда-нибудь удастся создать силовое поле, которое можно использовать для космических полетов, как это уже умеют делать люди, наши хозяева,— они захватят всю Солнечную систему. Нам надлежит выяснить, как далеко они продвинулись в этом направлении, каким оружием располагают, какие ведут приготовления и тому подобное. Наш долг доставить эти сведения людям, поэтому давайте подумаем, что нам делать дальше.

— Нам вряд ли легко удастся все узнать,— возразил Второй.— От юпитериан помощи ждать не приходится.

В принципе, он мог бы этого и не говорить.

Третий немного подумал и сказал:

— Думаю, нам остается одно: ждать. Ведь они целых тридцать часов пытались нас уничтожить, но у них ничего не вышло, хотя они, несомненно, старались как могли. Мания величия диктует необходимость сохранять собственное достоинство, и предъявленный нам ультиматум — лучшее тому подтверждение. Нет, они ни за что не позволили бы нам улететь, если бы могли уничтожить нас. Если же мы не улетим, им придется сделать вид, что это они сами нас здесь задержали,— не признаваться же им в том, что выдворить нас они не могут.

И вновь наступило ожидание. Шли дни за днями. Обстрел не возобновлялся. Роботы не улетали. И наконец прозвучал сигнал вызова, и роботы вновь встретились с юпитерианином, знавшим радиокод.

Если бы модели Зет обладали чувством юмора, они бы от души посмеялись. А так — они просто ощутили глубокое удовлетворение.

Юпитерианин сообщил:

— Мы приняли решение позволить вам немного задержаться, чтобы вы могли воочию убедиться в нашем могуществе. Затем вы вернетесь на Ганимед и сообщите остальным тварям, что их ждет ужасная и неминуемая гибель и что наступит она не позже чем через один оборот Юпитера вокруг Солнца.

Зет-1 отметил в памяти, что это произойдет через двенадцать земных лет — именно такова продолжительность обращения Юпитера вокруг Солнца.

Третий вежливо ответил:

— Благодарю вас. Можем ли мы проследовать с вами в ближайший населенный пункт? Нам бы хотелось очень многое узнать.

Немного подумав, он добавил:

— К нашему кораблю, конечно, желательно не приближаться.

Последняя фраза прозвучала исключительно как просьба — никакой угрозы в ней и в помине не было. Ни один из роботов серии Зет не был ни в малейшей степени воинственным. Всякая возможность агрессивности была самым тщательным образом заблокирована. При той мощи, которой обладали эти роботы, добродушие было залогом успеха их испытаний на Земле.

Юпитерианин ответил:

— Нас не интересует ваш мерзкий корабль. Ни один юпитерианин не станет пачкаться о него. Да, вы можете отправиться вместе с нами, но ни один из вас не должен приближаться ни к одному юпитерианину ближе чем на десять футов. В противном случае вы будете уничтожены на месте без предупреждения.

— Упрямые какие! — шепотом проговорил Второй, когда процессия двинулась вперед, навстречу ветру.

Город представлял собой порт на побережье огромного аммиачного озера. Ураганный ветер вздымал громадные валы, которые со страшной скоростью, усиленной притяжением, неслись к берегу и обрушивались на него. Сам по себе порт был вовсе невелик и невпечатляющ; по всей вероятности, большая часть города размещалась под поверхностью.

— Каково население этого пункта? — спросил Третий.

Юпитерианин ответил:

— Это совсем маленький городок. Население его — всего десять миллионов.

— Ясно. Запиши, Первый.

Первый послушно записал и с восхищением уставился на озеро. Он осторожно тронул Третьего за локоть и спросил:

— Послушай, а как ты думаешь, рыбка тут водится?

— Какая разница?

— Мне кажется, это нужно выяснить. Ведь люди приказали нам собрать как можно больше информации.— Из трех роботов Первый был самым наивным и поэтому понимал приказы буквально.

Второй добродушно предложил:

— Да ладно, пускай Первый сходит и посмотрит, если уж ему так хочется. Ничего страшного, пусть малыш позабавится.

— Ладно, пускай. Только недолго, Первый. Мы сюда не на рыбалку прилетели, если на то пошло. Ну ладно, давай, Первый.

Зет-1 быстро преодолел полосу пляжа и с шумным плеском погрузился в аммиачные волны.

Юпитериане не поняли ни слова из того, что говорили друг другу роботы, но с пристальным вниманием уставились на озеро.

Специалист по радиокоду отщелкал:

— Очевидно, ваш товарищ решил расстаться с жизнью, потрясенный нашим могуществом.

— Ничего подобного,— спокойно отозвался Третий.— Просто он решил исследовать живые организмы, если таковые водятся в аммиаке.— И доверительно добавил: — Видите ли, наш друг временами очень любопытен. Он не так умен, как мы двое, но это не его вина. Мы понимаем это и стараемся быть снисходительными.

Наступила неловкая пауза. Наконец юпитерианин вынес приговор:

— Он утонет.

Третий небрежно ответил:

— Этого опасаться не стоит. Мы не тонем. Сможем ли мы войти в город, когда он возвратится?

Как раз в это мгновение в нескольких сотнях футов от берега раздался сильный всплеск. За ним последовало еще несколько, и к берегу протянулась полоса пены.

Вскоре над поверхностью показалась голова Первого. Он медленно вышел на берег. Но он был не один! Кто-то следовал за ним! Какое-то существо гигантского размера, казалось, целиком состоявшее из клыков, клешней и шипов. Вскоре стало ясно, что оно следует за Первым вовсе не по своей воле: Первый волочил его за собой! Существо не сопротивлялось и не подавало никаких признаков жизни.

Зет-1 смущенно приблизился и заговорил на радиокоде.

— Мне очень жаль,— сказал он, обращаясь к юпитерианину,— что так случилось, но это существо напало на меня. Я только наблюдал за ним и вел записи. Искренне надеюсь, что оно не слишком ценное...

Ответ последовал далеко не сразу, поскольку при появлении чудовища ряды юпитериан заметно дрогнули. Но как только стало ясно, что чудище мертво, порядок быстро восстановился. Некоторые, самые отважные, с любопытством принялись тыкать страшилище щупальцами.

Третий принялся извиняться:

— Надеюсь, вы простите нашего друга. Он порой неуклюж. У нас вовсе не было намерений нанести хоть какой-нибудь вред обитателям Юпитера, поверьте!

— Оно напало на меня,— оправдывался Первый.— Оно меня укусило без всякого повода с моей стороны. Смотрите!

И он продемонстрировал всем зловещий двухфутовый клык, острый конец которого был сломан.

— Оно обломило клык о мое плечо и чуть меня не поцарапало. Я его только немного отодвинул, чтобы оно ушло,— а оно умерло. Простите меня...

Юпитерианин наконец обрел дар речи, но говорил заикаясь:

— Это... дикое животное... оно... редко встречается так близко от берега, но это озеро и у берега глубокое.

Третий, все еще чувствовавший себя неловко, предложил:

— Если вы можете употребить это существо в пищу, мы будем только рады...

— Нет! — резко отозвался юпитерианин.— Мы сумеем найти себе пропитание без помощи всяких тва... без посторонней помощи. Сами ешьте.

Зет-1 слегка размахнулся и забросил существо обратно в озеро. Третий вежливо поблагодарил:

— Спасибо за любезное предложение, но мы не нуждаемся в пище. Мы вообще не едим.

В сопровождении примерно двухсот вооруженных юпитериан роботы преодолели целую серию спусков и оказались в подземной части города. Внизу он выглядел совсем иначе, чем на поверхности: это был настоящий мегаполис.

Их подвели к автомобилям с дистанционным управлением — естественно, ни один благородный, уважающий себя юпитерианин ни за что на свете не согласился бы настолько уронить собственное достоинство, чтобы разместиться в одном автомобиле с такими тварями. Автомобили со страшной скоростью устремились к центру города. Роботы, однако, успели подсчитать, что город протянулся миль на пятьдесят из конца в конец и уходит под поверхность Юпитера как минимум миль на восемь.

— Если рассматривать этот город за пример юпитерианского,— печально заключил Зет-2,— то вряд ли наши известия сильно порадуют наших хозяев, людей. Ведь мы произвольно избрали место посадки на Юпитере, и шанс оказаться вблизи действительно крупного населенного пункта был один из тысячи. Как сказал юпитерианин, это еще совсем небольшой город.

— Десять миллионов юпитериан...— задумчиво проговорил Третий.— Значит, все население составляет несколько триллионов, а это много, очень много, даже для Юпитера. Вероятно, цивилизация их целиком урбанизирована, а это, в свою очередь, означает, что научное развитие продвинулось очень далеко. Если они владеют силовым полем...

У Третьего не было шеи, поскольку в интересах мощи головы моделей Зет были прочно закреплены на туловище, а тончайший позитронный мозг был защищен тремя слоями иридиевого сплава толщиной в дюйм каждый. Но будь у него шея, он бы расстроенно покачал головой.

Наконец автомобили затормозили на большой площади. Во все стороны разбегались широкие проспекты. Отовсюду на роботов глазели любопытные юпитериане — точно так же вели бы себя в подобной ситуации и земляне.

Специалист по радиокоду приблизился и сообщил:

— Мне пора покинуть вас до наступления следующего периода активности. Мы решили оказать вам большую любезность и приготовили для вас помещение. При этом мы пошли на большие неудобства — ведь нам придется потом все сломать и перестроить заново. Однако вам будет позволено немного поспать.

Зет-Третий протестующе помахал рукой и ответил:

— Благодарим вас за хлопоты, однако мы прекрасно можем остаться и здесь. Если вы нуждаетесь в сне и отдыхе, отдохните, конечно. Что касается нас, то мы никогда не спим.

Юпитерианин не сказал ни слова, однако, будь у него лицо, выражение его в это мгновение, наверное, было бы интересно наблюдать. Он ушел, а роботы остались в автомобиле, под охраной вооруженных юпитериан, которые часто сменяли друг друга.

Минули часы, и наконец ряды охранников раздвинулись, чтобы пропустить специалиста по радиокоду. Вместе с ним прибыли еще два юпитерианина, которых он представил:

— Официальные представители нашего правительства милостиво согласились побеседовать с вами.

Один из официальных представителей, как выяснилось, знал код, поскольку тут же вступил в беседу, едва дав договорить своему соотечественнику:

— Твари! Выйдите из машины, чтобы мы могли получше разглядеть вас.

Роботы откликнулись на этот приказ со всей готовностью, и в то время как Третий и Второй вышли с правой стороны, Первый рванулся сквозь левую дверцу. Слово «сквозь» употреблено здесь в буквальном смысле, поскольку он не заметил механизма, предназначенного для открывания дверцы, и из машины появился, держа в ру-

ках саму дверцу, два колеса и ось. Машина осела набок, а Зет-1, потрясенный случившимся, уставился на результат своей поспешности.

Наконец он робко прошелкал:

— Простите, пожалуйста. Надеюсь, это не слишком дорогая машина?

Зет-2 добавил смущенно:

— Наш товарищ порой неловок. Простите его.

А Зет-3 в это время отчаянно пытался приладить на место части автомобиля.

Зет-1 предпринял еще одну попытку оправдаться:

— И потом, материал, из которого сделана эта машина, очень непрочный. Видите?

Тут он взялся за лист металлопластика площадью в квадратный фут и толщиной в три дюйма и слегка сжал его обеими руками. Лист немедленно раскололся на две половинки.

— Я, конечно, должен был это учесть, простите.

Представитель юпитерианского правительства сказал несколько более миролюбивым тоном:

— Все равно эта машина должна была подвергнуться уничтожению после того, как вы осквернили ее своим присутствием.

После паузы он продолжил:

— Существа! Мы, юпитериане, не страдаем неприличным любопытством, но нашим ученым нужны факты.

— Вполне с вами согласен,— дружелюбно отозвался Третий.— И нам тоже.

На последнее замечание юпитерианин не ответил.

— По всей вероятности, у вас отсутствуют масс-чувствительные органы. Каким образом вы распознаете отдаленные объекты?

Третий очень заинтересовался.

— Вы хотите сказать, что ваш народ обладает способностью воспринимать массу объектов?

— Я здесь не для того, чтобы отвечать на ваши вопросы... ваши наглые вопросы... о нас.

— Следовательно, объекты с небольшой массой вы можете видеть насквозь, они для вас прозрачны даже в

темноте? — Он обернулся к Второму: — Вот как они видят. Их атмосфера для них прозрачна, как открытое пространство.

Юпитерианин сердито защелкал:

— Отвечайте немедленно на мой вопрос, не то мое терпение иссякнет и я отдам приказ о вашем уничтожении.

Третий с готовностью ответил:

— Мы чувствительны к энергии, юпитерианин. Мы способны настраиваться на всю шкалу электромагнитного спектра по собственному желанию. В данный момент наше зрение вдаль обеспечивается нашим собственным радиоизлучением, а на близком расстоянии мы видим с помощью...— Он запнулся и обратился ко Второму: — В радиокоде ведь нет слова, обозначающего гамма-лучи?

— Я, по крайней мере, этого слова не знаю,— ответил Второй.

Третий, обращаясь к юпитерианину, закончил:

— А на близком расстоянии мы видим с помощью другого излучения, для которого в радиокоде нет обозначения.

— Из чего состоит ваше тело? — спросил юпитерианин.

Второй прошептал:

— Вероятно, он спрашивает об этом, поскольку его масс-чувствительность не позволяет ему проникнуть взглядом за нашу оболочку. Для него она, вероятно, слишком плотна. Следует ли нам отвечать ему?

Третий неуверенно проговорил:

— В основном мы состоим из иридия. Еще в нас есть немного меди, олова, бериллия и незначительное количество других веществ.

Юпитериане отступили, и, судя по тому, как начали двигаться разнообразные части их неописуемых тел, они оживленно обсуждали услышанное, хотя ни единого звука слышно не было.

Затем официальный представитель вернулся.

— Существа с Ганимеда! Мы приняли решение показать вам некоторые из наших заводов, чтобы вы смогли

увидеть хотя бы малую часть наших великих достижений. Затем мы позволим вам вернуться, дабы вы смогли посеять отчаяние и страх среди остальных тва... всех остальных обитателей внешнего мира.

Третий сказал Второму:

— Обрати внимание на особенности их психологии. Они все время подчеркивают свое превосходство, чтобы не утратить достоинства.

На радиокоде он сказал:

— Благодарим вас за предоставленную нам возможность.

Однако процесс спасения собственного достоинства был успешен, как вскоре убедились роботы. Показ достижений был впечатляющим. Юпитериане показали им все, все объяснили, с готовностью отвечали на все вопросы, и Зет-1 сделал немало огорчительных для себя заметок.

Военный потенциал этого единственного так называемого «небольшого городка» в несколько раз превышал боевую мощь Ганимеда. Еще десять таких «городков» — и конец Земной Империи. А ведь десять городов — это только капля в море по сравнению со всей мощью Юпитера!

Первый тронул Третьего за руку, и тот обернулся:

— В чем дело?

Зет-1 со всей серьезностью сказал:

— Если у них есть силовое поле, нашим хозяевам-людям конец, так?

— Боюсь, что так. Почему ты спрашиваешь?

— Потому что юпитериане не показали нам правого крыла завода. Очень может быть, что именно там они занимаются силовыми полями. Если это так, они, наверное, держат производство в секрете. Нам следовало бы узнать. Силовое поле — самое главное, ты же знаешь.

Третий задумчиво поглядел на Первого.

— Пожалуй, ты прав. Стоит всем поинтересоваться. Нельзя ничего упускать.

Они находились на крупном сталелитейном заводе и наблюдали, как за секунду из-под гигантского пресса выходит по двадцать стопудовых устойчивых к воздействию

аммиака кремниево-стальных балок. Третий поинтересовался:

— А что находится в том крыле?

Представитель правительства проконсультировался с заводским начальством и ответил:

— Там находится горячий цех. Для идущих там процессов нужны такие высокие температуры, которых не в состоянии выдержать живые организмы. Все операции там осуществляются дистанционно.

Он подошел к стене, от которой несло жаром, и указал на вмонтированное в нее окошечко из прозрачного материала. Таких окошечек в стене было много — целый ряд. Сквозь них сочился тусклый красноватый свет, приглушенный мрачной атмосферой.

Зет-1 подозрительно посмотрел на юпитериан и прощелкал:

— А можно мне войти туда и посмотреть? Мне интересно.

Третий сказал:

— Это ребячество, Первый. Они говорят правду. Хотя ладно, пойди погляди. Только недолго, нам надо идти дальше.

Юпитерианин предупредил:

— Вы не понимаете, что такое высокая температура. Вы погибнете.

— О нет,— небрежно отозвался Первый.— Для нас никакой жар не страшен.

Юпитериане посовещались, и вскоре началась страшная суматоха. По всей вероятности, весь персонал завода участвовал в проведении столь необычной операции. Были установлены теплоизоляционные экраны. Дверь, которая раньше никогда не открывалась во время работы печей, была приоткрыта; Зет-1 вошел, и дверь за ним закрылась. Юпитериане припали к окошечкам.

Зет-1 подошел к ближайшей печи и постучал по ней. Поскольку невысокий рост не позволял ему заглянуть внутрь, он наклонил к себе печь так, что расплавленный металл почти выплеснулся из нее. Он с любопытством посмотрел на него, а потом опустил руку внутрь и помешал

металл, чтобы определить его консистенцию. Проделав это, он вытащил руку, стряхнул с нее капли расплавленного металла и вытер остатки об одну из своих могучих ног. Медленно пройдясь вдоль линии печей, он повернул назад и подал знак, что хочет выйти.

Когда он появился в дверном проеме, юпитериане, отойдя подальше, окатили его струей аммиака. Жидкость кипела, пузырилась и испарялась до тех пор, пока температура Первого не пришла в норму.

Спокойно стоя под струями аммиачного душа, Первый сказал товарищам:

— Они правду говорили, силовых полей там нет.

Третий начал было:

— Ну вот видишь...

Но Первый нетерпеливо прервал его:

— Нет смысла тянуть. Люди, наши хозяева, велели нам все разузнать, значит, надо разузнать.

Он обернулся к юпитерианину и без малейшего колебания спросил:

— Послушайте, юпитерианская наука разработала силовые поля?

Такая прямолинейность была, разумеется, следствием интеллектуальной ограниченности Первого. Второй и Третий знали это и от комментариев воздержались — извиняться не стали.

Юпитерианин наконец вышел из оцепенения, в котором до сих пор пребывал, потрясенно разглядывая руку Первого — ту самую, что побывала в кипящем металле.

— Ты сказал: «силовые поля»? Значит, именно это вас больше всего интересует?

— Да,— твердо ответил Первый.

Это признание так повысило уверенность в себе юпитериан, что сигналы радиокода немедленно зазвучали резко и грубо:

— Тогда пойдемте, твари!

Третий сказал Второму:

— Смотри-ка, мы уже опять «твари». Следует заключить, что ничего хорошего нас не ожидает.

Второй молча согласился.

Теперь их доставили на окраину города. Они попали в комплекс зданий, который можно было приблизительно сравнить с земным университетом.

Никто им ничего не объяснял, да они и сами не спрашивали. Юпитерианский чиновник быстро шел вперед, а роботы следовали за ним, будучи совершенно убеждены в том, что впереди их ожидает самое худшее.

Когда вся процессия уже ушла вперед, Зет-Первый неожиданно остановился у проема в стене, за которым располагалось обширное помещение, и поинтересовался:

— А там что такое?

В помещении стояли узкие низкие столы, за которыми юпитериане работали со странными на вид устройствами, оснащенными сильными электромагнитами длиной в дюйм.

— Что там такое? — повторил свой вопрос Первый.

Юпитерианин недовольно обернулся.

— Это студенческая биологическая лаборатория. Там нет ничего такого, что вам интересно.

— А чем они занимаются?

— Они изучают микроскопические формы жизни. Вы что, до сих пор микроскопа никогда не видели?

Третий вмешался:

— Почему же? Он видел, но не такие. Наши микроскопы работают по другому принципу, в его основе лежит рефракция лучистой энергии. А ваши, очевидно, устроены по принципу масс-экспансий. Очень изобретательно.

Зет-1 спросил:

— Можно мне посмотреть на один из ваших препаратов?

— Какой в этом смысл? Вы не сможете воспользоваться нашим микроскопом из-за своих сенсорных ограничений, а нам придется выбросить препараты, осквернённые вашим прикосновением.

— Но мне вовсе не нужен микроскоп,— возразил Первый.— Я могу легко переключиться на микроскопическое зрение.

И он поспешил к ближайшему столу, в то время как студенты-юпитериане брезгливо сгрудились в углу лабо-

ратории. Первый, отодвинув микроскоп, внимательно рассмотрел предметное стекло, затем с удивленным видом взял второе, третье, четвертое...

Подойдя к чиновнику-юпитерианину, Первый спросил:

— Они ведь должны были быть живые, не так ли? Эти крошечные червячки?

— Конечно,— ответил юпитерианин.

— Странно... стоило мне посмотреть на них, и они погибали.

Третий воскликнул:

— Мы забыли о гамма-излучении! Пойдем скорее отсюда, Первый, а то мы погубим всю микроскопическую жизнь в этой лаборатории.

Обернувшись к юпитерианину, он сказал:

— Боюсь, что наше присутствие здесь смертельно для более нежных форм жизни. Лучше нам уйти отсюда поскорее. Мы надеемся, вы подыщете замену погибшим образцам. И раз уж мы заговорили об этом, я бы посоветовал вам держаться от нас подальше, поскольку наше излучение может плохо сказаться на вашем здоровье. Как вы себя сейчас чувствуете? Надеюсь, все в порядке?

Юпитерианин в гордом молчании возглавил процессию, однако сразу же удвоил дистанцию.

До тех пор, пока роботов наконец не привели в огромный зал, не было сказано ни слова. В самом центре зала висели громадные металлические капсулы. Они висели сами по себе — точнее, без видимой поддержки,— преодолевая чудовищную силу притяжения Юпитера.

Юпитерианин гордо прощелкал:

— Вот вам силовое поле в самом совершенном виде, наше новейшее достижение. Внутри этой капсулы находится вакуум, и оболочка выдерживает давление нашей атмосферы и вдобавок эквивалент веса двух больших кораблей. Ну, что вы на это скажете?

— Теперь вам доступны космические полеты,— ответил Третий.

— Вот именно. Ни металл, ни пластик не могут удержаться в вакууме нашей атмосферы, а силовое поле — мо-

жет. И силовое поле станет нашим космическим кораблем. За год мы сможем произвести десятки тысяч таких кораблей. И тогда мы обрушимся на Ганимед, чтобы стереть с его лица претендующих на разумность тварей, которые осмеливаются оспаривать наши права на владычество во Вселенной!

— Но ведь человеческие существа с Ганимеда никогда не пытались...— начал было объяснять Третий.

— Молчать! — выкрикнул юпитерианин.— А теперь ступайте прочь и поведайте им обо всем, что вы здесь видели. Их собственные силовые поля — такие, как то, которым оборудован ваш корабль, гораздо слабее наших, и самый маленький юпитерианский корабль в сотни раз превзойдет ваш по размеру и мощи.

Третий сказал:

— Делать нечего, мы вернемся и передадим все, что вы сказали. Если вы будете так добры проводить нас к нашему кораблю, мы попрощаемся с вами. Только... я думаю, вам это будет интересно: вы кое-что не поняли. Конечно, у людей на Ганимеде есть силовые поля, но только наш корабль никаким силовым полем не снабжен. Нам оно не нужно.

Робот развернулся и дал знак своим товарищам следовать за ним. Некоторое время они молчали, потом Первый с отчаянием предложил:

— Не попытаться ли нам уничтожить их оборудование?

— Без толку,— ответил Третий.— Они победят нас числом. Не стоит. Все равно через десять земных лет с людьми, нашими хозяевами, будет покончено. Нет никакой возможности противостоять Юпитеру. Пока юпитериане были привязаны к поверхности своей планеты, люди были в безопасности. Но теперь, когда у них есть силовое поле... Словом, нам осталось только сообщить людям об этом. Может быть, если они успеют подготовить убежища, кому-то из них удастся выжить какое-то время.

Город остался позади. Они стояли на открытой юпитерианским ветрам равнине у озера. Корабль виднелся на горизонте темной точкой. Неожиданно юпитерианин заговорил:

— Существа, вы сказали, что на вашем корабле нет силового поля?

Третий равнодушно отозвался:

— Нам оно ни к чему.

— Но как же тогда ваш корабль не взорвался в космическом вакууме, если внутри него — атмосферное давление?

И он помахал щупальцем, призывая в свидетели юпитерианскую атмосферу, давящую на них с силой в двадцать миллионов фунтов на квадратный дюйм.

— Ну,— объяснил Третий,— это очень просто. Наш корабль негерметичен. Давление внутри и снаружи одинаковое.

— Даже в космосе? Внутри корабля — вакуум? Вы лжете!

— Пожалуйста, можете обследовать наш корабль. Он не имеет силового поля, и он негерметичен. А что тут такого удивительного? Мы не дышим. Энергию мы получаем напрямую от атомного источника. Наличие или отсутствие воздуха для нас особого значения не имеет, и в вакууме мы себя превосходно чувствуем.

— Но... абсолютный ноль!

— И это для нас неважно. Мы сами регулируем собственную температуру. Температура окружающей среды нас не волнует.

После паузы Третий сказал:

— Ну а теперь прощайте. До корабля мы сами доберемся. Мы передадим людям на Ганимеде ваши условия: война до победного конца!

Но юпитерианин сказал:

— Подождите! Я сейчас вернусь.

Он развернулся и поспешил обратно в город.

Прошло три часа, прежде чем он вернулся. Видно было, что он спешил и очень устал. Остановившись на обычном расстоянии от роботов, он затем шаг за шагом робко приблизился к ним почти вплотную. Зазвучали сигналы радиокода — робкие, полобострастные:

— Уважаемые господа! Я связался с главой нашего правительства, который теперь ознакомлен со всеми фак-

тами, и я уполномочен заверить вас в том, что единственное желание Юпитера — мир.

— Простите, не понял? — изумленно осведомился Третий.

Юпитерианин затараторил:

— Мы готовы вступить в переговоры с Ганимедом и не предпримем никаких попыток выйти в космос. Наши силовые поля будут применяться исключительно на поверхности Юпитера.

— Но...— заикнулся Третий.

— Наше правительство будет радо принять любых других представителей братского народа Ганимеда, если таковые пожелают посетить нас. Если досточтимые господа не откажутся принять пожелания мира и дружбы...

Дрожащее щупальце протянулось к ним, и Третий в полном изумлении осторожно пожал его. Второй и Первый точно так же бережно и почтительно обошлись с двумя протянутыми им щупальцами.

Юпитерианин торжественно провозгласил:

— Да здравствует вечный и несокрушимый мир между Юпитером и Ганимедом!

Корабль, протекавший, как дырявое решето, вновь был в космосе. Давление и температура вновь установились на нуле, а роботы провожали взглядами громадный, постепенно уменьшающийся и удаляющийся шар Юпитера.

— Они были совершенно искренни,— сказал Зет-2,— и это очень приятно, но в чем причина внезапного превращения, я понять не могу.

— Лично мне кажется,— высказал свое предположение Зет-1,— что юпитериане в конце концов осознали всю порочность мысли об уничтожении людей. Это так естественно.

Зет-3 вздохнул и сказал:

— Тут все дело в психологии. У этих юпитериан такая мания величия, что, раз уж они не смогли уничтожить нас, им оставалось одно — не ударить в грязь лицом. Все эти демонстрации достижений, все их объяснения — все

было бравадой, попыткой заставить нас почувствовать свое ничтожество перед их мощью и величием.

— Это все понятно,— не унимался Второй,— но...

Третий продолжил свою мысль:

— Но все получилось наоборот. Не мы были унижены, а они убедились в том, что мы не тонем, не едим и не спим, что нам не вредит расплавленный металл. Самое наше присутствие оказалось губительным для юпитерианской жизни. Последним их козырем оставалось силовое поле. Когда же они поняли, что и оно нам не нужно, что мы можем жить в вакууме при абсолютном нуле, они сдались.— Он умолк и потом задумчиво добавил: — А если уж такая мания величия дает трещину, дальше она уже трещит по всем швам.

Двое его товарищей задумались над сказанным, а потом Второй проговорил:

— Но все равно в этом нет смысла. Какое им дело до того, что мы умеем и чего мы не умеем делать? Ведь мы же всего-навсего роботы. Не с нами же им воевать!

— А вот в этом-то как раз все и дело, Второй,— тихо проговорил Третий.— Я, честно говоря, додумался до этого только тогда, когда мы уже покинули Юпитер. Понимаешь, ведь мы по недосмотру не удосужились сообщить им, что мы — всего-навсего роботы.

— Они у нас не спрашивали,— возразил Первый.

— Вот именно. Таким образом, они решили, что мы — человеческие существа и что все человеческие существа похожи на нас!

Он последний раз задумчиво взглянул на Юпитер.

— Так что ничего удивительного, что они передумали.

Странник в раю

1

Они были братьями. Не потому, что оба принадлежали к роду человеческому, и не потому, что воспитывались в одном интернате. Они были братьями в древнем, биологическом смысле этого слова. К ним, безусловно, относился старинный термин «родственники» — слово, появившееся много веков назад, задолго до Катастрофы, когда архаичное племенное образование — семья — еще имело некоторую ценность.

Как же это было неприятно! Правда, Энтони почти совсем забыл огорчения детских лет, а в иные периоды своей жизни даже вовсе не вспоминал об этом досадном обстоятельстве. Но случилось так, что Энтони оказался неразрывно связан с Уильямом, и жизнь превратилась в цепь непрерывных мучений.

Все было бы не так ужасно, сложись обстоятельства иначе. Пусть бы они по обычаю, существовавшему до Катастрофы (а Энтони когда-то интересовался историей), носили одну фамилию, и только.

Теперь всякий мог взять любую фамилию и менять ее, сколько заблагорассудится. Значение имела лишь цепочка символов, присваивавшихся при рождении и оставшихся неизменными навсегда.

Уильям назвал себя Анти-Ауг. Свою фамилию он считал знаком профессионализма. Разумеется, выбор фамилии был его личным делом, но он, безусловно, свидетельство-

вал о дурном вкусе. Энтони в тринадцать лет отдал предпочтение фамилии Смит и с тех пор не имел ни малейшего желания поменять ее. Будучи простой, его фамилия тем не менее давала возможность отличаться от окружающих, коль скоро Энтони ни разу не довелось встретить однофамильца. Фамилия Смит была очень распространена у тех, кто жил до Катастрофы, почему, возможно, сегодня она стала столь редкой.

Но когда эти двое, Энтони и Уильям, оказывались рядом, различие в фамилиях не имело значения — слишком уж бросалось в глаза их внешнее сходство.

Они не были близнецами и не могли ими быть. В противном случае одному из них просто не позволили бы появиться на свет. Однако физическое сходство проявляется иногда и в неблизнецовой ситуации, особенно если дети имеют общих родителей — обоих родителей. Энтони Смит был моложе брата на пять лет, но братья были одинаково носаты, с тяжелыми веками и ямочками на подбородке — такой им выпал генетический жребий. Их родители напрашивались на неприятности, когда из странной склонности к повторению решили завести второго ребенка.

Теперь, когда силою обстоятельств они снова оказались рядом, первой реакцией окружающих на их сходство были изумленные взгляды и подчеркнутое молчание. На что Энтони пытался не обращать внимания, а Уильям из чистой бравады, если не в силу извращенности, во всеуслышание заявлял, что они братья. Присутствующие при этом намеревались было уточнить, имеет ли место полное кровное сходство, но хорошее воспитание, как правило, брало верх, и они отворачивались с самым равнодушным видом. Со временем, правда, такие инциденты происходили все реже. Большинство сотрудников проекта «Меркурий» знали об их родстве — да и как этого можно было не знать? — и старались избежать неловкой ситуации.

Что же касается Энтони... Не то чтобы Уильям ему не нравился, вовсе нет. Не будь он братом Энтони или будь они не похожи внешне, они бы отлично поладили.

Однако все сложилось так, как сложилось...

Было не легче от того, что в детстве они играли вместе и учиться начали в одном интернате. Кстати говоря, от их матери это потребовало непростых маневров. Родив двух детей от одного отца и исчерпав таким образом лимит, поскольку для рождения третьего ребенка от одних и тех же родителей требовались очень веские причины, она почему-то захотела навещать своих сыновей одновременно. Мать была странной женщиной.

Старший, Уильям, естественно, покинул интернат первым. Он выбрал занятие наукой — генной инженерией. Энтони узнал об этом из письма матери еще в пору его учения в интернате. К тому времени он уже достаточно хорошо понимал, что к чему, и настоял в разговоре с директрисой, чтобы это письмо было последним. Однако запомнил навсегда то мучительное чувство стыда, которое пережил из-за письма матери.

Энтони тоже стал ученым, как и рекомендовал психолог, обнаруживший в нем способности к исследовательской деятельности. Но, оказавшись в науке, сохранил опасение — пророческое, как теперь стало ясно,— встретиться с братом. Именно поэтому он выбрал специальность телеметриста. Более далекую от генной технологии область трудно было себе представить. Во всяком случае, так ему казалось...

Потом, из-за сложностей с осуществлением проекта «Меркурий», все пошло шиворот-навыворот. Проект зашел в тупик, но объявилось спасительное предложение, и Энтони, сам того не ведая, угодил в ловушку, подстроенную его родителями много лет назад. Причем, по иронии судьбы, предложение исходило именно от него, самого Энтони.

2

Уильям Анти-Аут имел о проекте «Меркурий» самое поверхностное представление. Примерно такое же, как о межзвездных экспедициях, отправившихся в путь задолго до его рождения, или о колонии на Марсе, или о попытках создать подобные колонии на астероидах. Все эти сведения оставались на периферии его сознания. Сколь-

ко он себя помнил, попытки освоения космического пространства вообще не слишком занимали его. Но однажды в компьютерной распечатке ему попалась на глаза фотография нескольких сотрудников проекта «Меркурий», фотография привлекла его раньше всего тем, что одного из сотрудников звали Энтони Смит. Уильям немедленно вспомнил странную фамилию, выбранную его братом. Брата звали Энтони. Двух Энтони существовать не могло.

Он внимательно вгляделся в лицо на фотографии. Ошибиться было невозможно. Он посмотрел в зеркало. Да, ошибиться невозможно.

С одной стороны, это было забавно, но, с другой стороны, он понимал это, можно угодить в неловкую ситуацию. Да, как ни отвратительно, они — родные братья, и с этим ничего не поделаешь. Их отец и мать, начисто лишенные воображения, сделали то, чего уже не исправишь.

Собираясь на работу, Уильям, по рассеянности очевидно, сунул распечатку в карман и за обедом наткнулся на нее. Он опять пристально вгляделся в лицо увлеченного человека. Уильям про себя отметил прекрасное качество фотографии.

За столом с ним сидел Марко Как-там-была-его-фамилия-на-той-неделе. Марко полюбопытствовал:

— Что ты разглядываешь, Уильям?

Повинуясь внезапному импульсу, Уильям протянул ему фотографию:

— Это мой брат.— Произнося эту фразу, он чувствовал себя так, словно бы добровольно полез в заросли крапивы.

Марко, хмурясь, посмотрел на фотографию и спросил:

— Кто? Тот, что стоит рядом с тобой?

— Нет, тот, который я. Я хочу сказать, который выглядит, как я. Это мой брат.

На этот раз пауза затянулась надолго. Наконец, возвращая фотографию, Марко спросил безразличным тоном:

— Общие родители?

— Да.

— И отец и мать?

— Да.

— Забавно!

— Вот и мне так кажется,— вздохнул Уильям.— Здесь написано, что он работает телеметристом в Техасе. А я здесь исследую аутизм.

Однако в тот же день Уильям выбросил из головы мысль о брате и распечатку тоже выбросил. Ему не хотелось, чтобы распечатка попала в руки его нынешней подружки. Его утомляло ее грубоватое чувство юмора и радовало, что она не хочет иметь ребенка. У него-то ребенок уже был. Он родился несколько лет назад, и в его производстве Уильям сотрудничал с маленькой брюнеткой. Звали ее не то Лаура, не то Линда.

А еще спустя примерно год в жизни Уильяма появился Рэндалл, и на мысли о брате просто не оставалось времени.

Впервые о Рэндалле Уильям услышал, когда тому исполнилось шестнадцать лет. Его все усиливавшаяся замкнутость приняла такие формы, что руководство интерната в Кентукки, где Рэндалл воспитывался, приняло решение о его ликвидации, однако дней за восемь или десять до усыпления кому-то пришло в голову сообщить о нем в Нью-Йорк, в Институт науки о человеке (обычно его называли Институтом Гомологии).

Доклад о Рэндалле Уильям получил в числе прочих докладов, и поначалу он ничем не привлек его внимания. Ему предстояла поездка в интернат в Западной Вирджинии. Поездка разочаровала его, и в пятидесятый раз поклявшись себе впредь производить инспектирование только с помощью телевизионного изображения, он решил, раз уж его занесло в такую даль, завернуть еще и в интернат в Кентукки. Собственно, ничего особенного от этой поездки он не ожидал.

Однако после первых же десяти минут знакомства с генетической моделью Рэндалла Уильям связался с Институтом, чтобы сделать компьютерные расчеты. В ожидании ответа он откинулся на спинку стула в легкой испарине от мысли, что только в последнюю минуту, поддавшись неясному импульсу, завернул в Кентукки. Не случись этого, Рэндалла через неделю, а то и раньше, не стало бы.

Обычно ликвидация происходила так: лекарство безболезненно вводили в систему кровообращения, и человек погружался в мирный сон, который становился все глубже, постепенно превращаясь в самое смерть. У лекарства было сложное название из двадцати трех слогов. Уильям, как и все, называл его нирванамином.

Уильям спросил:

— Как его полное имя, мадам?

Директриса ответила:

— Рэндалл Нихто, господин ученый.

— Никто! — воскликнул Уильям.

— Н-и-х-т-о,— произнесла директриса по буквам.— Он выбрал фамилию год назад.

— И вы не придали этому значения? Это звучит как «никто»! Вам не пришло в голову доложить об этом молодом человеке в прошлом году?

— Я не думала...— начала директриса виновато.

Уильям махнул рукой. Откуда ей знать? По критериям, предлагаемым учебником, генетическая модель Рэндалла действительно не заслуживала внимания. Но именно эту сложную комбинацию Уильям с коллегами пытались получить, проводя бесконечные эксперименты с детьми, страдающими аутизмом.

Рэндалл был на пороге ликвидации! Марко, самый здравомыслящий человек в их группе, всегда возмущался тем, что интернаты слишком уж настаивают на абортах до рождения и ликвидации после рождения. Он доказывал, что любая генетическая модель должна иметь возможность развиваться и никого нельзя ликвидировать, не проконсультировавшись с гомологистом.

— Но ведь гомологистов не хватает,— спокойно возражал Уильям.

— Но мы могли бы просматривать все генетические модели хотя бы на компьютере,— отвечал Марко.

— Чтобы спасти нечто полезное для нас?

— Нечто, что могло бы быть полезным для гомологии сегодня или в будущем. Научиться правильно понимать себя — значит изучать генетические модели в действии, и заметь, что именно аномальные, порой чудовищные мо-

дели дают максимум информации. Всей нашей науке было известно о человеке меньше, чем нам удалось узнать за время экспериментов над больными аутизмом...

Уильям, которому название «генетическая физиология человека» до сих пор нравилось больше, чем «гомология», покачал головой.

— Вспомни, с какой осторожностью нам приходится вести игру. Общество должно согласиться с полезностью наших экспериментов, а оно идет на это с трудом. Ведь наш материал — человеческая жизнь.

— Бесполезная жизнь. Предназначенная к ликвидации.

— Быстрая и легкая ликвидация — это одно, а наши эксперименты, обычно длинные и неприятные,— другое.

— Бывает, что мы им помогаем.

— А бывает — не помогаем.

Честно говоря, они понимали бессмысленность этого спора. Получить в свое распоряжение интересную аномалию — всегда проблема для гомологистов, а способа заставить человечество согласиться на увеличение их числа не существовало. Люди не могли забыть о травме, нанесенной Катастрофой.

Лихорадочный всплеск интереса к космическим разработкам мог быть (и был, по мнению некоторых социологов) следствием того, что, столкнувшись с Катастрофой, люди поняли, как уязвима жизнь на планете.

Но это не меняло дела.

Рэндалл был уникален. В его генетической модели характеристики, приводящие к аутизму, нарастали медленно и постепенно, и для ученых это означало, что о Рэндалле известно больше, чем о любом подобном пациенте. Удалось даже зафиксировать слабые проблески, отличающие его способ мышления, прежде чем он окончательно закрылся и спрятался в собственном панцире — безразличный, недостижимый.

Затем начался период, в течение которого Рэндалла подвергали все более длительной искусственной стимуляции, и мало-помалу раскрывались секреты его мозга, давая ключи к пониманию работы мозга всех людей, как

тех, кто был подобен ему, так и тех, кого принято считать нормальными.

Полученные результаты были столь значительны, что Уильям стал понимать: его мечта об излечении аутизма это не просто мечта. Уильям радовался, что выбрал себе фамилию Анти-Аут.

И как раз тогда, когда работа с Рэндаллом особенно радовала Уильяма, пришел вызов из Далласа. Начальство требовало, чтобы он переключился на новую проблему.

Оглядываясь назад, он так и не смог понять, чем, в конечном счете, было продиктовано его согласие поехать в Даллас.

Позже он, конечно, оценил, насколько удачно все сложилось, но почему он принял такое решение? Было ли у него в самом начале смутное, неясное предчувствие того, к чему оно может привести? Нет, этого быть не могло.

Было ли в нем неосознанное воспоминание о той старой распечатке с фотографией его брата? Наверняка и этого не могло быть.

Он позволил убедить себя, и только когда звук микрореакторного двигателя сменился мягким жужжанием и антиграв принял на себя нагрузку по мягкой посадке, только тогда он вспомнил о фотографии.

Энтони работал в Далласе и, как теперь вспомнил Уильям, в проекте «Меркурий». Именно этот проект упоминался в распечатке. Уильям сделал глотательное движение, почувствовав мягкий толчок и поняв, что путешествие окончено. «Но ситуация может оказаться неловкой»,— подумал он.

3

На расположенной на крыше вертолетной площадке Энтони встречал прибывающего эксперта. Конечно, встречал его не он один, количество встречающих и их служебное положение ясно показывали всю серьезность ситуации. Энтони оказался здесь лишь из-за того, что именно он внес предложение, следствием которого стало прибытие гомологиста.

При мысли об этом его не покидала легкая неловкость. Он предложил путь, который мог оказаться выходом из тупика. Предложение горячо поддержали, однако не забывали подчеркивать, что предложение исходит именно от него. Такое поведение руководства могло означать только одно: если на этом пути их ожидает провал, под обстрелом окажется один Энтони.

Временами он погружался в невеселые размышления о том, возможно ли, чтобы его предложение было навеяно подсознательным воспоминанием о брате, занимающемся гомологией. Могло быть и так, но совсем не обязательно. Честно говоря, идея напрашивалась сама собой и наверняка бы пришла ему в голову, даже если бы его брат писал фантастические рассказы или этого брата вообще не существовало.

Проблема касалась планет, находящихся внутри земной орбиты.

Луна и Марс были колонизованы. Люди уже побывали на крупных астероидах и на спутниках Юпитера, планировался пилотируемый полет на Титан, крупный спутник Сатурна,— необходимое ускорение могло быть достигнуто за счет облета Юпитера и использования его гравитации. Ученые исследовали возможность путешествия за пределы Солнечной системы — эта экспедиция должна была продлиться семь лет. Однако для людей до сих пор оставались недостижимыми планеты, находящиеся между Землей и Солнцем. Солнце внушало страх.

Из двух миров, находящихся внутри земной орбиты, Венера была малопривлекательной. Что же касается Меркурия...

Энтони еще не участвовал в проекте, когда Дмитрий Большой (на самом деле очень невысокий) произнес речь, результатом которой стали ассигнования, выделенные Всемирным Конгрессом на осуществление проекта «Меркурий».

Энтони слышал запись знаменитой речи Дмитрия. В подобных случаях традиция предписывала импровизацию, и, возможно, Дмитрий импровизировал, тем не менее речь была отлично выстроена. К тому же в ней были

упомянуты практически все основные направления, по которым с тех пор развивался проект «Меркурий».

Центральная идея состояла в том, что нет необходимости ждать, пока развитие техники сделает возможным прорыв человека сквозь барьер солнечной радиации. Меркурий — уникальный мир, и его изучение может очень расширить знания человека. Кроме того, с поверхности Меркурия можно вести длительные наблюдения за Солнцем, которые другим способом производить невозможно.

При условии, что вместо человека наблюдения вел бы робот, помещенный на планету.

Создание робота, обладающего необходимыми техническими характеристиками, было возможно, а мягкая посадка — легка, как воздушный поцелуй. Однако что делать с роботом после того, как он окажется на Меркурии?

Робот мог бы производить наблюдения и действовать, сообразуясь с ними. Но для осуществления проекта нужно, чтобы робот совершал достаточно сложные и тонкие действия и чутко реагировал на окружающую обстановку. Но пока никто не мог сказать наверняка, сможет ли робот вообще вести наблюдения и если сможет, то какие.

Чтобы быть готовым к любым неожиданностям и обеспечивать всю необходимую точность исследований, робот должен управляться компьютером. Некоторые кибернетики Далласа называли компьютер мозгом; Энтони, однако, к этому словесному штампу относился с презрением. Позже у него возникла мысль, что, возможно, это было результатом того, что исследованием человеческого мозга занимался его брат. Так или иначе, предполагалось снабдить робота настолько сложным и быстродействующим компьютером, чтобы он смог разбираться в обстановке не хуже, чем существо, от природы наделенное способностью мыслить.

Впрочем, портативных компьютеров такого уровня сложности не существовало, а если отправить на Меркурий робота, снабженного большим и тяжелым компьютером, он утратит мобильность, необходимую для достижения целей самого проекта. Возможно, когда-нибудь позитронные устройства, над которыми бились специалисты

по роботехнике, добились бы оптимальных результатов, но пока этот день не настал.

Оставалась только одна возможность. Робот должен сообщать компьютеру на Землю все данные об окружающей среде, а компьютер на основании этих сведений — принимать решения и управлять роботом. Короче говоря, тело робота должно было находиться в одном месте, а его мозг — в другом.

Когда было принято решение использовать именно этот вариант, его техническое воплощение легло на телеметристов: как раз в это время Энтони и пришел в проект «Меркурий». Их группа разрабатывала методы приема и передачи сигналов, направленных в сторону Солнца, а иногда к объектам, находившимся за ним. Сигналы должны были преодолевать расстояние от пятидесяти до ста сорока миллионов миль, и влияние на них Солнца было непредсказуемым.

Энтони отдался новому делу со страстью и работал, как он впоследствии осознал, искусно и успешно. В большой степени его заслугой стали спроектированные группой три орбитальные станции, предназначенные для передачи сигналов и находящиеся на постоянной орбите вокруг Меркурия. Каждая из них могла посылать и принимать сигналы, осуществляя связь между Меркурием и Землей. Каждая могла почти бесконечно долго противостоять солнечной радиации и, более того, могла устранять помехи, вызванные влиянием Солнца.

Три одинаковых орбитальных станции находились на расстоянии немногим более миллиона миль от Земли вне плоскости эклиптики, так что могли осуществлять связь между Меркурием и Землей даже тогда, когда Меркурий оказывался за Солнцем и прямые сигналы ни с одной станции на поверхности Земли до него не доходили.

Сам робот представлял собой удивительный аппарат, результат объединенных усилий роботехников и телеметристов. Это была десятая, наиболее сложная модель из серии. По габаритам этот робот превосходил человека всего в два раза и был тяжелее только впятеро. Он мог воспринимать много больше данных об окружающей среде и

реагировать на них,— если бы только удалось им управлять.

Однако довольно скоро стало очевидно, насколько сложным должен быть компьютер, управляющий роботом. Давая аппарату команду, «мозг» должен был предварительно просчитать все возможные последствия. А ведь каждый следующий шаг увеличивал число вероятных последствий, и количество вариантов возможного поведения робота стремительно множилось, как варианты ходов в шахматной партии, и телемеристы начали уже пользоваться компьютером, чтобы программировать компьютер, создающий программу для компьютера, который программировал компьютер, программирующий робота.

В общем, они запутались. Сам по себе робот, находившийся на базе в пустыне Аризоны, работал хорошо. Но при этом компьютер, находящийся в Далласе, не мог управлять им так, как требовалось, хотя условия на Земле были изучены досконально. Что же тогда говорить о...

Вот тут-то Энтони и внес свое предложение. 4 июля 553 года. Дата запомнилась ему по одной причине: полтысячелетия назад, точнее, 553 года назад, до Катастрофы, этот день был большим праздником в Далласе.

Обед был отличный. Экологическое равновесие в регионе строго контролировалось, но персонал проекта пользовался определенными льготами в снабжении продуктами. И в этот день меню предлагало удивительный выбор блюд. Энтони впервые в жизни попробовал жареную утку.

Жареная утка ему очень понравилась, хороший обед расположил Энтони к большей разговорчивости, чем обычно. Видимо, нечто подобное чувствовали и остальные, потому что Рикардо сказал:

— Мы никогда этого не сделаем. Признаемся хотя бы самим себе. Мы никогда этого не сделаем.

Честно говоря, так думали многие, а человека, которому бы ни разу не приходила в голову эта мысль, в их группе просто не было. Но, подчиняясь неписаному правилу, никто не высказывал свои сомнения вслух. Получать ассигнования на проект с каждым годом становилось все

труднее, и открытое проявление пессимизма могло послужить последней каплей для того, чтобы проект перестали финансировать. И до тех пор, пока оставалась хотя бы призрачная возможность успеха, работу надо было продолжать.

Обычно Энтони не проявлял безудержного оптимизма, но тут он, наслаждаясь уткой, сказал:

— А почему бы нам не сделать? Скажи почему, и я докажу, что ты не прав.

Слова Энтони прозвучали вызывающе. Рикардо прищурил свои темные глаза:

— Ты хочешь, чтобы я сказал почему?

— Вот именно.

Рикардо отодвинулся от стола и повернулся к Энтони.

— Ладно, это не секрет. Естественно, Дмитрий Большой не скажет об этом ни в одном докладе, но ты ведь не хуже меня знаешь: для того чтобы точно выполнить проект «Меркурий», нам понадобится компьютер, сложный, как человеческий мозг, независимо от того, будет он на Меркурии или здесь, а его мы построить не можем. И единственное, что нам остается,— это игры с Всемирным Конгрессом, который дает деньги на нашу имитацию деятельности, и единственно полезное дело — запуски орбитальных станций.

Энтони ответил с благодушной улыбкой:

— Это легко опровергнуть. Ты сам дал ответ.

(Он играл? Может быть, экзотическая жареная утка настроила его на необычный стиль поведения? Или ему просто захотелось подразнить Рикардо?.. Или промелькнула безотчетная мысль о брате? Ни тогда, ни позже он не смог бы ответить на этот вопрос.)

— И каков же этот ответ? — Рикардо поднялся, высокий, худой, в распахнутом, как всегда, белом халате. Он скрестил руки на груди и возвышался над сидящим Энтони, как башня. Больше всего в этот момент Рикардо был похож на деревянный портновский метр.— Каков ответ?

— Ты сказал, что нам нужен компьютер, сложный, как человеческий мозг. Ну и хорошо, мы его сделаем.

— В том-то и дело, идиот, что мы не можем...

— Мы — не можем. Но есть другие, которые могут.

— Какие другие?

— Те, кто работает с мозгом. Мы просто здравомыслящие механики. У нас нет ни малейшего представления о строении человеческого мозга, о том, как он работает. Почему бы нам не обратиться к гомологисту и не поручить ему сконструировать компьютер?

С этими словами Энтони взял большую порцию гарнира к утке и с удовольствием ее съел. Вкус этого блюда он запомнил навсегда, а вот подробности того, что последовало за их спором с Рикардо, он вспомнить не мог.

Тогда у него и в мыслях не было, что кто-то принял его слова всерьез. Вокруг засмеялись, у всех было ощущение, что Энтони ловко вывернулся, вот они и смеялись над Рикардо. (Позже, конечно, они говорили, что сразу поняли, насколько важное предложение внес Энтони.)

Рикардо вспыхнул, ткнул пальцем в Энтони и сказал:

— Изложи это предложение в виде докладной. Спорим, что у тебя не хватит на это духа.

Во всяком случае, именно так это сохранилось в памяти Энтони. Рикардо, однако, утверждал, что отозвался с энтузиазмом: «Отличная мысль! Почему бы тебе не внести это предложение официально, Энтони?»

Так или иначе, Энтони подал свое предложение в письменном виде.

Дмитрию Большому оно понравилось. Наедине с Энтони он хлопнул того по плечу, сказав, что и его мысли шли в том же направлении, хотя он, конечно, не претендует на авторство по отношению к этой идее. («На случай провала»,— подумал Энтони.)

Дмитрий Большой занялся поисками подходящего гомологиста. Энтони и в голову не приходило, что он должен интересоваться этими поисками. Он не знал ни гомологии, ни гомологистов, за исключением, конечно, брата, о котором не думал. Или, по крайней мере, не признавался себе в этом.

Итак, встречающие, в числе которых был и Энтони, ждали в секторе приема, когда дверь наконец отворилась, появились вновь прибывшие и началась церемония пред-

ставления. В этот момент Энтони и обнаружил, что видит перед собой собственное лицо.

Он почувствовал, как краска заливает его щеки, и от всей души пожелал оказаться за тысячу миль отсюда.

4

Больше всего на свете Уильям желал бы теперь, чтобы воспоминание возникло раньше. Следовало бы предвидеть... Конечно, следовало бы.

Но он получил лестное предложение, мысли о возможном успехе волновали его все больше. Вероятно, он подсознательно избегал воспоминаний.

Начать с того, что Дмитрий Большой собственной персоной прибыл для разговора с ним. Дмитрий прилетел из Далласа в Нью-Йорк на самолете, и уже это взволновало Уильяма, чьим тайным грехом была любовь к чтению триллеров. Если герои романов хотели сохранить какую-то тайну, они всегда путешествовали лично: в конце концов, электронные путешествия, во всяком случае в романах, находились под контролем и каждый сигнал непременно перехватывался.

Уильям отпустил неуклюжую шутку по этому поводу, но Дмитрий, казалось, не слышал его. Он внимательно вглядывался в лицо Уильяма, думая о чем-то своем.

— Извините,— сказал он наконец.— Вы мне кого-то напоминаете.

(И даже его слова не вызвали у Уильяма никакого беспокойства. Как такое могло случиться? Ведь повод для беспокойства, безусловно, был.)

Дмитрий Большой, маленький толстенький человек, казалось, подмигивал собеседнику даже в те моменты, когда, по его словам, сердился или тревожился. У него был круглый нос картошкой, толстые щеки, и весь он был мягким. Своей фамилии он придавал большое значение. Уильям заметил это, когда Дмитрий при первой встрече поспешил сказать, по-видимому не в первый раз:

— Размер — не единственное, что может быть большим, мой друг.

Большую часть беседы, которая за этим последовала, составляли возражения Уильяма. Он ничего не знает о компьютерах. Ничего! У него нет ни малейшего представления о том, как они работают и как их программируют.

— Не имеет значения, не имеет значения,— говорил Дмитрий, выразительным жестом руки как бы отбрасывая все возражения.— Мы знаем компьютеры, мы умеем создавать программы. Вы только расскажите нам, что должен сделать компьютер, чтобы работать, как человеческий мозг.

— Я не уверен, что достаточно хорошо понимаю, как работает мозг, и смогу рассказать вам об этом, Дмитрий,— возразил Уильям.

— Вы самый выдающийся гомологист в мире,— сказал Дмитрий.— Я внимательнейшим образом изучил этот вопрос.— Эти слова оказались решающими.

Уильям слушал Дмитрия, нахмурившись. Он уже внутренне согласился с тем, что ему придется ехать в Даллас. Если человек давно и глубоко погружен в свою узкую специальность, он неизбежно начнет считать специалистов во всех других областях волшебниками, причем глубина этого заблуждения прямо пропорциональна глубине его собственного невежества в этих сферах... С течением времени Уильям узнал о проекте «Меркурий» намного больше того, что представляло для него интерес вначале.

В конце концов он спросил:

— А зачем вообще использовать компьютер? Почему бы одному из ваших людей или группе сотрудников посменно не принимать данные от робота и не посылать ему инструкции?

— Ой-ой-ой,— сказал Дмитрий, чуть не вскакивая со стула от возбуждения.— Вы просто не отдаете себе отчета в том, что люди слишком медленно соображают для этого: нужно мгновенно проанализировать все данные, поступающие от робота: температуру, и давление газа, и потоки космических лучей, и интенсивность солнечного ветра, и химический состав почвы, и по крайней мере еще три десятка вещей — и решить, каким должен быть сле-

дующий шаг. Человек способен лишь управлять роботом, да и то не слишком эффективно, а компьютер сам был бы роботом. С другой стороны,— продолжал он,— люди умеют реагировать только на сиюминутные обстоятельства. Сигнал любого вида тратит на путешествие с Меркурия на Землю и обратно от десяти до двадцати двух минут. Время зависит от того, в какой точке своей орбиты находится каждая из планет. Это, как вы понимаете, изменить нельзя. Вы получаете результат наблюдения, отдаете приказание, но многое может случиться между тем моментом, когда сделано наблюдение, и тем, когда до робота дойдет указание, как ему следует реагировать. Люди не могут сделать поправку на то, что скорость света недостаточно велика, а компьютер может... Помогите нам, Уильям.

Уильям сказал мрачно:

— Я всегда готов провести для ваших сотрудников любую консультацию, если вы считаете, что это может оказаться полезным. Мой телесигнал в вашем распоряжении.

— Речь идет не о консультации. Вы должны поехать со мной.

— Лично? — спросил Уильям потрясенно.

— Конечно. Подобную работу нельзя выполнять, сидя на разных концах лазерного луча со спутником связи посередке. Это слишком дорого, слишком неудобно и, конечно, недостаточно секретно...

«Это действительно похоже на приключенческий роман»,— решил Уильям.

— Приезжайте в Даллас,— продолжал Дмитрий,— и я покажу вам, что у нас есть. Тогда вы лучше поймете наши возможности. А потом поговорите с теми, кто занимается компьютерами. Пусть они поймут возможности вашего образа мышления.

Уильям понял, что настало время проявить решительность.

— Дмитрий,— сказал он,— у меня здесь своя работа. Важная работа, которую я не хочу бросать. Чтобы сделать то, что вы хотите, я должен буду оставить свою лабораторию на месяцы.

— Месяцы! — Дмитрий явно был ошеломлен.— Милый Уильям, наша работа может занять годы. Но ведь она имеет отношение к вашим проблемам.

— Нет, не имеет. Я знаю, что такое моя работа, управление роботом на Меркурии в нее не входит.

— Почему? Если все пойдет хорошо, вы, пытаясь заставить компьютер работать как мозг, узнаете больше о мозге. В результате вы вернетесь сюда, вооруженный новым знанием, полезным для того, что вы сегодня считаете своим делом. А пока вы в отъезде — разве у вас нет коллег, которые могут продолжать начатое? И разве вы не можете поддерживать с ними постоянную связь с помощью лазерных и телевизионных сигналов? И разве нельзя время от времени приезжать в Нью-Йорк? Ненадолго.

Уильям заколебался. Мысль об изучении мозга под другим углом зрения попала в цель. С этого момента он уже искал оправдание перед самим собой, чтобы поехать, по крайней мере ненадолго, только увидеть, на что это похоже... Он ведь всегда может вернуться.

Потом они с Дмитрием, простодушно наслаждавшимся поездкой, съездили на развалины старого Нью-Йорка. Старый Нью-Йорк был прекрасен, он восхитительно демонстрировал бессмысленную гигантоманию тех, кто жил до Катастрофы. Уильям подумал, что во время путешествия в Даллас он, может быть, тоже увидит какие-нибудь достопримечательности.

Собираясь в Даллас, Уильям начал подумывать о том, чтобы найти себе новую подругу. Хорошо бы найти ее в том регионе, где он не намерен жить постоянно.

Он имел лишь самое приблизительное представление о том, что от него требуется, но не тогда ли, подобно далекой зарнице, пришла ему в голову мысль, что, может быть...

Итак, он приехал в Даллас, вышел из вертолета и снова увидел сияющего Дмитрия. Маленький человек прищурился, потом обернулся и сказал:

— Я так и знал. Какое поразительное сходство!

Уильям посмотрел в ту сторону, куда смотрел Дмитрий, и увидел отпрянувшего... Ему было достаточно вспомнить собственное лицо, чтобы не усомниться: перед ним стоит Энтони.

На лице Энтони явственно читалось страстное желание скрыть их родство. От Уильяма требовалось только произнести вслед за Дмитрием «Поразительно!» и забыть, что Энтони его брат. Безусловно, генетические модели людей многообразны, тем не менее в природе возможно сходство даже при отсутствии родства.

Но Уильям был гомологистом, а работать с мозгом, не выработав невосприимчивости к некоторым деталям, не может никто, поэтому он сказал:

— Я уверен, что это Энтони, мой брат.

Дмитрий удивился:

— Ваш брат?

— Мой отец,— объяснил Уильям,— имел двух детей от одной и той же женщины, моей матери. Мои родители были странными людьми.

Потом он шагнул вперед, протянув руку, и у Энтони не было другого выбора, как обменяться рукопожатием... Инцидент, происшедший в секторе приема, когда прибыл эксперт, на несколько дней стал единственным предметом разговоров.

5

Раскаяние Уильяма, когда он понял, что натворил, было слабым утешением для Энтони.

После ужина в тот вечер они сидели рядом. Уильям сказал:

— Извини. Я думал, если худшее случится сразу же, то оно тут же и кончится. Но кажется, это не так. Я не подписывал никаких бумаг, никаких официальных договоров. Я уеду.

— И что хорошего? — спросил Энтони грубо.— Все теперь знают. Два тела и одно лицо. Этого достаточно, чтобы человека начало тошнить.

— Если я уеду...

— Ты не можешь уехать. Ведь это была моя идея.

— Вызвать меня сюда? — Уильям вытаращил глаза насколько это было возможно при его тяжелых веках, брови его поползли вверх.

— Нет, конечно. Пригласить гомологиста. Откуда я мог знать, что приедешь именно ты?

— Но если я уеду...

— Нет. Единственное, что теперь можно сделать, это справиться с задачей, если с ней вообще можно справиться. Тогда остальное не будет иметь значения.

(«Все прощается тому, кто добивается успеха»,— подумал он.)

— Я не знаю, смогу ли я...

— Мы должны попытаться. Дмитрий поручил работу нам. «Это отличный шанс. Вы братья,— сказал Энтони, передразнивая тенор Дмитрия,— и понимаете друг друга. Почему бы вам не поработать вместе?» — Потом своим голосом, сердито: — Так что это неизбежно. Для начала объясни, чем ты занимаешься, Уильям? Мне нужно составить более точное представление о гомологии, чем то, которое вытекает из самого названия этой науки.

Уильям вздохнул.

— Но прежде прими, пожалуйста, мои извинения... Я работаю с детьми, страдающими аутизмом.

— Боюсь, я не понимаю, что это значит.

— Если обойтись без подробностей, я занимаюсь с детьми, которые не взаимодействуют с окружающим миром и не общаются с другими людьми, которые уходят в себя и замыкаются в себе так, что до них почти невозможно достучаться. Но я надеюсь когда-нибудь излечить это.

— Поэтому твоя фамилия Анти-Аут?

— Вообще говоря, да.

Энтони издал короткий смешок, но на самом деле его это не забавляло. В тоне Уильяма появился холодок.

— Я заслужил эту фамилию.

— Не сомневаюсь,— торопливо пробормотал Энтони. Он понимал, что надо бы извиниться, но не мог себя заставить. Преодолев возникшее напряжение, он вернулся к предмету разговора.— Ты чего-нибудь добился?

— В лечении? Пока нет. В понимании — да. И чем больше я понимаю...

По мере того как Уильям говорил, его голос теплел, а взгляд становился отсутствующим. Энтони было знакомо это удовольствие — говорить о том, чем заполнены твои ум и сердце, забыв обо всем остальном. Ему самому нередко доводилось испытывать подобное чувство.

Он слушал Уильяма предельно внимательно, стараясь вникнуть в то, чего на самом деле не понимал, поскольку понимание было необходимо. Он знал, что и Уильям будет слушать его так же.

Как отчетливо он все запомнил! Слушая Уильяма, он не думал, что все запомнит, да и не слишком хорошо понимал тогда, что происходит. Мысленно возвращаясь в прошлое, он видел все как в ярком свете прожектора и внезапно обнаружил, что может воспроизвести целые предложения того разговора почти дословно.

— Итак, мы полагаем,— говорил Уильям,— у ребенка, страдающего аутизмом, нет недостатка во впечатлениях. Он также вполне способен достаточно сложно их интерпретировать. Он скорее не принимает, отвергает внешние впечатления, хотя, безусловно, обладает потенциальными возможностями, необходимыми для полноценного взаимодействия с окружающим миром. Но запустить механизм этого взаимодействия удастся лишь тогда, когда мы найдем впечатление, которое он захочет воспринять.

— Ага,— сказал Энтони, чтобы показать, что слушает.

— Вытащить его из аутизма никаким обычным способом нельзя, потому что он не принимает тебя точно так же, как весь остальной мир. Но если ты наложишь арест на его сознание...

— Что?

— Есть у нас одна методика, при которой, по существу, мозг становится независимым от тела и осуществляет только функции сознания. Это довольно сложная техника, разработанная в нашей лаборатории...— Он сделал паузу.

— Тобой? — спросил Энтони, скорее из вежливости.

— В сущности, да,— сказал Уильям, слегка покраснев, но явно с удовольствием.— Поместив сознание под арест,

мы предлагаем телу искусственно созданные ощущения, ведя при этом наблюдения за мозгом с помощью дифференциальной энцефалографии. Появляется возможность больше узнать о человеке, страдающем аутизмом, о наиболее желательных для него чувственных впечатлениях; попутно мы получаем новые данные о мозге в целом.

— Ага,— сказал Энтони, но на этот раз это было настоящее «ага».— А то, что вы узнали о мозге, можно использовать, работая с компьютером?

— Нет,— ответил Уильям.— Шанс равен нулю. Я говорил об этом Дмитрию. Я ничего не знаю о компьютерах и недостаточно знаю о мозге.

— А если я научу тебя разбираться в компьютерах и подробно объясню, что нам надо, что тогда?

— Этого недостаточно. Это...

— Брат,— произнес Энтони с предельной выразительностью.— Ты мой должник. Удели внимание нашей проблеме. Пожалуйста, попытайся применить к компьютеру все, что ты знаешь о мозге. Речь идет всего лишь о попытке, но я надеюсь, что попытка будет честной.

Уильям беспокойно шевельнулся и сказал:

— Я понимаю твое положение. Я попробую. И попытка будет честной.

6

Уильям попробовал. Предсказание Энтони сбылось, им пришлось работать вдвоем. Первое время то один, то другой сотрудник проекта наведывались к ним, и, поскольку скрыть родство было невозможно, Уильям сообщал каждому ошеломляющую новость о том, что они с Энтони — братья, пытаясь извлечь из этого какую-нибудь пользу. Но со временем коллеги перестали проявлять к ним повышенный интерес, и в их жизнь, подчиненную одной цели, больше никто не вмешивался. Когда Уильям приближался к Энтони или Энтони к Уильяму, любой, оказавшийся в это время рядом, как будто уходил сквозь стену.

Постепенно они преодолели напряженность и даже выработали собственный стиль общения. Случалось, они

разговаривали так, будто не было никакого родства, никаких общих воспоминаний о детстве.

Энтони описал то, что требовалось от компьютера, просто, без технических терминов, а Уильям после долгих размышлений рассказал, как, с его точки зрения, работу компьютера можно уподобить работе мозга.

Энтони спросил:

— Это в принципе возможно?

— Не знаю,— ответил Уильям.— Попробуем. Может быть, он не будет работать. А может быть, будет.

— Стоило бы обсудить это с Дмитрием Большим.

— Давай сначала сами прикинем, что у нас получается. К нему надо идти с конкретными предложениями, а если их у нас нет, нечего и ходить.

Энтони заколебался:

— Мы пойдем к нему вместе?

Уильям проявил деликатность и сказал:

— Ты будешь нашим представителем. Какой смысл в том, чтобы лишний раз появляться вместе?

— Спасибо, Уильям. Если из этого что-нибудь получится, я воздам тебе по заслугам.

Уильям сказал:

— На этот счет у меня нет никаких опасений. Если идея чего-то стоит, я полагаю, что никто, кроме меня, не сможет воплотить ее в жизнь.

Они многократно и всесторонне обсудили ситуацию. Если бы не эмоциональная напряженность — следствие их родства, Уильям начал бы гордиться своим братом, который так быстро разобрался в чуждой для себя области.

Потом начались долгие обсуждения у Дмитрия Большого, беседы практически с каждым сотрудником проекта. Энтони посвятил им много дней, а после этих разговоров встречался с Уильямом один на один. Все это тянулось, как мучительная беременность, но в конце концов была получена санкция на создание того, что назвали «Меркурианским Компьютером».

У Уильяма появилась возможность расслабиться, и он отправился в Нью-Йорк. Он не планировал там задерживаться (разве мог он представить себе такое два месяца на-

зад?), но надо было урегулировать свои дела в Институте Гомологии.

В Нью-Йорке ему пришлось участвовать во множестве обсуждений, едва ли не в большем числе, чем в Далласе. Он должен был объяснить сотрудникам своей лаборатории, что произошло, и почему ему придется уехать, и как они должны продолжать дело без него. Потом было возвращение в Даллас с новым оборудованием и с двумя молодыми помощниками на неопределенно долгий отрезок времени.

Но Уильям не оглядывался назад. Собственная лаборатория и ее нужды не занимали его мысли. Сейчас он был полностью поглощен своей новой задачей.

7

Для Энтони это было тяжелое время. Облегчение, вызванное отсутствием Уильяма, очень скоро сменилось мучительными раздумьями, проникнутыми надеждой на то, что Уильям не вернется. Почему бы ему не прислать вместо себя своего заместителя, кого-нибудь другого? Кого-нибудь с другим лицом, чтобы Энтони больше не чувствовал себя монстром с двумя спинами и четырьмя ногами?

Однако Уильям вернулся. Энтони издалека наблюдал за бесшумно приземлившимся грузовым самолетом и за его разгрузкой. Но даже с такого расстояния он в конце концов узнал Уильяма.

Так тому и быть.

Энтони ушел. В тот же день он отправился к Дмитрию.

— Дмитрий, я не вижу никакой необходимости оставаться здесь. Мы разработали все детали. Исполнителем может быть кто угодно.

— Нет, нет,— сказал Дмитрий.— Идея принадлежит в первую очередь тебе. Ты должен увидеть ее воплощенной. Нет никакого резона делить славу.

Энтони подумал: «Никто другой не станет рисковать. Возможность провала сохраняется. Этого можно было ожидать».

Он заранее знал ответ Дмитрия, но все-таки упрямо продолжал:

— Понимаете, я не могу работать с Уильямом.

— Но почему? — Дмитрий сделал вид, что удивлен.— Вы так многого добились вместе.

— Я дошел до предела своих возможностей, Дмитрий, и больше не выдержу. Думаете, я не знаю, как это выглядит со стороны?

— Милый мой! Ты слишком серьезно к этому относишься. Ясное дело, все на вас смотрят. Ведь они люди. Но люди способны привыкнуть ко всему. Я, например, уже привык.

«Не привык ты, толстый лицемер»,— подумал Энтони и сказал:

— Я не привык.

— Ты неправильно на это смотришь. Ваши родители были эксцентричными, нельзя не признать, но, в конце концов, они не сделали ничего противозаконного. Это всего лишь причуда. Здесь нет ни твоей вины, ни вины Уильяма. Вас винить не в чем.

— Мы меченые,— сказал Энтони, быстро проведя рукой по лицу.

— Не настолько меченые, насколько тебе представляется. Я, например, вас различаю. Ты определенно моложе. Волосы у тебя больше вьются. Вы только на первый взгляд одинаковые. Слушай, Энтони, у тебя будет столько времени, сколько захочешь, любая помощь, которая тебе понадобится, любое оборудование, которое ты сможешь использовать. Я уверен, что работа пойдет чудесно. Подумай об удовлетворении...

Энтони, конечно, сдался и согласился помочь Уильяму хотя бы наладить оборудование. Уильям, казалось, был тоже уверен, что работа пойдет чудесно. Не так замечательно, как сказал Дмитрий, но вполне гладко.

— Дело только в том, чтобы установить правильные связи,— сказал он,— хотя, должен признать, это очень серьезное «только». Твоя задача — получить изображение сенсорных сигналов на экране, чтобы мы имели возможность осуществлять... Я ведь не могу сказать «ручной кон-

троль», правда? Значит, чтобы мы могли осуществлять интеллектуальный контроль и управлять реакциями компьютера, если это понадобится.

— Это технически возможно,— отозвался Энтони.

— Тогда давай приступим... Слушай, мне понадобится по меньшей мере неделя, чтобы наладить связи и быть уверенным в инструкциях...

— Программах,— поправил Энтони.

— Ну, поскольку это твоя сфера, я буду пользоваться твоей терминологией. Мои ассистенты и я запрограммируем Меркурианский Компьютер, но не по-твоему.

— Надеюсь, что не по-моему. Для того и требовался гомологист, чтобы создать программу более тонкую, чем та, которую может написать простой телеметрист.— Говоря это, он не пытался скрыть иронию.

Уильям не обратил внимания на его тон и ответил:

— Начнем с простого. Мы заставим робота ходить.

8

Прошла неделя. За тысячу миль от них, в Аризоне, робот начал ходить. Ходить ему было трудно, иногда он падал, иногда задевал лодыжкой о препятствия, а то вдруг поворачивался на одной ноге и шел в совершенно неожиданном направлении.

— Это ребенок, который учится ходить,— говорил Уильям.

Иногда заходил Дмитрий, которому захотелось посмотреть на их достижения.

— Поразительно! — восклицал он.

Энтони, однако, так не думал.

Шли недели, месяцы. Робот делал успехи, возможности его становились все больше по мере того, как в Меркурианский Компьютер вводили все более сложные программы. (Уильям попробовал было говорить о Меркурианском Компьютере как о мозге, но Энтони этого не допустил.) Но то, что получалось, Энтони все-таки не устраивало.

— Это не годится, Уильям,— сказал наконец Энтони. Накануне ночью он не спал.

— Странно,— ответил Уильям холодно.— А я как раз собирался сказать тебе, что мы, кажется, победили.

Энтони с трудом сдержался. Напряженная работа, постоянное присутствие Уильяма и неуклюжий робот — это было больше, чем он мог вынести.

— Я собираюсь уволиться, Уильям. Бросить эту работу. Извини... Ты ни при чем.

— Конечно, при чем, Энтони.

— Дело не только в тебе, Уильям. Это провал. Мы не справимся с задачей. Ты видишь, какой робот неуклюжий, а ведь он на Земле, всего за тысячу миль отсюда, сигнал проходит туда и обратно за доли секунды. Когда он будет на Меркурии, передача сигнала займет минуты, эта задержка заложена в Меркурианский Компьютер. Надеяться, что робот будет работать,— безумие.

Уильям сказал:

— Не уходи, Энтони. Ты не можешь уволиться сейчас. Я предлагаю послать робота на Меркурий. Я уверен, что он готов.

Энтони засмеялся громко и издевательски.

— Ты сошел с ума, Уильям.

— Нет. Ты, кажется, думаешь, что на Меркурии будет труднее, а это не так. Труднее на Земле. Этот робот сконструирован в расчете на одну треть земного притяжения, и в Аризоне он работает в условиях тройной нагрузки. Он рассчитан на четыреста градусов Цельсия, а работает при тридцати, он рассчитан на безвоздушное пространство, а работает в атмосфере.

— Робот имеет достаточно ресурсов, чтобы это преодолеть.

— Его механическая часть, безусловно, может это выдержать, а как насчет Компьютера? Его взаимодействие с роботом, находящимся не в тех условиях, для которых он предназначен, затруднено... Пойми, Энтони, если ты хочешь, чтобы компьютер был таким же сложным, как мозг, тебе придется мириться с идиосинкразией... Знаешь, давай сделаем так. Добьемся совместными усилиями, чтобы робота послали на Меркурий. Экспедиция займет шесть месяцев, а я на это время возьму отпуск. Ты избавишься от меня.

— Кто будет присматривать за Меркурианским Компьютером?

— К настоящему моменту ты знаешь, как он работает, к тому же тебе в помощь я оставлю двух своих парней.

Энтони отрицательно покачал головой.

— Я не могу взять на себя ответственность за Компьютер, и я не возьму на себя ответственность за предложение послать робота на Меркурий. Он не будет работать.

— Я уверен, что будет.

— Полной уверенности у тебя быть не может. А ответственность на мне. Именно я окажусь виноватым. Тебе-то ничего не будет.

Позднее Энтони осознал, что это был решающий момент. Уильям мог бы оставить все как есть. Энтони мог бы уволиться. И они потеряли бы все.

Но Уильям сказал:

— Мне ничего не будет? Слушай, отец с матерью поступили так, как поступили. Хорошо. Я сожалею об этом не меньше твоего, но дело сделано, и есть нечто забавное в том, что получилось в результате. Когда я говорю об отце, я имею в виду твоего отца тоже, и есть масса людей, которые могут сказать о себе то же самое: братья, сестры, брат и сестра. А когда я говорю «мама», я имею в виду твою маму, и есть масса людей, которые могут сказать так же. Но я не знаю двух других людей, даже не слышал никогда о тех, у кого были бы общие отец и мать.

— Я знаю,— сказал Энтони мрачно.

— Да, но попробуй понять мою точку зрения,— торопливо говорил Уильям.— Я гомолог ист. Я работаю с генетическими моделями. Ты когда-нибудь задумывался о наших генетических моделях? У нас общие родители, значит, наши генетические модели похожи больше, чем любая другая пара моделей на планете. Наши лица доказывают это наилучшим образом.

— Это я тоже знаю.

— Значит, если проект заработает и ты прославишься, это будет означать, что твоя генетическая модель в высшей степени полезна для человечества, следовательно, моя генетическая модель тоже... Неужели ты не понима-

ешь, Энтони? У нас общие родители, у меня твое лицо, твоя генетическая модель, значит, твоя слава и твой позор тоже мои. Они мои почти настолько же, насколько и твои, а если мне достанется слава или позор, они твои почти настолько же, насколько мои. Я не могу не быть заинтересован в твоем успехе. У меня для этого больше оснований, чем у кого-либо на Земле, оснований чисто эгоистических, таких эгоистических, какие только можно себе представить. Я на твоей стороне, Энтони, потому что ты — это почти я!

Они долго смотрели друг на друга, и Энтони в первый раз не обращал внимания на сходство лица, в которое он смотрел, со своим собственным.

Уильям сказал:

— Поэтому давай попросим, чтобы робота послали на Меркурий.

И Энтони сдался. После того как Дмитрий поддержал их требование (в конце концов, он давно этого ждал), Энтони провел большую часть дня в глубоких размышлениях. Потом он разыскал Уильяма и сказал:

— Послушай!

Последовала длинная пауза, которую Уильям не прерывал.

Энтони опять сказал:

— Послушай!

Уильям терпеливо ждал. Энтони продолжал:

— Тебе совсем не надо уезжать. Я уверен, ты не хочешь, чтобы Меркурианский Компьютер обслуживал кто-то другой, а не ты.

Уильям спросил:

— Ты хочешь сказать, что сам намерен уехать?

— Нет, я тоже останусь.

— Нам не нужно много видеться.

Весь этот разговор для Энтони был преодолением ощущения, будто его душат. Горло сдавливало все сильнее, но он уже справился с самой тяжелой частью разговора.

— Мы не должны избегать друг друга. Не должны.

Уильям неуверенно улыбнулся. Энтони не улыбнулся. Он повернулся и быстро ушел.

9

Уильям поднял глаза от книги. Прошел уже месяц с тех пор, как он перестал удивляться при виде входящего Энтони. Он спросил:

— Что-то не так?

— Кто знает? Они готовятся к мягкой посадке. Меркурианский Компьютер в боевой готовности?

Уильям знал, что Энтони известно все о состоянии Компьютера, но ответил:

— К завтрашнему утру, Энтони.

— И нет никаких трудностей?

— Абсолютно.

— Тогда надо просто ждать мягкой посадки.

— Да.

Энтони сказал:

— Что-нибудь будет не так.

— Ракетная техника давно осуществляет мягкие посадки, и делает это очень искусно. Все будет так, как надо.

— Столько работы впустую.

— Пока еще не впустую. И не будет впустую.

Энтони вздохнул:

— Может быть, ты прав.— Засунув руки глубоко в карманы, он побрел прочь, но, прежде чем коснуться дверного контакта, обернулся: — Спасибо.

— За что, Энтони?

— За то, что утешаешь.

Уильям криво улыбнулся, ему стало легче от того, что он сумел скрыть свои чувства.

10

В критический момент весь персонал проекта «Меркурий» был на ногах. У Энтони не было конкретных обязанностей, и он сидел у монитора, не сводя глаз с экрана. Робот был приведен в действие, и от него стали поступать визуальные сигналы.

По крайней мере, то, что появилось на экранах, было эквивалентом визуальной информации, хотя не было видно ничего, кроме тусклого свечения,— вероятно, это бы-

ло изображение поверхности Меркурия. Время от времени по экрану пробегали тени, возможно, так выглядели неровности ландшафта. Энтони трудно было судить о том, что происходит, по изображению на экране, но те, кто находились у приборов, анализируя получаемые данные с помощью более тонких методов, чем простое наблюдение невооруженным глазом, были спокойны. И ни одна из маленьких красных лампочек, предвещающих опасность, не горела. Энтони поймал себя на том, что наблюдает больше за наблюдателями, чем за происходящим на экране.

Ему следовало бы спуститься вниз, туда, где возле Компьютера находился Уильям со своими помощниками. Компьютер будет включен только после мягкой посадки. Энтони следовало бы... Но он не мог себя заставить.

Тени побежали по экрану быстрее. Робот опускался — слишком быстро? Конечно, слишком быстро!

На экране появилось отчетливое пятно, при изменении фокуса оно стало темнее, потом светлее, до Энтони донесся какой-то шум, и прошло несколько долгих секунд, прежде чем он понял, что слышит слова: «Мягкая посадка! Получилось!»

Тихий разговор сменился возбужденным шумом. Все поздравляли друг друга, а на экране произошло нечто, из-за чего голоса и смех внезапно оборвались, как будто натолкнулись на стену молчания.

Изображение на экране изменилось и стало четким. В ярком-ярком солнечном свете, льющемся через тщательно защищенный фильтрами экран, они увидели скалу, ослепительно белую с одной стороны, черную, как чернила, с другой. Изображение сдвинулось вправо, потом влево, как будто пара глаз посмотрела налево, а потом направо. На экране появилась металлическая рука, было похоже, что робот рассматривает свое тело.

Энтони первым понял, что происходит, и молчание нарушил его крик:

— Компьютер заработал!

Ему самому показалось, что эти слова выкрикнул кто-то другой; он уже бежал за дверь, вниз по ступенькам, по

коридору, а за спиной у него, как волна, поднимался шум голосов.

— Уильям! — закричал он, ворвавшись в комнату.— Все отлично, все...

Но Уильям поднял руку.

— Тсс. Пожалуйста. Компьютер не должен испытывать сильных ощущений, кроме тех, которые исходят от робота.

— Ты думаешь, он нас слышит? — прошептал Энтони.

— Может быть, не знаю.

В комнате, где находился Меркурианский Компьютер, стоял свой монитор, поменьше. Изображение на экране постоянно менялось: робот двигался.

Уильям сказал:

— Робот пробует двигаться. Первые шаги и должны быть неуверенными. Интервал между сигналом и ответом семь минут.

— Но он явно ходит увереннее, чем в Аризоне. Тебе не кажется, Уильям? — Энтони крепко сжимал плечо Уильяма, тряс его, не отрывая глаз от экрана.

Уильям ответил:

— Я уверен в этом, Энтони.

Солнце догорело в контрастном черно-белом мире, мире белого солнца на черном небе и белой каменистой земли, испещренной черными тенями. Сладкий запах солнца исходил от каждого освещенного им квадратного сантиметра металла, вступая в контраст с убивающей все запахи тенью на неосвещенной стороне.

Он поднял руку и посмотрел на нее, пересчитывая пальцы. Жарко, жарко, жарко,— загибая пальцы так, что они поочередно попадали в тень, он ощущал, как тепло медленно уходит из них, и это изменение в осязании дало ему почувствовать чистый, уютный вакуум.

Но вакуум не был абсолютным. Он поднял руки над головой, вытянул их и с помощью чувствительных датчиков на запястьях ощутил испарения — легкое, едва заметное прикосновение паров олова и свинца, пробивающихся через сильный запах ртути.

Он ощутил более густые испарения, подымающиеся снизу,— разнообразных силикатов, имевших своеобразный привкус металлических ионов. Он медленно переместил ногу по хрустящей спекшейся пыли и воспринял изменения в ощущениях как тихую и упорядоченную музыку.

И надо всем — Солнце. Он поднял глаза на него, большое, и толстое, и яркое, и горячее, и услышал его радость. Он видел протуберанцы, медленно поднимающиеся над краями диска, и слышал потрескивание каждого из них и другие счастливые голоса, звучащие над широким лицом Солнца. Когда он включил светофильтры, затеняющие фон, потоки водорода, летящие вверх, зазвучали как всплески мягкого контральто, он слышал приглушенный тонкий свист разлетающейся материи, в который врывался глубокий бас пятен, и причитания вспышек света, шелканье гамма-лучей и космических частиц, похожее на звук шарика для игры в пинг-понг, а вокруг ощущалось мягкое, пропадающее и снова появляющееся дыхание солнечного вещества, которое подступало и отступало, повинуясь космическому ветру, приносящему неповторимые, великолепные ощущения.

Он подпрыгнул и медленно поднялся в воздух с легкостью, которая до сих пор была ему незнакома, опустился и снова подпрыгнул, потом побежал, прыгнул, побежал снова, чувствуя, что его тело отлично приспособлено к великолепному миру, раю, в котором он находился.

После долгого странствия в полном одиночестве он наконец попал в рай.

Уильям сказал:

— Все в порядке.

— Но что он делает? — воскликнул Энтони.

— Все в порядке. Программа работает. Он проверял свои органы чувств. Сделал визуальные наблюдения, включил фильтры и изучил Солнце, проанализировал состав атмосферы и химическую природу почвы. Все системы работают.

— Но почему он бегает?

— Я полагаю, это его собственная идея, Энтони. Если ты хочешь создать компьютер такой же сложный, как мозг, ты должен смириться, что у него есть свои идеи.

— Бегать? Прыгать? — Энтони повернул к Уильяму встревоженное лицо.— Он что-нибудь сломает. Ты можешь управлять Компьютером. Подави эти желания. Пусть он перестанет.

Уильям ответил резко:

— Нет. Не стану. Я пойду на риск того, что он причинит себе вред. Разве ты не понимаешь? Он счастлив. На Земле, в нашем мире, он не мог управлять собой. И вот он на Меркурии, его тело полностью приспособлено к этим условиям, его к ним готовили сотни ученых. Это рай для него, позволь ему наслаждаться.

— Наслаждаться? Он же робот.

— Я не говорю о металлическом роботе. Я говорю о мозге, который наконец-то живет той жизнью, для которой создан.

Меркурианский Компьютер, безопасность которого оберегали толстое стекло и сотни проводов, дышал и жил.

— Это Рэндалл попал в рай,— сказал Уильям.— Он попал в мир, ради которого ушел в себя, отвергая этот. Он обрел мир, для которого его тело идеально подходит, взамен мира, для которого его прежнее тело совсем не подходило.

Энтони с интересом вглядывался в экран:

— Кажется, он успокаивается.

— Конечно,— сказал Уильям,— он будет делать свою работу, и делать ее превосходно, потому что он счастлив.

Энтони улыбнулся и сказал:

— Неужели мы это сделали, ты и я? Слушай, пойдем к остальным, пусть они повосхищаются нами, а, Уильям?

Уильям удивился:

— Вместе?

И Энтони крепко взял его за руку:

— Вместе, брат!

Смертный приговор

Бранд Корла кисло улыбнулся:

— Все это несколько преувеличено, знаешь ли.

— Нет, нет, нет! — Розовые глазки маленького альбиноса метали молнии.— Дорлис был велик, когда еще нога человека не ступала на планеты системы Веги. Он был столицей Галактической Конфедерации более великой, чем наша.

— Ну хорошо. Назовем его древней столицей. Примем это допущение и оставим остальное археологам.

— Археологи тут ни при чем. Найденное мной требует участия совершенно уникальных специалистов. А ты член Совета...

Бранд Корла с сомнением посмотрел на собеседника. Да, конечно, Теор Реало учился с ним вместе на последнем курсе — где-то в глубине памяти смутно маячило воспоминание о маленьком белобрысом недотепе. Сколько лет прошло с тех пор... Еще тогда этот альбинос был со странностями — это Корла помнил точно. Он так и остался чудаком.

— Я сделаю, что смогу,— сказал Бранд,— если ты объяснишь, чего же, собственно, хочешь.

Во взгляде Теора читалась решимость.

— Я хочу, чтобы ты представил Совету определенные факты. Ты можешь это сделать?

— Должен напомнить тебе, Теор,— уклончиво ответил Бранд,— что, даже если я возьмусь помочь, мои возмож-

ности невелики — я всего лишь самый молодой из членов Психологического Совета. Я не имею особого влияния.

— Ты должен постараться. Факты будут говорить сами за себя.— Руки альбиноса дрожали.

— Ладно,— обреченно вздохнул Корла. В конце концов, этот недотепа все-таки его однокурсник. Не стоит так уж к нему придираться.

Бранд откинулся на спинку стула и позволил себе расслабиться. Сквозь высокие — до потолка — окна лился свет Арктура. Поляризующие стекла рассеивали лучи, делали свет более мягким, но даже такое освещение было слишком сильным для розовых глаз Теора, и во время беседы он прикрывал лицо рукой.

— Бранд, я провел на Дорлисе двадцать пять лет. Я бывал в местах, о существовании которых нынешние обитатели планеты даже не догадываются. И я кое-что нашел. Дорлис был научной и культурной столицей цивилизации, которой наша и в подметки не годится. Да-да, в особенности в том, что касается психологии.

— События прошлого всегда кажутся более великими, чем современные,— снисходительно улыбнулся Корла.— Об этом говорит теорема, известная любому первокурснику, ее еще на студенческом жаргоне зовут «теоремой БОГ» — от «былые отменные годочки». Ладно, продолжай.

Теор спрятал за гримасой ехидную усмешку.

— Конечно, всегда можно отделаться от неприятного факта, приклеив ему дурацкий ярлык. Но ты мне вот что скажи. Что ты знаешь о психологической инженерии?

— Такой вещи просто не существует,— пожал плечами Бранд.— По крайней мере, в строгом математическом смысле. Конечно, всякая пропаганда и реклама являются грубой формой психологической инженерии — и иногда чертовски эффективной. Ты это имеешь в виду?

— Вовсе нет. Я говорю о реальных массовых длительных экспериментах в контролируемых условиях.

— А, да, подобные вещи обсуждались. Но на практике они неосуществимы. Наши общественные структуры

такого не потерпят, да и уровень науки не позволяет проводить эффективный контроль.

Теор постарался сдержать свое возбуждение.

— А уровень науки древних позволял, более того, они успешно осуществляли контроль.

— Изумительно. Щекочет нервы,— флегматично отозвался Бранд.— Но откуда ты все это знаешь?

— Я нашел говорящие об этом документы.— Теор сделал паузу, ему не хватало дыхания.— Целая планета, Бранд! Мир, выбранный так, чтобы соответствовать всем условиям, населенный существами, каждый шаг которых контролируется. Изученный, запротоколированный, управляемый эксперимент. Представляешь себе картину?

Бранд решил, что у собеседника, пожалуй, не заметно явных симптомов психического отклонения. Но кто знает, может быть, более тщательное наблюдение...

— Ты что-то напутал,— произнес он ровным голосом.— Это абсолютно невозможно. Такой контроль над человеческими существами требовал бы учета слишком многих переменных.

— В том-то и штука, Бранд: они не были человеческими существами.

— Что?!

— Это были роботы, позитронные роботы. Целый мир, населенный роботами, существующими и реагирующими на окружающую среду под наблюдением психологов — психологов в полном смысле этого слова!

— Это безумие!

— У меня есть доказательства. Мир роботов все еще существует. Первая Конфедерация распалась, но планета роботов уцелела. Она все еще существует.

— Откуда ты знаешь?

Теор Реало встал:

— Откуда? Я провел там последние двадцать пять лет.

Председатель Совета сбросил отороченную алым мантию и вытащил из кармана длинную и кривую, совершенно не подходящую к официальной обстановке сигару.

— Нелепица,— промычал он.— полное сумасшествие.

— Именно,— согласился Бранд.— Поэтому-то и нельзя обрушить все это на Совет без подготовки. Они просто не станут слушать. Вот я и решил сначала поговорить с вами, а уж потом, с вашей поддержкой...

— С ума сойти! Никогда не слышал ничего столь... Кто этот парень?

— Одержимый, конечно. Мы с ним вместе учились на Арктуре V. У этого альбиноса котелок всегда варил странно. Он был помешан на древней истории. Таким типам если уж что втемяшится, они своего добьются просто тупым упорством. По его словам, он околачивался на Дорлисе двадцать пять лет. У него теперь есть все материалы об этой древней цивилизации.

Председатель яростно дымил своей сигарой.

— Ну как же, знаю. В телесериалах великие открытия всегда совершают блистательные самоучки. Вольные стрелки. Одинокие волки. О боже! Вы советовались в Департаменте археологии?

— Конечно. Результат получился забавный. Дорлис никого не интересует. Это, видите ли, даже не древняя история. Пятнадцать тысяч лет назад! Миф, и только. Уважающий себя археолог не станет тратить время на подобную ерунду. Такое открытие только и может сделать ушибленный увесистой книгой простофиля с единственной мыслью в голове. Ну а теперь, конечно, если дело выгорит, Дорлис станет раем для археологов.

Глава Совета скорчил гримасу.

— Все это нелестно для человеческого эго. Если в ваших словах есть хоть доля правды, то на фоне достижений в области психологии так называемой Первой Конфедерации мы выглядим пускающими пузыри идиотами. К тому же получается, их позитронные роботы на семьдесят пять порядков выше всего, что мы когда-либо дерзали проектировать. Клянусь Галактикой! А вы представляете, какая для этого нужна была математика?!

— Видите ли, сэр, с кем я только не консультировался. Я не стал бы тревожить вас, пока не убедился, что обследовал все закоулки этого темного дела. Я начал с Блейка — он ведь математик-консультант «Юнайтед роботс».

Он сказал, что не видит особых препятствий. При наличии времени, денег и прогресса в психологии — обратите на это внимание — такого робота можно было бы построить прямо сейчас.

— А какие у него доказательства?

— У кого, у Блейка?

— Да нет, у вашего дружка альбиноса. Вы говорили о каких-то записях.

— Да. Они у меня с собой. Нет никаких сомнений в древности представленных им документов — я проверил это всеми доступными методами. Прочесть их я, разумеется, не в состоянии. Вряд ли это может сделать кто-нибудь, кроме Теора Реало.

— То есть мы играем картами, которые он сдает. Приходится верить ему на слово.

— Да, более или менее. Он сам признает, что способен расшифровать только отдельные отрывки. Теор говорит, что язык восходит к древнему центаврийскому. Я засадил за расшифровку лингвистов. Этот орешек можно расколоть, и, если перевод Реало неверен, мы об этом скоро узнаем.

— Хорошо. Давайте посмотрим, что там.

Бранд Корла вынул залитые в пластик документы. Председатель Совета отодвинул их в сторону, взял перевод и, утопая в клубах дыма, погрузился в чтение.

— Хм-м... Подробности, как я понимаю, можно узнать только на Дорлисе,— был его комментарий.

— Теор утверждает, что там от ста до двухсот тонн чертежей — и это только разработки позитронного мозга. Они все еще находятся в предназначенном для них хранилище. Но это только цветочки. Теор был на самой планете роботов. У него есть записи, телетайпные распечатки, все такое прочее. Они не систематизированы, и по ним видно, что собирал их человек, весьма далекий от психологии. И все же он умудрился получить достаточно данных, чтобы с несомненностью доказать: мир, который он посетил, не является... не является возникшим естественным путем.

— Все это у вас тоже с собой?

— Да, да, все. Большая часть записей в виде микрофильма, но я принес с собой проектор. Вот ваш окуляр.

Через час председатель сказал:

— Завтра я соберу Совет, и мы провернем это дело.

— И мы пошлем экспедицию на Дорлис? — с легкой улыбкой спросил Бранд Корла.

— Если,— последовал сухой ответ,— мы получим для этого ассигнования от университета. Оставьте все материалы у меня, пожалуйста. Я хотел бы познакомиться с ними поподробнее.

Теоретически Департамент по науке и технике должен осуществлять административный контроль над всеми научными разработками. На практике, однако, правительство предпочитает не вмешиваться в работу большинства исследовательских групп, как принадлежащих различным университетам, так и самостоятельных. Но, как известно, нет правил без исключений.

Вот почему, как ни кипел от гнева председатель Совета, он не смог отказать в беседе Уинну Марри. Официальное звание Марри звучало как «помощник секретаря по вопросам психологии, психиатрии и ментальной технологии», и он был весьма сведущим психологом.

Все, что мог себе позволить в подобных обстоятельствах председатель,— это свирепый взгляд.

Помощник секретаря Марри добродушно проигнорировал нелюбезный прием. Потирая свой длинный подбородок, он обратился к председателю:

— Мы получили недостаточную информацию. Не могли бы вы кое-что уточнить?

— Не понимаю, какие сведения вы хотите получить,— холодно ответил тот.— При распределении финансирования университетом правительство имеет лишь совещательный голос, и могу сказать, что в данном случае в советах мы не нуждаемся.

Марри пожал плечами:

— Мне нет дела до распределения средств. Но ведь вы не сможете покинуть планету без разрешения правитель-

ства. Вот тут-то и встанет вопрос о недостаточности предоставленной вами информации.

— Других сведений, кроме уже переданных вам, не существует.

— Ну, кое-что просочилось. К чему это детское, никому не нужное секретничанье?

Старый психолог вспыхнул:

— Секретничанье! Если вы не знакомы с тем, как такие вещи делаются в науке, ничем не могу вам помочь. Пока не достигнут определенный прогресс, исследования, да еще такой значимости, не обнародуются и не могут обнародоваться. По возвращении мы пришлем вам копии всех своих публикаций.

Марри покачал головой:

— М-м. Так не пойдет. Вы ведь отправляетесь на Дорлис, не так ли?

— Мы поставили в известность об этом Департамент по науке.

— Зачем конкретно?

— Почему это так вас интересует?

— Потому что дело серьезное, иначе вы не отправлялись бы туда сами. Так что там насчет древних цивилизаций и мира роботов?

— Зачем спрашивать, раз вы все знаете?

— До нас дошли только неясные слухи. Я хочу узнать детали.

— Сейчас мы ими не располагаем. Что-то может проясниться, только когда мы доберемся до Дорлиса.

— В таком случае я лечу с вами.

— Что?!

— Видите ли, я тоже хочу получить ясность.

— Зачем?

— Ах,— Марри встал.— Вот уже и *вы* задаете вопросы. Но теперь это бесполезно. Я прекрасно знаю, что университеты не в восторге от правительственной опеки, и не надеюсь на добровольную помощь с вашей стороны. Но клянусь Арктуром, на этот раз я помощь получу, и меня не волнует, будете вы упираться или нет. Ваша экспеди-

ция отправится только в том случае, если в ней — как представитель правительства — буду участвовать и я.

Как планета Дорлис ничем не примечательна. Ее вклад в галактическую экономику близок к нулю, основные торговые маршруты обходят ее стороной, население — отсталое, а история забыта. И все же под грудами обломков, покрывающих этот древний мир, сохранились следы пламени, уничтожившего тот Дорлис, который существовал много столетий назад,— великую столицу великой Конфедерации.

И вот теперь среди обломков ощупью пробирался человек из более молодого мира: он искал, он пытался понять.

Председатель Совета тряхнул головой и отбросил со лба седые волосы; он не брился уже неделю.

— Беда в том,— произнес он,— что у нас нет отправной точки. Язык может быть расшифрован, как мне кажется, но что делать с условными обозначениями?

— По-моему, мы уже многое сделали.

— Блуждание в потемках! Игра в угадайку, основанная на переводах вашего дружка альбиноса. Я не стал бы возлагать на них особые надежды.

— Черт возьми! — воскликнул Бранд.— Вы потратили два года на разгадку Нимианской аномалии, а на Дорлисе вы всего два месяца. Работы же здесь в сотни тысяч раз больше. Так что вас беспокоит что-то другое.— Он мрачно усмехнулся: — Не нужно быть психологом, чтобы понять: вас донимает этот тип из правительства.

Председатель откусил кончик сигары и сплюнул.

— В этом упрямом как мул идиоте меня бесят три вещи. Во-первых, я не люблю, когда правительство вмешивается в мои дела. Во-вторых, мы на пороге величайшего открытия в истории психологии, и мне не нравятся все вынюхивающие чужаки. И в-третьих, я вообще не понимаю, чего, во имя Галактики, он хочет? Какова его цель?

— Не знаю.

— Какая у него вообще может быть цель? Вы никогда не задумывались об этом?

— Нет. Откровенно говоря, мне нет до Марри дела. На вашем месте я бы не обращал на него внимания.

— Это на *вашем* месте можно не обращать на него внимания! — яростно воскликнул председатель.— Вы полагаете что вмешательство властей можно просто проигнорировать? Разве вы не знаете, что Марри именует себя психологом?

— Конечно, я это знаю.

— И разве вы не знаете, какой живой интерес он проявляет ко всему, что мы находим?

— Ну, это, я бы сказал, только естественно.

— О-ох! И еще...— Председатель внезапно умолк.— Так, а вот и Марри. Переменим тему.

Уинн Марри приветствовал двоих мужчин улыбкой; лицо председателя осталось бесстрастным.

— Ну, сэр,— с наигранной веселостью произнес помощник секретаря,— последние сорок восемь часов я просто не мог уснуть. Вы действительно кое-что нашли. Кое-что прямо-таки грандиозное.

— Спасибо.

— Нет, я серьезно. Мир роботов существует.

— А вы сомневались?

Марри добродушно пожал плечами.

— Человеку свойствен некоторый естественный скептицизм. Каковы ваши планы на будущее?

— Почему вы спрашиваете? — Казалось, каждое слово председателю приходится выдавливать из себя.

— Чтобы согласовать с ними мои собственные.

— И каковы же они?

Помощник секретаря улыбнулся:

— Нет-нет, сначала вы. Сколько вы собираетесь здесь пробыть?

— Столько, сколько потребуется, чтобы толком разобраться в обнаруженных документах.

— Это не ответ. Что вы понимаете под «толком разобраться»?

— Не могу сказать ничего определенного. На это могут понадобиться годы.

— Проклятье!

Председатель Совета поднял брови, но ничего не сказал.

Марри принялся внимательно изучать свои ногти.

— Как я понимаю, вам известно месторасположение планеты роботов.

— Естественно. Теор Реало там был, а пока что все сообщенные им сведения подтверждались.

— Ах да, конечно. Тот альбинос, я помню. Так почему бы не отправиться туда?

— Отправиться туда! Это невозможно!

— Могу я узнать почему?

— Послушайте,— председатель еле сдерживал раздражение,— вас сюда никто не приглашал и никто не просит вас указывать нам, что делать. Но чтобы показать, что я не стремлюсь к конфликту, я вкратце метафорически опишу вам ситуацию. Представьте, что вы оказались перед огромной и очень сложной машиной; о принципах ее работы и материалах, из которых она изготовлена, вы практически ничего не знаете. Машина так велика, что даже невозможно понять соотношение ее частей, не говоря уже о назначении целого. Станете ли вы взрывать тончайшие загадочные детали, чтобы проникнуть внутрь, не разобравшись, каковы их функции?

— Я понимаю, что вы хотите сказать, но не впадаете ли вы в мистику? Ваша метафора притянута за уши.

— Ничего подобного. Принципов конструкции позитронных роботов мы совершенно не представляем; они были предназначены для задач, которые нам неведомы. Единственное, что мы знаем,— это что роботы были помещены в полную изоляцию, чтобы их развитие определялось только ими самими. Нарушить эту изоляцию — значило бы загубить эксперимент. Если мы физически вторгнемся в их мир, мы тем самым внесем новые, непредвиденные факторы, вызовем непредвиденную их создателями реакцию и все испортим. Малейшее потрясение...

— Вздор! Теор Реало уже побывал там.

Председатель Совета взорвался:

— Вы полагаете, я этого не знаю? Да если бы этот проклятый альбинос не был невежественным фанатиком, ни-

чего не смысляшим в психологии, разве он сунулся бы туда? Одному Богу известно, какой вред уже причинил этот идиот.

Воцарилось молчание. Помошник секретаря задумчиво постукивал ногтем по зубам.

— Не знаю, не знаю... Я должен это выяснить. И я не могу ждать долгие годы.

После ухода Марри председатель, кипя, повернулся к Бранду:

— Ну и как мы можем помешать ему отправиться в мир роботов, если ему захочется?

— Я не представляю, как он может сделать это без нашего позволения. Ведь не он же возглавляет экспедицию.

— Ах, не он? Вот что я хотел сказать вам, как раз когда он явился: после нашей высадки на Дорлисе сюда прибыло десять кораблей космофлота.

— Что?!

— Именно так.

— Но зачем?

— Этого, мой мальчик, я тоже не понимаю.

— Не возражаете, если я зайду? — вежливо осведомился Уинн Марри.

Теор Реало испуганно взглянул на него, оторвавшись от бумаг, в полном беспорядке наваленных у него на столе.

— Входите. Сейчас я попробую расчистить для вас место.— Альбинос дрожащими руками сгреб груду бумаг с одного из стульев.

Марри сел и закинул ногу на ногу.

— Вы тоже получили здесь работу? — Он кивнул на загроможденный стол.

Реало покачал головой и неуверенно улыбнулся. Почти автоматически он собрал документы в стопку и перевернул их текстом вниз.

За те несколько месяцев, что прошли со времени его возвращения на Дорлис вместе с сотней дипломированных психологов, он все больше ощущал, как его оттесняют от центра событий. Ему здесь больше не было места.

Его единственная роль сводилась к тому, чтобы отвечать на вопросы о мире роботов, где никто, кроме него, не бывал. И даже в этом он чувствовал — или ему так казалось — неприязнь: почему он, а не компетентный специалист, побывал на той планете?

Это было возмутительно. К тому же почему-то с ним всегда такое случалось.

— Простите? — Реало, задумавшись, не расслышал последние слова Марри.

— Я говорю: удивительно, что *вас* не привлекают к работе. Ведь именно вы первым сделали это открытие, не так ли? — повторил помощник секретаря.

— Да,— просиял альбинос.— Но дело ускользнуло из моих рук. Все происходит помимо меня.

— Но все-таки вы побывали в мире роботов.

— Теперь мне говорят, что это была ошибка. Я мог все испортить.

Марри поморщился:

— На самом деле их грызет то, что вы получили информацию из первоисточника, а они — нет. Не позволяйте этим ребятам с кучей ученых степеней заставить вас считать себя ничтожеством. Самоучка со здравым смыслом даст сто очков вперед специалисту, который не видит дальше собственного носа. Вы и я,— я ведь тоже, знаете ли, непрофессионал,— мы должны бороться за свои права. Кстати, не хотите ли закурить?

— Я не ку... Да, пожалуй, я возьму сигарету, спасибо.

Теор испытывал теплое чувство к своему длинноногому собеседнику. Он перевернул документы на столе и решительно, хотя и неумело, прикурил.

— Двадцать пять лет.— Теор старательно выговаривал слова, давясь сигаретным дымом и стараясь не раскашляться.

— Не расскажете ли вы мне кое-что о планете роботов?

— Почему бы и нет. Только об этом меня обычно и спрашивают. Но не лучше ли вам обратиться к ним? Они, наверное, все уже разложили по полочкам.— Реало постарался отогнать от себя табачный дым.

— На самом деле они даже и не начинали. Мне нужна информация, не искаженная путаными толкованиями психологов. Во-первых, что за люди — или предметы? — эти роботы? У вас не найдется фотографии?

— Н-нет. Мне не хотелось их фотографировать. Но они не предметы. Они *люди*!

— Да? И они и выглядят, как... люди?

— Да, более или менее. Во всяком случае, внешне. Я привез микроскопические препараты их клеточной структуры. Они теперь у председателя Совета. Внутреннее строение совсем другое, знаете ли, гораздо более простое. Но, глядя на них, никогда не подумаешь. Они занятные — и симпатичные.

— Они устроены проще, чем другие формы жизни на планете?

— О нет. Планета крайне примитивна. И... и...— Приступ кашля не дал ему договорить. Реало по возможности незаметно раздавил сигарету.— Их ткани были созданы на основе протоплазмы, знаете ли. Думаю, они и не подозревают о том, что они — роботы.

— Ну конечно, так и должно быть. А как у них с наукой?

— Не знаю. Мне ни разу не представилась возможность это выяснить. Там ведь все совсем иначе. Чтобы понять, что к чему, нужен был бы специалист.

— А машины у них есть?

Альбинос удивился вопросу:

— Ну конечно. Множество, и самых разных.

— Города большие?

— О да!

Марри стал задумчивым.

— И они вам понравились. Почему?

Реало резко поднял голову:

— Не знаю. Они просто симпатичные. Мне было с ними легко. Они мне не досаждали. Не могу сказать точно, в чем тут дело. Может быть, это потому, что дома мне всегда было трудно найти понимание, а роботы не такие зазнайки, как настоящие люди.

— Они дружелюбнее людей?

— Н-нет. Так сказать тоже нельзя. Ведь они полностью меня так и не приняли. Я был чужаком, не знал их языка — по крайней мере вначале, ну и все такое прочее. Но,— глаза Теора неожиданно засверкали,— их я понимал лучше, чем людей. Мне проще было понять, что они думают. Я... только я не знаю почему.

— Хм-м... Еще сигарету? Нет? Ладно, пожалуй, пора на боковую. Уже поздно. Как насчет того, чтобы нам с вами сыграть завтра в гольф? Я более или менее привел в порядок поле. Теперь там можно играть. Приходите. Спорт помогает чувствовать себя настоящим мужчиной.

Марри с улыбкой попрощался, пробормотав себе под нос: «Все это похоже на смертный приговор». По пути к себе он задумчиво насвистывал.

Марри продолжал повторять про себя ту же фразу, когда на следующий день встретился с председателем Совета. На этот раз он был в мундире и разговаривал стоя.

— А, это опять вы,— устало пробормотал председатель.

— Опять я,— подтвердил помощник секретаря.— Но на сей раз мы будем говорить всерьез. Возможно, мне придется взять на себя руководство экспедицией.

— Что? Это невозможно, сэр. Я не желаю и слушать такие заявления.

— У меня есть соответствующие полномочия.— Марри протянул председателю металлический цилиндр, открывшийся, когда он нажал на крышку.— Мне предоставлены широкие права и полная свобода действий. Как видите, мандат подписан председателем Конгресса Федерации.

— Ах вот как... Но почему? — Усилием воли председатель Совета заставил себя дышать ровно.— Помимо жажды власти, есть же какая-то причина?

— Весьма основательная, сэр. Мы с вами все время смотрели на проблему с разных точек зрения. Для Департамента по науке и технике планета роботов не объект научного любопытства, а угроза миру в Федерации. Не ду-

маю, чтобы вы когда-нибудь задумывались об опасности, исходящей от мира роботов.

— Я не вижу таковой. Планета полностью изолирована и совершенно безвредна.

— Откуда вы можете это знать?

— Это следует из самой природы эксперимента,— яростно вскричал председатель.— Те, кто его планировал, стремились сделать систему как можно более закрытой. Они выбрали планету, максимально удаленную от торговых путей, в малонаселенном районе космоса. В том-то и заключалась идея: дать возможность роботам развиваться без воздействия извне.

Марри улыбнулся:

— Тут я не могу согласиться с вами. Поймите, ваша беда в том, что вы — теоретик. Вы представляете себе вещи такими, какими они должны быть, а я, практик, вижу их такими, каковы они на самом деле. Никакой эксперимент не может быть пущен на самотек. Где-то обязательно должен быть наблюдатель; он анализирует результаты и, если обстоятельства того требуют, вмешивается.

— Ну и что? — стоял на своем председатель.

— А то, что те, кто следил за экспериментом, древние психологи Дорлиса, погибли вместе с Первой Конфедерацией, и пятнадцать тысяч лет эксперимент был предоставлен самому себе. Мелкие погрешности накапливались и превращались в большие, те вызывали появление непредвиденных факторов, приводящих к еще более крупным отклонениям, и так в геометрической прогрессии. Остановить этот процесс было некому.

— Ваши рассуждения не более чем гипотеза.

— Возможно. Но вас интересует только мир роботов, а мне приходится думать о судьбе всей Федерации.

— И какую же опасность для Федерации может представлять планета роботов? К чему, во имя Арктура, вы клоните, сударь?

Марри вздохнул.

— Все очень просто, но не вините меня, если сказанное мной прозвучит мелодраматично. Федерация не вела

внутренних войн на протяжении столетий. Что может случиться, если мы вступим в контакт с этими роботами?

— Вы боитесь одной-единственной планеты?

— А почему бы и нет? На каком уровне находится наука? Роботы способны на неожиданные вещи.

— Да какая там наука! Они же не металлические супермены. Это слабые протоплазменные создания, жалкое подобие настоящих людей, снабженные позитронным мозгом, сконструированным с целью изучения упрощенного набора законов человеческой психики. Если вас пугает само слово «робот»...

— Нет. Но я говорил с Теором Реало. Он ведь единственный, кто их видел, знаете ли.

Председатель про себя крепко выругался. Вот что получается, когда слабоумный профан путается под ногами и болтает всякую чушь направо и налево.

— Мы подробно расспросили Реало и тщательно проанализировали его рассказ. Уверяю вас, беспокоиться не о чем. Эксперимент настолько академически традиционен, что мне не потребовалось бы и двух дней на его изучение, не будь материалы столь обширны. Из документов следует, что идея состояла в создании позитронного мозга с использованием одной-двух несколько модифицированных фундаментальных аксиом психологии. Мы еще не успели выяснить все подробности, но они вряд ли особенно изменят картину: это был первый эксперимент подобного рода, и даже легендарным психологам древности приходилось продвигаться вперед постепенно, шаг за шагом. Повторяю вам, сконструированные ими роботы не супермены и не дикие звери. В этом я как психолог готов поручиться.

— Но, простите, я тоже психолог. Боюсь, по большей мере практик, но все-таки. Ваши несколько модифицированные аксиомы! Возьмите, к примеру, воинственность. Термин не научный, ну да это неважно. Вы понимаете, что я имею в виду. Люди всегда были воинственны, но воспитание искоренило агрессивность. Стабильная экономическая и политическая система не поощряет столь бесполезного расходования энергии. Агрессивность не яв-

ляется фактором выживания. А теперь представьте, что эти роботы воинственны. Да-да, представьте, что за тысячелетия, пока они находились без присмотра, произошел сбой, в результате которого они стали намного более агрессивны, чем предполагали их создатели. С ними, пожалуй, будет довольно неприятно иметь дело.

— Представьте, что все звезды в Галактике одновременно превратились в сверхновые. Не стоит ли нам начать беспокоиться и об этом?

— И еще,— Марри проигнорировал жесткий сарказм собеседника,— роботы понравились Теору Реало. Они симпатичны ему более, чем настоящие люди. Там он чувствовал себя на месте, а ведь мы знаем, что в собственном мире он не мог найти себе применения.

— Но какое это имеет значение? — удивился председатель.

— Разве вы не видите? — поднял брови Уинн Марри.— Роботы понравились Теору, потому что он *такой же*, как они. Могу дать вам гарантию: полный анализ психики Теора Реало покажет наличие отклонений от некоторых фундаментальных аксиом — тех же отклонений, что были заложены в роботов. И,— продолжал помощник секретаря без паузы,— Теор Реало потратил четверть века на доказательство гипотезы, которую ученый мир, знай он о ней, безжалостно высмеял бы. Это фанатизм: добросовестное, честное, *нечеловеческое* упорство. Именно такие скорее всего и роботы!

— В ваших рассуждениях нет логики. Вы зациклились на одной мысли, как маньяк, как лунатик.

— Здесь не требуются строгие математические доказательства. Раз есть сомнение, этого вполне достаточно. Я должен защитить Федерацию. Послушайте, это же резонно. Психологи Дорлиса не были такими уж сверхучеными. Как вы сами сказали, им приходилось шаг за шагом усложнять задачу. Созданные ими гуманоиды — не будем называть их роботами — являлись лишь имитацией, и довольно примитивной, человеческих существ. Система реакций человека очень, очень сложна: общественное сознание, стремление к созданию этических учений,

да даже более простые вещи — рыцарство, великодушие, честность и тому подобное — просто невозможно воспроизвести. Не думаю, чтобы гуманоиды обладали ими. Зато у них есть упорство, а стало быть, упрямство и агрессивность, как можно судить по Теору Реало. Ну и если у них существует хоть какая-нибудь наука, я не хотел бы, чтобы они вырвались на просторы Галактики, пусть даже мы превосходим их числом в тысячу, в миллион раз. Я не допущу этого!

Лицо председателя ничего не выражало.

— Каковы ваши ближайшие планы?

— Окончательно еще ничего не решено. Но думаю, стоит организовать небольшой десант на планету.

— Но подождите! — Старый психолог вскочил и, обежав вокруг стола, схватил Марри за локоть.— Уверены ли вы, что знаете, что делаете? Ни вы, ни я не можем даже и приблизительно предугадать всех возможностей, заложенных в столь гигантский эксперимент. Вы не представляете, что хотите разрушить.

— Я знаю. Думаете, мне самому все это нравится? У меня не такая уж героическая роль. Я все-таки психолог, и мне было бы интересно узнать, что там происходит, но я послан сюда, чтобы защитить Федерацию. Да, мне предстоит грязная работа, но я приложу все силы, чтобы выполнить ее до конца. Ничего не поделаешь.

— Нет, вы просто не продумали все как следует. Откуда вам знать, какого проникновения в основополагающие законы психологии мы могли бы достичь? Это было бы подобно слиянию двух галактик, это могло бы дать нам знания и могущество, в миллион раз превосходящие тот ущерб, который роботы могли бы причинить, даже будь они металлическими суперменами.

Марри пожал плечами:

— Теперь вы забавляетесь бесконечно малыми вероятностями.

— Хорошо, давайте заключим сделку. Организуйте блокаду планеты. Изолируйте роботов при помощи ваших кораблей. Выставьте охрану. Но только не трогайте их!

Дайте нам время. Дайте нам шанс. Вы должны это сделать!

— Я думал о таком варианте. Но на него я должен получить согласие Конгресса. Ведь это дорогое удовольствие.

Председатель нетерпеливо заворочался в кресле.

— Да как тут можно говорить о расходах! Ведь нам отплатится сторицей, если мы добьемся успеха.

Марри задумался, потом со слабой улыбкой сказал:

— А что, если они уже овладели межзвездными перелетами?

— Тогда я возьму свои возражения назад,— быстро ответил председатель.

— Я должен согласовать все с Конгрессом,— подытожил Марри, вставая.

Бранд Корла старался не выдать своих чувств, глядя на сгорбленную спину председателя. Подавляя нетерпение, он слушал жизнерадостную болтовню членов экспедиции. Их разговоры сейчас казались ему лишенными смысла.

— Что же нам теперь делать? — спросил Бранд.

Председатель, не оборачиваясь, пожал плечами:

— Я послал за Теором Реало. На прошлой неделе этот придурковатый недомерок отправился на Восточный Континент.

— Зачем?

Недовольный тем, что его прервали, председатель вскипел:

— Разве можно понять, что творится в голове у этого недотепы! Насчет него Марри прав — разве вы не видите? Он страдает психическими отклонениями. Нельзя было оставлять его без присмотра. Если бы я вовремя обратил на него внимание, я бы так не опростоволосился. Впрочем, сейчас он возвращается, и уж теперь он больше никуда не денется.— Голос председателя утратил звучность.— Он должен был вернуться два часа назад.

— Мы в безнадежном положении, сэр,— произнес Бранд уныло.

— Думаете?

— Ну как вы полагаете: согласится Конгресс на неопределенно долгое патрулирование планеты? Это требует денег! Среднему гражданину Галактики такая трата выплачиваемых им налогов не покажется стоящей. Все наши психологические уравнения сведутся к простой аксиоме здравого смысла. По правде говоря, я не понимаю, почему Марри вообще согласился запросить Конгресс.

— Не понимаете? — Председатель наконец повернулся к своему помощнику.— Да помогут нам боги Галактики, этот дурак считает себя психологом — вот в чем его слабость. Он тешит себя мыслью, что планирует уничтожение планеты роботов в интересах Федерации против своей воли. Поэтому-то он и цепляется за любую возможность компромисса. Конечно. Конгресс не согласится на неопределенно долгую блокаду — вы не сказали мне ничего нового.— Теперь он говорил спокойно и терпеливо.— Но я буду просить дать нам десять лет, два года, шесть месяцев — сколько смогу добиться. Сколько-нибудь да выбью. А за это время мы добудем новые факты. Это усилит нашу позицию, и мы сможем продлить соглашение с Конгрессом, когда срок истечет. Мы отстоим наше дело.

Последовало короткое молчание. Затем председатель добавил медленно и с горечью:

— И жизненно важную роль во всем этом играет Теор Реало.

Бранд Корла молча ожидал продолжения.

— Есть одна вещь, которую мы упустили, а Марри заметил,— снова заговорил председатель.— Реало — калека в психологическом отношении, и в этом ключ ко всему делу. Как следует изучив его, мы получим представление о том, что собой представляют роботы; конечно, приблизительное и искаженное представление, поскольку Реало вырос во враждебном для него мире. Но мы примем это в расчет, оценим его личность... Ох, до чего же мне все это надоело!

Загорелся сигнал вызова. Председатель с облегчением вздохнул.

— Ну вот, он здесь. Сядьте же наконец, Корла, вы действуете мне на нервы. Давайте взглянем на него.

Теор Реало влетел со скоростью кометы и, пыхтя, остановился посередине комнаты. Он переводил свои слезящиеся глазки с одного психолога на другого:

— Как все это случилось?

— Что «все»? — холодно поинтересовался председатель.— Сядьте. Мне нужно задать вам некоторые вопросы.

— Нет. Сначала вы мне ответьте!

— Сядьте!

Реало сел. Его глаза были полны слез.

— Они хотят уничтожить планету роботов.

— Не беспокойтесь об этом.

— Но вы сказали, что планету можно уничтожить, если они освоили межзвездные полеты. Вы так сказали. Вы дурак. Неужели вы не видите...— Реало давился словами.

Председатель Совета неловко отмахнулся:

— Можете вы успокоиться и разговаривать осмысленно?

Альбинос стиснул зубы и выдавил из себя:

— Но у них вскоре *будут* межзвездные корабли.

Оба психолога вскочили.

— Что?!

— Ну... Ну а как вы думали? — Реало тоже вскочил в ярости и отчаянии.— Вы что думали: я приземлился в пустыне или в центре океана, а потом в одиночку обследовал всю планету? Жизнь не похожа на приключенческую книжку. Как только я приземлился, они меня захватили и привезли в большой город. По крайней мере, я думаю, что это был город — там все не так, как у нас. Там... Но я ничего вам не скажу.

— К черту город! — взвизгнул председатель.— Они вас захватили. Рассказывайте дальше.

— Они изучали *меня*. Обследовали мой корабль. И потом однажды ночью я улетел — чтобы сообщить обо всем Федерации. Они не знали о моем отлете. Они не хотели, чтобы я улетал.— Его голос сорвался.— И я предпочел бы остаться, но нужно было сообщить Федерации.

— Вы рассказывали им что-нибудь о своем корабле?

— Как бы я мог? Я ведь не механик. Я не знаю ни теории, ни деталей конструкции. Но я показал им, как работают приборы, и позволил осмотреть двигатели. Вот и все.

Бранд Корла пробормотал себе под нос:

— Тогда они не смогут построить корабль. Этого недостаточно.

— О, они его построят.— Голос альбиноса стал пронзительным от прозвучавшего в нем триумфа.— Я знаю их. Они — машины, знаете ли. Они будут работать над проблемой. Работать. Работать. Работать без остановки. И они добьются своего. Они достаточно от меня узнали. Готов держать пари, они узнали достаточно.

Председатель бросил на альбиноса долгий взгляд и устало отвернулся.

— Почему вы ничего нам не сказали раньше?

— Потому что вы отняли у меня мой мир. Я открыл его — только я, я один. И после того как я сделал всю работу и позвал вас, вы вышвырнули меня вон. Все, что у вас нашлось для меня,— это упреки в том, что я высадился на планете и мог своим вмешательством все испортить. Так почему я должен вам что-то рассказывать? Узнавайте сами, раз вы такие умные и можете позволить себе так со мной обращаться.

«Изгой с комплексом неполноценности,— с горечью подумал председатель.— У него же мания преследования. Надо же! Все одно к одному, все становится ясно, стоит перестать любоваться открывающимися горизонтами и увидеть то, что находится под носом. И теперь уже ничего не поделаешь». Вслух он сказал:

— Ну что же, Реало, мы все проиграли. Уходите.

— Все кончено? — напряженно спросил Бранд Корла.— Действительно все?

— Действительно все,— подтвердил председатель.— Исходный эксперимент как таковой кончился. Искажения, внесенные визитом Реало, скорее всего настолько велики, что превращают чертежи и документы, которые мы тут изучали, в мертвый груз. Кроме того, Марри прав. Если у роботов есть межзвездные корабли, они опасны.

— Но вы не должны уничтожать их! — закричал Реало.— Вы не можете их уничтожить! Они никому не причинили зла!

Ему никто не ответил, и он продолжал неистовствовать:

— Я возвращаюсь к роботам! Я их предупрежу! Они приготовятся к обороне! Я их предупрежу! — Он пятился к двери, его тонкие белые волосы встали дыбом, глаза с красными веками выпучились.

Председатель не сделал никакой попытки остановить Реало.

— Пусть отправляется. Это была его жизнь. Мне теперь все равно.

Теор Реало мчался к планете роботов с таким ускорением, какое только мог выдержать. Где-то впереди маячила пылинка — изолированный мир, населенный искусственными людьми, эксперимент, который провалился. Слепо стремясь к межзвездным путешествиям, роботы вынесли себе смертный приговор.

Реало направлялся к этой планете, к городу, где его «изучали» в тот первый раз. Он хорошо все помнил. Название города было первым словом чужого языка, которое он выучил.

Нью-Йорк!

Часть третья

Эссе

Роботы, с которыми я был знаком

Механические люди, или роботы, если использовать универсально принятый термин, придуманный Чапеком, являются темой, к которой снова и снова возвращаются современные фантасты. Не существует другого неизобретенного изобретения (возможно, за исключением космического корабля), столь же надежно поселившегося в сознании такого огромного количества людей: пугающая конструкция, огромная, металлическая, слегка напоминающая человека, двигающаяся как машина и разговаривающая лишенным эмоций голосом.

Ключевым в данном описании является слово «пугающий», и в нем заключено трагическое начало, поскольку ни одна научно-фантастическая тема не лишилась настолько своей привлекательности, как тема роботов. Среднему писателю оказался доступен только один сюжет, связанный с роботами: механический человек становится угрозой, выступает против своего создателя, представляет собой опасность для человечества. Почти все рассказы подобного рода имели одинаковую мораль, намеренно или нет: «Есть вещи, которые человечеству не следует знать».

Начиная с 1940 года ситуация заметно улучшилась. На книжных полках появилось множество рассказов о роботах; родилась новая точка зрения, более механистичная и менее морализованная. Некоторые люди (например,

Грофф Конклин в своем вступлении к антологии научной фантастики «Фантастические разумные машины», опубликованной в 1954 году) посчитали возможным объявить, что, по крайней мере отчасти, новый вид рассказов о роботах появился благодаря моим произведениям, написанным начиная с 1940 года. Поскольку на Земле скорее всего не найдется человека, меньше меня страдающего от ложной скромности, я с удовольствием и без возражений принимаю это мнение. Хочу лишь добавить еще одно имя — Джон У. Кэмпбелл-младший, редактор «Эстаундинг сайенс фикшн», с которым мы провели много часов в чрезвычайно полезных и плодотворных дискуссиях на тему рассказов о роботах.

Лично я считаю, что роботы — это не проклятая богом, святотатственная имитация жизни, а всего лишь высокоразвитые машины. Машина не может «выступить против своего создателя», если она правильно сконструирована. Когда механизм, например электропила, случайно отгрызает своему владельцу конечность, его достойная сожаления склонность к агрессии устраняется при помощи установки специальных защитных устройств. Подобные защитные устройства, очевидно, могут быть созданы и в роботах. А самым логичным местом для размещения таких устройств являются электрические цепи «мозга» робота.

Позвольте мне сделать паузу и объяснить вам, что мы, писатели, работающие в жанре научной фантастики, не вступаем друг с другом в яростные споры по поводу строения «мозга» роботов. Имеется некое механическое устройство, которое приблизительно похоже на человеческий мозг и содержит цепи, необходимые для того, чтобы робот обладал уровнем восприятия и разумного реагирования, эквивалентным человеческому существу. Как это сделать без использования механических приспособлений размером с молекулу протеина или по крайней мере с клетку мозга, не объясняется. Кое-кто из писателей рассуждает о транзисторах и печатных схемах. Большинство предпочитает хранить молчание. Лично я обожаю

делать слегка мистические заявления о «позитронном мозге», предоставляя читателю возможность самому решать, какое отношение позитроны имеют к предмету обсуждения, и рассчитываю на то, что он не отложит книгу в сторону, даже если не сможет найти ответ на этот вопрос.

Так или иначе, по мере написания рассказов о роботах идея об устройствах, обеспечивающих безопасность людей, превратилась в Три закона роботехники. Эти три закона впервые были подробно описаны в рассказе «Хоровод». В уточненном и исправленном виде они выглядят следующим образом:

1. Робот не может причинить вред человеку или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинен вред.

2. Робот должен повиноваться всем приказам, которые отдает человек, кроме тех случаев, когда эти приказы противоречат Первому закону.

3. Робот должен заботиться о своей безопасности в той мере, в какой это не противоречит Первому и Второму законам.

Эти законы вносятся в мозг роботов или, точнее, в электрические цепи, заменяющие им мозг. Естественно, я не собираюсь данные цепи описывать. Правду говоря, я никогда не обсуждаю инженерные проблемы по очень простой причине: я абсолютно невежествен относительно практических аспектов создания роботов.

Первый закон, как вы видите, мгновенно покончил со старым, всем надоевшим сюжетом, о котором я торжественно обещаю больше вам не напоминать.

Хотя на первый взгляд кажется, что такие строгие ограничения могут повлиять на творческие способности, выяснилось, что Законы роботехники послужили богатым источником для научно-фантастических произведений. И уж ни в коей мере не загнали писателей-фантастов в тупик ограниченности.

Примером может послужить рассказ «Хоровод», о котором я уже говорил. В этой истории робот, дорогая экспериментальная модель, создан специально для работы на солнечной стороне планеты Меркурий. Третий закон был внедрен в его сознание надежнее остальных по вполне понятным экономическим причинам. В самом начале рассказа он отправляется в экспедицию с целью добыть жидкий селен для очень важных и абсолютно необходимых ремонтных работ. (Можете мне поверить: на солнечной стороне Меркурия, где самое настоящее пекло, жидкого селена сколько хочешь.)

К несчастью, приказ, который получил робот, был сформулирован не слишком четко, а цепи, отвечающие за Второй закон, оказались слабее, чем обычно. Что еще хуже, селеновая лужа, к которой отправили робота, находилась рядом с районом вулканической активности. В результате там возникла высокая концентрация углекислого газа. Я пришел к выводу, что при высоких температурах на солнечной стороне Меркурия углекислый газ быстро вступит в реакцию с железом и образуется летучий карбонил железа, отчего пострадают наиболее хрупкие детали сочленений у робота. Чем дальше он проникает на опасную территорию, тем большей угрозе подвергает себя, а следовательно, вступает в силу Третий закон, заставляющий его остановиться. Второй закон, который при обычных обстоятельствах перевешивает Третий, толкает его вперед. В определенной точке возникает ситуация, когда более слабый в данной конкретной ситуации Второй закон и более сильный Третий достигают равновесия и робот не может ни двигаться дальше, ни отступить. И потому он ходит в районе селеновой лужи по эквипотенциальной траектории, отдаленно напоминающей круг.

Тем временем наши герои отчаянно нуждаются в селене. Они надевают специальные скафандры, находят робота, видят, какая сложилась ситуация, и пытаются понять, что же им делать дальше. После нескольких неудач они находят ответ на свой вопрос. Один из людей совершенно сознательно подвергает себя опасности: если ро-

бот его не спасет, он обязательно погибнет. За дело принимается Первый закон, который заставляет робота покинуть свою бессмысленную орбиту, поскольку этот закон важнее двух других. И все заканчивается благополучно.

Кстати, именно в рассказе «Хоровод» я впервые употребил термин «роботехника» (наука конструирования, создания роботов и управления ими). Много лет спустя мне сказали, что я изобрел новый термин и что до меня он никогда не появлялся в печати. Не знаю, правда ли это. Если да, то я счастлив, поскольку считаю данное слово логичным и полезным и потому с удовольствием дарю его всем, кто работает в интересующей нас области.

Ни один из других моих рассказов не имеет такого прямого и непосредственного отношения к Трем законам, как «Хоровод», но все они так или иначе с ними связаны. Например, один из рассказов посвящен роботу, который умел читать мысли и был вынужден лгать, поскольку не мог сказать человеку того, что тот не хотел слышать. Видите ли, правда неминуемо причинила бы ему «вред» — в виде огорчения, разочарования, горя, смущения, потери иллюзий и прочих эмоций подобного рода.

Вот еще одна история: загадка человека, которого подозревали в том, что он робот, иными словами, что у него квазипротоплазменное тело и «позитронный мозг» робота. Доказать, что он человек, он мог только одним способом — публично нарушить Первый закон. Он не стал отказываться и при свидетелях ударил человека. Однако рассказ заканчивается сомнением, поскольку существует подозрение, что другой «человек» тоже мог быть роботом, а в Трех законах ничего не говорится о том, что один робот не может причинить вред другому.

А еще у нас имеются идеальные роботы — модели такие продвинутые, что они используются для предсказания погоды, размеров урожая, выпуска промышленной продукции, поворотов в политической жизни и тому подобное. Они нужны для того, чтобы мировая экономика

была меньше подвержена воздействию факторов, на которые человек влиять не в состоянии. Но эти поразительные роботы тоже подчиняются Первому закону. Они не могут допустить, чтобы человек страдал в результате их бездеятельности, поэтому совершенно сознательно дают ответы, которые не обязательно являются правдивыми и порой вызывают локальные экономические кризисы, спланированные для того, чтобы заставить человечество выйти на дорогу, ведущую к миру и процветанию. В конце концов роботы начинают играть решающую роль, но люди от этого только выигрывают.

Не следует недооценивать взаимоотношения человека и робота. На уровне сознания люди могут знать о существовании Трех законов, однако это не мешает им испытывать иррациональный страх и не доверять роботам на эмоциональном уровне. Если бы вы хотели придумать соответствующий термин, это можно было бы назвать «комплексом Франкенштейна». Кроме того, существует и еще одна проблема — протесты профсоюзов, которые боятся, что роботы заменят людей и те лишатся средств к существованию.

Вот вам еще одна тема для рассказов. Мой первый рассказ о роботах был посвящен роботу-няне и ребенку. Как и следовало ожидать, ребенок обожал своего робота, однако мать боялась его, что тоже вполне объяснимо. Конфликт заключался в том, что мать пыталась избавиться от робота, а ребенок всячески противостоял ее попыткам.

Мой первый длинный роман, посвященный роботам,— «Стальные пещеры» (1954) — заглядывает в далекое будущее. Действие происходит во времена, когда на других планетах, населенных эмигрантами с Земли, развивается роботизированная экономика, но сама Земля по экономическим и эмоциональным причинам протестует против засилья металлических существ. Совершено убийство, мотивом которого является ненависть к роботам. Оно разгадано парой детективов — человеком и роботом с использованием дедуктивного метода (являющегося главным во всех детективных историях) и Трех законов.

Мне удалось убедить себя, что Три закона необходимы и достаточны для безопасности человека, когда речь идет о роботах. Я искренне верю, что наступит день, когда будут созданы сложные в техническом отношении роботы, в «мозг» которых будет внесено что-нибудь вроде Трех законов. Я с удовольствием сыграю роль пророка в данной области, только вот боюсь, что вряд ли это произойдет при моей жизни*.

* Это эссе написано в 1956 году. С тех пор слово «роботехника» действительно вошло в английский язык и стало широко использоваться, и мне удалось дожить до тех времен, когда Три закона роботехники принимаются всерьез.— *Примеч. автора.*

Новые учителя

Количество пожилых людей в мире увеличивается, а молодых, наоборот, уменьшается. Эта тенденция будет неуклонно расти, если уровень рождаемости станет падать, а достижения медицины будут продлевать продолжительность жизни человека.

Чтобы пожилые люди не теряли воображения и творческих способностей и не стали обузой для постоянно уменьшающегося числа активных молодых людей, я часто выступал с предложениями модифицировать нашу систему образования таким образом, чтобы человек продолжал учиться до конца жизни.

Но как это сделать? Откуда взять столько учителей?

А кто говорит, что учителя должны быть людьми или вообще живыми существами?

Предположим, что в грядущем веке коммуникационных спутников станет значительно больше, чем сейчас. Кроме того, они будут значительно сложнее и «умнее». Предположим, что вместо радиоволн главным средством связи станут лазерные лучи, которые обладают гораздо более широкими возможностями.

В таком случае появится возможность создать многие миллионы отдельных каналов для звука и изображения, и уж совсем просто представить себе, что каждый человек на Земле получит свой собственный телевизионный канал.

Каждый человек (ребенок, человек средних лет или старик) будет иметь свой собственный выход, к которому он сможет в любое удобное для него время подключать обучающую машину. Это будет гораздо более разносторонняя интерактивная обучающая машина, чем те, что имеются у нас в настоящий момент, поскольку компьютерные технологии тоже не стоят на месте.

Мы можем надеяться, что такие машины будут достаточно сложными и гибкими, чтобы модифицировать свои программы (иными словами, «учиться») в результате деятельности ученика.

Ученик будет задавать вопросы, отвечать на них, делать заключения, высказывать свое мнение, благодаря чему машина оценит его прогресс и в соответствии с этим будет менять скорость и интенсивность курса обучения и, что еще важнее, ставить акценты на вопросах, которые больше всего занимают ученика.

Однако персональная обучающая машина не должна быть очень большой. Размером и внешним видом она может походить на телевизор. Возможно ли, чтобы такое маленькое устройство содержало столько информации, сколько необходимо учащемуся, которого интеллектуальное любопытство может завести достаточно далеко? Нет, если речь идет об изолированной обучающей машине,— но в таких машинах нет никакой необходимости.

В цивилизации с развитыми компьютерными технологиями, способной производить обучающие машины, непременно будут существовать компьютеризированные библиотеки. Они могут быть соединены единой сетью и подключены к единой планетарной библиотеке.

Все обучающие машины будут иметь прямую связь с планетарной библиотекой и смогут получить в свое распоряжение любую книгу, периодическое издание, документ, звуковую или видеозапись в закодированном виде. Дальше ученик либо увидит интересующий его материал на экране, либо получит в распечатанном виде на бумаге, чтобы иметь возможность изучить его потом, в более спокойной обстановке.

Разумеется, необходимость в учителях-людях не отпадет. Существуют некоторые предметы, например занятия спортом, театральным и ораторским искусством и тому подобное, где взаимодействие ученика с учителем просто необходимо. Кроме того, определенную ценность и интерес представляют групповые занятия студентов, когда они собираются вместе, чтобы обсудить друг с другом и с преподавателем какую-нибудь проблему, поделиться своими умозаключениями, сделать новые открытия.

После такого общения с себе подобными они могут с известным облегчением вернуться к всезнающей, гибкой и бесконечно терпеливой машине.

Но кто будет учить обучающие машины?

Естественно, тот, кто учится у машины, будет одновременно и учить ее. Люди, которые с удовольствием занимаются интересующими их вопросами, склонны думать, наблюдать, размышлять, ставить эксперименты и время от времени изобретать нечто новое, неизвестное до них.

Они будут делиться своими знаниями с машиной, которая в свою очередь зафиксирует полученную информацию (не забыв, разумеется, указать имя изобретателя) в планетарной библиотеке, где ее смогут получить другие машины. Новые сведения останутся в памяти машины и послужат отправной точкой для тех, кто придет следом. Таким образом, обучающие машины позволят людям устремиться к достижениям, которые сейчас невозможно даже предсказать.

Я рассуждал здесь лишь о технической стороне обучения, а как насчет содержания? Какие предметы будут изучать люди? Когда наступит век обучающих машин? Поговорим об этом в следующем эссе.

Все, что ты хочешь

Трудности в решении вопроса о том, какие профессии появятся в будущем, обусловлены тем, какое будущее мы для себя выберем. Если мы позволим цивилизации погибнуть, единственной профессией будет борьба за выживание, и сомневаюсь, что многие добьются в ней успеха.

Предположим, что нам удастся не только сохранить свою цивилизацию, но и сделать ее процветающей и владеющей развитыми технологиями. В таком случае логичным кажется существование в будущем следующих областей деятельности: программирование, добыча полезных ископаемых на Луне, атомная и космическая инженерия, лазерные коммуникации, нейрофизиология и тому подобное.

Однако я не могу не думать о том, что развитие компьютеризации и автоматизации положит конец известным видам деятельности человека — всем этим отупляющим однообразным действиям, как физическим, так и умственным, которые могут превосходно выполняться машинами, причем машинами не сложнее тех, какие мы уже сейчас в состоянии создать.

Короче говоря, мир может стать настолько отлаженным, что потребуется лишь небольшая горстка людей-»прорабов», которые будут следить за тем, чтобы население Земли было накормлено, имело уютные дома и было избавлено от повседневных забот.

А что станет делать большая часть человечества в практически полностью автоматизированном будущем? Как насчет тех, у кого не окажется способности или желания работать по одной из новых профессий будущего — или для кого не найдется в них места? Складывается впечатление, что из-за отсутствия работы в нынешнем понимании этого слова им будет просто нечего делать.

Пугающая мысль. Что станут делать люди, когда у них не будет работы? Будут сидеть и скучать? Или, что того хуже, станут раздражительны и неуравновешенны? Существует поговорка, что дьявол всегда находит тех, кто бездельничает, и творит зло их руками.

Но мы делаем выводы исходя из существующей в наше время ситуации, когда люди, предоставленные сами себе, неминуемо скатываются в пропасть.

Вспомните, что истории известны времена, когда аристократия жила в праздности, питаясь плодами труда живых машин из плоти и крови — иными словами, рабов и крестьян. При высоком уровне развития культуры аристократия занималась искусствами, литературой и философией. Разумеется, такое времяпрепровождение нельзя рассматривать как полезную работу, но оно давало пищу для ума, часто становилось темой интересных бесед и оживляло жизнь тех, кто мог позволить себе тратить время на подобные вещи.

Речь идет о гуманитарных науках, и ими занимались люди, которым не нужно было ничего делать руками. Считалось, что такие занятия приносят гораздо больше удовлетворения и что они значительно возвышеннее технических наук — всего лишь полезных.

В таком случае, возможно, будущее увидит всемирную аристократию, которой станут служить единственно возможные в данной ситуации рабы — сложные машины. И тогда возникнет гораздо более широкая и интересная программа развития гуманитарных наук, которые будут преподавать машины.

Люди выберут компьютерные технологии, или атомную инженерию, или исследования лунной поверхности и добычу полезных ископаемых, или любую другую про-

фессию, которая в определенный момент будет важной для процветания мира. Почему бы и нет? Такие профессии, требующие от человека определенных умений и развитого воображения, станут привлекательны для многих, и я не сомневаюсь, что желающих найдется достаточно, чтобы заполнить все необходимые места.

Впрочем, большинство людей займется более приземленными делами. Они могут собирать марки, глиняную посуду, живопись, готовить экзотические блюда, пробовать себя в театральном искусстве и тому подобное. Иными словами, будет предоставлен широкий выбор возможностей, и единственным принципом станет следующий: «Все, что ты хочешь».

Каждый человек под руководством обучающих машин, достаточно сложных, чтобы предложить ему разные варианты деятельности, сможет выбрать то, чем он больше всего хотел бы заниматься.

Достаточно ли разумен человек, чтобы понимать, какое именно дело он сможет делать лучше всего? Но почему бы и нет? Кто другой может это знать? А если вам нравится ваше занятие, вы, естественно, добьетесь в нем успехов.

А если люди решат ничего не делать? Просто проспать свою жизнь?

Если они этого хотят — пусть так и поступают. Только я сомневаюсь, что так будет. Ничего не делать — трудная работа, и лично мне кажется, ее выберут те, кто никогда не имел возможности извлечь из своей души нечто более интересное и, следовательно, простое.

Получается, что в по-настоящему автоматизированном и образованном мире машины будут оказывать на людей гуманитарное влияние. Машины будут делать тяжелую работу и тем самым облегчат жизнь человеку, который сможет заняться чем-нибудь более приятным и занимательным для себя.

Наши друзья

Термину «робот» всего шестьдесят лет. Его придумал и впервые употребил в своей пьесе «R. U. R.» чешский драматург Карел Чапек— это слово на чешском языке означает «рабочий».

Однако сама *идея* значительно старше. Она родилась во времена, когда люди впервые начали мечтать о слуге, наделенном умом, сильном, не знающем ни усталости, ни скуки и не испытывающем разочарования. В греческих мифах богу огня Гефесту помогали золотые девушки, казавшиеся живыми и созданными из плоти и крови. А остров Крит охранял бронзовый великан по имени Талос, который без устали обходил его берега, чтобы не допустить туда врага.

Возможно ли существование роботов? И если да, так ли нам это нужно?

Механические устройства с пружинами, разными приспособлениями и храповиками, конечно, могут заставить похожие на людей машины действовать похоже на людей, но суть хорошего робота заключается в его способности *думать* — причем так, чтобы он мог быть полезным без постоянного надзора со стороны человека.

Однако чтобы думать, нужен мозг. Человеческое существо состоит из микроскопических нейронов, каждый из которых обладает невероятно сложной субструктурой. В нашем мозгу имеется 10 миллиардов нейронов и 90 миллиардов сопутствующих им клеток, соединенных

между собой исключительно сложным образом. Разве можно повторить что-нибудь подобное в искусственном виде и поместить в робота?

До изобретения электронного компьютера тридцать пять лет назад о нем даже и помыслить было невозможно. Прошло некоторое время после его рождения, и он становился все компактнее и компактнее, с каждым годом вмещал в себя все больше информации, а места занимал все меньше.

Вполне возможно, что через несколько десятилетий появится крошечный компьютер размером с человеческий мозг, которым можно будет снабдить робота. Совсем не нужно, чтобы такой компьютер был столь же продвинутым, как человеческий мозг, достаточно, чтобы он мог руководить действиями робота, в чью задачу входит, скажем, пылесосить ковры, управлять гидравлическим прессом или наблюдать за лунной поверхностью.

Робот, естественно, должен иметь встроенный источник питания; не будем же мы вечно привязаны к розетке на стене. Эту задачу решить совсем не сложно. В определенном смысле батарейка, нуждающаяся в периодической подзарядке, ничем не отличается от живого существа, которому периодически требуется пища.

Но зачем придавать роботам вид человека? Не разумнее ли сконструировать специализированную машину, предназначенную для выполнения определенных заданий, не заставляя ее страдать от неудобств вроде ног, рук и торса? Предположим, вы создадите робота, который сможет, засунув палец в печку, определить ее температуру, а затем поддерживать ее на одном уровне, манипулируя переключателем. Вне всякого сомнения, простой термостат не хуже такого робота справится с подобной задачей.

Однако подумайте вот о чем: за тысячи лет развития человеческой цивилизации мы создали технологию, приспособленную для удобств человека. Предметы, используемые людьми, конструируются таким образом, чтобы они подходили нам по размерам и форме. Машины строятся так, чтобы человек мог дотянуться до рычагов

управления с учетом, например, длины и расположения человеческих пальцев.

Вспомните лишь о проблемах, которые возникают у тех, кто немного выше или ниже средней нормы — или делает все левой, а не правой рукой — чтобы понять, как важно правильно использовать технологический прогресс.

В таком случае, если нам требуется управляющее устройство, которое сможет работать с инструментами и приборами, предназначенными для людей (а значит, сумеет вписаться в технологическую схему), разумнее всего построить это устройство, придав ему внешний вид человека, со всеми изгибами и сочленениями, характерными для человеческого тела. Нам совсем не нужно, чтобы данное устройство оказалось слишком тяжелым или непропорциональным по нашим представлениям. Во всех отношениях соответствие среднему уровню будет как нельзя лучше.

Следует также заметить, что нам свойственно находить или воображать человеческие качества в существах и предметах, не имеющих никакого отношения к классу людей. Мы даем человеческие характеристики домашним животным и даже автомобилям. Мы персонифицируем природу и все, что к ней относится, а в древние времена делали из разных природных материалов богов и богинь по образу и подобию человека.

И разумеется, когда мы возьмем на службу механизированного думающего партнера (или, в конце концов, думающего слугу), то будем чувствовать себя в его обществе уютнее, а к нему относиться проще, если своими очертаниями он будет напоминать человека.

Гораздо легче подружиться с роботом, похожим на человека, чем со специализированной машиной, имеющей нейтральную форму. Иногда я думаю, что в том отчаянном положении, в котором сегодня оказалось человечество, мы будем рады иметь механических друзей, даже если они будут созданы нами самими.

Наши разумные инструменты

Роботам не нужно быть *слишком* умными, чтобы быть *достаточно* умными. Если робот сможет исполнять простые приказы и делать работу по дому, то есть управлять несложными машинами вроде кухонного комбайна,— иными словами, эффективно заниматься однообразной работой,— нас это полностью удовлетворит.

Построить робота непросто, потому что необходимо засунуть ему в голову компактный компьютер, если вы хотите, чтобы он хотя бы отдаленно напоминал человека. Создать достаточно сложный компьютер размером с человеческий мозг тоже очень трудно.

Но забудем на время о роботах. А зачем нам вообще строить компактный компьютер? Детали, из которых делаются компьютеры, становятся все меньше и меньше — от вакуумных трубок и транзисторов до интегральных схем и силиконовых чипов. Предположим, что в дополнение к тому, что мы уменьшаем детали, мы одновременно увеличиваем всю структуру.

Мозг, который становится слишком большим, в конце концов начинает терять эффективность, потому что нервным импульсам требуется больше времени, чтобы добраться до места своего назначения. Даже самые быстрые из них развивают скорость лишь около 6 километров в минуту. Нервный импульс может попасть из одного отдела мозга в другой за 0,002 секунды, но в мозгу дли-

ной в 15 километров — если мы в состоянии себе представить такой — импульсу потребуется 2,5 минуты, чтобы добраться туда, куда ему нужно. Дополнительная сложность, которая становится возможной благодаря большим размерам, окажется совершенно бесполезной просто потому, что информация будет слишком долго путешествовать и обрабатываться в цепях мозга.

Но компьютеры используют электронные импульсы, которые передвигаются со скоростью более 17,5 миллионов километров в минуту. Компьютер протяженностью 650 километров будет посылать электронные импульсы из конца в конец примерно за те же 0,002 секунды. По крайней мере, в этом отношении компьютер таких громадных размеров в состоянии обрабатывать информацию с той же скоростью, с какой это делает человеческий мозг.

Таким образом, если мы представим себе производство компьютеров, состоящих из все более и более миниатюрных деталей, которые все более и более сложно взаимодействуют между собой, и одновременно представим, что наши компьютеры будут увеличиваться в размерах, не можем ли мы предположить, что рано или поздно наступит момент, когда они начнут выполнять работу, которую сейчас делают люди?

Существует ли теоретический предел разумности компьютера?

Я об этом не слышал. Мне кажется, что всякий раз, когда мы усовершенствуем какую-то модель, делая ее более сложной, возникает ощущение, что этот компьютер способен на большее. Всякий раз, когда мы увеличиваем компьютер в размерах, стараясь одновременно сохранить сложность каждой детали, выясняется, что компьютер способен на большее.

Итак, если мы научимся делать достаточно сложные и достаточно большие компьютеры, почему они не могут быть наделены человеческим умом?

Кое-кто наверняка нам не поверит и скажет: «Разве может компьютер создать великую симфонию, произведение живописи или новую научную теорию?»

В таких ситуациях мне всегда хочется ответить вопросом на вопрос: «А вы можете?» Впрочем, не следует забывать, что в мире, населенном самыми обычными людьми, есть и великие люди, настоящие гении. Однако они становятся гениями лишь потому, что атомы и молекулы у них в мозгу организованы особым образом. У них в головах нет ничего другого, кроме атомов и молекул. Если мы особым образом выстроим атомы и молекулы в компьютере, он тоже сможет создавать гениальные произведения; и даже если отдельные его детали будут не такими крошечными и изощренно сложными, как в человеческом мозгу, мы компенсируем это увеличением размеров компьютера.

Кое-кто скажет: «Но компьютеры могут делать только то, на что они запрограммированы».

Ответ на это таков: «Совершенно верно. Но мозг тоже может делать только то, на что он запрограммирован — генами. Частью программы мозга является способность учиться, что должно войти и в программу сложного компьютера».

На самом деле, если можно создать компьютер, не уступающий по уровню интеллекта человеку, почему нельзя сделать его *умнее*?

Действительно, почему? Может быть, в этом и заключается эволюция. За три миллиарда лет, методом проб и ошибок на уровне атомов и молекул, в результате чрезвычайно медленного и постепенного усовершенствования появился наконец вид, достаточно разумный для того, чтобы сделать следующий шаг вперед уже в течение века или даже нескольких десятилетий. И вот тогда начнется настоящий прогресс.

Однако если компьютеры станут умнее людей, не возникнет ли опасность, что они нас заменят? Ну а почему бы и нет? Они могут быть не только разумными, но и добрыми и позволят нам просто плыть по течению. Будут держать нас при себе в роли домашних животных или так, про запас.

А теперь подумайте, что мы сами сейчас делаем со всеми живыми существами и с самой планетой, на которой живем. Вполне возможно, уже *пора* нас заменить? Может быть, главная опасность заключается в том, что компьютеры будут развиваться недостаточно быстро, чтобы занять наше место?

Подумайте об этом*.

---

* Я представляю вам эту точку зрения лишь в качестве темы для размышления. Совершенно другой позиции я придерживаюсь в эссе «Разумы, действующие совместно», напечатанном в данном сборнике.— *Примеч. автора.*

Законы роботехники

Довольно трудно думать о компьютерах, представляя себе вариант, когда они могут «захватить» наше место.

Заменят ли они нас, превратят ли в какой-то пережиток, выбросят ли на свалку, как мы в свое время расправились с копьями и трутницами?

Если мы представим себе компьютерный мозг внутри металлической имитации человека, которую мы называем роботом, страх окажется еще более ощутимым. Роботы так напоминают людей, что один только их внешний вид может послужить причиной возникновения у них мятежных мыслей.

Эта проблема стала одной из самых популярных в мире научной фантастики в 1920—1930-х годах, когда было написано множество рассказов, темой которых являлись роботы, восставшие и уничтожившие своих создателей.

Когда я был молодым человеком, мне ужасно надоели предупреждения, звучавшие в произведениях подобного рода, поскольку мне представлялось, что робот — это всего лишь машина, а люди постоянно строят машины. Учитывая, что все машины так или иначе представляют для нас опасность, мы специально встраиваем в них самые разнообразные защитные устройства.

В 1939 году я начал серию рассказов, в которых с симпатией описывались тщательно сконструированные машины, выполнявшие определенные задачи, причем в

каждой из машин имелось встроенное устройство, обеспечивающее их миролюбие.

В рассказе, написанном в октябре 1941 года, я наконец дал имя этому защитному устройству — Три закона роботехники. (Я изобрел термин «роботехника», который до тех пор никогда и нигде не использовался.)

Они звучат так:

1. Робот не может причинить вред человеку или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинен вред.

2. Робот должен повиноваться всем приказам, которые отдает человек, кроме тех случаев, когда эти приказы противоречат Первому закону.

3. Робот должен заботиться о своей безопасности в той мере, в какой это не противоречит Первому и Второму законам.

Эти законы внесены в компьютеризированный мозг робота и явились темой многих моих рассказов, посвященных роботам. По правде говоря, они так понравились читателям и звучали так разумно, что другие писатели-фантасты начали использовать их (никогда не цитируя напрямую — в отличие от меня), и все старые рассказы о роботах, уничтожавших своих создателей, просто умерли.

Ну, это научная фантастика. А как насчет работ по созданию сложных компьютеров и искусственного интеллекта, которые проводятся учеными? Когда строятся машины, обладающие собственным разумом, будут ли в их сознание внедрены законы, подобные Трем законам роботехники?

Разумеется да, поскольку создатели компьютеров и сами обладают высокоразвитым интеллектом. Более того, защита будет не только иметь некоторое отношение к Трем законам — она будет на них опираться.

В тот момент, когда я придумал Три закона, я не понимал, что человечество уже давным-давно пользуется ими. «Три закона инструментов» звучат следующим образом:

1. Инструмент должен быть безопасным для использования.

(Это же очевидно! У ножей и мечей имеются рукояти. А инструмент, который может причинить вред тому, кто взял его в руки — если, конечно, человек знает об опасности,— никогда не будет использован, каким бы полезным он ни казался.)

2. Инструмент должен выполнять свои функции при условии, что он не представляет ни для кого никакой опасности.

3. Инструмент должен оставаться в целости и сохранности во время его использования, если только его уничтожение не продиктовано соображениями безопасности или если это не входит в его функцию.

Никто никогда не цитирует эти три закона, поскольку все принимают их как должное. Каждый закон, если о нем заговорят вслух, будет встречен дружным восклицанием вроде: «Ну, это же любому ясно!»

В таком случае давайте сравним «Три закона инструментов» с Тремя законами роботехники, и вы увидите, что они полностью совпадают. А разве может быть иначе? Ведь робот, или, если желаете, компьютер, является инструментом, которым пользуется человек?

Но можно ли сказать, что мы защищены от всех неприятностей в достаточной степени? Подумайте об усилиях, которые предпринимаются, чтобы сделать автомобили безопасными,— однако они продолжают убивать около 50 000 американцев в год. Подумайте об усилиях, которые предпринимаются, чтобы обезопасить банки,— однако ограбления продолжаются. Подумайте об усилиях, которые предпринимаются, чтобы защитить компьютерные программы,— однако количество компьютерного мошенничества растет.

Впрочем, если компьютеры станут достаточно разумными, чтобы «перехватить инициативу», они уже не будут нуждаться в ограничениях, предписываемых Тремя законами. И тогда по доброте душевной они решат заботиться о нас и оберегать от неприятностей и проблем.

Однако кое-кто из вас может возразить, что мы не дети и, как только возникнет необходимость нас охранять, мы лишимся своей человеческой сути.

Правда? Посмотрите на сегодняшний мир и мир прошлого и задайте себе вот какой вопрос: в самом ли деле мы не дети (причем склонные к насилию и уничтожению всего вокруг) и справедливо ли утверждение о том, что за нами не нужно присматривать?

Если мы хотим, чтобы с нами обращались как со взрослыми, возможно, нам следует вести себя как взрослые. И когда же начнем?

Будущая фантастика

В прошлом три фундаментальных достижения в области коммуникаций полностью изменили все области нашей жизни. Первое — это речь, второе — письмо и третье — книгопечатание.

Сейчас можно говорить о четвертом достижении, не менее важном, чем первые три,— о компьютере. Четвертое революционное изобретение позволит человеку развить свои творческие способности до небывалых высот. И если мы не уничтожим мир при помощи ядерного оружия, перенаселения или загрязнения окружающей среды, мы получим мир технодетей, настолько отличающийся от нынешнего, насколько нынешний отличается от мира пещерного человека. Каким будет мир следующего поколения по сравнению с миром наших предков?

Ответ, который напрашивается сам собой: компьютер можно рассматривать как еще один вид развлечения, что-то вроде супертелевизора. Его можно будет использовать для сложных игр, общения с друзьями и других простых вещей. Однако даже это может коренным образом изменить нашу жизнь. Прежде всего, общение через компьютерные сети уничтожит расстояния. Весь земной шар станет представляться нам похожим на соседний город или даже дом — и это будет иметь важные последствия. Человечество сможет считать себя единым целым, а не сборищем постоянно враждующих социальных групп. В мире появится общий lingua franca, язык (вне всякого со-

мнения, близкий по своему строению к современному английскому), который будут понимать все, хотя люди, разумеется, сохранят свои родные языки для местного пользования.

Затем, поскольку коммуникации больше не будут представлять никаких проблем, а механическими и электронными устройствами можно будет управлять издалека (например, телеметрия уже сейчас позволяет инженерам отправлять инструкции — и получать ответы — на устройства, которые находятся в районе других планет в миллиардах километров от Земли), благодаря компьютерам исчезнет необходимость использовать транспортные средства для сбора информации.

Естественно, никто не намерен запрещать путешествия. Вы по-прежнему сможете лично отправиться в туристическую поездку или навестить друзей и родных. Но вам больше не придется сражаться с толпами людей только для того, чтобы получить сведения, которые можно передать по компьютеру.

Это значит, что технодети будущего привыкнут жить в децентрализованном мире и смогут делать все, что им необходимо, прямо из собственного дома или из того места, где они в данный момент окажутся. Получается, что они будут одновременно чувствовать себя совершенно изолированными и связанными друг с другом.

Дети следующего поколения — и общество, которое они построят,— станут свидетелями огромной пользы, приносимой компьютерами в области образования. В настоящее время наше общество заинтересовано в том, чтобы дать образование максимально возможному количеству детей. Ограниченное число учителей приводит к групповому методу обучения. Каждый ученик школы, находящейся в данном районе, штате или государстве, получает примерно одинаковое образование, причем одинаковыми методами. Но из-за того, что каждый ребенок имеет индивидуальные пристрастия и способности, результаты группового обучения не дают желаемых результатов. Например, большинство взрослых, сохранивших

весьма неприятные воспоминания о своей школьной жизни, не хотят учиться дальше. Они считают, что с них достаточно.

Учение может доставлять удовольствие, даже стать всепоглощающим занятием, если позволить ребенку заниматься тем, что лично ему интересно, причем тогда и так, как он хочет. В настоящий момент такая система возможна благодаря существованию публичных библиотек. Но библиотека — не слишком удобное средство обучения. Туда нужно идти, взять можно только ограниченное количество книг, которые следует возвратить через определенное время.

Совершенно очевидно, что решение этой проблемы заключено в переносе библиотек в дома. Ведь проигрыватели помогли нам получить концертный зал прямо у себя дома, телевизор заменил кинотеатр. А компьютер может стать нашей домашней библиотекой. Дети будущего получат возможность удовлетворить свое любопытство. С самого раннего возраста они научатся управляться со своим компьютером и давать ему определенные задания. По мере возникновения разных интересов (которыми, надеюсь, будут руководить школьные учителя) они смогут больше узнавать за более короткое время, а кроме того, получат возможность расширить диапазон своих познаний и увлечений.

В образовании усилится компонент самомотивации. Возможность следовать по самостоятельно выбранной дороге позволит техноребенку получать от процесса обучения удовольствие, в результате он превратится в активного техновзрослого — любознательного, энергичного, готового расширять свой интеллектуальный кругозор до тех пор, пока его мозг не состарится.

Новый подход к проблемам образования обязательно повлияет на другую область нашей жизни — работу. До настоящего момента большинство людей работают в местах, где их мозг подвергается серьезной нагрузке. Во времена, когда главной была грубая физическая работа, мало у кого появлялась возможность поднять глаза к небу и посмотреть на звезды, задуматься об абстрактных ве-

щах. Даже когда промышленная революция подарила людям машины, которые освободили их от тяжелого физического труда, бессмысленная «квалифицированная» работа никуда не делась. И сейчас те, кто трудятся на конвейерах или в офисах, выполняют однообразные операции, не требующие затрат умственной энергии.

Впервые в истории умелые машины, или роботы, смогут выполнять эту утомительную работу. Любая простая и однообразная работа, с которой роботы в состоянии справиться, возможно, даже лучше людей, должна считаться ниже нашего достоинства. По мере того как технодети будут превращаться в техновзрослых и начнут работать, у них появится достаточно времени для проявления изобретательности и творческих способностей, чтобы отдавать свой талант театру, науке, литературе, вопросам управления государства и развлечениям. Они будут готовы к такой работе благодаря компьютеризации образования.

Кто-то наверняка скажет, что нельзя рассчитывать, будто творческие способности начнут проявляться сразу у большого количества людей. Они так думают, потому что живут в мире, в котором мало кому удается избежать интеллектуального уничтожения на работе, которая не требует работы ума. Все повторяется: всегда считалось, что грамотность, например, доступна лишь тем, кто обладает умственными способностями, особо подготовленными для восприятия сложных задач чтения и письма. Разумеется, с появлением книгопечатания и массового образования выяснилось, что грамотными в состоянии стать большинство людей.

Что все это означает? Что нам придется жить в мире безделья? Как только компьютеры и роботы станут делать за нас скучную, механическую работу, мир начнет стремительно развиваться. Появятся ли в результате новые «гении Возрождения»? Да. Сейчас отдых составляет небольшую часть нашей жизни, которая либо плотно используется вследствие недостатка времени, либо пропадает из-за ничегонеделания в отчаянной попытке забыть

о существовании ненавистного мира работы. Когда мы получим намного больше свободного времени, у нас пропадет ощущение, будто мы живем по часам, которые постоянно убегают вперед, и не возникнет желания восстать против рабства ненавистной работы. Люди смогут не спеша попробовать разные виды деятельности, стать знатоками сразу в нескольких областях, развить свои таланты.

Я не пытаюсь сочинять будущее. История знала времена, когда одни люди имели рабов — жестокую человеческую версию компьютера,— которые на них работали. Другие имели покровителей, которые их поддерживали. Когда даже у небольшого количества людей появляется достаточно свободного времени, чтобы следовать за своими интересами, от этого тут же выигрывают культура и искусство. Золотой век в Афинах в V веке до нашей эры, итальянское Возрождение в XIV-XVI веках являются самым ярким тому примером.

Люди не просто получат возможность заниматься тем, что им нравится,— многим захочется поделиться своими достижениями с остальными. Ведь большинство из нас природа наделила талантами. Мы поем, когда принимаем душ, участвуем в самодеятельных спектаклях или в парадах. Я полагаю, что XXI век увидит общество, в котором одна треть населения будет занята в развлечении остальных двух третей.

Кроме того, обязательно появятся новые формы развлечений, которые сейчас представляются нам весьма смутно. Трехмерное телевидение предвидеть легко. Да и само космическое пространство станет новой ареной для деятельности. Например, при земном тяготении, приближающемся к нулю, игра в теннис и футбол могут приобрести совсем иной вид. Балет и даже просто танцы будут поражать нас своей необычностью и потребуют особой координации движений. Наблюдая за такими представлениями, мы будем получать истинное наслаждение, поскольку двигаться вверх и вниз станет так же просто, как назад и вперед или влево и вправо.

А как насчет тех людей, которые не захотят делиться с окружающими своими достижениями и вместо этого решат уйти в собственный мир? Например, человек, изучающий историю костюма, сможет получить необходимую ему информацию из мировых библиотек, просто находясь у себя дома. А вдруг мы окажемся в мире, где огромное количество интеллектуалов станет затворниками? Вдруг создадим интровертов?

Лично я считаю, что такая возможность пренебрежимо мала. Тот, кто отчаянно интересуется какой-то одной областью знания, чаще всего становится добровольным миссионером. Такие люди обязательно захотят поделиться своими открытиями с остальными. Даже сегодня люди, занимающиеся изучением какого-то предмета, склонны рассказывать о своих достижениях другим, а не сидеть тихонько в углу. Если и существует какая-то опасность, так это то, что появится больше зануд, желающих всем поведать о предмете своих изысканий, чем отшельников.

Не следует также забывать и о тех, кто делится своими знаниями, движимый желанием объединиться с другими людьми, создать, пусть и временно, собственный мир, в котором всех занимает одно и то же дело. В 1970-х годах кому-то пришла в голову мысль создать общество любителей «Звездных войн», предполагая, что в него войдет не больше сотни человек. В результате желающих стать членами клуба оказалось несколько тысяч (а еще считается, что телевидение разобщает!). Кроме того, я не сомневаюсь, что многие выберут для себя общение при помощи компьютеров — в диалоговом режиме.

Я уверен, что возникнет глобальная компьютерная система связи, когда мы сможем общаться с теми, кто живет на другом конце света и разделяет наши интересы. Будут проходить постоянные обмены мнениями, в которых станут участвовать самые разные люди, появляться новые участники и идеи. А в результате процесс обучения и образования будет идти непрерывно.

Я предвижу возникновение общества, пропитанного духом творчества, где люди тянутся друг к другу, новые идеи возникают и распространяются с невиданной доселе скоростью, перемены и самые разнообразные достижения улучшают нашу планету (не говоря уже о небольших искусственных мирах, созданных в космосе). Это будет новый мир, который будет рассматривать прежние времена как период, когда жили лишь наполовину.

Машины и роботы

С точки зрения физика машина — это устройство, которое переносит силу из одной точки, где она прилагается, в другую, где она используется и в этом процессе изменяет свою мощность и направление.

В этом смысле для человеческого существа трудно использовать что-либо, что не является частью его тела, не включая в этот процесс машин. Пару миллионов лет назад, когда еще трудно было решить, перейдена ли уже грань между обезьяной и человеком, существовала практика обкалывания камней, и их острые края служили первобытными ножами.

Даже такой заостренный камень можно считать машиной, поскольку сила, которая прикладывается к тупому концу рукой, передается на острый конец и в процессе становится значительнее. Сила, распространяющаяся по большой площади тупого конца, равняется силе, которая поступает на маленький острый. Следовательно, давление (произведение силы на площадь) увеличивается и, без увеличения общей силы, влияет на действие. И тогда камень с острым краем может «вгрызаться» в предмет — в отличие от круглого камня или человеческой руки.

В реальной жизни никто, кроме самых упрямых физиков, не назовет заостренный камень машиной. В действительности мы считаем машинами достаточно слож-

ные устройства и склонны давать им имена, если они не управляются напрямую человеком.

Чем меньше устройство зависит от человека, тем более механическим оно считается. В результате целая отрасль техники занимается конструированием машин, которые все менее и менее требуют человеческого контроля и все более и более обладают чем-то вроде собственной воли. Заостренный камень — это почти часть руки, которую он никогда не покидает. Копье объявляет о своей независимости в тот момент, когда оно выпущено из руки.

Уход от прямого и постоянного контроля за механизмами позволил человеку, даже в примитивном обществе, сделать шаг вперед по дороге экстраполяции и представить себе устройства, еще более независимые и самостоятельные. И тут же возник некий вид фантазий, который кое-кто, дающий этому термину более широкое определение, чем я, назовет научной фантастикой.

Человек передвигается на ногах при помощи прямого и непосредственного контроля собственных действий; верхом на лошади — управляя более сильными мышцами животного при помощи поводьев и собственных пяток; на корабле — используя невидимую силу ветра. Почему бы не пойти дальше, например, к семимильным сапогам, ковру-самолету, самоходным лодкам? Сила, которая применяется в подобных устройствах, называется «волшебной», ею обладают сверхлюди и наделенные трансцендентальной энергией боги и демоны.

Подобные фантазии касаются не только физических возможностей неодушевленных предметов, но и чрезмерно развитых умственных способностей объектов, считающихся неодушевленными. Искусственный интеллект — вовсе не современное понятие.

Греческий бог огня Гефест, согласно «Илиаде», имел в своем дворце помощниц — золотых механических девушек, которые были так же энергичны, подвижны и умны, как и существа из плоти и крови.

А почему бы и нет? В конце концов, если человек-кузнец создает неодушевленный металлический предмет из

самого обычного железа, почему бы богу-кузнецу не произвести на свет неодушевленный предмет из благородного металла — золота — и не наделить его разумом? Это очень простая экстраполяция, являющаяся второй натурой писателей-фантастов (которые в примитивные времена, в отсутствие науки, являлись сочинителями мифов).

Однако ремесленники-люди, наделенные достаточным интеллектом, тоже в состоянии создавать механические существа. Вспомните Талоса, бронзового воина, созданного Дедалом — Томасом Эдисоном греческих мифов. Талос охранял берега Крита, обходя остров один раз в день и прогоняя прочь чужаков. Жидкость, которая поддерживала в нем жизнь, удерживалась пробкой, находившейся у него в пятке. Когда аргонавты высадились на Крите, Медея при помощи волшебства вытащила пробку, и Талос лишился своей псевдожизни.

(Придать символическое значение этому мифу очень просто. Крит начиная с IV тысячелетия до нашей эры, еще до того как греки появились в Греции, имел военно-морской флот, первый в истории человечества. Флот позволил жителям острова создать империю, включив в нее близлежащие острова и часть материка. Греческие варвары, напавшие на эти земли, до определенной степени являлись подданными этой империи. Воины в бронзовых доспехах охраняли владения империи на своих кораблях в течение двух тысяч лет — но все-таки потерпели поражение. Пробка была вынута, если можно так сказать, когда в 1500 году до нашей эры на острове Тера началось извержение вулкана и наводнение сильно ослабило критскую цивилизацию. Вот тогда и появились греки. Однако тот факт, что миф является отдаленным и искаженным изложением действительных событий, не мешает ему стать напоминанием о том, как устроено воображение человека.)

Получается, что с самого начала машина заставила человечество обратить свое внимание на двоякую проблему. Пока машина полностью находится под контролем человека, она является полезной и заметно облегчает нам

жизнь. Однако люди знают по собственному опыту (причем уже довольно давно), что технология развивается, машины неминуемо становятся лучше и сложнее, а их усовершенствование постоянно движется в направлении уменьшения контроля человека и увеличения автономности — причем на головокружительной скорости.

Чем меньше человек контролирует машины, тем более пугающими они становятся. Даже в тех случаях, когда этот процесс внешне не заметен или происходит чрезвычайно медленно, не требуется большого ума, чтобы заглянуть в будущее, во времена, когда машины полностью освободятся от контроля людей. Это нас пугает.

А чего мы боимся?

Самым простым и очевидным ответом является следующий: мы боимся, что машины, переставшие нам подчиняться, могут причинить людям вред. В действительности любое технологическое достижение, даже самое фундаментальное, несет в себе двойной аспект «хорошо—плохо», и, следовательно, мы смотрим на него с любовью и страхом.

Огонь вас согревает, дает вам свет, готовит для вас еду, плавит руду — но если он вырвется на свободу, то сжигает и убивает. Ваши ножи и копья убивают ваших врагов (животных и людей) — но если они оказываются в руках ваших врагов, они становятся смертельно опасны для вас. Примеры можно приводить до бесконечности, потому что нет на свете ни одного вида человеческой деятельности, которая, вырвавшись из-под контроля и причинив вред, не вызвала бы у многих тяжелого вздоха и слов: «Вот если бы мы жили простой и добродетельной жизнью наших предков, которые не знали этих новомодных глупостей!»

Но неужели страх перед самыми разными несчастьями, идущий из древних времен, неужели запрятанный в самых глубинах нашей души ужас так трудно выразить, что он становится причиной создания мифов?

Думаю, нет. Страх перед неудобствами и вредом, периодически причиняемым нам машинами (по крайней

мере, причиняемым до недавних пор), заставляет человека лишь печально вздыхать. Удовольствие, которое человек испытывает, пользуясь машинами, всегда перевешивало страхи. Мы можем сделать такой вывод, заглянув в историю, где мы вряд ли найдем хоть один пример отказа человечества от какого-нибудь технического достижения из-за неудобств или опасений перед его побочными эффектами. Да, бывало, что технологический прогресс замедлялся, приостанавливался или цивилизация была отброшена в своем развитии назад из-за войн, гражданских беспорядков, эпидемий или природных катаклизмов, и мы называем эти периоды истории «темными временами», а люди, пережившие их, стараются сделать все возможное, чтобы уже следующее поколение вернулось на путь прогресса.

Человечество всегда было склонно бороться со злом, которое несет в себе развитая технология, не путем отказа от нее, а достижением еще более высокого уровня развития. Дым от печи выводится из дома при помощи трубы. Чтобы защититься от опасности, которую представляет собой копье, люди придумали щит. Города обносили высокими стенами, чтобы их не могла разрушить вражеская армия.

Эта тенденция, несмотря на постоянные протесты, продолжается и по сей день. Так появился характерный продукт нашего времени -- автомобиль. Он загрязняет воздух, создает шум, убивает пятьдесят тысяч американцев в год и наносит повреждения сотням тысяч.

Но разве кто-нибудь всерьез предполагает, что американцы добровольно откажутся от своих кровожадных любимцев? Даже участники маршей протеста, выступающие против механизации современной жизни, приезжают на место сбора на машинах.

В первый раз *большое* количество людей увидело грандиозное зло, которое несет в себе прогресс и которое невозможно уравновесить *никакими* положительными аспектами, в 1945 году, когда появилась атомная бомба. До тех пор никакое достижение технологического прогрес-

са не вызывало такого яростного протеста населения Земли.

На самом деле реакция на атомную бомбу вызвала к жизни новую тенденцию — люди стали еще жестче выступать против других достижений науки, побочные эффекты которых они считали недопустимо опасными. Это, например, биологическое оружие, сверхзвуковые самолеты, генетические эксперименты, проводимые на микроорганизмах, ядерные реакторы, аэрозольные баллончики.

И тем не менее ни от чего из этого списка мы не отказались.

Однако мы вышли на верный путь. Нас не особенно пугают машины, если мы знаем, что, несмотря на вред, который они могут нам причинить, они несут с собой и положительное начало. Или что они опасны только для некоторых из нас — например, для тех, кто оказался на месте автомобильной катастрофы.

Большинству ведь удается остаться в живых и радоваться удобствам, которые дарят нам автомобили.

Нет, только когда машины начинают угрожать всему человечеству таким образом, что каждый отдельный его представитель чувствует, что ему *лично* не удастся избежать опасности,— только тогда страх пересиливает привязанность.

Но поскольку технологический прогресс начал угрожать благополучию людей лишь в последние тридцать лет, до тех пор мы ничего не боялись — а может быть, человечеству всегда угрожала опасность?

В конце концов, разве человек может погибнуть только став жертвой грубой физической силы? Разве машины не могут уничтожить суть человечества, наш мозг и душу, не тронув при этом тела, которые остаются в целости, сохранности, тепле и уюте?

Например, многие боятся, что телевидение лишает людей способности читать, а благодаря карманным калькуляторам они разучатся считать. Вспомните о спартанском царе, который, увидев катапульту в действии, с горечью заявил, что пришел конец человеческой отваге.

Разумеется, такие, не слишком заметные на первый взгляд, опасности существовали с того самого момента, как человечество сумело до определенной — весьма незначительной — степени подчинить себе природу, что уменьшило для него опасность прямого физического ущерба.

Существует два вида перемен, которые происходят во вселенной. Одна из них циклична и совершенно безопасна.

День и ночь, зима и лето, дождь и хорошая погода регулярно сменяют друг друга. Следовательно, о настоящих переменах здесь говорить нельзя. Такое положение может наводить на нас тоску, но оно удобно и вселяет чувство безопасности и покоя.

По правде говоря, идея коротких циклических перемен, означающих отсутствие *настоящих* перемен, настолько устраивает людей, что они стараются найти эту закономерность и в других областях. Например, в отношениях между людьми существует понятие смены поколений, династий, империй. Аналогия с природными циклами не слишком правильна, поскольку в данных случаях повторение не всегда бывает абсолютным, и это утешает.

Цикличность оказалась настолько привлекательным понятием для человека, что мы часто видим ее там, где ее нет.

Если речь идет о вселенной, все свидетельства указывают на гиперболическую эволюцию: вселенная, которая постоянно разрастается после одного начального взрыва и заканчивает свои дни в виде бесформенного газового облака и черных дыр. Однако наши чувства заставляют нас, вопреки всем фактам, придумывать понятия колебательных, цикличных, повторяющихся вселенных, в которых даже черные дыры являются лишь воротами, ведущими к новым большим взрывам.

Однако существует еще один вид перемен, которых следует избегать любой ценой и которые несут в себе зло. Это перемены в одну сторону, такие, последствия которых исправить невозможно.

Что же в них плохого? Одна из них затрагивает нас непосредственно и искажает нашу собственную вселенную.

Мы рано или поздно стареем, и хотя когда-то мы были молоды, юность уже никогда к нам не вернется. Наши друзья умирают, и хотя когда-то они были живы, они уже никогда не будут с нами. И с этим мы ничего не можем поделать! Тот факт, что жизнь заканчивается смертью, не имеющей никакого отношения к циклическим переменам, пугает нас и одновременно наполняет осознанием собственного бессилия.

А хуже всего то, что вселенная с нами не умрет. Она движется вперед, живет, продолжая наслаждаться своими циклами, а мы страдаем от ее равнодушия к тому факту, что нас уже больше никогда не будет.

Более того, другие человеческие существа не умирают вместе с нами. Молодые люди, родившиеся после нас и в самом начале своей жизни зависевшие от нас, вырастают и занимают наше место, когда мы стареем и умираем. И от этого мы тоже страдаем.

Я сказал, что бесполезно сражаться с ужасом, который несет с собой смерть, с осознанием того, что жизнь будет продолжаться и на ваше место придут другие? Это не совсем так. Бесполезность становится очевидной, только если мы пытаемся ухватиться за доводы разума, но нет никакого закона, требующего, чтобы мы так поступали,— и мы так не поступаем.

Смерти можно избежать простым отрицанием ее существования. Мы можем считать, что наше появление на Земле — всего лишь иллюзия, короткий испытательный срок перед вступлением в последующую жизнь, где ничто не меняется и нам не грозят необратимые изменения. Или мы можем верить в то, что умирает только наше тело, но в нас имеется некая бессмертная составляющая, которая после смерти одного тела перебирается в другое — и так до бесконечности.

Мифические представления о загробной жизни и трансмиграции могут сделать жизнь вполне терпимой для многих людей и позволить им относиться к приближающейся смерти гораздо спокойнее. Однако страх перед смертью в данном случае лишь замаскирован и скрыт — он не исчезает совсем.

В греческих мифах рассказывается об успешной замене одних бессмертных другими — и мы получаем огорчительное доказательство того, что даже вечная жизнь и сверхъестественные возможности не защищают от опасности перемен и от унижения, которое приносит с собой осознание того, что на твое место придут другие.

Греки считали, что сначала вселенной правил беспорядок (Хаос), ему на смену пришел Уран (небо), чьи искусно разбросанные звезды и планеты, движущиеся по сложным орбитам, символизировали порядок (Космос).

Однако Урана оскопил его сын Кронос. Кронос, его сестры и братья и их потомки правили вселенной.

Кронос боялся, что его дети поступят с ним так же, как он со своим отцом (нечто вроде цикла необратимых перемен), и пожирал их, как только они рождались. Однако жена сумела его обмануть, спасти своего последнего сына — Зевса — и спрятать его в безопасном месте. Зевс вырос, достал своих братьев и сестер из желудка отца, выступил войной против Кроноса и его сторонников, победил и занял место правителя.

(В других культурах также существуют мифы о заменах подобного рода — даже в нашей собственной. Сатана пытался занять место Бога, но потерпел неудачу; этот миф получил самое яркое свое выражение в «Потерянном рае» Джона Милтона.)

Мог ли Зевс чувствовать себя в безопасности? Он полюбил нереиду по имени Фетида и женился бы на ней, если бы парки не предупредили его, что Фетиде суждено родить сына, который окажется сильнее отца. Получалось, что ни Зевс, ни какой-то другой бог не могли на ней жениться. И потому ее заставили выйти замуж за смертного, Пелея. Она родила смертного сына, единственного ребенка, которого имела,— так говорится в мифах. Ее сын Ахиллес был намного сильнее своего отца (и, как и Талос, имел только одно слабое место — пятку, пронзив которую его можно было убить).

А теперь давайте перенесем страх перед необратимыми переменами и опасностью, что другой займет твое место, на отношения людей и машин. И что же у нас полу-

чается? Естественно, больше всего мы боимся не того, что машины причинят нам физический вред, а того, что они вытеснят нас и займут наши места. И дело не в том, что наша деятельность перестанет быть эффективной,— просто мы станем больше никому не нужны, словно устаревшая модель какого-нибудь устройства.

Идеальная машина — это умная машина, и для рассказов о ней есть только один сюжет: она создается, чтобы служить человеку, но в конце концов одерживает над ним верх. Она не может существовать, не угрожая захватить наше место в мире, и, следовательно, ее необходимо уничтожить — иначе погибнем мы сами.

Всегда существует опасность метлы ученика колдуна, голема рабби Лоу, чудовища, созданного доктором Франкенштейном. Как рожденный из нашего тела ребенок занимает наше место, так и машина, рожденная силой нашей мысли, заменяет нас.

«Франкенштейн» Мэри Шелли, увидевший свет в 1818 году, демонстрирует нам пик страха, однако обстоятельства сложились таким образом, что этим страхам не суждено было сбыться — по крайней мере, довольно долго.

Между 1815 годом, когда закончилась целая серия европейских войн, и 1914 годом, увидевшим начало новой войны, был короткий период, когда человечество могло себе позволить роскошь оптимистических настроений насчет своих отношений с машинами. Промышленная революция неожиданно наделила людей новым могуществом и претворила в жизнь мечты о воцарении технологической утопии на Земле, вместо надежд увидеть ее в мифическом раю. Положительные аспекты, которые несли в жизнь машины, значительно перевешивали отрицательные, и любовь к ним стала сильнее страха.

Именно тогда и родилась современная научная фантастика — под этим термином я подразумеваю вид литературы, которая описывает общество, отличающееся от нашего уровнем технологического развития и своим социальным устройством. Предполагается, что мы рано или

поздно, путем изменений в вышеуказанных областях, перейдем в какое-нибудь из таких обществ. (Этим научная фантастика отличается от фэнтэзи или от «спекулятивной» фантастики, где придуманное общество не может быть связано с нашим никакими разумными переменами.)

Благодаря времени, когда она родилась, современная научная фантастика звучала весьма оптимистично. Отношения человека и машины осуществлялись на уровне пользования и управления. Могущество человека росло, машины были его послушными инструментами, при помощи которых он добывал для себя благополучие, чувствовал себя спокойно и уверенно и путешествовал в самые удаленные уголки вселенной.

Оптимистические настроения встречаются и по сей день, в особенности в произведениях тех писателей, чьи представления успели сформироваться до появления атомной бомбы,— я могу назвать среди них Роберта Хайнлайна, Артура К. Кларка и себя.

Тем не менее с началом Первой мировой войны людей охватило разочарование. Оказалось, что научно-технический прогресс, обещавший людям рай, способен устроить на Земле самый настоящий ад. Прекрасный самолет, реализация многовековой мечты, может нести на борту бомбы; химическая промышленность, выпускавшая лекарства, анестетики и краски, производит отравляющие газы.

И снова нас охватил страх, что кто-то другой отнимет у нас наше место под солнцем. В 1921 году, через некоторое время после Первой мировой войны, свет увидела драма Карела Чапека «R. U. R.» — снова рассказ о Франкенштейне, только на планетарном уровне. Было создано не одно чудовище, а целая армия роботов (по-чешски это слово означает «рабочий»). И не одно чудовище выступило против своего создателя, а целая армия роботов стерла с лица Земли человечество и заняла место людей.

С началом выхода в свет журнала, посвященного научной фантастике, с 1926 по 1959 год (треть века или целое поколение) оптимизм в научной фантастике активно

сражался с пессимизмом — главным образом, благодаря влиянию Джона У. Кэмпбелла-младшего — и победил.

Начиная с 1939 года я написал серию важных рассказов о роботах, которые совершенно сознательно противостояли «комплексу Франкенштейна» и повествовали о роботах как о слугах, друзьях и союзниках человечества.

Впрочем, в конце концов победил все-таки пессимизм.

Во-первых, механизмы стали пугающими. Разумеется, атомная бомба грозила физическим уничтожением, но хуже нее была быстро развивающаяся электронная машина — компьютер. Казалось, компьютеры крадут у человека душу. Очень легко и быстро они решают наши рутинные проблемы, и мы все чаще и чаще доверчиво предоставляем им право решать за нас самые разные вопросы и принимаем их решения с унизительной покорностью.

Бомба может нас уничтожить, компьютер — заменить.

Вторая причина, в отличие от первой, не лежит на поверхности и заключается в том, что изменился характер писателя фантаста.

До 1959 года существовало множество разделов литературы, причем научная фантастика считалась среди них самой незначительной. Писатели получали меньше денег и славы, чем представители других разделов, поэтому в данную область шли только те, кто был настолько одержим ее идеями, что слава или деньги для них отступали на второй план. Очень часто их одержимость рождалась из всепоглощающей любви к науке, и писатели создавали произведения, в которых человек завоевывал вселенную, научившись подчинять ее своей воле.

В 1950-х годах, однако, журналы, которые печатали литературные произведения, погибли в неравной борьбе с телевидением, и к началу 1960-х единственной областью литературы, которая процветала и даже расширяла свои владения, стала научная фантастика. Ее журналы продолжали выходить, начался страшный бум — появились книжки в мягких обложках. До некоторой степени научно-фантастическая литература умудрилась даже про-

никнуть на телевидение и в кино, хотя до великих побед еще было далеко.

А это означало, что в 1960–1970-х годах молодые писатели пришли в научную фантастику не потому, что они очень хотели, а потому, что она уже существовала, и потому, что у них не было особого выбора. А еще это означало, что многие молодые писатели не имели ни малейшего представления о науке и не любили ее — скорее относились к ней враждебно. Такие писатели с готовностью восприняли идею страха из пары «любовь–страх», когда речь заходила об отношениях человека и машины.

В результате современная научная фантастика очень часто представляет нам — снова и снова — миф о ребенке, который занимает место своего отца, о Зевсе, который занимает место Кроноса, о Сатане, который занимает место Бога, о машине, которая занимает место человека.

Это самые настоящие ужасы, и их не следует читать.

Но позвольте мне в конце сделать свой собственный — достаточно циничный — комментарий. Хотя, как вы помните, Кронос предвидел, что его место может занять другой, и хотя он уничтожал своих детей, чтобы это предотвратить, его все равно заменил Зевс, причем по справедливости, поскольку был лучшим правителем.

Итак, может получиться, что, хотя мы будем ненавидеть машины и сражаться с ними, они все равно нас заменят, причем по справедливости, поскольку разумная машина, рожденная нами, вполне может оказаться лучше нас и будет упорно продвигаться вперед, стараясь понять вселенную и правильно ее использовать, и сумеет покорить вершины, недоступные нам.

Новая профессия

Давно, в 1940 году, я написал рассказ, в котором главную героиню звали Сьюзен Кэлвин. (Господи, это же полвека назад!) По профессии она была «робопсихологом» и знала о роботах все, что необходимо. Естественно, речь идет о научно-фантастическом рассказе. В течение следующих нескольких лет я написал еще несколько историй про Сьюзен Кэлвин, которая — так я захотел — родилась в 1982 году, училась в Колумбийском университете, защитила диплом по роботехнике и закончила университет в 2003-м. Она поступила в аспирантуру и к 2010 году работала в корпорации «Ю. С. Роботс энд мекэникл мен». Когда я сочинял эти рассказы, я относился к ним не слишком серьезно. Я писал «всего лишь» научную фантастику.

Однако, как ни странно, в жизни все получается именно так, как я тогда себе представлял. Роботы используются на конвейерах, и с каждым годом им находится все больше и больше применений. Машиностроительные компании десятками тысяч внедряют их у себя на заводах. Кроме того, роботы появляются и в других областях нашей жизни, и уж можете не сомневаться, более сложные и умные роботы скоро займут места у чертежных досок и в проектировочных мастерских. Естественно, благодаря роботам отпадет необходимость в некоторых видах деятельности, но и появятся новые профессии. Прежде всего, их нужно будет конструировать. Строить и устанав-

ливать на рабочих местах. Затем, поскольку ничто не безупречно, их придется время от времени чинить. Чтобы такие ситуации возникали как можно реже, а поломки не носили серьезного характера, потребуется достаточно сложная система обслуживания. Вполне возможно, что робота даже придется переделывать, чтобы он в сложившейся ситуации мог выполнять другую работу.

Для этих целей нам понадобятся люди, которых мы будем называть... например, специалистами по роботам, роботехниками. Существует предположение, что к тому моменту, когда придуманная мной Сьюзен Кэлвин закончит колледж, только в Соединенных Штатах будет около двух миллионов таких специалистов и еще шесть миллионов в других странах мира. Так что Сьюзен не будет одиноко. К этим специалистам мы прибавим людей, которые будут работать в быстро развивающихся отраслях промышленности, прямо и косвенно связанных с производством роботов. Вполне может получиться, что благодаря появлению роботов количество рабочих мест значительно увеличится по сравнению с тем количеством, которое исчезнет. Впрочем, разумеется, эти работы будут сильно отличаться друг от друга, и потому потребуется некоторый переходный период для того, чтобы те, кто лишился своей старой работы, смогли переучиться, чтобы получить новую.

Это будет возможно не в каждом случае, и, следовательно, потребуется ввести некоторые изменения в систему социальной защиты населения, чтобы помочь тем, кто, в силу возраста или темперамента, не сможет приспособиться к изменившимся обстоятельствам.

В прошлом развитие технологий всегда требовало пересмотра системы образования. Крестьянам не требовалось знать грамоту, однако рабочим на заводах это было необходимо. И потому после промышленной революции индустриальным странам пришлось открыть государственные школы, где их граждане могли получить образование. В настоящий момент в связи с новым скачком в развитии экономики и высоких технологий необходимо внести изменения в программы общеобразовательных

школ. К обучению науке и технике следует подходить очень серьезно и организовать его таким образом, чтобы люди могли постоянно учиться, поскольку изменения будут происходить с такой скоростью, что они просто не смогут существовать за счет знаний, приобретенных в молодости.

Подождите! Я упомянул роботехников, но этот термин можно принять лишь в широком смысле. Сьюзен Кэлвин не была таким специалистом: ее профессия называлась «робопсихолог». Она занималась «разумом» роботов, их «мыслительными процессами». Я еще ни разу не слышал, чтобы кто-нибудь употребил этот термин в реальной жизни, но, полагаю, придет время, когда его станут использовать не реже, чем термин «роботехника» после того, как я его изобрел. В конце концов, ученые пытаются создать роботов, которые способны видеть, понимать устные приказы, отвечать. Поскольку предполагается, что роботы будут выполнять все больше и больше работ, причем их эффективность будет постоянно расти, а разнообразие задач станет необъятным, они начнут казаться нам «умными». По правде говоря, даже сейчас некоторые ученые очень серьезно работают над решением проблемы «искусственного интеллекта».

Впрочем, если нам и удастся сконструировать и построить роботов, которые будут казаться нам умными, весьма сомнительно, что их можно будет считать разумными в том смысле, в каком разумен человек. Во-первых, их «мозг» сделан из материалов, отличающихся от тех, из которых «построен» наш мозг. Во-вторых, их мозг будет состоять из различных компонентов, соединенных и систематизированных совсем не так, как у нас. К тому же почти наверняка робот станет подходить к проблеме, которую ему следует решить, совершенно иначе.

Разумность робота и человека могут настолько отличаться друг от друга, что на свет, вполне возможно, появится новая наука — «робопсихология». Вот тут-то и придет время Сьюзен Кэлвин. Именно она и ее коллеги смогут разобраться в проблемах, решить которые обычные психологи будут не в силах. Эта область знаний мо-

жет оказаться самой важной во всей роботехнике, поскольку, если мы сумеем детально изучить два совершенно разных интеллекта, возможно, мы научимся понимать, что такое интеллект в гораздо более фундаментальном и широком смысле, чем это возможно сейчас. И что самое главное, мы сумеем лучше понять, что представляет собой интеллект человека, а это практически невозможно сделать, изучая только его.

Робот как враг?

В 1942 году я изобрел Три закона роботехники. Самым важным из них является, естественно, Первый закон. Он гласит: «Робот не может причинить вред человеку или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинен вред». В своих рассказах я всегда старался подчеркнуть, что законы, особенно Первый, являются неотъемлемой частью робота, и он не может их нарушить.

Кроме того, я старался, хотя, возможно, и не так настойчиво, дать понять своим читателям, что эти законы не являются *врожденными*. Материал, из которого сделан робот, не содержит в себе этих законов. Они совершенно сознательно вносятся в мозг готового робота, иными словами, в компьютеры, которые контролируют его деятельность. Может так получиться, что какой-то определенный робот окажется не наделен знанием Трех законов, поскольку его примитивная конструкция не позволяет внести в него поведенческие схемы, достаточно сложные, чтобы он был вынужден им подчиняться, или поскольку человек, который создает робота, решит сознательно не вносить в его мозг знание Трех законов.

Пока — и, возможно, так будет еще достаточно долго — мы имеем дело с первой причиной. Роботы слишком примитивны, чтобы предвидеть, что какой-то их поступок может причинить вред человеку, и изменить свое поведение, чтобы этого не произошло. В настоящий момент у нас имеются лишь компьютеризированные устрой-

ства, которые способны выполнять набор определенных действий и не могут отойти в сторону от данных им инструкций. В результате роботы уже стали причиной смерти людей (как, впрочем, и обычные машины). Это ужасно, но вполне объяснимо, и мы можем предполагать, что по мере создания роботов с более сложной системой восприятия и способностью гибкого реагирования на изменение ситуации увеличится вероятность того, что в них будут внесены защитные блоки, эквивалентные Трем законам.

А как насчет второй альтернативы? Станут ли люди сознательно создавать роботов, не наделяя их знанием Законов роботехники? Боюсь, что такая возможность тоже существует. Уже идут разговоры о роботах-охранниках. Роботы могут патрулировать какие-нибудь территории или даже охранять вестибюли. В их задачу будет входить общение с людьми, которые появляются на данной территории или в здании. Вероятно, тот, кто имеет право войти или приглашен, получит карточку, идентифицирующую его личность, и тогда робот его пропустит. В наше время, когда столько внимания уделяется вопросам безопасности, такие идеи могут показаться вполне разумными, поскольку они явятся надежным способом борьбы с вандализмом и терроризмом,— получается, что робот будет выполнять роль дрессированной сторожевой собаки.

Однако стремление к безопасности порождает усложнение системы. Робот сумеет остановить непрошеного гостя, но сигнала тревоги может оказаться недостаточно. Людям захочется наделить его способностью изгнать посетителя, даже если при этом робот причинит ему вред — собака ведь тоже может укусить вас за ноги или перегрызть глотку. А что произойдет, если, например, глава фирмы забудет свою карточку в других брюках и, расстроившись, не успеет покинуть здание достаточно быстро? Или ребенок случайно войдет на охраняемую территорию? Я подозреваю, что, если робот причинит вред человеку, который не имеет никаких дурных намерений, мгновенно поднимется шум и ученые получат задание

внести соответствующие изменения, чтобы ошибка не повторилась.

Рассмотрим другую крайность — разговоры об оружии. Компьютеризированные самолеты, танки, артиллерия и тому подобное, которые с нечеловеческим упорством будут без устали сражаться с врагом. В качестве довода в защиту подобного оружия можно сказать, что таким образом мы сохраним жизнь солдатам. Устроившись со всеми удобствами у себя дома, мы предоставим машинам воевать за нас. Если какие-то из них будут уничтожены — ну, это же всего лишь машины. Такой подход к ведению военных действий может оказаться особенно полезным, если у вас такие машины есть, а у врага — нет.

Но даже и в этом случае, можем ли мы быть абсолютно уверены в том, что машины сумеют безошибочно отличать врагов от друзей? В ситуации, когда все наше оружие контролируют руки и мозги людей, существует проблема «дружественного огня». Американское оружие может случайно убить американских солдат или гражданских людей, что нередко происходило в прошлом. Речь идет об ошибках, которые допускали люди, однако от этого не легче. А что, если наше *роботизированное* оружие откроет «дружественный огонь» и начнет уничтожать американцев или даже американскую собственность? Принять такое будет еще труднее (в особенности если враг разработает специальные стратегические мероприятия, направленные на то, чтобы сбить программы наших роботов и повернуть их огонь против нас). Нет, я уверен, что попытки применения роботов без специальных защитных систем провалятся и в конце концов мы все равно вернемся к Трем законам.

Разумы, действующие совместно

В эссе «Наши разумные инструменты» я упомянул о том, что может сложиться ситуация, когда роботы станут такими умными, что в конце концов нас заменят. Я предположил с некоторым цинизмом, что, учитывая поведение людей, подобная замена может оказаться очень даже полезной. С тех пор прошло время, и роботы начали занимать все более важное место в промышленности, и хотя они продолжают оставаться довольно тупыми (если говорить об уровне интеллектуального развития), они очень быстро развиваются.

В таком случае, пожалуй, нам следует еще раз взглянуть на возможность возникновения ситуации, когда роботы (или компьютеры, которые в действительности управляют роботами) нас заменят. Результат, разумеется, зависит от того, насколько разумны будут компьютеры и станут ли они настолько умнее нас, что наступит время, когда они будут относиться к нам как к домашним животным (в лучшем случае) или паразитам (в худшем). Получается, что степень разумности — штука настолько простая, что ее можно измерить каким-нибудь прибором вроде линейки или градусника либо при помощи теста, а потом выразить цифрами. Если умственное развитие среднего человека можно обозначить цифрой 100 по шкале интеллектуального развития, получается, что, как только компьютер минует эту отметку, у нас появятся проблемы.

Впрочем, так ли все просто? Вне всякого сомнения, такая сложная вещь, как интеллект, должна характеризоваться множеством факторов и иметь массу разнообразных видов — если можно так сказать. Мне представляется, что нужно обладать до определенной степени развитым интеллектом, чтобы написать логично выстроенное эссе, выбрать правильные слова и поставить их в правильном порядке. Я также полагаю, что человек, изучающий сложное устройство, должен быть наделен развитым интеллектом, иначе он не поймет, как оно работает и что следует сделать, чтобы его усовершенствовать — или починить, если оно вдруг сломалось. Что касается литературного труда, я обладаю чрезвычайно высокоразвитым интеллектом; а вот в работе с разного рода машинами и устройствами я абсолютно ничего не понимаю. В таком случае, кто я — гений или идиот? Ответ таков: ни то ни другое. Просто какие-то вещи получаются у меня хорошо, а какие-то плохо. Это можно сказать про любого из нас.

В таком случае давайте немного поразмышляем о природе интеллекта человека и компьютера. Мозг человека состоит из протеина и нуклеиновых кислот; он развивался в течение трех миллиардов лет путем проб и ошибок; главными силами, толкавшими его вперед, были приспособление и выживание. С другой стороны, компьютеры состоят из металла и электронных схем; они являются продуктом экспериментов и разработок, которыми люди занимаются вот уже сорок лет; главной силой, заставляющей людей усовершенствовать компьютеры, является их желание создать машину, которая облегчила бы жизнь человеку. Если сами люди отличаются друг от друга уровнем и качеством своего интеллекта, разве не естественно, что интеллекты человека и машины будут категорически отличаться друг от друга в силу того, что они возникли и развивались в абсолютно разных условиях, сделаны из разных материалов и их усовершенствование обусловливают такие разные силы?

Может показаться, что компьютеры, даже самые простые, исключительно эффективны в определенных вопросах и областях. Они обладают солидной памятью, ре-

агируют практически мгновенно и демонстрируют способность совершать бесконечное число повторяющихся арифметических действий без ошибок и видимой усталости. Если это можно считать мерилом интеллекта, в таком случае компьютеры *уже* стали намного умнее нас. Благодаря тому, что они настолько нас превосходят, мы используем их миллионами разных способов и отлично знаем, что наша экономика развалится, если все компьютеры одновременно перестанут работать.

Однако эта способность компьютера не является единственным определителем разумности. По правде говоря, мы считаем ее такой незначительной, что, вне зависимости от скорости и сложности решения, относимся к компьютеру как к громадной логарифмической линейке, не обладающей вообще никаким разумом. Когда речь идет о человеке, наделенном развитым интеллектом, мы имеем в виду его способность увидеть проблему в целом, интуитивно найти ее решение, разглядеть новые комбинации, построить необычные предположения и творческие догадки. Можем ли мы запрограммировать компьютер, чтобы он вел себя так же? Вряд ли, поскольку мы не знаем, как это у нас получается.

В таком случае складывается впечатление, что компьютеры будут с каждым днем становиться все эффективнее в выполнении простых однообразных задач с ближней перспективой и их «мозг» станет развиваться именно в этом направлении. А человек (благодаря накоплению знаний и все лучшему пониманию того, что представляет собой человеческий мозг, а также благодаря успехам генной инженерии) сумеет развивать до бесконечности свои творческие способности. Оба этих вида интеллекта имеют свои преимущества, и в сочетании мозг человека и компьютера — дополняя и компенсируя недостатки друг друга — смогут продвигаться вперед гораздо быстрее, чем по одиночке. Соперничество или замена будут тут совершенно ни при чем, два разума станут работать вместе, добиваясь более значительных результатов, чем если бы они действовали каждый сам по себе в соответствии со своей природой.

Мои роботы

Я написал свой первый рассказ «Робби» в мае 1939 года, когда мне было всего девятнадцать лет.

Мой рассказ отличался от увидевших свет раньше тем, что я твердо решил не делать из своих роботов символов. Они не должны были стать символами высокомерия человека. Они не должны были стать примером человеческих амбиций, покушающихся на владения Всевышнего. Они не должны были стать новой Вавилонской башней, требующей наказания.

Кроме того, я не хотел, чтобы роботов считали символом меньшинства. Они не должны были стать жалкими существами, которых несправедливо обижают, что послужило бы мне поводом для завуалированных намеков на притеснения, которым подвергаются евреи, чернокожие и прочие страдающие члены нашего общества. Естественно, меня такое положение глубоко возмущает, о чем я множество раз говорил в многочисленных статьях и эссе — но не в рассказах о роботах.

В таком случае, чем же являются мои роботы? Они всего лишь устройства. Инструменты. Машины, которые призваны служить людям. И я наделил их знанием Трех законов. Иными словами, робот *не мог* убить своего создателя. Объявив этот чрезвычайно популярный сюжет вне закона, я получил возможность рассмотреть другие, более рациональные последствия своего поступка.

Поскольку я начал писать рассказы о роботах в 1939 году, в них нет упоминаний об электронных компьютерах, которые тогда еще не были изобретены, а я не предвидел их появления. Впрочем, я предполагал, что мозг робота должен до определенной степени быть «электронным», и само понятие не казалось принадлежащим далекому будущему. Позитрон — субатомная частица, похожая на электрон, но имеющая противоположный электрический заряд,— был обнаружен всего за четыре года до того, как я написал свой первый рассказ о роботах. Все эти открытия звучали очень фантастично, и потому я наделил своих роботов «позитронными мозгами» и представил себе, что их мысли состоят из потоков позитронов, которые мгновенно возникают и так же мгновенно перестают существовать. В результате серия таких рассказов получила название «рассказы о позитронных роботах», но в них не придавалось особого значения предпочтению позитронов по сравнению с электронами.

Сначала я не старался систематизировать или даже вообще описывать защитные устройства, которыми, по моим представлениям, должны были быть снабжены роботы. Однако поскольку мне не хотелось создавать для роботов ситуации, в которых они могут убить своего создателя, я уделял особое внимание тому факту, что робот не в состоянии причинить вред человеку, постоянно подчеркивая, что этот закон внедрен в его позитронный мозг.

И потому в самой первой увидевшей свет версии рассказа «Робби» один из героев говорит: «Он просто не может не быть верным, любящим, добрым. Он просто *устроен* так»

Написав рассказ «Робби», который Джон Кэмпбелл из «Эстаундинг сайенс фикшн» отказался напечатать, я сочинил несколько других рассказов, которые Кэмпбелл принял. И 21 декабря 1940 года я пришел к нему с идеей о роботе, умеющем читать мысли (так появился «Лжец»), но Джона не устроили никакие мои объяснения по поводу того, почему робот вел себя именно так, а не иначе. Он хотел получить четко сформулированные законы, которые защищали бы людей от роботов, чтобы мы

смогли лучше понимать их поведение. И тогда мы с ним вместе разработали концепцию, которая позднее стала называться «Три закона роботехники». Идея принадлежала мне и была взята из уже написанных рассказов, но конкретные формулировки (если я все правильно помню) мы разработали вместе.

Три закона были логичны и звучали вполне разумно. Прежде всего, когда я начал писать рассказы о *своих* роботах, я подумал, что следует позаботиться о безопасности человека. Более того, я прекрасно понимал, что, даже не стараясь сознательно причинить человеку вред, своей бездеятельностью робот может навлечь на него беду. Я никак не мог забыть циничного произведения Артура Хью Клоу «Последний декалог», в котором десять заповедей переписаны в сатирическом стиле Макиавелли. Чаще всего цитируется такая: «Не убий, но и не слишком старайся сохранить другому жизнь».

Именно по этой причине я настаивал на том, что Первый закон (безопасность) должен состоять из двух позиций:

1. Робот не может причинить вред человеку или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинен вред.

Позаботившись о безопасности, мы решили перейти ко Второму закону (служба). Естественно, следуя необходимости выполнять приказы людей, робот не должен забывать об их безопасности. Значит, Второй закон гласит:

2. Робот должен повиноваться всем приказам, которые отдает человек, кроме тех случаев, когда эти приказы противоречат Первому закону.

И наконец, нам требовался третий закон (осторожность). Робот — дорогая машина, значит, необходимо ее беречь. Но не в ущерб безопасности и службе человеку. Итак, Третий закон выглядит следующим образом:

3. Робот должен заботиться о своей безопасности в той мере, в какой это не противоречит Первому и Второму законам.

Разумеется, эти законы сформулированы в словах, что является в определенной степени несовершенством. В по-

зитронном мозгу они выражены в сложных математических формулах (в которых я ничего не понимаю). Однако даже при этом они достаточно двусмысленны. Что считать вредом для человека? Должен ли робот подчиняться приказам, которые отдает ему ребенок, или сумасшедший, или человек с дурными намерениями? Должен ли он отдать свое дорогостоящее и полезное существование, чтобы предотвратить незначительный вред, который может быть причинен маловажному человеку? Что есть «незначительный» и что есть «маловажный»?

По мнению автора, эта двусмысленность не является недоработкой Трех законов. Если бы Три закона были идеальными и не вызывали никаких сомнений, разве могли бы мы писать наши рассказы? Именно в хитроумных закоулках сомнений и лежат сюжеты, которые становятся фундаментом — уж простите меня за каламбур — «Города роботов».

Я не старался облечь в слова Три закона в своем рассказе «Лжец», который появился в мае 1941 года. Однако в следующем рассказе под названием «Хоровод», появившемся в марте 1942 года, я уделил им самое пристальное внимание. В этом номере на седьмой строке страницы сто, один из героев говорит: «Теперь слушай. Начнем с Трех основных законов роботехники — трех правил, которые прочно закреплены в позитронном мозгу», и дальше я их цитирую. Насколько мне известно, это первое появление в печати слова «роботехника», которое я изобрел.

С тех пор в течение более чем сорока лет, когда я написал множество рассказов и романов о роботах, ни разу не возникло такой ситуации, чтобы мне пришлось модифицировать Три закона. Однако время шло, мои роботы становились более сложными и разносторонними, и я почувствовал, что можно внести кое-какие изменения. Таким образом, в «Роботах и Империи», романе, опубликованном в 1985 году, я заговорил о том, что в достаточной степени продвинутый робот может почувствовать себя обязанным предотвратить вред, который, возможно, будет причинен всему человечеству в целом, а не какому-

то отдельному индивидууму. Я назвал его «Нулевым законом роботехники» и все еще продолжаю над ним работать.

Изобретение Трех законов роботехники — пожалуй, самый крупный вклад, внесенный мной в научную фантастику. Теперь их часто цитируют даже те, кто не имеет никакого отношения к данной области литературы, и уж точно можно сказать, что история роботехники не будет считаться полной без упоминания Трех законов. В 1985 году издательство «Джон Уайли и сыновья» опубликовало «Руководство по промышленной роботехнике» под редакцией Саймона Й. Нофа, и по просьбе главного редактора я написал вступление, касающееся Трех законов.

Сейчас авторы произведений научной фантастики произвели на свет целое море самых разнообразных идей, доступных остальным писателям. Именно по этой причине я никогда не возражал против того, чтобы мои коллеги, посвящающие свои произведения роботам, пользовались моими Тремя законами.

Однако я категорически выступал против прямого их цитирования другими авторами. Относитесь к Трем законам как к данности, но не повторяйте их — такова моя позиция. Понятия принадлежат всем, а слова — только мне!

Законы науки о человеке

Три моих первых романа о роботах были в основе своей посвящены таинственным убийствам, в роли детектива выступал Илайджа Бейли. Из этих трех во втором романе — «Обнаженное солнце» — местом преступления является запертая комната, в которой находят труп и никакого оружия, хотя с самого начала ясно, что спрятать или вынести оружие было невозможно.

Мне удалось придумать вполне удовлетворительное решение, но я больше никогда не писал ничего подобного.

Четвертый роман о роботах — «Роботы и Империя» — изначально не является историей о загадочном убийстве. Илайджа Бейли умер собственной смертью в преклонном возрасте, а дальше повествование поворачивает в сторону вселенной «Основания», так что становится ясно, что обе мои известные серии — о роботах и «Основание» — сливаются вместе в единое, расширенное целое. (Нет, я сделал это не случайно. Мною двигала необходимость, возникшая после написания в 1980-х годах продолжения серий, созданных в 1940-х и 1950-х.)

В «Роботах и империи» герой-робот по имени Жискар, которого я очень люблю, рассуждает о «Законах науки о человеке», могущей, по моему мнению, впоследствии положить начало науке психоистории, играющей существенную роль в серии «Основание».

Строго говоря, Законы науки о человеке должны являться описанием (в сжатой форме) поведения человека. Естественно, такого описания в природе не существует. Даже психологи, изучающие данные проблемы с научной точки зрения (по крайней мере, я на это очень надеюсь), не могут представить никаких «законов» и отделываются лишь длинными и запутанными рассуждениями на тему о том, что люди делают, по их мнению. Когда психолог говорит, что человек реагирует определенным образом на определенный стимулятор, он имеет в виду, что так происходит с некоторыми людьми в некоторый момент. Другие в другой момент могут вести себя иначе или вовсе никак не реагировать.

Если мы будем действительно дожидаться появления неких правил поведения человека с целью создания науки психоистории, я полагаю, мы будем вынуждены ждать очень долго.

В таком случае, что нам делать с Законами науки о человеке? Думаю, нужно потихоньку начать и постепенно развивать их — если у нас, конечно, получится.

Таким образом, в «Роботах и Империи» появляется робот Жискар, который поднимает эти вопросы. Будучи роботом, он должен смотреть на все происходящее с точки зрения Трех законов роботехники, которые жестко предписывают ему, как он должен себя вести, поскольку он обязан им подчиняться и не может их нарушить.

1. Робот не может причинить вред человеку или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинен вред.

2. Робот должен повиноваться всем приказам, которые отдает человек, кроме тех случаев, когда эти приказы противоречат Первому закону.

3. Робот должен заботиться о своей безопасности в той мере, в какой это не противоречит Первому и Второму законам.

Мне кажется, робот не может не думать о том, что человеческим существам следует вести себя таким образом, чтобы роботам стало легче выполнять эти Три закона.

По правде говоря, я считаю, что люди, придерживающиеся этических норм, должны стараться облегчить жизнь роботам, как на их месте поступили бы роботы. Данные размышления стали темой рассказа «Двухсотлетний человек», опубликованного в 1976 году. Один герой-человек говорит:

«Раз человек имеет право отдать роботу любой приказ, лишь бы он не был во вред другому человеку, то простая порядочность не должна позволять ему отдавать роботу распоряжения во вред этому роботу, за исключением тех случаев, когда этого бесспорно требует спасение человеческой жизни. Чем больше власть, тем больше и ответственность, и если роботы подчинены Трем законам, гарантирующим безопасность людей, неужели так уж много — попросить, чтобы люди ввели закон-другой для защиты роботов?»

Например, Первый закон состоит из двух частей. Первая: «робот не может причинить вред человеку» — однозначна, и с ней ничего не нужно делать. Вторая: «или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинен вред»,— дает нам некоторые возможности для полета фантазии. Человек может пострадать от какого-то неодушевленного предмета. На него упадет что-нибудь тяжелое, или он поскользнется и свалится в озеро, или с ним случится любой из тысяч несчастных случаев, предвидеть которые невозможно. В такой ситуации робот должен попытаться спасти человека: вытащить в безопасное место, поддержать и тому подобное. Или человеку будет угрожать какое-нибудь живое существо, например лев, и тогда робот тоже обязан прийти ему на помощь.

А что, если человеку угрожает другой человек? Здесь роботу придется принимать решение, что ему делать. Сможет ли он спасти одного человека, не причинив вред другому? Или если избежать этого невозможно, какие действия следует предпринять, чтобы вред был минимальным?

Роботам жилось бы намного легче, если бы люди так же беспокоились о благополучии других людей, как должны это делать роботы. И разумеется, любой кодекс

морали потребует от человека заботиться о других и стараться сделать все, чтобы им не был причинен вред. Что, в конце концов, и является мандатом, который люди дали роботам. Получается, что Первый закон науки о человеке с точки зрения роботов должен звучать так:

1. Человек не может причинить вред человеку или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинен вред.

Если этот закон будет выполняться, роботам останется лишь оберегать людей от несчастных случаев с неодушевленными предметами и живыми существами (не людьми), что освободит их от решения этических проблем. Разумеется, робот должен оберегать человека от вреда, который может *неосознанно* причинить ему другое человеческое существо. Кроме того, он обязан быть готов прийти ему на помощь, если другой человек по объективным причинам не в состоянии оказать ему эту помощь достаточно быстро. Однако даже робот может *неосознанно* навредить человеку, и даже робот может не проявить достаточной сноровки и не успеть попасть к месту действия, да и умений ему может не хватить, чтобы предпринять необходимые меры. Ничто в нашем мире не идеально.

Таким образом, мы подходим ко Второму закону робототехники, который требует, чтобы робот повиновался всем приказам, отданным ему человеком, если они не вступают в конфликт с Первым законом. Это означает, что человек имеет право приказывать роботу все что угодно, без ограничений, если только его желания не причинят вред другому человеку.

Но ведь человек может приказать роботу нечто невыполнимое или его воля поставит робота перед дилеммой, которая может повредить позитронный мозг. В рассказе «Лжец», опубликованном в 1940 году, человек совершенно сознательно поставил перед роботом задачу, которая сожгла его мозг, и машина перестала существовать.

Мы можем даже представить ситуацию, когда появятся достаточно разумные роботы, которые будут в состоянии избежать гибели, если их вынудят делать нечто бес-

смысленно сложное или злостное. Следовательно, Второй закон науки о человеке должен гласить:

2. Человек должен отдавать роботу приказы, которые не вредят существованию робота, если только эти приказы не явятся причиной вреда или неудобства для других людей.

Целью Третьего закона роботехники было защитить роботов, но с точки зрения робота он может показаться не слишком надежным. Робот должен пожертвовать собой, если того потребуют Первый и Второй законы. Когда речь идет о Первом законе, тут не может быть никаких возражений. Робот обязан забыть о собственной безопасности, если это единственный путь защитить человека или предотвратить опасность, которая ему угрожает. Если мы признаем, что любое человеческое существо важнее любого робота (по правде говоря, я признаю это не вполне охотно), то такая формулировка неизбежна.

С другой стороны, должен ли робот жертвовать собой, выполняя какой-нибудь несущественный или даже вредоносный приказ? В «Двухсотлетнем человеке» хулиганы сознательно приказывают роботу разобрать себя на части исключительно ради собственного развлечения. Получается, что Третий закон науки о человеке должен звучать следующим образом:

3. Человек не должен причинять вреда роботу или своим бездействием допустить, чтобы роботу был причинен вред, кроме тех случаев, когда робот вынужден пожертвовать собой, чтобы спасти человека или выполнить жизненно важный приказ.

Естественно, мы не можем навязать эти законы, как в ситуации с законами роботехники. Мы не в силах запрограммировать мозг человека, как мозг робота. Однако это начало, и я искренне считаю, что, если нам предстоит управлять умными роботами, мы должны быть за них ответственны, как сказал мой герой из рассказа «Двухсотлетний человек».

Кибернетический организм

Робот — это робот, а организм — это организм.

Организм, как нам всем известно, состоит из клеток. С молекулярной точки зрения, главными являются нуклеиновые кислоты и протеины. Они находятся в жидкой среде, которую поддерживает костная структура. Бессмысленно продолжать рассуждать на данную тему, поскольку мы все знакомы со строением организмов и сами являемся одной из их разновидностей.

С другой стороны, робот (как его принято описывать в научно-фантастической литературе) это объект, относительно похожий на человека, построенный из надежного металла, не подверженного ржавлению. Фантасты редко описывают внутреннее строение роботов, поскольку это не имеет принципиального значения для сюжета, да они и не особенно разбираются в технических деталях.

Однако из рассказов часто складывается впечатление, что внутри робота имеется масса проводов, по которым проводится электричество, и никаких трубок для тока крови. Источник питания, как правило, не называется, или становится ясно, что он имеет отношение к атомной энергии.

А как насчет мозга?

Когда я написал свои первые рассказы о роботах в 1939 и 1940 годах, я представил себе «позитронный мозг» губчатого типа из сплава платины и иридия. Я выбрал именно такой материал, потому что он особенно инерци-

онен и меньше всего подвержен химическим реакциям. Губчатый он для того, чтобы обеспечить большую поверхность, на которой могут создаваться и разрушаться электрические схемы. «Позитронный» — поскольку за четыре года до моего первого рассказа о роботах был открыт позитрон как противовес электрону, и потому «позитронный» вместо «электронный» неплохо звучало с точки зрения фантастики.

Разумеется, сегодня мой позитронный мозг из сплава платины и иридия безнадежно устарел. Даже через десять лет после его изобретения он казался архаичным. К концу 1940-х годов мы уже понимали, что мозг робота должен быть чем-то вроде компьютера. Действительно, если робот настолько сложен, каким он описывается в моих более свежих романах, его мозг должен быть похож на мозг человека и состоять из крошечных микрочипов, не крупнее клеток мозга.

А теперь давайте представим себе нечто не являющееся ни организмом, ни роботом, а комбинацией и того и другого. Возможно, мы имеем право рассматривать его как организм-робот или «орбот». Вне всякого сомнения, это не слишком удачное название, поскольку мы всего лишь переставили две буквы. Сказать «оргабот» — значит придумать довольно уродливое слово.

Мы можем назвать это создание робот-организм, или «роботанизм» (что, несомненно, еще хуже), или «роборг». Лично мне кажется, что «роборг» звучит не так уж плохо, но и это имя не годится.

Давным-давно Норберт Винер назвал науку о компьютерах кибернетикой, и потому, если мы будем рассматривать нечто среднее между организмом и роботом, кибернетическим устройством по своей природе, у нас может получиться «кибернетический организм», или «киборг». Это слово действительно прекрасно прижилось и постоянно используется.

Чтобы понять, каким должен быть киборг, давайте начнем с человеческого организма и постепенно подойдем к роботу. А когда мы с этим покончим, повторим тот же процесс — только в обратном направлении.

Чтобы перейти от человеческого организма к роботу, мы должны начать с замены частей человеческого организма на части робота. В некоторых областях мы уже к этому перешли. Например, большинство моих зубов сделано из металла, который является главным строительным материалом для роботов.

Естественно, части, которые мы будем заменять, не обязательно должны быть металлическими. Кое-какие из моих зубов сделаны из керамики, и их невозможно отличить от настоящих. Однако даже несмотря на то что керамика внешне (и до определенной степени по своему химическому составу) не отличается от природного материала, из которого состоят мои зубы, она не несет в себе никаких признаков живой материи.

Пойдем дальше. Моя грудина, которая была распилена в длину для проведения операции много лет назад, соединена металлическими скобами. У моей невестки искусственный бедренный сустав. Я знаю людей, у которых искусственные руки или ноги, и такие конечности с каждым годом становятся все сложнее по своей конструкции, так что их владельцы могут ими пользоваться почти как настоящими. Мы знаем про людей, которые прожили несколько дней или даже месяцев с искусственным сердцем, и таких, чья жизнь продлена на годы при помощи электрокардиостимулятора.

Мы можем представить себе времена, когда та или иная часть человеческого организма будет заменена неорганическими материалами или устройствами, созданными инженерами. Существует ли хотя бы что-нибудь, что невозможно заменить — по крайней мере, в нашем воображении?

Я думаю, ответ очевиден. Замените любую часть человеческого тела или организма — конечности, сердце, печень, кости и тому подобное, но человек все равно останется человеком. С искусственными частями тела, но все равно человеком.

А как насчет мозга?

Вне всякого сомнения, единственное, что делает нас людьми, это мозг. А *индивидуальностями* нас делает

исключительно сложное его строение, чувства, знания, память. Вы не можете взять и заменить мозг мыслящим устройством, изготовленным на заводе. Необходимо внести нечто такое, что включает в себя все, известное человеческому мозгу, обладает его памятью и полностью повторяет схему его работы.

Искусственная конечность может действовать не идентично настоящей, но, однако, выполнять некоторые необходимые функции. То же самое мы скажем об искусственной почке, легком или печени. Искусственный мозг должен стать *точной* копией мозга, который он заменяет, или человек перестанет быть тем человеческим существом, которым он был.

Значит, самым сложным в переходе от человеческого организма к роботу является мозг.

А наоборот?

В «Двухсотлетнем человеке» я описал превращение моего героя-робота, Эндрю Мартина, в человека. Очень медленно, понемногу он менял себя, пока внешне не стал неотличим от человека. Он демонстрировал интеллект, равный человеческому (или даже превосходящий его). Он был историком, художником, ученым, администратором. Сумел провести законы, гарантирующие роботам определенные права, и завоевал всеобщее уважение и восхищение.

Однако ему так и не удалось добиться того, чтобы его считали человеком. И главная причина здесь тоже заключалась в проблеме мозга. Он понял, что должен решить эту задачу, прежде чем одолеть последний барьер.

И тут мы подходим к дихотомии тела и мозга. Настоящим киборгом следует считать такого, у которого тело и мозг не соответствуют друг другу. Значит, мы имеем две группы совершенных киборгов:

а) мозг робота в теле человека;

б) мозг человека в теле робота.

Совершенно очевидно, что мы оцениваем человеческое существо (или робота) по первому внешнему впечатлению, которое он производит.

Я легко могу представить себе мужчину, который, увидев женщину поразительной красоты, с благоговением замрет на месте. «Какая красавица!» — скажет или подумает он. И без проблем представит себе, как влюбляется в нее с первого взгляда. В романах так происходит довольно регулярно. Разумеется, женщина, увидевшая потрясающе красивого мужчину, отреагирует на него точно так же.

Если вы теряете голову от восхитительно красивого человека, вряд ли вы станете задавать себе вопрос, наделила ли его (или ее) природа развитым интеллектом, хорошим характером, здравым смыслом, добротой и благородством. Если в конце концов выясняется, что красота — единственное достоинство данного человека, вы все равно найдете этому массу оправданий и будете оставаться жертвой (по крайней мере, некоторое время) условного рефлекса, который вызывает эротические реакции. Разумеется, наступит момент, когда вы устанете от прекрасной внешности без какого-либо внутреннего содержания, но кто знает, сколько должно пройти времени, чтобы это произошло?

С другой стороны, человек с огромным количеством положительных качеств, но вполне заурядной внешностью может не обратить на себя ваше внимание, если только вы не обладаете достаточно развитым интеллектом, чтобы увидеть эти качества и понять, что с данным человеком вас ждет долгая и счастливая жизнь.

Я хочу сказать, что киборг с мозгом робота в теле человека будет принят большинством, если не всеми, как человеческое существо, в то время как киборг с мозгом человека в теле робота будет рассматриваться большинством, если не всеми, как робот. В конце концов, мы все, по крайней мере для большинства, то, чем мы кажемся внешне.

Однако эти два диаметрально противоположных киборга поставят перед людьми совершенно разные проблемы.

Представьте себе мозг робота в теле человека и задайте вопрос, зачем нужен такой перенос. Мозг робота бу-

дет чувствовать себя намного лучше в теле робота, поскольку тело человека менее надежно. Возьмем, например, тело молодого здорового человека, мозг которого поврежден в результате травмы или болезни. Вы можете подумать: «Зачем пропадать такому прекрасному телу? Давайте снабдим его мозгом робота, и он сможет прожить полноценную жизнь».

Если вы так поступите, человеческое существо, получившееся в результате, не будет иметь ничего общего с изначальным. Вы будете иметь совсем другого человека. Вы сохраните не индивидуальность, а лишь определенное бездушное тело. А человеческое тело, какое угодно прекрасное, без мозга, который ему соответствует,— вещь дешевая. Каждый день на свет появляется полмиллиона новых тел. Нет никакой нужды сохранять какое-то из них, если поврежден мозг.

С другой стороны, как насчет человеческого мозга в теле робота? Наш мозг не вечен, но он может существовать до девяноста лет, не становясь совершенно бесполезным. Причем известно множество случаев, когда и в девяносто лет люди сохраняли остроту ума и были способны продуцировать разумные и любопытные мысли. Однако мы знаем и такие случаи, когда великолепный мозг погибал после двадцати или тридцати лет существования, потому что тело, в котором он находился, умирало в результате травмы или болезни. В таком случае выходит, что у нас есть серьезные основания для переноса абсолютно здорового (или гениального) мозга в тело робота, чтобы продлить его полезное существование.

Таким образом, когда мы говорим «киборг», мы практически всегда думаем о мозге человека, помещенном в тело робота, и считаем получившийся результат роботом.

Мы можем сказать, что мозг человека это мозг человека, что он главное, и не важно, где он находится,— и будем правы. Я уверен, что любой здравомыслящий суд решит, что киборг с мозгом человека должен иметь все права человека. Он может голосовать, не должен становится рабом, и тому подобное.

Однако представьте себе такое заявление, обращенное к киборгу: «Докажи, что у тебя мозг человека, а не робота, прежде чем мы позволим тебе получить все права человека».

Самый простой способ для киборга представить необходимые доказательства — это продемонстрировать, что его не ограничивают Три закона роботехники. Поскольку они навязывают ему социально приемлемое поведение, это означает, что он должен вести себя как человек (иными словами, отвратительно). В таком случае самым простым и веским аргументом будет хорошенько врезать тому, кто задал вопрос, причем так, чтобы сломать ему челюсть,— роботу это вполне по силам. (В рассказе «Улики», который увидел свет в 1947 году, я решил прибегнуть именно к такому способу доказательства, однако должен признаться, что в моем рассказе имеется подвох.)

Но если киборг должен постоянно демонстрировать грубую физическую силу, чтобы доказать, что он обладает мозгом человека, это не прибавит ему друзей.

Поэтому, даже если его и примут в обществе в качестве человека, позволят голосовать, снимать номера в гостиницах и делать прочие вещи, которые делают обычные люди, все же должны существовать определенные факторы, отличающие киборга от настоящего человеческого существа. Киборг сильнее человека, а его металлические кулаки могут представлять для нас смертельную опасность. В таком случае ему следует запретить вступать в драку с человеком даже в случае самозащиты, заниматься различными видами спорта на одном уровне с людьми и тому подобное.

Но разве обязательно помещать мозг человека в металлическое тело? А почему бы не использовать тело из керамики, пластика и разных волокон, чтобы на ощупь оно не отличалось от человеческого?

Однако я подозреваю, что проблемы киборгов все равно таким способом не решатся. Киборги будут *другими*. Люди все равно заметят даже совсем незначительные отличия.

Нам известно, что люди, имеющие настоящие человеческие мозги и тела, ненавидят друг друга только потому, что у них кожа или волосы разного цвета, не такой разрез глаз, другой формы нос, губы.

Нам известно, что люди, которые не различаются ни по одной из физических характеристик, становящихся причиной для ненависти, могут находиться в состоянии войны друг с другом по вопросам, не имеющим никакого отношения к внешности,— я имею в виду религиозные и политические разногласия, языковые барьеры или даже гражданские войны.

Давайте посмотрим правде в глаза: серьезные трудности возникнут у киборгов в любом случае.

Чувство юмора

Будет ли робот мечтать стать человеком?

Можете ответить вопросом на вопрос: мечтает ли «шевроле» стать «кадиллаком»?

Мой ответный вопрос содержит в себе завуалированное утверждение, что машина не может мечтать.

Но загвоздка в том, что робот — это не совсем машина, по крайней мере в том, что касается его потенциала. Робот сделан таким образом, чтобы максимально — насколько это возможно — походить на человека, а где-то имеется пограничная линия, через которую в будущем мы вполне можем перешагнуть.

Давайте применим мои рассуждения к жизни. Земляной червь не мечтает стать змеей, гиппопотам не стремится превратиться в слона. У нас нет никаких оснований считать, что подобные существа обладают самосознанием и хотят стать чем-то большим, чем они есть на самом деле. Шимпанзе и гориллы, похоже, обладают самосознанием, но у нас нет никаких оснований полагать, что они хотят стать людьми.

Однако человек размышляет о загробной жизни и мечтает стать ангелом. Где-то жизнь пересекла пограничную линию. В какой-то точке в мире появился вид живых существ, которые обладают не только самосознанием, но и способностью быть недовольными собой.

Возможно, когда-нибудь мы пересечем похожую границу в вопросах создания роботов.

Но если мы уверены, что наступит день, когда робот станет мечтать о том, чтобы превратиться в человека, как это будет выглядеть? Вполне возможно, что он захочет получить социальный и юридический статус, который дается человеку при рождении. Такова тема моего рассказа «Двухсотлетний человек». Преследуя эту цель, мой главный герой-робот был готов отказаться от всех качеств, присущих роботу. Он расставался с ними постепенно, отдавал одно за другим, вплоть до бессмертия.

Однако этот рассказ можно назвать скорее философским, чем реалистичным. Что такого имеет человек, чему может позавидовать робот,— каким его физическим или интеллектуальным качествам? Ни один разумный робот не захочет иметь столь ненадежное, слабое тело или станет завидовать тому, что человек не в состоянии выжить при малейших переменах в окружающей среде, или тому, что он нуждается в сне, способен совершать глупейшие ошибки, подвержен инфекционным и прочим болезням или становится беспомощным из-за собственных эмоций.

Скорее робот позавидует умению человека любить и дружить, его неуемному любопытству, желанию экспериментировать. Однако я полагаю, что робот, мечтающий стать человеком, довольно скоро сообразит, что больше всего ему хочется понять (но как раз этого ему понять *не дано*), что такое чувство юмора, присущее нам, людям.

Мы не станем утверждать, что чувством юмора обладают все без исключения люди, хотя оно и присутствует во всех абсолютно культурах. Я был знаком с многими людьми, которые не смеялись, а смотрели с удивлением и даже с презрением, если я пытался шутить. Мне не нужно ходить далеко за примером. Мой собственный отец только пожимал плечами на мои самые забавные замечания, словно считал их недостойными внимания серьезного человека. К счастью, моя мать всегда смеялась моим шуткам, иначе я вырос бы эмоционально неполноценным.

Самым поразительным в чувстве юмора является то, что ни один человек не признается в его отсутствии. Лю-

ди спокойно говорят, что ненавидят собак и не любят детей, с радостью сообщают, что мухлюют с налогами или обманывают своего супруга, и не станут протестовать, если их посчитают жестокими или нечестными, а просто поменяют слова и назовут себя реалистами и деловыми людьми.

Однако обвините их в отсутствии чувства юмора, и они всякий раз станут яростно протестовать, вне зависимости от того, сколько раз они демонстрировали, что его у них попросту нет. Например, мой отец всегда утверждал, что у него потрясающее чувство юмора и он с удовольствием это докажет, когда услышит шутку, над которой стоит посмеяться (на моей памяти ему так ни разу и не довелось такой шутки услышать.)

Почему же люди протестуют против обвинений в том, что у них нет чувства юмора? По-видимому, они понимают (в глубине души), что чувство юмора — это типично человеческая характеристика, гораздо более важная, чем все остальные, и отказываются быть причисленными к разряду существ, стоящих на более низкой ступени развития.

Я только один раз взял чувство юмора за тему своего научно-фантастического рассказа — «Шутник» появился в 1956 году, в декабрьском номере «Инфинити сайенс фикшн», и был снова напечатан в моем сборнике «Лучшие произведения Айзека Азимова» (1986).

Главный герой все время рассказывал анекдоты компьютеру (в рассказе я процитировал шесть из них). Компьютер — это, разумеется, неподвижный робот, или, что одно и то же, робот — это подвижный компьютер. Получается, что мой рассказ посвящен роботам и шуткам. К несчастью, герой рассказа пытался раскрыть не природу юмора, а источник всех шуток, которые мы слышим. И он нашел ответ, но вам придется прочитать рассказ, чтобы его узнать.

Однако я пишу не просто научную фантастику, я пишу обо всем, что приходит в мою бедную, занятую самыми разными мыслями голову, и (по совершенно незаслуженному и счастливому стечению обстоятельств) разные

издатели, с которыми я имею дело, почему-то считают, что отказать мне в публикации рукописи противозаконно. (Можете не сомневаться, я ни разу не попытался вывести их из этого заблуждения.)

Таким образом, когда я решил написать книгу шуток, я так и поступил, и издательство «Хаутон Миффлин» опубликовало ее в 1971 году под названием «Сокровищница юмора Айзека Азимова». В ней я рассказал 640 анекдотов, которые запомнил и которые входят в мой репертуар. (Должен заметить, что у меня имеется достаточно веселых историй для продолжения такой книги, которая может быть озаглавлена «Айзек Азимов снова смеется», но мне никак не удается ее написать, сколько бы я ни сидел за пишущей машинкой и как бы старательно ни нажимал на клавиши.) Анекдоты в своей книге я перемежал собственными теориями относительно природы смешного и того, как человек умудряется сделать забавный рассказ еще более забавным.

Понимаете, существует столько же различных теорий касательно юмора, сколько на свете людей, пишущих на данную тему, и вы не найдете среди них ни одной схожей. Одни, конечно же, звучат намного глупее других, и я не испытал ни грамма смущения, когда решил добавить свои собственные мысли к остальным комментариям.

Мне представляется, что единственным необходимым условием хорошей шутки является неожиданная смена акцентов. Чем она резче и радикальнее, чем острее в ней необходимость, тем быстрее она становится понятна, тем громче смех и веселье.

Позвольте привести вам пример одного из немногих анекдотов, которые я придумал сам:

Джим входит в бар и видит там своего лучшего друга Билла, который сидит за столиком в углу и с мрачным видом смотрит в кружку с пивом. Джим садится за столик и с сочувствием спрашивает:

— Что случилось, Билл?

— Вчера жена сбежала с моим лучшим другом,— тяжело вздохнув, отвечает Билл.

— О чем ты говоришь, Билл? — возмущенно заявляет Джим.— Это ведь я твой лучший друг.

— Больше нет,— тихо отвечает Билл.

Я уверен, что вы заметили, как переместились акценты в данной истории. Самым естественным предположением является то, что Билл переживает трагическую потерю. И только последние слова совершенно неожиданно дают вам понять, что в действительности он счастлив. Среднестатистический мужчина достаточно двойственно относится к своей жене (даже самой любимой), чтобы с радостью отреагировать на такую перестановку акцентов.

Если создать робота, который обладает мозгом, способным реагировать только на логические построения (а какая польза от других роботов людям, которые намерены использовать их для собственной выгоды?), добиться реакции на перестановку акцентов будет очень трудно. Получится, что законы логики ошибаются и не обладают определенной гибкостью,— чего нет на самом деле. В дополнение следует заметить, что внедрять в мозг робота понятие двойственного восприятия действительности опасно. Он может оказаться в положении Гамлета, который задает себе свой знаменитый вопрос.

Давайте представим, что мы рассказали роботу анекдот, который я поведал вам чуть раньше. Робот внимательно посмотрит на вас, когда вы закончите, и спросит:

Робот: А почему Джим перестал быть лучшим другом Билла? Вы не сказали, что Джим сделал что-то такое, от чего Билл мог бы на него рассердиться или расстроиться.

Вы: Ну, речь не о том, что сделал Джим. Кто-то другой сделал для Билла нечто настолько замечательное, что он стал вместо Джима новым лучшим другом Билла.

Робот: А кто это сделал?

Вы: Человек, который сбежал с женой Билла, разумеется.

Робот (после некоторых раздумий): Но этого не может быть. Билл должен был чувствовать глубокую привязанность к своей жене и сильную печаль, когда он ее лишил-

ся. Разве не так мужчины относятся к своим женам, не так реагируют, когда остаются без них?

Вы: Теоретически так. Однако складывается впечатление, что Билл испытывал сильную неприязнь к своей жене и обрадовался, когда кто-то с ней убежал.

Робот (после очередных раздумий): Но вы ничего подобного не говорили.

Вы: Я знаю. В этом заключен смысл шутки. Я повел тебя в определенном направлении, а затем неожиданно показал, что оно неправильное.

Робот: Увести человека в неправильном направлении смешно?

Вы (сдаваясь): Ладно, давай лучше продолжим строить наш дом.

На самом деле некоторые шутки строятся на нелогичных заявлениях людей. Вот, например, такая:

Заядлый игрок на скачках останавливается в нескольких шагах от окошка, где делаются ставки, и обращается с молитвой к Создателю.

— Пресвятой Боже,— бормочет он с искренностью, которая могла бы тронуть камень,— я знаю, ты не одобряешь азартные игры, но только один раз, Господи, всего разок, пожалуйста, позволь мне остаться при своих. Мне так нужны деньги!

Если вы по глупости решите рассказать этот анекдот роботу, он моментально ответит:

Робот: Но если он останется при своих, значит, он уйдет со стадиона точно с таким же количеством денег, с каким пришел. Разве нет?

Вы: Именно.

Робот: В таком случае, если он нуждается в деньгах, ему не следует делать никаких ставок, и тогда получится, что он остался при своих.

Вы: Да, но он игрок и не может не делать ставок.

Робот: Даже если проигрывает?

Вы: Да.

Робот: Но это же бессмысленно.

Вы: Суть шутки заключается в том, что игрок этого нет понимает.

Робот: Вы хотите сказать, что, если человек не обладает чувством логики и не способен понимать даже элементарные вещи, это смешно?

Что вам остается, кроме как не снова вернуться к строительству дома?

Но скажите мне, разве такая реакция робота отличается от реакции человека, лишенного чувства юмора? Однажды я рассказал отцу вот какой анекдот:

Миссис Джонс, домовладелица, проснулась посреди ночи, потому что услышала за дверью какие-то странные звуки. Она выглянула наружу и увидела там Робинсона, одного из своих жильцов, который тащил вверх по лестнице перепуганную насмерть лошадь.

— Что вы делаете, мистер Робинсон? — завопила миссис Джонс.

— Веду лошадь в ванну,— ответил тот.

— Ради всех святых, зачем?

— Ну, старина Хиггинботам такой умник. На все, что я ему говорю, он отвечает: «Я знаю, знаю», да еще с таким важным видом. Так вот, утром он проснется и отправится в ванну. А потом выскочит оттуда с криком: «В нашей ванне лошадь!» Я зевну и отвечу: «Я знаю».

Как вы думаете, что ответил мой отец? Он сказал: «Айзек, Айзек, ты городской мальчик и потому ничего не понимаешь. Нельзя заставить лошадь идти вверх по лестнице, если она не хочет».

Лично я считаю, что его комментарий смешнее самой шутки.

В любом случае я не понимаю, зачем роботу чувство юмора, но сам робот может захотеть его иметь — и как мы решим эту проблему?

Взаимодействие роботов

Я сочиняю рассказы про роботов вот уже полвека. За это время мне удалось обсудить данную тему с самых разных сторон.

Поверьте, в мои намерения не входило составление энциклопедии роботов; я даже не собирался писать про них в течение полувека. Просто получилось, что мне удалось так долго продержаться и сохранить собственный интерес к данной проблеме. А еще получилось, что, стараясь придумать новые идеи для рассказов про роботов, я пришел к тому, что размышлял практически обо всем на свете.

Например, в шестом томе серии «Город роботов» речь идет о хемфетах, которые были внедрены в тело главного героя, чтобы обеспечить ему прямой психоэлектронный контроль над главным компьютером и, следовательно, всеми роботами в Городе роботов.

В книге «Край Основания» (1982) мой герой Голан Тревиз, прежде чем стартовать на космическом корабле, входит в контакт с суперсовременным компьютером, положив руки на указанное место на панели, у которой он сидит.

«И когда они с компьютером соединили руки, их мысли слились воедино...

...он увидел четко и ясно комнату — не только в том направлении, в котором смотрел, а все вокруг, даже то, что находилось вверху и внизу.

Он увидел все каюты на космическом корабле, и то, что было снаружи. Солнце встало... но он мог смотреть прямо на него, и оно его не ослепило...

Он почувствовал легкий ветерок и его тепло, звуки, которые издавал окружающий мир. Он ощутил магнитное поле планеты и крошечные электрические заряды, касающиеся корпуса корабля.

Он почувствовал панель управления кораблем... Он знал... что если он захочет поднять корабль, или повернуть его, или придать ему ускорение, или воспользоваться другими его возможностями, это будет все равно как проделать то же самое со своим телом. Нужно только захотеть».

Вот так я представил себе взаимосвязь человеческого мозга и компьютера, а теперь, работая над новой книгой, не могу не думать над этой проблемой и пытаться найти новые решения.

Полагаю, что впервые человек научился устанавливать связь между своим сознанием и другим видом сознания в тот момент, когда он приручил лошадь и научился использовать ее в качестве транспортного средства. Общение человека с лошадью достигло своей наивысшей точки, когда он сел верхом и при помощи кнута, шпор, серии определенных движений и звуков сумел заставить лошадь вести себя так, как ему нужно.

Неудивительно, что древние греки, увидев всадников, скачущих по относительно широкой Тессалийской долине (район Греции, наиболее подходящий для коневодства), решили, что они видят животное с человеческим торсом и телом лошади. Так на свет появились кентавры.

Разумеется, не следует забывать о гонщиках и каскадерах, которые могут заставить автомобиль выделывать поразительные штуки. Можно представить себе, что житель Новой Гвинеи, который никогда не видел и не слышал про автомобиль, подумает, что подобные фокусы вытворяет диковинное живое существо, частью строения которого является человек, сидящий у него в брюхе.

Но человек в соединении с лошадью — это несовершенное слияние интеллектов, а человек плюс автомо-

биль — всего лишь механический инструмент для усиления мышечной силы человека. Лошадь может легко проигнорировать приказ или даже убежать, охваченная неконтролируемым страхом. Автомобиль может сломаться в самый неподходящий момент.

Однако слияние человека и компьютера может оказаться максимальным приближением к идеалу. Оно может стать инструментом для более эффективной мозговой деятельности человека, и я постарался показать в романе «Край Основания» усиление и интенсификацию восприятия окружающей действительности.

В данных обстоятельствах, возможно ли, что благодаря такому слиянию появится единый организм, нечто вроде кибернетического «кентавра»? А как только такой союз будет создан, захочет ли человек его разорвать? Не почувствует ли он, что разрыв причинит ему невыносимую боль потери, настолько сильную, что он не сможет жить с ощущением нищенства своего ума и воли? В моем романе Голан Тревиз мог в любой момент по собственному желанию отсоединиться от компьютера и не испытывал при этом никаких неприятных ощущений. Но, возможно, это не очень реалистично.

Другая проблема, которая время от времени обсуждается в серии «Город роботов»,— это отношения роботов между собой.

Я не слишком часто обсуждал ее в своих рассказах, поскольку, как правило, в каждом данном рассказе у меня один главный герой-робот, и меня интересуют вопросы взаимодействия этого конкретного робота и людей.

Давайте представим себе разные сочетания роботов.

Первый закон утверждает, что робот не может причинить вред человеку или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинен вред.

Предположим, у нас имеется два робота. Один из них по неосторожности, из-за отсутствия необходимых знаний или в силу определенных обстоятельств ведет себя таким образом (неосознанно), что его действия могут причинить вред человеку,— и предположим, что второй

робот, обладающий более обширными знаниями или пониманием ситуации, это осознает. Разве Первый закон не требует от него, чтобы он остановил первого робота? Если нет другого пути, разве Первый закон не требует от него, чтобы он уничтожил первого робота без сожалений и колебаний?

Так, в моей книге «Роботы и Империя» (1985) показан робот, которому объяснили, что люди — это существа, разговаривающие с определенным акцентом. У героини книги другой акцент, следовательно, робот имеет полное право ее убить. Его мгновенно уничтожает другой робот.

Точно такая же ситуация возникает и когда мы вспомним о Втором законе, в котором говорится, что робот должен повиноваться приказам человека, если эти приказы не противоречат Первому закону.

Если один из двух роботов вследствие незнания или небрежности не выполняет приказ человека, второй должен либо выполнить команду сам, либо заставить первого робота это сделать.

Так, в одной из самых напряженных сцен в «Роботах и Империи» злодейка отдает роботу прямой приказ. Тот колеблется, потому что его выполнение может причинить вред героине. Возникает конфронтация между злодейкой, которая настаивает на выполнении своего приказа, и вторым роботом, пытающимся убедить первого в том, что героиня может пострадать. Здесь возникла ситуация, когда один робот пытается уговорить второго подчиниться Второму закону в его истинном звучании и противостоять человеку.

Однако самые серьезные проблемы, когда речь идет о взаимодействии роботов, возникают в связи с Третьим законом.

Третий закон утверждает, что робот должен заботиться о своей безопасности в той мере, в какой это не противоречит Первому и Второму законам.

Но что, если речь идет о двух роботах? Озабочен ли каждый из них своим собственным существованием, что является буквальным пониманием закона? Или каждый

робот испытывает необходимость помогать своим собратьям в ситуациях, когда речь идет об опасности для их существования?

Как я уже говорил, я не слишком много занимался этой проблемой, когда писал рассказы, в которых главным героем был один робот. (Иногда там появлялись и другие роботы, но они были второстепенными персонажами — всего лишь оруженосцами, если можно так выразиться.)

Однако сначала в «Роботах рассвета» (1983), а затем в сборнике «Роботы и Империя» я описал *двух* роботов, которые играли одинаково важную роль для повествования. Один из них — Р. Дэниэл Оливо, антропоморфный робот (которого не так просто отличить от человека), появлявшийся в «Стальных пещерах» (1954) и в его продолжении «Обнаженное солнце» (1957). Другой — Р. Жискар Ревентлов, который имеет более стандартную металлическую внешность. Оба робота обладают интеллектом, сходным по сложности с человеческим.

Именно они вступили в борьбу со злодейкой по имени леди Василия. Она приказала Жискару (таков поворот сюжета) оставить службу у Глэдии (главной героини) и поступить в ее собственное распоряжение. А Дэниэл приводил доводы, чтобы убедить Жискара остаться с Глэдией. Жискар обладает способностью устанавливать ограниченный ментальный контроль над человеческими существами, и Дэниэл пытается его уговорить, что ради безопасности Глэдии ему следует взять под контроль Василию. Он даже рассуждает о пользе для всего человечества («Нулевой закон»), которую принесет данный образ действий.

Доводы Дэниэла ослабляют приказы Василии, но в недостаточной степени. Жискар колеблется, но его невозможно заставить действовать.

Тем временем Василия решает, что Дэниэл слишком опасен: если он будет продолжать спорить, он может убедить Жискара в своей правоте. Тогда она приказывает собственным роботам отключить Дэниэла, а затем велит Дэниэлу не сопротивляться. Дэниэл обязан подчиниться, и роботы Василии принимаются за дело.

Именно в этот момент и «просыпается» Жискар. Четыре робота выведены из строя, а сама Василия погрузилась в сон. Позднее Дэниэл просит Жискара рассказать ему, что произошло.

Жискар говорит:

«Когда она приказала роботам разобрать тебя на составные части, друг Дэниэл, и продемонстрировала явное удовольствие от этой перспективы, твоя безопасность плюс концепция Нулевого закона перевесили действие Второго закона и вступили в противоречие с Первым. Комбинация Нулевого закона, психоистории, моей верности леди Глэдии и того, что ты попал в беду, заставила меня действовать».

Дэниэл заявляет, что его собственные нужды (поскольку он всего лишь робот) не должны были повлиять на действия Жискара. Тот с ним согласен, однако говорит:

«Странная вещь, друг Дэниэл. Я не знаю, как так получилось... В тот момент, когда роботы начали к тебе приближаться, а леди Василия не смогла скрыть ликования, схема моих позитронных дорожек реформировалась аномальным образом. На мгновение я подумал, что ты человек, и отреагировал соответствующим образом».

«Это было неправильно»,— говорит Дэниэл.

«Я знаю,— отвечает Жискар.— Однако если такое случится снова, мне кажется, та же аномальная перемена произойдет опять».

Дэниэл понимает, что, если бы он оказался в подобной ситуации и опасность угрожала бы Жискару, он тоже встал бы на его защиту.

Иными словами, роботы достигли в своем развитии такой стадии, что перестали различать границу между роботами и людьми и научились считать друг друга «друзьями». И конечно, почувствовали необходимость защитить существование друг друга.

Содержание

Предисловие 5

Часть первая

Мечты роботов

Мечты роботов *(Перевод В. Гольдича, И. Оганесовой)* 25
Как жаль! *(Перевод В. Гольдича, И. Оганесовой)* 42
Робби *(Перевод А. Иорданского)* 53
Логика *(Перевод А. Иорданского)* 76
Лжец *(Перевод А. Иорданского)* 99
Хоровод *(Перевод А. Иорданского)* 121
Улики *(Перевод А. Иорданского)* 142
Как потерялся робот *(Перевод А. Иорданского)* 170
Разрешимое противоречие *(Перевод Н. Сосновской)* 203
Женская интуиция *(Перевод М. Таймановой)* 233
Двухсотлетний человек *(Перевод И. Гуровой)* 262
Когда-нибудь *(Перевод Н. Сосновской)* 310
Думайте! *(Перевод Н. Сосновской)* 323
Сторонник сегрегации *(Перевод Н. Хмелик)* 335
Зеркальное отражение *(Перевод И. Гуровой)* 343
Ленни *(Перевод Н. Сосновской)* 361
Раб корректуры *(Перевод Ю. Эстрина)* 380
Рождество без Родни *(Перевод В. Гольдича, И. Оганесовой)* . . . 425

Часть вторая

Другие мечты роботов

Кэл *(Перевод М. Гутова)* 437
Братишка *(Перевод М. Гутова)* 470
«...Вставьте шплинт А в гнездо Б...» *(Перевод В. Постникова)* . . 481
Лучший друг мальчика *(Перевод Н. Хмелик)* 483

Робот ЭЛ-76 попадает не туда *(Перевод А. Иорданского)* 487
Давайте объединимся *(Перевод Н. Сосновской)* 504
Заминка на празднования Трехсотлетия *(Перевод И. Гуровой)* . . 525
Первый закон *(Перевод Г. Орлова)* 543
Как поймать кролика *(Перевод А. Иорданского)* 547
Будете довольны *(Перевод Н. Сосновской)* 571
Риск *(Перевод Е. Дорошенко)* 590
Выход из положения *(Перевод А. Иорданского)* 620
«...Яко помниши его» *(Перевод И. Васильевой)* 648
Неожиданная победа *(Перевод Н. Сосновской)* 676
Странник в раю *(Перевод Н. Хмелик)* 702
Смертный приговор *(Перевод А. Александровой)* 736

Часть третья

Эссе

(Перевод В. Гольдича, И. Оганесовой)

Роботы, с которыми я был знаком 761
Новые учителя 768
Все, что ты хочешь 771
Наши друзья 774
Наши разумные инструменты 777
Законы роботехники 781
Будущая фантастика 785
Машины и роботы 792
Новая профессия 805
Робот как враг? 809
Разумы, действующие совместно 812
Мои роботы 815
Законы науки о человеке 820
Кибернетический организм 825
Чувство юмора 833
Взаимодействие роботов 840

Айзек

АЗИМОВ

I. Asimov

ВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФА